A92

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XXIV

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XXIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1955

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор
Б. А. Рыбаков

Заместитель ответственного редактора
А. Я. Брюсов

Ответственный секретарь
И. Т. Кругликова

Члены редколлегии:

Б. Б. Пиотровский, А. Л. Монгайт, Д. Б. Шелов

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ОТ РЕДАКЦИИ

В конце апреля 1954 г. состоялась, как обычно, отчетная конференция Отделения истории и философии и объединенный пленум институтов Истории материальной культуры и Этнографии Академии наук СССР. Археологи Москвы и других городов Советского Союза имели возможность ознакомиться с произведенными в 1953 г. раскопками и их первыми результатами. Особенностью этого года было приглашение на конференцию археологов из стран народной демократии, которые, помимо участия в заседаниях, ознакомили присутствовавших с археологическими работами, проведенными за последние годы в Польше, Румынии, Болгарии, Чехословакии, Германской Демократической Республике и в Китае. Некоторые из этих докладов печатаются в настоящем сборнике.

Широко развернувшиеся за последние годы археологические раскопки в СССР и в других европейских странах, новые приемы производства раскопок, применение новых методов камеральной обработки археологических материалов и особенно все возрастающее стремление к разработке на основании этого материала исторических проблем,— все это создает новую обстановку, которая настоятельно требует более систематического, чем это было, обмена опытом и своевременного знакомства со всеми достижениями в области нашей науки. Даже краткие предварительные сообщения о новых произведенных раскопках, не говоря уже о монографиях и подробных отчетах, выходят из печати с большим запозданием. Поэтому отчетные конференции и пленумы, создающие возможность личного контакта большого числа специалистов, совершенно необходимы. Они создают возможность для широкого обмена мнениями, для плодотворных дискуссий и разрешения спорных проблем. Чрезвычайно важны и сопровождающие их отчетные выставки, по которым участники совещаний могут ознакомиться с характерными вещами из последних раскопок.

Быстрый рост археологических исследований с каждым годом не только расширяет территориально границы и углубляет во времени пределы, охватываемые этими исследованиями, но и ставит перед археологами все новые и новые, все более и более сложные проблемы. Открытие за открытием с начала текущего века, начиная с раскопок на Крите, раскопки в Мохенджо-Даро и городов культуры Хараппы, раскопки за последнее время памятников додинастического Египта, раскопки в Сирии и Анатолии, раскопки в СССР больших курганов на Алтае и Цалкинском плоскогорье, раскопки древнего Киева, Новгорода и других городов, обнаружение стоянок нижнего палеолита в Закавказье и на Нижней Волге и многие другие раскопки внесли существенные изменения в хронологию древних периодов, в понимание процесса этногенеза различных народов, в выводы о характере производительных сил общества в древности

и общественных отношений, культурных взаимосвязей древних племен и народностей и т. д.

История человечества, которую еще 50 лет назад начинали чуть ли не с первой олимпиады и основания Рима, углублена на тысячи лет в древность. Для того чтобы решать многообразные проблемы, ставшие при этом перед археологами, необходимо постоянно быть в курсе этих открытий. Вооруженные марксистско-ленинской методологией, этим мощным орудием всякого исторического исследования, советские археологи должны неизменно применять эту методологию для правильной систематизации и анализа вновь обнаруживаемых фактов. Это необходимо не только для того, чтобы воссоздать достоверную картину истории прошлого, что является конечной целью всякого археологического труда, но и для борьбы против всяческих искажений этой истории, для критики враждебных буржуазных концепций и для выправления частных ошибок, нередко допускаемых и в советской археологической литературе.

Многие вопросы, которые мы должны разрешать, неразрывно связаны с анализом фактического материала зарубежных стран, в первую очередь граничащих с СССР. Это касается не только общих вопросов, как происхождение индоевропейцев, взаимосвязи между европейскими племенами и народностями Древнего Востока, происхождение и характер древнего земледелия, скотоводства, металлургии и т. п., но и более узких проблем, как вопрос о славянах I и начала II тысячелетия н. э., вопрос об автохтонности или миграции племен трипольской культуры и другие вопросы, в том числе и вопросы хронологии археологических памятников. Едва ли возможно решать проблему происхождения Киевской и Новгородской Руси, совершенно отвлекшись от археологического материала по западным славянам. Нельзя получить окончательного решения проблемы происхождения племен Трипольской культуры без изучения аналогичных культур Балканского полуострова. Нельзя изучать древности Закавказья, Кавказа и Средней Азии в отрыве от древностей Восточного Средиземноморья и Месопотамии.

Такое же положение складывается и в сопредельных с СССР странах, и археологи стран народной демократии не менее заинтересованы в своевременном получении подробных сведений об археологических открытиях в Советском Союзе.

Все это делает несомненной желательность более тесного сотрудничества между прогрессивными археологами зарубежных стран и археологами СССР. Культурное сотрудничество между теми и другими может принести большую пользу нашей науке. Посещение археологами стран народной демократии отчетной археологической конференции в Москве и живое участие, которое они приняли в ней, является еще одним из звеньев в деле сотрудничества ученых различных стран, которое может послужить не только на пользу развитию археологической науки, но и делу укрепления мира между народами.

А. Брюсов

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЛЕСОСТЕПНЫХ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

На VI конференции Института археологии Академии наук Украинской ССР, состоявшейся в июне 1952 г. в г. Киеве, было уделено большое внимание вопросам этнической принадлежности различных племен и народностей, населявших в древности территорию УССР [1]. Конференция, преодолевая ошибочные взгляды идеалистического учения о языке Н. Я. Марра, проникшие в археологию, способствовала углублению разработки проблемы происхождения славян и истории их материальной культуры эпохи первобытно-общинного строя.

Центральное место на конференции занял доклад П. Н. Третьякова, познакомившего со своей гипотезой происхождения славян, которая основана на новых принципах понимания процессов этногенеза в советской исторической науке и совокупности достижений лингвистики и исследований советских, польских и чешских археологов [2].

В своей гипотезе П. Н. Третьяков исходит из того, что славяне, входя в состав индоевропейцев, являются одними из древнейших обитателей Европы. Он предполагает, что одна из групп индоевропейцев конца III— начала II тысячелетия до н. э., представленная носителями культуры «шнуровой» керамики, обитавшая между Вислой и Днепром, распространилась в части Прибалтики, на верхнем Дунае, в бассейне Днепра и по Верхнему Поволжью. Эта группа могла быть еще протославянской или балто-славянской, быть может, славяно-балто-германской. В качестве ее главных потомков во II тысячелетии до н. э. выступили «тщинецкие» племена, жившие в Польше, северо-западной Украине и в южной Белоруссии.

П. Н. Третьяков считает вероятным, что славяне возникли в процессе дифференциации индоевропейских племен на территории, раскинувшейся между Вислой и Средним Поднепровьем.

Для I тысячелетия до н. э., когда должна была начаться языковая и этническая консолидация древнеславянской общности, первоначальной формой которой могли быть союзы племен, П. Н. Третьяков выделяет три обширных культурных группы древнейших славян. Одну группу составляли

[1] Доклады VI научной конференции Института археологии, Киев, 1953; тезисы докладов, см. «Краткие сообщения Института археологии», вып. 2, Киев, 1953; Р. І. Виєзжев, Е. В. Максимов, VI наукова конференція Інституту археології Академії наук Української РСР, «Археологія», вып. VIII, Киев, 1953, стр. 148—155.

[2] П. Н. Третьяков. Вопросы происхождения славян в свете трудов И. В. Сталина о языкознании. «Доклады VI научной конференции ИА», стр. 29—39.

племена лужицкой культуры, обитавшие на Висле и Одере. Под второй группой им понимаются племена «юхновской» культуры, лучше всего известные по городищам Десны, но, кроме того, распространенные в верхнем течении Днепра и по Припяти. Третья, южная группа древнейших славян должна была находиться в контакте с ираноязычными (скифо-сарматскими) племенами.

Более всего нас интересует в данном случае третья, выделяемая П. Н. Третьяковым, группа древнейших славян. По его мнению, она могла занимать пространство между верхним течением р. Вислы и Средним Поднепровьем. Здесь он связывает ее с еще весьма слабо изученными археологическими культурами раннего железного века бассейна Припяти. Земледельческие племена, обитавшие в пределах украинской лесостепи, хорошо известные для раннего железного века по многочисленным памятникам со скифообразной культурой, им не включаются в состав древнейших славян.

В работах, которые вышли после VI конференции Института археологии, П. Н. Третьяков заметно изменяет свою точку зрения на этот вопрос. Так, характеризуя скифский период в северном Причерноморье, он уже склоняется в пользу возможности частичного вхождения указанных лесостепных племен в состав древнейших славян[1].

Вероятность существования такой южной группы древнейших славян, которая в I тысячелетии до н. э. была связана со Средним Поднепровьем, получила признание в докладах всех участников Киевской конференции, касавшихся этого вопроса. Однако в вопросах ее территории и связи с археологическими культурами обнаружились значительные расхождения; вместе с тем были высказаны и различные взгляды на этническую принадлежность оседлых племен лесостепной полосы северного Причерноморья в конце бронзового и в раннем железном веке. В общем различия во взглядах сводятся к тому, что эти оседлые племена могли быть полностью или лишь частично славянами или фракийцами.

При изучении вопроса этнической принадлежности лесостепных племен скифского времени на основании археологических данных в настоящий момент самое первостепенное значение имеют: выяснение генезиса их культуры и определение ее связей с культурой полей погребений зарубинецкого типа, принадлежность которой древним славянам считается установленной в науке.

В данной статье мы имеем возможность остановиться только на археологических данных о культуре тех лесостепных племен, которые обитали в междуречье Днестра и Днепра, генезисе их культуры и в свете его на этнической принадлежности этой части лесостепных племен.

На VI конференции Института археологии на этих вопросах с наибольшей определенностью останавливались В. Н. Даниленко, В. Д. Рыбалова и М. И Артамонов. Так, В. Н. Даниленко считает, что древнейшие славяне в раннем железном веке занимали область, расположенную непосредственно к югу от Припяти, и связывает с ними носителей выделенной им «подгорской» культуры V—IV вв. до н. э. и памятников «бобрицкого» типа, датируемых самым началом железного века. По В. Н. Даниленко, подгорская культура была органической частью северных культур и, находясь в тесном родстве с юхновской культурой, не имеет на себе никаких признаков влияния скифской степной культуры. Ведя якобы свое начало от тшинецкой культуры, она образует основу, на которой складывается культура полей погребений зарубинецкого типа [2].

[1] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 45—67.
[2] В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. «Доклады VI научной конференции ИА», стр. 207—208.

В общем такой же оценки исторического места и этнической принадлежности подгорской и бобрицкой групп придерживается и В. Д. Рыбалова. Оба исследователя сходятся в том, что обитатели более южных широт лесостепи, известные по памятникам скифообразной культуры, не входили в состав древнейших славян [1].

Соответственно этому В. Д. Рыбалова видит в племенах конца бронзового и раннего железного века, населявших правобережную лесостепь, остатки киммерийцев-фракийцев, отошедших сюда из северного Причерноморья в результате вторжения скифов с востока. С ее точки зрения, памятники белогрудовского и чернолесского типов, известные для предскифской поры на этой территории, различались не хронологически, относясь в общем одинаково к VIII—VII вв. до н. э., а тем, что составляли самостоятельные локальные культурные группы, имевшие различное происхождение. В белогрудовских памятниках она обнаруживает: развитие «войцеховско-народических форм», «переживание тшинецко-комаровских мотивов» и, наконец, «ощущающиеся городско-трипольские традиции». В отличие от белогрудовских памятников, в памятниках чернолесской группы В. Д. Рыбалова видит результаты «взаимодействия двух культурных и этнических групп, выросших на родственной, в значительной мере трипольской (городской и усатовской) основе». «В этой культуре,— пишет она,— гораздо ярче выражена связь с южным фракийским миром (чернолощеная керамика с пластическим каннелированным орнаментом, круглотелые сосуды с вдавленными донышками, кувшины с высокими ручками и пр.). Керамика и бронзовые изделия этого района несколько напоминают венгерские и румынские. Но особенно сильное сходство в керамике наблюдается с культурой северо-западного Причерноморья (от нижнего Днестра до Днепра), отдельные памятники и находки которой были впервые выделены И. В. Фабрициус как киммерийские и не без основания связаны ею с усатовским вариантом триполья».

Исторически возможная схема В. Д. Рыбаловой основана, однако, на неправильном освещении предскифского периода в лесостепной части правобережной Украины. Ее коренная ошибка заключается в том, что она совместила памятники различных по времени белогрудовского и чернолесского этапов предскифского периода как одновременные. Это заставило ее пойти по пути искусственного и чрезвычайно усложненного истолкования процессов сложения культуры раннего железного века в правобережной лесостепи, которая рассматривается В. Д. Рыбаловой в качестве результата скрещивания многих родственных и чуждых между собой этно-культурных компонентов бронзового века, реальное историческое значение которых едва ли ясно самому автору и совершенно скрыто от читателя. Кажущейся тонкостью археологического анализа, как бы проникновением в самую сущность истории материальной культуры, в действительности запутывается освещение сравнительно простых историко-культурных проблем. В. Д. Рыбалова верно подметила черты родства белогрудовской культуры с более ранними культурами комаровско-тшинецкого типа, но, не поняв истинного места и значения чернолесских памятников, утеряла историческую перспективу.

По М. И. Артамонову, на среднем Днестре и Буге обитали «скифы-пахари» Геродота, являвшиеся этнически фракийцами. Остальная же лесостепь от Среднего Поднепровья и вплоть до Дона якобы была занята будинами — древнейшими славянами, в земле которых поселились

[1] В. Д. Рыбалова. К вопросу о сложении культур эпохи бронзы в лесостепной полосе правобережной Украины. Тот же сборник, стр. 226; В. Н. Даниленко. Ук. соч., стр. 197.

гелоны, бывшие подобно скифам-пахарям фракийцами по языку. Так он пишет: «Сложение культуры фракийского гальштата в северной Венгрии, Трансильвании, Румынии, Молдавии, в том числе и на Поднестровье, начинается еще в период бронзы, когда здесь появляются чернолощеные сосуды, украшенные мелкими каннелюрами, образующими концентрические полукруги, ковши с ручкой, поднимающейся над краем... Эта культура очень рано охватывает Среднее Побужье и южную часть Киевщины. Она является прямым продолжением культуры предшествующего периода и хорошо известна по белогрудовским зольникам, по городищам немировского типа, по чернолесским поселениям... Эта культура со значительными днестро-дунайскими элементами, на базе которых в ней рано и быстро распространяются формы фракийского гальштата»[1].

Культура фракийского гальштата, пишет М. И. Артамонов, была принесена в украинскую лесостепь с юго-запада из Днестро-дунайского бассейна гелонами, которые в своем движении на северо-восток проникают через среднее Побужье в южную часть Киевщины (Уманщина, бассейн Тясмина) и далее за Днепр на Полтавщину, где на р. Ворскле с ними следует связывать знаменитое Бельское городище, бывшее, вероятнее всего, городом Гелоном. «В течение многих веков смешивания и скрещивания фракийцев и славян фракийские племена Поднепровья были ассимилированы славянами, причем внесенный ими вклад не только органически вошел в восточно-славянскую культуру, но и существенным образом сказался на всем ее дальнейшем развитии»[2].

Вопросу о фракийцах и большой роли их культуры для Восточной Европы М. И. Артамоновым уделяется особенно много внимания. Близость по культуре Фракии со скифскими памятниками, пишет он, раньше объясняли как результат скифской миграции или скифского влияния во Фракии. «Настала пора поставить вопрос с головы на ноги. Фракия была древнейшим центром европейской культуры». «Поразительное сходство многих памятников Скифии и Фракии необходимо относить за счет влияний, идущих из Фракии, а не наоборот». «Культура, которую гелоны принесли в Среднее Поднепровье... была культурой не гальштатской в в собственном смысле этого обозначения, а культурой фракийской гальштатского периода», этнически фракийской культурой[3].

К сожалению, все эти далеко идущие выводы М. И. Артамонова об особой близости Скифии к Фракии и зависимости лесостепной скифской культуры от фракийской построены почти исключительно на фактах распространения там и тут якобы одинаковой чернолощеной керамики. Руководствуясь фактами распространения чернолощеной керамики, он устанавливает, что скифы-пахари среднего Поднестровья были фракийцами; на таком же шатком основании признается, что в земле будинов жили гелоны, также бывшие фракийцами как носители культуры чернолощеной керамики. Однако никаких фактических доказательств этих положений не приводится.

Под будинскими подразумеваются памятники, которым не свойственна чернолощеная керамика, например памятники Посулья и подгорской культуры окрестностей Киева. Однако о будинах в работе М. И. Артамонова говорится как бы мимоходом[4].

Для того, чтобы иметь возможность более объективно подойти к оцен-

[1] М. И. Артамонов. Этнический состав населения Скифии. Сб. «Доклады VI научной конференции ИА», стр. 177.
[2] Там же, стр. 185—186, 192
[3] Там же, стр. 186.
[4] Там же, стр. 175.

ке взглядов В. Н. Даниленко, В. Д. Рыбаловой и М. И. Артамонова на этническую принадлежность лесостепных племен скифского времени в междуречье Днестра и Днепра, следует прежде всего остановиться на характеристике предскифского периода их культуры, как она вырисовывается в свете исследований последних лет [1].

Локализация будинов и гелонов в Среднем Поднепровье, которой придерживается М. И. Артамонов, противоречит свидетельствам о них, имеющимся у Геродота [2]. В отличие от М. И. Артамонова мы считаем, что скифы-пахари занимали не только среднее Поднестровье и Побужье, но и лесостепь в днепровском Правобережье (рис. 1) [3]. Археологически устанавливается, что культура скифов-пахарей в лесостепи между Днестром и Днепром имела местное происхождение в предскифском времени, для которого известны памятники белогрудовского и чернолесского типов.

В настоящее время памятники белогрудовского типа лучше всего изучены на Уманщине, а чернолесские — в бассейне р. Тясмин. Однако памятники того и другого рода становятся известными и на других территориях украинского Правобережья от южной окраины лесостепи и вплоть до широты Житомира — Киева. Из числа таких памятников северной части лесостепи, раскопки на которых производились в течение последних лет, можно упомянуть городище у с. Сандраки на верхнем Буге в Хмельницкой области (раскопки Е. Ф. Лагодовской), поселение у хут. Ворошиловка к югу от Житомира (раскопки С. С. Березанской и Г. Т. Титенко), у сел Подгорцы и Пирогово (раскопки В. Н. Даниленко, Е. В. Махно)[4]. Интересные памятники белогрудовского и чернолесского типов на среднем Буге и Днестре были открыты в 1953 г. Южноподольской экспедицией ИИМК [5].

Для белогрудовского этапа характерны неукрепленные поселения. Основную массу находок на них составляет нелощеная и лощеная керамика (рис. 2). Среди первой преобладают простые сосуды тюльпановидной формы, украшенные по плечику гладким, реже слабо расчлененным

[1] А. И. Тереножкин. Скифская днепровская правобережная экспедиция. КСИИМК, вып. 37, 1951, стр. 117 сл.; его же. Поселення білогрудівського типу біля Умані. «Археологія», т. V. Киев, 1951, стр. 173—182; его же. Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської обл. «Археологія», т. VII, 1952, Киев, стр. 117—134; его же. Поселения и городища в бассейне Тясмина. КСИИМК, вып. 43, 1952, стр. 80—98;

Е. Ф. Покровська. Поселення передскіфського часу в басейні р. Тясмина. «Археологія», т. V, стр. 192—195; ее же. Поселення VIII—VI ст. до н. е. на Тясмині. «Археологія», т. VII, стр. 43—65; ее же. Кургани передскіфського часу в басейні р. Тясмин. «Археологія», т. VIII, Киев, 1953; стр. 128—136; ее же. К вопросу о сложении культуры земледельческих племен правобережного Приднепровья (бассейн р. Тясмин) в VIII—VI вв. до н. э. (автореферат диссертации). Киев, 1953.

М. И. Вязьмитина. Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботина, Кировоградской области. «Краткие сообщения Института археологии», вып. 1, Киев, 1952, стр. 59—60.

С. С. Березанская, Г. Т. Титенко. Поселение предскифского времени в с. Собковка. КСИА, вып. 1, стр. 78—84; С. С. Березанская. Памятники предскифского времени на Уманщине и их историческое значение (автореферат диссертации). Киев, 1953.

[2] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 58; А. И. Тереножкин. Рецензия на статью И. В. Фабрициус «К вопросу о топографизации племен Скифии». ВДИ, 1952, № 2, стр. 148 и сл.

[3] П. Д. Либеров. К вопросу о скифах-пахарях. ВДИ, 1951, № 4; В. А. Ильинская. О скифах-пахарях и гелонах Геродота. КСИИМК, вып. 40.

[4] Предварительное описание см. Е. В. Махно. Дві пам'ятки бронзової доби в басейні р. Тетерева. АП, т. II, Киев, 1949, стр. 209—210.

[5] М. И. Артамонов. Некоторые итоги пятилетних исследований Южноподольской археологической экспедиции. «Краткие сообщения Института археологии», вып. 4 (Тезисы докладов на VII научной конференции ИА в 1954 г.), Киев, 1954 г.

пальцевыми вдавлениями, валиком с несомкнутыми, спускающимися вниз концами. Часто встречаются обломки мисок с сильно отогнутыми наружу краями и угловато профилированными стенками. Лощение простое, больше напоминающее хорошее заглаживание; цвет черный, серый и желтый. Такого рода керамика представлена черпаками в виде кружечки с ленточной, возвышающейся над краем ручкой, кубками с низкой шейкой и приземистым шаровидным корпусом и некоторыми другими, пока еще недостаточно хорошо выясненными формами. Лощеные сосуды просты по форме

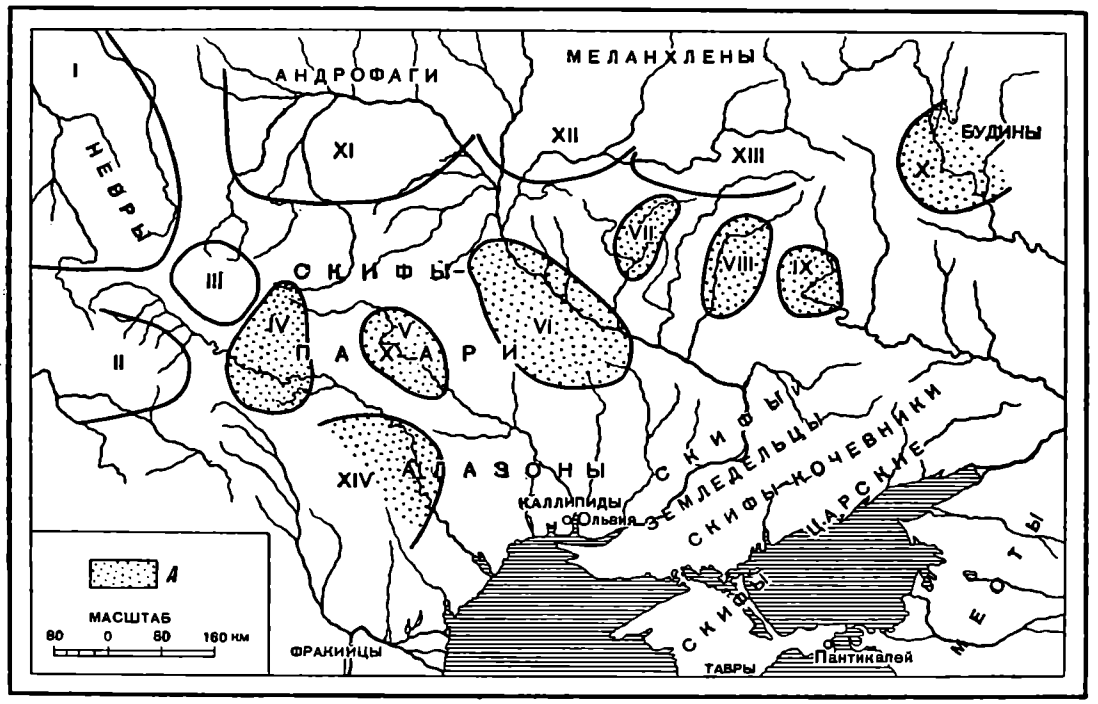

Рис. 1. Карта Северного Причерноморья в скифское время

I — лужицкая культура; *II* — куштановицкая; *III* — высоцкая; *IV* — западноподольская; *V* — южноподольская; *VI* — приднепровская; *VII* — посульская; *VIII* — ворсклинская; *IX* — харьковская; *X* — воронежская; *XI* — волынская; *XII* — юхновская; *XIII* — сейминская; *XIV* — молдавская; *А* — лесостепные племена

и тяжеловесны. Так же проста на них и орнаментация, состоящая преимущественно из узкого пояска заштрихованных треугольников зубчатого чекана. В нескольких случаях отмечена белая инкрустация. Известен ряд обломков лощеных сосудов с сосковидными и продолговатыми налепами. Орнаментации в виде каннелюр на них не известны. Для белогрудовских памятников характерно большое количество миниатюрных глиняных сосудиков грубой ручной лепки (рис. 3), очевидно, не имевших утилитарного назначения, глиняных пряслиц, «лепешечек», изредка на них встречаются грубые фигуры животных.

На белогрудовских поселениях часто встречаются кремневые вкладыши для серпов, каменные шлифованные проушные топоры, костяные шилья, реже тупики из челюсти коровы и муфты из рога оленя. В качестве отдельных находок следует упомянуть обломки литейных форм (кельта, копья), бронзовый пластинчатый браслет, обломок булавки, двуспиральную проволочную подвеску. Кусочек железного шлака, найденный на одном поселении, говорит о начале местной обработки железа.

Белогрудовский этап еще полностью относится к бронзовому веку, как о том свидетельствует широкое применение наряду с бронзовыми и

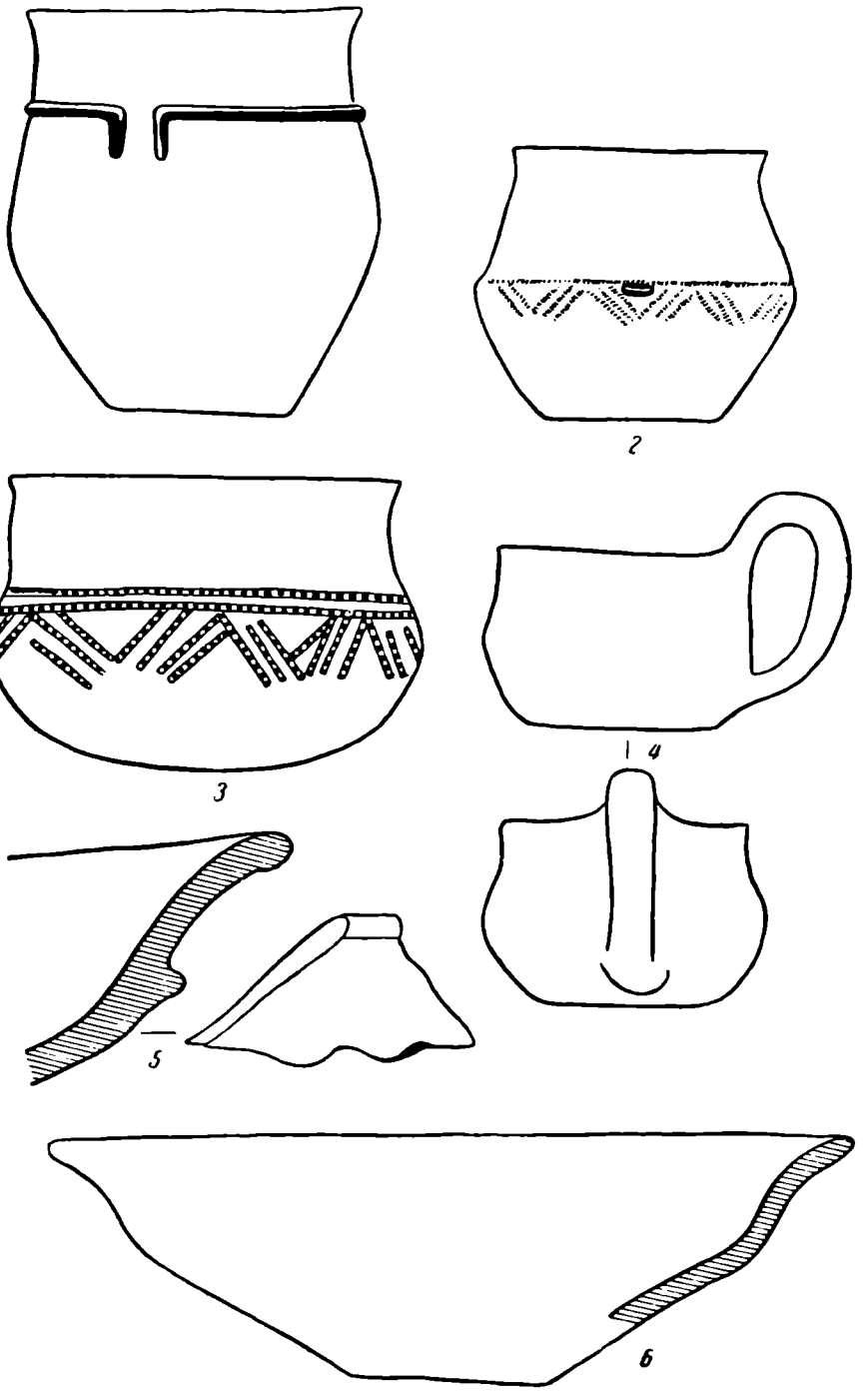

Рис. 2. Белогрудовская керамика у с. Собковка Уманского района Черкасской области по раскопкам С. С. Березанской и Г. Т. Титенко в 1951—1952 гг.

1 — 1/8 нат. вел.; *2* — 1/4 нат. вел.; *3—5* — 1/2 нат. вел.; *6* — 1/4 нат. вел.

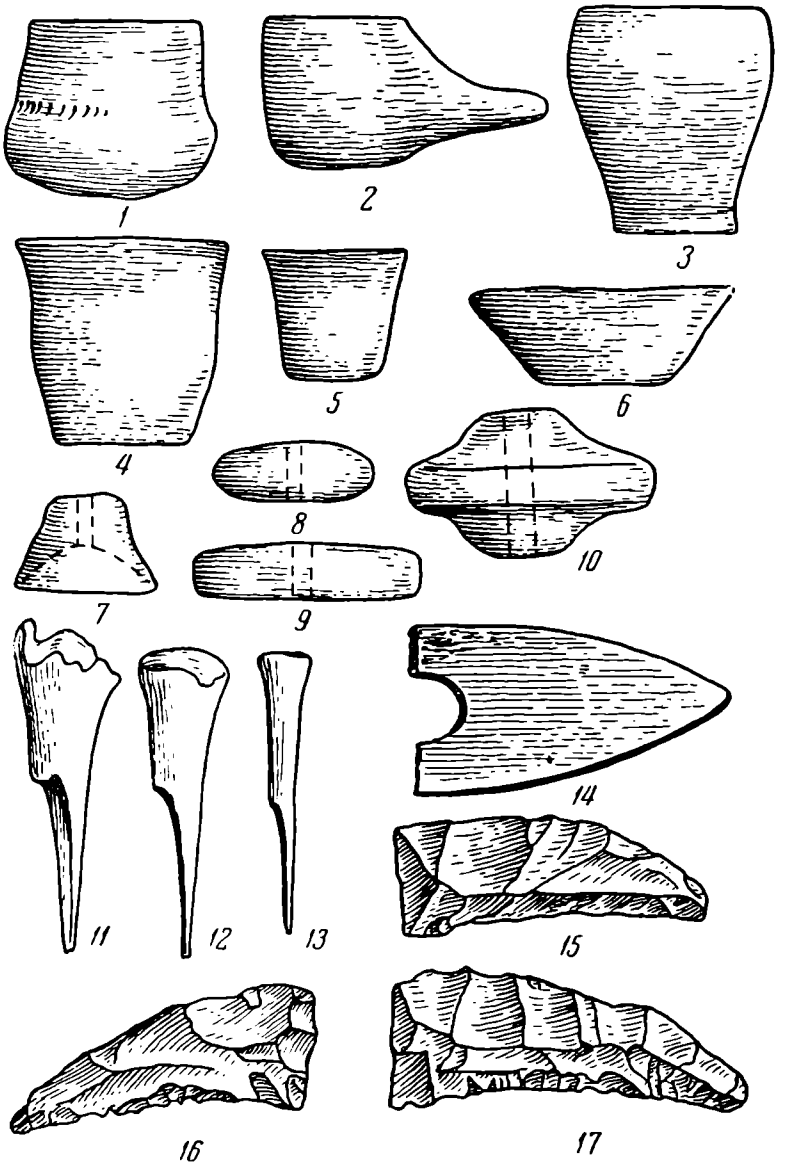

Рис. 3. Вещи белогрудовской поры

1—6— миниатюрные сосудики с поселения в Синицком лесу в 7 км к западу от Умани; *7—10*— пряслица с того же поселения; *11—13* — костяные проколки с поселения в Синицком лесу, у с. Собковки и в Белогрудовском лесу; *14*—обломок шлифованного топора с поселения в Синицком лесу; *15—17* — кремневые вкладыши для серпов с того же поселения. Около $^1/_2$ нат. вел.

каменных орудий. На материальной культуре этой поры отчетливо видна печать ограниченности внешнего общения, едва ли выходившего далеко за рамки сношений с соседними племенами.

Чернолесское время отмечено сосредоточением населения в укрытых холмисто-лесистых местностях, особенно по Тясмину и в Поросье, в Приднепровье. На Тясмине появилось большое количество маленьких родовых укрепленных городищ. В верховьях р. Ингульца в Черном лесу возникло большое городище, служившее, повидимому, племенным центром. Исследованиям Е. Ф. Покровской мы обязаны выделением в бассейне р. Тясмина целого ряда курганов, имеющих предскифский, в основном чернолесский, может быть, отчасти и белогрудовский возраст. Подобные курганы известны и в Поросье. В них были открыты одиночные и коллективные захоронения в скорченном положении на боку, находившиеся в деревянных иногда сожженных склепах. В таких же курганах встречались и коллективные захоронения с трупосожжениями в урнах. Кроме того, удалось установить, что на Каневщине совершались захоронения в урнах с трупосожжениями и в бескурганных могильниках.

Керамика на чернолесском этапе (рис. 4 и 5) по своему составу, формам, технике отделки и орнаментации еще более сближается с местной керамикой скифского времени. Кроме сосудов описанных типов, появляются широкоплечие корчаги с высоким горлом, миски с вогнутым внутрь краем, изредка начинают встречаться (?) весьма характерные для раннего скифского времени низкие черпаки с высокой ручкой и выступом на ней. Формы сосудов становятся несколько стройнее. Тюльпановидные сосуды с этой поры начинают украшать проколами по краю и валиком с частыми пальцевыми вдавлениями, который помещается на плечике. Лощеная или тщательно заглаженная посуда черного, желтого и красноватого цвета украшается не только зубчатым, но и нарезным, желобчатым орнаментом, сосковидными выступами. Композиция орнамента несколько усложняется, но все же остается в достаточной степени простой.

Почти совершенно выходят из употребления каменные шлифованные орудия и кремневые вкладыши для серпов (одиночные находки); Количество костяных шильев уменьшается, но резко увеличивается число других изделий, они становятся разнообразнее. Обычными для чернолесского этапа являются муфты из рога оленя, костяные и роговые мотыги, тупики, сделанные из нижней челюсти крупного рогатого скота. Особенно важным следует признать большое распространение различных черешковых и втульчатых костяных наконечников стрел (рис. 6). Не меньший интерес представляют костяные псалии и различные бляшки от конской узды. Находки втульчатых наконечников стрел и принадлежностей конской узды свидетельствуют об оживленных связях племен Поднепровья с кочевниками в степях северного Причерноморья. На Субботовском городище найдено более 200 обломков глиняных литейных форм для отливки браслетов, булавок с боковой петлей, а в одном случае и кельта с ушком. Находки литейных форм позволили определить принадлежность к чернолесскому времени большой серии замечательных бронзовых браслетов со спиральным и линейным рельефным орнаментом из старых сборов, хранящихся в Киевском историческом музее. Все они происходят из бассейна рек Роси и Россавы, где их чаще всего находили в бескурганных могилах с урновыми трупосожжениями. Значительный интерес для понимания чернолесского этапа имеет небольшой клад различных изделий, найденный П. Н. Третьяковым на Залевкинском городище близ Смелы, в составе которого были: бронзовая миска, близкая по типу к гальштатским, бронзовые двухпетельчатые удила кобанского типа

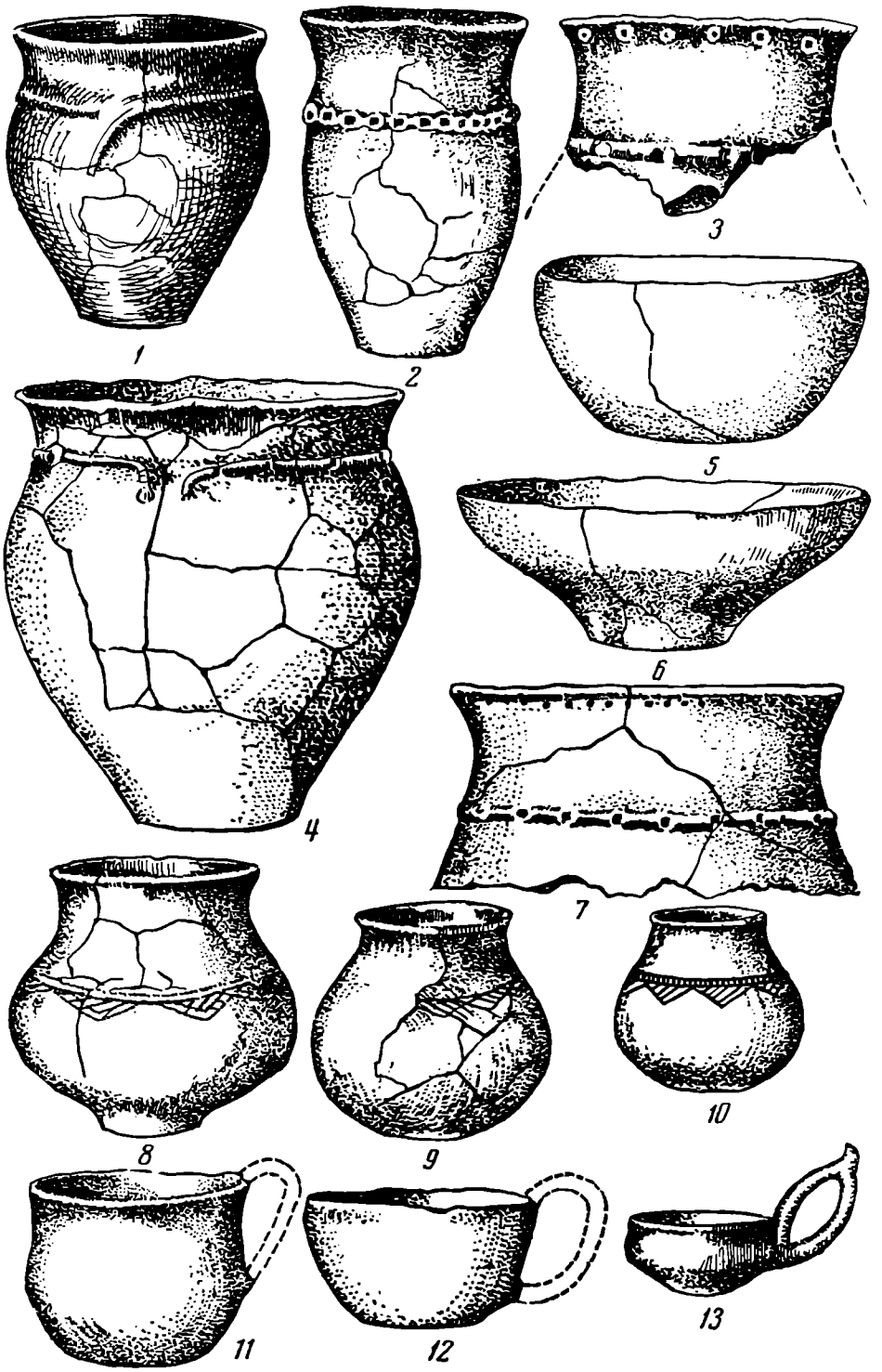

Рис. 4. Керамика чернолесской поры

1 — с городища у с. Субботово, Чигиринского района, Черкасской обл., ок. 1/6 нат. вел.; *2*— то же городище, ок 1/6 нат. вел.; *3* — с Чернолесского городища у с. Богдановка, Знаменского района, Кировоградской обл., ок. 1/4 нат. вел.; *4*— с городища у с. Субботово, ок. 1/8 нат. вел.; *5—6* — с того же городища, ок. 1/4 нат. вел.; *7*— с городища у с. Лубенцы Каменского района Черкасской обл., ок. 1/6 нат. вел.; *8* — с городища у с. Субботово, ок. 1/8 нат. вел.; *9—11*— с того же городища, ок. 1/4 нат. вел.; *12*—с городища у с. Лубенцы, ок. 1/4 нат. вел.; *13*—из кургана у с. Ситняжко, Златопольского района, Черкасской обл., ок. 1/4 нат. вел.

спиральные и цилиндрические пронизи, известные по находкам в могильниках на Северном Кавказе, большая стеклянная бусина и др. [1]. К чернолесскому времени относятся: великолепный железный меч с бронзовой рукояткой, имеющей грибовидное навершие и прямую крестовину, подобный же кинжал, кинжал с бронзовой рукоятью с сердцевидным перекрестием и железный нож с бронзовой ажурной рукоятью из собрания Киевского исторического музея.

Чернолесский этап по сравнению с белогрудовским представляет собой значительный шаг вперед в развитии материальной культуры. Наступило время, когда железо, вытеснив из производства камень и кремень, стало употребляться наравне с бронзой. Решительно расширились куль-

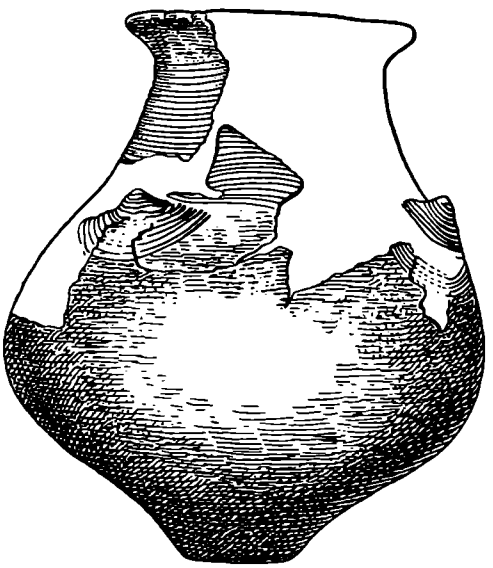

Рис. 5. Глиняный сосуд с Чернолесского городища

турные связи и обмен, особенно с усилившимися в северном Причерноморье кочевниками скифами и с Кавказом. Зародились новые отношения в первобытно-общинном строе, которые кладут начало перехода лесостепных племен днепровского Правобережья к военной демократии. В целом чернолесский этап служит прямым связующим звеном между Белогрудовкой и Жаботинским этапом раннескифского периода.

Конец предскифского периода твердо датируется временем памятников жаботинского типа, культура и время которых выявлены исследованиями Е. Ф. Покровской. Мельгуновский и келермесские курганы позволяют датировать жаботинские памятники второй половиной VII — первой половиной VI века до н. э., что получило прямое подтверждение в находке обломка расписной раннемилетской вазы на поселении у с. Жаботина при раскопках М. И. Вязьмитиной и Е. Ф. Покровской в 1953 г.

Более или менее синхронными с памятниками чернолесского типа являются: Каменномостский могильник на Северном Кавказе, степные курганы (Обрывский, Камышевахский, Черногоровский, Лукьяновский, Широкий и др.) с наборами предскифских по времени бронз, Федоровский

[1] П. Н. Третьяков. Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні Росі і Тясмину. АП, т. I, Киев, 1949, стр. 290, рис. 7.

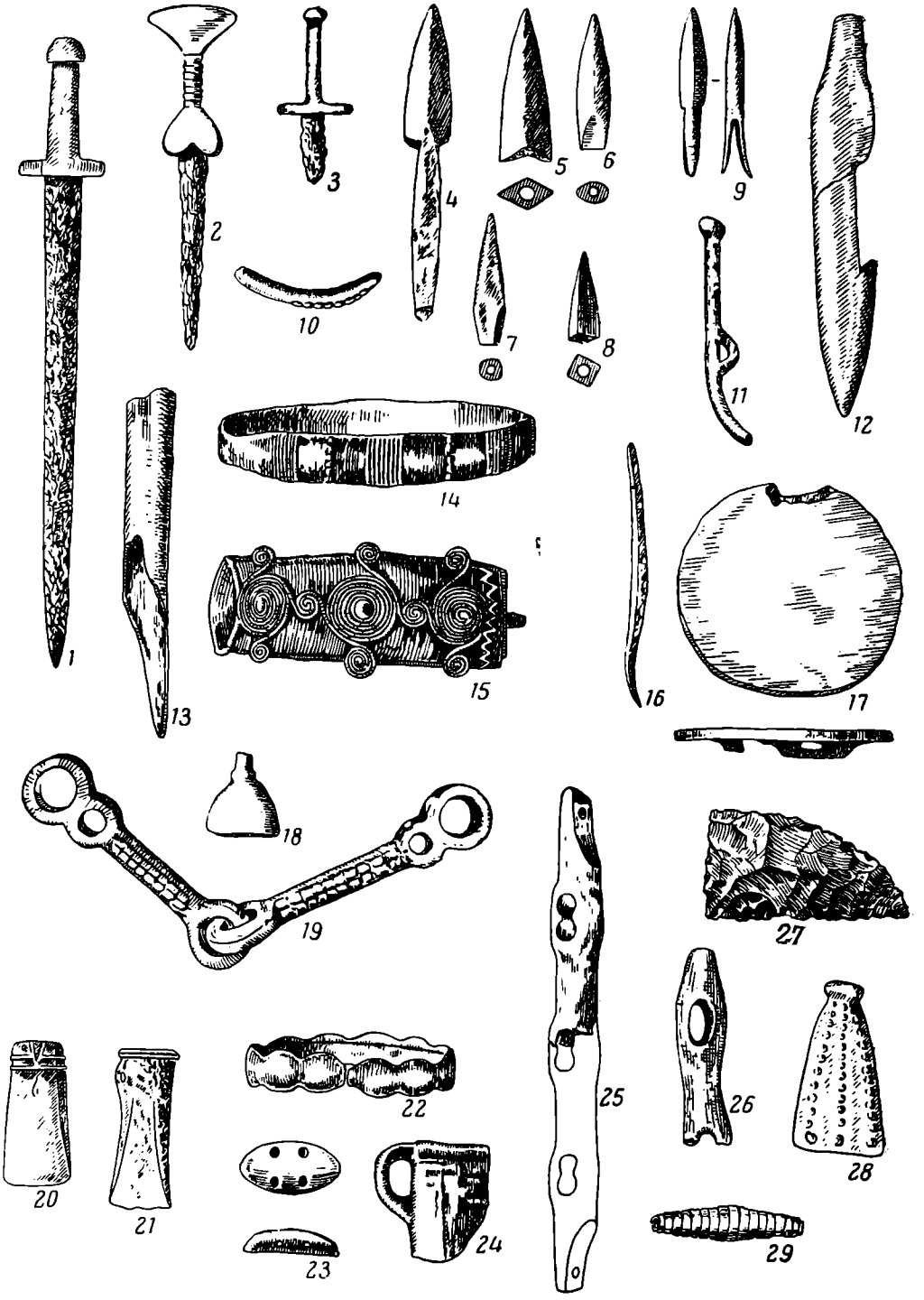

Рис. 6. Вещи Чернолесской поры

1 — железный меч с бронзовой рукояткой; Среднее Поднепровье (точнее неизвестно), $^1/_6$ нат. вел. *2* — железный кинжал с бронзовой рукояткой; найден у с. Софиевки, Черкасской обл., $^1/_4$ нат. вел.; *3* — железный кинжал с бронзовой рукояткой; найден у с. Головятина, Смелянского района, Черкасской обл., $^1/_4$ нат. вел.; *4—7* и *9* — костяные наконечники стрел; городище у с. Субботова, Чигиринского района, Черкасской обл., $^1/_2$ нат. вел.; *8* — костяной наконечник стрелы; городище у с. Лубенцев Каменского района, той же обл., $^1/_2$ нат. вел.; *10* — слепок части браслета по литейной форме; городище у с. Субботова, $^1/$ нат. вел.; *11* — верхняя часть бронзовой булавки; то же городище, $^1/_2$ нат. вел.; *12* — костяной гарпун; городище у с. Лубенцев, $^1/_2$ нат. вел.; *13* — костяная проколка; городище у с. Субботова, $^1/_2$ нат. вел.; *14* — бронзовый браслет; найден у с. Бобрицы, Каневского района, Черкасской обл., $^1/_2$ нат. вел.; *15* — бронзовый браслет; найден на Каневщине, $^1/_2$ нат. вел.; *16* — бронзовое шило; городище у с. Субботова, $^1/_2$ нат. вел.; *17* — костяная бляха; то же городище, $^1/_2$ нат. вел.; *18* — бронзовый колокольчик; городище в с. Залевки, Смелянского района, $^1/_2$ нат. вел.; *19* — бронзовые удила; то же городище, $^1/_2$ нат. вел.; *20* — бронзовый кельт; найден близ с. Субботова, $^1/_4$ нат. вел.; *21* — железный кельт; найден близ с. Зарубинцев, Переяслав-Хмельницкого района, Киевской обл., $^1/_4$ нат. вел.; *22* — бронзовый браслет; городище в с. Залевках, $^1/_2$ нат. вел.; *23* — костяная бляха; городище в с. Субботове, $^1/_2$ нат. вел.; *24* — слепок части кельта по литейной форме; то же городище, $^1/_2$ нат. вел.; *25* и *26* — обломки костяных псалий; то же городище, $^1/_2$ нат. вел.; *27* — кремневый вкладыш для серпа; городище у с. Лубенцев, $^1/_2$ нат. вел.; *28* — бронзовая подвеска, городище у с. Залевки, $^1/_6$ нат. вел.; *29* — бронзовая спиральная пронизь; то же городище, $^1/_2$ нат. вел.

могильник в порожистой части Днепра, памятники фракийского гальштата в Днестро-Дунайском бассейне, основная масса погребений высоцкой культуры в могильниках у сел Чехи и Высоцкое в Львовской области. Все перечисленные памятники подтверждают, что чернолесский этап с наибольшей уверенностью следует датировать концом IX — первой половиной VII века до н. э.

Датировка белогрудовского этапа носит более условный характер. В параллель к белогрудовским по времени можно поставить основную массу памятников позднесрубного типа степной полосы европейской части СССР, выделенного О. А. Граковой [1]. Предложенная для них в свое время дата (конец II— начало I тысячелетия до н. э., вплоть до первой половины VIII в.) в настоящее время может быть несколько уточнена. Очевидно, конец позднесрубного периода восходит к несколько более раннему времени, примерно к IX в. до н. э. В пользу необходимости внесения такой поправки свидетельствует факт распространения в степной полосе перечисленных выше древнейших курганов кочевников-скифов, с находками бронзовых ножей, удил кобанского типа и наиболее ранних степных удил со стремявидными петлями, опубликованными в недавней прекрасной работе А. А. Иессена, который датирует их в основном VIII— началом VII века до н. э. [2]. Могилы такого рода не совмещаются с позднесрубным периодом, хотя и не исключено, что некоторые наиболее поздние срубные поселения (например, Змеевское поселение на Нижнем Днепре, судя по раскопкам А. В. Буракова, Сабатиновское поселение на Буге, судя по раскопкам А. В. Добровольского) могут доживать до VII века до н. э.

Условно для белогрудовского этапа нами принимается дата XI— IX века до н. э.

X—IX вв. до н. э. в качестве основного периода существования памятников белогрудовского типа подтверждается находкой двухспиральной подвески в раскопках С. С. Березанской около Умани близ с. Собковки, датируемой наиболее ранними погребениями высоцкой культуры[3].

Комплекс чернолощеной керамики, которому придается незаслуженно большое значение в решении этнических проблем древности, складывается у лесостепных племен междуречья Днестра и Днепра в белогрудовское время, совершенствуется на чернолесском этапе и достигает расцвета в начале скифского периода. Для жаботинских памятников известно наибольшее совершенство и разнообразие форм чернолощеной керамики, характеризующейся высоким качеством лощения и богатой орнаментацией с применением инкрустации [4].

Как мы видели выше, М. И. Артамонов считает, что в раннем железном веке в приднепровской правобережной лесостепи якобы расселялись племена двух этнических групп: на севере будины — древние славяне, а на юге — гелоны-фракийцы. О наличии последних, по М. И. Артамонову, свидетельствует чернолощеная керамика, которая будто бы имела распространение только на юге Киевщины. Однако такое представление о ее распространении в Приднепровье не обосновано. Дело в том, что памятники с чернолощеной керамикой в раннескифское время (с конца VII по

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, И., 1948, стр. 157 и сл.

[2] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 49 сл.

[3] В. И. Каниве ц. Памятники высоцкого типа как исторический источник. Киев, 1953 (автореферат диссертации), стр. 8.

[4] М. И. Вязьмитина. Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботина, Кировоградской области. КСИА, вып. 1, стр. 59 и сл.

VI в. до н. э.) встречаются не только на Тясмине, но также в Поросье и далее на севере вплоть до южных окрестностей г. Киева. К числу последних принадлежит, например, Перепятиха, в которой найден лощеный черпак с высокой ручкой и орнаментом концентрическими полукругами [1]. Курган Глеваха, находящийся в 28 км к югу от Киева, дал обломки черпака с высокой ручкой и каннелированным орнаментом и огромный узкогорлый сосуд с широкими плечами, являющийся одним из лучших образцов чернолощеной керамики в лесостепи [2]. Далее можно упомянуть обширное Хотивское городище в Киево-Святошинском районе, на котором при раскопках были найдены обломки разнородной чернолощеной керамики [3]. По всему течению р. Стугны, протекающей к югу от Киева, встречаются остатки поселений раннескифского времени, дающие обломки той же лощеной керамики и черпаков. В 1954 г. поселения чернолесской поры были обнаружены в ближайших окрестностях Киева.

В VII—VI вв. до н. э., когда производство чернолощеной посуды достигло наиболее высокого уровня развития, она была распространена у всех племен, обитавших на пространстве от Чигирина и Златополя до Киева. На юге ее больше, на севере меньше, причем она несколько проще. Чисто количественная разница в ее распространении не может служить основанием для выделения на юге гелонской, а на севере будинской культуры. И там и тут обитали одинаковые по составу культуры и, очевидно, этнически родственные племена. «Подгорская» культура, которую М. И. Артамонов готов приписать «будинам», также не может быть в данном случае принята во внимание. В основном эта культура связана не с племенами лесостепи, а с племенами лесной полосы, причем датируется уже V—IV вв. до н. э. [4], т. е. временем, когда черное лощение почти совсем вышло из употребления у местных племен.

По М. И. Артамонову, главная роль в сложении культуры Среднего Поднепровья, для которой характерна чернолощеная керамика, принадлежит фракийскому гальштату. Взаимного влияния культур Днестро-Дунайского бассейна и Среднего Поднепровья не приходится отрицать, но от такого положения вещей еще очень далеко до признания зависимости этнического состава племен Среднего Поднепровья от миграции сюда с юго-запада фракийского этнического элемента. Прежде всего у нас нет серьезных данных для того, чтобы для востока придавать большое значение фракийскому гальштату. Характерно, что металлические изделия, служившие главным предметом обмена в древности, почти не проникали из-за Днестра в Поднепровье. Например, в Среднем Поднепровье совершенно не известны изделия типов Михалковского, Голиградского, Фокору и других фракийских кладов. Влияние голиградской (предположительно фракийской) керамики с типичной для нее желобчатой посудой существенно сказывается лишь в культуре Немировского городища на Буге.

Вопреки утверждению М. И. Артамонова, племена, обитавшие к западу от Днестра, сильно отличались по материальной культуре от всех других оседлых племен юга Восточной Европы в течение раннего железного века. Так городища, появляющиеся в Молдавии начиная с IV века до н. э., укреплялись не только земляными валами, как всюду в Скифии, а и

[1] Древности, изданные Временной комиссией для разбора древних актов, т. I, тетраль 1, Киев, 1846, табл. V, рис. 1.

[2] А. И. Тереножкин. Курган у с. Глевахи. «Археология», т. IX, Киев, 1954.

[3] Е. Ф. Покровська. Хотівське городище. АП, т. IV, 1952, стр. 15—17.

[4] В. Н. Даниленко. Ук. соч., стр. 207.

стенами, сложенными из камней. Умершие хоронились в неглубоких могильных ямах, в то время как в Среднем Поднепровье было принято сооружать большие деревянные склепы, зачастую сжигавшиеся вместе с погребенным и сопровождающим его оружием и различной утварью. Никакого знака равенства в погребальном обряде лесостепных племен Среднего Поднепровья и Заднестровья поставить нельзя.

Пояны, Сахарнянское и Солонченское поселения, относящиеся к VII—VI вв. до. н. э., характеризуются большим количеством желтой и черной лощеной керамики, украшенной богатым резным орнаментом, похожим на керамику многих ранних памятников лесостепной полосы к западу от Днепра. Однако среди нее нет типичнейших для последних форм сосудов, таких, например, как низкие черпаки с высокой ручкой. Кухонные сосуды за Днестром имеют вид простых банок, снабжавшихся массивными коническими выступами, не известными на востоке. В свою очередь, на них почти совершенно отсутствуют характерные для Среднего Поднепровья проколы по краю и защипной валик. Керамика IV—III вв. до н. э. (городище в Бутученях), украшенная большими круглыми и роговидными налепами, вообще не имеет параллелей в Скифии. Металлические изделия в Молдавии сплошь гальштатские, типичные скифские вещи, кроме наконечников стрел, отсутствуют. И для Сахарны, как и для позднейших Бутучень, типичны, например, фибулы, почти совсем не употреблявшиеся в Скифии [1]. Очевидно, что по костюму, предметам быта и хозяйства, по погребальному обряду культура племен Среднего Поднепровья ни в какой степени не представляла собой сколка Днестро-Дунайского мира, хотя и не была изолирована от него.

Племена Среднего Поднепровья с конца бронзового века, как это установлено на основании тщательно проверенных археологических данных, проявляли значительно больший интерес к сношениям с Кавказом, чем с Дунайским бассейном, где дольше задержались архаические пережитки бронзового века.

Важнейшими памятниками кавказских связей служат бронзовые клепаные сосуды со звериными ручками, происходящие из Жаботина, Смелы, Таганчи, которые в силу предвзятых традиций долго считались и описывались как гальштатские [2].

В. Д. Рыбалова, высказавшись в пользу того, что культура чернолесского типа в правобережной лесостепи была обусловлена передвижением киммерийцев из степей северного Причерноморья, в известной степени абстрагировалась от археологических фактов. В своем выводе она базируется на том, что якобы чернолесская чернолощеная керамика происходит с юга. Однако исследователями культур позднего бронзового века в степной полосе давно уже установлено, что лощеная керамика для них не характерна и проникает на юг из лесостепи или с запада в позднейшее время. «Черная лощеная гальштатовидная керамика, широко распространенная в лесостепи, встречается здесь единицами. На Буге она известна в Ольвии и Широкой балке, на Нижнем Днепре — на поселении у Берислава, в курганах у Н. Рогачика и у Цимбалки. По существу она совершенно несвойственна для степных областей и, несомненно, появилась здесь лишь в результате пограничных сношений населения степи с лесостепью. Важно заметить также, что эта керамика здесь по большей части

---

[1] Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Две археологические культуры в Скифии Геродота. СА, т. XVIII, М., 1953, стр. 124.

[2] А. А. Иессен. Греческая колонизация северного Причерноморья, Л., 1947, стр. 42—44.

не моложе VII—VI вв. до н. э.»[1]. Керамика киммерийской поры, опубликованная И. В. Фабрициус, как это легко убедиться по ее описанию, сплошь не чернолощеная, а серая и красноватая с пятнами неравномерного прокала[2]. Она ошибочно характеризуется В. Д. Рыбаловой как чернолощеная.

Нельзя также поставить чернолесскую керамику в зависимость от причерноморской и по формам.

В белогрудовское, чернолесское и раннескифское время на юге правобережной лесостепи, оказавшейся в орбите интенсивных культурных связей и обмена с юго-западом, югом и юго-востоком, особенно с Кавказом, широкое распространение получила гальштатовидная лощеная керамика. Непосредственные сношения с кочевыми скифами, начавшиеся не позднее VII в. до н. э., обогатили материальную культуру южной части лесостепных племен сильнее, чем северных, скифскими предметами вооружения и снаряжения верхового коня, скифским звериным стилем. В результате оживленного обмена с Ольвией, Тирой и другими городами Причерноморья у южных племен лесостепи, преимущественно на Тясмине, накапливалось много предметов греческой торговли в виде различных керамических и металлических изделий.

Эта особенность неравномерного развития одноэтничных, если о том судить по всей совокупности археологических данных, оседлых племен лесостепи в междуречье Днестра и Днепра получает у некоторых исследователей искусственное истолкование. И. В. Фабрициус на основании распространения греческого керамического импорта считает, что южную часть лесостепи заняли «гелоны-эллины», выходцы из торговых античных городов Северного Причерноморья [3]. М. И. Артамонов, руководствуясь местами наибольшего сосредоточения находок чернолощеной керамики, также южную часть лесостепи считает заселенной гелонами, но уже «фракийцами», проникающими сюда с юго-запада из Днестро-Дунайского бассейна. Наконец, В. Д. Рыбалова помещает в ту же часть лесостепи киммерийцев, передвигающихся с юга.

Некоторое накопление археологических источников по культуре белогрудовского и чернолесского времени позволяет уже глубже заглянуть в прошлое местных племен. Ранее всего выяснилось, что эти племена генетически не были связаны со срубными степными племенами бронзового века, в которых можно видеть предков ираноязычных (скифских) племен северного Причерноморья. Вместе с тем выяснилось также, что лесостепные племена днепровского Правобережья сильно отличались по материальной культуре и погребальному обряду от киммерийских племен. На юге в Причерноморье в течение предскифского времени господствовал обряд захоронения во впускных могилах в курганах в скорченном положении на боку, в правобережной лесостепи — в курганах с деревянными склепами и в могильниках с сожжениями и без сожжений. Различия в культуре и традициях позволили заключить, что лесостепные племена имели иную этническую принадлежность, чем киммерийцы [4]. Отсутствие анало-

---

[1] Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 115.

[2] І. Фабриціус. Циліндрошийний посуд. «Літопис музею 1927—1928». Херсон, 1929, стр. 38 и сл.

[3] І. В. Фабриціус. До питання про топографізацію племен Скіфії. Археологія, т. V, Киев, 1951, стр. 68 и сл.; см. нашу рецензию — ВДИ, вып. 2, 1952, стр. 147—153.

[4] А. И. Тереножкин. Памятники предскифского периода на Украине. КСИИМК, вып. 47, 1952, стр. 12; Е. Ф. Покровська. Поселення VIII—VI ст. до н. е. на Тясмині. «Археологія», т. VII, стр. 62 и сл.; е е ж е. Кургани перед-

гий для культуры Белогрудовки и Черного леса в культуре среднего бронзового века типа Монтеору [1], раннего и позднего гальштата в памятниках к западу от Днестра послужило указанием на то, что их истоки нельзя связывать с древними фракийцами Днестро-Дунайского бассейна. Возникало предположение, что предскифская культура днепровской правобережной лесостепи имела северное происхождение в круге комаровской культуры [2].

С. С. Березанская пришла к важному выводу, что белогрудовская культура не имеет предшественников в местном развитии бронзового века; этих предшественников не можем пока указать и мы. В поисках истоков белогрудовской культуры она обратилась к памятникам комаровского типа и отмечает вероятность их связи между собой. Так, она пишет: «Можно думать, что первоосновой культуры белогрудовских племен послужила так называемая комаровско-войцеховская культура... Сказанное находит себе подтверждение в культурной близости белогрудовских зольников с такими памятниками комаровской культуры, как Войцеховский могильник и поселение в Народичах. Эта близость проявляется не только в керамических формах, но и в орнаменте и в технике изготовления посуды» [3].

Наша цель в этой статье заключается не в том, чтобы дать ответ на вопрос о происхождении белогрудовской культуры и идущей от нее чернолесской группы, так как он требует постановки специальных и длительных исследований, а в том, чтобы лишь более определенно ориентироваться в этом вопросе на основании имеющихся объективных данных.

Самыми характерными для белогрудовской и чернолесской культуры сосудами служат высокие горшки тюльпановидной формы, украшенные по плечику гладким и защипным валиком. Исходной формой им могут служить тюльпановидные сосуды с гладким валиком на плечике и на шейке, известные в большом количестве в комаровской и тшинецкой культурах. В качестве таких весьма близких параллелей укажем, например, на комаровский сосуд с поселения у с. Костянци в Ровенской области [4] и на тшинецкий сосуд из Росиева в Келецкой области [5] (рис. 7 и 8). Многочисленность обломков подобных же сосудов на комаровских и тшинецких памятниках, причем сплошь с гладким валиком, что так типично и для белогрудовской культуры, служит подтверждением их важности при установлении интересующих нас культурных связей [6].

Глубокие белогрудовские миски с сильно отогнутым наружу краем и угловатопрофилированными стенками могут иметь свой прототип

скіфського часу в басейні р. Тясмин. «Археологія», т. VIII, стр. 153—154; С. С. Березанская. Памятники предскифского времени на Уманщине и их историческое значение, стр. 13—16.

[1] R. et E. Vulpe. La foulles de Poiana. «Dacia», т. III—IV, Бухарест, 1933, стр. 160 и сл.; E. Dunăreanu—Vulpe. La nécropole de l'âge du bronze de Poiana. «Dacia», т. V—VI, Бухарест, 1938, стр. 151 и сл.

[2] О. І. Тереножкін. Поселення білогрудівського типу біля Умані. «Археологія», т. V, стр. 182.

[3] С. С. Березанская. Ук. соч., стр. 10.

[4] І. К. Свешніков. Розкопки в с. Костянці на полі Лиственщина. АП, т. IV, Киев, 1952, стр. 138, табл. II, рис. 13.

[5] T. Reyman. Dokumentaryczne wartości odkryć w kopcu wschodnim w Rosiejowie w pow. Pinezowskim. «Slavia antiqua», I. Познань, 1948, стр. 62—64, рис. 32 и др.

[6] О. Лагодовська. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині. «Археологія», т. II, стр. 71, рис. 5; L. Kozlowski. Zarys pradziejów Polski południowo-wshodniej. Львов, 1939, стр. 46, табл. XIV, рис. 22—24; A. Gordawski. Niektóre zagadnienia kultury trzcinieckiej w swietle wykopalisk w m. Łubna, pow. Sieradz. «Wiadomości archeologiczne», XVIII, Варшава, 1951, стр. 33—37, рис. 21.

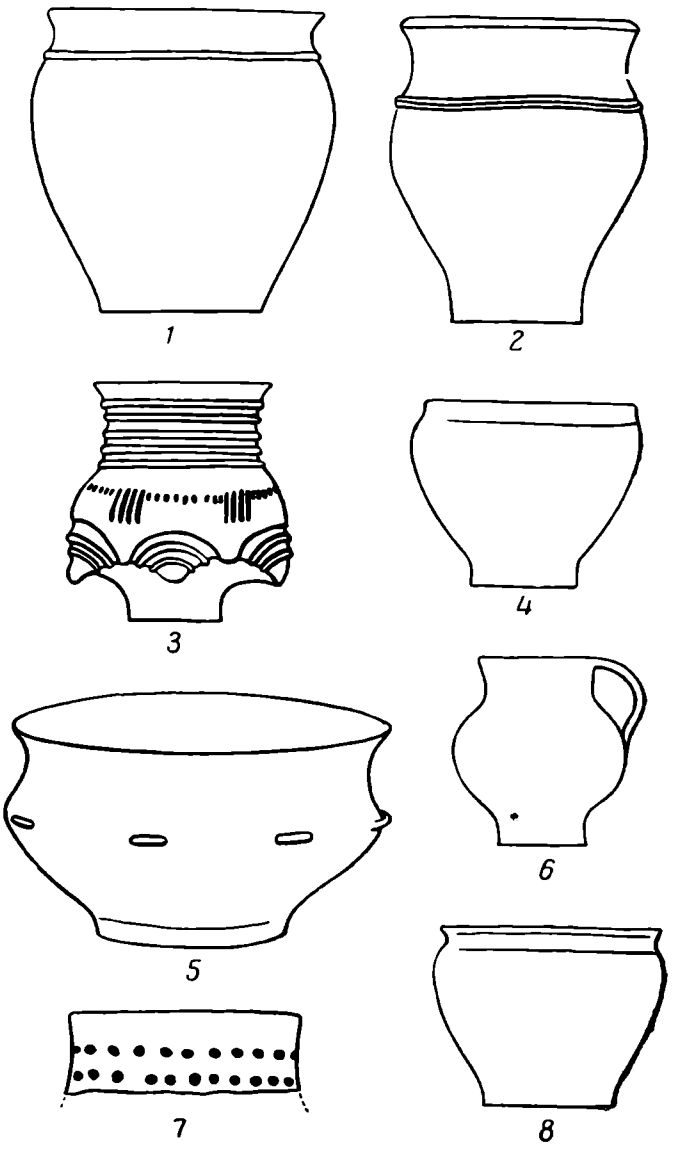

Рис. 7. Керамика тшинецкой культуры в Польше

1— могильник у с. Волица Нова, Влоцлавского уезда, ок. 1/4 нат. вел.; *2* — могильник у с. Росиева, Пинчовского уезда, Келецкого воеводства, ок. 1/4 нат. вел.; *3—8* — курганы у с. Лубны, Серадского уезда, Лодзинского воеводства (*3*—1/8 нат. вел., *4* и *8*—1/3 нат. вел., *5*—1/2 нат. вел., *6*—1/4 нат. вел., *7*—1/2 нат. вел.).

в подобных же, но еще более глубоких мисках тшинецкой культуры [1]. Чернолесские миски с прямым и чуть вогнутым внутрь краем одинаково близки к подобным же мискам комаровской и тшинецкой культур [2].

Правильность наблюдаемых параллелей подтверждается тем, что на тшинецких и белогрудовских мисках с перегибом стенок имеются

[1] A. Gordawski. Ук. соч., стр. 38—41, рис. 23.
[2] О. Лагодовська. Ук. соч., стр. 45, рис. 40.

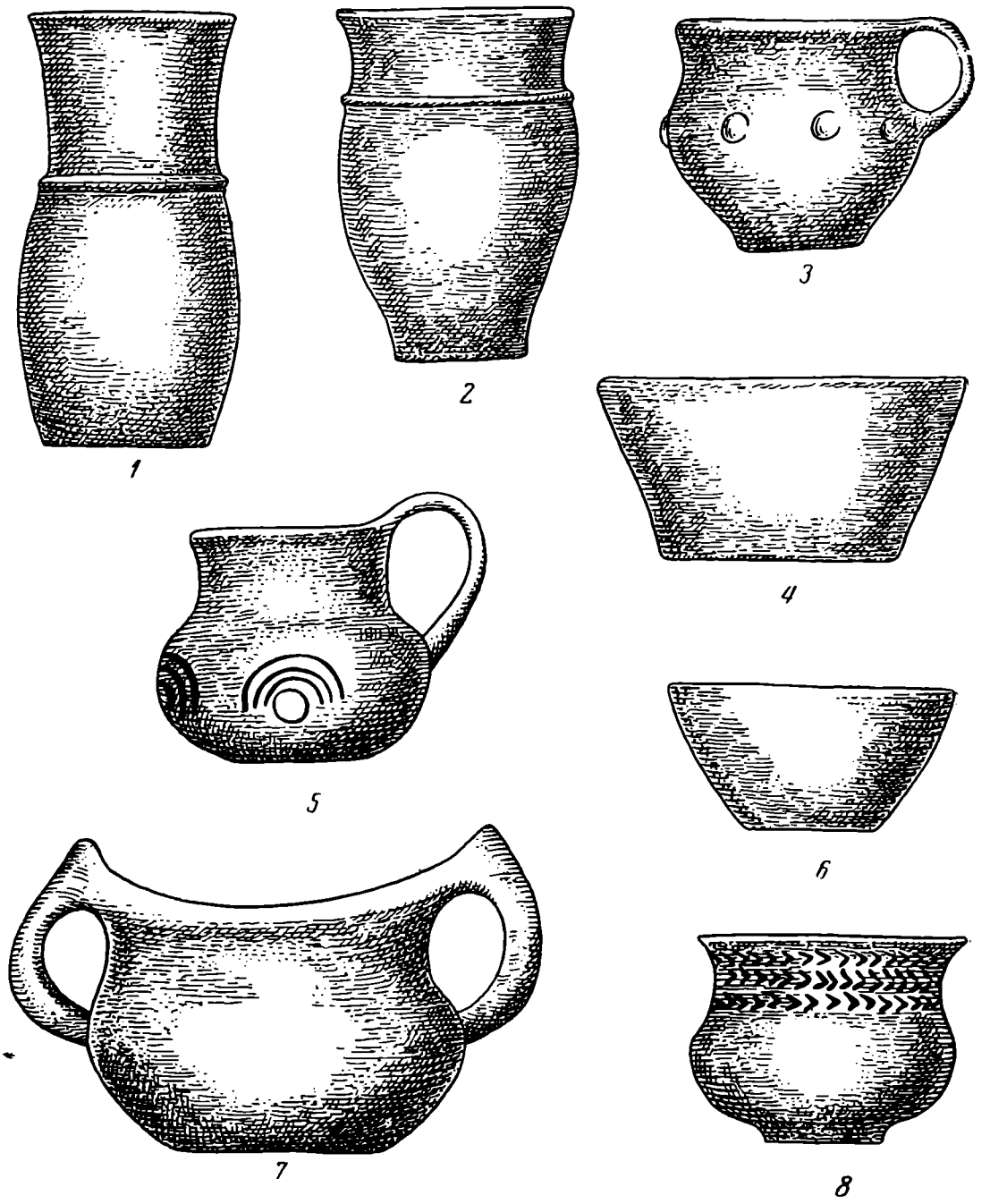

Рис. 8. Керамика комаровской культуры

1, 3, 4, 6, 7 — Войцеховские курганы в Житомирской обл., ок. 1/4 нат. вел.: *2, 5, 8* — Комаровские курганы в Станиславской области, ок. 1/4 нат. вел.

продолговатые ручкообразные выступы, одинаково помещаемые на сгибе [1].

Также весьма существенно то, что как комаровской, так и тшинецкой культурам были не чужды разнообразная каннелированная

[1] Коротке звідомлення Всеукраїнського археологічного комітету за археологічні досліди року 1925. Киев, 1926, стр. 79, табл. XIX, рис. 1; A. Gordawski. Ук. соч. рис. 25, *1*; K. Jażdżewski. O zagadnieniu początkow kultury łużyckiej. «Slavia antiqua», I, стр. 97, рис. 7.

орнаментация и выпуклины, заключенные в концентрические полукруги. Сосуды с прямыми и косыми каннелюрами известны для комаровской культуры[1]; великолепный сосуд с каннелированной шейкой и выпуклинами в полукругах происходит из лубенских могил тшинецкой культуры[2] (прототип формы последнего сосуда польскими археологами указывается в Венгрии).

Глиняные цедилки, обычные для белогрудовской культуры, известны также и в тшинецкой культуре[3]. Многочисленность костяных проколок и шильев одинаково характерна как для белогрудовских, так и для тшинецких памятников, как о том говорят находки из погребений в Россиеве[4].

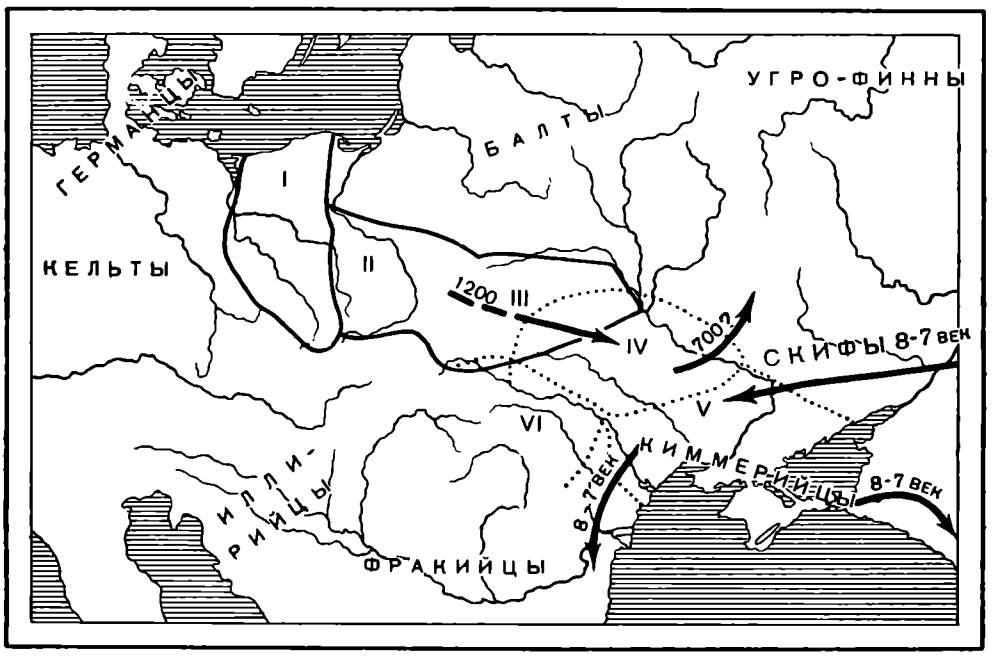

Рис. 9. Карта культур бронзового и начала железного века в Средней Европе и Северном Причерноморье

I— Предлужицкая культура; *II*— Тшинецкая; *III*— Комаровская 1550—1200 гг. до н. э.; *IV*— Белогрудовская и Чернолесская 1050—650 гг. до н. э.; *V*— Киммерийская 1100—650 гг. до н. э.; *VI*— Голиградская 800—650 гг. до н. э.

Наконец, не на юг, а также на север, как на родину белогрудовской культуры, указывают и характерные для нее многочисленные кремневые вкладыши для серпов, центром производства которых в течение всего бронзового века была Волынь, где они не исчезают в материальной культуре вплоть до развитого железного века.

Во всем этом мы находим подкрепление мысли С. С. Березанской, что появление белогрудовской культуры в Поднепровье было связано с передвижением населения[5]. В настоящее время у нас имеется больше всего данных в пользу того, что это было передвижение комаровских, а воз-

[1] Там же, рис. 8, 18, 26.
[2] A. Gordawski. Ук. соч., стр. 43, рис. 33; K. Jażdżewski. Ук. соч., стр. 99—102, 106 и сл., рис. 1.
[3] A. Gordawski. Ук. соч., стр. 45, рис. 40.
[4] T. Reyman. Ук. соч., стр. 59, рис. 18; стр. 60—61, рис. 23.
[5] С. С. Березанская. Ук. соч., стр. 10.

можно и тщинецких племен из бассейна Припяти, Верхнего Поднестровья и Повисленья (рис. 9). Тщинецкая культура датируется концом I и II периодов бронзового века по Монтелиусу, что соответствует приблизительно 1550—1300 гг. до н. э. [1]; близкая дата для комаровской культуры дается и по Войцеховским курганам (1400—1200 гг. до н. э.) [2]. При такой датировке комаровской и родственной ей тщинецкой культуры предполагаемое передвижение населения из области их расселения в днепровское Правобережье могло иметь место примерно в 1200—1100 гг. до н. э., что в сущности смыкается с нашей датой начала белогрудовской культуры (конец XI в. до н. э.). Наблюдающиеся связи между белогрудовской и чернолесской культурой с комаровской и тщинецкой были бы совершенно непонятны и необъяснимы, если бы мы приняли для Белогрудовки такие поздние даты, какие приписываются ей В. Д. Рыбаловой (VIII—VII вв. до н. э.), а вслед за ней и С. С. Березанской (IX—VIII вв.до н. э.) [3].

Заключение В. Н. Даниленко, что зарубинецкая культура полей погребений совершенно не связана со скифообразной культурой лесостепи, а ведет свое начало от подгорской, нуждается в самой тщательной проверке фактическими данными. К сожалению, наши знания подгорской группы пока ограничиваются лишь теми краткими сведениями, которые сообщаются о ней В. Н. Даниленко на основании исследования ряда небольших и плохо сохранившихся памятников на дюнах в окрестностях Киева. Что же касается памятников «бобрицкого» типа, которые, как пишет о них В. Н. Даниленко, якобы связывают подгорскую культуру с тщинецкой, то никаких сведений о них в печати еще не появлялось и судить об их действительном историческом месте и значении пока невозможно.

П. Н. Третьяков, в соответствии с выводами лингвистики, отмечает, что общеславянский язык сложился при наличии контакта древнейших славянских племен с ираноязычным миром и придает этому указанию большое значение при определении их первоначальной территории [4]. Действительно, большинство языковедов признает, что славянские племена имели длительное соприкосновение с «иранцами». «В области славяно-иранских лексикальных и отчасти грамматических схождений,— пишут они,— можно отметить с известной вероятностью схождения, относящиеся к древнейшей эпохе соприкосновения протославянских диалектов с периферией индоиранского языкового мира, только начинавшего обособляться от схождений, которые могут быть отнесены ко времени значительно более поздней, второй встречи славян, уже отделившихся от балтийцев, с частью иранцев (скифами и сарматами)» [5]. Существуют данные, позволяющие говорить даже о некотором смешении «иранцев» со славянами [6].

В течение скифского периода культура лесостепных племен в междуречье Днестра и Днепра, как это отмечалось уже выше, развивалась под воздействием культуры степных скифов. На южной окраине лесостепи в их культуре отчетливее отразились черты скифского влияния, с продвижением же вглубь лесостепи эти черты слабеют и исчезают постепенно совсем. На Тясмине и в Поросье от кочевников был воспринят обычай класть в могилу вместе с умершим коня, не получивший распространения севернее и северо-западнее. Скифский звериный стиль, богато

[1] A. Gordawski. Ук. соч., стр. 1 и 61—64.
[2] О. Лагодовська. Ук. соч., стр. 77.
[3] С. С. Березанская Ук. соч., стр. 10.
[4] П. Н. Третьяков. Вопросы происхождения славян..., стр. 37.
[5] Б. В. Горнунг, В. Л. Левин, В. Н. Сидоров. Проблемы образования и развития языковых семей. «Вопросы языкознания», вып. 1, 1951, стр. 55.
[6] А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 405—406.

представленный на юге, отсутствует в памятниках северной полосы лесостепи. Скифские по типам предметы вооружения и снаряжения верхового коня, встречающиеся в большом количестве на юге, представлены на севере незначительными находками. Что же касается южного Полесья, то мы вполне согласны с В. Н. Даниленко, что культуры раннего железного века, представленные там, «почти совершенно свободны от скифского влияния»[1].

Археология располагает фактами, свидетельствующими и о некотором проникновении в лесостепь на территорию земледельческих племен собственно скифов. К числу кочевнических памятников в лесостепи принадлежат замечательный Рыжановский курган IV века до н. э. и немногочисленные курганы с глубокими катакомбными захоронениями IV—III вв. до н. э., открытые в бассейне Тясмина.

Данные археологии указывают, что контакт древнейших славян с иранцами — скифами и сарматами — был возможен только в пределах украинской лесостепи, а не в более северных районах, куда скифское воздействие не достигало.

Произведенный разбор позволяет заключить, что оседлые племена предскифской и скифской поры в лесостепи между Днестром и Днепром могут вести свое начало от комаровско-тшинецких племен среднего бронзового века, что ставит эти племена в генетическое родство с лужицкими племенами на Одере и Висле, формирующимися на базе тшинецкой и предлужицкой культур [2]. Кстати следует отметить, что белогрудовская культура по формам и орнаментации керамики стоит как бы ближе к тшинецко-комаровской группе, чем лужицкая культура.

Становится вероятным, что белогрудовская и чернолесская культуры, а через их посредство и скифообразная культура оседлых земледельческих племен украинской лесостепи, по своему происхождению связаны с племенами Волыни, южной Белоруссии и Восточной Польши, в которых предположительно видят предков славян.

Во всем этом, учитывая глубокую зависимость зарубинецкой культуры от скифообразной культуры лесостепи, следует видеть указание на то, что лесостепные племена междуречья Днестра и Днепра скифского времени, вероятнее всего, были древнейшими славянами, а не фракийцами и не смешанным славяно-фракийским населением.

---

[1] В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры..., стр. 207.
[2] K. Jażdżewski. Ук. соч., стр. 94 и сл.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОСПОРСКИХ СКЛЕПОВ С УСТУПЧАТЫМИ ПЕРЕКРЫТИЯМИ

Весьма видное место в зодчестве Пантикапея времени Спартокидов занимают склепы с уступчатыми перекрытиями. В этих произведениях едва ли не с наибольшей яркостью выступает своеобразие боспорской архитектуры. Между тем должно отметить, что данные склепы сравнительно мало привлекали внимание исследователей, обычно обращавшихся к ним только походя и к тому же трактовавших их с весьма спорных позиций.

Так, до сего времени остается еще не преодоленной давно возникшая точка зрения, согласно которой боспорские склепы с уступчатыми перекрытиями являются прямым продолжением эгейских фолосов, занесенных на наш Юг через малоазиатское, фракийское и даже этрусское посредство [1]. Вряд ли можно сомневаться в том, что названная гипотеза, возникшая в то время, когда господствовала теория влияний [2], в настоящее время должна быть решительно пересмотрена.

Как нам уже приходилось отмечать в печати [3], столь простые архитектурные типы и строительные конструкции, как, например, дома мегаронного типа, круглые или квадратные в плане склепы, перекрытые посредством напуска плиточных камней, система опор и прямых перекрытий, квадровая кладка и тому подобные явления, нет никакой необходимости обязательно возводить к единому источнику, устраняя мысль о возможности их иного возникновения. Далее должно при сопоставлении эгейских гробниц с боспорскими склепами, твердо помнить, что прототипом для первых была круглая в плане, ульевидная хижина, вероятно, сооруженная из соломы на деревянном каркасе. Можно думать, что известное представление об этих хижинах дают каменные урны [4] с островов Аморгоса и Мелоса, относящиеся к раннекикладской культуре. Подобные круглые в плане, ульевидные сооружения из соломы до сего времени местами сооружались на Балканском

[1] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское парство, стр. 262—266 и прим. С. А. Кауфман. Об уступчатых склепах Боспора. Сообщения Института истории и теории архитектуры. Ак. арх., 1947, № 6, стр. 26; Ю. С. Крушкол. К вопросу о киммерийцах. Сборник статей «Археология и история Боспора». Симф., 1952, стр. 94 сл.

[2] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 162 и сл.

[3] Вестник древней истории, 1949, № 4, стр. 156.

[4] H. Th. Bossert. Altkreta. Berlin, 1923, стр. 15, рис. 1; табл. 13, рис. 32; табл. 14, рис. 33 и 34.

полуострове. Недавно их наблюдал в Албании П. Н. Третьяков. Зарисованным П. Н. Третьяковым постройкам весьма близки по внешнему облику конусовидные соломенные сооружения, представленные на берегу Дуная на рельефах колонны Траяна [1]. Не приходится говорить о том, что обычно квадратные или прямоугольные в плане склепы Боспора не могли восходить ни к эгейским фолосам, ни даже к общим прототипам. Наконец, нельзя забывать также, что микенские фолосы и боспорские склепы возникли и получили распространение в совершенно различной обстановке и на весьма различных уровнях общественного развития, и что они имели отнюдь не одинаковое назначение: микенские гробницы служили родовыми усыпальницами, а боспорские — семейными склепами.

Нельзя не поставить в вину тем исследователям, которые для выяснения истоков боспорского погребального зодчества, погружаясь в средиземноморские древности, уходящие вглубь II тысячелетия до н. э., вместе с тем полностью игнорируют ту обстановку, в которой развивалась античная архитектура в Северном Причерноморье. Мы имеем в виду как зодчество соседивших с Боспором местных племен VI—IV вв. до н. э., так и строительное дело населения Северного Причерноморья более раннего времени.

Правда, должно отметить, что вопрос об этом местном зодчестве очень мало привлекал внимание исследователей, а иной раз к тому же это зодчество представлялось в весьма сомнительном освещении. Так получило непомерное распространение мнение о большой роли ямных жилищ, которые усматриваются в Варваровке [2] под Николаевым, на острове Березани [3], в Нимфее. Жилищами там признаются грушевидные по форме ямы, нижний диаметр которых нередко бывает около двух метров. Подобные, нужно думать, по большей части зерновые ямы, заваленные в последующее время различным мусором, принимались исследователями за жилища иной раз, несмотря на наличие поблизости остатков стен монументальных строений одновременных названным ямам. Разобраться в каждом отдельном случае, что представляла собою та или иная яма, принятая исследователем за жилище, дело довольно нелегкое. В силу этого и критиковать приходится, конечно, с осторожностью. Но так или иначе, суть дела не в этих, в конечном счете, отдельных погрешностях, а в другом. Именно в том, что эти примитивные земляные, нужно думать, псевдожилые сооружения нередко заслоняли [4] от глаз исследователей истинную картину строительства местных племен Северного Причерноморья в античную эпоху. Между тем, как мы увидим из дальнейшего, это зодчество отличалось богатством типов, разнообразием строительных конструкций, широко использовало различные строительные материалы и совсем не было столь примитивным, чтобы сооружать жилье наподобие нынешних помойных ям.

Так называемые срубные погребения в курганах второй половины II и начала I тысячелетия до н. э. в бассейне Волги и Донца свидетельствуют о значительном распространении деревянных срубов в зодчестве

[1] A. Schreiber. Kulturhistorischer Bilderatlas. I. Altertum. Leipzig, 1885, табл. XLII, 11.

[2] П. Н. Шульц. Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева. КС ИИМК, вып. V, 1940, стр. 13 и сл.

[3] О. А. Артамонова. Древнейшее поселение на острове Березани. КС ИИМК, вып. V, 1940, стр. 51 и сл.

[4] Так это имело место в I томе Всеобщей истории Архитектуры. Москва, 1944, стр. 23, и в статье М. М. Худяка «Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее». Сборник статей «Археология и история Боспора», Симферополь, 1952, стр. 75.

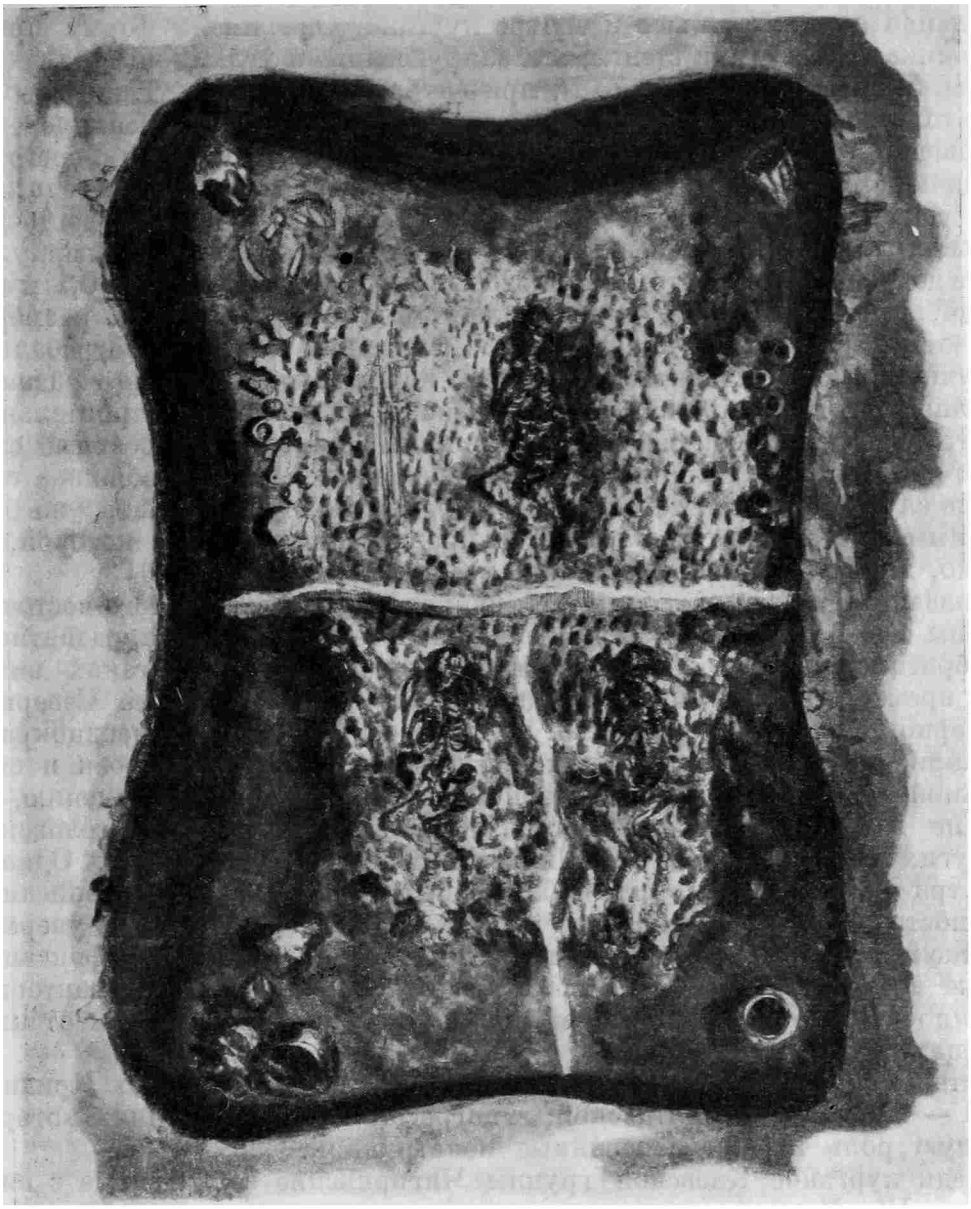

Рис. 1. Погребения в Майкопском кургане
МАР, № 34, ст. Фармаковского, табл. XX

киммерийского времени[1]. Вряд ли имеются достаточно веские основания сомневаться в том, что эти погребальные сооружения находятся в известной связи с жилыми домами того времени[2].

Среди погребальных сооружений эпохи бронзы особого внимания заслуживает знаменитый Майкопский курган, раскопанный Н. И. Веселовским в 1897 г. (рис. 1)[3]. Гробница в этом кургане представляла весьма

[1] А. В. Арциховский. Введение в археологию, М., 1947, стр. 64 и сл.
[2] Мы имеем в виду поселения срубной культуры с полуподземными, полудеревянными домами (Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию, М., 1945, стр. 43).
[3] ОАК, 1897, стр. 2 и сл. Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, № 34, Пб., 1914, стр. 50 и сл., табл. XX.

сложное сооружение. Обрамленная кольцом из известкового камня могильная яма находилась в центре кургана. Она имела форму прямоугольника с вогнутыми стенками и закругленными углами. Длина ее равнялась 5,33 м, ширина —3,73 м, при глубине 1,42 м. По углам ямы стояли столбы до 0,26 м диаметром, стенки могилы были обложены деревом, совершенно сгнившим. Могила была разделена деревянной перегородкой пополам на южную и северную части, последняя в свою очередь делилась деревянной же перегородкой на две равные части: восточную и западную. Могила была вымощена речным булыжником, а сверху покрыта деревянным помостом, над которым лежал пласт земли в 0,1 м толщиной, также покрытый другим пластом довольно больших размеров: он далеко выходил за края могилы. Описанное сложное погребальное сооружение могло появиться лишь при наличии значительного развития жилищного строительства, а равно, надо полагать, и строительных конструкций. Видимо, основу конструкции составляли массивные столбы по углам зданий, к ним была прикреплена деревянная обшивка стен, она же служила опорой перекрытию. Перекрытие, нужно думать, уже было сложным, состоявшим из потолка и кровли, нижние края которой, вероятно, довольно далеко выступали за линию стен.

Сказанное показывает, что деревянное строительство юго-восточной Европы еще в эпоху бронзы достигло значительного уровня развития.

Обратимся теперь к погребальным сооружениям в курганах античного времени Прикубанья, Приднепровья и других частей Северного Причерноморья. Эти сооружения, являющиеся, как мы уже неоднократно отмечали, ценнейшим материалом для выяснения типов построек и строительной техники местных причерноморских племен, к сожалению, далеко не всегда привлекали достодолжное внимание Н. И. Веселовского и других исследователей курганных древностей нашего юга. Однако, несмотря на недостаточность наблюдений и фрагментарность описаний, в точности которых мы иной раз не можем быть в полной мере уверены, а также нередкое отсутствие планов и иных видов графической фиксации, все же возможно, хотя бы в общих чертах, восстановить характерные особенности сооружения на территории, занятой скифскими и меотскими племенами.

Остановимся сначала на двух больших курганных группах Приднепровья — Киевской и Полтавской, в погребальных сооружениях которых большую роль играют деревянные конструкции.

Среди курганов Киевской группы Чигиринские и связанные с ними курганы VI—V вв. до н. э. имеют следующие характерные особенности[1].

Наиболее простые погребальные сооружения ограничиваются могильной ямой, крытой бревнами, к которой иногда ведет спуск со ступеньками. Более сложные имели коридор — дромос, у которого стенки иногда облицовывались деревом и перекрывались деревянной кровлей; дромос вел в квадратную или прямоугольную погребальную камеру, по углам которой ставились столбы; между угловыми столбами нередко устанавливались и промежуточные столбы. Между всеми этими столбами вдоль стенок могильной ямы прокапывались канавки, в них устанавливались тонкие доски или столбики, из которых составлялись стенки могильного сооружения. В центре постройки располагался наиболее глубоко вко-

[1] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 472 и сл.; А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губ. ИАК, вып. 14, 1905, стр. 2 и сл. А. А. Бобринский. Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитановки (Чигиринского уезда, Киевской губ.) в 1904 г. ИАК, вып. 17, 1905, стр. 77 и сл.

панный самый толстый и, вероятно, также наиболее высокий столб. Такой центральный столб мог служить опорой не только двускатной, но также и четырехскатной кровле.

Близкое устройство, но без центрального столба, имели дубовые погребальные сооружения в некоторых Липовецких курганах [1].

Среди Черкасских курганов VI—V вв. до н. э. [2] хорошо сохранился курган около села Мокиевки, раскопанный в 1901 г. В нем была обнаружена погребальная яма с четырьмя столбами по углам и пятым посередине. Значительно более сложное сооружение [3] было обнаружено А. А. Бобринским в 1913 г. при раскопке кургана у с. Жаботина. В середине кургана находилось могильное сооружение размером 6,30 × 5,45 м, которое лишь немного было врезано в материк. По четырем сторонам его были деревянные стены, образованные стоящими торчком 54 дубовыми бревнами (до 0,35 м в диаметре), вплотную примыкавшими одно к другому. Вдоль коротких сторон могилы стояло по 11, вдоль длинных — по 16 бревен. Бревна были установлены в канавках 0,55 м глубиной, нижние концы их были обожжены. По углам сооружения находились бревна особенно больших размеров. На бревнах покоилась покатая крыша или, вернее, потолок гробницы из дубовых и березовых досок, края их далеко выступали за пределы стенок сооружения; выше над этими досками была сооружена другая деревянная кровля.

Два очень любопытных погребальных сооружения были открыты при раскопках А. А. Бобринского в 1903 г. в урочище Криворуково, около с. Журовки. Там, в кургане № 440 [4] была обнаружена прямоугольная могильная яма (7,10 × 4,55 м) с четырьмя столбами по углам и четырьмя промежуточными. Посередине стоял мощный столб, толщиной 0,45 м, вкопанный на 0,90 м. Вдоль стенок между столбами тянулись канавки, в которых укреплялись доски, облицовывавшие сооружение. Крыша, имевшая очень пологие скаты, далеко выходила за пределы могильной ямы. Сходное устройство имело погребальное сооружение кургана № 401 (рис. 2) [5], только форма ямы там была не прямоугольная, а квадратная (4,80×4,75 м). Пологая двускатная кровля далеко выступала своими краями за пределы могильной ямы. Входной коридор описываемой гробницы имел тонкие деревянные стенки и деревянное же перекрытие.

Менее обстоятельно было описано погребальное сооружение Ильинецкого кургана, раскопанного Н. Е. Бранденбургом в 1901—1902 гг. О нем известно только, что квадратный в плане (5,70 × 5,70 м) склеп был построен из деревянных бревен и досок и что это сооружение стояло на материке, но не было в него углублено [6].

Далее должно отметить, что в некоторых курганных погребениях Киевской группы IV и III вв. до н. э. наблюдается применение земляных сооружений. Таковы впускной колодезь, коридор и двойная погребальная камера Рыжановского кургана [7]. Более сложное устройство имело

---

[1] ИАК, вып. 14, стр. 40, 42.

[2] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 478 и сл.

[3] ОАК, 1913—1915 гг., стр. 169, А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Киевской губ. в 1913 г. ИАК, вып. 60, 1916, стр. 2 и сл.

[4] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губ. ИАК, вып. 14, 1905, стр. 8 и сл., рис. 8.

[5] Там же, стр. 13 и сл., рис. 27—30.

[6] Б. В. Фармаковский. Золотые обивки наручий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в Ильинцах. ΠΡΟΕΔΡΩΙ ΔΩΡΟΝ. Сборник археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому. СПб., 1911, стр. 52.

[7] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 486.

погребальное сооружение кургана № 483 около с. Капитоновки [1]; там были сооружены впускной колодезь, коридор и погребальная камера. Вход в погребальную камеру закрывался деревянным щитом, нижняя часть которого была впущена в особую канавку. Стены камеры были обмазаны глиной, по восточной и западной стенке стояли столбы, на которых, вероятно, был устроен навес, может быть, из полотна.

Киевской курганной группе во многом близка по характеру погребальных сооружений Полтавская группа, где постоянно встречаются вырытые в материке могильные ямы с дубовыми склепами [2].

Таковым было погребальное сооружение, откопанное Мазараки в 1899 г. в кургане около хутора Шумейка [3]. Прямоугольная могильная

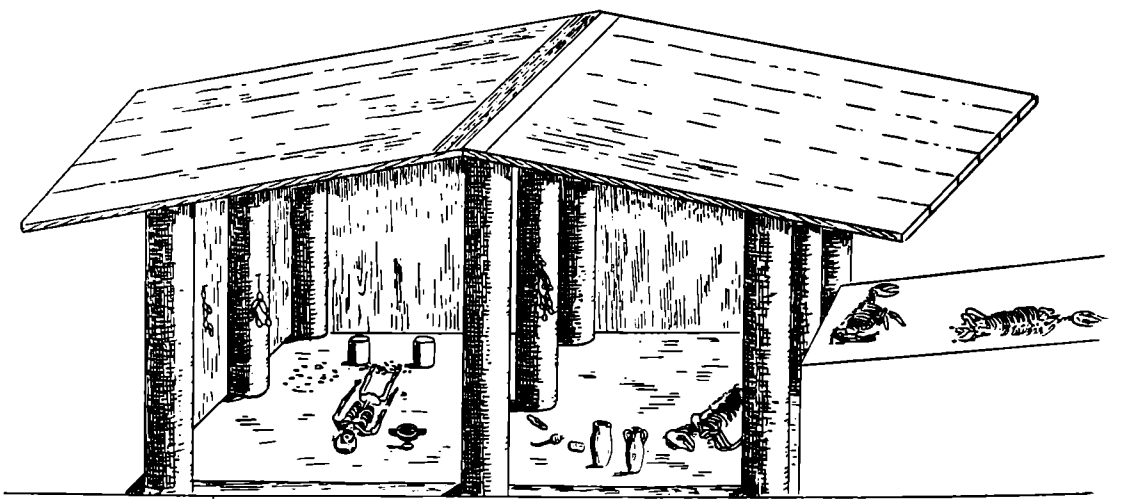

Рис. 2. Курган около с. Журовки
ИАК, вып. 14, стр. 14, рис. 30

яма (размером 9 × 7 арш., глубиной 5 арш.) была сплошь обставлена деревом, крыша сооружена из толстых дубовых бревен. Дата этого погребения VI в. до н. э.

В другом кургане, раскопанном Мазараки в 1897—1898 гг. около села Волковцы [4], погребальное сооружение было выстроено не в яме, а на поверхности материка. Пол сооружения был глинистый, он был обрамлен канавой, в которой установлены торцовые стены из толстых стволов дуба, поддерживавших крышу. Курган в Волковцах относится к V—IV вв. до н. э. [5].

Любопытные особенности наблюдались при раскопках кургана близ села Аксютинцы, произведенных Мазараки в 1905 г. [6]. Там могильная яма (размером 9 × 5 арш. и глубиной 4 арш.) была обставлена по стенкам десятью дубовыми столбами и обрамлена обычной канавкой (0,5 арш. глубиной) для укрепления обшивки стен. Такая же канавка делила погребальную камеру на два отделения, что указывает на наличие в ней деревянной перегородки. Все сооружение было покрыто плоской деревян-

[1] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 491.
[2] Там же, стр. 506.
[3] Древности Приднепровья. Киев, 1900, вып. III, стр. 7 и сл.
[4] Древности Приднепровья. Киев, 1899, вып. II, стр. 6.
[5] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 512.
[6] Отчет Рос. истор. музея за 1906 г. (М., 1907), стр. 14—16, рис. 1 и 2.

ной кровлей из толстых дубовых бревен, опиравшихся концами на балки, положенные на столбах.

Плоскую кровлю имело также погребальное сооружение в Старшой могиле[1] (около Ромен), раскопанной Самоквасовым в 1889 г. Эта кровля покоилась на четырех толстых дубовых столбах, стоявших по углам погребальной ямы. Более сложное сооружение имел курган № II [2]. Могильная яма (размером 12 × 8 арш.) была обнесена срубом на семи столбах. В южной стороне был вход с навесом на шести столбах. В центре ямы находился второй сруб (6 × 4 арш.) на восьми столбах.

Таким образом, в Полтавской курганной группе, так же как и в Киевской, мы наблюдаем погребальные сооружения в виде сруба, но там, по всей видимости, не применялось шатровое перекрытие, нет также впускных колодезей и камер, вместе с тем известна встройка второй камеры в первую.

Полтавской группе курганов по всей видимости довольно близка была Воронежская[3]; там также сооружалась погребальная яма, по углам и в центре которой ставились столбы, вдоль стен устанавливались брусья. Сооружение покрывалось бревенчатой крышей; форму ее установить не удалось.

Выше мы уже говорили о том, что деревянные погребальные сооружения в курганах Северного Причерноморья, несомненно, связаны с жилищным строительством воздвигавших их местных племен. Весьма показательно в этом отношении сопоставить строительные конструкции, материалы и технику сооружения описанных погребальных срубов Приднепровья с теми жилищными и производственными постройками, которые были обнаружены Б. Н. Граковым при раскопках Каменского городища близ Никополя в тридцатых и сороковых годах текущего столетия. Подобно могильным сооружениям, эти жилища[4] имели в плане четырехугольную форму и были обрамлены канавами, в которые вкапывались вертикально стоявшие столбы, составлявшие стены; такие же канавы свидетельствуют о разделении жилищ на меньшие помещения. Иногда под полом наземных жилищ устраивались полуземлянки, также делившиеся на три-четыре комнаты (площадью 15—20 м^2)[5]. Все эти постройки служили и жилищами и отчасти производственными помещениями населения Каменского городища, являвшегося крупным центром скифской металлургии [6].

По сравнению с Киевской и Полтавской курганными группами, гораздо более бледными по архитектуре погребальных сооружений представляются курганы Днепровской степной группы, Нижне-Донской и Симферопольской. Для курганов Днепровской степной группы V—IV вв. до н. э. характерно сооружение глубокой ямы (колодезя), от которой вырывались камеры или пещеры, при обычном отсутствии деревянных

---

[1] А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, СПб., т. III, 1894, стр. 166; 1901, стр. 60. Тр. VIII Арх. съезда в Москве, М., 1897, IV, стр. 155.

[2] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 518.

[3] Н. И. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. Воронежская губерния. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 48 и сл. М. Ростовцев. Ук. соч., стр. 535.

[4] Б. Н. Граков. Археологические раскопки близ Никополя. ВДИ, 1939, № 1, стр. 276. Его же. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 60 и сл., 179 и сл.

[5] Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. М., 1945, стр. 49.

[6] Б. Н. Граков. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 13 и сл.

построек. В Нижне-Донских курганах V—IV вв. до н. э. наблюдалась обкладка и покрытие могил тростником [1]. О погребальных сооружениях Симферопольской группы дает представление курган около имения Каракиат, раскопанный Н. И. Веселовским в 1892 г. [2]. Там, в могильной яме по углам и по стенкам были поставлены столбы. Сверху могила была покрыта деревом и войлоком, с боков — завешена войлоком.

Изложенные нами материалы рисуют многообразие архитектурных типов и строительных приемов, которыми располагало местное население Приднепровья, Придонья и Крыма во времена, предшествовавшие, а равно и близкие тем, когда сооружались Боспорские склепы с уступчатыми перекрытиями. Не менее интересную картину раскрывают нам погребальные сооружения курганов Прикубанья, относящиеся к VI, V и началу IV вв. до н. э.

Здесь, прежде всего, следует назвать раскопанный Н. И. Веселовским в 1904 г. около Келермесской станицы курган № 1. В этом кургане [3] была почти квадратная в плане (10,70×10,65 м) могильная яма глубиной 2,20 м, по дну ее обнаружено 20 углублений для столбов, поддерживавших настил крыши. Этими столбами могила делилась на три примерно равные части. Нужно думать, что над средней частью могилы был, вероятно, шатровый навес, к нему сбоку примыкали, образуя в плане фигуру наподобие буквы Т, два небольших навеса, отчасти опиравшихся на два северных и четыре южных столба.

Другой Келермесский курган № 2 [4], раскопанный в том же году, имел квадратную в плане могилу, размером 8,50 × 8,50 м. С запада и юга к могиле примыкали широкие выемки, на которых лежало по восьми костяков лошадей. Вдоль западного края могилы стояло пять столбов. Несколько более толстый столб, водруженный посередине, поддерживал крышу деревянного шатрового перекрытия, которое опиралось на западный ряд столбов, а также на восточную и северную стенки могилы.

Проще было устройство погребального сооружения кургана № 3 [5] около станицы Усть-Лабинской, раскопанного в 1903 г. Могильная яма (размером 3,65 × 3,65 м, глубиной 1,85 м) была выстлана по дну камышом и покрыта деревянным перекрытием.

Более сложное погребальное сооружение было обнаружено в одном из курганов Ульского аула, раскопанном Н. И. Веселовским в 1898 г. [6]. Там погребение было совершено на материке. Врытые в землю два столба служили воротами, которые вели к месту погребения. Далее располагались коновязи (две стенки из четырех столбов), около которых было убито двести лошадей. За ними находилось могильное сооружение, позади которого опять такие же коновязи для двухсот лошадей. Могильное сооружение представляло прямоугольную в плане постройку размером 7,45× 5,70 м. По углам стояли четыре столба, между которыми на длинных сторонах стояло по шести, на коротких — по четыре промежуточных столба. Постройка, вероятно, была перекрыта шатровой крышей; над сооружением и возле него лежал слой осоки.

Другой курган около Ульского аула, тоже раскопанный Н. И. Веселовским, имел погребальное сооружение, устроенное на материке [7].

[1] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 531 и сл. А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, вып. 35, 1910, стр. 91 и сл.
[2] ОАК, 1892, стр. 8.
[3] ОАК, 1904, стр. 86 и сл., рис. 134.
[4] ОАК, 1904, стр. 92 и сл., рис. 151.
[5] ОАК, 1903, стр. 69.
[6] ОАК, 1898, стр. 30 и сл.
[7] ОАК, 1909—1910, стр. 147 и сл. № 1.

Квадратное в плане (размером 5 × 5 м), оно имело по углам столбы, врытые на 0,75 м. Стенки, вероятно, были ограничены бревнами, а деревянная крыша имела вид шатра.

Хорошо было прослежено погребальное сооружение, обнаруженное в 1897 г. в самом большом из «Разменных» курганов, около станицы Костромской (рис. 3). Это сооружение [1], поставленное на материке, было квадратным в плане (размером 3,20×3,20 м). По углам его стояли довольно толстые бревна, глубоко впущенные в материк, между ними, как бы образуя стенки сооружения, стояло по шести промежуточных столбов меньших размеров. На этих столбах, по наружной стороне их на высоте 2,15 м над поверхностью материка были укреплены четыре бревна, образовавшие венец сруба. Снаружи к этим бревнам венца прилегало,

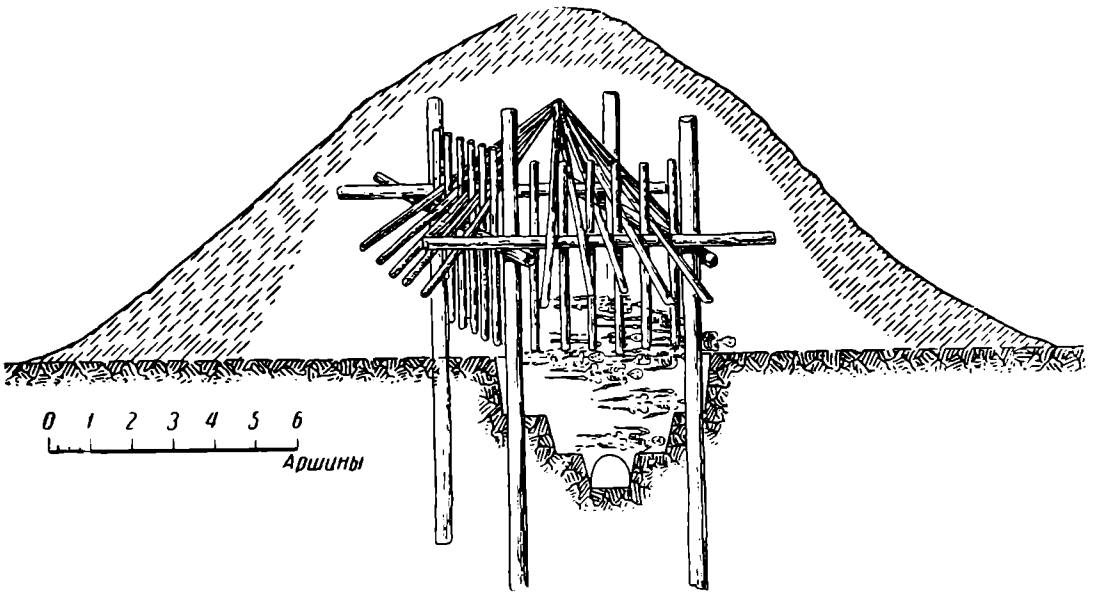

Рис. 3. Курган около станицы Костромской (Большой Разменный)
ОАК, 1897, стр. 11, рис. 42

с каждой стороны, по пяти наклонных бревен, которые, сходясь верхними концами над серединой постройки, образовывали шатровое перекрытие наподобие четырехгранной пирамиды.

Внутри постройки была вырыта снабженная банкетами (уступами) яма с погребальной нишей.

Подводя итоги нашему небольшому очерку подкурганных сооружений Прикубанья, мы можем отметить значительную роль в них возведенных из дерева прямоугольных или квадратных в плане погребальных построек, нужно думать, обычно перекрытых шатровой кровлей.

Таким образом, мы наблюдаем значительное разнообразие типов сооружений, строительных материалов и конструкций в погребальном и, нужно думать, жилищном зодчестве местного населения Северного Причерноморья в VI—IV вв. до н. э., что свидетельствует о достаточно высоком уровне развития зодчества у меотских и скифских племен. По всей видимости, это зодчество было совершенно самобытным, не осложненным теми античными веяниями, которые иной раз можно наблюдать в последующее время.

[1] ОАК, 1897, стр. 11 и сл., рис. 42, 43 и 44.

В этом местном строительстве особенно четко выступает большая роль деревянной архитектуры, причем широко применяются очень толстые бревна, наглядно свидетельствующие о том, что основная роль в создании этих архитектурных типов и форм, конечно, принадлежала не кочевому населению, а оседлым земледельцам.

Далее следует отметить другое, не менее важное, обстоятельство для последующего развития погребальной архитектуры. Именно в этой местной среде были сделаны первые попытки создать монументальные гробницы, перекрытые уступчатым каменным сводом, подражающие основным габаритам шатровых перекрытий.

Мы имеем в виду Третий Разменный курган около станицы Костромской, раскопанный в 1897 г. Н. И. Веселовским. Как бы ни решался вопрос о дате этого кургана — эпоха бронзы, как полагали Б. В. Фармаковский и М. И. Ростовцев, или VIII—VII вв. до н. э., как это предлагает М. И. Артамонов [1], в данном отношении это не столь важно, ибо при всяких обстоятельствах погребение Третьего Разменного кургана значительно древнее боспорских склепов и не могло быть ими навеяно.

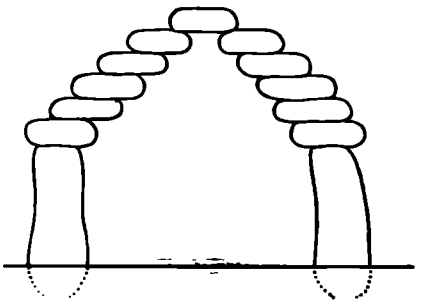

Рис. 4. Днепропетровский курган
Сб. Днепропетровского музея, стр. 204, рис. 4

В центре названного кургана находилась почти квадратная в плане могильная яма [2]. Длина ее была 3 арш. 12 верш., ширина 3 арш. 8 верш., а глубина всего $^1/_2$ аршина. Могильная яма была выложена по стенкам бревнами, которые сильно сгнили, дно ее было вымощено мелким булыжником. Могила, видимо, имела деревянное перекрытие (деревянную «перестилку»). Над могилой был сооружен свод, выведенный из необделанных каменных плит; таким образом, что края их выступали уступами, образуя шатер. Положенная сверху плита имела размеры $1^3/_4 \times 1^1/_4$ арш., другие были меньше. Свод этот от тяжести насыпи обрушился.

Не менее важно то обстоятельство, что погребальное сооружение Третьего Разменного кургана вероятно не является одиноким. Возможно, что примитивный, выложенный уступами каменный свод небольшого могильного сооружения был обнаружен в одном из курганов в районе Днепропетровска (рис. 4) [3]. Это сооружение также значительно древнее боспорских склепов — оно датируется примерно периодом ранней бронзы.

Значение раскопок Третьего Разменного и Днепропетровского курганов для истории монументальных гробниц нашего Юга трудно переоценить. Обнаруженный там уступчатый каменный свод несомненно представляет собой передачу в камне местных деревянных шатров; вместе с тем не подлежит сомнению, что этот переход от деревянных конструкций к каменному сооружению был явлением совершенно самобытным, а не вызванным каким-либо внешним воздействием. Весьма примечательно при этом, что строители погребального сооружения Третьего Разменного

---

[1] М. И. Артамонов. Третий Разменный курган у ст. Костромской. СА, X, 1948, стр. 176.

[2] М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 162. ОАК, 1897, стр. 15 и сл.

[3] П. Смолічев. Археологічні розкопи на терені Дніпрельстану, в с. Кічкасі, Запорізької округи, в вересні — жовтні р. 1927. Збірник Дніпропетровського краєвого історично-археологічн. музею, т. I. Днепропетровск, 1929, стр. 177, 204, рис. 4.

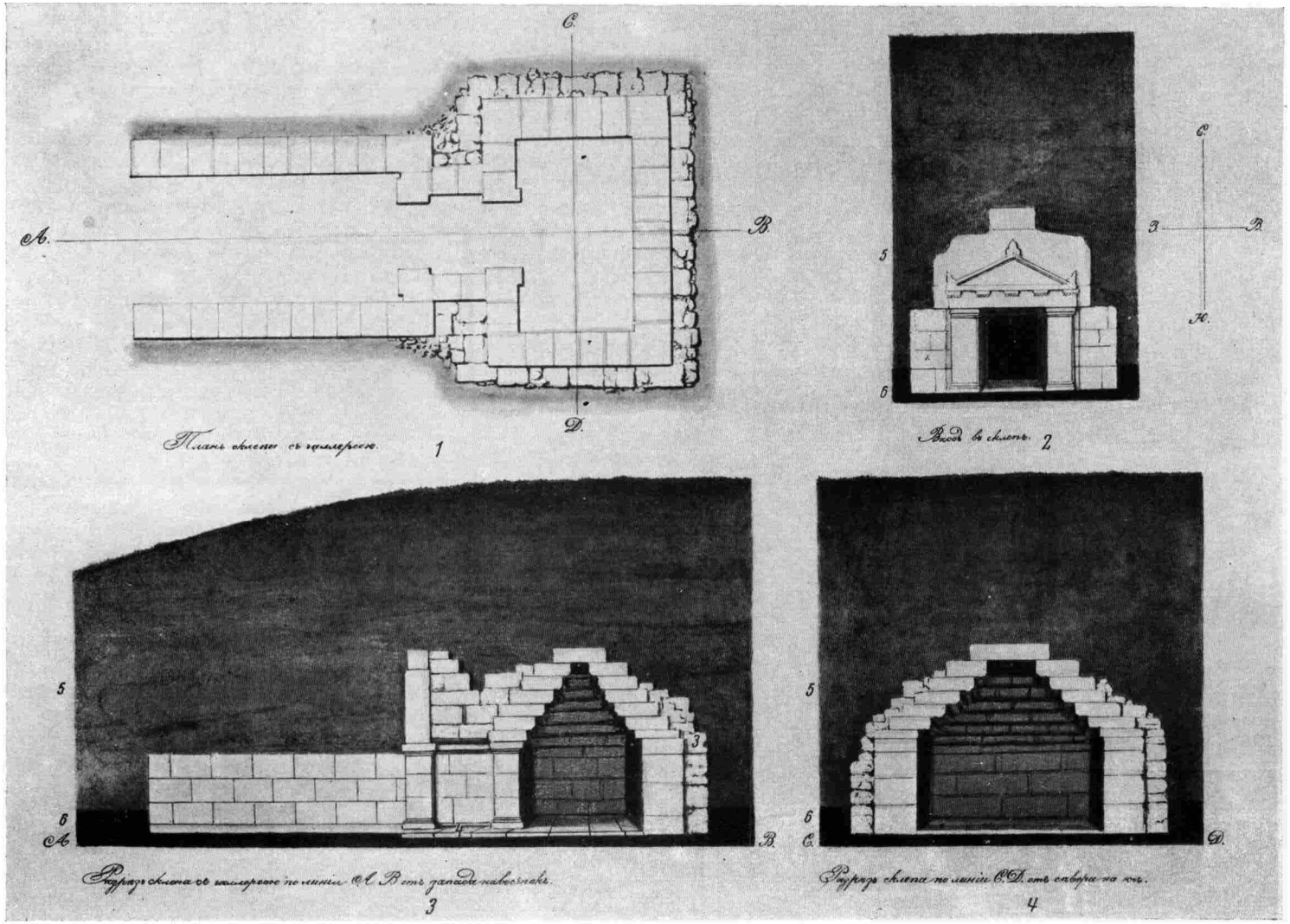

Рис. Третий Тарасовский склеп.

См. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, т. XXXV, рис. 2—5. *1*— план склепа с галереей; *2*— вход в склеп; *3* — разрез склепа с галереей по линии *AB* от запада на восток; *4*— разрез склепа по линии *CД* от севера на юг

кургана, вводя новый мотив каменного сооружения, сохранили традиционную деревянную кладку, а вероятно, также и деревянный потолок в могильной яме. Все это бесспорно свидетельствует о самостоятельном пути развития погребальных сооружений Северного Причерноморья, совершенно независимом от средиземноморских образцов. Попытки повторения в камне шатровых перекрытий, подобные наблюденной в Третьем Разменном и Днепропетровском курганах, могли неоднократно повторяться в Северном Причерноморье на протяжении всего времени существования погребальных сооружений в виде деревянного шатра.

Уже давно в научной литературе [1] отмечались связи погребений европейского Боспора V—IV вв. до н. э. с одновременными и предшествовавшими по времени погребениями Прикубанья. Это обстоятельство является важнейшим фактором для понимания истоков возникновения архитектурных форм боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями [2]. Ими, нужно думать, в конечном счете, были шатровые погребальные сооружения Прикубанья VI— начала IV вв. до н. э.

С особенной четкостью связь с этими шатровыми сооружениями наблюдается в монументальных склепах азиатского Боспора. Мы имеем в виду так называемые Тарасовские склепы, расположенные в окрестностях Горгиппии.

Первый и третий Тарасовские склепы (рис. 5) [3] состоят из дромоса, небольших сеней и прямоугольной погребальной камеры с уступчатым перекрытием. Это перекрытие устроено посредством постепенного напуска рядов каменных плит с каждой из четырех сторон склепа. В первом склепе таких рядов было пять; шестая, большая по размерам, плафонная плита накрывала сверху этот уступчатый купол. В третьем склепе рядов плит было четыре, они также были покрыты большой плитой. Таким образом, внутренние специально погребальные помещения названных склепов довольно близко повторяют основные очертания погребальных шатров построек Прикубанья. Иное дело — передние фасады сеней I и III Тарасовского склепа, обрамленные антами, перекрытыми упрощенным дорийским антаблементом (а в I склепе еще и фронтоном); эти порталы всецело следуют античным образцам. Ближайшие аналогии им известны в македонских курганах IV—III вв. до н. э., что примерно указывает и на время горгиппийских склепов.

Второй Тарасовский склеп [4] несколько отличается от двух ранее рассмотренных. Здесь нет ни дромоса, ни исполненного в ордере фасада,

---

[1] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 393. См. также М. И. Артамонов. О происхождении Боспорских Спартокидов. ВДИ, 1949, № 1, стр. 32.

[2] Э. Миннз в своей большой монографии в самой общей форме поставил вопрос о связи боспорских склепов с типичными скифскими погребальными сооружениями в виде земляной могилы с деревянным перекрытием и ведущей в нее галереей (M i n n s. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 194).

[3] М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, СПб., 1914, стр. 109 и сл., табл. XXXV, рис. 2, 3, 4 и 5, табл. XXXVI, рис. 5, 6, 7 и 8.

Третьему Тарасовскому склепу, вероятно, был близок склеп в Султан-кургане около Анапы (М. Ростовцев. Античная декоративная живопись, стр. 111). Близкий, но несколько более усложненный вариант склепа с погребальной камерой, перекрытой уступчатым куполом, нам дает второй (расписной) склеп кургана Большой Близницы (М. Ростовцев. Античная декоративная живопись, стр. 15 и сл., рис. 3, табл. VI). Погребальные камеры первого и третьего склепов Большой Близницы также, нужно думать, имели довольно сходное устройство уступчатых перекрытий (М. Ростовцев. Античная декоративная живопись, стр. 10 и сл., табл. V, рис. 1; стр. 13 и сл., рис. 2, табл. V, рис. 2).

[4] М. Ростовцев. Античная декоративная живопись. Стр. 110, табл. XXXVI, рис. 1, 2, 3 и 4.

который заменен гладкой передней стеной с дверным проемом, обрамленным огромными каменными блоками. Прямоугольная в плане погребальная камера перекрыта уступчатым сводом, образованным напуском рядов каменных плит с продольных сторон наподобие двух скатов.

Многочисленные склепы с уступчатыми перекрытиями, на которые неоднократно натыкались при изысканиях археологи XIX в., по большей части не привлекали достодолжного внимания и в значительной части почти бесследно погибли для науки. В целости дошли до нас только склепы

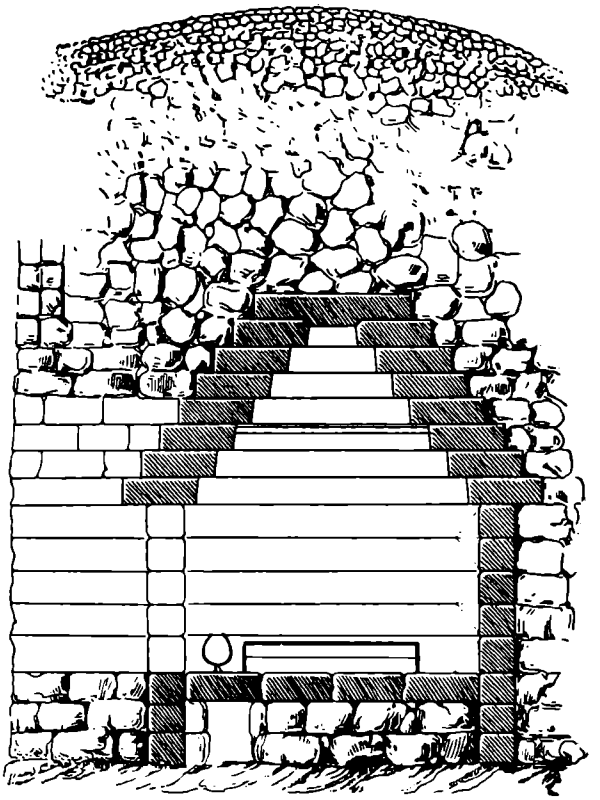

Рис. 6. Куль-Обский склеп
ДБК, табл. А

Мелек-Чесменского и Царского курганов, да еще несколько памятников нам известно по более или менее удовлетворительным чертежам и описаниям.

Ближайшей аналогией погребальным камерам Первого и Третьего Тарасовских склепов является могильное сооружение знаменитого Куль-Обского кургана (рис. 6) [1]. Оно представляло собой квадратное в плане помещение, перекрытое уступчатым куполом, образованным напуском семи рядов камней, накрытых сверху плитой. Довольно короткий, крытый, уступчатым сводом дромос вел к выходу в погребальную камеру; последний был расположен ассимметрично, не посередине, а с краю входной стены.

Хорошо сохранившийся до настоящего времени склеп Мелек-Чесменского кургана (рис. 7) [2] в Керчи, раскапывавшегося в 1858—1859 гг.

[1] Древности Босфора Киммерийского. Атлас, чертеж А.

[2] ОАК, 1859, стр. 21 и сл.; ОАК, 1862, стр. III и сл., табл. V, рис. 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13; табл. VI, рис. 1 и 2.

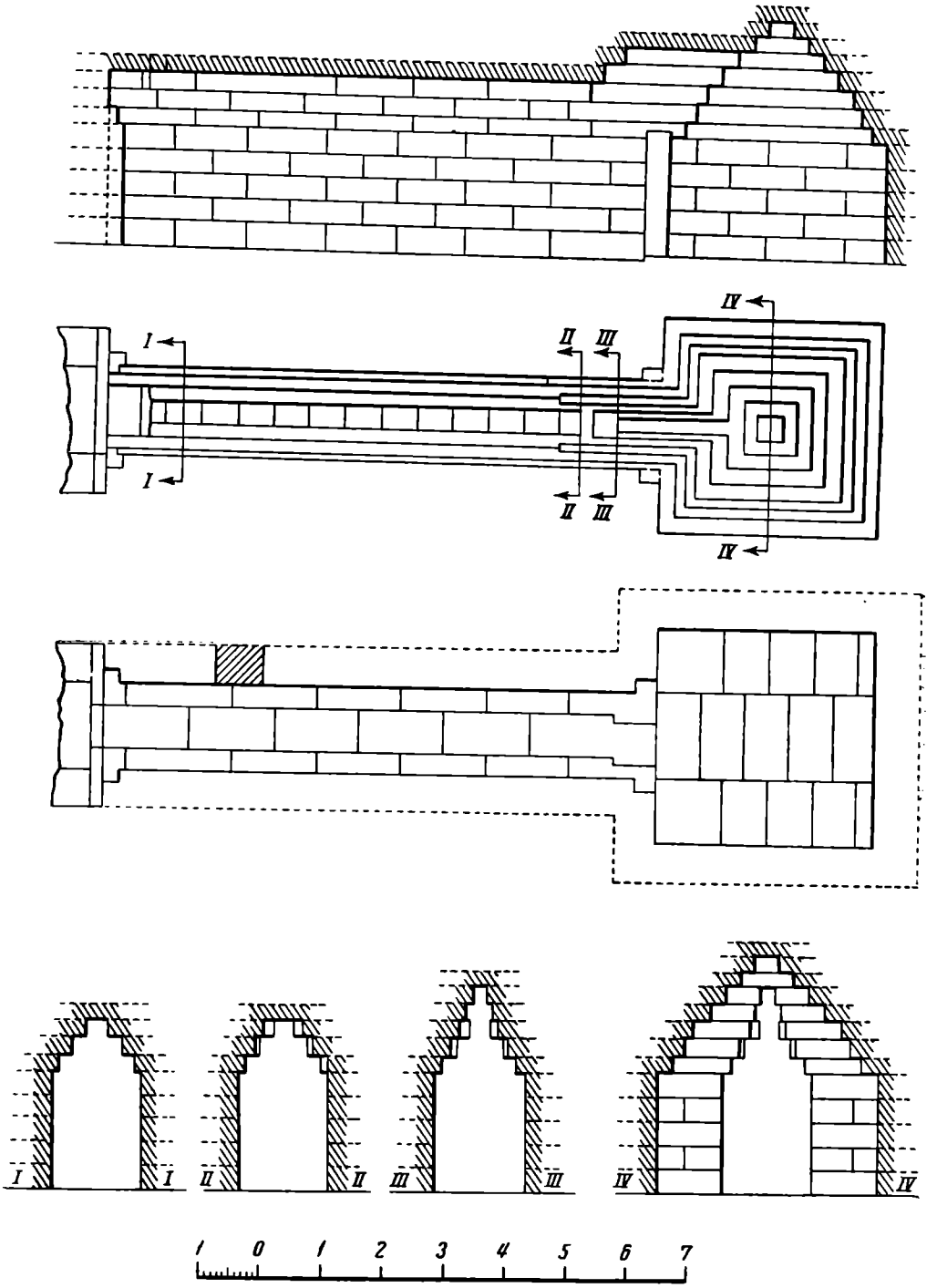

Рис. 7. Мелек-Чесменский курган
ОАК, 1862, табл. V

и в 1862—1863 гг., имеет длинный дромос, крытый уступчатым сводом, и квадратную в плане погребальную камеру, перекрытую ступенчатым сводом, сходящимся с четырех сторон к центру; его образуют семь рядов камней, нависающих один над другим и покрытых сверху плитой. Таким образом, внутреннее пространство камеры по очертаниям близко Куль-Обскому

и Тарасовским склепам, а в конечном счете, нужно думать, восходит к шатровым погребальным сооружениям Прикубанья.

Мелек-Чесменский курган может быть сравнительно точно датирован. В насыпи северной стороны кургана было обнаружено кострище, в котором были найдены черепки двух краснофигурных сосудов, в том числе крышки леканы [1] с изображением Афродиты и Диониса среди Эротов и прислужниц. Эта крышка леканы датируется С. С. Лукьяновым и Ю. П. Гриневичем [2] 325—290 гг. до н. э., что заставляет отнести сооружение Мелек-Чесменского кургана к концу IV или самому началу III в. до н. э.

Как известно, Куль-Обский склеп, наряду с другим склепом с уступчатым перекрытием, открытым под Керчью в 1820—1821 гг. (так называемым склепом Патиниотти) [3], заметно выделяется среди прочих могил Пантикапея ярко выраженным скифским характером захоронения. В силу этого, отмечая близость типов погребальных камер Куль-Обского и Мелек-Чесменского курганов, мы не можем с уверенностью пытаться объяснять различия их в устройстве дромосов. Можно ли видеть в этом различное время (Куль-Обский курган, сооруженный, примерно, в середине IV в. до н. э., древнее, видимо, Мелек-Чесменского) или, как нам представляется более вероятным, дело здесь не столько во времени, сколько в типологическом различии, возможно, к тому же связанном со специальным заказом для покойного иного этнического происхождения (скифа) [4].

Еще труднее решить вопрос о происхождении другого варианта погребальных камер Боспора, а именно продолговатых, прямоугольных в плане помещений, уступчатое перекрытие которых осуществляется посредством напуска рядов камней только (или главным образом) с двух продольных сторон. Образцом подобного погребального сооружения является двукамерный склеп № 48, открытый в 1860 году[5] на хребте Юз-Оба. Там такое перекрытие имели широкий дромос и большая высокая первая камера. Расположенная позади первой, значительно уступающая ей по размерам, вторая камера имела уступчатое перекрытие, которое было выведено не только над продольными стенами, но также и над задней стеной помещения.

Находки расписной керамики позволяют установить дату склепа № 48 (рис. 8). Там были обнаружены краснофигурный арибаллический лекиф с изображением Париса, похищающего Елену [6], датированный С. С. Лукьяновым и Ю. П. Гриневичем 390—370 гг. до н. э. [7], и чернолаковые желобчатые амфоры с золочеными гирляндами [8], не позволяющие отнести захоронение ко времени более раннему, чем середина IV в. до н. э.

Другой образец склепа с уступчатым перекрытием такого же типа был обнаружен А. Б. Ашиком в одном из курганов под Керчью, по дороге к Аджимушкаю [9]. Там погребальное сооружение состояло из двух расположенных по оси, довольно сильно вытянутых прямоугольных

[1] ОАК, 1863, стр. 13 и сл.; табл. I, рис. 3 (Stephani, 1883).

[2] С. С. Лукьянов и Ю. П. Гриневич. Керченская катакомба 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись. Мат. по арх. ист. Росс. № 35, 1915, стр. 103 и сл., стр. 139.

[3] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 386 и сл. А. Ашик. Воспорское царство, ч. II, Одесса, 1848, стр. 39 и сл.

[4] П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, стр. 69, примеч. 90.

[5] М. Ростовцев. Античная декоративная живопись, стр. 103 и сл., табл. XXXIV.

[6] ОАК, 1861, табл. V, рис. 3 и 4 (Stephani, 1929).

[7] С. С. Лукьянов и Ю. П. Гриневич. Ук. соч., стр. 73, стр. 139.

[8] М. Ростовцев. Античная декоративная живопись, стр. 105.

[9] А. Ашик. Воспорское царство, ч. II. Одесса, 1848, стр. 45, § 38, рис. IV.

в плане камер, аналогичных по размерам (длина каждой 3,5 арш., ширина немного менее 2 арш.). Уступчатый свод в каждой из камер был образован напуском четырех рядов камней, нависавших один над другим с продольных сторон.

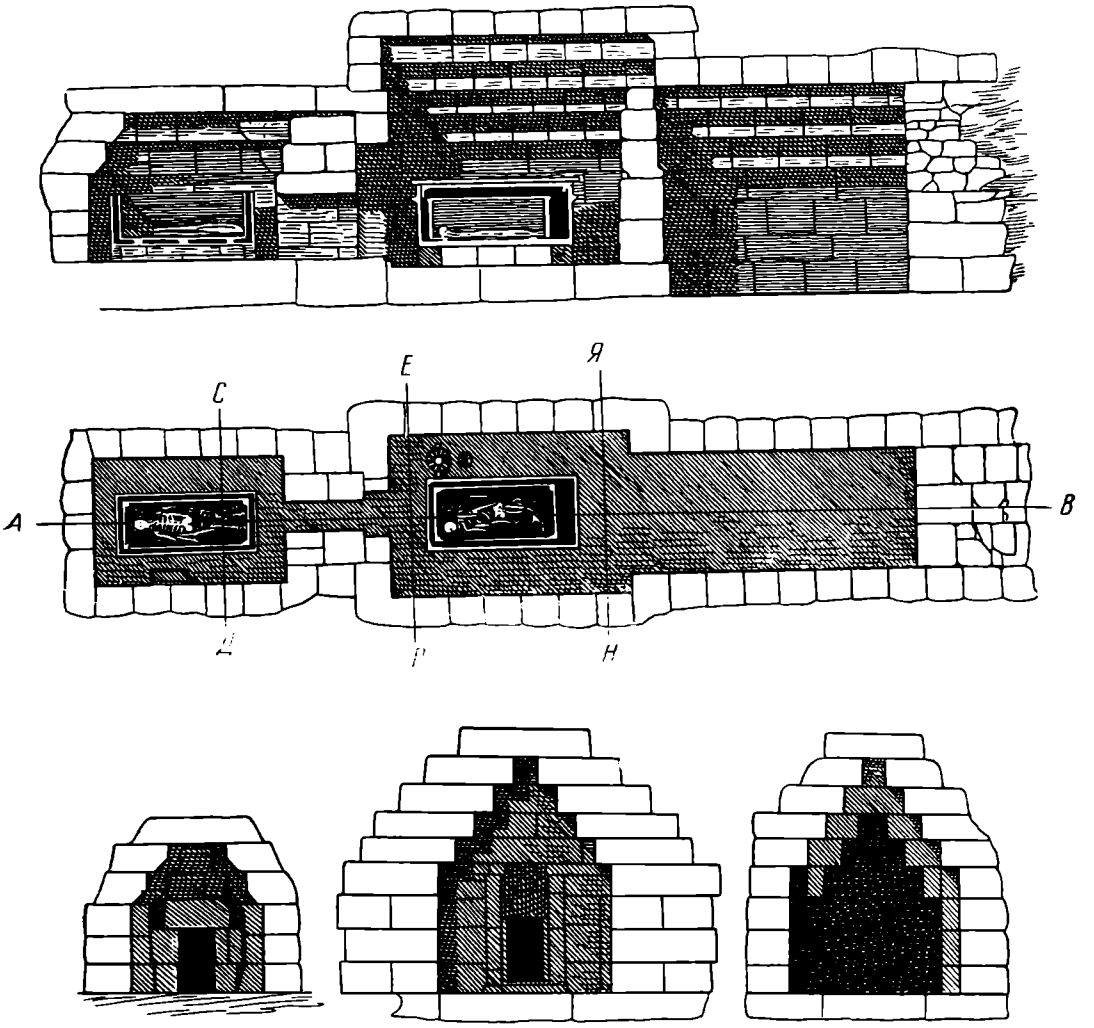

Рис. 8. Гробница № 48 на хребте Юз-Оба
Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, т. XXXIV, 2

Равным образом склеп [1], обнаруженный в 1841 г. В. Д. Карейшей по Феодосийскому шоссе между Керчью и Золотым курганом, был перекрыт «пирамидальным сводом, сделанным уступом на две стороны». В этом склепе была найдена «огромного размера ваза под глазурью, украшенная золоченой у шейки гирляндою и по бокам выпуклыми полосками», т. е. чернолаковый сосуд с реберчатым туловом и накладной росписью на шейке, что указывает на время захоронения — не ранее середины IV в. до н. э.

Нам представляется маловероятным возведение уступчатого свода, опирающегося на продольные стены продолговатых камер к прототипам деревянных двускатных перекрытий. Подобные деревянные сооружения

[1] М. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 190, примеч. 1.

Приднепровья могли сыграть известную роль [1] в возникновении таких каменных гробниц, как обнаруженная в Ольвийском кургане 1911 г. [2] В этой ольвийской гробнице, датируемой временем не ранее начала III в. до н. э., стенки были выложены из каменных блоков, а покатая двускатная крыша состояла из круто поставленных каменных плит (рис. 9).

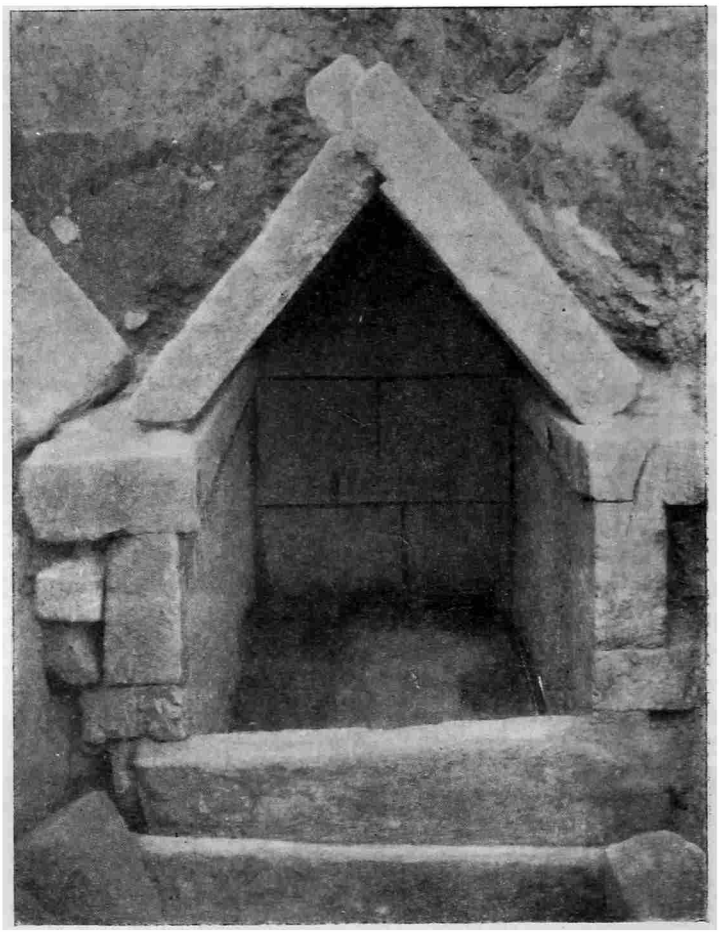

Рис. 9. Ольвийский склеп 1911 г.
ОАК, 1911, стр. 23, рис. 36

Более правдоподобным нам представляется, что уступчатые перекрытия, выведенные на два ската, восходят к четырехскатным уступчатым перекрытиям квадратных в плане боспорских склепов, являясь дальнейшим развитием именно этой формы.

[1] Это не означает, разумеется, возможность наличия и иных истоков возникновения каменного двускатного перекрытия. Так, могла повлиять широко распространенная система перекрытия черепичных гробниц, сооружавшихся из сводов наподобие карточных домиков. Может быть, эта форма была навеяна сводами из рядов нависающих один над другим камней, обработанных таким образом, что они составляли потолок, имеющий два крутых ската, а не чередование ступенчатых уступов. Такое перекрытие наблюдается в дромосе гробницы Маль-Тепе (в окрестностях Мезека в Болгарии) IV в. до н. э. (Изв. Българ. Арх. Инст., 1937, XI, стр. 7 и сл., стр. 11 рис. 5, стр. 12, рис. 6).

[2] ОАК, 1911, стр. 22 и сл., рис. 31,32, 33, 34, 35 и 36.

Очень важным промежуточным звеном является склеп одного из курганов, открытых А. Б. Ашиком под Керчью, о местонахождении которого он говорит следующее: «по дороге к Булганаку, к Аджимушкаю, возле хутора Корецкого, за Глинищем, под стенами нового карантина и к Азовскому морю, я окончил расконку девяти курганов разной величины. В одном из них, который прежде был довольно раскопан, я нашел, сбоку, каменный склеп...» [1]. План, а также продольный и поперечный размеры этого склепа воспроизведены в книге А. Б. Ашика [2]. Это обстоятельство позволяет установить, что погребальная камера имела продолговатую, довольно сильно вытянутую форму (длина не менее 5 арш., ширина около 2,75 арш.) и была покрыта уступчатым сводом, выведенным с четырех сторон.

Другим весьма важным промежуточным звеном является склеп № 50, открытый А. Е. Люценком в 1859 г. на Юз-Обском кряже. Этот склеп состоит из довольно вытянутой в плане погребальной камеры, открытой с одной из узких сторон, заложенной закладом из больших каменных блоков. Все три стены склепа служили упором уступчатому своду из постепенно нависающих рядов плит. В склепе № 50 была найдена краснофигурная пелика [3] с изображением Зевса и Афины, датированная С. С. Лукьяновым и Ю. П. Гриневичем 380—360 гг. до н. э. [4]. Это позволяет отнести рассматриваемый склеп примерно ко второй четверти или к середине IV в. до н. э., т. е. считать его одним из самых ранних боспорских склепов с уступчатым перекрытием. Данный вариант склепа с уступчатым перекрытием, опирающимся на три стены и с закладной стеной с четвертой стороны, вероятно, является первоначальной переработкой квадратной в плане камеры, перекрытой уступчатым куполом. Дальнейшей разработкой уступчатого перекрытия, нужно думать, являются продолговатые прямоугольные в плане камеры, подобные большой погребальной камере склепа № 48 1860 г., где опорой перекрытия служат только две продольные стены. Такой ход развития данного архитектурного типа представляется нам более вероятным, чем возведение его к прототипам деревянных погребальных сооружений с двускатной кровлей.

К сожалению, нам в точности не известно, каково было устройство уступчатого склепа, обнаруженного в 1839 г. на земле около хутора мирзы Кекуватского [5]. Этот склеп датируется найденной в нем краснофигурной пеликой с изображением состязания Аполлона с Марсием [6], которую С. С. Лукьянов и Ю. П. Гриневич [7] относят к 380—360 гг. до н. э.

Так же в сущности нам мало известно и о склепе с уступчатым перекрытием, обнаруженным А. Б. Ашиком, при раскопках кургана в Керченском городском саду. Приводим довольно маловразумительное описание А. Б. Ашика этого памятника «Гробница эта никем еще не была посещаема (обстоятельство весьма редкое). Она имеет длины сажень и 9 четвертей; ширина почти 2 арш.; вышины до свода 2,5 арш. Свод, сделанный

---

[1] А. Ашик. Воспорское царство, ч. II. Одесса, 1848, стр. 43, § 35.
[2] Там же, рис. III.
[3] ОАК, 1860, табл. II.
[4] С. С. Лукьянов и Ю. П. Гриневич. Ук. соч., стр. 39 и сл., 138 (Stephani, 1793).
[5] Как показывает карта, приложенная к Древностям Босфора Киммерийского (карта № 1), хутор мирзы Кекуватского находился у хребта Юз-Оба примерно в 7,5 км к западу от Павловского мыса.
[6] Древности Босфора Киммерийского, табл. LVII; Furtwängler und Reichhold. Griechische Vasenmalerei. München, 1900 сл., табл. 87.
[7] С. С. Лукьянов и Ю. П. Гриневич. Ук. соч., стр. 40, 138 (Stephani, 1795).

уступами в четыре ряда, закрыт был плитою, вся вышина гробницы — сажень и 10 четвертей» [1]. В этой гробнице была найдена краснофигурная пелика [2] с изображением кентавра, датированная С. С. Лукьяновым и Ю. П. Гриневичем [3] 380—360 гг. до н. э., и золотой статер [4] с профильным изображением головы бородатого божества в венке на лицевой стороне и грифа на обратной, датируемой А. Н. Зографом [5] 325—300 гг. до н. э.

Весьма недостаточны наши сведения о трех склепах с уступчатыми перекрытиями, обнаруженными А. Е. Люценком в 1847 г. в курганах, расположенных около дороги из Керчи в Еникале[6]. Первый из них, перекрытый уступчатым сводом, опирающимся на продольные стороны, имел в длину 3,5 арш., в ширину 2 арш. и в высоту 2,5 арш. Более обширный второй склеп состоит из двух помещений: одно квадратное в плане (2 арш. 10 верш. × 2 арш. 10 верш.), высотой 2 арш. 9 верш., другое прямоугольное в плане, длиной 4 арш., шириной 2 арш. 10 верш., высотой 2 арш. 9 верш. О склепе с уступчатым перекрытием, открытым Н. П. Кондаковым в 1882 г. в Батах [7], нам известно только, что в длину от имел 2 саж., в ширину 5 арш., в высоту 2,5 саж. Еще меньше сообщил А. Б. Ашик о сооружении, обнаруженном им в кургане вышиной в 4 саж. по дороге к каменоломне; был там обнаружен «каменный пирамидальный с коридором склеп» [8].

Говоря о том, что деревянные постройки с шатровыми перекрытиями, а равно навесами или каменные погребальные сооружения в курганах Прикубанья послужили истоками боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями, мы вовсе не намереваемся оспаривать огромную роль античного зодчества в появлении этих монументальных гробниц пантикапейской знати. Совершенно античными по характеру являются как строительная техника этих сооружений, так и применение отдельных архитектурных элементов и росписи, что особенно сказывается в склепах азиатского Боспора (фасады Тарасовских склепов, роспись склепа Большой Близницы). В дальнейшем, перейдя к анализу Царского кургана, мы подробнее остановимся на большой роли, которую играло в создании художественного образа этого памятника применение так называемых аномалий, т. е. заранее точно рассчитанных сознательных отклонений от геометрических регулярных форм для достижения особых тонких эффектов, что было свойственно только самым значительным произведениям эллинской архитектуры эпохи классики. Однако нам представляется весьма сомнительным, чтобы квадратные в плане крытые куполами погребальные камеры были перенесены на Боспор из Эгейского бассейна как уже окончательно сложившийся тип. Но даже если это и удалось бы доказать, несомненно, что греко-меотская знать Боспора в своих монументальных гробницах продолжала также и традиции шатровых погребальных сооружений Прикубанья.

---

[1] А. Б. Ашик. Воспорское царство, ч. II, стр. 43 и сл., § 36.
[2] А. Б. Ашик. Воспорское царство, ч. III, рис. XIV. Древности Босфора Кимерийского, табл. LIII (Stephani, 1787).
[3] С. С. Лукьянов и Ю. Н. Гриневич. Ук. соч., стр. 40 и сл., 138.
[4] П. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, ч. I, Одесса, 1884, табл. XIX, 47.
[5] А. Н. Зограф. Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 173, табл. XL, 10—11.
[6] ОАК, 1874, стр. XII и сл.
[7] ОАК, 1882, стр. 5 и сл.
[8] А. Б. Ашик. Воспорское царство, ч. II, стр. 47, § 39.

Среди пантикапейских монументальных гробниц с уступчатыми перекрытиями особое место занимают склепы Золотого и Царского курганов. Остановимся сначала на первом.

В 1832 г., в восточной части Золотого кургана В. Д. Карейша обнаружил склеп (рис. 10) [1] с дромосом и круглой в плане камерой, имеющей ульевидные очертания (или форму довольно высокого конуса с прогибающимися наружу боковыми сторонами) Диаметр камеры в нижней части был равен 3 саж., высота была около 4, , саж. Семнадцать рядов каменных блоков, из которых была сооружена к мера, уступами нависали один над

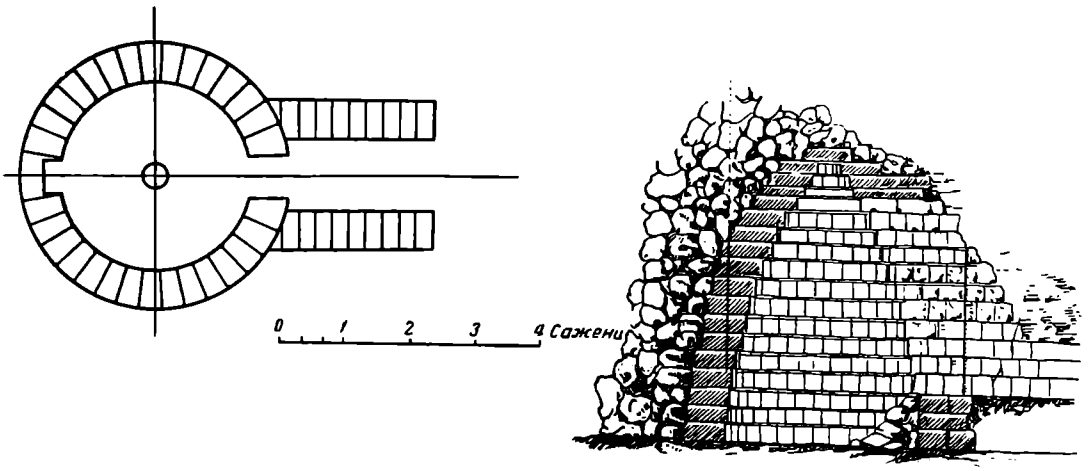

Рис. 10. Склеп Золотого кургана
ДБК, чертеж А

другим, начиная с самого низа. Таким образом, можно сказать, что стены в этом сооружении как бы отсутствовали, и перекрытие начиналось с самого низа.

Общие очертания погребальной камеры Золотого кургана довольно близко напоминают микенские фолосы, которые, как мы уже говорили, ведут свое происхождение от круглых в плане хижин. Среди погребальных сооружений, обнаруженных в курганах Северного Причерноморья, мы не наблюдали сооружений, которые следуют формам подобных хижин [2] и которые могли бы послужить прототипом для склепа Золотого кургана. Также нет у нас решительно никаких оснований считать допустимым предположение, что таким прототипом могла послужить кочевническая

[1] Древности Босфора Киммерийского, чертеж А-а. Ю. М а р т и. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926, стр. 11.

[2] Ближе всего к ним по устройству очень сложное и не вполне ясное по конструкции сооружение обнаружено В. Б. Антоновичем в 1891 г. при раскопках кургана № 2 у с. Кальника (Киевской группы). Там, в курганной насыпи был обнаружен конусообразный шатер высотой 2,15 м, бока его опускались под углом 45°. Шатер был сложен из целых и расколотых пополам брусьев; они же наполняли конус во всю его толщину. Применены были дуб, береза, клен, граб, ольха, осина, берест, ясень и черешня. К подошве шатра примыкал помост из горизонтально положенных бревен, тянувшихся почти во всю ширину курганной насыпи. Толщина помоста была 0,40—0,90 м. Под шатром находился помост из 12 ярусов дубовых бревен, лежавших рядами в клетку. Ниже залегал слой глины, а под ней в вырытой в материке яме было вертикально установлено 25 дубовых свай; одна стояла посередине, другие образовывали три вписанных один в другой квадрата. Длина этих свай 1,30 м, толщина от 0,22 до 0,33 м. Между сваями были желобки 0,03 м глубиной, в них заметны истлевшие деревянные рейки, которые были впущены в зарубины, проделанные в боках свай (ОАК, 1891, стр. 169 и сл., рис. № 200).

юрта, известная нам по изображению ее на расписном склепе Анфестерия (рис. 11), сына Гегесиппа [1]. Контуры ее совершенно непохожи на очертания склепа Золотого кургана и, если возможно предположение

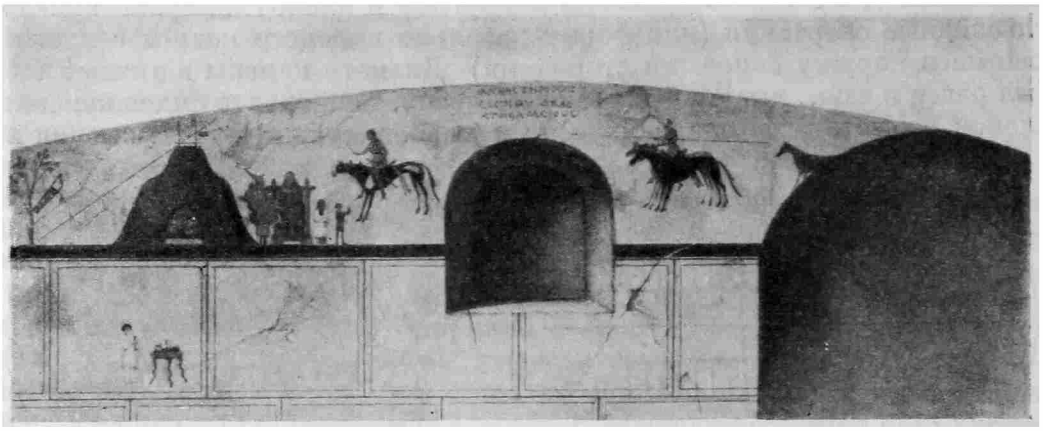

Рис. 11. Склеп Анфестерия (роспись)
Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, табл. LI, рис. 6

о повторении в монументальной гробнице форм юрты, то это приложимо только разве к великолепному расписному склепу, обнаруженному в 1944 г. в Болгарии, около Казанлыка (рис. 12) [2].

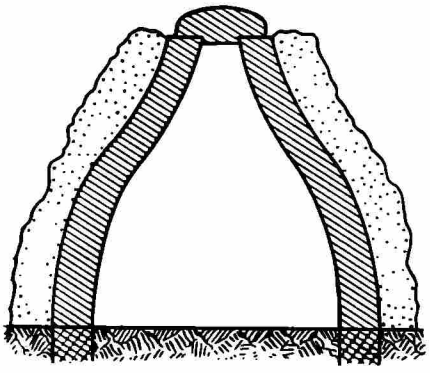

Рис. 12. Казанлыкский склеп (разрез)
ВДИ, 1954, № 2

В силу сказанного вряд ли имеются веские основания утверждать, что формы ульевидного склепа Золотого кургана возникли на местной северочерноморской основе. Вполне возможно, что они были принесены извне, может быть из Фракии; там они надежно засвидетельствованы в IV в. до н. э. таковы, например, гробница Кирк Килисси [3] около Одрина (датированная примерно IV в. до н. э.) или круглые камеры сложных сооружений в Мальтепе [4] и Курт-Кале [5] около Мезека, сооруженные во второй половине IV в. до н. э. [6]. Однако между всеми названными фракийскими сооружениями и Золотым курганом имеется значительное различие. Дело в том, что во фракийских склепах вертикальное сечение свода дает выпуклую кривую линию, между тем как близкий по общим очертаниям аналогичный контур камеры Золотого кургана состоит

[1] М. Ростовцев. Античная декоративная живопись, табл. LI, рис. 6.
[2] Н. Мавродинов. Обща история на изкуството, София, 1950, стр. 112, рис. 169—170. Его же. Живопись античной гробницы в Казанлыке. ВДИ, 1954, № 2, стр. 152 и сл., 168 и сл.
[3] F. W. Hasluck. A. Tholos tomb a Kirk Kilissi. Ann. Brit. Scool at Athen XVII 1910—1911, стр. 76 и сл., табл. XX. Изв. на Бълг. Арх. Инст., том XI, 1937, стр. 92 и сл., рис. 104—107.
[4] Изв. Бълг. Арх. Инст., XI, 1937, стр. 11, рис. 5, стр. 20 и сл., рис. 16.
[5] Там, же, стр. 91 и сл.
[6] Там же, стр. 91.

из многочисленных уступов. Таким образом, если формы погребального сооружения Золотого кургана и были заимствованы извне — из Фракии, то они подверглись на Боспоре переработке в духе обычного решения сводов пантикапейских склепов, перекрытых напуском рядов камней. Вряд ли имеются основания сомневаться в том, что первоисточником фракийского (так же, как и микенского) фолоса должна была быть круглая хижина. От нее должна была произойти форма ульевидной гробницы с кривым очертанием свода. И лишь последующее развитие ее могло дать усложнение типа с уступчатым решением сводов, которые мы наблюдаем в Золотом кургане. Установить время сооружения ульевидного склепа Золотого кургана довольно затруднительно ввиду отсутствия в нем находок, поддающихся датировке. Однако, если учесть, что наиболее ранние из известных нам уступчатых склепов Боспора относятся примерно ко второй четверти IV в. до н. э. и что тем же столетием датируются фракийские фолосы Мезека и Одрина, то можно думать, что ульевидный склеп Золотого кургана был сооружен примерно в последних десятилетиях IV в. до н. э. (или немного позднее) [1].

Хорошо сохранившийся до последнего времени склеп Царского кургана (рис. 13—15) состоит из длинного (36 м) дромоса с уступчатым перекрытием и почти квадратной в плане погребальной камеры, перекрытой высоким ступенчатым куполом стрельчатого профиля [2]. Длина стен камеры от 4,39 до 4,49 м, высота ее около 9 м. До четвертого ряда камней (т. е. до высоты около 2 м) стены камеры отвесны, затем по углам начинают нависать уступами имеющие небольшой напуск плиты, придавая этой части помещения скругленные углы; а затем на высоте 4 м перекрытие приобретает круглую в плане форму. Решение перехода квадратной в плане камеры к круглому перекрытию вполне оригинальное [3], является своеобразной чертой рассматриваемого памятника.

Погребальная камера Царского кургана — наиболее сложная по устройству среди склепов Боспора — не имеет аналогий за его пределами. Нужно думать, что склеп Царского кургана, знаменующий собой едва ли не наиболее значительные достижения в сооружении боспорских монументальных гробниц, не мог быть изначальным. Он появился уже после того, как были освоены типы квадратных в плане камер, перекрытых уступчатым куполом (подобных Куль-Обскому кургану), а равно и ульевидных склепов (аналогичных Золотому кургану). Сохраняя план и устройство склепа Кульобского типа, зодчий Царского кургана заменил пирамидальное завершение конусовидным.

Таким образом, в Царском кургане сочетались два элемента — квадратная в плане камера, в истоках своих восходящая к деревянным шатровым погребальным сооружениям Прикубанья, и конусовидный уступчатый купол, навеянный ульевидными гробницами, прототипами которых были круглые в плане хижины. Однако ступенчатый характер перекрытия придает ему чисто боспорский характер. В этом заключалось

---

[1] Указанную дату мы относим к рассматриваемому нами склепу, который считаем впускным. Что же касается сооружения самого Золотого кургана, то последний, как мне кажется, относится к значительно более раннему времени (см. В. Д. Блаватский. Киммерийский вопрос и Пантикапей. Вестник МГУ, 1948, № 8, стр. 16).

[2] Древности Боспора Киммерийского. Чертеж А-в. В. Д. Блаватский. Античная архитектура Северного Причерноморья. Всеобщая история архитектуры, т. II, книга вторая, М., 1948, стр. 380 и сл., рис. 21, табл. 8.

[3] Согласно ОАК, в одном из Булганакских курганов, раскопанном в 1859 г., был обнаружен склеп одной архитектуры с Царским курганом, но меньших размеров. Этот склеп был разобран особенно в верхней части, и в нем ничего не сохранилось (ОАК, 1859, стр. 18—19).

своеобразие уступчатых склепов Боспора. В отличие от монументальных эллинских зданий, в основу которых была положена ордерная тектоника, боспорские уступчатые склепы сооружались на основе иной тектоники, а именно тектоники сруба.

Выше мы уже бегло упоминали о применении в склепе Царского кургана одного из приемов эллинской классики — так называемых аномалий. Это — заранее точно рассчитанные, сознательные отклонения от геометрических регулярных форм для достижения особых эффектов.

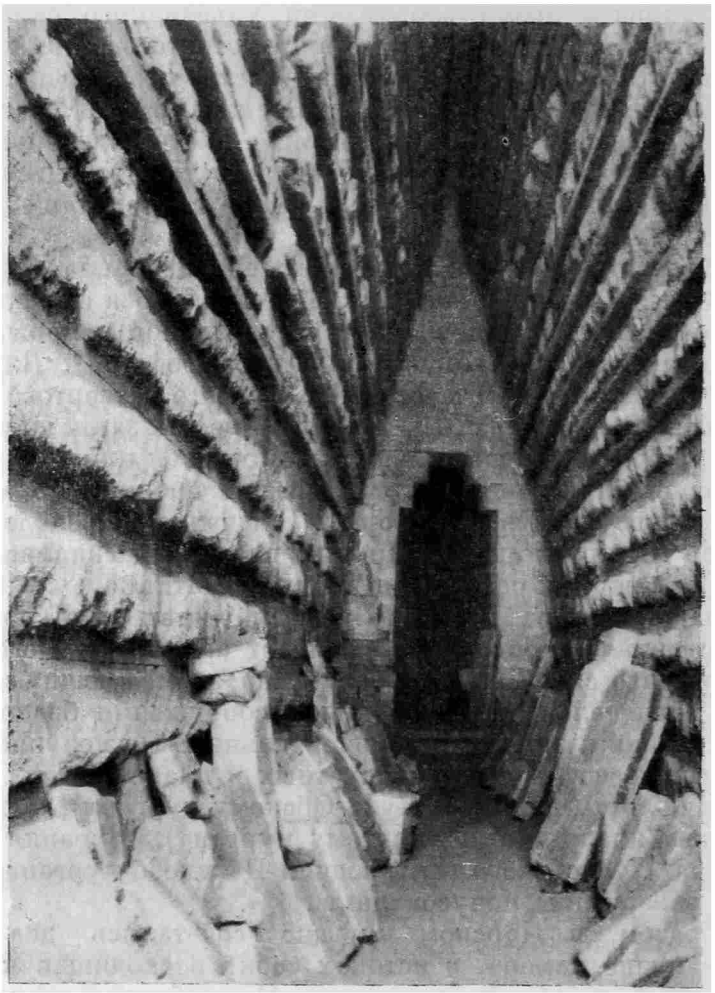

Рис. 13. Царский курган. Вид дромоса снаружи

Именно оси дромоса и камеры Царского кургана не вполне совпадают одна с другой, в силу чего стоящий перед входом зритель может видеть боковой срез двери камеры только с правой стороны. Другое, более интересное, отклонение от строгой симметрии заключается в следующем: верхние ряды камней на обеих сторонах уступчатого перекрытия дромоса расположены не параллельно, а немного отдаляются один от другого по направлению к камере. Ширина плафона свода (накрывающих его плит) в начале его 0,32 м, а около входа в камеру 0,15 м. В силу этого обстоятельства смотрящему на дромос извне кажется, что верхние ряды камней параллельны, а для зрителя, наблюдающего из двери камеры, линии схода

потолка представляются значительно усиленными. Такие отклонения от геометрически регулярных форм ослабляют впечатление перспективы для смотрящего извне и усиливают ее для смотрящего из склепа. Поэтому снаружи дромос кажется более коротким, чем он на самом деле, а изнутри — значительно более длинным, чем в действительности. Разумеется, такое устройство дромоса нельзя объяснять простой случайностью. Оно является результатом определенного замысла зодчего, стремившегося к достижению определенных эффектов перспективного построения.

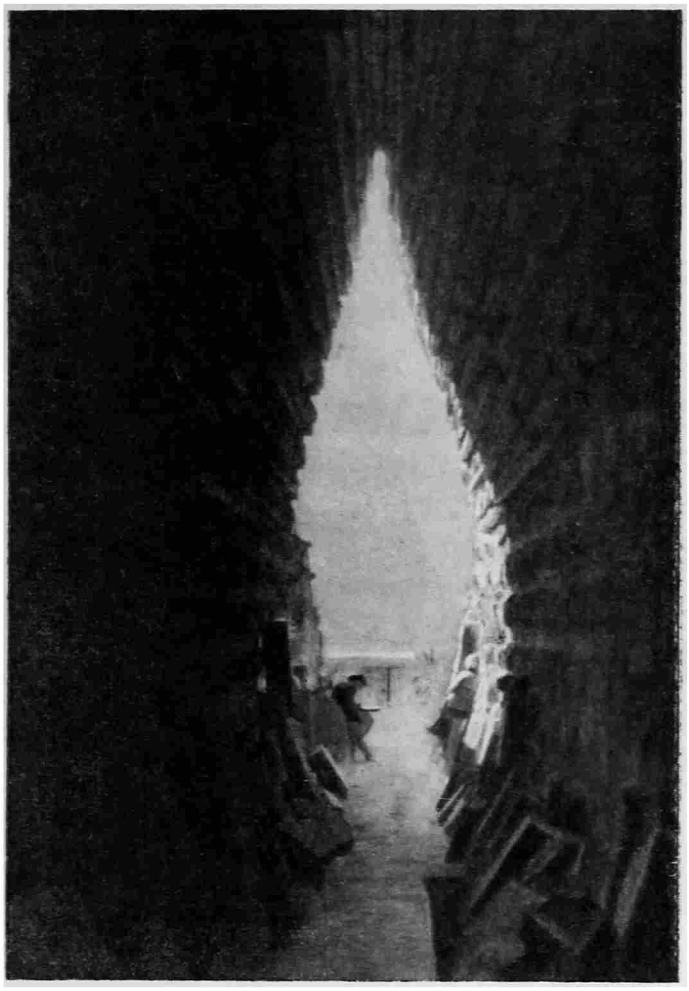

Рис. 14. Царский курган. Вид из склепа

Для человека, стоящего перед входом в дромос Царского склепа, погребальная камера кажется совсем близкой, что как бы выражает мысль о непрочности земного существования. Вошедшему же в сырой прохладный склеп и оглянувшемуся назад дромос представляется весьма длинным, и где-то вдали виднеется залитая солнцем земля. Внутри темного склепа утраченная жизнь должна казаться далекой и недоступной, к которой нет возврата из мрачного царства мертвых, как это нашло свое выражение в мифе об Орфее и Евридике.

Датировка Царского кургана затруднена тем обстоятельством, что склеп его был разграблен. Характер архитектурных форм склепа

заставляет отнести его ко времени после появления ульевидных гробниц на Боспоре. В силу этого, нужно думать, что Царский курган должно датировать временем не ранее конца IV в. до н. э.

Склепы с уступчатыми перекрытиями продолжали сооружаться в Пантикапее до II—I вв. до н. э. К этому времени относится склеп «Пигмеев» [1], обнаруженный В. Д. Карейшей в 1832 г. вблизи Керчи на продолжении

Рис. 15. Царский курган. Свод склепа

горы Митридата. В этом склепе, перекрытом уступчатым сводом на два ската, архитектурный тип боспорских гробниц IV—III вв. до н. э. сочетается с росписью, характерной для более позднего времени и не свойственной пантикапейским погребальным камерам эпохи наибольшего расцвета Боспора.

Закончив на этом обзор уступчатых склепов Боспора, бегло остановимся еще на одном типе гробниц: с плоским каменным потолком. Прототипами таких склепов пантикапейского некрополя послужили погребальные сооружения местной племенной знати азиатского Боспора.

---

[1] М. Ростовцев. Античная декоративная живопись, стр. 139 и сл., 148.

Мы имеем в виду Семибратные курганы, гробницы которых представляли собой склепы со стенами, сооруженными из камня [1] или сырца [2], перекрытыми деревом. Такие погребальные сооружения, имеющие сырцовые стены и крытые бревнами, применялись в V в. до н. э. и в курганном некрополе Фанагории [3].

К более позднему времени — IV в. до н. э. — относится склеп знаменитого Павловского кургана, представлявшего собой камеру с каменными стенами и перекрытием из горизонтально расположенных плит [4]. Не могу понять, что дало повод М. И. Ростовцеву [5] отнести этот склеп к числу имеющих уступчатое перекрытие. Как описание его в отчете, так и опубликованные чертежи [6] не дают для этого оснований, свидетельствуя о наличии прямого перекрытия. Дату Павловского склепа определяют найденные в нем «элевсинская» пелика, отнесенная С. С. Лукьяновым и Ю. П. Гриневичем [7] к 380—360 гг. до н. э., и серебряная гемидрахма [8], датируемая А. Н. Зографом [9] 325—300 гг. до н. э.

Таким образом, наши наблюдения над пантикапейскими склепами показывают, что в возникновении этих сооружений значительная роль принадлежала погребальным сооружениям Прикубанья и азиатского Боспора. Однако после того, как тип боспорских монументальных гробниц сложился, эти сооружения в свою очередь стали оказывать известное воздействие на погребальное зодчество местных племен Северного Причерноморья. Скорее всего именно боспорским воздействием следует объяснить общий характер каменного склепа и строительную технику (применение железных болтов) в кургане Огуз [10] (между Мелитополем и Днепром), хотя расположенные по сторонам его земляные камеры всецело отвечают характерным особенностям курганов Днепровской степной группы.

Воздействие Боспора, вероятно, сказалось и на курганах Елисаветинской станицы. Этим воздействием, видимо, объясняется сооружение в кургане [11], раскопанном в 1913 —1914 гг., склепа с каменными стенами из тесаных блоков. Однако его деревянное покрытие и найденные там же другие деревянные сооружения несомненно отвечают приемам исконного погребального зодчества Прикубанья.

---

[1] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 352. ОАК, 1875, стр. V и сл.; ОАК, 1876, стр. II и сл.

[2] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 352; ОАК, 1875, стр. VI.

[3] К. Герц. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. М., 1876, стр. 57. М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 349 и сл.

[4] ОАК, 1859, стр. 10, атлас, табл. V, рис. 1—4.

[5] М. Ростовцев. Античная декоративная живопись, стр. 107.

[6] Мы имеем в виду разрезы Павловского склепа, опубликованные в ОАК, 1859, атлас, табл. V, рис. 1 и 3.

[7] С. С. Лукьянов и Ю. П. Гриневич. Ук. соч., стр. 38 (Stephani, 1792).

[8] П. Бурачков. Ук. соч., табл. XX, 67.

[9] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 177, табл. XL, 29.

[10] ОАК, 1894, стр. 78 и сл., рис. 110—113.

[11] ОАК, 1913—1915 гг., стр. 155, рис. 236.

А. А. ПЕРЕДОЛЬСКАЯ

К ВОПРОСУ О ТЕРРАКОТАХ ИЗ КУРГАНА БОЛЬШАЯ БЛИЗНИЦА

СТАТУЭТКА — ПЕДАГОГ С УЧЕНИКОМ

При изучении терракот, происходящих из женского погребения № 4 кургана Большая Близница, я долгое время не могла понять причины, побудившей родственников умершей женщины включить в состав ее погребального инвентаря, столь сложного по составу и содержанию, такую, казалось бы, непримечательную, обычную, хотя и превосходную по исполнению терракоту, как группа старика и мальчика (рис. 1) [1].

В высокой шапке остроконечной формы и в плаще, оставляющем обнаженным правое плечо и руку, старик изображен идущим. Правая рука его опущена на плечо стоящего рядом с ним мальчика, в левой руке он держит музыкальный инструмент — лиру. На голове мальчика толстая повязка и ленты, спускающиеся на плечи. Старик обут в красные, мальчик в яркожелтые башмаки.

Лица и обнаженные части тела покрыты яркорозовой краской, губы — красной. Плащ и шапка старика, а также нижняя часть его лиры сохраняют следы желтой, а плащ мальчика и его толстая головная повязка — следы голубой краски, в то время как ленты на плечах мальчика, верхняя часть лиры старика и ленты, ее украшающие, пурпурного цвета.

Определение сюжета интересующей нас группы старика с мальчиком как педагога с учеником впервые было сделано издавшим ее Л. А. Стефани. Точка зрения Л. А. Стефани была поддержана Н. П. Кондаковым и И. И. Толстым [2], которые назвали старика «варваром-рабом». Эта мысль нашла также поддержку со стороны Миннса [3], Винтера [4], Потье [5] и Бибера [6]. Наконец, эту же мысль повторяет и В. Ф. Гайдукевич [7].

---

[1] Эрмитаж, инв. Б. Б. 173. Высота 14 см. ОАК, 1869, табл. II, 2; стр. 147. F. Winter. Die Typen der figürlichen Terrakotten, II, 403, 6. Реплика этого типа из того же погребения кургана Большая Близница была оставлена в Керчи. Еще одна реплика находилась в собр. Фогель: Sammlung A. Vogell, табл. IX, 22, стр. 66, № 721.

[2] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности. II, 1889, стр. 64, рис. 47.

[3] E. H. Minns. Scythians and Greeks. Кэмбридж, 1913, стр. 309, прим. 5.

[4] F. Winter. Typen der figürlichen Terrakotten, II, 403, 6.

[5] E. Pottier. Les statuettes de terre-cuite, стр. 150, рис. 49.

[6] M. Bieber. Sammlung A. Vogell. Zeitschrift für bildende Kunst, N. F., т. XIX вып. 7, стр. 168.

[7] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 290.

Однако Н. П. Кондаков и И. И. Толстой, первые сделавшие такой вывод, ошиблись, приняв обычную шапку греческого простолюдина на голове старика за местный головной убор, т. е. за «скифский» башлык. Они не обратили также внимания на нарядные цветные башмаки старика, что не соответствует низкому общественному положению воспитателя-раба.

Подчеркивая «варварское» происхождение старика, они не отметили того факта, что ничего специфически «варварского» в чертах лица старика не имеется.

Мотив педагога с учеником нередко встречается среди терракот. Здесь выделяются два разных типа: сидящего и стоящего или идущего педагога.

Тип сидящего педагога был создан около середины V века до н. э. и долго сохранялся в терракотовой пластике, приобретая с течением времени более свободную композицию [1].

Рис. 1. Статуэтка педагога с учеником из женского погребения № 4 кургана Большая Близница

Рис. 2. Статуэтка сидящего педагога

Наиболее характерным примером первого типа может служить экземпляр в Эрмитаже [2] (рис. 2), представляющий сидящего на табурете

[1] F. Winter. Typen..., II, 403, 9 и 10; 405, 6 и 7.

[2] Эрмитаж, инв. Г 1417; аналогичный тип педагога см. у F. Winter. Typen..., II, 403, 10.

старика, с сильно облысевшей, глубоко ушедшей в плечи головой, с одутловатым некрасивым лицом, тучным животом и по-стариковски вялыми мышцами груди. Лоб его перерезан морщинами; глазки маленькие; широкий нос с вдавленной переносицей делает его похожим на широко распространенный в искусстве V в. до н. э. тип старого силена. Босые ноги старика прикрыты плащом. Возле учителя стоит нагой мальчик.

Атрибутами старика-педагога в этой группе являются лежащая на его коленях прямоугольная складная табличка-диптих, служившая для письма, и ременная плетка, свешивающаяся с правого плеча старика [1].

Другой тип стоящего или идущего педагога также возник, вероятно, еще в V в. до н. э. [2] Однако особенно популярным и распространенным он становится позже [3], причем педагога окружают нередко несколько воспитанников [4].

Группа из кургана Большая Близница принадлежит к числу наиболее ранних экземпляров второго типа изображений, однако она выделяется рядом особенностей, не встречающихся в других статуэтках.

Лицо старика, хотя по-стариковски и некрасиво, но оно сохраняет черты благородства, делающие его непохожим ни на тип старого силена, ни на типы простолюдинов более позднего времени. Лицо старика близко напоминает бородатого жреца в группе «супругов» того же комплекса терракот.

На ногах нашего старика красные башмаки из дорогой кожи, вряд ли доступные для человека низкого происхождения.

Необычно одеяние мальчика. Ни в одной из перечисленных выше групп, изображающих педагога с воспитанником, не встречается подобных деталей в одежде ребенка. Обычно мальчик или совершенно наг, или закутан в плащ, но ни широкая повязка, ни ленты не украшают его головы.

Особенно много примеров для головных уборов подобного рода встречается среди терракот, происходящих главным образом из различных святилищ или найденных в погребениях [5].

Следовательно, повязки и ленты указывают не только на посвящение божеству [6], но и на широкое применение их в различных культовых действиях и обрядах, в том числе и погребальных.

Праздничная головная повязка и яркие ленты, спадающие на плечи мальчика, сближают терракотовую группу старика с мальчиком с другими статуэтками того же погребального комплекса из кургана Большая Близница.

Подобная же шерстяная повязка и широкие, спускающиеся на плечи ленты, дополненные плющевым венком, украшают голову жреца в группе «супругов» [7] и головы обоих Гераклов — трагического и комического [8].

---

[1] Подобную ременную плетку мы видим в руках у педагога в Берлине. A. B a u m e i s t e r. Denkmäler des klassischen Altertums, II, 1887, стр. 1126, рис. 1320.

[2] Например, F. W i n t e r. Typen..., II, 403, 5 и наш экземпляр из кургана Большая Близница.

[3] F. W i n t e r. Typen..., II, 403, 3, 4, 7, 8; 404, 6, 7; 405, 3 и 4.

[4] F. W i n t e r. Typen..., II, 403, 4; 405, 4.

[5] Ср. например, F. W i n t e r. Typen..., I, 188, 3—5; 248,4; 201; 202; 208; II, 242,3—8; 245; 247 и т. п.

[6] О повязках и лентах, употреблявшихся в елевсинских мистериях, см. P. F o u c a r t. Les mystères d'Eleusis, II, Париж, 1914, стр. 384 сл. О повязках, как символах посвящений божеству, см. Georg H o c k. Griechische Weihegebräuche. Вюрцбург, 1905, стр. 43, 115, 116. L. D e u b n e r. Attische Feste. Берлин, 1932, стр. 28 сл.; стр. 76.

[7] А. А. П е р е д о л ь с к а я. О сюжетах трех статуэток, найденных в кургане Большая Близница. СА, XIII, 1950, стр. 261, рис. 4.

[8] ОАК, 1869, табл. II, 9 и 10.

Пурпуровая повязка и голубые ленты выделяют статуэтку отдыхающего кулачного бойца [1] из числа обычных изображений атлетов и заставляют предполагать в нем участника праздничных агонов, может быть, связанных также с какими-то мистериями.

Повязка и ленты придают весьма необычный вид сидящему на корточках силену [2] этого же погребального комплекса.

Этот факт невольно наводит на мысль, что группа мальчика со своим воспитателем, подобно другим статуэткам этого погребального инвентаря, имела какое-то отношение к тому культу, представительницей которого была погребенная здесь знатная боспорская женщина.

Выясняя сюжеты необычных терракот этого комплекса, я пыталась показать, что некоторые из них были явно связаны с культом аграрных божеств, в частности с культом Деметры, и что они имели весьма близкое отношение к каким-то, может быть, даже к елевсинским мистериям.

Этот факт имеет значение и для определения разбираемой здесь группы.

Мы знаем об участии афинских эфебов в процессии елевсинских мистов, сопровождавших 19 боедромиона τὰ ἱερά — «таинства» и статую Иакха из Афин в Елевсин. Позднее, уже в первых веках н. э., эфебы участвовали также и в перенесении τὰ ἱερά из Елевсина в Афины в самом начале подготовки празднования мистерий [3].

Нам известно также, что эфебы участвовали в жертвоприношении быков, выделенных для этой цели [4], и что они от своего имени посвящали Деметре фиалу [5].

Вероятно, эфебы были посвящены в таинства, потому что непосвященным лицам вообще было запрещено входить на территорию елевсинского святилища, и даже рабы, обслуживавшие святилище, посвящались в таинства, о чем говорят письменные источники [6].

В качестве убедительного примера посвящения эфеба можно указать на мраморный вотивный рельеф середины V в. до н. э., происходящий из перибола елевсинского святилища [7]. На нем изображен нагой мальчик, стоящий перед богиней или ее жрицей, которая совершает над ним обряд посвящения; она держит над его головой фиалу. Само собой разумеется, что это была лишь первая подготовительная ступень посвящения, не дающая еще права участвовать в самих таинствах.

Это дало основание Н. И. Новосадскому [8] утверждать, что посвящение и участие эфебов в подготовке празднования мистерий носили не религиозный характер, а преследовали лишь цель придать большую торжественность и пышность процессии мистов. При этом Н. И. Новосадский ссылается на сохранившиеся надписи, в которых благодарность за хорошее исполнение эфебами их обязанностей во время шествия приносилась обычно государственному чиновнику — космету, в подчинении которого находились эфебы, а не жрецу — куротрофу, который подготовлял эфебов к исполнению ритуала мистерий.

---

[1] ОАК, 1869, табл. II, 6.
[2] Там же, табл. II, 12.
[3] Н. И. Новосадский. Елевсинские мистерии. СПб., 1887, стр. 77. P. Foucart. Les Mystères d'Eleusis. Париж, 1914, стр. 243 сл. Otto Kern. Die Religion der Griechen. II, Берлин, 1935, стр. 197.
[4] H. G. Pringsheim. Archäologische Beiträge zur Geschichte des eleusinischen Kults. Мюнхен, 1905, стр. 106. P. Foucart. Ук. соч., I, стр. 94, II, стр. 244.
[5] P. Foucart. Ук. соч., II, стр. 245.
[6] F. Noack. Ук. соч., стр. 229. P. Foucart. Ук. соч., стр. 273 сл.
[7] H. G. Pringsheim. Ук. соч., табл. 1, 2, стр. 20 сл.
[8] Н. И. Новосадский. Ук. соч., стр. 77.

Но считать мальчика нашей группы таким эфебом, посвященным в «таинства», а в лице старика видеть жреца-куротрофа или елевсинского космета нельзя по нескольким причинам.

Вызывает сомнение возраст мальчика, который является не эфебом, а отроком, даже ребенком. Кроме того, на рельефе мальчик нагой, а наш мальчик закутан в длинный плащ, что также не подходит к обычной одежде эфеба, состоящей из короткого хитона и небольшого плаща. Вызывают сомнения и цветные, вероятно, кожаные башмаки [1].

Однако остается все-таки еще одна возможность, которая может связать нашу группу с Елевсином. Я имею в виду ряд эпиграфических памятников, которые свидетельствуют о посвящении детей обоего пола, причем некоторые ученые связывают этот обычай посвящения непосредственно с Елевсином [2].

Обряд посвящения детей происходил на «священном» дворе храма Деметры, у ее священного очага, а потому и назывался «посвящением у очага» μύησις ἀφ ἑστίας [3].

Первоначально подобное посвящение «у очага» было привилегией жреческих елевсинских семейств [4], но после присоединения Елевсина к Афинам стало привилегией также богатых и знатных афинян [5].

Ребенок, в возрасте от восьми до четырнадцати лет, избирался по жребию. Самый акт посвящения считался высокой честью, оказываемой как ребенку, о чем он в зрелом возрасте с гордостью вспоминает [6], так и родителям ребенка.

К сожалению, нам почти ничего не известно о характере культовых обрядов, совершаемых в Елевсине этими детьми, посвященными «у очага».

Возможно, что девочки носили в различных процессиях священные корзины или другие священные предметы.

Процессия канефор устраивалась, например, в Афинах, в день так называемых «Эпидаврий» 17 или 18 боедромиона [7], т. е. как раз накануне возвращения процессии мистов со статуей Иакха из Афин в Елевсин.

Другая процессия канефор проводилась в ночь с 21 на 22 боедромиона уже в Елевсине, когда разыгрывалась священная драма похищения Коры Аидом [8].

Посвященные у «очага» девочки могли носить в процессиях и другие священные предметы, например, священную цисту — важнейший атрибут, связанный с мистериями Деметры. Именно такую девочку с цистой на голове мы видим в группе адорантов или мистов на мраморном посвятительном рельефе V в. до н. э., найденном на территории елевсинского святилища [9].

[1] По мнению ряда ученых, шерстяные одежды, кожаную обувь, цветные повязки и драгоценности запрещалось носить участникам мистерий. Однако полного единства мнений в этом вопросе еще нет: H. G. Pringsheim. Ук. соч., стр. 14 сл.

[2] Н. И. Новосадский. Ук. соч., стр. 101 сл. P. Foucart. Ук. соч., II, стр. 277 сл. H. G. Pringsheim. Ук. соч., стр. 38 и 41 сл.

[3] Н. И. Новосадский и П. Фукар связывают этот «очаг» с именем Деметры. L. Deubner. Ук. соч., стр. 74 сл. и некоторые другие ученые называют его «государственным» и указывают, что подобные посвящения у «очага» могли происходить и в афинском Элевсионе: например, E. Noack. Eleusis, стр. 229.

[4] H. G. Pringsheim. Ук. соч., стр. 42, примечание.

[5] Вероятно, с течением времени обычай посвящения детей у «очага» распространился шире.

[6] Н. И. Новосадский. Ук. соч., стр. 103 со ссылкой на надпись в Ἐφημ. ἀρχ., 1883, стр. 19, 2.

[7] Н. И. Новосадский. Ук. соч., стр. 117 сл. и 119.

[8] Там же, стр. 117 и 126.

[9] O. Rubensohn. Eleusinische Beiträge. Ath. Mitt., 24, 1899, табл. VIII, 1 и стр. 51 сл.

Весьма возможно, что и мальчики, посвященные «у очага», участвовали в каких-либо процессиях, о чем свидетельствует, например, мраморная статуя мальчика в Палаццо Консерваторов в Риме (римская копия с оригинала около середины V в. до н. э.) [1]. Этот мальчик одет в короткую рубашку, без пояса, одна нога у него босая, другая обута в сандалию; на голове его толстая повязка, напоминающая такую же повязку мальчика нашей группы, но без лент. Мальчик несет поросенка — животное, предназначенное в жертву Деметре.

К сожалению, находки из знаменитого елевсинского святилища все еще не изданы с достаточной полнотой. Нам приходится пользоваться зарисовками в атласе Винтера, чтобы выяснить, какие типы посвятительных статуэток мальчиков и эфебов были найдены в этом святилище. Количество их невелико. Голова одного мальчика, закутанного в плащ, увенчана почти такой же повязкой, как у мальчика нашей группы [2]; второй мальчик стоит, прислонившись к колонне [3]; третий, постарше, сидит на каком-то прямоугольном блоке, может быть, «очаге» [4]. Особый интерес представляет, однако, совсем маленький мальчик, закутанный в плащ, в остроконечном колпачке, присевший на корточки [5]. Этот тип интересен тем, что особенно хорошо он представлен многочисленными находками в фиванском Кабирионе [6], о чем речь будет ниже.

Но особенно важна для нас статуэтка мальчика, сидящего на ступеньке «очага» с поросенком в руке [7]. Эта статуэтка несомненно является посвятительным даром мальчика, посвященного «у очага».

Таким образом есть основания считать мальчика нашей группы связанным с актом или обрядом посвящения детей «у очага» Деметры в Елевсине, а для старика, благосклонно положившего руку ему на плечо, остается только одно объяснение, что он должен изображать жреца-воспитателя, жреца-куротрофа, который обучал посвящаемых им детей соответствующим обрядам культа, приготовляя их тем самым к участию в ритуале культа или мистерий [8].

Лира в руке старика, атрибут обычного педагога, не находится в противоречии с толкованием старика как жреца, потому что музыка и пение несомненно занимали большое место в любых культовых действиях.

Не находятся в противоречии с этим толкованием и другие детали костюма старика — шапка педагога и богатые башмаки жреца.

Предлагаемое толкование имело бы еще и то преимущество, что оно устанавливало бы тесную связь нашей группы с рядом других терракот того же погребального комплекса. Наша группа старика с мальчиком была включена в погребальный инвентарь боспорской женщины не потому, что это произведение коропласта было особенно любимо при жизни умершей женщиной и не по «прихоти» или «желанию» лиц, совершавших погребальный обряд. Наличие группы в составе погребального инвентаря было вызвано необходимостью указать на связь погребенной с определенным культом, с теми или иными обрядами.

Однако нельзя окончательно признать это толкование, не рассмотрев еще одной возможности, позволяющей расширить толкование сюжета

[1] Journal of Hellenic Studies, 29, 1909, табл. I, *в*, *с*; стр. 1 сл.
[2] F. W i n t e r. Typen..., II, 240, 8 (конец V — начало IV в. до н. э.).
[3] Там же, II, 243, 2 (та же датировка).
[4] Там же, II, 259,1 (та же датировка).
[5] Там же, II, 267,2 (начало V в. до н. э.).
[6] Там же, II, 267, 2, 3, 6, 9.
[7] Там же, I, 92, 4.
[8] Среди жреческого персонала в Елевсине такая должность была; см. Н. И. Н о в о с а д с к и й. Ук. соч., стр. 76.

нашей группы, связывая ее с аграрными представлениями другого культа, а именно культа кабиров.

Дело в том, что в культе кабиров также имели место подобные же посвящения эфебов. Известия о них, правда относящиеся к значительно более позднему времени, чем наша группа, сохранились в Пергаме, где культ кабиров под именем «великих богов» имел глубокие корни, восходя к глубокой древности [1].

Посвящения эфебов в Пергаме происходили непосредственно вслед за празднованием мистерий в честь великих богов кабиров.

Мы узнаем об этом из почетного декрета в честь гимнасиарха Диодора [2].

Из этого декрета мы узнаем, что празднование мистерий в честь кабиров продолжалось несколько дней, что в эти же дни происходил обряд посвящения эфебов, что непосредственно вслед за посвящением эфебов следовало жертвенное пиршество, в котором, помимо эфебов и гимнасиархов, принимало участие большое число приглашенных почетных лиц.

Устанавливаемая декретом в честь гимнасиарха Диодора тесная зависимость между празднованием мистерий в честь кабиров и посвящением эфебов подтверждается другим декретом, также в честь пергамского гимнасиарха — Метродора, сына Гераклеона [3]. Этот последний, подобно Диодору, принял на себя большие расходы по организации такого же праздника [4].

Таким образом, содержание пергамских декретов в честь гимнасиархов Диодора и Метродора доказывает древность (κατὰ τὰ πάτρια) культа кабиров — великих богов в Пергаме и существование тесной организационной связи между жрецами культа кабиров и гимнасиархами, знатными и уважаемыми в государстве лицами, занимавшими различные почетные должности, в том числе и по руководству воспитанием юношества в гимнасиях.

Связь эта сказывается как в том, что именно гимнасиархи проявляли особую заботливость в наблюдении за сохранением в неприкосновенности древних обычаев и обрядов, так и в том, что нередко издержки организации хора во время мистерий они брали на себя, как самые богатые люди.

Не исключена возможность, что гимнасиархи выполняли и жреческие функции в культе и мистериях кабиров.

К сожалению, мы и в данном случае ничего не знаем об обязанностях, возлагаемых на эфебов, посвящаемых во время празднования Καβερία [5].

Открытие святилища кабиров в Нимфее [6] и, следовательно, наличие культа подземных божеств — кабиров обязывают нас с новой точки зрения посмотреть на многие до сих пор непонятные и казавшиеся загадочными особенности интересующего нас погребального комплекса кургана Большая Близница.

Если главной идеей в елевсинских мистериях были отношения между Деметрой и Корой, любовь матери к своей дочери, похищенной у нее,

---

[1] Erwin Ohlemutz. Die Kulte und Heiligtümer der Götter in Pergamon. Вюрцбург, 1940, стр 192 сл.

[2] Ath. Mitt., 1904, 29, стр. 152 и сл., строки 6—7.

[3] Ath. Mitt., 1907, 32, стр. 273, декрет № 10.

[4] Там же, строки 30—31 декрета.

[5] В самофракийском святилище кабиров, вероятно, также имели место посвящения мальчиков. См. Bengst Hemberg. Die Kabiren. Упсала, 1950, стр. 115.

[6] М. М. Худяк. Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее. Сборник статей: Керченский государственный историко-археологический музей имени А. С. Пушкина, 1, Симферополь, 1952, стр. 79 и сл.

то в культе кабиров с V в. до н. э. главное место отводилось, повидимому, почитанию старого кабира с его «мальчиком», т. е. отношениям между отцом и сыном[1].

Исходя из этого положения, мы вправе поставить вопрос: не является ли разбираемая нами группа воспроизведением старого кабира и его «мальчика»?

Различный возраст, характеристика наружности, особенности костюма — все это не вызывает каких-либо сомнений с точки зрения принадлежности обеих фигур к культу кабиров. Первый из указанных признаков, заключающийся в подчеркивании различного возраста изображенных лиц — старик и мальчик, — полностью соответствует одному из главных требований культа кабиров — почитанию старого, бородатого кабира (отца) и его молодого сына.

Эта идея служила, как мы знаем, содержанием культа «великих богов» в самофракийском святилище, где ребенок почитался то под именем Гермеса, то под именем Кадмила [2].

Эта же мысль проводилась и в культе кабиров на острове Лемносе, где роль ребенка выполнял Камилл (или Кадмил), юный сын Гефеста и богини Кабейры [3].

Наиболее яркое выражение эта идея получила в V в. до н. э. в Фиванском святилище Кабиров, которое представляет для нас большой интерес в виду обилия в нем посвятительных даров, в том числе и терракот [4].

Наиболее важным среди посвятительных даров Фиванского Кабириона является фрагмент расписной чаши Афинского Национального музея с известным изображением кабиров [5]. Чаша относится к 440—430 гг. до н. э.

На наружных стенках чаши изображены две группы фигур, резко отличающихся по характеристике друг от друга.

Первая, видимо, главная группа состоит из возлежащего бородатого бога — кабира, видом своим напоминающего Диониса, и юного обнаженного мальчика, выполняющего обязанности виночерпия. У бородатого бога голова увенчана плющевым венком и повязками, ноги его покрыты плащом, в руке он держит канфар. Тип возлежащего бородатого бога неоднократно встречается как в рисунках на вазах, так и в многочисленных терракотовых статуэтках VI—V вв. до н. э., происходящих из этого же святилища [6].

Очевидно, для святилища подземных богов, каким был фиванский Кабирион, образ возлежащего бога, получающего возлияния и пирующего, был особенно популярным. На упомянутой чаше Афинского музея, а также на ряде других чаш того же святилища, образ бородатого бога явно сливается с образом Диониса, особенно почитаемого в Беотии в V в. до н. э.

---

[1] О кабирах см. исследование Н. И. Новосадского. Культ кабиров в древней Греции. Варшава, 1891. Bengst Hemberg. Ук. соч., стр. 261 сл., где собрана литература. Otto Kern. Kabeiros und Kabeiroi. R—E, X, столб. 1399—1450.

[2] B. Hemberg. Ук. соч., стр. 95 сл.

[3] Там же, стр. 161 сл., стр. 165.

[4] P. Wolters. Das Kabirenheiligtum bei Theben. Ath. Mitt. 1890, 15, стр. 155 сл. P. Wolters, Gerda Bruns. Das Kabirenheiligtum bei Theben. Берлин, 1940. B. Hemberg. Ук. соч., стр. 184 сл. и особенно стр. 191 и 194 сл.

[5] Ath. Mitt., 1888, 13, табл. 9, P. Wolters, Gerda Bruns. Ук. соч., табл. 5 и 44,1.

[6] Ath. Mitt., 1890, 15, стр. 358 (около 50 экземпляров). P. Wolters, Gerda Bruns. Ук. соч., табл. 6 и табл. 8,1. F. Winter. Typen..., I, 193 сл.

Таким образом, здесь мы сталкиваемся с отражением господствовавшего в этот период представления о кабире, как божестве плодородия, как божестве виноделия, ничем не отличающегося от образа официальной религии — Диониса.

Иначе изображена на чаше Афинского музея другая группа. Она состоит из трех фигур: мужчины — Μίτος, женщины — Κράτεια и мальчика Πρατόλαος. Обе мужские фигуры выделяются своим карикатурным внешним обликом, характерным для других изображений Фиванского Кабириона. Здесь сказались, вероятно, древнейшие представления о кабирах как о низших демонах природы и плодородия.

Кратейя [1] — местная богиня, мать, позже могла слиться с Деметрой Кабейрой.

Представление о триаде богов — отец, мать и сын — типично в культах кабиров для разных мест [2]. Митос и Кратейя рассматриваются обычно как мифические родоначальники человеческого рода, Пратолай, их сын, — как первый человек на земле. В этой трактовке группы сказывается тенденция беотийцев связать древний культ кабиров с орфическими представлениями о происхождении людей [3].

Таким образом, афинский фрагмент чаши из Кабириона является наглядным доказательством сосуществования в V в. до н. э. старых и новых религиозных представлений о старых и новых аграрных и хтонических богах. Развиваясь, греческая официальная религия вбирала в себя многие элементы народных, может быть, еще догреческих земледельческих культов, и, наоборот, древнейшие местные, народные (догреческие) культы сливались с новыми религиозными представлениями, созданными в классовом обществе, и приобретали новые внешние черты и формы, более соответствовавшие требованиям рабовладельческого общества.

Вернемся снова к изучаемой нами группе из кургана Большая Близница. Итак, перед нами старик и мальчик, в которых могли отразиться представления о старом кабире и его юном сыне.

Благообразный вид старика, столь схожий с обликом жреца в группе «супругов» того же погребального комплекса, ничем уже не напоминает тех уродливых карликов, о которых писал Геродот [4], вспоминая безобразную наружность финикийских патэков, египетских демонов Пта-Сохарис, и Беса, и греческих пигмеев, и кабиров.

Головной убор старика напоминает в данном случае не столько меховую шапку педагога, сколько пилос — один из характерных атрибутов кабиров, изображенных на монетах ряда городов [5], в том числе и Фанагории конца V — начала IV в. до н. э. Высокая остроконечной формы шапка кабиров, как бородатых, так и безбородых, нередко украшается веткой плюща. Именно такими остроконечными колпачками наделены

---

[1] Otto Kern. Krateia R—E, X, столб. 1608 сл.

[2] На Лемносе, например, старый кабир, слившийся с Гефестом, богом подземного огня и богатств в недрах земли, сочетался с местной богиней, носившей имя Кабиры, а их сын Кадмил, или Камилл, в браке с местной великой богиней Нимфой, носившей имя острова Лемнос, имел трех сыновей кабиров и трех дочерей нимф — кабирид. Otto Kern. R—E, X, столб. 1421 сл. B. Hemberg. Ук. соч., стр. 164 сл.

[3] Otto Kern. Ук. соч., столб. 1440 сл.

[4] Геродот, III, 37.

[5] Эту группу изображений, отождествив их с кабирами, собрал H. Fritze. Byritis und die Kabiren auf Münzen. Zeitschrift für Numismatik, 1904, 24, стр. 105 сл. А. Н. Зограф. Кизикины коллекции С. Г. Строганова. Сборник Гос. Эрмитажа, вып. III, 1926, стр. 67. Остроконечной формы головной убор имеют также изображения местной богини на Лесбосе (F. Winter. Typen..., I, 54, 1—2, 4, 6); в Ассосе (там же I, 54, 5), где культ кабиров был известен издревле; в Troade (там же, I, 54, 7, 8), где культ кабиров также засвидетельствован.

многие терракотовые посвятительные фигурки, особенно мальчики, из Кабириона у Фив [1].

Не вызывает сомнений и лира в руках старика. Среди терракот фиванского Кабириона мы нередко встречаем карикатурного кабира с лирой [2]. Подобный кабир с лирой был найден и в Нимфее [3], хотя и не в верхнем святилище подземных богов, на акрополе города, а в святилище Деметры, на берегу моря (рис. 3). Там же был найден еще один фрагмент безбородого мужского лица, исполненного в «карикатурной» манере [4], напоминающей аналогичные терракоты того же фиванского Кабириона (рис. 4).

Рис. 3. Обломок статуэтки кабира из Нимфея

Рис. 4. Обломок терракотовой головы из Нимфея

Эти две находки подтверждают тесную связь, существовавшую в V в. до н. э. между двумя нимфейскими святилищами — святилищем подземных богов (кабиров) наверху — на акрополе, и святилищем Деметры внизу — на берегу моря [5].

Подобная связь кабиров с Деметрой была давно уже замечена исследователями культа кабиров для фиванского Кабириона [6], неподалеку от которого находилось и святилище Деметры, само прозвище которой — Кабира — указывает на ее значение в этом культе [7]. Эта же связь между культом кабиров и культом Деметры устанавливается в последнее время и для самофракийского святилища [8], причем ее объясняют нередко влиянием елевсинских мистерий [9].

В нимфейском святилище Деметры были найдены две архаические формы от терракот, изображающих очень тучную женщину — демона самосско-березанского типа [10], несомненно древнейшую богиню в культе кабиров, и силена на корточках [11] — тип, широко представленный в неоднократно упоминаемом нами фиванском Кабирионе [12]. Здесь же была найдена и архаическая фигурка возлежащего бородатого бога с рогом в руке [13] — тип также знакомый нам по находкам в Кабирионе. Это

[1] F. Winter. Typen..., II, 432, 2 (старик); I, 267, 2, 3, 6, 9 (мальчик).
[2] F. Winter. Typen..., II, 432, 3, 7.
[3] Эрмитаж, инв. Нф. 41. 996.
[4] Там же, 1004.
[5] М. М. Худяк. Предварительные итоги раскопок..., стр. 82.
[6] Н. И. Новосадский. Культ кабиров в древней Греции. Варшава, 1891 стр. 51 сл. Bengst Hemberg. Ук. соч., стр. 192 и 279.
[7] Павсаний, 9, 25, 5.—Otto Kern, R.—E, X, столб. 1444.
[8] B. Hemberg. Ук. соч., стр. 89 сл.; стр. 279.
[9] Otto Kern, R.—E, X, столб. 1444.
[10] М. М. Худяк. Раскопки святилища в Нимфее. СА, 1952, 16, стр. 253, рис. 15, 3. Эрмитаж, Нф. 41.959. Один экземпляр изображение этого типа был найден в 1939 г. на акрополе Нимфея, неподалеку от того места, где позже было открыто само святилище подземных богов.
[11] Эрмитаж, Нф. 48. 1031.— М. М. Худяк. Ук. соч., стр. 254.
[12] Ath. Mitt., 15, 1890, стр. 359.
[13] Эрмитаж, Нф. 48.1032.

Рис. 5. Статуэтка сидящего мальчика из женского погребения № 5 кургана Большая Близница

свидетельствует о том, что в нимфейском святилище Деметры сохранились следы культа кабиров.

Итак, для объяснения сюжета группы педагога с ребенком мною было выдвинуто два предложения.

Первое предложение сводится к тому, чтобы рассматривать нашу группу, как изображение жреца-куротрофа и мальчика, посвященного «у очага» Деметры. Это объяснение позволяет связывать всю группу не только с культом Деметры, но, может быть, и с культом елевсинских богов.

Второе предложение исходит из факта открытия в Нимфее святилища и культа подземных богов-кабиров и позволяет видеть в группе изображения старого кабира или жреца, заменяющего его в культе, и его сына [1].

Оба предложения одинаково возможны и не находятся в противоречии с другими предметами, составляющими погребальный комплекс, но последнее предложение имеет, повидимому, то преимущество, что дает возможность удовлетворительно объяснить ряд других фигурок из разбираемого погребального комплекса, которые до последнего времени не поддавались толкованию.

Я имею в виду, прежде всего, статуэтки двух стариков, закутанных в плащ.

ДВЕ СТАТУЭТКИ СТАРИКОВ

Одна из них изображает фигурку сухого, сгорбленного старика со впалой грудью, одетого в длинный хитон, сохранивший яркоголубую окраску, плащ и яркокрасные башмаки (рис. 6) [2].

[1] Укажу, что в погребальном инвентаре еще одной женщины из этой же знатной семьи, погребенной в каменном склепе № 5 того же кургана Большая Близница (склеп открыт в 1883 г. Веребрюсовым), в числе терракот находилась типичная для культа кабиров фигурка нагого мальчика, сидящего на земле (Эрмитаж, инв. ББ, 204). Головка мальчика увенчана знакомой нам толстой повязкой, хотя и без лент, спадающих на плечи (рис. 5).

[2] Эрмитаж, инв. ББ. 160. Высота 13 см. ОАК, 1869, табл. II, 3, стр. 148. F. Winter. Typen..., II, 463,3 (автор неправильно включает эту статуэтку в раздел «женских карикатурных фигур»). В. Д. Блаватский. Греческая скульптура, М.— Л., 1939, стр. 120, с рис. (для автора это попрежнему «гротеск» и «старуха»).

От второй статуэтки сохранилась только верхняя часть фигуры, закутанной в такой же плащ (рис. 7) [1].

Несмотря на некоторые различия в трактовке лиц обеих фигур, поражает их внешнее сходство: одинаковы, вероятно, были их позы и жесты, одинаковы, видимо, были и их одежды. Но один безбород, лыс и не имеет головного убора, а другой — бородат и увенчан плющевым венком и толстой повязкой; последний, очевидно, изображен поющим.

Если судить по деталям одежды (длинный хитон, плащ, цветные башмаки) и старческому возрасту, то оба

Рис. 6. Статуэтка старика из кургана Большая Близница

Рис. 7. Верхняя часть статуэтки из кургана Большая Близница

они должны были занимать несомненно высокое положение в обществе. Оба могли изображать одно и то же лицо или могли быть лицами, близкими между собой.

Нельзя согласиться с ничем не обоснованным замечанием Л. А. Стефани о принадлежности этих двух старцев к «столь же простому классу общества», как и старик-педагог.

---

[1] Эрмитаж, инв. ББ. 161, высота 8,6 см — ОАК, 1869, табл. II, 4. F. Winter. Typen..., II, 436, 8.

Этому, на мой взгляд, противоречит внешний облик фигур, ничем в сущности, кроме глубокой старости, не отличающихся от изображений пожилых и почтенных афинских граждан, какими мы их себе привыкли представлять по фигурам на панафинейском фризе Парфенона, надгробных или вотивных рельефах V и IV вв. до н. э.

Я не могу в настоящее время принять без оговорок, о которых буду говорить ниже, и толкование Е. В. Ернштедт, предлагавшей видеть в этих фигурках изображения афинских хорэгов или хоревтов.

Известно, что хорэг появлялся на празднике во главе своего хора обычно в пурпуровой одежде, тогда как плащ одной из наших фигурок, судя по слабо сохранившимся следам раскраски, желтый, а хитон у другой — синий.

Толстая, явно шерстяная повязка на голове одного из стариков указывает, что он мог быть посвящен божеству, а плющевый венок служит доказательством того, что он имел отношение к культу подземных богов.

Старик изображен поющим, следовательно, он был не только посвященным, но и активным участником мистерий [1].

Этот старик, на мой взгляд, мог изображать жреца того самого культа, к которому имела отношение и умершая женщина и которым могут быть объяснены остальные предметы, входившие в состав ее погребального инвентаря.

Я уже указывала, что это был культ подземных богов, являвшихся в то же время и богами плодородия.

Долгое время в нашей науке принято было считать, что женщины знатной семьи, погребенной в кургане Большая Близница, были жрицами культа Деметры и что они имели какое-то отношение к елевсинской религии [2], поскольку следы этой религии в культуре Боспора неоднократно отмечались [3].

Жрицей Деметры считается также знатная женщина, погребенная в кургане на Павловской батарее [4]. Связь этой последней с елевсинской религией подтверждается включением в состав ее погребального инвентаря краснофигурной вазы с изображением елевсинских божеств.

Следует, однако, отметить весьма различный характер состава самих погребальных комплексов этих трех женщин-жриц: в кургане Большая Близница и в кургане на Павловской батарее.

Дело заключается не только в необычайной пышности и богатстве погребального ритуала двух таманских жриц (обилие изделий из золота), не столько даже в наличии предметов конского убора в одном из этих погребений, сколько в том, что далеко не все предметы, входящие в состав погребальных комплексов кургана Большая Близница, могут быть объяснены отношением погребенных женщин к культу Деметры или к культу елевсинских богов.

---

[1] Напомню, что имя главы знатнейшего елевсинского жреческого рода Евмолп (Εὔμολπος) и родовое имя членов этого рода Евмолпиды (Εὐμολπίδαι) происходят от εὖ μέλπεσθαι («хорошо петь») и указывают на жреческую функцию представителей этого рода.

[2] Л. А. Стефани. ОАК, 1865, стр. 6 сл.; ОАК, 1869, стр. 12. М. И. Ростовцев. Роспись Керченской гробницы, открытой в 1891 г. Сборник археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому. СПб., 1911, стр. 120 сл.

[3] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, стр. 194, 224, 226, 236 сл., 353, 360 сл., 513.

[4] Л. А. Стефани. ОАК, 1859, стр. 33 сл.; ОАК, 1869, стр. 44. Непонятна причина, заставляющая Ростовцева (Роспись керченской гробницы..., стр. 121) сомневаться в связи с культом и мистериями Деметры женщины, погребенной в склепе Павловского кургана.

Связь с этими культами может быть подтверждена росписью на потолке, изображающей голову Деметры [1] (в разоренном склепе № 1), наличием головного убора в виде калафа [2], золотыми бляшками с изображениями бюстов Деметры, Коры и Геракла [3], головы Гелиоса и головы Афины [4], девушек в калафах [5], совершающих священную пляску, многочисленными розетками [6], напоминающими своим видом нарциссы, которые собирала Кора на Нисейском лугу в момент появления там колесницы с Аидом (в склепе № 2); а также некоторыми типами терракот, которые могут быть непосредственно связаны с легендой, рассказанной в гомеровском гимне к Деметре (в погребении № 4). Среди этого комплекса терракот мы встречаем, например, юную Кору с венком на голове [7], полуфигуру богини [8], которую можно сопоставлять с изображением Персефоны, возвращающейся на землю из подземного царства [9], сидящую женщину, вкушающую «священный напиток» Деметры [10], несколько старух [11], закутанных в плащ и изображавших, вероятно, в священных драмах саму богиню Деметру, покинувшую в поисках дочери Олимп в неузнаваемом облике «дряхлой старухи» [12]; может быть, группу «супругов», воспроизводивших культовый обряд «священного брака», в δρωμενα елевсинских мистерий [13].

В последнее время, однако, была выдвинута другая гипотеза, связывающая представительниц знатного рода с культом Афродиты Урании, почитавшейся на Боспоре и особенно имевшей значение в его азиатской части — в Фанагории, Гермонассе и в святилище Апатура [14]. Местоположение этого последнего святилища локализуют около станицы Вышестеблеевской, поблизости от курганов Большой и Малой Близниц [15].

В защиту этой теории еще не выдвинуто достаточно веских аргументов: обычно ограничиваются ссылкой на изображения Афродиты с Эротом на двух золотых перстнях [16] и бронзовом зеркале [17], входивших

[1] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 120; его же. Античная декоративная живопись, табл. VII, VIII.

[2] ОАК, 1865, табл. I.

[3] Там же, табл. II, 7, 8, 9.

[4] Там же, табл. III, 44 и 45.

[5] Там же, табл. III, 2, 3.

[6] Там же, табл. III, 17, 18.

[7] ОАК, 1869, табл. III, 7.

[8] Там же, табл. III, 6.

[9] Л. А. Стефани (Ук. соч., стр. 164) предлагал видеть в этой полуфигуре изображение Афродиты, которая «находилась в тесной связи с елевсинским культом». Хотя эта последняя, согласно орфической традиции, и имела отношение к елевсинскому культу, как одна из подруг Коры (см. Leo Bloch, Kora; Roscher, Myth. Lexikon, II, I, сто б. 1314), мне все же думается более правильным связывать полуфигуру юной богини, а также женские протомы и бюсты в погребальных инвентарях VI и V вв. до н. э. с мифом о возвращении Коры-Персефоны из подземного царства на землю. Если исходным моментом елевсинских мистерий, посвященных великим богиням Деметре и Коре, было сказание о похищении Коры Аидом, то другим, не менее важным моментом в этих же мистериях был рассказ о возвращении Персефоны на землю (ср. гомеровский гимн к Деметре ст. 375—390). Сказание это нашло отражение не только в литературе, но и в памятниках изобразительного искусства.

[10] А. Передольская. О сюжетах терракот..., стр. 256, рис. 1.

[11] ОАК, 1869, табл. III, 9, 10.

[12] Гомеровский гимн к Деметре, ст. 90—104.

[13] А. Передольская. Ук. соч., стр. 261, рис. 4.

[14] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 214 и 288 сл.— Н. П. Розанова. К вопросу о происхождении Апатура, ВДИ, 1951, № 2, стр. 212.

[15] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 214 со ссылкой на статью М. О. Поночевного, Кубанский сборник, II, Екатеринодар, 1891, стр. 37 сл.

[16] ОАК, 1865, табл. III, 24—25.

[17] Там же, табл. V, 1.

в состав погребального инвентаря жрицы в склепе № 2; да упоминается краснофигурная пелика с изображением Геракла, борющегося с кентавром [1], причем сказание это сопоставляется с популярным на Таманском полуострове мифом о спасении Гераклом Афродиты от напавших на нее гигантов.

Культ Афродиты, столь почитаемой в азиатской части Боспорского царства, мог, конечно, найти свое отражение в некоторых предметах погребального инвентаря этого кургана Большая Близница; однако нельзя этими немногими предметами объяснять весь комплекс погребений кургана. К тому же у нас нет никаких оснований ставить знак равенства между мифом о борьбе Геракла с кентавром и мифом о спасении Гераклом Афродиты от напавших на нее гигантов.

Вместе с тем следует отметить, что в ряде мест Средиземноморья и Причерноморья древнейшему культу Афродиты, в котором Афродита почиталась, как хтоническая богиня, сопутствовал культ «великих богов» или кабиров [2].

Поэтому только дальнейшее изучение всех без исключения предметов в комплексах погребений кургана Большая Близница может способствовать правильному разрешению вопроса: представителями и представительницами каких же культов были члены этого знатного и, вероятно, жреческого рода на Боспоре.

Если правильна мысль, что члены семьи или рода, погребенные в кургане Большая Близница, являлись на Боспоре представителями культа Деметры и имели какое-то отношение к обрядовой стороне елевсинской религии, то обломок статуэтки старика, увенчанного повязкой и плющевым венком, можно было бы объяснить как изображение жреца именно этого культа на Боспоре. Эта статуэтка, однако, ни в коем случае не могла быть изображением главного жреца елевсинского культа-иерофанта, так как этому противоречило бы скромное одеяние старца.

В елевсинской религии, как религии хтонической, подчеркивающей связь с подземными божествами, кроме двух богинь — Деметры и Коры, почитался Аид или Плутон, похитивший юную дочь Деметры и сделавший ее своей супругой в подземном царстве.

Именно этот миф, впервые рассказанный в гомеровском гимне к Деметре, и лег в основу елевсинской религии.

В Елевсине существовало небольшое святилище этого бога — Плутонион, с маленьким храмиком, выстроенным впервые, как полагают, уже в конце VII в. до н. э. [3]

Однако культ Аида, как бога подземного царства [4], не получил в самом Елевсине большого развития, будучи оттеснен культом обеих

---

[1] ОАК, 1865, табл. IV, 1—2.

[2] Например, на острове Самофраке издавна существовал культ Афродиты Ζηρυνθία, почитаемой в гроте или пещере, причем известно, что для самофракийского культа «великих богов» Скопас изваял статуи Афродиты и Потоса (Плиний 36, 5, 25. Ср. Bengst Hemberg. Ук. соч., стр. 67, 82 и 287).

[3] E. Noack. Eleusis. Берлин, 1927 г., стр. 218. Около середины VI в. до н. э. Плутонион со своей оградой входит уже в состав ставшего знаменитым святилища Деметры, к тому времени значительно расширенного.

[4] О культе Аида мы вообще знаем очень немного. Литературные и эпиграфические данные свидетельствуют, что в различных местах античного мира существовал ряд маленьких святилищ, называемых плутониями или харониями; они располагались на берегу моря, среди скал, ущелий, расселин и гротов. Этот ландшафт вызывал у древних греков представление о месте входа или спуска в подземное царство. С подобным ландшафтом обычно связывалось сказание о похищении Коры, а также рассказ о выходе из подземного царства Геракла с Кербером.

богинь, хотя в конце V и в IV в. до н. э. (т. е. к тому времени, к которому относится и статуэтка нашего погребения), согласно некоторым свидетельствам, и делались попытки к его возрождению [1].

Возможно, что в дальнейшем мы сможем точнее решить вопрос, имеем ли мы в данном случае дело с изображением жреца культа Плутона или открытого недавно на Боспоре культа подземных богов-кабиров; пока мы можем установить только, что данная фигурка безусловно относится к культу подземных богов.

Иначе обстоит дело с раскрытием образа другой статуэтки, также изображающей старца, столь похожего и в то же время не похожего на первого.

Какие бы то ни было атрибуты у этой последней статуэтки отсутствуют. Кроме признаков глубокой старости, сказывающейся в характеристике безбородого лица с ввалившимися щеками, запавшими глазами и беззубым ртом, других характерных признаков или черт для раскрытия этого образа мы не имеем.

Правда, в слегка сгорбленной фигуре старика, в его манере есть что-то, указывающее на высокое положение, занимаемое им в обществе. Возможно, что эта статуэтка, подобно предыдущим фигуркам (жреца и «педагога»), также являлась изображением лица, занимавшего важное место в жреческой иерархии.

Наиболее существенным признаком в этом отношении, мне кажется, следует считать отсутствие бороды у старца, что вообще было несвойственно для облика грека, достигшего зрелого возраста. Бородой, как признаком мужественности, наделялись в представлениях древних греков и образы богов.

Крайне редко встречающиеся изображения безбородых стариков в рисунках на краснофигурных вазах начала V в. до н. э. обычно рассматриваются в связи с представлениями о лицах, этнически чуждых грекам, т. е. с представлениями о так называемых варварах или рабах.

Толкованию нашей статуэтки, как изображения раба, не соответствует ни богатая одежда старика, ни его манера держаться.

О негреческих чертах во внешности старца мы могли бы говорить только в том случае, если бы были уверены в местном происхождении самой статуэтки. Однако оснований для подобного утверждения у нас пока нет.

Прямых аналогий среди терракот к нашему типу старика я нигде не нашла.

В елевсинском святилище, насколько я могу судить по материалам, опубликованным в упомянутом выше атласе Винтера, была найдена только одна посвятительная статуэтка лысого, но бородатого старика, в хитоне, в плаще и с тростью в руке [2].

С елевсинской фигуркой старца статуэтка из нашего погребального комплекса не имеет ничего общего. Гораздо ближе к типу нашего старца многочисленные статуэтки из фиванского Кабириона. Я имею в виду прежде всего статуэтку уродливого безбородого мужчины, закутанного по самое горло [3] в плащ, подобно нашему старику. Реплика этого типа, также происходящая из Фив, хранится в собраниях Эрмитажа [4] (рис. 8).

---

[1] Об этом см. подробно у P. F o u c a r t. Le culte de Pluton dans la réligion eleusinienne. B. C. H., 1883, стр. 387 сл.

[2] F. W i n t e r. Typen..., II, 402, 1.

[3] Там же, 436, 4.

[4] Эрмитаж, инв. Г., 954.

От старца из кургана Большая Близница фигурка старика Фиванского Кабириона отличается крайним безобразием, что придает данному образу облик карикатурный. Этого мы не можем сказать относительно фигуры старика из погребального комплекса в кургане Большая Близница, хотя в характеристике и этого последнего на первый план также выступает стремление подчеркнуть и, может быть, даже усилить и углубить те специфические особенности его внешности, которые содействуют созданию наиболее типически выразительного образа старика.

Рис. 8. Статуэтка старика из Фив

Карикатурный образ фиванской статуэтки следует поставить в связь с другими, крайне многочисленными вотивными приношениями фиванского святилища, среди терракот которого обильно представлены как бородатые, так в особенности и безбородые типы уродливых стариков [1]. Все они отличаются таким же карикатурным обликом. В этом же духе карикатуры исполнены и рисунки на вазах из Кабириона, на которых воспроизводятся не только различные мифологические сюжеты, но и культовые обряды, праздничные процессии и т. п. сцены, действующими лицами в которых являются нередко безбородые типы [2].

Как вазы, так и терракоты из фиванского Кабириона изготовлялись на территории самого святилища Кабиров и предназначались только для посвящения в этом святилище, следовательно, связь их с культом кабиров в данном святилище не подлежит сомнению.

Очевидно, только характером культа подземных богов в Кабирионе и можно объяснить обилие уродливых образов в данном святилище, столь не соответствующих общественным и художественным идеалам греческого рабовладельческого общества эпохи расцвета.

Весьма возможно, что в подобных сценах и изображениях могли найти свое отражение как более древние религиозные воззрения, сложившиеся, вероятно, еще в доклассовом обществе и удерживаемые в народной религии, так и пережитки той культовой обрядности, которая неизменно сопровождала проведение мистерий и тех праздничных представлений δρώμενα и игр, которые неизбежно сопутствовали им или следовали за окончанием таинств [3].

---

[1] F. Winter. Typen..., II, 396, 1; 403, 1, 2; 432, 1, 2, 3, 7.

[2] P. Wolters, Gerda Bruns. Das Kabirenheiligtum, табл. 5 сл.; 12, 26—33; 51—52, 54 сл.

[3] Там же, стр. 126 сл.

Большинство ученых склоняются к мысли видеть в подобных карикатурных фигурах на вазах изображения самих почитателей культа кабиров в Беотии.

Не исключена возможность, что и в нашей фигурке старика следует видеть такого же почитателя культа кабиров на Боспоре.

Можно ли уточнить в таком случае его функции и тем самым объяснить причину включения данной фигурки в состав погребального инвентаря знатной женщины?

Не берусь решить окончательно этот вопрос. Укажу только, что если вернуться к гипотезе, предлагающей видеть в обеих наших фигурках старцев изображения хорэгов, то признать подобное толкование в данном случае можно лишь при двух условиях, а именно: учитывая или характер находок фиванского Кабириона, или особенности упомянутых нами пергамских декретов, в которых знатные и уважаемые в государстве лица, исправлявшие должность гимнасиархов, действительно принимали на себя хорэгию при организации празднеств, связанных с проведением мистерий в честь «великих богов»— кабиров.

Не исключена поэтому возможность, что подобную хорэгию могли принимать на себя отдельные лица — состоятельные граждане, занимавшие высокие государственные должности, в том числе и жреческие, и в других празднествах и мистериях, а следовательно, и в празднествах, связанных с культом кабиров, культом хтонических богов, на Боспоре.

СТАРИК, ЗАЛОЖИВШИЙ РУКУ ЗА СПИНУ

Если признать существование на Боспоре культа кабиров, то можно объяснить еще одну статуэтку старика, на этот раз совершенно нагого [1]. Хилые ноги его с трудом поддерживают старчески дряхлое тело, с большим отвислым животом и впалой грудью. На спине резко выступают ребра. Облысевшая голова втянута в плечи. Правую руку старик заложил за спину, левой держит в кулаке конец бороды (рис. 9).

Эту фигурку невольно хочется сопоставить с образами стариков древней комедии.

Однако среди многочисленных терракот и рисунков на вазах V—IV вв. до н. э., изображающих актеров и различные сценки древней комедии, близких или подобных нашему старику типов мы нигде не встречаем. Статуэтка из погребального комплекса кургана Большая Близница является, как и другие фигурки этого комплекса, каким-то единственным в своем роде произведением греческой коропластики. Отсутствие атрибутов, свойственных обычным и типичным изображениям актеров древней комедии, заставляет отнестись более осторожно к определению этой фигурки как актера древней комедии и вызывает сомнения в принадлежности ее именно к этому кругу изображений [2].

Не исключена, конечно, возможность, что подобные типы «комических» стариков могли играть роль и в сатирических драмах, расцвет которых падает почти исключительно на V в. до н. э. Однако и в данном слу-

---

[1] Эрмитаж, инв. ББ. 172. Высота 12,6. ОАК, 1869, табл. II, 11, стр. 159. F. W i n t e r. Typen..., II, 394, 2.

[2] Мне, к сожалению, остается недоступной работа H. G. O e r i. Der Typ der kömischen Alten in der griechischen Komödie, seine Nachwirkungen und seine Herkunft. Базель, 1948 (см. рецензию J. H. St., 67, 1947, стр. 139).

чае мы также пока еще не располагаем соответствующим материалом [1].

Характерная черта образа нашего старца — его внешнее безобразие — также роднит статуэтку более всего с посвятительными приношениями Фиванского святилища Кабиров, хотя близких аналогий к ней мы в этом святилище и не встречаем.

Рис. 9. Статуэтка старика из кургана Большая Близница

Образы кабиров — демонов и богов плодородия — создавались в тот период, когда простые земледельцы и пастухи, не понимая законов природы и чувствуя себя совершенно бессильными перед разрушительными действиями ее сил, приходили к фетишизации этих законов, обожествляя природу и создавая образы различных демонов — повелителей этих неведомых сил.

Вероятно, именно чувством страха и бессилия перед непознанными явлениями природы и можно объяснить преобладание уродливых, т. е., как принято говорить, «карикатурных», или устрашающих черт в образах этих «демонических повелителей природы», наиболее часто встречающихся как раз в тех местах, где мы сталкиваемся со следами существования культа кабиров.

Особенно много их в Фиванском святилище Кабиров как среди «карикатурных» терракот, так и в рисунках на посвятительных вазах, изготовленных в Кабирионе и предназначенных специально для этого святилища. Связь посвятительных приношений с господствующим в этом святилище культом кабиров не подлежит никакому сомнению.

Исходя из вышеизложенного, я и предлагаю искать объяснение причины нахождения нашего старика среди терракот разбираемого погребального комплекса в явлениях, связанных с отражением культа кабиров в посвятительных памятниках изобразительного искусства, ибо основой культа кабиров был древнейший культ плодородных сил природы. Одно из отражений подобных представлений о древнейшем аграрном культе и его значении в жизни земледельца, о малоизвестных обрядовых сторонах этого таинственного культа мы, очевидно, имеем в нашей статуэтке старика из кургана Большая Близница.

Подводя итог нашему исследованию группы терракот, изображающих стариков, входящих в состав большого и сложного комплекса женского

[1] Новый материал по сатирической драме собрали: Frank Brommer. Satyrspiele. Берлин, 1944, и Ernst Buschor. Satyrtänze und frühe Drama. Мюнхен, 1943.

погребения № 4 кургана Большая Близница, мы приходим к выводу, что они могут быть объяснены при условии, если мы примем во внимание факт почитания на Боспоре, в том числе и в его азиатской части, «великих богов»— кабиров. Факт этот был установлен исследованиями Фритце [1] и А. Н. Зографа [2], которые ссылались на изображения кабиров на монетах конца V — начала IV в. до н. э. из Фанагории.

Открытие святилища подземных богов — кабиров в Нимфее является важным подтверждением факта существования культа кабиров на Боспоре.

---

[1] H. F r i t z e. Kabiren auf Münzen. Z. f. N. № XXIV, 1904, стр. 105 сл., стр. 127 и табл. V, 12.

[2] А. Н. З о г р а ф. Античные монеты. МИА, 16, М., 1951, стр. 170 сл. В этой связи А. Н. Зограф считал возможным, с моей точки зрения, совершенно правильно поставить вопрос о пересмотре толкования на монетах Пантикапея типов бородатого и безбородого сатира, обычно именуемого в нашей литературе «Паном». Однако окончательного решения этого вопроса он не успел дать.

И. Т. КРУГЛИКОВА

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Керченский полуостров уже более ста лет привлекает внимание русских археологов. Там было раскопано большое количество первоклассных археологических памятников, обогативших нашу науку и давших много ценных материалов для восстановления истории древнейшего населения нашей страны.

К сожалению, не все периоды жизни человека изучались там в одинаковой степени. Особенно широко исследовались памятники античного времени, но до сих пор остался совсем не разработанным вопрос о населении Керченского полуострова в период, предшествовавший основанию греческих городов в Северном Причерноморье. Только в самое последнее время археологи начали изучать поселения, где отсутствовал греческий привозной материал, а находимые там лепная орнаментированная посуда и примитивные орудия труда свидетельствовали о том, что данные поселения относились ко времени, предшествующему греческой колонизации. Но и сейчас еще остается неясным вопрос о том, какие из найденных в Восточном Крыму памятников эпохи бронзы надо связывать с киммерийцами, населявшими территорию Боспора до прихода туда скифов[1], имелись ли там скифские поселения [2], каков был этнический состав населения этой территории в первые века I тысячелетия до н. э.[3] Исчерпывающе ответить на все эти вопросы при настоящем состоянии источников не представляется еще возможным. Но имеющийся в руках автора данной статьи материал археологических раскопок и разведок позволяет высказать ряд соображений, проливающих некоторый свет на эти вопросы, хотя и мало исследованные, но имеющие чрезвычайно большое значение для изучающих историю Северного Причерноморья.

---

[1] Страбон, VII, 4; XI, 2, 4. Некоторые исследователи даже отрицали достоверность данных античных авторов о пребывании киммерийцев в Северном Причерноморье. См. ВДИ, 1949, 3, стр. 14 сл.

[2] О. Д. Дашевская в диссертации, защищенной в ИИМК 22.IV.1954 г., доказывала, что скифские поселения появляются в Крыму только в III в. до н. э. См. автореферат диссертации «Скифские городища Крыма». М., 1954, стр. 4 сл.

[3] Когда данная статья готовилась к печати, еще не была опубликована монография О. А. Граковой «Степное Повожье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы» (МИА, № 46) и поэтому автору статьи осталась неизвестной точка зрения О. А. Граковой.

При раскопках античных городов исследователи часто встречали отдельные предметы, относившиеся к эпохе бронзы, попавшие в слои античного времени из более ранних слоев, вероятно перекопанных городскими жителями. Широко известны так называемые киммерийские стелы из кладки V в. до н. э. в Тиритаке [1], бронзовый топор из Пантикапея [2], обломки каменных топоров [3], кремневые орудия [4], глиняная фигурка

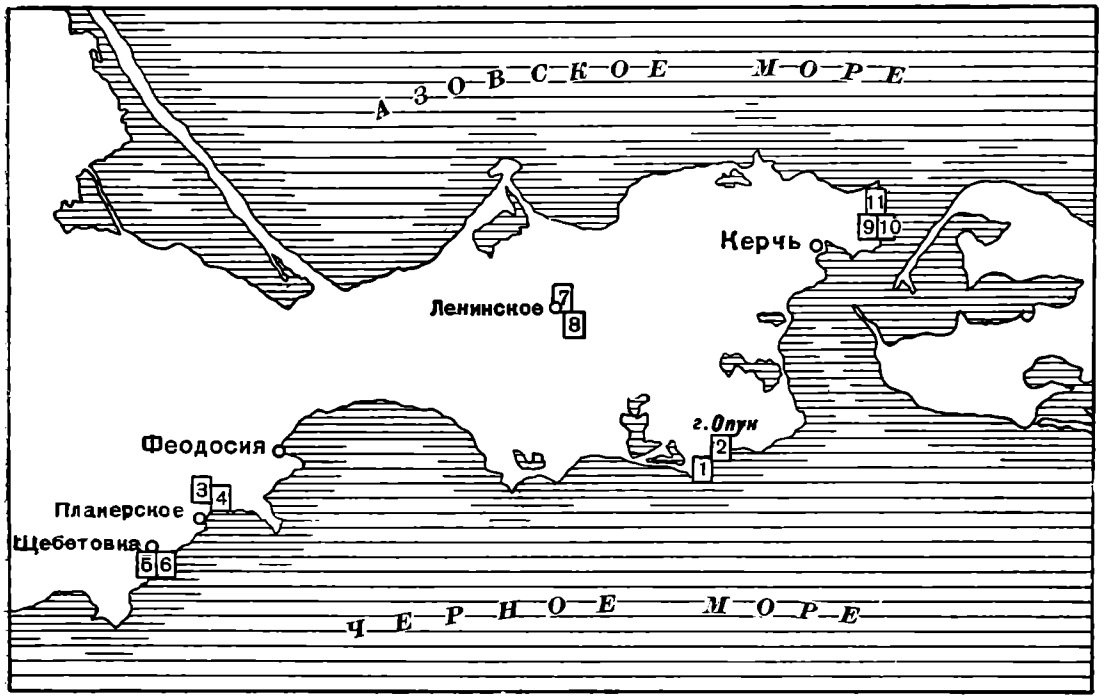

Рис. 1. Карта поселений эпохи поздней бронзы и раннего железа в восточном Крыму

1 — Киммерик I; *2* — Киммерик II; *3* — Планерское I (у Хрущевского источника); *4* — Планерское II (у шоссе); *5* — Щебетовка (раскопки 1948 г.); *6* — Щебетовка (раскопки 1929 г.); *7* — Слюсарево; *8* — Сазоновка; *9* — Каменка; *10* — Маяки; *11* — Глейки

из Киммерика[5], обломки орнаментированной керамики догреческого периода [6] и т. д.

Все эти находки, хотя и не связанные стратиграфически с культурными слоями догреческого времени, бесспорно свидетельствуют о наличии на Керченском полуострове поселений в эпоху бронзы и раннего железа. Следы такого поселения в виде ненарушенного культурного слоя, с остатками углубленных в землю жилищ, были обнаружены впервые в районе древнего Киммерика (рис. 1) на восточном и западном склонах

[1] Т. Н. Книпович и Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МИА, № 4, 1941, стр. 39.

[2] В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. Труды Секции археологии РАНИОН, II, 1928, стр. 55 сл., рис. 1—4.

[3] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 64. В. Ф. Гайдукевич. Новые исследования Илурата. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 207.

[4] В. Ф. Гайдукевич. Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия. ВДИ, 1947, № 3, стр. 189.

[5] И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы в Киммерике. КСИИМК, вып. 43, 1952, стр. 114.

[6] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1952 г. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 73. М. М. Худяк. Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее. Археология и история Боспора. Симферополь, 1952, стр. 78.

горы Опук[1] (раскопки 1950—1951 гг.). В 1953—1954 гг. при раскопках у дер. Сазоновка в Ленинском районе под слоем IV—III вв. до н. э. были обнаружены следы еще одного поселения догреческого времени. Найденная там керамика имеет прямые аналогии среди одной из групп керамики, находимой на обоих поселениях в районе Киммерика. Следы поселения с аналогичной керамикой найдены в 1954 г. у дер. Слюсарево (Ленинского района) [2]. В 1952 г. одним из отрядов Боспорской экспедиции под руководством В. Ф. Гайдукевича проводились раскопки поселения у с. Каменки вблизи древнего города Порфмия (к северо-востоку от Керчи). Керамика этого поселения, очень близкая керамике из Сазоновки, также имеет прямые аналогии среди некоторых групп сосудов обоих киммерикских поселений. К востоку от Каменки любитель-археолог В. В. Веселов обнаружил еще два поселения (пос. Глейки на берегу Керченского пролива, у выхода в Азовское море и поселок между деревнями Маяки и Жуковка) [3], которые, судя по собранной там керамике, тоже близки по времени поселениям у Киммерика.

К эпохе бронзы относятся два поселения, обнаруженные к западу от Феодосии в районе Планерского (б. Коктебеля) в 1926, 1929 [4] и 1954 гг. [5], и два поселения в районе дер. Щебетовки (б. Отузы) у р. Чалки в 1929—1930 гг. [6] и на холме в километре от моря в 1936—1948 гг.[7]

Эти одиннадцать поселений эпохи поздней бронзы и раннего железа не однотипны. Повидимому, их различие объясняется не только их разновременностью, но является также отражением племенных особенностей их обитателей. Наиболее раннее из упомянутых поселений — это поселение Киммерик I на западном склоне г. Опук [8]. Здесь были найдены обломки сосудов с округлыми стенками, орнаментированных вертикальными зигзагообразными полосами, вдавленными штампом накрученной веревочки [9], имеющие прямые аналогии с сосудами из катакомбных погребений, открытых В. А. Городцовым в курганах бывших Изюмского и Бахмутского уездов Харьковской губ. [10], обломок каменного шлифованного топора, каменные наконечники стрел, значительное количество керамики, поверхность которой была заглажена гребенчатым штампом, что характерно также для керамики так называемой катакомбной культуры.

[1] И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы в Киммерике. КСИИМК, вып. 43, стр. 108 сл; е е ж е. Раскопки древнего Киммерика. История и археология Боспора, т. I, Симферополь, 1952, стр. 55 сл.

[2] Раскопки 1953—1954 гг. в Ленинском районе проводились экспедицией ИИМК под руководством И. Т. Кругликовой.

[3] Статья В. В. Веселова об открытых им поселениях эпохи бронзы публикуется в сборнике сектора археологии Крымского филиала Академии наук УССР; находки из этих поселений представлены в экспозиции Государственного Керченского историко-археологического музея. Еще одно поселение открыто В. В. Веселовым восточнее Тимур-горы, но найденный там материал маловыразителен и датировка его затруднительна.

[4] Материалы хранятся в Феодосийском краеведческом музее. См. Архив ИИМК, дело № 184 за 1929 г., стр. 25.

[5] Разведки И. Т. Кругликовой.

[6] Материалы хранятся в Феодосийском краеведческом музее.

[7] О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте восточной части горного Крыма. Труды Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы, т. I, М., 1940, стр. 43. В 1948 г. там проводила раскопки археологическая экспедиция ГИМ под руководством А. Я. Брюсова. Материалы хранятся в ГИМ.

[8] В отчетах о раскопках за 1950—1951 гг. это поселение названо «раскоп береговой».

[9] И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы в Киммерике. КСИИМК, вып. 43, стр. 109, рис. 35, *2*.

[10] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. «Труды XII АС», т. I, М, 1905.

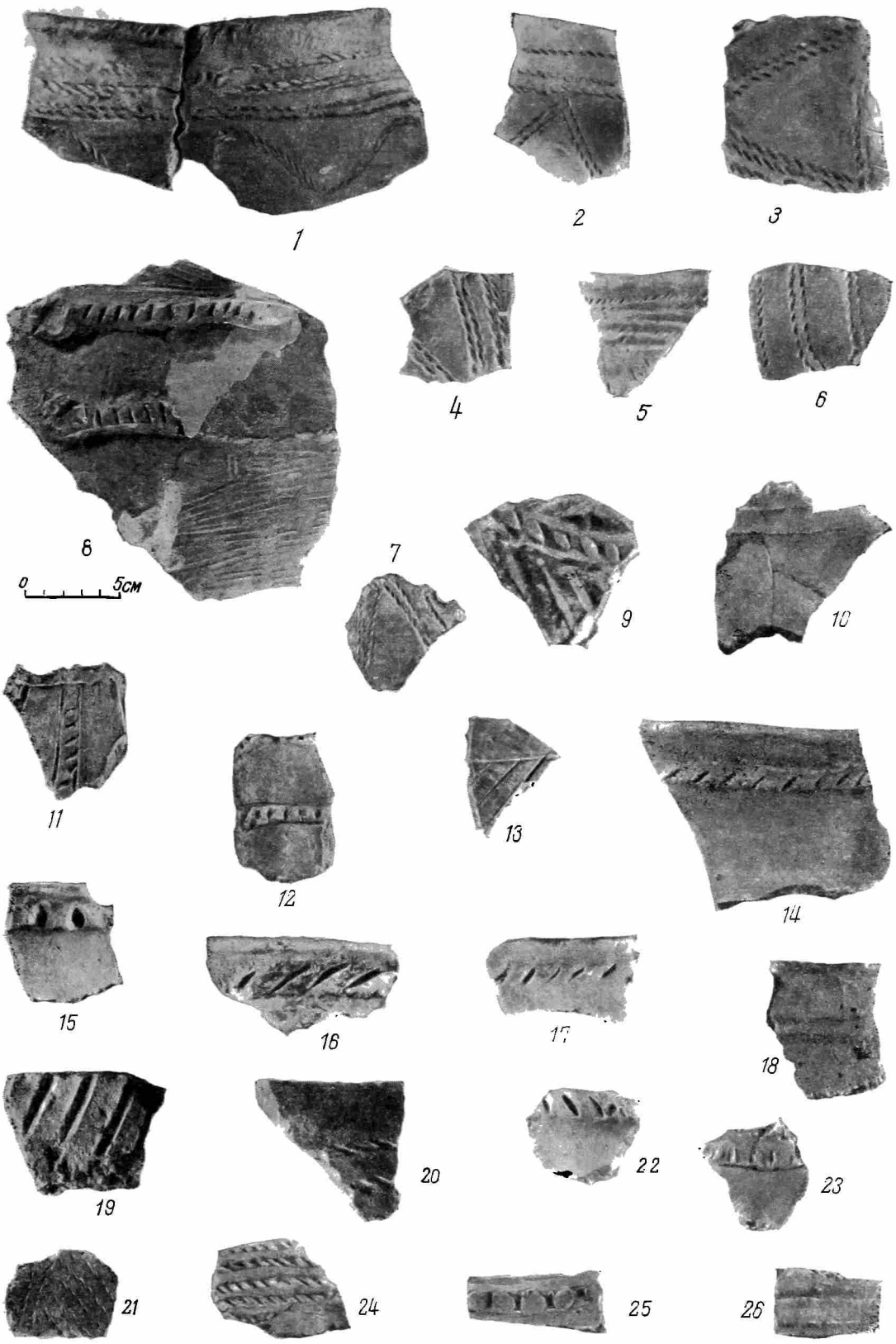

Рис. 2. Образцы орнаментированной керамики

1—24 из Киммерика; *25—26* из Щебетовки

Но наряду с этими находками, свидетельствующими о связях обитателей поселения с катакомбной культурой, там же в значительно большем количестве была найдена керамика, которая находит себе аналогии в памят-

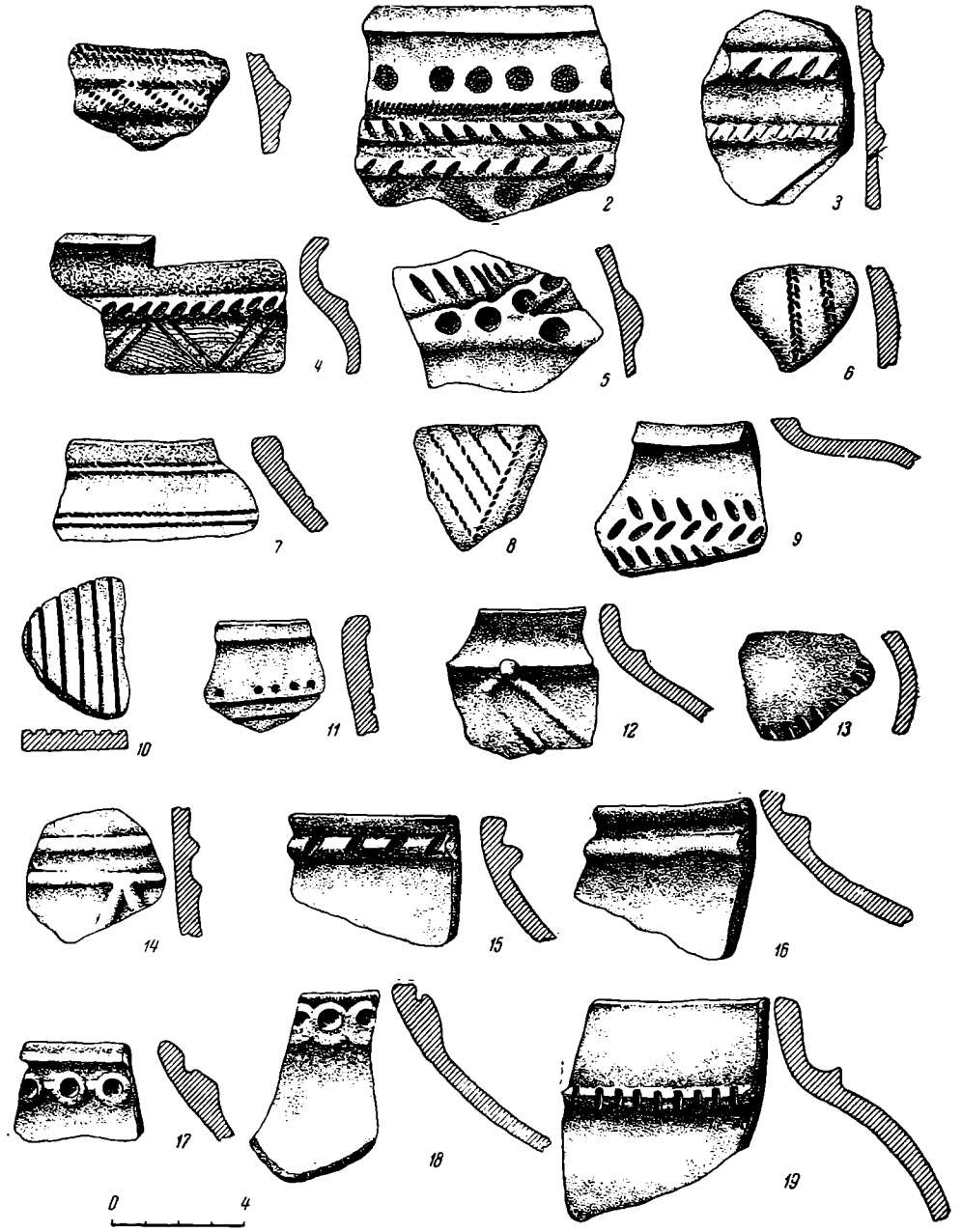

Рис. 3. Образцы орнаментированной керамики из Киммерика

никах более позднего времени. Она украшена орнаментом, сделанным штампом из плохо скрученной веревочки, оттиснутой в виде треугольников на плечиках сосудов (рис. 2, *3*), и из парных линий или тройных параллельных линий, на шейке (рис. 2, *1*, *2*). Веревочка крупная, штамп нанесен небрежно, что свидетельствует об упадке этой техники орнаментации.

Наряду с таким орнаментом встречаются сосуды с налепными валиками на плечах, украшенными косой насечкой (рис. 2, *14—17*; рис. 3, *15*), а также с тонкими заостренными парными валиками на плечах (рис. 2, *10*; рис. 3, *14*) или гладкими налепными валиками под краем сосуда (рис. 2, *14*; рис. 3, *16*). Встречается также керамика, где сочетаются налепной валик с косыми насечками с нарезным орнаментом в виде косых

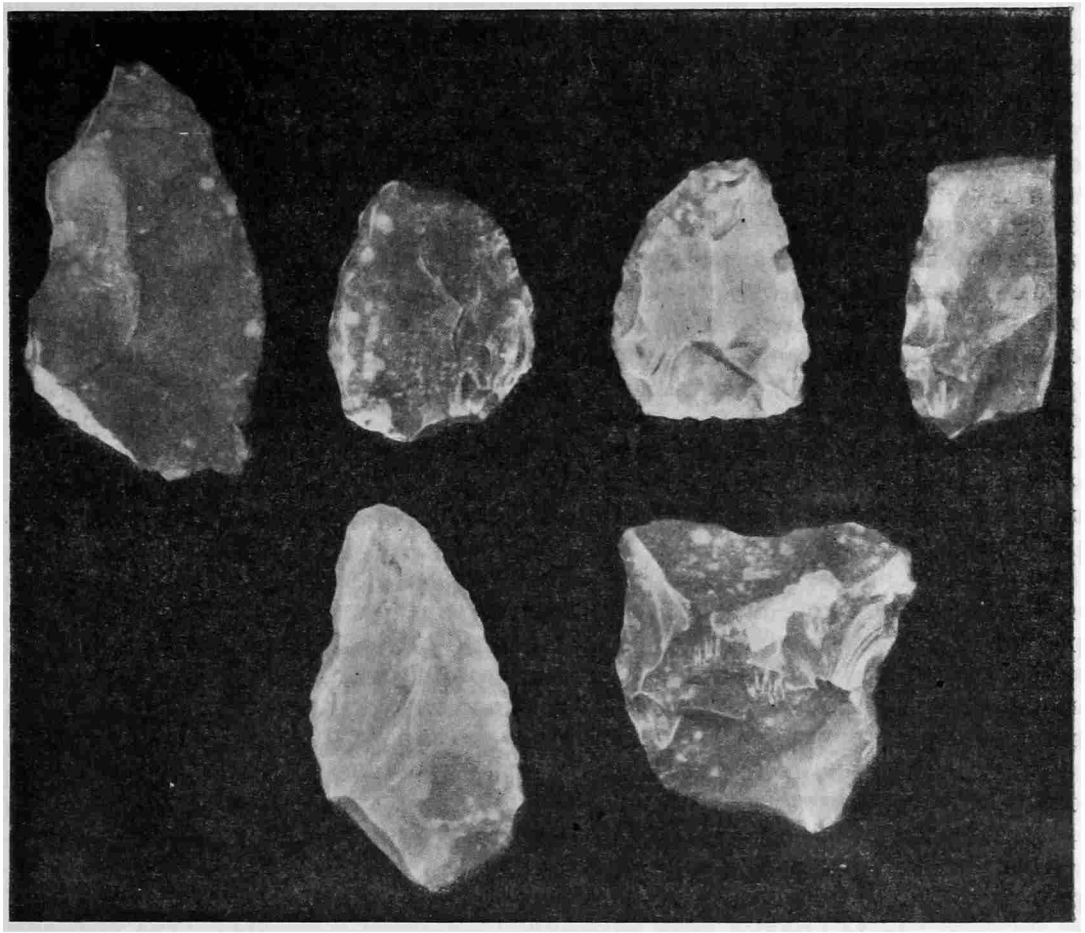

Рис. 4. Кремневые орудия из Киммерика (раскопки 1951 г.)

параллельных линий на стенках под валиком (рис. 3, *4*), а также нарезной орнамент из косых линий с вдавленными ямками. Эта керамика сочеталась с находками кремневых орудий в виде отщепов со слабой ретушью (рис. 4), характерных для периода, когда уже господствовали металлические орудия, а техника выделки кремневых орудий пришла в упадок.

Характер орнаментации значительной группы керамики из поселения Киммерик I свидетельствует о том, что обитателей его следует связывать с племенами катакомбной культуры, традиции которой они долго сохраняли. Но упадок техники орнаментации сосудов, появление новых мотивов и приемов орнаментации так же, как и упадок техники выделки кремневых орудий, заставляют отнести время существования поселения Киммерик не к эпохе расцвета катакомбной культуры, а к эпохе ее упадка, когда в Северное Причерноморье пришли уже другие племена,

связанные с другой — срубной культурой. Новую культуру, принесенную позднее в район Керченского полуострова, восприняло жившее там ранее население.

Аналогичную картину дает поселение на восточном склоне горы Опук, которое мы условно назвали Киммерик II [1]. Здесь, под античным жилищем VI—V вв. до н. э. найден слой эпохи бронзы, содержавший обломки керамики, кремневые орудия, кости животных, а также остатки углубленного в землю жилища с двумя очагами, зольные ямы и другие остатки, свидетельствующие о наличии в данном месте поселения догреческой эпохи.

Керамика, найденная в этом слое, очень разнообразна. Некоторые сосуды сохраняют традиции катакомбной культуры в виде гребенчатого заглаживания внутренней и внешней поверхности [2], валика на плечах и на тулове сосуда (рис. 2, *8*), которое покрыто сплошным орнаментом, нанесенным штампом из туго скрученной веревочки (рис. 3, *1*) [3]. Иногда шейка сосуда покрыта несколькими горизонтальными параллельными рядами вдавленной крученой веревочки, а плечи — узором из косых линий, нанесенных тем же штампом[4], или из волнистой линии, сделанной парной веревочкой (рис. 2, *1*, *2*, *5*) [5]. Поверхность некоторых сосудов покрыта вертикальными парными линиями, нанесенными вдавленной веревочкой (рис. 2, *6*), или одиночными, сделанными тоненьким веревочным штампом (рис. 3, *8*), а также горизонтальными параллельными линиями из тоненькой веревочки [6] или, наоборот, сделанные штампом из толстой плохо скрученной веревочки[7], характерной для эпохи поздней бронзы (рис. 2, *24*).

Орнамент некоторых сосудов сочетает гребенчатое заглаживание поверхности, налепной валик с прищепами на плечах сосуда и под ним треугольники из вдавленных штампом линий (рис. 2, *4*), или два валика с косой насечкой на плечах и под ними орнамент в виде треугольников из вдавленного тройного шнура, в центре которых были вдавленные круглым штампом углубления (рис. 3, *2*). Ряд таких же углублений проходил и по шейке сосуда, а под ними тройной ряд вдавленного шнура. В орнаменте другого сосуда сочетались треугольники из вдавленной веревочки и углубление в центре с косыми нарезными линиями (рис. 2, *3*) [8].

Эта группа сосудов, сохранившая традиционные формы и технику орнаментации, характерные для катакомбной культуры, вместе с тем носит на себе следы упадка этой техники. Орнамент у большинства сосудов нанесен небрежно, нечетко, штампом из крупной, плохо скрученной веревочки. Вдавленные углубления лишь отдаленно напоминают углубления, сделанные штампом из плотно скрученной веревочки, известные на сосудах из катакомбных погребений. Орнамент из одиночной тоненькой хорошо скрученной вдавленной веревочки является поздним пережитком обычного веревочного орнамента сосудов катакомбной культуры и аналогий среди типично катакомбной керамики не имеет.

Кремневые орудия, найденные на данном поселении, также свидетельствуют о том, что уровень развития производительных сил его обитателей

---

[1] В отчетах о раскопках 1950—1951 гг. это поселение называлось раскоп «холм А».
[2] Шифр К50, № 279, 381; К51, № 55.
[3] К50, № 455.
[4] К51, № 8.
[5] К51, № 10.
[6] К50, № 290, 584, 585, 47.
[7] К51, № 29.
[8] К51, № 11.

соответствовал периоду, когда бронзовые орудия уже вошли в быт населения, а кремневые, хотя и продолжали употребляться в районах, бедных металлом, играли лишь подсобную роль. Они обычно выделывались из отщепов кремня, у которых лишь слегка ретушировали один из краев. Из двадцати кремневых орудий, найденных на этом поселении, только вкладыш серпа и наконечник дротика, употреблявшийся уже в качестве ножа, сохранили следы высокого уровня отжимной техники, все же остальные орудия свидетельствуют об упадке кремневой техники и вполне соответствуют периоду поздней бронзы.

К этому же времени, повидимому, относится и вся остальная масса керамики, найденной на данном поселении, среди которой обломки сосудов с крутыми округлыми плечами, высоким горлом и валиком на шейке, на котором идет вертикальная насечка (рис. 3, *19*) [1]. У многих сосудов валик имел косую насечку и находился под самым краем. Горло у таких сосудов отсутствовало, плечи постепенно расширялись (рис. 2, *16*, *22*) [2]. У некоторых сосудов такой же формы были налепные гладкие валики под самым краем или значительно ниже (рис. 2, *18*; рис. 3, *16*) [3]. Встречались сосуды с двумя налепными уплощенными, покрытыми вдавлинами параллельными валиками, концы которых сходятся (рис. 2, *12*) [4], и с одним или двумя тонкими заостренными валиками с отходящими от одного из них вниз усами [5]. Были также сосуды с орнаментами в виде различного рода вдавлин характера округлых и продолговатых ямок, уголков, прямоугольников, иногда продолговатые углубления расположены в виде елочки (рис. 3, *15*), имелись также сосуды и с орнаментом из нарезных линий (рис. 2, *13*). Вся эта разнообразно орнаментированная керамика относится уже к культурам хронологически более поздним, чем катакомбная. Но некоторые из описанных обломков были найдены вместе с керамикой, украшенной веревочным орнаментом и, повидимому, какое-то время сосуществовали вместе с ней. Таким образом, материал поселения Киммерик II полностью подтверждает выводы, изложенные по отношению к поселению Киммерик I. Здесь наблюдается то же взаимодействие старой катакомбной и новой, позднее пришедшей в Крым культуры, повидимому, позднесрубной.

Это взаимодействие старых традиций с новыми влияниями нашло отражение не только в материале обоих поселений района Киммерика. То же можно наблюдать и на некоторых других поселениях восточного Крыма, хотя и в меньшей степени.

На обоих поселениях в районе дер. Щебетовки (б. Отузы, Судакского района, где производили раскопки экспедиция Феодосийского краеведческого музея в 1929—1930 гг. [6] под руководством Н. С. Барсамова и экспедиция Государственного Исторического музея в 1948 г. под руководством А. Я. Брюсова), наряду с преобладанием керамики, орнаментированной тонкими заостренными налепными валиками (рис. 5, *1*, *7*, *10*), широкими валиками с косой и вертикальной насечкой (рис. 5, *4*, *6*) и вдавленными прямыми и изогнутыми линиями, ямками, кружками, треугольниками и т. д. (рис. 5, *2*, *5*, *9*), встретились единичные обломки сосудов с небрежно нанесенным крупным веревочным орнаментом (рис.

[1] К50, № 521.
[2] К51, № 22, 27.
[3] К50, № 165, 108, 172; К51, № 18.
[4] К51, № 4.
[5] К50, № 20.
[6] Материал хранится в Феодосийском краеведческом музее.

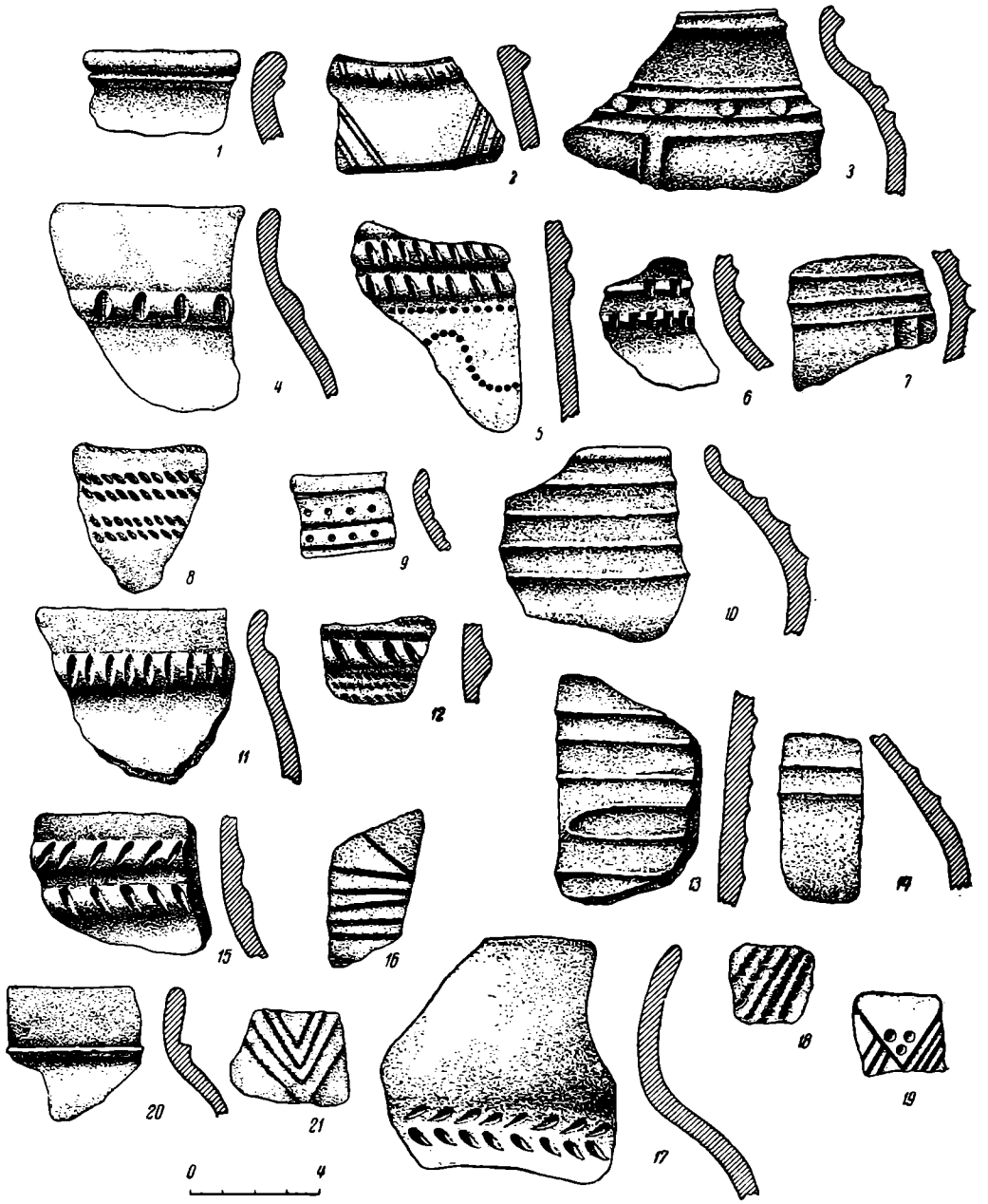

Рис. 5. Образцы керамики

1—10 из Щебетовки (раскопки 1929—1930 гг.); *11—16* из Планерского (раскопки 1926—1929 гг.); *16* и *17* из Гниловской (раскопки 1924 г.); *18* и *19* из поселка у ст. Хапры (раскопки 1928 г.); *20* и *21* из Кобякова (раскопки 1925 г.)

5, *8*) [1], с поверхностью, заглаженной гребенчатым штампом, с валиком покрытым косой насечкой под горлом сосуда и веревочным орнаментом в виде треугольников из тонкой вдавленной веревочки на плечах [2].

Близкий к этому материал был обнаружен и на поселении Планерское I (б. Коктебель — у Хрущевского источника), где в 1929 г. неболь-

[1] Собрание ГИМ, 561/243; собрание Феодосийского краеведческого музея, № 989.
[2] Собрание ГИМ, 561/82.

шие раскопки проводил Н. С. Барсамов[1]. Там встречены обломки сосудов, наружная и внутренняя поверхность которых заглажена с помощью гребенчатого штампа, а на плечах имелись налепные валики, иногда спускающиеся под острым углом, который заканчивается рельефным кольцом[2], иногда расположенные в виде параллельных горизонтальных рельефных полос, покрытых косой или вертикальной насечкой (рис. 6). В 1926 г., повидимому там же, был найден обломок стенки сосуда, покрытой параллельными вдавленными линиями небрежно нанесенного

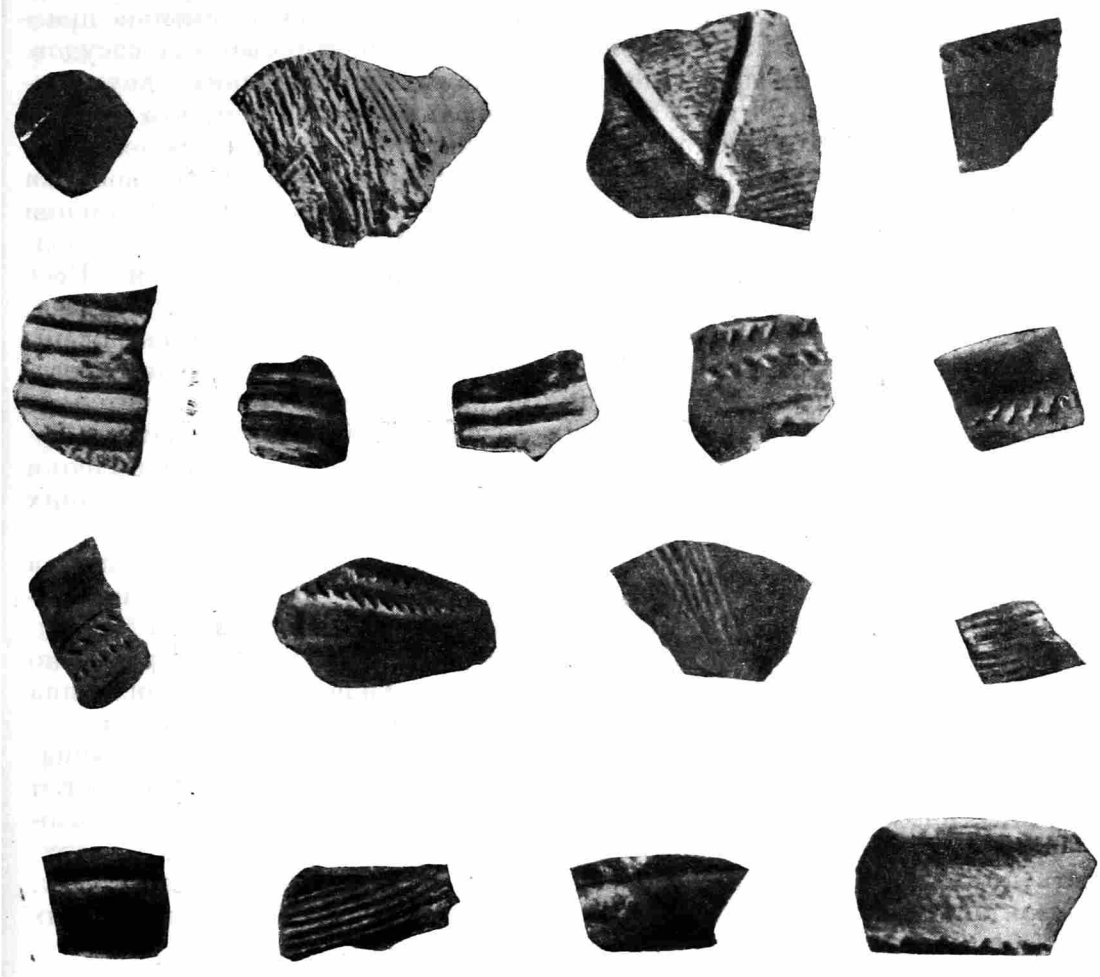

Рис. 6. Керамика из Планерского I (раскопки 1929 г.)

крупного веревочного орнамента, с горизонтальным валиком с косой насечкой (рис. 5, *12*)[3]. Этот фрагмент имеет прямые аналогии в материале киммерикских поселений.

Судя по материалу, собранному В. В. Веселовым на поселении Глейки (см. рис. 1, *11*), оно так же близко описанной группе памятников. Здесь встречены сосуды с веревочным орнаментом, сочетающимся с прорезными линиями. Тонкая крученая веревочка парными наклонными линиями вдавливалась на плечах сосуда, образуя узор в виде

[1] Архив ИИМК, дело № 184 за 1929 г., стр. 25. Материал хранится в Феодосийском краеведческом музее.

[2] Собрание Феодосийского краеведческого музея, инв. № МР, 1947, № 837.

[3] Там же.

углов. Некоторые сосуды были орнаментированы налепными валиками с прищепами и вдавлинами, другие — валиками с косыми вдавлениями. Поверхность одного из сосудов с сужающимся устьем была заглажена гребенчатым штампом, а по краю налеплены плоские лепешечки. Такого же типа орнаменты встречались в Щебетовке и на киммерикских поселениях (рис. 5, *3*; рис. 2, *25*). На поселении Глейки В. В. Веселов нашел бронзовый плоский топор, который подтверждает правомерность датировки эпохой бронзы этого, а вместе с тем и перечисленных выше других аналогичных поселений. Кроме того, там было найдено плоское каменное прясло и целый ряд обломков чернолощеных неорнаментированных сосудов.

Сходство всех этих шести поселений (двух киммерикских, двух щебетовских, планерского I и у Глейки) не ограничивается тем, что они сохранили элементы катакомбной культуры наряду с материалом более позднего времени и являются свидетельством долговременного существования в восточном Крыму племен, связанных каким-то образом с катакомбной культурой и сохранивших ее традиции тогда, когда в Крыму уже господствовала иная культура, принесенная туда другими племенами. Весь комплекс находок на этих поселениях в основном одинаков. Правда, на киммерикских поселениях элементы катакомбной культуры выражены значительно ярче, но здесь может иметь значение и несоответствие в размерах вскрытых площадей. Раскопки в районе Киммерика значительно превосходили объем раскопок других поселений. Отдельные детали орнаментации всей находимой на поселениях керамики, техника выделки сосудов, их форма и способ орнаментации на всех шести поселениях почти тождественны.

Интересно близкое сходство материала этих поселений с поселениями эпохи бронзы Северного Кавказа (Ростовской области), а именно с поселениями у станиц Аксайской (Кобяково городище) [1], Гниловской [2], Елисаветовской [3] и у станции Хапры [4]. Для последних также характерно сочетание пережитков катакомбной культуры в виде определенного типа веревочного орнамента на сосудах с элементами срубной культуры.

Для всех перечисленных поселений низовьев Дона типичны одинаковые мотивы орнаментации керамики, которые в основном повторяют керамику киммерикских поселений Крыма. В большом количестве, особенно на Кобяковом городище, встречаются обломки сосудов, поверхность которых была покрыта орнаментом в виде треугольников, косых, горизонтальных и вертикальных параллельных линий, образованных вдавлением тоненькой веревочки (рис. 5, *16*, *21*) [5].

Иногда этот орнамент сочетается с нарезным. Часто встречаются также сосуды с различного рода валиками с насечками вертикальными и косыми, встречается орнамент нарезной в виде заштрихованных треугольников, елочки (рис. 5, *19*, *20*). В отличие от поселений Киммерика, здесь часто встречаются сосуды с лощеной поверхностью и даже лощение сочетается иногда с веревочным орнаментом [6].

---

[1] Известия Российской Академии истории материальной культуры, т. IV, Л., 1925, стр. 4 сл.; Миллер. Краткий отчет о работе Кавказской экспедиции. ГАИМК в 1924—1925 гг. Сообщ. ГАИМК, вып. I, Л., 1926, стр. 125 сл. Материал хранится в Гос. Эрмитаже.

[2] Известия РАИМК, т. IV, стр. 14 сл. Материал хранится в Государственном Эрмитаже.

[3] Материал хранится в Государственном Эрмитаже и в ЛОИИМК.

[4] Материал раскопок 1928 г. хранится в Государственном Эрмитаже, колл. 1172.

[5] Собрание Государственного Эрмитажа, № 411—1820, 2074; 410—302, 251, 272, 609; 409—226, 230, 242, 294 и многие другие.

[6] Собрание Государственного Эрмитажа, № 411—1865.

Такая керамика встречается на поселении у станицы Гниловской, где были найдены черепки с поверхностью, заглаженной гребенчатым штампом, с веревочным орнаментом, сочетающимся иногда с лощеной поверхностью, с орнаментом в виде елочки, вертикальных бороздок, ямок и т. д. (рис. 5, *16*, *17*).

Среди материала с поселения у ст. Хапры, наряду с керамикой, орнаментированной тоненькой веревочкой [1], имеются и обломки сосудов, где веревочный орнамент нанесен грубо, штампом из плохо скрученной толстой веревки (рис. 5, *18*) [2]. То же самое встречается и на поселении у ст. Елисаветовской. Таким образом, довольно четко выделяется район распространения однотипной культуры, относящейся, повидимому, к родственным племенам восточного Крыма и Нижнего Дона. Керамика каждого из этих поселений имеет свои отличительные черты, которые, вероятно, связаны с локальными племенными особенностями, а также, может быть, и с некоторыми хронологическими различиями.

На киммерикских поселениях, например, ярче выражены традиции катакомбной культуры. Для поселения у Щебетовки особенно характерны тонкие заостренные валики, опоясывающие горло и плечи сосудов двумя, тремя и более параллельными бороздками (рис. 5, *7*, *9*). Иногда они сочетаются с налепными лепешками (рис. 5, *3*), что, впрочем, встречается и на киммерикских поселениях (рис. 3, *12*). Для Кобякова городища особенно характерен орнамент из близко расположенных параллельных линий, вдавленных тоненькой тщательно скрученной веревочкой (рис. 5, *21*), сосуды с таким орнаментом в значительно меньшем количестве встречались и на поселениях у Киммерика.

Все эти родственные племена, повидимому, следует связать с киммерийцами, населявшими восточный Крым до прихода туда скифов, а в некоторых местах, возможно, удержавшимися и позже. Об этом свидетельствуют данные топонимики и античные авторы.

Начиная с V в. до н. э. греческие писатели неоднократно указывают на киммерийцев, живших в областях Северного Причерноморья и Приазовья. Эсхил упоминает о киммерийском перешейке, находящемся у самых узких врат озера [3]. Геродот передает рассказ о том, как «кочевые скифы, жившие в Азии, будучи теснимы войною со стороны массагетов, перешли реку Аракс и удалились в киммерийскую землю». Он прибавляет при этом, что страна, занимаемая в V в. до н. э. скифами, первоначально принадлежала, как говорят, киммерийцам, которые покинули свои земли, оставив скифам страну, лишенную населения [4]. Только наименования местностей сохранили воспоминания о древних обитателях этой территории. Так, в Скифии есть «киммерийские стены», «киммерийские переправы», есть и так называемый Киммерийский Боспор [5].

Каллимах локализует киммерийцев у Керченского пролива, говоря, что Лигдамис, разрушивший в Эфесе храм Артемиды, привел туда бесчисленное войско «доителей кобылиц киммерийцев, которые живут отдельно от других, у самого пролива Инаховой телицы» [6].

Безымянный автор землеописания, приписываемого Скимну, жившему в III—II вв. до н. э., упоминает об основанном боспорскими тиранами городе Киммерида, получившем название от варваров киммерийцев и

[1] Собрание Государственного Эрмитажа, № 1172—2.
[2] Там же, № 1172—3.
[3] Прикованный Прометей, стр. 729—761.
[4] Геродот, кн. IV, гл. II.
[5] Геродот, кн. IV, 12.
[6] Каллимах. Гимн к Артемиде.

находившемся при самом выходе из устья Меотийского озера [1]. Страбон, используя данные древних авторов, сообщает, что киммерийцы некогда господствовали на Боспоре, поэтому Боспором Киммерийским и называется вся та часть пролива, которая прилегает к устью Меотиды, что киммерийцев изгнали из страны скифы, а скифов — эллины. Он говорит также, что в горной стране тавров есть «гора Киммерий, названная так по имени киммерийцев», а описывая азиатскую сторону Боспора, он упоминает селение Киммерийское [2]. Кроме того, в связи с изложением истории географических знаний, Страбон сообщает, что о киммерийцах знал еще Гомер, и что это доказывают хронографы, относящие вторжение киммерийцев ко времени Гомера или незадолго до него [3].

Обитатели всех этих поселений занимались земледелием и скотоводством, о чем свидетельствуют находки кремневых серпов [4] и многочисленных костей животных: лошади, крупного и мелкого рогатого скота.

На примере киммерикских поселений можно судить о характере жилищ, которые несколько углубляли в землю в виде полуземлянок. Вместе с тем для постройки жилищ использовали также выступы скал, к которым пристраивали заграждения из крупных камней. Завалы таких сооружений обнаружены на первом киммерикском поселении и свидетельствуют о знакомстве его обитателей с каменным домостроительством. Поселения были обитаемы длительное время, о чем свидетельствует наличие среди найденного на них материала элементов срубной культуры, принесенной, повидимому, в Крым позднее. Это подтверждается и наличием в восточном Крыму поселений с керамикой, характерной для эпохи бронзы, на которых не было найдено никаких следов катакомбной культуры, хотя основная масса находимой там керамики идентична некоторым группам сосудов, встречающихся на всех описанных выше шести поселениях, связываемых мною с киммерийскими племенами. Таким образом, устанавливается, что описанные выше шесть поселений, обитатели которых сохранили традиции катакомбной культуры, основаны раньше, чем те поселения, где эти традиции не прослеживаются, но поселения продолжали существовать и позднее, наряду с новыми поселениями, основанными вновь пришедшими в Крым племенами. Свидетельства греческих писателей, на основании которых мы связываем с киммерийскими поселения эпохи бронзы на Керченском полуострове, позволяют нам также выделить и другие племена, населявшие эту территорию в первые века I тысячелетия до н. э. Страбон сообщает о том, что киммерийцев с занимаемой ими территории изгнали скифы. Это находит подтверждение и в материале археологических памятников.

В частности, со скифами или с другими племенами, которые пришли в Крым в результате скифского завоевания, надо связать четыре поселения, открытые в восточном Крыму в 1953—1954 гг.: поселения у дер. Сазоновка и дер. Слюсарево (Ленинского района)[5], поселение у дер. Каменка (Приморского района) [6] и поселение Планерское II, вблизи шоссе, около моста через речку, в месте соединения с дорогой, ведущей на б. дачу Волошина [7].

[1] Перипл безымянного автора, 896—899; ВДИ, 1947, № 3, стр. 313.
[2] Страбон, VII, 4; XI, 2, 4.
[3] Там же, 1, 2, 9.
[4] И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы в Киммерике. КСИИМК, вып. XLIII, стр. 110, рис. 36, 8.
[5] Раскопки ИИМК под руководством И. Т. Кругликовой.
[6] Раскопки ИИМК под руководством В. Ф. Гайдукевича, который любезно разрешил мне ознакомиться с материалом.
[7] Разведки 1954 г. И. Т. Кругликовой.

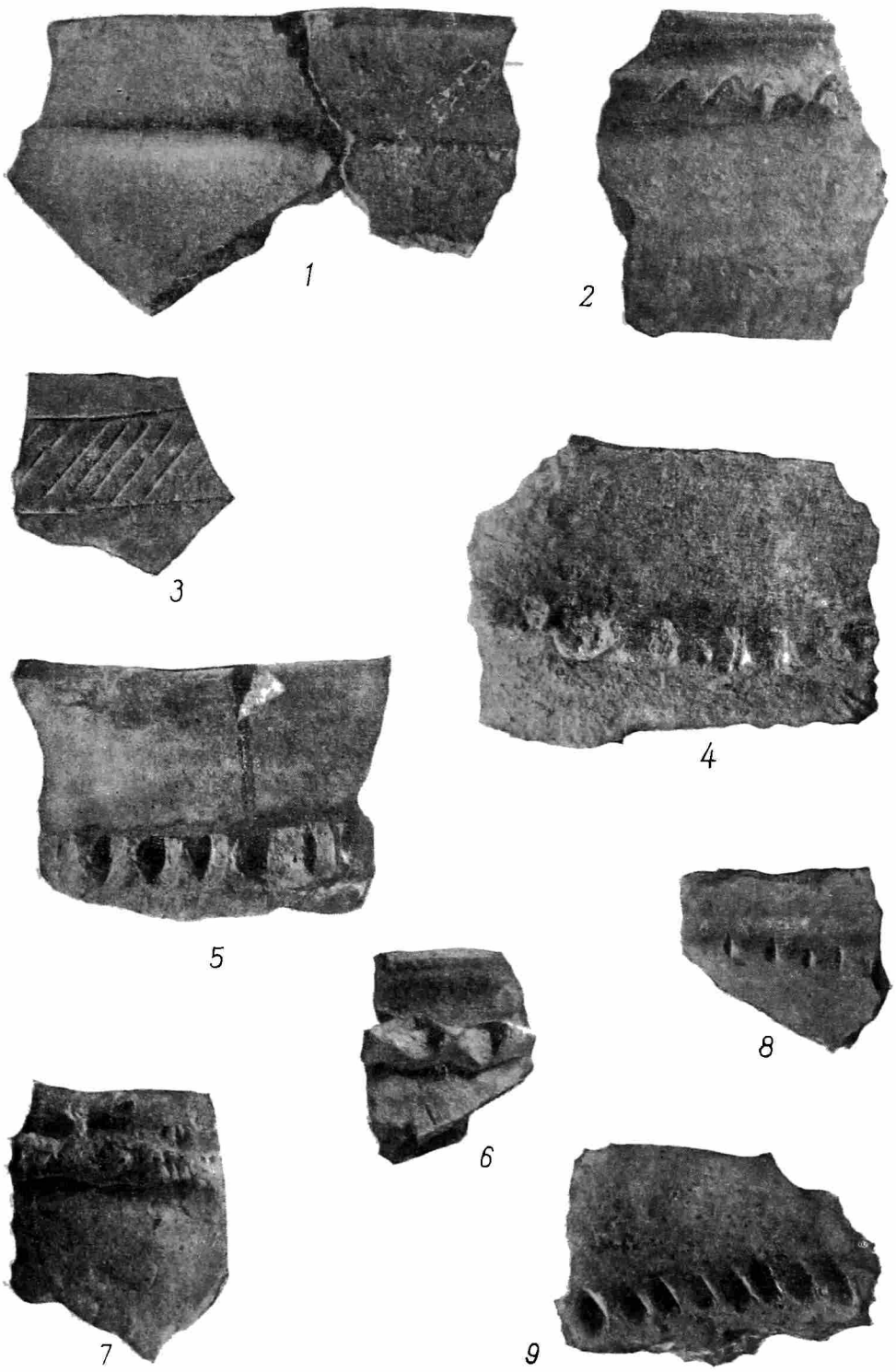

Рис. 7. Керамика из Сазоновки (раскопки 1953 г.)

Все эти поселения расположены в отдалении от моря. Среди найденного на них материала есть каменные зернотерки, много плоскодонной керамики и костей домашних животных: лошади, крупного и мелкого рогатого скота. Повидимому, племена, оставившие эти поселения, тоже были оседлыми и занимались земледелием и скотоводством.

Поселение у дер. Сазоновки, в районе дер. Фонтан, вблизи шоссейной дороги Керчь — Феодосия находилось на холме, у подножия которого протекала высохшая сейчас речка. На одной из нижних террас холма сохранились два колодца; один из них функционирует и в настоящее время. Холм расположен в долине между двумя грядами более высоких холмов, представлявших хорошую защиту от ветров. Раскопки проводились только в восточной части холма. Там, под поселением IV—III вв. до н. э., залегал слой эпохи поздней бронзы. Сохранилось основание стен жилища из крупных камней известняка. В верхней части стены были сложены из мелких необработанных камней на растворе глины. Жилище было однокомнатным, прямоугольной формы, со слегка закругленными углами. Внутри помещения сохранилось место очага и яма, возможно, для хранения продуктов. Под завалом стен было найдено большое количество обломков лепной керамики, среди которых преобладали фрагменты сосудов, орнаментированных налепными валиками на шейке и на плечах (рис. 7), а также обломки чернолощеных сосудов, сосудов с нарезным и вдавленным орнаментом. Валики были очень разнообразны: встречались гладкие, широкие, округлые, а также узкие с заостренной вершиной; иногда по валику шла косая или вертикальная насечка, часто встречались валики с прищепами или просто с вдавлинами. Иногда валики сочетались с лощеной поверхностью.

Среди находок слоя встречались обломки крупных сосудов с вытянутыми, слегка отгибающимися краями и валиками на шейках (рис. 7, *1*, *7*), аналогичные одной из групп керамики киммерикских поселений. На некоторых сосудах валики располагались очень близко к краю сосудов и близко напоминали сосуды из поселения у Обиточной [1].

Поселение у дер. Слюсарево располагалось на берегу речки, у подножия холма, недалеко от колодца. Среди найденной там керамики были обломки лепных сосудов с различного рода валиками (рис. 8, *1—7*), с резным орнаментом (рис. 8, *8*), чернолощеные и т. д. [2]. Но они были встречены вместе с керамикой IV—III вв. до н.э., а выявить чистый слой эпохи бронзы нам не удалось, возможно, в связи с небольшими размерами разведочного раскопа.

Третье из описываемых поселений находилось на холме вблизи дер. Каменки. Среди найденной там керамики так же, как и на киммерикских поселениях, имелись сосуды с высоким краем, округлыми плечами и валиками с косой насечкой, прищепами или вдавлениями на шейке и на плечах, сосуды с вдавленным орнаментом в виде углублений прямоугольной формы, с елочным орнаментом, с резным орнаментом и насечками; имелись там так же, как и в Сазоновке, сосуды с вдавлинами лунарной формы. Иногда налепной валик сочетался с нарезным орнаментом. На поселении Планерское II (б. Коктебель, на холме вблизи реки у шоссе) встречались обломки лепных сосудов с валиками и с черноло-

[1] Раскопки О. А. Граковой. Собрание ГИМ, колл. 617, № 394, 393, 389, 453, 268, 467.

[2] В. В. Веселов показал мне обломок стенки сосуда с орнаментом, нанесенным плохо скрученной толстой веревочкой, найденный им в дер. Слюсарево на склоне холма.

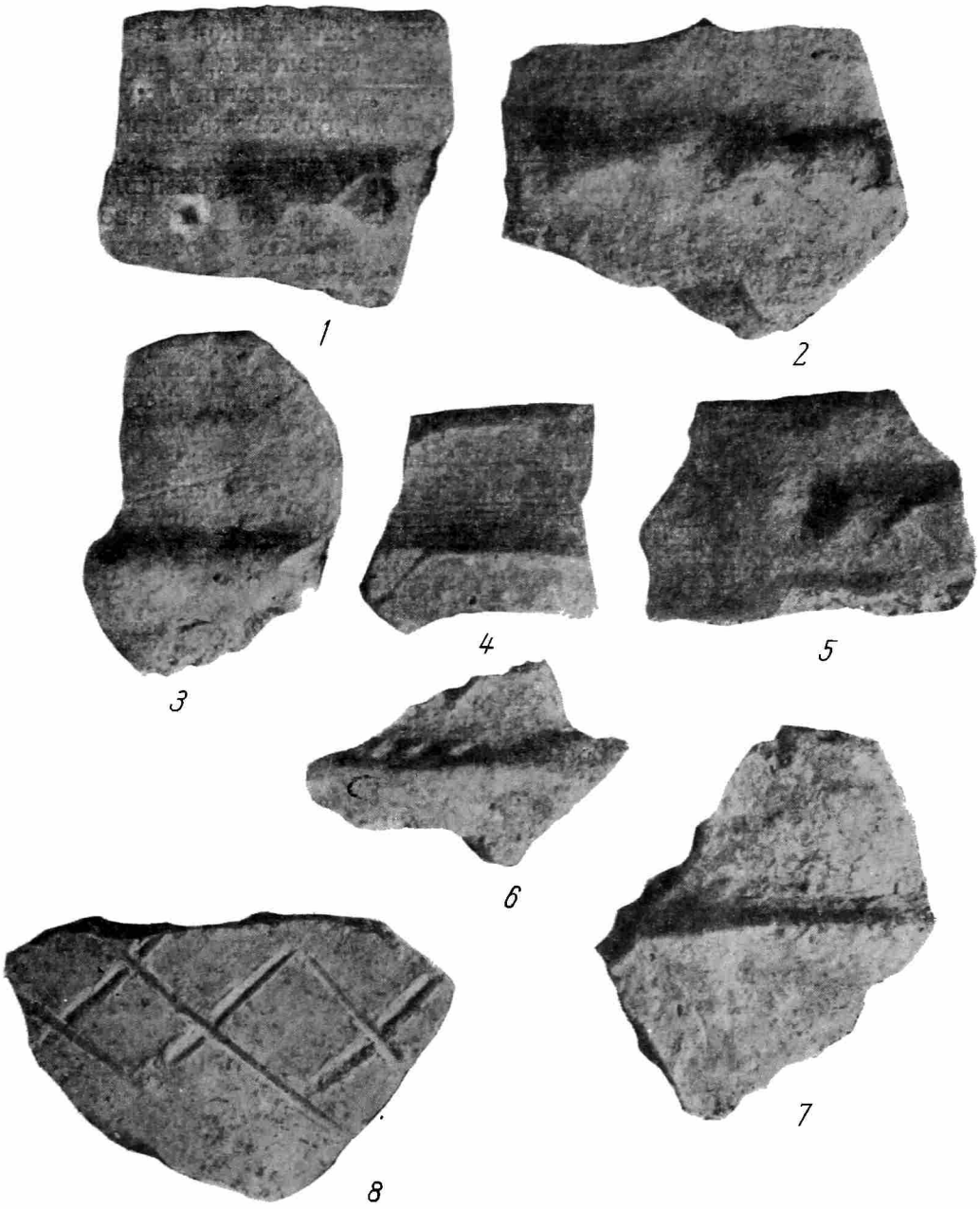

Рис. 8. Образцы керамики из Слюсарева

щеными стенками, повторяющие типы керамики из Сазоновки, Слюсарева, очень близкие керамике из Обиточной.

Почти все типы орнаментов, встречающихся на этих поселениях, есть и в поселениях Киммерика, частично встречались в Щебетовке, Планерском I (пос. у Хрущевского источника), втором слое Кобякова городища.

Однако для последних поселений характерны и получили там наибольшее распространение иные способы орнаментации, а наличие там сосудов типа, встреченного в Сазоновке, Слюсарево, Каменке и Обиточной, свидетельствуют лишь о проникновении в поселения, основанные киммерийскими племенами, отдельных элементов срубной культуры, тогда как разбираемая группа поселений имеет особый характер и нахо-

дит себе прямые аналогии в другой группе памятников Крыма, Северного Кавказа и Приазовья. Так, керамика Сазоновки, Слюсарево, Каменки и Планерского II близка материалу из поселения у хутора Красный Яр Цимлянского района, Ростовской обл.[1], где также широко распространены налепные валики — гладкие и с вертикальной и косой насечкой, елочный орнамент, нарезной, вдавленные углубления. Правда, единичные фрагменты сосудов этого поселения имеют веревочный орнамент типа катакомбной культуры [2], но преобладает керамика, близкая к найденной в Сазоновке и Каменке. Материал этих поселений находит себе аналогии также в поселениях №№ 2, 7, 10 и 11 у хут. Веселого на р. Маныч [3]. В Крыму, повидимому, близкий материал дало поселение у Ново-Феодоровки (близ курорта Саки)[4] и поселение Алма I у дер. б. Саблы (к востоку от Бахчисарая) [5]. Здесь было найдено большое количество кремневых орудий, преимущественно из отщепов с ретушью, и обломки сосудов, многие из которых имели поверхность, покрытую черным или красным лощением; имелись сосуды с валиками на плечах, с нарезным орнаментом. Борта сосудов близки к сосудам Сазоновки и Каменки. Валики украшались косой насечкой, вдавленными пальцем углублениями; иногда валики были тонкими заостренными, иногда более уплощенными. Встретился обломок сосуда с горизонтальным валиком на плече и двумя отходящими от него вниз усами [6]; два обломка имели налепы в форме якоря [7]. Некоторые из сосудов имеют аналогии в материале с поселения на Белозерском лимане [8], которое О. А. Гракова датирует началом I тысячелетия [9], часть аналогич на материалу из поселения у Сабатиновки, которое она же относит к IX—VIII вв. до н. э. [10] Лишь единичные фрагменты из Сазоновки сближаются с керамикой из поселения Обиточной, датируемого О. А. Граковой VII—VI вв. до н. э. [11]

Таким образом, характеризуя две группы поселений восточного Крыма, мы не замечаем между ними большого хронологического разрыва.

Поселения у Киммерика, Щебетовки, Планерского I и др. возникли несколько раньше, вероятно, на рубеже II и I тысячелетий до н. э. и продолжали существовать в первые века I тысячелетия до н. э. Значительное отличие их материальной культуры от культуры поселений у Сазоновки, Каменки и других объясняется различием этнического происхождения их обитателей, которых, мне кажется, следует считать киммерийцами [12].

---

[1] Раскопки ГАИМК под руководством М. И. Артамонова в 1935 г. Материал хранится в Государственном Эрмитаже.

[2] Собрание Государственного Эрмитажа, ЯК280 и 242.

[3] Собрание Государственного Эрмитажа, колл. 1192.

[4] См. Архив ИИМК, дело 150 $\frac{99}{1929}$ Материал хранится в Государственном Керченском историко-археологическом музее.

[5] Раскопки Бонч-Осмоловского в 1924 г. Материал хранится в Государственном Эрмитаже. Колл. 4288. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма, Крым, № 2, 1926, Москва, стр. 74 сл. Архив ИИМК, дело 1924, № 123, стр. 15.

[6] Колл. № 4288, № по описи 59.

[7] Колл. № 4288, №№ по описи 21 и 75.

[8] О. А. Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 76 сл.

[9] О. А. Гракова. Ук. соч., стр. 84.

[10] О. А. Гракова. Доклад, прочитанный на секторе бронзы и раннего железа 6 января 1951 г.

[11] Там же.

[12] В последнем докладе, прочитанном в декабре 1953 г. на секторе бронзы и раннего железа, О. А. Гракова также высказала мысль о принадлежности этих поселений киммерийцам.

Сходство же объясняется хронологической близостью и тесными связями между соседними племенами. Поселения у Сазоновки и Каменки, следуя аналогичным памятникам, датируемым О. А. Граковой, можно относить к VIII—VII вв. до н. э., а их обитателями, вероятно, являлись раннескифские племена, пришедшие в это время в Крым и вытеснившие киммерийцев в горную местность, где последние смогли задержаться дольше.

Интересно близкое сходство рельефа местности, где расположены поселения киммерикские, Щебетовки и Планерского. Все они находятся среди гор и холмов, удобых для укрытия от врага и выделяющихся на фоне общего равнинного характера Керченского полуострова.

Наряду с описанными выше двумя группами поселений эпохи поздней бронзы Керченского полуострова там имеются отдельные, хотя и довольно многочисленные, находки местной догреческой керамики, встречающиеся обычно в наиболее ранних слоях греческих городов Боспора. Среди них наиболее часто встречаются обломки чернолощеных сосудов с инкрустированным орнаментом на плечиках в виде врезанных треугольников и ямок, заполненных белой пастой. Такие обломки сосудов находили в Нимфее [1], в Пантикапее [2], Мирмекии [3], Тиритаке [4] и других городах. Исследователи давно связывают эту керамику с так называемой кизил-кобинской культурой, которую считают принадлежащей таврам [5] Симферопольское поселение, относящееся к этой культуре, датируется VII—VI вв. до н. э. [6]

В горном Крыму к этой культуре относится ряд поселений, в том числе поселение у Кизил-Кобы [7] (по имени которого культура и получила свое название), стоянка у сел. б. Нейзац [8], у дер. б. Кипчак (Коуш-Коба в долине р. Зуи) [9], поселение вблизи Бахчисарая [10], датируемое находкой греческой керамики VI в. до н. э., и ряд других.

Для всех этих поселений характерно большое количество кремневых орудий, наличие чернолощеных сосудов со слегка отогнутыми краями и округлым дном, иногда имеющим вдавленное углубление в центре. Плечи этих сосудов часто украшались инкрустированным орнаментом из треугольников и поясков, вдавленных ямок [11] или без них [12]. Иногда на плечах был сложный нарезной орнамент из ломаной линии, иногда имелись вертикальные валики. На поселении у пещеры Кизил-Коба встречались плоскодонные лепные горшки без лощения с округлыми плечами, слегка отогнутым краем и тонким заостренным валиком на плечах [13],

---

[1] М. М. Худяк. Ук. соч., стр. 78, рис. 3.

[2] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1952 г. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 73.

[3] В. Ф. Гайдукевич. МИА, № 4, стр. 129, рис. 29.

[4] Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, вып. 25, 1953, стр. 250.

[5] О. Д. Дашевская. Раскопки симферопольского поселения кизил-кобинской культуры. КСИИМК, 1951, XXXIX, стр. 118. Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма. Крым, № 2, М 1926, стр. 94.

[6] О. Д. Дашевская. Ук. соч., стр. 118.

[7] Раскопки Бонч-Осмоловского, 1924. Архив ИИМК, дело 1924, № 123, стр. 15. Материал хранится в Государственном Эрмитаже, колл. 4249.

[8] Материал хранится в Государственном Эрмитаже, колл. 4248.

[9] Раскопки 1923—1924 гг. Архив ИИМК, дело 1923, № 94, стр. 10 и дело 1924, № 123, стр. 15 сл. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма. Крым, № 2, 1926, М., стр. 74 сл.

[10] Раскопки Х. Д. Крис в 1950 г.

[11] Колл. Государственного Эрмитажа, № 4248—80.

[12] Нейзац, ямка № 7, колл. Государственного Эрмитажа, № 4409—1.

[13] Из ямки № 6, колл. Государственного Эрмитажа, № 4249—43 и 113.

встречавшимся на керамике киммерикских поселений, Щебетовки, а также среди сосудов Сазоновки; на поселении у сел.б. Нейзац были найдены лепные сосуды с грубо заглаженной поверхностью, слегка отогнутым краем и вдавлинами пальцем по его наружной стороне [1], встречаемые в Киммерике в слое VI в. до н. э. и в Нимфее с греческой керамикой конца VII—VI вв. до н. э.

Все приведенные аналогии заставляют датировать керамику типа кизил-кобинской, находимую на Керченском полуострове, концом VII—VI вв. до н. э.

Повидимому, в начале I тысячелетия население Керченского полуострова было этнически неоднородным. В отдельных, изолированных горами, районах продолжали существовать поселения киммерийцев, подвергшихся сильному влиянию пришедших в Крым племен позднесрубной культуры. Эти племена основывали поселения и, повидимому, уживались с соседями, подчиняя их своему влиянию. Возможно, жителей новых поселений следует связать с раннескифскими племенами.

Вероятно, в VII—VI вв. до н. э. сюда начали проникать и таврские племена, на культуру которых в это время тоже оказывали влияние раннескифские племена. Остатки киммерийских племен в это время, вероятно, уже были ассимилированы и поглощены другими, пришедшими в восточный Крым племенами.

---

[1] Колл. Государственного Эрмитажа, № 4248—24.

В. Е. ВИХРОВ и Б. А. КОЛЧИН

ИЗ ИСТОРИИ ТОРГОВЛИ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

Раскопки последних лет в Новгороде открыли перед археологами значительное число совершенно новых вещей. Благодаря исключительной сохранности в культурном слое города органических веществ перед нами в необычном обилии предстали находки из дерева. Тут мы встречаем жилые постройки и инженерные сооружения, мебель и домашнюю утварь, орудия труда и различные приспособления, детали механизмов и станков, транспортные средства и посуду и т. п.

Довольно частой находкой из принадлежностей личного обихода древних новгородцев являются деревянные гребни. За пять лет раскопок на Ярославовом дворище (1947 и 1948 гг.) и в Неревском конце (1951, 1952, 1953 гг.) было найдено всего 125 деревянных гребней, из них 32 совершенно целых. По векам количество найденных гребней распределяется так: XV в.— 5 шт., XIV в.— 26 шт., XIII в.— 46 шт., XII в.— 7 шт., XI в.— 27 шт. и X в.— 14 шт.

Все деревянные гребни двусторонние. На одной стороне они имеют редкие толстые зубья, на другой — частые, тонкие (рис. 1). Размеры гребней следующие: длина колеблется от 70 до 80 мм, ширина от 80 до 95 мм и толщина в середине от 9 до 14 мм. Средняя длина толстого зуба равна 34 мм, тонкого зуба 32 мм. Количество толстых зубьев колеблется от 17 до 21 шт. и тонких от 52 до 77 штук.

Изготовлены деревянные гребни с высоким профессиональным мастерством. Зубья, как частые так и редкие, нарезаны пилой и тщательно отполированы. Расстояние между частыми зубьями достигает у многих гребней размера в 0,2—0,3 мм. Тип и конструкция деревянных гребней в Новгороде были довольно устойчивыми. По форме и технике изготовления гребни XIV—XV вв. не отличались от гребней X—XI вв. (кстати заметим, что современные кленовые гребешки кустарного производства также очень похожи на гребни X—XV вв.). Средняя плоская часть гребня почти всегда украшена циркульным или линейным орнаментом.

Внешний осмотр показал, что гребни изготовлены из какой-то тяжелой и твердой древесины, относящейся к группе рассеяннососудистых пород. Для того чтобы определить породу, мы произвели диагностический анализ древесины 34 гребней под микроскопом [1].

[1] Микроскопические срезы брались по трем взаимно перпендикулярным плоскостям: поперек волокон древесины, в радиальном и тангенциальном направлениях. Какой-либо специальной обработке для размягчения и окрашивания при приготовлении микропрепаратов древесина не подвергалась.

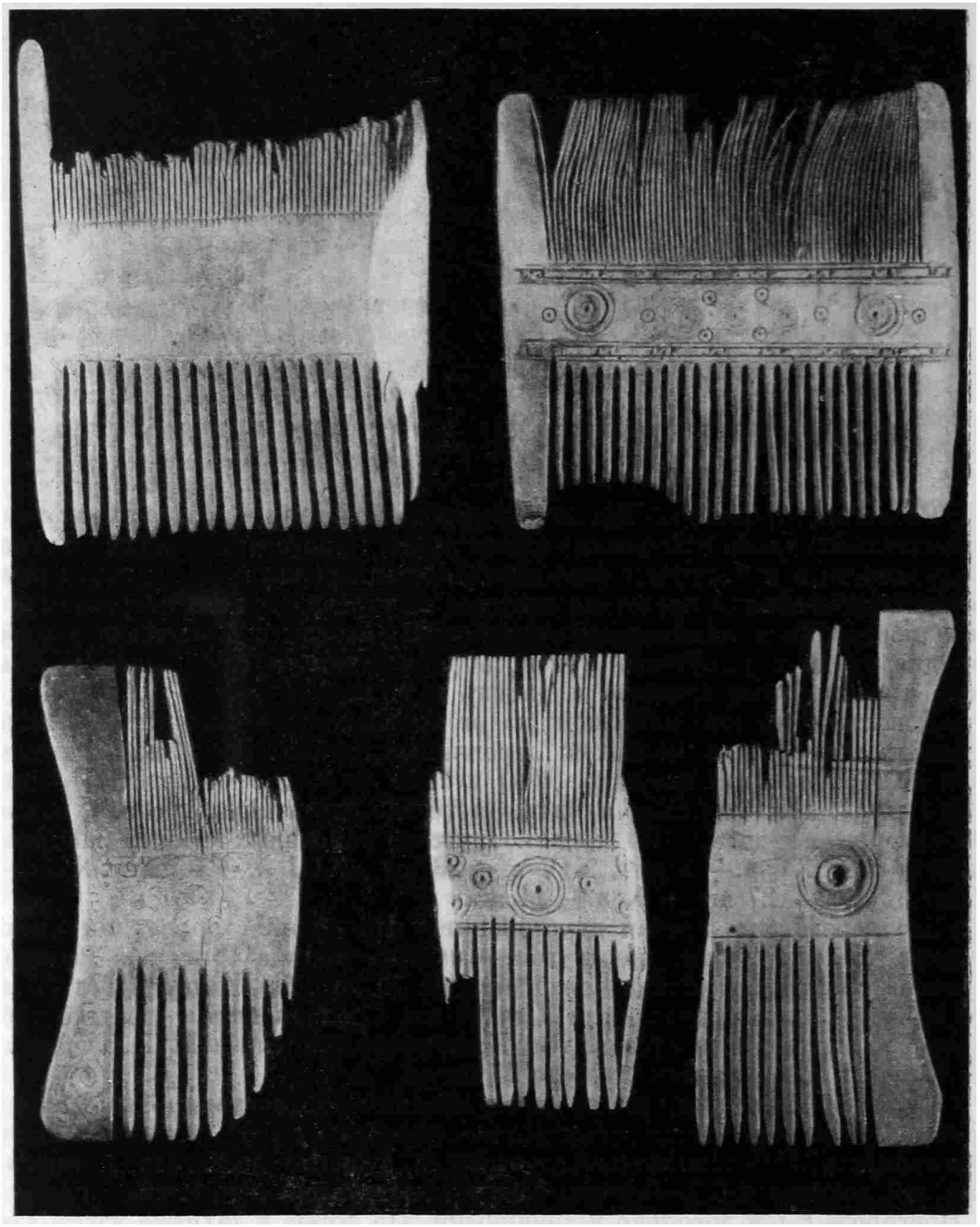

Рис. 1. Деревянные гребни из самшита

Микроскопический анализ древесины гребней показал, что из 34 гребней 32 изготовлены из древесины самшита, 1 — из древесины березы и 1 — из древесины ивы [1]. Хронологически самшитовые гребни распределяются следующим образом (см. табл. на стр. 95).

Итак, мы видим, что самшитовые гребни в Новгороде бытовали начиная с X в. по крайней мере в продолжение пяти веков.

[1] Макроструктурный анализ остальных гребней показал, что большинство из них изготовлено также из древесины самшита.

	X в.	XI в.	XII в.	XIII в.	XIV в.	XV в.	Всего
Всего гребней .	14	27	7	46	26	5	125
Исследовано .	7	12	2	12	1	—	34
Самшит	7	10	2	12	1	—	32

Обнаружение древесины самшита в изделиях из Новгорода является новым и весьма интересным фактом; о значении его мы скажем ниже.

Необходимо отметить, что древесина самшита гребней сохранилась довольно хорошо и определение породы по микроскопическому строению не представляло больших затруднений, признаки древесины самшита сравнительно с древесиной, принадлежащей к другим породам, устанавливались достаточно легко.

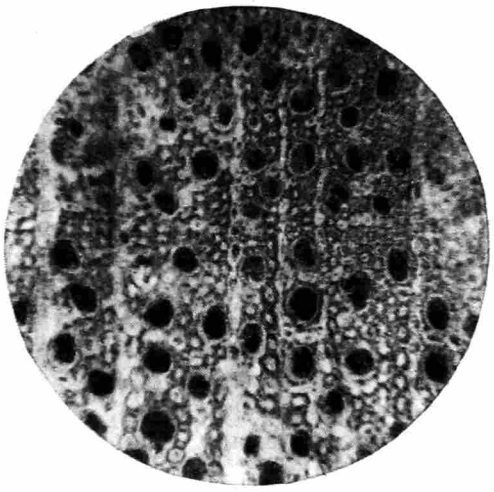

Рис. 2. Строение древесины новгородского гребня. Самшит, торцовый срез. × 150

Для того чтобы правильность наших определений древесины гребней не вызывала сомнений, мы приводим результаты анализа древесины этих изделий.

Годичные слои очень узкие, они выражены весьма неясно, и лишь в некоторых случаях возможно с трудом заметить границу кольца прироста.

Древесина рассеянно-сосудистая. Просветы сосудов некрупные, расположены они одиночно, изредка встречаются парные просветы. Диаметр сосудов от 14 до 35 μ, реже до 40 μ, длина члеников сосудов от 450 до 770 μ. Переход от ранней древесины к поздней совершенно не заметен. Разницы в количестве и величине просветов по обеим сторонам границ годичного слоя не наблюдается (рис. 2).

Очертание просветов округлое или слегка угловатое. Оболочки сосудов толстостенные, без спиральных утолщений, с мелкими окаймленными порами, располагающимися до 6 рядов по ширине сосуда. Перфорации у сосудов лестничные, скошенные, овальной формы, с 6—12 тонкими перекладинами. Перекладины хорошо различаются. Древесная паренхима диффузная, часто соприкасающаяся с сосудами. Просветы клеток древесной паренхимы в два-три раза крупнее просветов клеток основной массы древесины — либриформа, а клеточные оболочки в два-три раза тоньше. Полости клеток древесной паренхимы не заполнены содержимым.

Сердцевинные лучи одно-двух-, реже трехрядные, палисадно-гетерогенные. Их ширина почти равна или несколько у́же просветов сосудов, а по высоте они имеют не более 20—25 клеток (рис. 3).

Внутренние клетки сердцевинных лучей — вытянутые, лежачие, а крайние — палисадные. Последние в два, три, а иногда и в пять раз превышают высоту внутренних клеток луча и изредка располагаются в два-три ряда (рис. 4).

Все элементы механической ткани древесины одинаковы. Основная масса древесины слагается из толстостенных волокон — либриформа, имеющих очень узкие полости и мощные оболочки. Толщина оболочек либриформа в два-три раза превышает диаметр его полостей.

Рис. 3. Строение древесины новгородского гребня. Самшит, тангенциальный срез. × 150

Самшит (кавказская пальма) — Buxus — представляет собой густо разветвленный кустарник или небольшое дерево до 10 м высотой и до 10 см в диаметре. Растет самшит очень медленно. Иногда встречаются деревья 300—400-летнего возраста, имеющие высоту до 20 м и диаметр до 50 см.

Высокие качества древесины самшита создали ему широкую известность как очень прочной породы, и до сих пор в использовании древесины он занимает особое место среди других пород, произрастающих на территории СССР. Самшит применяется во всех случаях, когда от древесины требуются особая прочность, равномерность строения, гладкая поверхность и легкость полировки. Кроме того, ввиду большой мелкослойности, однородности строения и высокой прочности древесина самшита является лучшей, когда на ней необходимо нанести мельчайшую резьбу. Все эти качества древесины самшита, твердость и прочность которого приравниваются к свойствам слоновой кости, делали самшит наилучшим доступным материалом для изготовления гребней.

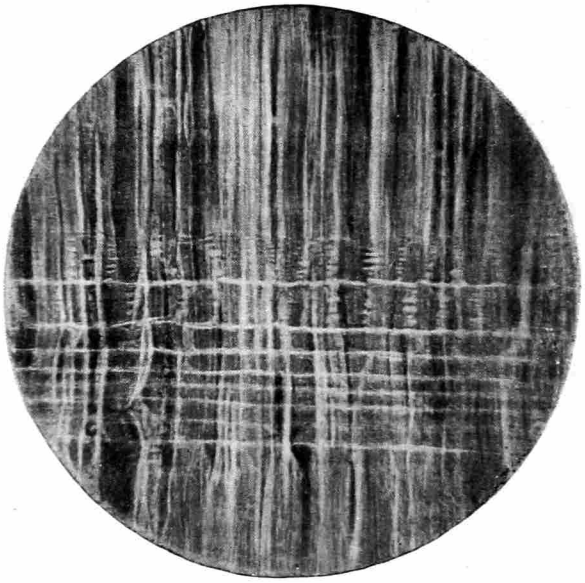

Рис. 4. Строение древесины новгородского гребня. Самшит, радиальный срез. × 150

Как известно, в настоящее время самшит в диком виде распространен по всему черноморскому побережью, а также в нижнегорных лесах Талыша и на северном склоне Кавказа по рр. Цице и Курджипс.

Самым ближайшим к Новгороду местом естественного произрастания самшита был и остается Северный Кавказ. Кроме того, Кавказ был пунктом, хорошо связанным с Новгородом удобными водными торговыми путями — Днепровским, а иногда и Волжским.

Итак, для нас бесспорно, что с X по XIV в. широкие слои жителей Новгорода пользовались гребнями, сделанными из самшита, произрастающего на Кавказе. Это не были редкие дорогие диковинные заморские вещи, которые иногда попадали в Новгород из разных концов света, а это были обычные массовые предметы обихода, которыми владели и пользовались многие новгородцы.

В связи с этим перед нами встает вопрос, что же приобретали новгородские купцы на Кавказе, готовые гребни или древесину самшита, а гребни изготовляли новгородские ремесленники у себя в Новгороде? Ряд наблюдений позволяет утверждать, что на Кавказе покупалась лишь древесина самшита, а гребни делали местные новгородские «гребенники».

Эти наблюдения следующие:

а. Форма и размер деревянных гребней абсолютно сходны с некоторыми видами костяных гребней местного новгородского производства [1].

б. Техника нарезки зубьев на многих деревянных и костяных гребнях была также абсолютно идентична. Новгородским двусторонним костяным гребням (их известно несколько сот экземпляров) присуща манера изготовления косого зуба, т. е. плоскость пропила между зубьями находится не перпендикулярно к плоскости гребня, а немного скошена, а следовательно, и зуб получался немного развернутым в сторону (как лопасть пропеллера). В такой же технике изготовлены многие деревянные самшитовые гребни.

в. Находка других изделий из самшита, сделанных в Новгороде. Например, в слое XIII в. найдена маленькая круглая самшитовая точеная шкатулка, у которой еще не выточена внутренняя полость. Перед нами оказался полуфабрикат шкатулки, выброшенный из мастерской новгородского токаря.

Эти наблюдения позволяют нам говорить, что новгородские купцы, начиная с X в., на протяжении пяти веков привозили в Новгород для новгородских гребенников древесину самшита и при этом в достаточном количестве. Новгородские гребенники изготовляли из самшита в изобилии гребни, которые мог купить почти каждый новгородец.

Ввоз самшита с Северного Кавказа в Новгород, начиная со второй половины X в., шел через русский торговый порт Тмутаракань. Наибольший размах торговля самшитом приобретает в XIII в., но и позже, после монгольского нашествия, она не прекращается. В XIV в. гребни из самшита в Новгороде были еще широко распространены.

Что же касается торговли древесиной самшита на Кавказе в средние века, то имеются письменные известия о том, что широкую торговлю самшитом в XIII—XIV вв. вели генуэзцы, которые меняли его у местных жителей на соль и везли в Константинополь [2].

Массовая находка самшитовых гребней в древнем Новгороде позволяет нам говорить, что среди ввозимых товаров древней Руси, кроме дорогих тканей и других предметов роскоши, пряностей, фруктов и красок, оседавших исключительно в феодальных кругах, были традиционные товары, предназначенные для более широкого потребителя. Таким товаром являлся самшит.

---

[1] В Новгороде найдено несколько мастерских по производству костяных гребней.

[2] De la Primandase. Histoire du commerce au moyen âge.

Р. Ф. ИТС

КУЛЬТУРЫ ЯНШАО И ЛУНШАНЬ И ИХ СООТНОШЕНИЕ

(По материалам археологических раскопок в Китае)

Археологические раскопки в Китае ведутся ныне в больших масштабах и в районах, ранее не исследованных. Новые исследования открывают ранее не известные страницы в истории древнейшего населения этой страны. Последние десятилетия археологи исследовали в Китае преимущественно знаменитый район Чжоукоудянь, неолитические стоянки в Хэнани и Ганьсу, иньские могилы в Аньяне и Хойсяне (провинция Хэнань). Исследование этих районов продолжается и сейчас, но наряду с этим проводятся исследования в районах Южного Китая. Так, в октябре 1952 г. в журнале «Кэсюэтунбао» (№ 10) была опубликована статья проф. Пэй Вэнь-чжуна об открытии черепной крышки ископаемого человека в районе г. Цзыян провинции Сычуань. Предварительное исследование этих остатков пока не дает возможности точно определить их возраст, однако проф. Пэй замечает, что данная черепная крышка отлична от аналогичных находок как синантропа, так и кроманьонца и остатков из Верхней пещеры Чжоукоудяня. Как уже сообщалось в советской печати, раскопки ведутся на северо-востоке (провинция Гирин-Ситуаньшань) и в районе Нанкина [1].

Предполагая еще специально остановиться на разборе результатов археологических исследований ранних периодов древнейшей истории Китая, автор разбирает в этой статье вопрос о неолитических культурах Яншао и Луншань. С. А. Семенов [2] в обстоятельном обзоре дал в 1949 г. изложение характерных черт культуры Яншао и итогов некоторых археологических исследований этого периода за последние 20 лет. В его статье нашли отражение работы Ли Цзи, Лян Сы-юна и Дун Цзо-биня, посвященные стоянке периода Луншань.

Раскопки неолитических памятников в Китае до освобождения от гоминдановского режима велись с 1921 г. и закончились в основном к 1937 г. [3] В 1921 г. в результате раскопок, произведенных Андерсоном,

---

[1] Г. В. Ефимов, участвовавший в составе делегации Советского комитета защиты мира на Конгрессе мира стран Азии и Тихого океана в Пекине, любезно сообщил автору данной статьи о раскопках погребений периода III в. до н. э.— II в. н. э. на острове Хайнань, которые проводят китайские археологи.

[2] С. А. Семенов. Древнейший период в истории Китая. ВДИ, 1949, № 4, стр. 211—224.

[3] Лю Яо. Анализ культур Яншао и Луншань. «Чжунго каогу сюэбао». Шанхай, 1947, № 2, стр. 252—256.

в Шагутунь Мукденской провинции были обнаружены первые остатки неолитических культур. Тогда же была открыта стоянка Яншао в Хэнани. В 1923—1924 гг. Андерсон произвел раскопки неолитических памятников в Ганьсу. В 1926 г. археолог Ли Цзи в Синьцуне уезда Сясян (провинция Шаньси) обнаружил неолитическую стоянку периода Яншао. В 1927 г. проводились раскопки в южных районах северо-восточного Китая. В 1928 г. Ли Цзи и Дун Цзо-бинь начали раскопки стоянки Сяотунь на Иньских холмах, где были обнаружены культурные остатки как периода Сяотунь (иньское время), так и Яншао. В 1930 г. Ли Цзи, Дун Цзо-бинь и У Цзинь-дин открыли стоянку Чэнцзыяй в уезде Личэн близ деревни Луншань, провинции Шаньдун. В том же году Лян Сы-юн проводил раскопки неолитических памятников в районе Ананцы провинции Хэйлунцзян. В 1931 г. Лян Сы-юн проводил раскопки в Хоугане уезда Аньян провинции Хэнань, на основе которых установил связь культур Сяотунь, Луншань и Яншао. В том же году в окрестностях деревни Цзинцунь, близ Пекина, были найдены культурные остатки неолита — периода Яншао. В 1932 г. У Цзин-дин при раскопках в Гаоцзинтайцзы уезда Аньян провинции Хэнань установил связь культур Луншань и Яншао. Тогда же аналогичная связь была установлена археологом Лю Яо при раскопках у деревни Синьцунь уезда Сюньсян и станции Далайдянь провинции Хэнань. В 1933 г. археологи Ши Чжан-жу и Ван Сян указали на связь слоев этих культур на основе раскопок в районе Лючжуань уезда Сюньсян провинции Хэнань. В 1934—1935 гг. на материалах раскопок в районе Тунлэсай провинции Хэнань Лян Сы-юн указал на такую же связь культур. В том же году были обнаружены культурные остатки периодов Луншань и Яншао в Цинтай, западной части провинции Хэнань, археологом Го Бао-цюнем и остатков культуры Яншао в уезде Баоцзисян провинции Шэньси археологом Сюй Бин-чаном. В 1935 г. в районе Чифына провинции Жэхэ обнаружены остатки расписной керамики. В 1936 г. археологи Лян Сы-юн, Ци Янь-пэй и Лю Яо проводили раскопки в районе Ляньчэнчжэнь уезда Шичжаосян провинции Шаньдун, где были найдены, кроме остатков культуры Луншань, остатки поздних культур и отчасти ранних. В этом же году зимой Ли Цзиндань провел раскопки в уезде Юнчэн провинции Хэнань в местонахождениях Цзаолюйтай и Хэгудуй, где обнаружил остатки культуры Луншань. За первые 17 лет раскопок неолита в Китае (так же, как и в последние годы) вопрос о соотношении этих культур приобрел значительную остроту.

Археологические исследования в Китае были прерваны в 1937—1938 гг. почти повсеместно, что вызвано было захватнической войной Японии против Китая. По существу только с 1949 г., после 12-летнего перерыва, археологические изыскания в Китае возобновились в больших, невиданных ранее масштабах при поддержке правительства [1] Китайской Народной Республики.

Публикации отдельных памятников выходили в виде монографий. Ряд археологических статей опубликован в университетских сборниках. До антияпонской войны вышел только один номер сборника «Доклады о полевых археологических исследованиях». После антияпонской войны вышло три номера. Из них № 2 и № 3 вышли в 1947 и 1948 гг., а № 4

[1] Оставляя в стороне общеизвестные работы по неолиту Китая, написанные на западноевропейских языках, в данной статье ставится задача дать представление о неолите Китая по материалам исследований китайских археологов. Работы по этому вопросу публиковались в сборниках «Археология Востока» (Дунфанкаогу-сюэцункань), а также «Доклады о полевых археологических исследованиях» («Тянье каогу баогао») Последнее издание начало выходить в Шанхае в 1936 г. на китайском языке.

в декабре 1949 г., после победы героического китайского народа. Со второго номера эти сборники были переименованы в «Китайский археологический журнал» («Чжунго каогу сюэбао»). В новом Китае сообщения об археологических раскопках постоянно публикуются в «Научном вестнике» Китайской Академии наук («Кэсюэтунбао»), в газетах, в изданиях университетов и центральных музеев. В 1952 г. вышел № 5 Китайского археологического журнала. С 1952 г. Нанкинский Государственный музей приступил к изданию своих трудов, первый номер которых посвящен археологическим работам.

Как уже говорилось, до 1949 г. раскопки неолитических стоянок или захоронений проводились только в северо-восточном и восточном Китае, отчасти в северо-западном. Сейчас раскопки ведутся в центрально-южных и юго-западных районах страны. Согласно карте, приложенной к статье Лю Яо «Анализ культур Яншао и Луншань» [1], раскопки неолитических памятников в Китае до 1945 г. проводились в 21 пункте, в провинциях Цинхай, Ганьсу, Шэньси, Шаньси, Хэнань, Шаньдун, Жэхэ, Ляодун.

Из новых исследований по неолиту Китая большой интерес представляют работы, дополняющие и существенно изменяющие представление о периодизации и классификации культуры расписной керамики в северо-западном Китае, культуры Мацзяо, Яншао и ее варианта Цицзя. Таковы прежде всего работы китайских археологов, выяснившие действительный возраст памятников типа Цицзя.

В своей работе «Исследования по доистории китайцев» [2], вышедшей в 1943 г., Андерсон повторил первоначальное мнение, высказанное им еще в 1925 г. [3] о том, что культура, найденная в Ганьсу и названная Цицзя, древнее культуры Яншао той же провинции. Эта точка зрения Андерсона основывалась на обнаруженных в Цицзянине глиняных изделиях более грубых и, в отличие от Яншао, не имевших росписи. В 1944—1945 гг., как сообщает в своей статье [4] проф. Ся Най (ныне заместитель директора Института археологии Китайской Академии наук), в непосредственной близости от района Баньшань уезда Ниндинсян провинции Ганьсу, археологический отряд Центрального научно-исследовательского института и Центрального музея Китая начал производить раскопки в местечке Янвавань, близ деревни Вэйцзяцуй. Этот район расположен рядом с местом раскопок Андерсона, отмеченном на его карте как пункт «9» [5]. Здесь было обнаружено два захоронения. По утверждению Ся Ная, керамика, обнаруженная в этих могилах, похожа на керамику культуры Цицзя. Цвет сосудов — пальмово-желтый или красный [6]. Шесть сосудов имеют следы лощения, три сосуда серо-черного цвета. На основе анализа керамики, способа захоронения, стратиграфии, а главное — остатков расписной керамики в погребениях Ся Най делает вывод, что культура Цицзя доживает до времени Луншань, т. е. когда культура Яншао провинции Ганьсу уже закончила существование [7]. На чрезмерное завышение

---

[1] «Чжунго каогу сюэбао», 1947, № 2, Шанхай, стр. 283.

[2] J. G. Andersson. Researches into the Prehistory of the Chinese. BMFEA, 1943, № 15, стр. 178, 282.

[3] J. G. Andersson. Preliminary Report on Archaeological Research. in Kansu. Mem. Geol. Surv. China, Ser. A, № 5, стр. 27.

[4] Ся Най. Новое открытие захоронений периода Цицзя и исправление его хронологии. «Чжунго каогу сюэбао», 1948, № 3, Шанхай, стр. 101—103.

[5] J. G. Andersson. Researches into the Prehistory..., стр. 113, Fig. 24.

[6] Ся Най. Ук. соч., стр. 107.

[7] Там же, стр. 111.

Андерсоном хронологии Цицзя указывают также Байлин - Алтин [1] и китайский археолог Лю Яо [2].

Ся Най отмечает, что Андерсон, проводя в своих работах непосредственную преемственность Шан-Инь от Яншао, тем самым не оставляет места для культуры Луншань, соответствовавшей концу неолита в Китае и характеризующейся наличием черной лощеной керамики. Первоначально Андерсон датировал Цицзя 3500—3200 гг. до н. э., но затем отнес ее на 1000 лет позже, а в соответствии с этим указывал, что Яншао относится к 2200—1700 гг. до н. э. Ся Най определяет возраст Цицзя в пределах II тысячелетия до н. э. [3]

Следует учесть, что отказ Андерсона от прежней датировки периодизации Яншао не нашел никакой поддержки как у китайских, так и у зарубежных ученых. Считается общепризнанной точкой зрения, что Яншао охватывает период с середины III тысячелетия до н. э. и до начала II тысячелетия. В пределах же II тысячелетия распространена в ряде мест Китая переходная ее форма Цицзя, а в центрально-восточных районах — культура Луншань, которая и сменилась культурой Шан-Инь.

Андерсон и другие западноевропейские и американские авторы развивали мысль об обособленной эволюции двух неолитических культур, граница между которыми совпадала с Великой Китайской стеной: таковы на северо-востоке Китая «достенная культура», а в центрально-восточном — «застенная культура». В этом заставляют сомневаться результаты работ в районе города Датун провинции Шэньси, за Великой Китайской стеной, где в 1950 г. разведывательный археологический отряд под руководством Пэй Вэнь-чжуна обнаружил каменные орудия и фрагменты расписной керамики. Это — район так называемой достенной культуры. Исследования этих орудий и керамики засвидетельствовали их сходство с локальной группой культуры Яншао-Чифын. На этом основании проф. Пэй указывает, что прежняя точка зрения об обособленном развитии двух культур северо-восточного и центрального Китая и о позднейшем их синтезе неосновательна. Культура расписной керамики и каменных орудий распространялась как *до*, так и *за* Великую Китайскую стену [4].

В 1945 г проф. Ся Най возглавил отряд по раскопкам стоянки Сывашань близ города Линьтао провинции Ганьсу [5]. Проводя в 1924 г. работы в этом районе, Андерсон выделил здесь культуру Мацзяо (Машань). Этим термином он называл отличную от культуры Яншао, распространенную в провинции Хэнань, культуру расписной керамики провинции Ганьсу [6].

Работы были начаты в апреле 1945 г. Холмы Сывашань расположены на западном берегу реки Таохэ в 20 км на юг от города Линьтао. Находки обнаружены на гребне холма высотой в 20 м над уровнем равнины. Были намечены два района раскопок: *A* — в западной части естественного рва и *B* — по сторонам рва на запад и восток.

В первом районе обнаружены стоянка периода Мацзяо и погребение периода культуры Сыва. В районе *B* остатки культуры Мацзяо.

---

[1] M. Bylin-Altin. The sites of Chichia P'ing and Lo Han T'ang in Kansu. BMFEA, 1946, № 18, стр. 365—498.

[2] Лю Яо. Ук. соч.

[3] Ся Най. Ук. соч., стр. 114.

[4] Ли Син-сюэ. В Датуне обнаружены шлифованные первобытные каменные орудия. «Кэсюэтунбао», 1950, т. 1, № 8, стр. 598.

[5] Ся Най. О раскопках в Сывашань у города Линьтао. «Чжунго каогу сюэбао», 1949, № 4, Шанхай, стр. 71—137.

[6] J. G. Andersson. Prehistorie Sites in Honan. BMFEA, 1947, № 19, стр. 121—124.

В основном керамика периода Мацзяяо делится на два типа: 1) хорошей отделки, блестящая с черно-красным орнаментом и 2) с оттисками рогожи. Эта керамика по цвету (преимущественно желтоватого и красноватого

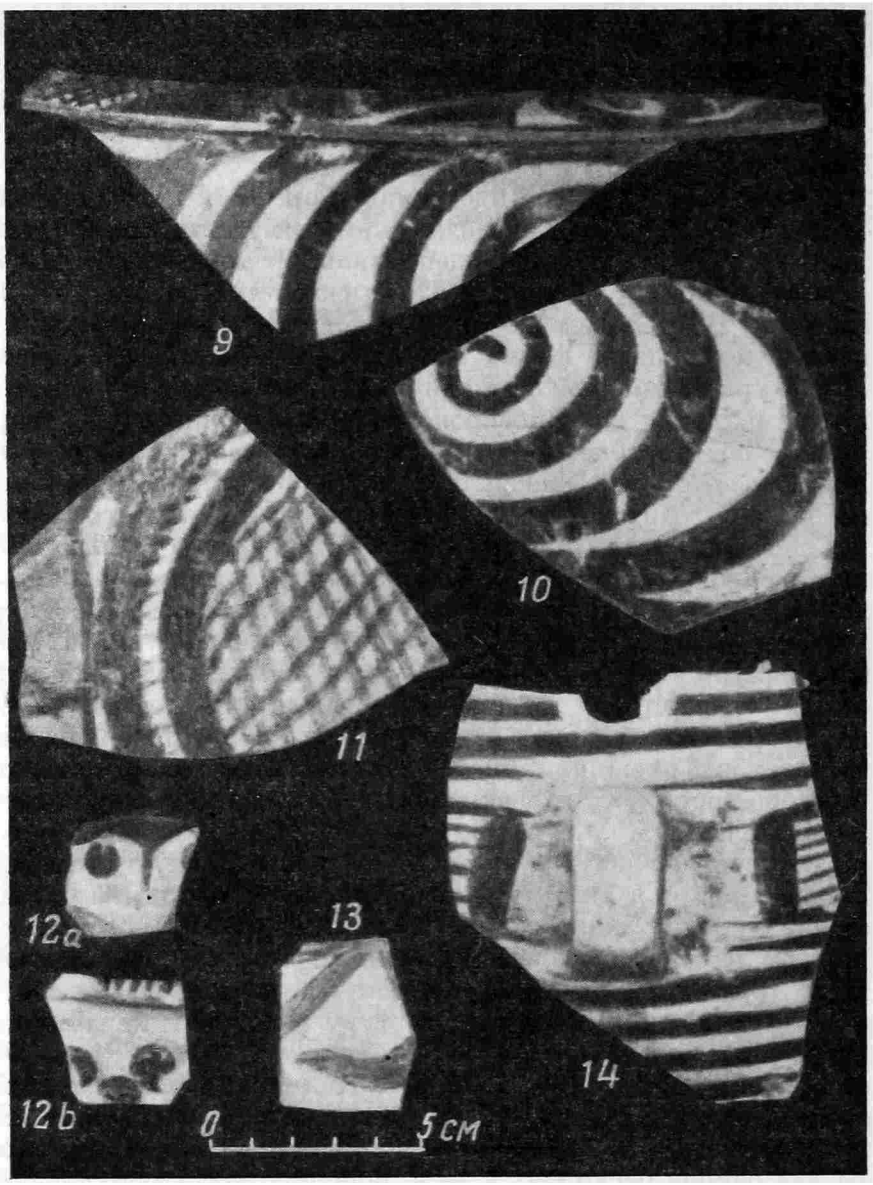

Рис 1. Образцы фрагментов расписной керамики культуры Мацзяяо из района *В* местонахождения Сывашань, уезд Линьтао

9 из *Б*2; *10* из *В*6; *11* из *В*16; *12* из *В*24; *13* из *В*13; *14* из *В*5

цвета, реже — серо-коричневого) и по украшению отлична от керамики культуры Яншао из провинции Хэнань [1] (рис. 1). Известный интерес представляют изделия: топоры, тесла, прясла, шило — аналогичные найденным Андерсоном в Баньшане, Бяньцзяхоу и других местах [2].

[1] Ся Най. Ук. соч., стр. 80.,
[2] Там же, стр. 87.

При вскрытии могил периода Сыва, как пишет исследователь, были обнаружены следы обряда вторичных захоронений. Обычай «повторного погребения» распространен у некоторых народов (народы мяо, яо, часть тибетцев и др.). Считалось необходимым после того, как истлеют мягкие ткани, кости похоронить на новом месте. При этом кости, естественно, часто оказывались разбросанными [1]. В данном пункте были обнаружены и другие типы захоронений. Так, найдены урны с пеплом (трупосожжение). Обычай сжигания трупов существует у тибетцев и, по сведениям хроник, существовал у их предков — цян [2].

Керамика, найденная в погребениях, характерна для культуры, названной Сыва,— это сосуды с ручками, кирпично-красного или серо-черного цвета (рис. 2), треножники типа ли и дин, большие кувшины, урны. Триподы отличаются от найденных в Центральном Китае внешним видом. Обнаружена и керамика более ранней культуры Мацзяяо (рис. 3).

Рис. 2. Сосуд из погребения в Сывашань, уезд Линьтао (реконструкция, в $^1/_5$ нат. вел.)

На основе обнаруженных в погребениях глиняных изделий (рис. 4) и орудий можно предположить, что насельники этого района — периода культуры Сыва — знали земледелие и умели ткать одежду. Они также разводили домашний скот. Гончарное призводство значительно развилось (лощеная посуда, украшенная выпуклым орнаментом). Найдены изделия из бронзы — бронзовый браслет, в то же время в употреблении были и каменные орудия. Покойников или сжигали, складывая пепел в урну, или погребали в вытянутом положении на спине [3].

Относительно хронологии стоянки Мацзяяо Ся Най указывает, что культура Сыва явилась преемницей Мацзяяо. Кроме того, если еще в эпоху Хань район Линьтао был завоеван китайцами, тогда туда бы уже проникло железо. Поэтому следует признать, что культура Сыва старше династии Хань [4]. Андерсон в своей работе 1925 г. ставил период Сыва в связь с культурой Синьдянь [5]. Ся Най возражает на это, подчеркивая недостаточность фактов и аналогий, использованных Андерсоном. Культура Синьдянь, по мнению Ся Ная, ближе всего к культуре Мацзяяо. Позднее Андерсон высказал мысль о возможности датировать Сыва 1000—700 гг. до н. э. Эта гипотеза нашла поддержку у проф. Ся Ная [6], однако Ся Най категорически возражает против попытки Андерсона связать куль-

[1] Ся Най. Ук. соч., стр. 94.
[2] Там же, стр. 95—96.
[3] Там же, стр. 122.
[4] Там же, стр. 123.
[5] J. G. Andersson. Preliminary Report on Archaeological..., 1925, стр. 21.
[6] Ся Най. Ук. соч., стр. 124.

туру Сыва с племенами, названными им «шацзин». Ся Най считает, что приведенные факты о способах погребения и пока еще первоначальные краниологические исследования позволяют считать носителей культуры Сыва предками цянов [1], которые в свою очередь были предками тибетцев.

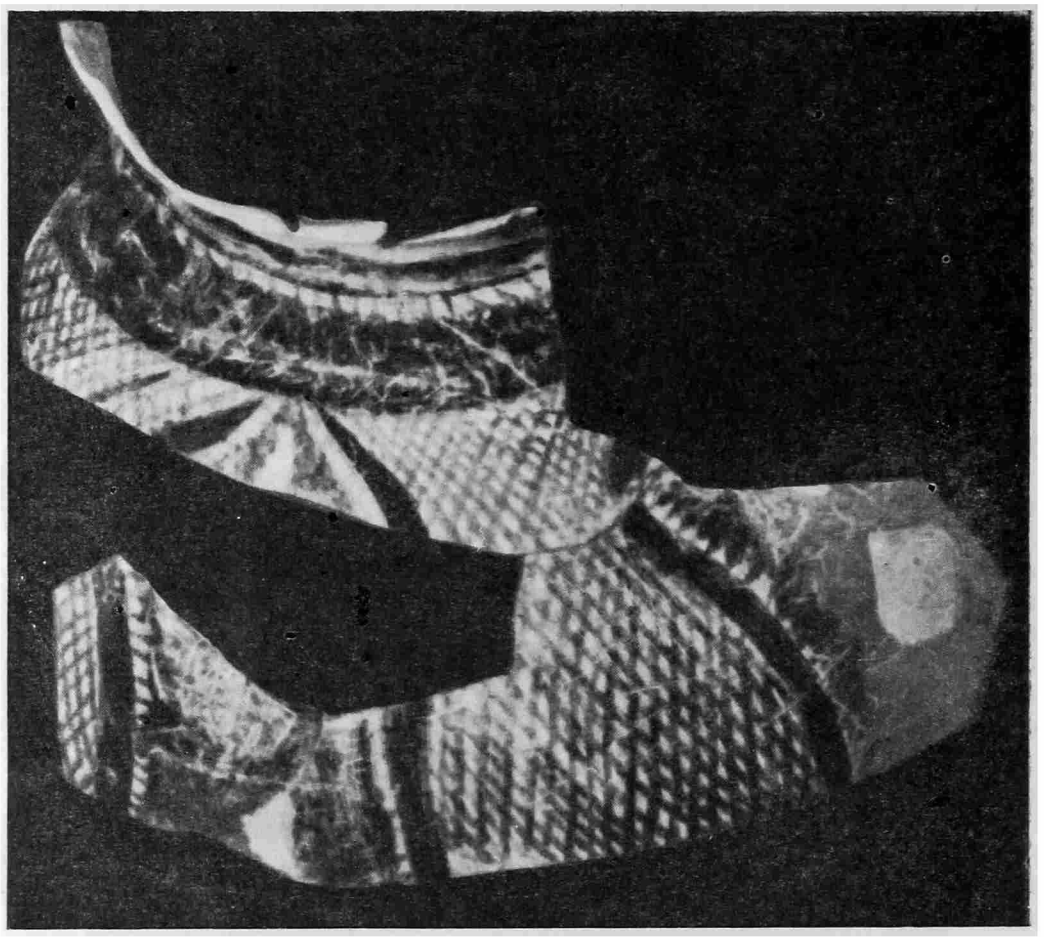

Рис. 3. Фрагмент расписной керамики культуры Мацзяяо из района *А* местонахождения Сыванань, уезд Линьтао (реконструкция)

Таковы в основном новые данные, внесенные китайскими археологами в датировки неолитических памятников.

* * *

Зимой 1930 г. археологический отряд под руководством Лян Сы-юна начал раскопки неолитических памятников в провинции Жэхэ. Обнаруженные материалы внесли значительные уточнения в представления о неолите северо-востока, которые слагались по данным работ японского археолога Тории Рюдзо [2] и французских археологов Тейяр де Шардена

[1] Ся Най. Ук. соч., стр. 126.
[2] R. Torii. Populations primitives de la Mongolie orientalle JCSYU, 1914, v. XXXVI, art. 4, Tokyo.

и Лисенна [1]. Работы отряда Лян Сы-юна проводились в пяти пунктах: Чабуганьмяо — район течения реки Веньмулуньхэ, в местах Линьси, Шуанцзин, Чэньцзяинцзы, расположенных в районе течения реки Силяохэ, и в Чифыне — районе течения реки Лаохахэ. В результате этих работ была опубликована большая статья [2], представляющая описание найденных неолитических орудий и фрагментов керамики.

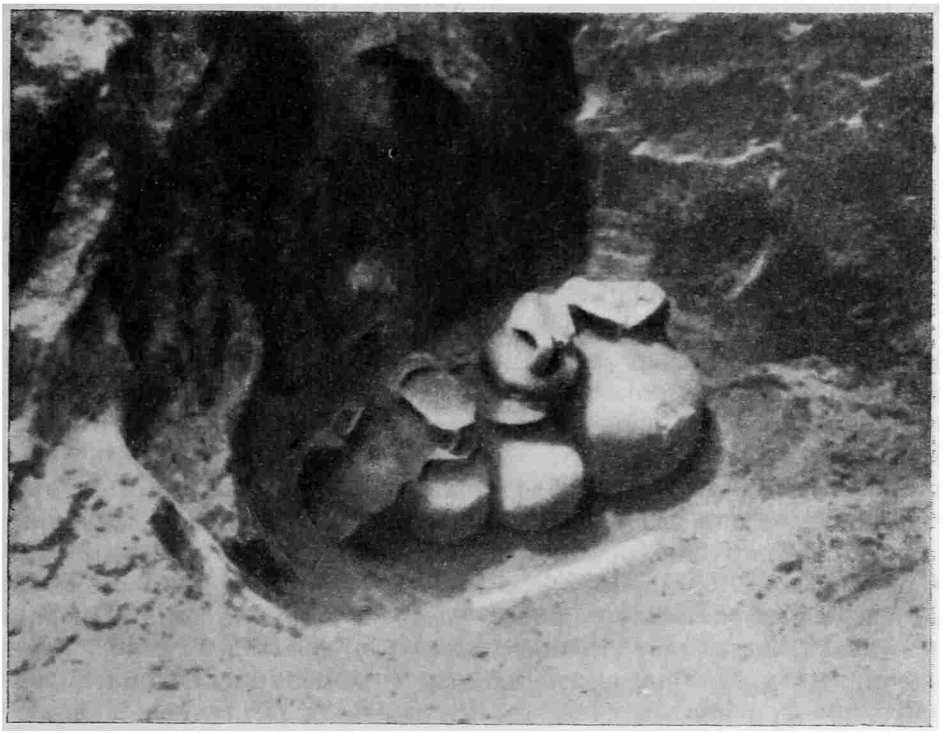

Рис. 4. Погребальный инвентарь в могиле № 11 местонахождения Сывашань, уезд Линьтао

Местонахождение Чабуганьмяо расположено на горе Чабуганьв 65 км на юго-восток от южной части устья реки. По внешнему виду найденная здесь керамика подразделяется на пять типов:

а. Грубая некрашенная, преимущественно кирпично-серого цвета, толщина стенок от 4,4 до 7 мм; остатки сосудов с узким и широким горлышком, с орнаментом в виде накладных валиков.

б. Найден один фрагмент лощеного сосуда серого цвета, толщиной 5,7 мм.

в. Керамика серого цвета с орнаментом, сделанным штампом. На отшлифованной стороне имеется незаконченный спиральный орнамент. Встречаются черепки с орнаментом в виде флажков и прямоугольников, толщина которых в основном 5 мм.

г. Найден один фрагмент расписной керамики серого цвета с черными полосами. Отличаясь от керамики культуры Яншао, этот фрагмент

---

[1] E. L i c e n t. Les Collections Néolitiques du musée Hoangho Paiho de Tientsin. PMHbPh, 1932, № 14, Tientsin.

[2] Л я н С ы - ю н. Собрание неолитических каменных орудий и фрагментов керамики из Чабуганьмяо, Линьси, Шуанцзин, Чифын и других провинции Жэхэ. «Тянье каогу баогао». 1936, №1, Шанхай, стр. 1—67.

представляет собой особый вид расписной керамики северо-восточной группы.

д. Три фрагмента сосуда серого цвета с орнаментом в виде выемок.

Реконструируя по этим фрагментам первоначальную форму сосудов, Лян Сы-юн изображает сосуды с отогнутыми венчиками [1].

В раскопках поселения Линьси, расположенного в центре от шоссе Линьси-Чифын, основную ценность представляют неолитические каменные орудия. Этот район расположен на площадке в виде неправильного квадрата (стороны по 4 км), называемой Халахай. С севера площадка ограничена озером Кастайгоол, с других сторон — горами. Неолитические предметы были найдены на дюнах. Нижний слой дюн представляет темный слежавшийся песок, верхний и средний слои, вероятнее всего, современные эоловые наносы. Неолитические орудия оказались в нижнем слое [2]. В этом слое найдены каменные орудия разных форм и назначения. Там же найдена гладкая серая керамика. По мнению Лян Сы-юна, керамика эта хронологически связана с возникновением этого слоя, а каменные орудия были в употреблении раньше [3].

Остатки керамики из Линьси подразделяются на 12 типов [4]: 1) фрагменты серой керамики со штампованным орнаментом в виде квадратов, флажков, прямоугольников и др.; 2) фрагменты керамики серо-голубого цвета; 3) фрагменты лощеной керамики черного цвета с орнаментом в виде выемок, сделанных штампом; 4) серо-зеленая керамика с рогожным рисунком; 5) обломки сосудов бледножелтого цвета, некоторые с орнаментом в виде накладных выпуклых украшений: 6) фрагменты лощеной красной керамики; 7) грубая серая керамика с орнаментом в виде прямоугольников и выпуклых линий; 8) фрагменты грубой коричневой керамики; 9) фрагменты серого и коричневого цветов с орнаментом; 10) фрагменты желтого цвета, также с украшениями: 11) фрагменты красного цвета с украшениями и 12) орнаментированные фрагменты сине-красного цвета. Судя по этим фрагментам, изделия были самых различных видов: чаши, чарки, кувшины плоскодонные, с отогнутыми венчиками.

Этот район богат находками каменных орудий и их остатков. Материалом для них служили 30 различных пород камня. Так, здесь были орудия из известняка, кварца, кремня, глинистого сланца, гнейса, опала, полевого шпата и др. [5] Всего найдено 200 орудий и их обломков. Самое маленькое орудие длиной не более 2 см, самое большое — половина каменной зернотерки около 35 см длиной. Найдены наконечники стрел, тесла, топоры, проколки, шила, прясла, ножи. Особый интерес представляют разнообразные по величине зернотерки [6]. Одна из них длиной в 347 мм, шириной в 161 и 168 мм, неправильной округлой формы. Поверхность ее значительно сработана. Найдены также четыре куранта для растирания зерен на зернотерках, пестики и половина каменной ступы со сработанной серединой.

Находки в Шуанцзине и Чэньцзяинцзы в основном представлены керамикой. Местонахождения расположены соответственно на северном и на южном берегах реки Силяохэ, примерно в 25 км на север от города Линьси. В Шуанцзине найдены сосуды красного, коричневого цветов и каменные орудия, в том числе полушлифованные топоры.

---

[1] Лян Сы-юн. Ук. соч., стр. 8.
[2] Там же, стр. 9.
[3] Там же, стр. 10.
[4] Там же, стр. 11—24.
[5] Там же, стр. 25.
[6] Там же, стр. 46—53.

В темнопесчаном слое дюн у города Чифын, близ озера Далай-нор, Тейяр де Шарден ранее находил культурные остатки. Лян Сы-юн провел здесь свои раскопки на двух дюнах (северной и восточной). Керамика в основном серого цвета, но три фрагмента коричневого и один желтого цвета. Часть их не имеет украшений, часть с орнаментом в виде выемок, валиков, резных линий. Каменных орудий было найдено всего четыре. Орудия эти без вторичной подправки, сколотые, напоминающие палеолитические и отличающиеся от шлифованных орудий из северо-западной дюны [1]. На восточной дюне были обнаружены фрагменты керамики трех типов. Каменные изделия представлены шлифованными, сработанными ступами, пестиками, скребками и др. Керамика, найденная в Чифыне, близка к красной расписной керамике и триподам культуры Яншао [2].

Указывая, что неолит провинции Жэхэ близок неолиту северо-восточного Китая, Лян Сы-юн пишет, что район севернее Силяохэ с районом севернее Сунгари составлял в то время одну область, характеризующуюся обитыми каменными орудиями и керамикой с орнаментом, сделанным штампом. Вторая область распространения неолита — район Ляохэ — характеризуется шлифованными каменными орудиями [3].

На основе находок в районе Линьси, где в основном встречаются обитые каменные орудия, можно говорить о том, что здесь мы имеем дело с ранним неолитом, в то время как в районе Чифын, а особенно на восточной дюне имеется уже более поздний неолит, соответствующий, вероятно, культуре Яншао в центральной части Китая. Материал, собранный Лян Сы-юном, таким образом, имеет большое значение для изучения северо-востока Китая и районов Внутренней Монголии.

Примерно в это же время группой археологов, которую возглавлял Лю Яо [4], проводились раскопки в провинции Хэнань в местности Далайдянь, находящейся в 30 км на запад от уездного центра Сюньчэн провинции Хэнань, у южной окраины станции Далай. В западной части этой местности протекает река Цихэй. Здесь, на холмистой местности были обнаружены квадратные площадки, насыщенные золой, среди которой найдены фрагменты керамики культуры Луншань, подобные хоуганским в Аньяне. В юго-западной части обнаружена расписная керамика красного цвета типа Яншао [5]. Работы начались в мае 1932 г. Было заложено в восточном районе 17 раскопов глубиной от 2 до 8 м. В западном районе 19 раскопов глубиной от 1 до 3 м. Стратиграфия следующая:

По восточному району раскопы № 1 и № 10: 0—0,4 м — гумус; 0,4—2,0 м— слой серо-желтого цвета, в котором найдены остатки чаш, бокалов серого цвета с веревочным орнаментом; 2,0—3,5 м — серый и темносерый слои. В них найдены многочисленные фрагменты лощеной черной керамики типа Луншань, а также кувшины синего цвета с росписью, костяные изделия и изделия из раковин; 3,5—4,2 м— слой бурого цвета, в нем керамические сосуды, чаши, триподы дин, преимущественно красного цвета типа Яншао [6].

По западному району раскопы № 306, 311—313: 0—04 — гумус; в слое 0,4—1,0 м перемешаны предметы типов Луншань и Яншао; на глубине 1,0—2,0— два слоя. Слой красно-бурый с фрагментами керамики Яншао и частично шлифованными каменными орудиями

[1] Лян Сы-юн. Ук. соч., стр. 60.
[2] Там же, стр. 64.
[3] Там же, стр. 66.
[4] Лю Яо. Доисторическое место у ст. Далайдянь уезда Сюньсян провинции Хэнань. «Тянье каогу баогао», 1936, № 1, Шанхай, стр. 69—89.
[5] Там же, стр. 69.
[6] Лю Яо. Ук. соч., стр. 72.

и слой темносерый с керамикой типа Луншань и со сплошь отшлифованными каменными орудиями [1].

Вопрос о смешении в западном районе культур черной и расписной керамики автор решает, исходя из гипотезы о возможном изменении течения реки Цихэ [2]. В слое с красной керамикой найдены 12 каменных орудий из известняка. В слое культуры черной лощеной керамики обнаружены площадки с золой, где, вероятно, находились очаги. В общем же культурный слой представлял заполнение землянки с очагом в центре. Автор указывает, что подобные остатки очага были обнаружены в 1934 г. в Шэньси [3]. В этом слое найдены ямы с вертикальными стенками; глубина их 1 м, ширина у дна 2 м, в середине — 1,7 м, а вверху — 1,9 м. Назначение этих ям не установлено [4]. Из найденной утвари следует отметить глиняные треножники черного цвета типа дин, каменные топоры, шлифованные ножи, некоторые с отверстием в центре. Изделия из кости — приколки, подвески для украшения. Из раковин сделаны ножи и пилки. Вообще раковины здесь находились в изобилии. В восточной части обнаружен слой с керамикой серого цвета, более поздней, чем керамика Луншань [5].

Сравнивая находки в Хоугане и Хоуцзячжуане, автор склонен установить для Китая в пределах исследуемой территории преемственность и смену трех периодов Яншао. Луншань и Сяотунь [6]. Причем первые два, по его мнению, соответствуют неолиту, а последний — энеолиту. (Однако следует отметить, что речь идет о памятниках иньского времени, т. е. периода развитой бронзовой культуры.) На основе находок в районе Цихэ, включая, кроме Далайдяня, район деревни Синьцунь (здесь обнаружена керамика серого цвета типа Сяотунь и керамика черного цвета типов Хоуганской и Далайдяньской); а также в Лючжуане (1,5 км восточнее Синьцунь), где найдена расписная керамика, аналогичная синьдяньской из провинции Ганьсу, — автор дает следующую таблицу [7].

Период	Место и особенности культуры	Примечание
Неолит	Культура расписной керамики в Далайдяне	Сходна с росписью из Хоугана
	Культура расписной керамики в Лючжуане	Вероятно, сходна с Синьдяньской из Ганьсу
	Культура черной керамики в Далайдяне и Синьцуне	Вероятно, позднее время Луншань
Энеолит	Керамика серого цвета в Синьцуне	Подобна Сяотуньской из Аньяна
Бронзовый век	Погребение бронзового века в Синьцуне	Курган Вэй династии Чжоу

[1] Л ю Я о. Ук. соч., стр. 73.
[2] Там же, стр. 75.
[3] Там же, стр. 81.
[4] Там же, стр. 81—82. Возможно, это были зерновые ямы или вообще ямы для хранения продуктов.
[5] Там же, стр. 82—85.
[6] Там же, стр. 85—86
[7] Там же, стр. 89.

Иначе говоря, автор признает взаимную связь культур Яншао и Луншань, выступая тем самым против теории Андерсона, отрицавшего такую связь.

Большой интерес, наряду с этими открытиями, представляют исследования, проводившиеся тогда же археологом У Цзинь-дином [1]. Район этих работ расположен западнее Хоуцзячжуан в местонахождении Гаоцзинтайцзы, уезд Аньян провинции Хэнань, на северном берегу реки Хуаньшуй. Здесь встречается керамика трех типов:

а. Некрашеная, кирпично-красного цвета.

б. Черная лощеная, серого или красного цвета с внутренней стороны. В этом же слое есть незначительное количество керамики серого цвета.

в. Керамика серого цвета с орнаментом. В этом же слое несколько фрагментов керамики красного цвета [2].

Раскопками в этом месте, так же как и в Хоугане, установлено, что слои чередуются в следующем порядке: самый нижний слой — с керамикой красного цвета, средний — с черной лощеной керамикой и верхний, зачастую поверхностный,— с керамикой серого цвета [3]. Аналогичная картина трехслойного размещения керамики была прослежена в этот период не только в Хоугане, Гаоцзинтайцзы и Далайдяне, но и в других районах по течению рек Цихэ и Хуанхэ [4].

Реконструируя по найденным фрагментам первоначальную форму сосудов, У Цзинь-дин не считает возможным относить керамику красного цвета из этого района к керамике культуры Яншао, а поэтому называет ее просто «красной керамикой» [5]. По его мнению, большие расхождения есть также в формах сосудов черного цвета в Гаоцзинтайцзы с подобной керамикой из Луншань провинции Шаньдун. Керамику серого цвета он определяет как керамику с «веревочным» орнаментом. Автор не дает точной датировки найденных фрагментов, а только сравнивает их с находками из Хоугана. Так, по его словам, красная керамика близка по времени красной керамике из Хоугана, а черная керамика несколько раньше, чем черная керамика из Хоугана (и то и другое неолит) [6]. Керамика серого цвета по своей технике соответствует аналогичной керамике иньского времени из Аньяна [7].

С ноября по декабрь 1934 г. в уезде Шоусян провинции Аньхой археолог Ван Сян вместе с археологом Ли Цзин-дань проводил археологическую разведку [8]. Было обнаружено 12 мест, содержащих культурные слои, которые в основном концентрируются вокруг озера Вафу. Материалы, найденные здесь, относятся к периоду Луншань. Не было найдено ни одного предмета типа Яншао [9]. Найдены расписная керамика, частью серого цвета периода Сяотунь и черная керамика с линейным и квадратным орнаментом, шлифованные каменные орудия, относящиеся к периоду Луншань.

В местонахождении Вайцзяинцзы, на восточном берегу реки, впадающей в озеро Вафу, найдены треножники типа ли, плошки, орнаментирован-

---

[1] У Цзинь-дин. Относительно трех типов техники производства керамики из Гаоцзинтайцзы. «Тянье каогу баогао», 1936, № 1, Шанхай, стр. 201—211.

[2] Там же, стр. 201.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. 202.

[6] Там же, стр. 211.

Там же.

[8] Ван Сян. Доклад об обследовании доисторических памятников уезда Шоусян провинции Аньхой. «Чжунго каогу сюэбао», 1947, № 2, Шанхай, стр. 179—250.

[9] Там же, стр. 180.

ные накладками и выемками, относящиеся к периоду Сяотунь, фрагменты треножников типа дин и маленьких бокалов черного цвета с квадратным и линейным орнаментом, относящиеся к периоду Луншань. Из каменных изделий обнаружены нож и точило. Здесь же найдены оленьи рога.

В местонахождении Пэнцзяинцзы, северо-восточнее озера Вафу, на кургане в 5 м вышиной найдены аналогичные фрагменты керамики типа Сяотунь и типа Луншань. К последнему относятся также цилиндрические чарки и горшки типа яць. Всего 25 фрагментов.

В Гучэнцзы, восточнее озера, в Цзянхуанчэн и Чжанлочэн, юго-западнее озера, в Любэйчен, на восточном берегу реки Вэйхэ и в Чжанфэйтай, северо-западнее города Любэйчена были обнаружены фрагменты керамики указанных типов и обоих периодов.

В Таоцзясы, западнее озера Вафу, в Цзиньцзяняотаньцзы на равнине того же названия и в Цзюлюцяо, кроме указанных типов керамики, найдены фрагменты каменных орудий и изделий из камня, топоры, тесла, ножи, жернова (зернотерки) и др.

В местонахождении Доуцзичэн, на восточном берегу реки Хуайхэ, на кургане высотой в 6 м был обнаружен, помимо описанных выше фрагментов керамики и сосудов, любопытный фрагмент ножки треножника, сделанного из мелкого серо-желтого песчаника. Симметричные округлые выемки с центральным бугорком придавали этому фрагменту вид «лица демона» [1].

В местонахождении Лилиньцзи, северо-восточнее озера Вафу, кроме остатков керамики периодов Сяотунь и Луншань, были найдены два каменных орудия. Одно из них представляло остатки несколько изогнутого каменного, тщательно отшлифованного ножа из песчаника [2], длиной около 27 см.

Из 12 местонахождений только одно Цзиньцзяняотаньцзы расположено на равнине, остальные — на холмах и все в непосредственной близости от воды. Наличие большого количества раковин в культурном слое свидетельствует о большом значении для древних обитателей речного и озерного промысла [3], а наличие оленьих рогов свидетельствует об охоте.

Вследствие смещения слоев, автор не берется определить хронологию культур Сяотунь и Луншань, но указывает, что связь между ними есть [4].

Археолог Ли Цзин-дань, о котором говорилось выше, в своей посмертной работе [5], посвященной обследованию ряда мест восточной Хэнани, пишет, что Ван Сян в 1934 г. обнаружил черную керамику периода Луншань в провинции Аньхой, а в восточной Хэнани, наряду с черной керамикой, больше найдено керамики серого цвета [6]. Обследовав районы Шаньцю и Юнчэн провинции Хэнань в 1936 г., Ли Цзин-дань в то же время производил раскопки в трех местах в Цзаолюйтай, Хэгудуй и Цаоцяо. При проведении раскопок ставилась задача — выяснить, какие еще культуры унаследовали «иньцы», кроме Яншао и Луншань [7].

Возвышенность Цзаолюйтай непосредственно примыкает к южным воротам уездного центра Цзуаньсянчэн. Высота ее 7 м, окружность около

[1] Ван Сян. Ук. соч., стр. 236—237.
[2] Там же, стр. 240—241.
[3] Там же, стр. 249.
[4] Там же, стр. 250.
[5] Ли Цзин-дань. Обследование районов Шаньцю и Юнчэн в восточной Хэнани, а также небольшие раскопки в трех местах в Цзаолюйтай, Хэгудуй и Цаоцяо. «Чжунго каогу сюэбао», 1947, № 2, Шанхай, стр. 83—120.
[6] Там же, стр. 85, 87.
[7] Там же, стр. 83.

400 м. Было заложено 12 раскопов общей площадью в 154 м². Поверхностный слой содержал остатки расписной керамики и фарфора. Ниже шел слой плотной серой земли. Затем темносерый и серочерный слои. Остатки периода Луншань были обнаружены в твердом сером слое и в темносером, но в последнем их было больше. В раскопах № 1, 2, 4, 6, 7, 10 и 12 куль-

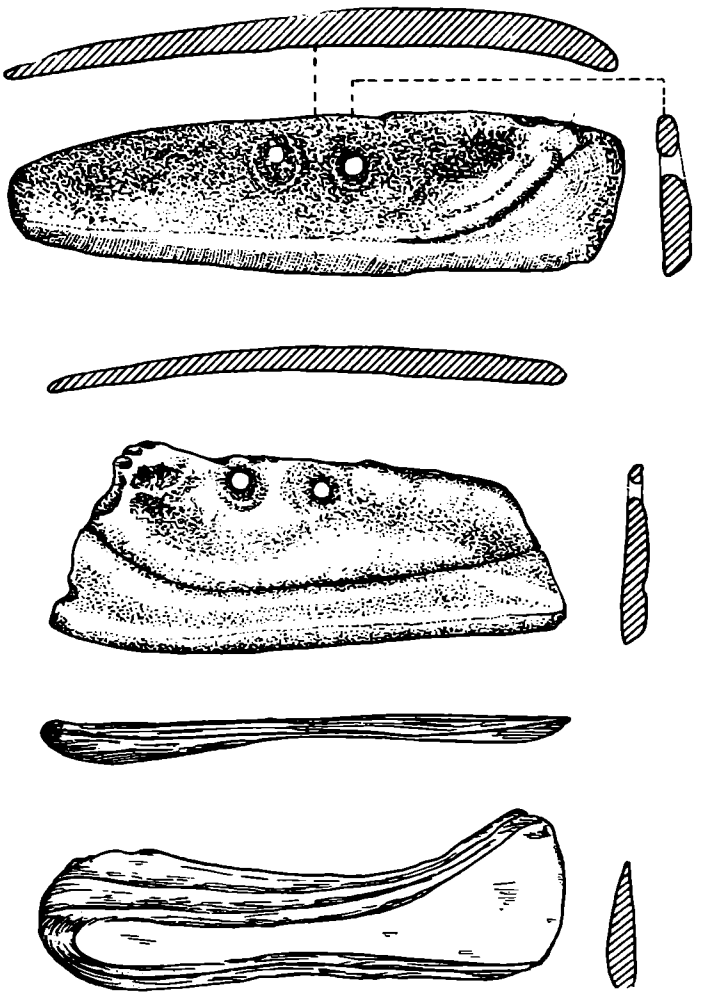

Рис. 5. Ножи из раковин. Местонахождение Цзаолюйтай. Восточная Хэнань (в $^2/_3$ нат. вел.)

турные остатки Луншань были обнаружены на высоте 2,3 м от подножия возвышенности. Наиболее обильный культурными остатками темносерый слой лежал на высоте в 1,5 м [1]. Слой, лишенный культурных остатков, располагался на высоте в 0,9 м. В раскопах № 5 и 9 фрагментов черной керамики не обнаружено. В раскопе № 11 были перемешаны керамика черного и серого цветов и фарфор. В раскопе № 4 на глубине в 0,45 м, в раскопе № 6 на глубине 0,2 м в южной части и на глубине в 1,8—2,25 м было найдено большое количество раковин и изделий из костей и раковин (рис. 5).

Более десяти типов сосудов было обнаружено почти целыми. Из них треножники, в том числе сосуд типа дин с мелким «веревочным» орнамен-

[1] Ли Цзин-дань. Ук. соч., стр. 95—96.

том, сделанный на гончарном круге. Ширина горла этого сосуда 170 мм, толщина стенок 2,5 мм, глубина сосуда 188 мм, из трех ножек уцелела только одна. Сосуд найден в раскопе № 10 на глубине 2,9 м. Другие виды сосудов орнаментированы квадратами и линиями. В раскопе № 1 найдена половина трипода дин ручной выработки (рис. 6). В раскопе № 12 найден сосуд типа ли коричневого цвета, с грубым веревочным орнаментом. Горшок типа янь (т. е. двойной) найден в раскопе № 6. Здесь же был найден треножник наподобие бокала с ручкой типа ли. Плоскодонная керамика представлена почти целыми лощеными сосудами черного или серого цвета, в виде плошек доу, чаш, кувшинов, бокалов. Найдено шесть целых прясел и 37 различных приспособлений для рыбной ловли, например, всевозможные грузила из глины для сетей [1]. Найден штамп с ручкой для нанесения «елочного» орнамента на глиняные сосуды (рис. 7). Всевозможных фрагментов сосудов и керамических изделий найдено 7481 экземпляр, из них большинство темносерого цвета, часть лощеные черного цвета и небольшое количество красного и желтого цветов, также лощеные, из них 85% изготовлены из глины и 15% из глины с песчаником, 65% сделано на гончарном круге, 54% орнаментировано [2].

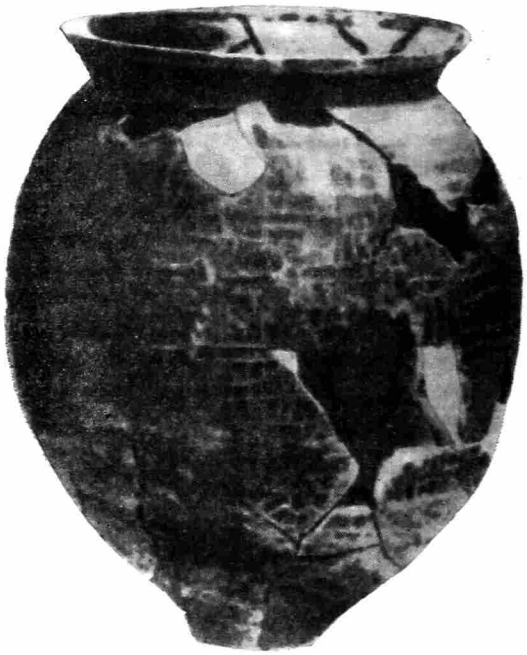

Рис. 6. Сосуд из Цзаолюйтай. Восточная Хэнань (реконструкция, около 1/4 нат. вел.)

Было обнаружено 34 экземпляра каменных изделий (рис. 8), из них: 11 топоров, часть с отверстиями, хорошо отшлифованные; два тесла, скребок, пять ножей, один с отверстием; два наконечника для стрел; зернотерки, ступы, пестики. Изделия из кости: наконечники для стрел, ножи, гарпуны, топоры из рогов оленя и проколки из рога. Орудия из клыков кабана. Найдены ножи из раковин с двумя отверстиями, а также прямоугольные орудия из камня и раковин. Из-за отсутствия в этом районе горных пород, пригодных для изготовления орудий труда, материал для них доставлялся издалека (яшма, песчаник и др.) [3].

Местонахождение Хэгудуй расположено северо-западнее Ванлоу, у шоссе из уездного центра в Линсинцзи в 1,2 км на северо-восток от реки Гуйхэ.

Так же, как и в Цзаолюйтай, здесь найдены триподы дин, ли, янь; плошки, чаши и др. (рис. 9), каменные орудия, изделия из рога, кости, клыков (проколки, шилья, игла, наконечник, пестик и шило из рогов оленя, ножи из раковин) [4].

---

[1] Ли Цзин-дань. Ук. соч., стр. 104.
[2] Там же, стр. 105.
[3] Там же, стр. 105—113.
[4] Там же, стр. 116—117.

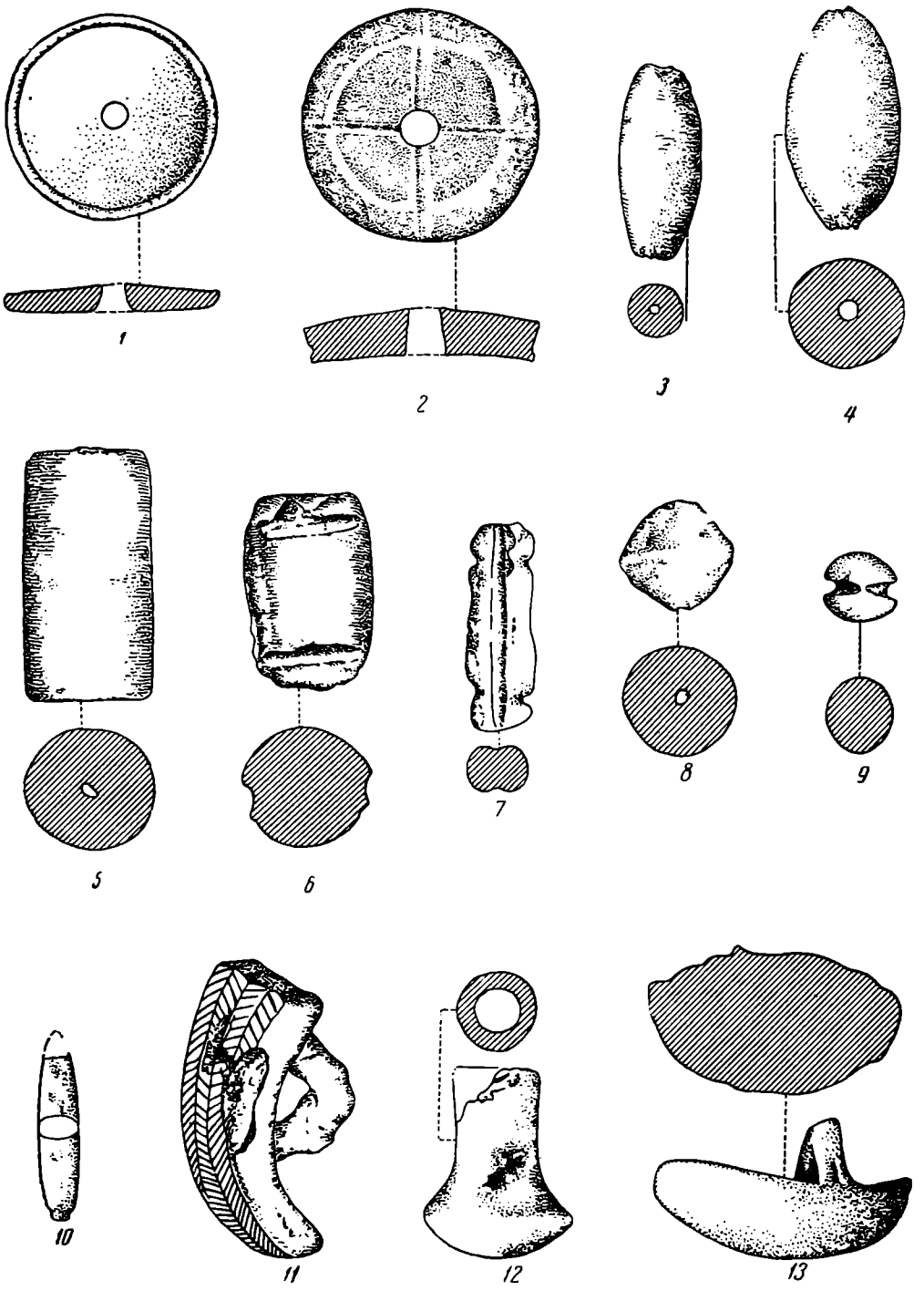

Рис. 7. Неолитические глиняные изделия из районов Восточной Хэнани

1—6, 8—11— из местонахождения Цзаолюйтай; *7, 12, 13*— из местонахождения Хэгудуй. Размер *3, 12* — в $^1/_4$ нат. вел., остальные — в нат. вел.

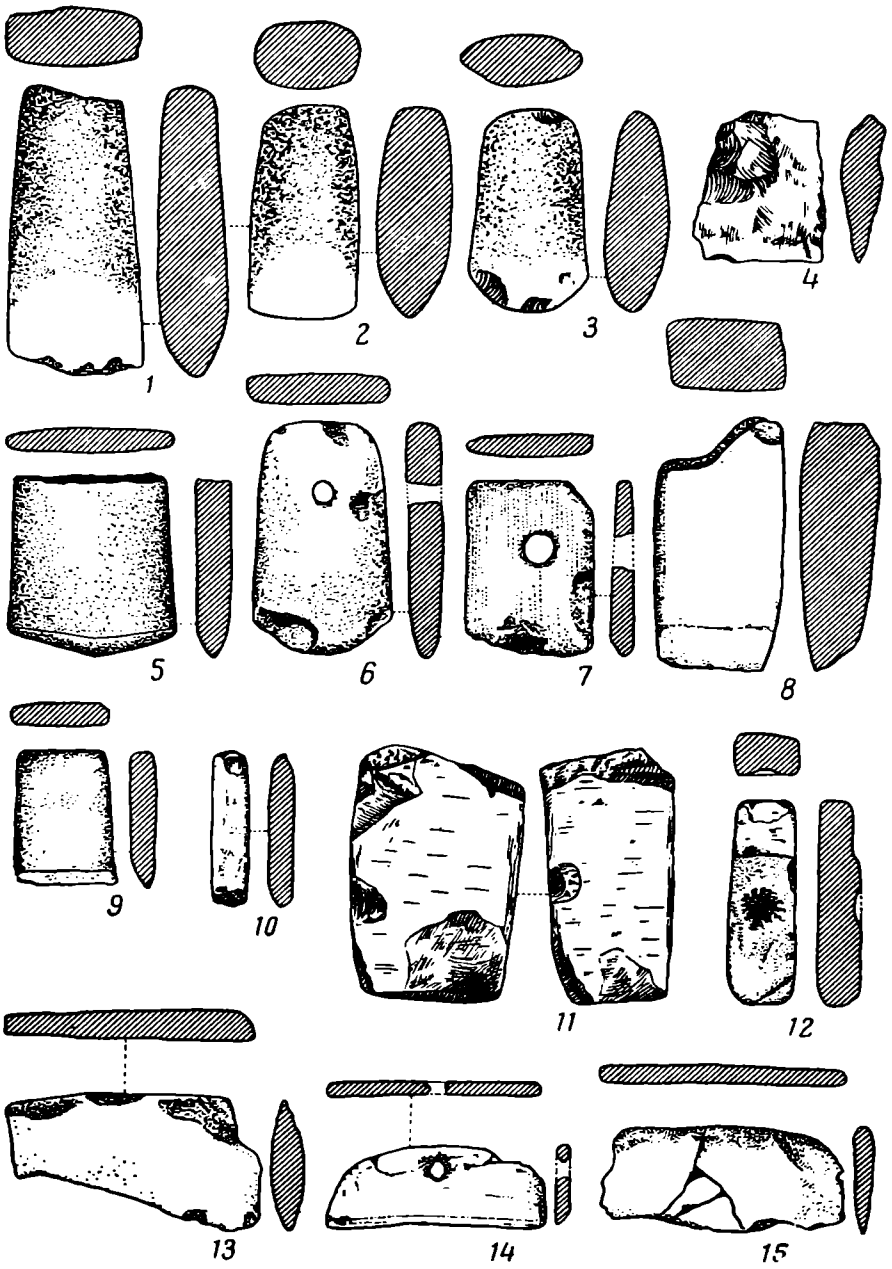

Рис. 8. Неолитические каменные орудия из районов Восточной Хэнани

4—10— из местонахождения Хэгудуй, остальные — из Цзаолюйтай; *8, 11, 13*— в нат. вел., остальные — в $^1/_2$ нат. вел.

Наряду с этим в раскопе № 5 был найден фрагмент обожженного панцыря черепахи, на верхней стороне которого процарапано несколько линий. По мнению Ли Цзин-даня, «Несомненно, что это свидетельствует об использовании панцыря черепахи для гадательных целей» [1]. Автор пишет, что данная находка попала в этот слой сверху.

Местонахождение Цаоцяо расположено от Синьцяоцзи в 0,5 км на юг. Синьцяоцзи находится на южном берегу Гуйхэ в 11 км на юг от города

[1] Ли Цзин-дань. Ук. соч., стр. 118.

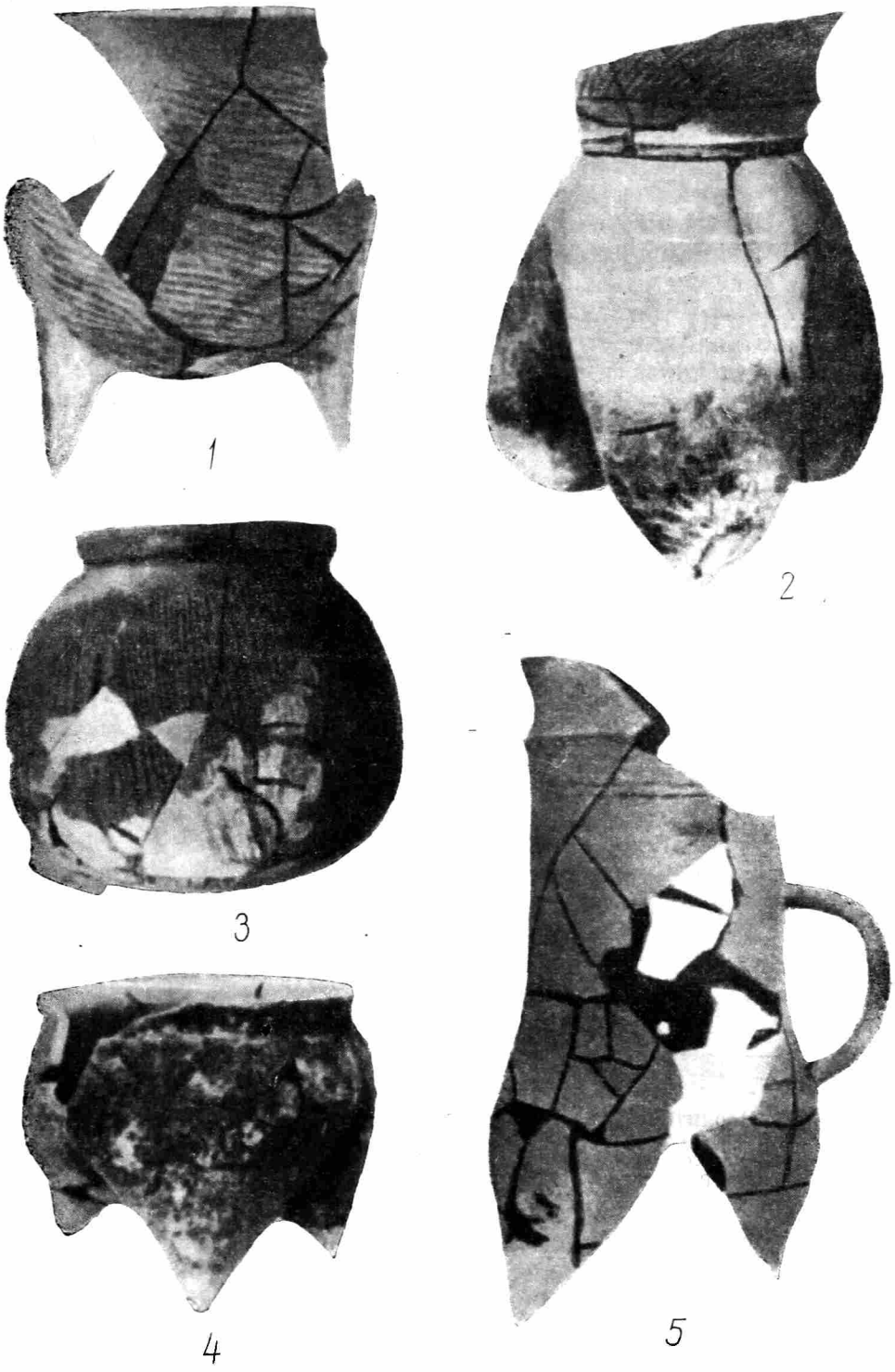

Рис. 9. Триподы из районов Восточной Хэнани

1— из местонахождения Хэгудуй; *2—5*— из Цзаолюйтай. Размер *1* — около $^1/_6$ нат. вел., остальные—около $^1/_3$ нат. вел.

Юнчэн. Заложенные четыре раскопа дали фрагменты керамики серого цвета и несколько каменных изделий (рис. 10).

Найденные в этих трех районах культурные остатки свидетельствуют о том, что в районах Цзаолюйтай и Хэгудуй керамика представлена в ос-

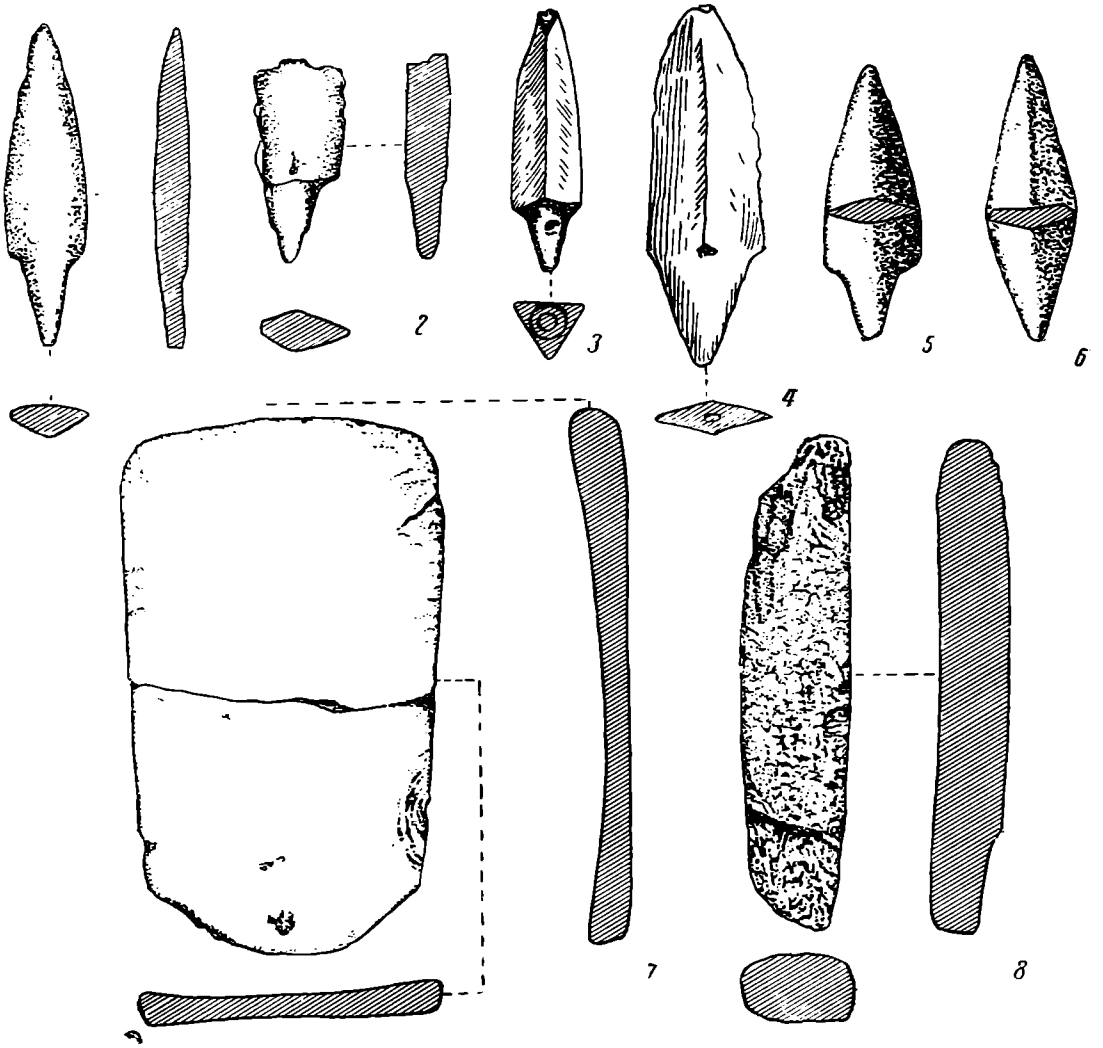

Рис. 10. Неолитические каменные орудия из районов Восточной Хэнани

1, *2*, *7*, *8*— из местонахождения Цзаолюйтай; *3*, *4* — из Хэгудуй; *5*, *6* — из Цаоцяо. Размеры *1*—*6*— в нат. вел., *7*— в $^1/_4$ нат. вел., *8*— в $^1/_2$ нат. вел.

новном культурой Луншань, характеризующейся веревочным, линейным, квадратным орнаментом, триподами типа дин с изображением на ножках «лица демона» и без него, триподами и горшками типа янь и др. (лощеными, черного цвета)[1]. Каменные орудия имеют сходство с орудиями из Чэнцзыя. Найденная керамика типа Луншань в Шоусян провинции Аньхой, а также в последнее время в провинции Чжэцзян, свидетельствует о распространении этой культуры на юг по р. Хуайхэ. Район р. Хуайхэ на юго-востоке провинции Хэнань и район северо-запада провинции Аньхой, по мнению автора, важны тем, что более детальное изучение их сможет дать ответ о предшественниках культуры Шан-Инь.

[1] Ли Цзин-дань. Ук. соч., стр. 119.

Рассмотренный археологический материал из неолитических стоянок Яншао и Луншань позволяет следующим образом охарактеризовать обе названные культуры.

Культура Яншао, или культура расписной керамики, представляет собой высокую стадию развития неолита Китая. Среди богатого и разнообразного материала ее особое место занимает керамика. Она позволяет обосновать отличие Яншао от последующей культуры Луншань. Иными словами, речь идет о том, что Луншань последующая стадия развития неолита Китая — переход его к энеолиту, и принципиальное отличие этих двух культур исследователи совершенно справедливо видят в различии керамики, а именно, в росписи керамических сосудов.

Каменные орудия, различные изделия из камня, предметы культа, находимые в могилах, способы погребения, сооружения жилищ из стоянок луншаньской культуры, исключая их большее совершенство, не имеют принципиальных отличий от культуры Яншао. Керамика обеих культур имеет поразительное сходство в своих формах. Последнее с полным правом дает возможность говорить о преемственности культур, но керамика Яншао является расписной, а луншаньская — без росписи.

Найденные целые сосуды культуры Яншао, как и их фрагменты, расписывались орнаментом, преимущественно состоявшим из черного зубчатого узора на краснокоричневом фоне. Керамика культуры Луншань. напротив, почти лишена росписи. Луншаньские сосуды — черные, полированные, с хрупкими стенками. Помимо таких сосудов, в луншаньских стоянках встречается простая серая посуда, выделанная без гончарного круга, а также желто-коричневая посуда, наиболее изящная часть которой — триподы с носиком — покрывалась белой краской.

Следовательно, создатели луншаньской керамики утратили или отошли от традиций яркой полихромной живописи Яншао с ее символическим орнаментальным миром и почти целиком предпочли «пластическое творчество» [1].

Почему это произошло — пока остается неопределенным. Но эту смену нельзя определить деградацией, ибо Луншань бесспорно выше культуры Яншао.

Таким образом, исследования 1930-х годов дали много новых данных, свидетельствующих о взаимной связи как культур Яншао и Луншань в Центральном Китае, так и культуры Луншань с культурой Сяотунь эпохи Инь. Ли Цзин-дань не говорит о том, что керамика серого цвета относится к периоду Сяотунь, но выделяя ее и ставя в зависимость от черной керамики (т. е. Луншань), он тем самым не отрицает того факта, что эта культура сменила луншаньскую.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашей статье были разобраны результаты археологических исследований неолита и энеолита в Китае за последнюю четверть века. Насколько позволяют судить источники, китайские археологи не отрицают преемственности культур Яншао — Луншань — Сяотунь.

Раскопки 1951 г., проведенные на месте поселения Яншао, по мнению проф. Ся Най [2], показали не только наличие связи двух культур Яншао

---

[1] С. А. Семенов. Ук. соч., стр. 223.

[2] См. статью Ся Ная в «Кэсюэтунбао», 1951, № 7, стр. 724—729 и № 9, стр. 933—935.

и Луншань, но и выявили существование смешанной Яншао — Луншаньской культуры. При этом Ся Най не отрицает возможного существования их отдельно, но во взаимной связи. Он пишет: «Эта работа (раскопки в Яншао.— *Р. И.*) доказывает, что на западе Хэнани, в отличие от северной части ее, существовала смешанная Яншао-Луншаньская культура, в то время как в Аньяне и Хойсяне эти культуры были найдены отдельно»[1].

На основе своих ранних исследований Андерсон сделал вывод, что между культурами Яншао и Луншань нет никакой связи. Он утверждал, что отсутствие росписи на лощеной керамике черного цвета свидетельствует о том, что так называемая «культура Луншань» является более ранней, чем Яншао. На эти ошибочные положения Андерсона уже указывалось выше. Китайские археологи на большом количестве материала устанавливают теперь последовательную смену культур Яншао — Луншань — Сяотунь. Хронология этих периодов по их данным, как мы видели, такая: Яншао — 3000—2200 гг. до н. э., Луншань — 2200—1700 гг. до н. э. и Сяотунь (или культура Иньшан) с 1700 г. до н. э.

Вещественный материал, добытый в раскопках китайскими археологами, и анализ древних китайских хроник дают возможность предполагать следующую периодизацию древнейшей и начала древней истории Китая от эпохи первобытно-общинного строя до зарождения классового общества.

У людей, живших в периоды Яншао и Луншань, соответствующих развитому неолиту и энеолиту, общественным строем был первобытно-общинный строй на ступени матриархата. Наряду с примитивным земледелием известную роль в этот период еще играет охота и собирательство.

Периоду разложения первобытно-общинного строя — патриархату — соответствует, повидимому, конец Луншань, и начало Сяотунь, когда появляется бронза. Появление бронзы в период Сяотунь свидетельствует о значительном развитии производительных сил общества. В раскопках городища Сяотунь были обнаружены ирригационные каналы, большие скопления костей домашних животных, что свидетельствует о развитых уже формах земледелия и скотоводства. Найдено большое количество иероглифических надписей с оракульным и обыденным текстом. Учитывая все находки и тексты иньских надписей, можно утверждать, что период, известный как период Шан-Инь (XVIII —XIII вв. до н. э.) в Китае был периодом формирования классового рабовладельческого общества. Трудно точно установить время, когда победил рабовладельческий строй, однако, если учитывать датировку основных находок Сяотуня XV — первая половина XIV вв. до н. э., можно предположить, что в этих границах и находятся истоки утверждения классового общества в Китае[2]. Во всяком случае, рабовладельческий строй у Инь существовал за несколько веков до завоевания их племенами Чжоу.

---

[1] Ся Най. Ук. соч., стр. 727.

[2] См. статью Р. Ф. Итса в ВДИ за 1954 г., № 2.

МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Н. Д. МАВРОДИНОВ

РАСКОПКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ В БОЛГАРИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Освобождение Болгарии от фашистского ига отмечает начало новой эры в болгарской науке и в частности в области археологии. Археологические исследования в период между двумя мировыми войнами носили характер случайных исследований. Фашистское государство не отпускало средств для раскопок, и если раскопки все же производились, то это возникало по благоволению или ходатайству какого-нибудь министра, приятеля того или иного из болгарских археологов, и выполнялось с помощью рабочей силы в 50 или (в некоторые годы) 100 «трудоваков», т. е. солдат трудовой армии, сменившей после первой мировой войны части регулярной армии. Но были годы, когда не оказывалось помощи и со стороны трудоваков и не производилось никаких раскопок. При таком положении вещей не могло существовать и не существовало никакого плана раскопок в стране. Раскопки производились по желанию и в зависимости от научных интересов отдельных археологов и часто возникали на том или другом месте, в зависимости от случайных находок предметов, гробниц или стен. Персонал, которым располагал Народный археологический музей в Софии, был недостаточен для проведения раскопок в большом масштабе, и когда в определенные годы являлась необходимость проведения раскопок на более обширной площади, как в Мадаре, то все представители различных специальностей — исследователи истории первобытного общества, античники и исследователи средневековья — скапливались на одном месте, и получалось так, что большинство из работающих на раскопках занималось тем, что совсем не входило ни в круг их специальности, ни в круг их научных интересов. Да и самый метод, по которому производились раскопки, не стоял на должной высоте. С 1905 по 1944 гг. было раскопано много доисторических могил, но ни одна из этих могил не была раскопана стратиграфически или по причине недостатка средств для должного проведения раскопок, или в силу их полного отсутствия (раскопки часто производились учениками гимназий). Производители раскопок крепости и дворца в Мадаре не обращали внимания на мелкие находки и на керамику. Работающие над раскопками Круглой церкви и Дворца в Преславе почти не собирали и не опубликовывали керамических материалов и мелких находок. По какому методу велись раскопки, видно из факта, что пункты скопления множества обломков скульптурных карнизов в Круглой церкви не были зафиксированы. Там собиралась художественная, расписная керамика,

а обыкновенная выбрасывалась вместе с землей. Так же работали и во Дворце, где, кроме керамики, выбрасывалось вместе с землей и большое количество фрагментов мозаики от полов и стенной облицовки. Большинство планов, сделанных с открытых в Плиске, Мадаре и Преславе построек, оказывается ошибочным. Исследователи и издатели этих памятников не придавали должного значения деталям. Несомненно, что все недостатки методики раскопок до 1944 г. являются следствием буржуазного формализма. Руководители раскопок создавали «историю искусства», а не историю культуры, экономического и социального развития болгарского народа.

Национальный нигилизм и космополитизм, борьба с которыми еще не окончена, шли в течение этого периода рука об руку с великоболгарским шовинизмом, которому с севера противопоставлялся великорумынский шовинизм, с запада — великосербский и с юга великогреческий шовинизм представителей хищнического капитала балканских стран и империалистических монополий, разносторонние интересы которых сталкивались на Балканском полуострове. В последние пять лет перед войной и в начале самой войны в стране работали две германские археологические миссии, производившие раскопки в местности Садовец Плевненской околии и в Свети Кирилове Старазагорской околии и имели задачей доказать — первая, что в основе болгарской истории лежат германские готские племена, вторая, что предистория болгарских земель является результатом творчества высшей «северной расы». В древней римской колонии Ульпия Эскус на Дунае работала итальянская миссия с целью расчистить путь новой фашистской империи на Балканах, завладевшей уже Албанией и готовившейся двинуться на восток по пути древней римской империи. Эти миссии работали с согласия и при содействии фашистского агента Богдана Филова и его помощников в области археологии. На них лежала задача подготовить идеологически почву к порабощению и полной колонизации страны.

Этому тяжелому периоду в истории болгарского народа положила предел победоносная армия великого Советского Союза, вместе с болгарскими партизанами освободившая страну от фашистского ига. С 9 сентября 1944 г. наступила новая эра не только в политической и экономической истории Болгарии, но и в области науки, в частности, и в археологии. Народный археологический музей в Софии, бывший центром археологических исследований в стране, получил уже в следующем году средства для увеличения персонала и для расширения исследовательских работ. Еще в начале 1945 г. был составлен план раскопок в области истории первобытного общества, античной археологии и болгарского прошлого. Образцом для этого плана послужил план археологических исследований Академии наук СССР. Работа началась и была продолжена и расширена и в следующие годы при содействии также Болгарского археологического института. В нее включился персонал музеев в Пловдиве, Сталине, Коларовграде, Тырнове, Русе, Бургасе и Нова-Загоре (рис. 1). В 1947 г. Болгарский археологический институт перешел в ведомство Академии наук и за ним последовал в конце 1948 г. и Народный археологический музей. С 1949 г. они образуют одно целое с наименованием «Археологический институт и музей при БАН», где сосредоточена археологическая деятельность страны. Было образовано несколько секций — прежде всего славянская и фракийская, а затем эпиграфическая, секции античной археологии, архитектуры и пр. Кроме обильных средств, предусматриваемых ежегодно для раскопок в государственном бюджете или затем в бюджете Академии, Музей и Институт пользовались и

пользуются средствами различных министерств, которые в период огромного строительства в стране работают на археологических объектах. До кульминационной точки археологические исследования дошли в 1948 г. Часть результатов раскопок 1945—1948 гг. была опубликована в особом издании Народного археологического музея «Разкопки и проучвания» (вышло четыре книги), в «Известиях археологического института»

Рис. 1. Карта с указанием пунктов раскопок

(т. XV—XVII), в «Годишнике» Пловдивского музея (т. I и II), в «Известиях варненского археологического общества» и в «Известиях музея в Бургасе» (т. I). Методика раскопок улучшилась еще в 1945 г., и, с небольшими исключениями (в Плиске), болгарские археологи стали работать по усовершенствованному научному методу. Впервые в Караново исследователи истории первобытного общества имели возможность раскопать большую площадь стратиграфически. По стратиграфическому методу с большой точностью были произведены раскопки некрополя в Созополе. С помощью сеток и путем просеивания земли работают 8 лет в Преславе; с точностью известно место каждого найденного предмета и его значение. Особенно большой прогресс отмечает болгарская археология в отношении своей общенаучной подготовки. Усвоение основ марксизма-ленинизма вызвало у научных работников совсем новый взгляд на проблемы, связанные с археологическими исследованиями, а пример совет-

ской археологической науки расширил, углубил и укрепил их методы работы. Они теперь не создают уже только «историю искусства» и отошли от формалистических методов работы. Вышли на первый план проблемы социального и экономического развития народов, населявших болгарские земли, проблема взаимоотношений классов в классовых обществах и культуры отдельных периодов и эпох. Заняла важное место и проблема этногенеза славян, образовавших болгарскую державу, их общественного строя и культуры, их взаимоотношений с праболгарами. Увлечение вопросами, связанными с культурой праболгар, распространившееся в промежуток между двумя мировыми войнами и имевшее у некоторых археологов безусловно политическую подкладку, уступило место противоположной крайности — полному отрицанию этой культуры. Однако передовые научные работники, следуя советскому примеру, поставили правильно этот вопрос. В своих исследованиях они показывают, как культура малочисленных праболгар постепенно тает в огромной массе славян. Они исследуют и изучают славянскую культуру в связи с развитием общественно-экономических условий эпохи феодализма, при его зарождении и постепенном становлении, со сложными взаимоотношениями между создавшимися классами, с развитием промышленности и торговли.

Результаты большей части раскопок и исследований после 1946 г. еще не опубликованы. Задачей настоящей статьи является осветить археологическую деятельность в стране после 1944 г. и специально еще не опубликованные раскопки и исследования.

* * *

Исследования в области первобытного общества имели большой успех в связи с раскопками некоторых из неолитических стоянок, имеющихся в Болгарии в большом количестве. Старший научный сотрудник Народного археологического музея в Софии Васил Миков, его помощник Георгий Георгиев и хранители музеев в Пловдиве Петр Детев и в Русе Ангелов занимались исключительно неолитом, древностями каменного, медного и бронзового веков. Я не буду останавливаться на раскопках, результаты которых были опубликованы (в Михалич, Криводоле, Колена, Челопеч, Златитрап, Капитан Димитриево, Биково, Русе, Ясатепе) и значительно пополнили наши познания в области истории первобытного общества Болгарии. Остановлюсь только на тех, которые еще не опубликованы и являются еще более важными.

Впервые создалась возможность установить точную хронологию всех культур, последовательно сменявшихся в эпоху неолита и энеолита на территории Болгарии; эта хронология послужит опорой для установления дат всех остальных неолитических стоянок в юго-восточной Европе. Эту хронологию дают раскопки стоянки у с. Караново Новазагорской околии, производившиеся в течение нескольких лет с 1946 под руководством Васила Микова и Георгия Георгиева. Фотографические снимки некоторых из найденных предметов и краткое описание стоянки даны в «Выдач за Археологически музей» [1].

Стоянка в Караново — одна из самых больших в стране. Она занимает площадь в 25 декаров и имеет высоту в 13 м. Пробные раскопки на ней производились в 1936 г. Раскопки в 1946 г. начались на площади в 800 м² в восточном краю стоянки. В 1949 г. раскопки были произведены

[1] В. Миков, Г. Георгиев, Н. Джамбазов. Выдач за Археол. музей, I. Бит и култура на докласовато и ранноласовато общество в България. София, 1952, стр. 13.

в северной ее части. До сих пор вскрыта площадь около 1500—1600 м² на глубину 12 м. Культурная насыпь 12-метровой глубины содержит материалы пяти последовательных культурных наслоений. Были открыты остатки жилищ, найдены орудия труда, глиняные сосуды, предметы уборов, идолы и пр. Самый нижний горизонт (Караново I) характеризуется цилиндрическими сосудами с высоким полым дном, с красной полированной поверхностью; сосуды эти расписаны белой краской; орнаменты — главным образом спирали. Такие сосуды встречаются в IV тысячелетии в Иране (Суза II), Египте и Малой Азии. Культура с этими красными сосудами, украшенными белой спиралью и белыми геометрическими орнаментами, представляет одну из самых интересных культур Средиземноморского бассейна. Наряду с этими сосудами в Каранове I были найдены также сосуды со светлокоричневой поверхностью, сосуд, состоящий из трех трубок, и древнейшее из найденных в Болгарии глиняное изображение женщины. Особенно важна находка изогнутого серпа из рога с желобком, в который вставлены кремневые вкладыши. Это доказывает, что обитатели Караново I занимались земледелием.

Второй горизонт (Караново II) характеризуется наличием цилиндрических или грушевидных сосудов с одним ушком и цилиндрическим выступом или широким бугорком на верхней части этого ушка, а также плоских сосудов с четырьмя цилиндрическими ножками. Предметы такого же типа были найдены и в Михалич, Граф Игнатиево II, Веселиново и других местах. Эти вещи имеют аналогии в культуре Трои (III—V).

Караново III содержит сосуды с двумя ручками, с гравированными, оттиснутыми, рельефными или инкрустированными орнаментами. Эта культура была известна еще раньше по раскопкам в Курило и других местах.

К каменно-медному веку относится Караново IV, которое принадлежит давно известной в Болгарии, Румынии (Гумельница) и Венгрии культуре, синхронной трипольской культуре в СССР. Помимо большого числа сосудов с гравированными, инкрустированными и расписанными графитом или красной краской орнаментами, в этом горизонте было найдено много костяных идольчиков и орудий труда.

Караново V относится уже к раннему периоду бронзового века, в течение которого южнее Старой Планины распространяется в Болгарии особая культура, имеющая связь с южными культурами.

Таким образом, впервые на одной и той же стоянке были открыты остатки всех культур, последовательно сменявшихся на Балканском полуострове с IV до начала II тысячелетия до н. э. До этого напластования остатки культур, относящихся к горизонтам Караново I—III, встречались или отдельно или в непоследовательных наслоениях. Но значение Караново не только в этом. Чрезвычайно богатые материалы дадут возможность более полной характеристики каждой из этих культур, выяснения особых черт родового общинного строя в эпоху неолита, характера земледелия, скотоводства, жилищного строительства, связи каждой культуры с культурами окружающих стран и пр. При раскопках в Караново были найдены обугленные зерна различных злаков, а также ручные мельницы.

Очень слабо изучена, почти неизвестна, бронзовая эпоха в Болгарии. Раскопки после 9 сентября 1944 г. выяснили главным образом ее первый период (1900—1700 гг. до н. э.), к которому относится не только Караново V. Материал этого времени дал также могильник Яса-тепе около Пловдива; часть его была раскопана под руководством заведующего Пловдивским музеем Петра Детева в 1945 и 1953 гг. Верхние горизонты

могил в с. Златитран Пловдивской околии (1946 г.) и Капитан Димитриево Пештерской околии (1947 г.), раскопанные П. Детевым, принадлежат также этому периоду. Особенно интересны результаты раскопок, произведенных в так называемой Дипсиской могиле к югу от Нова-Загоры Василем Миковым (1952—1953 гг.), при участии заведующего музеем в Нова-Загоре Николая Койчева. Там была раскопана площадь в 2000 м², были открыты основания нескольких жилищ и найдено много интересного материала. Жилища имели прямоугольную форму с апсидой на одной стороне; они имели в длину от 10 до 18 м и ширину в 7—10 м. Жилища эти были разделены на две половины — бо́льшую переднюю и меньшую заднюю, в которой находились очаг, ручная мельница, глиняные сосуды и пр. Стены состояли из плетня, обмазанного глиной. Сосуды отличаются от найденных на энеолитических стоянках. Орудия труда изготовлялись из камня, кремня, оленьего рога и меди. Были найден остатки обугленной пищи, два медных наконечника копий, медная игла, маленькое золотое украшение и пр. Опубликование результатов этих раскопок осветит быт и культуру этого периода.

В течение последних лет под руководством Георгия Георгиева и Николы Ангелова были продолжены также раскопки поселения около Русе, относящегося к энеолиту.

* * *

Слабо изучен не только бронзовый век, но и гальштатская эпоха; не раскопано ни одного селища этой эпохи. Очень слабо исследована также культура фракийцев I тысячелетия до н. э. До 1944 г. не было раскопано ни одного фракийского селища. По вопросу об общественно-экономическом строе фракийцев в V—I вв. до н. э. велся и ведется спор. Ставится под сомнение существование рабовладения во Фракии до римской эпохи. Многочисленные известия античных авторов о древней истории и географии Фракии [1] недостаточны, чтобы ответить на основные вопросы, которые нас интересуют в отношении быта фракийцев.

В 1948 г. комиссия в составе Кр. Миятева, В. Бешевлиева и Н. Мавродинова, назначенная Академией наук по докладу последнего, для исследования древностей, которым грозит затопление при устройстве водохранилища, открыла в бассейне водохранилища Георгий Димитров, недалеко от города Казанлыка, большое старинное городище, с ограждающей его крепостной стеной. Затопление грозило и двум большим курганам. Раскопки начались под руководством проф. Д. П. Димитрова и его ассистентов и продолжались до 1 июня 1953 г. Первоначальным объектом этих раскопок были курганы, но в них исследователями почти ничего не было найдено. Интересным оказалось само поселение [2]. Раскопки его производились в последние годы на средства Министерства электрификации. Поселение было расположено возле реки Тунджи и еще в древности было залито водами вследствие какого-то большого наводнения. Сильно разрушенные развалины находятся на глубине 1 м. Крепостная стена образует прямоугольник со слегка изогнутой северной стеной. По углам имеются оборонительные башни. Существовало два входа — с за-

[1] Нужно заметить, что в 1949 г. вышло новое издание книги акад. Г. Кацарова «Извори за старата история и география на Тракия и Македония», пополненное Д. Дечевым, В. Бешевлиевым, Б. Геровым, Г. Михайловым, Хр. Дановым, Ив. Венедиковым, Д. П. Димитровым, Р. Гандевой и З. Ракевой.

[2] Д. П. Димитров. Древен тракийски град край язовира Георги Димитров. Отечествен. фронт № 2830.

пада и с севера. Пространство в северо-западном углу отгорожено изнутри другой стеной, за которой находятся развалины большого продолговатого здания с четырьмя отделениями и дорическими колоннами. В этом здании была открыта надпись, содержавшая название города — Севтополис. Находки — монеты, керамика и пр. — свидетельствуют о том, что это — город, основанный фракийским царем Севтом III, в 323 и 313 гг. до н. э., сражавшимся с войсками Лизимаха. Надпись дает проф. Д. П. Димитрову основание считать, что здание в огороженном стеной пространстве, в северо-западном углу города, представляет собой храм. В самом городе были раскопаны основания больших домов эллинистического типа — с дворами посередине и с помещениями вокруг этих дворов. Оборонительная стена обнимает пространство почти в 50 декаров. От ворот шли улицы, вымощенные камнем. Город был снабжен канализационной сетью, но воду жители брали из колодцев. Находки дают основание предполагать, что в городе процветали различные ремесла: гончарное, бронзолитейное, кузнечное и кожевенное. Город, как это явствует из находок, существовал недолгое время. Он был разрушен в III в. до н. э., вероятно, кельтами.

На окрестных холмах возвышается много курганов, а в 9 км восточнее была открыта в 1944 г. в северном конце города Казанлыка фракийская гробница с великолепными стенописями. Возле двух раскопанных проф. Димитровым курганов были открыты могилы рядового могильника города. К сожалению, только небольшая часть их была раскопана. Материалы раскопок многочисленны, особенно много фрагментов керамики. Греческая керамика была в широком употреблении, но в очень большом количестве имеются также обломки местной фракийской керамики. В печати опубликованы пока только восемь обломков амфоры с клеймами; шесть из них с острова Фассоса [1]. Изучение всех этих материалов даст нам впервые представление о культурной, экономической и социальной жизни одного из фракийских городов IV в. до н. э. Общественно-экономический строй фракийцев той эпохи до сих пор оставался неясным. Раскопки Севтополиса имеют громадное значение при разрешении этих вопросов. Они дают основание утверждать, что культура фракийцев в IV веке до н. э. стояла на более высокой ступени, чем ее описывают старые авторы. Самое существование Севтополиса указывает на то, что зависимость фракийцев от македонского владычества была значительно меньше, чем думали до сих пор, и подтверждает предположение Т. В. Блаватской, что внутреннее управление страной в то время находилось в руках фракийских царей и вождей [2]. Теперь мы можем представить себе гораздо яснее положение Фракии в эллинистическую эпоху.

Важны для изучения культуры фракийцев также открытия и раскопки, сделанные за последние годы персоналом музея в Пловдиве, Коларовграде и в городе Сталине. Музей в Коларовграде (бывший Шумен) предпринял раскопки под руководством своего директора Цветаны Дремсизовой нескольких курганных могильников фракийского времени в окрестностях села Янково Коларовградской околии. Раскопки начались в 1949 г. и продолжались ежегодно. В трех из курганов были открыты каменные гробницы — две круглые (купольные) и одна четырехугольная. Они были отчасти разграблены и разрушены еще в античную эпоху. Это открытие замечательно тем, что

[1] А. Алексиева. Амфорни печати от Копринка. Годишник на Народн. археол. музей в Пловдив, II, 1950, стр. 185 сл.

[2] Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 89.

впервые в Северной Болгарии обнаружены круглые купольные гробницы. До настоящего времени таковые были известны только в Южной Болгарии. Это открытие и ценные предметы, найденные при раскопках, свидетельствуют, что и фракийские племена в северо-восточной части страны (геты) находились в IV в. до н. э. на довольно высоком уровне общественного развития; их строй был уже классовым и их культура не была ниже культуры одризов или бессов на фракийской равнине. За этим в 1952 г. последовало открытие другой, вполне сохранившейся, купольной гробницы около самого города Пловдива или, точнее, около его северного квартала Филипово. Она была раскопана персоналом музея в Пловдиве под руководством тогдашнего директора Димитрия Цончева.

Ценные материалы о культуре и быте фракийцев в римскую и ранневизантийскую эпоху дали, произведенные музеем города Сталина, раскопки развалин фракийского селища около села Галата, южнее города. Они были проведены летом 1950—1952 гг. под руководством директора музея Милко Мирчева [1]. Было раскопано святилище фракийского всадника и открыты рельефы. Селище существовало и в ранневизантийскую эпоху, к которой относятся раскопанные развалины трехнефной базилики. Непосредственно к востоку и западу от нее были раскопаны нижние части стен четырех домов, построенных, как и базилика, в конце V или в начале VI века. Их обитатели занимались земледелием, скотоводством и рыболовством. Планы этих домов интересны для исследования народной архитектуры той эпохи.

* * *

Фракийское селище около села Галата находится у самого морского берега. Исследование этого берега и расположенных по нему греческих колоний представляет одну из самых важных задач болгарской археологии. Вот почему оно было предусмотрено в установленном Музеем плане еще в начале 1945 г. В исполнение этого плана я отправился весной 1946 г. в город Созопол — античную колонию Аполлонию Понтийскую, основанную колонистами города Милета в 610 г. до н. э. После нескольких дней исследования береговой полосы мне посчастливилось открыть восточнее города один из городских могильников.

Раскопки этого могильника начались в том же году под руководством заведующего античным отделом Народного археологического музея в Софии Ивана Венедикова и его ассистента Теофила Иванова и продолжились до 1949 г. включительно с участием ассистентов Цветаны Дремсизовой, Георгия Михайлова и заведующего Народным музеем в Бургасе Ивана Гылыбова. Из материалов, полученных при этих раскопках, опубликованы только материалы 1946 г. [2] В этом году были раскопаны только 122 могилы. В остальные три года раскопки были расширены, так что в конце кампании общее число раскопанных могил превысило 900 Особенно важным обстоятельством является то, что приблизительно в 50 могилах, во рту погребенных были найдены монеты, послужившие опорной точкой для установления даты отдельных групп могил и вообще всего могильника. Благодаря этому обстоятельству материалы могильника после их опубликования окажутся особенно ценными для науки. Но и другое обстоятельство делает раскопки могильника в Созополе важными для будущих исследований. Оно состоит в том, что все могилы были

[1] М. Мирчев. Разкопки на тракийското селище край с. Галате. Известия на археол. дружество в гр. Сталин, IX, 1953, стр. 1 сл.

[2] Разкопки и проучвания, II, Аполония на Черно море, София, 1948.

занесены песком, благодаря чему сохранились полностью. Бóльшая часть предметов оказалась целой, остальные могут быть восстановлены. Самые ранние могилы датируются началом V века до н. э., а самые поздние—до половины III в. до н. э. Есть несколько могил II в. до н. э. Из этого явствует, что этот могильник является только одним из могильников старого города, основанного в 610 г. до н. э. Кроме того он был местом погребения только бедных и среднеимущих жителей города. Более древний могильник, как и могильник богатых жителей города, находился, вероятно, на перешейке, соединяющем полуостров, на котором расположен город, с сушей. К сожалению, раскопки там не могли быть проведены. Судя по находке могильных стел, еще один могильник существовал к северу от теперешнего кладбища, и еще один на острове св. Иван, где найдено много керамического материала.

Среди найденных вещей, число которых превышает 1000, главное место занимают греческие расписные вазы (около 400). Они происходят главным образом из Афин, и между ними имеется много хороших экземпляров. Отдельные вазы представляют изделия островов Эгейского моря — Родоса, Самоса и Хиоса. Особенно интересны несколько лекифов IV века, изготовленные каким-то мастером, работавшим, повидимому, исключительно для Аполлонии. Интересны также терракоты, найденные в могиле какого-то актера. Одиннадцать из них представляют актера в различные моменты одной и той же роли в какой-то комедии. Между надгробными плитами имеются две, украшенные рельефами и воздвигнутые в честь видных аполлонийцев по решению народного собрания города. Между материалами III в. до н. э. следует отметить две пары золотых серег и много бронзовых позолоченных венков. При зондировании в области перешейка также были открыты могилы, относящиеся к III в. Характерной для III в. является керамика мегарского типа и местная.

Датированный материал из раскопок в Аполлонии дает не только ясную картину происходивших в жизни города перемен, но и отражает большие исторические события того времени: Пелопоннесскую войну, расширение македонской державы во Фракии, кельтское нашествие и пр. Он раскрывает отношения между фракийцами и греками того времени и культурные связи между ними. Мы получаем также ценные данные по датировке краснофигурной керамики IV в., хронология которой до настоящего времени не была достаточно разработана.

Открытие могильника в Созополе и блестящие результаты произведенных там раскопок вызвали интерес в среде местных партийных кругов и администрации города Бургаса, в районе которого находится несколько старых греческих колоний. В соответствии с выработанным общим планом археологической деятельности в стране, на заведующего музеем в Бургасе Ивана Гылыбова возложили задачу предпринять раскопки в старой дорийской колонии Месемврии (теперь Несебыр). Основной задачей было получить представление о дорийской колонии, о ее связях с Фракией и о социальной и экономической жизни жителей побережья. Раскопки начались в 1948 г., производились ежегодно в небольшом масштабе и наверное продолжатся в будущем. Они произведены вне полуострова, на котором был расположен старый город, против перешейка, соединяющего его с сушей, там, где в 1932 г. были открыты случайно античные могилы. До настоящего времени раскопано 80 могил, большинство из них датируется III в. до н. э. Их инвентарь довольно богат и свидетельствует о значительном благосостоянии города в эллинистическую эпоху. Основой этого благосостояния была широкая торговля, ведшаяся городом, с одной стороны, внутри страны, т. е. с фракийцами, а с другой

стороны, с Египтом, Афинами, с островом Делосом и пр. Об этих торговых связях говорят найденные материалы и главным образом поздняя черно-лаковая керамика, «мегарские» чаши, бутыли и пр. Была открыта большая надпись, содержавшая договор между Месемврией и одним неизвестным до настоящего времени фракийским владетелем по имени Садала конца IV и начала III в. до н. э. (который не является ни Садалой I, ни Садалой II). Эта надпись позволяет судить о торговых связях города. Из нее явствует также, что в Месемврии был театр. На одной из надгробных стел изваяна сцена из школьной жизни. Это — стела учителя. В могиле артиста были найдены терракоты, представляющие театральные маски. В трех могилах оказались особенно ценные золотые предметы — серьги, аграфы с мифологическими сценами, перстни, подвески, цепочки и пр. Найдено 14 мегарских чаш, а также и предметы местного фракийского происхождения. Над могильником были обнаружены развалины сгоревшего квартала средневекового города XIII—XIV вв., в которых оказалось много ценных предметов.

* * *

Раскопки памятников римской эпохи производятся в большей своей части в связи с огромным строительством, охватившем всю страну. На средства Министерства строительства и Министерства внутренних дел в 1947 г. начались раскопки развалин большого римского города Ульпия Эскус на Дунае, при устье реки Искыр. Раскопки в центре этого города производил в 1905 г. тогдашний директор Народного музея в Софии В. Добруский, но не опубликовал их результатов. Было открыто много хороших архитектурных фрагментов, главным образом архитравов. В 1941 и 1942 гг. итальянской миссией, состоявшей только из одного археолога Антонио Фрова, были раскопаны развалины большого здания вне стен первоначального города, у их юго-восточного угла [1]. В период 1947 г. и следующих лет раскопки велись под руководством младшего научного сотрудника Народного музея в Софии Теофила Иванова [2] с участием Саввы Бобчева, Лины Георгиевой и др. Раскопки начались около того же юго-восточного угла, но с внутренней стороны стены, и продвигались к центру, который был отчасти раскопан Добруским.

До 1952 г. включительно было вскрыто около 15 000 м². Открыты были развалины большой бани с вестиариумом, кальдариумом, тепидариумом и двумя бассейнами. В ней имелась хорошая отопительная система с гипокаустом. Теофил Иванов датировал ее III в. н. э. Против бани и с северной ее стороны обнаружились развалины четырех магазинов. Севернее их исследователи натолкнулись на большую жилую постройку с внутренним двором, окруженным восемью помещениями. Она также снабжена отопительной системой и имела отдельные хозяйственные помещения. Это — дом богатого рабовладельца. Глубже обнаружились нижние части стен очень большого здания, половина которого осталась нераскопанной. Было раскопано 15 помещений, часть которых имела также гипокауст; в одном из них был открыт великолепный многоцветный мозаичный пол (9 × 9 м). В его центре представлена театральная сцена с четырьмя действующими лицами неизвестной комедии Менандра «Ахейцы». Вокруг изображены животные — рыбы, бой петухов, кабан, лев и медведь и бордюры с геометрическими мотивами. Мозаика дати-

[1] А. Фрова. Разкопки на италианската археологическа мисия в Ескус. Известия на археологическия институт XVII, 1950, стр. 34 сл.

[2] Вж. вестник «Вечерни новини» от 6 юни 1953.

руется, по мнению Т. Иванова, концом II или началом III в. Возле этих зданий были открыты три улицы, вымощенные большими плитами, с канализационной сетью под ними. Около мест, раскопанных в 1905 г. Добруским, натолкнулись на большой храм, который был им не вполне раскопан. Этот храм имел двор и портик и был окружен колоннами. Открытая в нем надпись показывает, что он был посвящен Фортуне. Построен он был в конце II в. Одновременно с тем к востоку от города, в населенном теперь беженцами из Македонии квартале, было открыто основание второй городской стены. Как видно, город рос с течением времени, и в III в. явилась необходимость во второй стене, чтобы оградить новые богатые дома, построенные вне первой стены. Были раскопаны четыре башни этой стены, а зондированием открыты места четырех других.

Недалеко от места раскопок Добруского, в верхних горизонтах раскопок, были обнаружены остатки староболгарского селища X—XIV вв. с очень интересными материалами, которые будут опубликованы ассистенткой музея Столичного народного совета Линой Георгиевой.

В 1953 г. начались раскопки на средства Министерства народного здравоохранения в другом римском городе, около теперешнего города Разграда в северо-восточной Болгарии. Название этого римского города неизвестно. Еще 40 лет назад в этих развалинах производились в очень небольшом размере раскопки тогдашним заведующим музеем в Разграде Явашевым. Город расположен на площади в 120 декаров, обведен рвами и массивной каменной стеной. Он имеет форму прямоугольника, близкого к квадрату. В стене было трое ворот с запада, севера и юга. Улицы города правильно планированы по направлению север — юг и восток — запад. В восточной его части было раскопано младшим научным сотрудником Теофилом Ивановым и Ангеловым большое жилое здание крупного землевладельца и рабовладельца, построенное на площади в 3300 м², с 27 помещениями. Эти помещения расположены около двора, окруженного ионийской колоннадой. На южной стороне здания были открыты шесть магазинов, обращенных в сторону улицы. Т. Иванов их датирует II—III вв.

Выше этого античного города имеются следы славянского селища, существовавшего с VII до X в. Найдена славянская керамика и открыты печи для выпечки хлеба.

Открытое большое жилое здание в Разграде свидетельствует несомненно о существовании крупного землевладения во Фракии в римскую эпоху.

Это не первое здание такого рода в границах болгарских земель. К этому же типу принадлежит раскопанная директором музея в Коларовграде (бывший Шумен) Цветаной Дремсизовой в 1949 г. и следующих годах большая жилая постройка в Мадаре; раскопки ее были начаты еще в 1927 г. и были тогда прерваны. Эта постройка занимала пространство в 3000 м². Она находится внизу, под террасой, где расположены болгарские дворцы. Около нее обнаружены следы других римских построек. С западной и южной стороны она была ограждена колоннадой. В середине находился двор с 16 колоннами (вилла с портиком), а около этого двора были построены приемные залы, спальни, бани, склады и другие помещения числом 44. Бани и некоторые из жилых помещений снабжены гипокаустом Были открыты следы большой водопроводной и канализационной сети. При раскопках были найдены части мраморной статуи, облицовочные плитки, надписи на греческом и латинском языках,много керамики, железные орудия и оружие, предметы из бронзы, монеты и пр., датирующие постройку II—IV вв. н. э. В IV в. она была сожжена.

Несколько времени спустя она была частично перестроена и приспособлена к жилью. Существовала до V века.

Большая хозяйственная постройка позднеримской эпохи, длиной в 14 м и шириной в 9 м, была раскопана в 1951—1952 гг. директором музея в Пловдиве Христо Джамбовым к югу от этого города, в местности «Бозукова могила».

Особенно важны результаты раскопок и исследований в трех болгарских столицах Плиске, Преславе и Тырново.

Как известно, Плиска была столицей Болгарской державы с 679 по 893 гг. В апокрифической болгарской летописи ее основание приписывается хану Аспаруху. Славянское название этого города показывает, однако, что еще до прихода Аспаруха там находилось более старое славянское поселение. Развалины Плиски долгое время оставались безымянными, так как у турецкого населения окрестных селений не сохранилось предания об имени города. Только в конце минувшего века они были отожествлены Карелом Шкорпилом и Константином Иречеком со старой столицей. Местоположение Плиски устанавливается приблизительно, по сведениям византийских хроник, с похода византийского императора Никифора I Геника в Болгарию в 811 г. [1]. Точно это устанавливается целой серией старых западноевропейских карт, на которых Плиска значится в том же направлении и на том же расстоянии от Преслава, в каких находятся теперешние развалины у села Плискова (бывшее Абоба) [2]. В развалинах Плиски найдены были кроме того шесть праболгарских надписей, а в окрестностях ее еще шесть других. Все эти надписи показывают ясно, что тут была столица болгарской державы IX в. Характер самих развалин и находки подтверждают это. При постройках были использованы в небольшом количестве античные материалы. Однако никаких следов существования более древнего римского поселения на всем пространстве столицы, обведенном со всех сторон валом, представлявшем в плане трапецию, обнаружено не было. Материал доставляли сюда из небольшого римского городка, развалины которого находятся в шести километрах к северу около села Войвода.

В 1899—1900 гг. Русский археологический институт в Константинополе под руководством Ф. Успенского и К. Шкорпила предпринял раскопки в Плиске. В результате этих раскопок были вскрыты самые большие и самые важные памятники Плиски. Эти раскопки и опубликованные результаты их свидетельствуют о бескорыстной помощи, оказанной русской прогрессивной наукой болгарскому народу.

Кратковременные раскопки в Плиске производились после того с 1930 по 1934 г. под руководством академика Кр. Миятева, в 1935 г.— под руководством Гезы Фехера и в 1938—1939 гг.—под руководством П. Карасимеонова и Веры Ивановой. Миятев исследовал остатки другого большого дворца под развалинами «Большого дворца» и открыл основание небольшого жилого здания и длинного здания к северу от «Малого дворца» [3]. П. Карасимеонов произвел раскопки в нераскопанной еще части комплекса зданий «Малого дворца», где под плитами двора были открыты основания более древних построек, а на уровне этого дворца —

---

[1] Иван Дуйчев. Нови житийни данни за похода на Никифора I в България пред 811 год. Списание на Бълг. Академия на науките, кн. LIV.

[2] В. Бешевлиев. Плиска в географски карти от 17 в. и 18 в. сп. Македонски преглед, год XII (1940), кн. 3, стр. 43 сл.

[3] Кр. Миятев. Крумовият дворец и др. новооткрити постройки в Плиска. Известия на Бълг. археол. ин-т, т. XIV, 1940—1942 гг.

небольшая церковь и баня [1]. Вера Иванова уточнила путем раскопок план так называемой Дворцовой церкви, в то время как Геза Фехер произвел раскопки части Большого кургана, который находится в 200 м к северу от «Внутреннего города», и нашел в нем груду разбитых глиняных сосудов, часть которых удалось восстановить [2].

Тотчас после установления народной власти, раскопки в Плиске начинают проводиться систематически по определенному плану. Между каменной крепостью «Внутреннего города» дворцов и окружающим город рвом, образующим трапецию шириной на севере в 3,3 км, а на юге 2,7 км, еще К. Шкорпилом были отмечены и нумерованы 16 развалин. Их надо было прежде всего обойти и осмотреть. Это было сделано весной 1945 г. От шести из этих развалин не осталось уже никаких следов на поверхности. Сохранявшиеся в течение веков до начала XX века на обширных пастбищах «Внешнего города», они начали исчезать вследствие обращения этих пастбищ в пахотную землю. Такая судьба ожидала и остальные десять.

В 1946—1951 гг. в процессе раскопок были открыты другие развалины. Одновременно исследовалось пространство, огражденное рвом, так как здесь с течением времени образовывались новые кварталы города.

Результаты раскопок и исследований 1945—1947 гг. опубликованы [3] Поэтому мы остановимся на них только кратко, главным образом для того, чтобы уяснить некоторые не разъясненные в статьях вопросы. В течение этих трех лет было раскопано двадцать одно здание — церкви и дома; 19 — младшим научным сотрудником Ст. Михайловым и 2 — мною. Нужно сказать прежде всего, что назначенная председателем Академии наук комиссия в составе председателя академика Ив. Гошева и членов — члена-корреспондента Н. Мавродинова, младших научных сотрудников Станчо Станчева и Ст. Михайлова и архитектора Д. Джидрова обследовала в 1951 г. все раскопанные здания и констатировала, что большинство их планов, опубликованных Ст. Михайловым, в различных отношениях не соответствует фактическому положению. В них допущено много грубых ошибок; нераскопанные стены и части зданий показаны раскопанными. К заключениям комиссии следует прибавить, что даже данные, опубликованные Ст. Михайловым, являются неполными, анализы ошибочны, а датировки неверны. Не отмечено, при раскопках какого здания найдены те или другие вещи; следовательно, они не могут служить основой для прочных и верных заключений.

Также неверно утверждение Ст. Михайлова, что:

«Большую часть церквей, раскопанных в Плиске за период 1945—1947 гг. можно отнести к эпохе позднее XI в. без возможности в настоящий момент уточнить конечную дату их существования. Во всяком случае только небольшое число церквей (между которыми на первом месте стоят церкви плисковского типа) можно отнести к более ранней эпохе — XI в.; и только одну из них № 3 с некоторой вероятностью можно приписать еще более ранней эпохе, близкой ко времени крещения. Остальные церкви, вероятнее всего, можно датировать между XI и XIV вв., что подтверждается до известной степени открытой в Плиске трехнефной церковью. К такой же поздней датировке нас ведут некоторые

---

[1] K. Karassimeonoff. Neue Ausgrabungen in Plisca, Цит. соч.

[2] Ст. Станчев. Керамика от голямата могила в Плиска. Сб. «Разкопки и проучвания», т. III, стр. 227 сл.

[3] Н. Мавродинов. Разкопки и проучвания в Плиска В сб. «Разкопки и проучвания», т. III, стр. 159 сл.; Ст. Михайлов. Разкопки в Плиска през 1947 г., стр. 171 сл.

особенности стиля церквей, как например, преобладание однонефных церквей, малые размеры, склонность к ритмическому расчленению внешних стен трехнефной церкви и пр. — все характерные черты архитектуры второго болгарского царства».

Эти утверждения отпадают даже при беглом сравнении раскопанных в Плиске церквей с церквами, построенными после XI в. Все это показывает, что их автор не понял значения раскопанных им зданий, что главные характерные черты ускользнули от его внимания и что он не ознакомился с раскопанными в то же время в Преславе постройками.

Анализ раскопанных церквей и построек в Плиске показывает, что ни одна из них не может быть датированной позднее X в., что все они построены в IX и X вв. Это подтверждается и найденной керамикой, которую производитель раскопок не фиксировал по месту находок (за исключением зданий № 21, 28 и 12) и не вывел по ней соответствующих заключений. Характерная для XI—XIV вв. глазурованная керамика встречается в Плиске только в постройках № 31 и 28, но и здесь она относится к раннему типу глазурованной керамики, т. е. к типу IX и X вв. В остальных постройках, а также и в этих двух, была найдена керамика славянского, византийского (IX—X вв.) и праболгарского типа.

Самыми ранними по форме являются церкви № 24 и 25 и монастырики № 7 и 29. Церковь № 28 с сильно выдающимися пилястрами по боковым стенам сближается непосредственно с архиепископской базиликой в Плиске. К наиболее ранним церковным зданиям в Плиске относится по своему строению церковь № 24, которая имеет тот же характер стройки, что и дворцы в Плиске. Монастырек, состоящий из небольшой церкви, трапезной и церкви-усыпальницы, также имеет черты самой ранней эпохи церковного строительства в Плиске. Все эти постройки можно датировать временем князя Бориса (864—889).

С «Круглой церковью» в Преславе и с архитектурой времени царя Симеона (893—927) можно сравнить церкви № 3 и 28. Маленькая церковь-усыпальница № 3 имеет античные порталы перед тремя своими входами, как «Круглая церковь» и базилика Гебе Клисе в Преславе. Трехконхальная церковь № 28 не принадлежит к типу трехконхальных церквей XIV в. и также может быть сопоставлена с «Круглой церковью» в Преславе, потому что ее конхи не приделаны к центральной, квадратной или прямоугольной основе, а соприкасаются одна с другой и образуют таким образом квадрат, увенчанный куполом. Эта церковь производила впечатление скорее круглой, чем трехконхальной церкви. К первой половине или вернее к середине X в. следует отнести две церкви № 5 и 8, параллель которым можно найти среди преславских церквей этого времени.

Самыми поздними являются церкви так называемого «плисковского типа». Это семь одинаковых по плану, по размерам, по материалу и по характеру строения церквей, построенных в различных местах между рвом и «Внутренним городом». Ясно, что все они строились одними и теми же мастерами и по поручению одного и того же лица в семи различных кварталах города. А таким лицом могла быть только государственная власть. Постройка семи совершенно одинаковых церквей в одном и том же городе является чем-то необычным в средневековой истории. Мы предполагаем, что они были воздвигнуты после какого-то нападения и разрушения города и что это разрушение надо отнести к 972 г., когда по этим местам проходили войска византийского императора Иоанна Цимисхия и русского князя Святослава. Как известно, покоренная И. Цимисхием в 972 г. Северная Болгария была освобождена четыре года спустя царем

Самуилом в 976 г. и осталась в границах болгарской державы до 1001 г., когда подпала на продолжительное время под византийскую власть. Таким образом, церкви «плисковского типа» № 1, 2, 12, 15, 16, 17 и 22, по всей вероятности, были построены в 976 г. по повелению царя Самуила. Невероятно допустить, чтобы византийцы стали заботиться о восстановлении всех церквей в чисто болгарском городе. К этим семи одинаковым, небольшим «сокращенным» базиликам эллинистического типа относится и базилика № 13 такого же типа, но несколько отличающаяся от них. Принимая во внимание местоположение каждой из них, становится ясно, что они были именно квартальными церквами. Таким образом, они имеют большое значение для установления размеров города во второй половине X в. и для точного определения его кварталов.

Очень важны раскопанные в 1947 г. остатки здания № 31 в Плиске. Они находятся к востоку от большой архиепископской базилики, вблизи от рва и представляют целый комплекс керамических мастерских. Раскопаны были три постройки. В первой находилась большая круглая печь диаметром 2,40 м и за нею помещение с четырьмя квадратными печами. Такое же помещение с четырьмя такими же квадратными печами находилось в тыловой стороне второго здания. Третье здание представляло собою длинную прямоугольную мастерскую. Три здания вместе имели 54 м длины и находились во дворе; окружающая этот двор стена раскопана еще не до конца и вскрыта пока на протяжении 90 м. Судя по обломкам керамики, разбросанным по окрестным полям, надо полагать, что будущие раскопки откроют здесь другие такого же рода мастерские. Повидимому, здесь существовало крупное керамическое производство, главной продукцией его были сосуды славянского типа. Работники обладали большим профессиональным мастерством — глина сосудов хорошо отмучена, стенки их тонки и хорошо обожжены, орнамент из горизонтальных или волнообразных линий выполнен чисто. Во второй мастерской в насыпи печей найдены обломки праболгарской керамики «салтово-маяцкого» типа — серые кувшины, украшенные рядами залощенных наклонных линий или в сетку. В этом же помещении находились обломки глазурованной керамики. Это доказывает, что еще в IX—X вв., когда существовали эти мастерские, глазурованная керамика не импортировалась из Византии, а производилась тут же на месте. Глазурованные сосуды были бутылкообразными с длинным воронкообразным горлышком или представляли собою широкие глиняные тарелки с высоким поддоном. Кроме того, в этих же мастерских вырабатывались сосуды византийского типа V—VI вв. Они представлены обломками пузатых кувшинов, выпуклых горшков и остродонных амфор, украшенных горизонтальными широкими выпуклыми полосками. Однако они отличаются от более древних византийских сосудов тем, что этот орнамент на них имеет больше линейный, чем пластический характер: подчеркнуты только линии, разделяющие выпуклые полоски, самые же полоски более плоские. Некоторые из этих сосудов украшены только горизонтальными линиями. Опытный глаз может сразу отличить обломок византийской керамики VI в. от обломка X в. Открытие обломков этой поздней византийской керамики в керамических мастерских в Плиске тоже весьма важно. Значит и этот тип сосудов вырабатывался здесь же. Эти четыре типа сосудов, их характеристика и их взаимоотношение позволяют нам датировать керамические мастерские в Плиске концом IX и X вв. и никак не позднее X в. (как ошибочно предполагал Ст. Михайлов), так как после X в. праболгарская керамика исчезает, глазурованная керамика преобладает над неглазурованной, а славянские сосуды изменяют свою форму.

Следует подчеркнуть преобладание в Плиске славянских сосудов. Но мы не отнесли бы их ко времени ранее конца IX в., потому что относительно первой половины этого века мы имеем свидетельство другой важной находки, открытой тоже в Плиске. Это — сосуды из большого кургана, находящегося приблизительно в 200 м к северу от «Внутреннего города»; часть этого кургана была раскопана в 1935 г. Гезой Фехером. Тридцать два сосуда из него были восстановлены полностью, а несколько только отчасти. Они были опубликованы в предварительном сообщении Ст. Станчевым [1]. Ритуал этого погребения не христианский, и найденные сосуды могут датироваться не позднее середины IX в. По нашему же мнению они относятся к началу IX в. Среди этих сосудов имеются такие, которые являются продуктом более позднего развития византийской керамики VI в. Это — плоскодонные, амфорообразные, пузатые кувшины, украшенные горизонтальными линиями; но выпуклые горизонтальные полосы, которые характеризуют главным образом остродонные амфоры X в., оказались только на одном сосуде. Из 32-х найденных (и восстановленных) в «Большой могиле» сосудов — 13 славянского типа, 5 праболгарского и 5 смешанного славяно-болгарского типа, т. е. славянского типа по форме, но орнаментированных лощеными линиями, характерными для праболгарских сосудов. Это преобладание славянских сосудов в самом центре праболгар ясно показывает славянизацию их материальной культуры уже в начале IX в. Большая могила в Плиске была раскопана окончательно в 1949, 1950 и 1951 гг. Кр. Миятевым, но ничего больше в ней не было найдено.

Керамические мастерские в Плиске показывают значительное развитие ремесленного производства в конце IX в. и в течение X в. в болгарской державе. Теперь мы находимся перед совершившимся фактом отделения земледелия от ремесла, обособления ремесел как самостоятельного вида труда и концентрации ремесленников в городах, где прежде были только военные лагери. Эти громадные мастерские в Плиске не принадлежали отдельным ремесленникам, не принадлежали и гончарным корпорациям. По всей вероятности они были царской мануфактурой и в них работало много мастеров и работников гончаров, пришедших из сел.

На противоположной стороне от керамических мастерских, на другой стороне небольшого потока Асардере, выходящего на равнину, мы нашли большие куски железа ноздреватой структуры, анализ которых показал, что они содержат 60% железа и происходят из шлака, полученного при переработке железа в печи или же при опыте добывания железа из руды с высоким содержанием таковой. Очевидно, что тут были железоделательные мастерские и кузницы.

К западу от «Внутреннего города» были открыты при раскопках груды костей животных. Такого нагромождения костей на бойнях, где только закалывают животных, не бывает. Оно может быть только на таких бойнях, где мясо перерабатывается в изделия вроде колбас, вяленого и копченого мяса и пр. Подобное нагромождение костей существует до сих пор в селе Арнауткьой около города Разграда, где до начала XIX в. производились мясные консервы.

Раскопки в Плиске продолжались до 1951 г., когда были прекращены. В 1948 г. туда были командированы в помощь младший научный сотрудник музея в Софии Станчо Станчев и хранитель музея в городе Сталине Сергей Покровский. Результаты этих раскопок еще не опубли-

[1] Ст. Станчев. Керамика от голямата могила в Плиска. Предварително съобщение. «Разкопки и проучвания», III, стр. 227 сл.

кованы. Самым важным было открытие могильника, находящегося в 2 км к востоку от юго-восточной части рва в Плиске, близ города Нови-Пазар. Открытие это было сделано случайно. Раскопками руководили Ст. Станчев и Ст. Михайлов в 1948 и 1949 гг.

Были вскрыты 42 могилы, из них две с трупосожжением. Это был могильник небольшого праболгарского поселения, находившегося невдалеке от берега реки Кривой и основанного, вероятно, еще при самом вступлении праболгар в северную Болгарию, т. е. в конце VII в. Многочисленные сосуды относятся к салтово-маяцкому типу. Это главным образом кувшины грушевидной формы с трехлистным горлышком и горшки с двумя ручками. Украшены они лощеными полосами. Форма кувшинов совершенно идентична форме кувшинов № 1—6 из клада в Начь-Сент-Миклоша, а трехлистное их горло — горлу кувшина № 7 того же клада. Был найден также целый славянский горшок и черепки других славянских сосудов. Это поселение не было военным. Из оружия была найдена только одна слегка изогнутая сабля с двусторонним лезвием. Среди инвентаря могил следует отметить железные ножи, костяные трубочки для иголок, бусы, простые железные серьги, железные пряжки для поясов. В могиле № 33 были похоронены два всадника вместе с их конями. Могильник следует датировать концом VII и первой половиной VIII вв.

Изучение керамики Большого кургана в Плиске дает важную точку опоры для датировки славянской керамики в Болгарии, так как погребение в нем совершено явно по языческому обряду, а следовательно, до крещения болгар, т. е. ранее 864 г. Станчев датирует добытые из этой могилы материалы концом VIII в. По нашему мнению, их можно отнести и к первой половине IX в. Более ранними являются материалы исследования городища около села Кадыкьой (теперь Малый Преславец) на Дунае, между Тутраканом и Силистрой [1]. И тут, как и в Большом кургане в Плиске, найдена была керамика четырех типов. Преобладает славянская керамика, но большая часть сосудов имеет более архаичный вид. Они сделаны на гончарном круге, но часть из них, по наблюдениям Станчева, была сделана на ручном гончарном круге. Вообще отделка всех сосудов неумела и грубовата. Вторая группа сосудов праболгарская, салтово-маяцкого типа; обломков этого типа совсем мало — всего 13, из которых 11 принадлежат одному сосуду. Но и эти обломки, по мнению Станчева, имеют также архаичные черты по сравнению с сосудами того же типа, найденными в Большом кургане и даже по сравнению с такими же в Нови-Пазаре. Встречается тут и глазурованная керамика, а также керамика, которая является продолжением ранневизантийской керамики. Основываясь на трех найденных на месте раскопок римских монетах и на этих архаических признаках, Станчев датирует этот материал временем не позже начала VI в. Может быть он прав, но я опасаюсь, однако, настаивать на такой ранней дате. Римские монеты тут не имеют значения, так как раскопки производились поблизости от римского городища. Существование праболгарской керамики и формы славянских сосудов побуждают меня думать, что это поселение было основано не ранее VII в. или его конца и продолжало существовать в VIII в. и даже вплоть до конца IX в. или до начала X в. Малое количество фрагментов праболгарских сосудов свидетельствует о том, что это поселение было чисто славянским. Оно было окружено рвом и валом и представляет собой самое раннее

[1] Ст. Станчев. Разкопки на обьекта N в Кадъкьойското городище, Известия археол. ин-та. София, XVIII, 1952, стр. 285 сл.

славянское селище, открытое в Болгарии. В углублении рва было найдено и основание жилища. К сожалению, раскопок произведено не было.

Дальше зондирования не пошло дело и при исследовании другого славянского селища при Новграде близ Свиштова. Оно находится на Дунае, при устье реки Янтры, на высоком берегу над осушенными болотами. Материалы из этого селища находятся в музее в Свищове [1]. В месте раскопок, произведенных Станчо Станчевым, была открыта печь, к которой пристали куски славянской керамики. Много других фрагментов этой керамики было найдено в ближайшей окружности. Однако это селище, судя по найденным вещам, является более поздним, чем Кадыкьой.

К VII ли веку относятся вещи, найденные в верхнем горизонте при раскопках римского города около Разграда, мы сможем узнать после их опубликования производившей раскопки Соней Георгиевой. И это селище — славянское, но очень сильно разрушено.

* * *

Раскопки отдельных объектов между рвом и «Внутренним городом» в Плиске продолжались и в следующие годы. Именно в этот период были открыты развалины двух базилик «плисковского типа» № 15 и 16. Интересны раскопки церкви № 29, в сооружении которой имеется ряд грубых черепиц, а также церкви № 36, которая украшена сильно выдающимися пилястрами. Самыми значительными являются развалины большого дома, открытые в западной части пространства, огражденного рвом. Дом был двухэтажным и состоял из сплошного, почти квадратного блока стен; к его северной стороне примыкало длинное здание из трех помещений. Нижний этаж был необитаем; он представляет собой субструкцию исчезнувшего верхнего этажа, по всей вероятности, деревянного. Весь комплекс производит впечатление жилища землевладельца — вид средневековой villa rustica (развалины № 33).

В 1928 г. произведены поиски во «Внутреннем городе» к востоку от «Малого дворца», и было открыто несколько, вероятно, складских помещений. Они были сооружены из камней, полированных только с одной лицевой стороны и скрепленных глиной. В том же году был вынесен из ограды «Малого дворца» земляной балласт, накопившийся после раскопок Русского археологического института и мешавший продолжению раскопок в этом месте. В следующем году было раскопано большое пространство в северо-западном углу этой ограды. Тут был открыт целый комплекс хозяйственных помещений, сгруппированных около большого двора, находящегося в самом углу. Дома были двухэтажными, как это явствует из наличия находящихся там лестниц. Исследования под некоторыми и около некоторых из этих помещений привели к открытию частей еще более древних зданий. Несколько севернее, у стены, был открыт распределитель водопроводов, входивших в ограду «Малого дворца». Главный водопровод Плиски начинается от источника, находящегося на холме в четырех километрах севернее северной части рва около с. Исбул (старое Теке Козлуджа). Он был отмечен еще Шкорпилом. Мы проследили его путем исследований на расстоянии 2 км. Он направляется с холма на восток двумя трубами и точно над Плиской заворачивает на юг в сторону «Внутреннего города». Это, наверное, тот водопровод, который был построен во время хана Маламира (831—836) кавханом Исбулом и

[1] Кр. Миятев. Славянская керамика в Болгарии и ее значение для славянской археологии на Балканах. София, 1948, обр. 36, 37 и 38.

о котором говорится в потерянной Шуменской надписи [1]. Это, вероятно, первый водопровод в средневековой Европе. Здания, сгруппированные около двора в северо-западном углу ограды «Малого дворца», сооружены из камней, сглаженных хорошо только с лицевой стороны и скрепленных глиной. Вероятно, верхний этаж был деревянным. Раскопки на этом пространстве дали возможность уточнить планы прежде раскрытых зданий. При внимательном рассмотрении составленного П. Карасимеоновым плана «Малого дворца» видно, что в нем содержатся существенные ошибки. Было раскопано окончательно здание J, развалины которого были открыты в 1939 г. Оно относится к первому периоду постройки дворцов до 811 г. и было открыто под плитами двора. План его, сделанный П. Карасимеоновым, оказался тоже неточным. Здание это состояло из двух вписанных один в другой квадратов, к которым с юга присоединено было прямоугольное помещение. Новые раскопки открыли в середине внутреннего квадрата основание четырехгранного столба, служившего, наверное, подпорой пола верхнего этажа; с двух сторон этого внутреннего квадрата были обнаружены основания двух других четырехгранных столбов, которые, вероятно, поддерживали лестницу. Самым важным открытием была находка в северо-западном углу большого камня из более старых построек, на котором выгравирован между двумя розетками большой византийский крест. Этот крест нельзя датировать раньше второй половины VI в., а вероятнее всего, VII веком. Он доказывает, что попытки датировать постройки в Плиске доболгарским временем являются чистой фантазией. Дополнительные раскопки были сделаны и в «Дворцовой церкви», с южной стороны которой было открыто прямоугольное помещение. Раскопки в Плиске были прерваны в 1951 г.

* * *

В течение 1947 г. и следующих лет Д. Джидровым были закреплены раскрытые во время раскопок 1923—1927 гг. остатки здания в Мадаре, в 7 км южнее Плиски. Для этого потребовалось расчистить много раскопанных стен открытых построек, которые были опубликованы так плохо, что невозможно было даже разобраться в их характере. Вот почему в в 1951 г. мы предприняли основательное исследование этих развалин, а одновременно с этим воспользовались также случаем изучить лишний раз знаменитый рельеф Мадарского всадника, вытесанный на скале над развалинами. Это было вызвано еще тем обстоятельством, что летом 1948 г. в Академии наук состоялась специальная дискуссия относительно Мадарского всадника. Основной доклад по этой дискуссии был сделан экономистом Всеволодом Николаевым. Докладчик утверждал, что Мадарский всадник был вытесан персами во время похода против скифов в 512 г до н. э. и представляет собой изображение персидского царя Дария I. Этот доклад был напечатан «на правах рукописи» во время дискуссии, а затем в журнале Byzantinoslavica [2] На дискуссии против тезиса Вс. Николаева и за болгарское происхождение Мадарского всадника высказались: академики Гавриил Кацаров, Д. Дечев, Кр. Миятев, А. Протич, Ив. Гошев, Вл. Георгиев, член-корреспондент Н. Мавродинов, научные сотрудники проф. Ал. Бурмов и д-р Ив. Велков. Особое положение занял д-р Д. Крыжалов, который считает рельеф римским и отрицает

[1] В. Бешевлиев. Първобългарски надписи. София, 1934, стр. 98 сл.

[2] Вс. Николаев. Памятник ахеменидского (персидского) владычества в Европе; Мадарский всадник — царь Дарий I Гистасп. Byzantinoslavica, т. X, 1, 1949, стр. 42—58.

болгарский характер окружающей его надписи [1]. К сожалению, материалы этой дискуссии не были опубликованы. Д. Крынжалову ответил в Известиях Института болгарской истории младший научный сотрудник Ст. Станчев. Действительно, абсурдно отрицать болгарский характер надписи при наличии двадцати других подобных надписей первой половины IX в., написанных такими же буквами и обладающих такими же особенностями языка, и после двух тщательных ревизий самой мадарской надписи членом-корреспондентом В. Бешевлиевым и академиками Г. Казаровым и Д. Дечевым. На этой надписи ясно читаются имена болгарских ханов Тервела (701—718), Крума (803—814) и Омуртага (816—831). Она представляет краткую историю болгарской державы. Тезис Вс. Николаева также не выдерживает критики. Нам известно несколько портретов Дария I по рельефам в Персеполисе и Накш-и-Рустеме, и образ Мадарского всадника не имеет никакого сходства с ними. Вообще нет никаких признаков сходства с Дарием I — не схожа фигура, нет бороды, нет короны Дария I. Рельеф этот нельзя отнести ни к иконографии ахеменидского искусства, ни к искусству старогреческой архаической скульптуры VI в. или старогреческой классической скульптуры. Тезис Вс. Николаева утверждает, что рельеф всадника — произведение греческого мастера. Но ни в ахеменидском, ни в старогреческом искусстве не существует сцен, представляющих царственного всадника, пронизывающего своим копьем льва и сопровождающегося собакой. Такие сцены встречаются в искусстве раннего средневековья. Так, например, мы видим всадника, убивающего копьем льва и сопровождающегося собакой, на византийской шелковой ткани VIII в., хранящейся в Лионе и опубликованной акад. Кр. Миятевым в его статье о Мадарском всаднике [2]. На нескольких других византийских тканях мы также видим всадников, сопровождаемых собаками и пронизывающих павших или падающих львов. Такую же сцену мы видим на ящике из Терачина, находящемся в музее Палаццо Венеция в Риме, который датируется Балдорием временем с VIII в. до конца IX в., Молинье VIII—IX вв., Циммерманном X—XI вв., Вентури VII в. Однако после того как Тоеска заметил в отделке ящика арабские элементы, его нельзя датировать ранее IX в. Как доказано в моей книге о кладе из Начь-Сент-Миклоша, ящик этот следует датировать IX в. и причислить к болгарскому искусству [3]. В этом кладе с ящика из Терачина скопированы две сцены — на одной всадник убивает льва, на другой — медведя; в обоих случаях всадник сопровождается собакой. Сцена с всадником, пронизывающим льва и сопровождаемым собакой, должна была быть очень распространенной в ту эпоху, потому что такую же скульптуру мы находим на одних воротах из Исландии. Тут собака приобрела необыкновенные размеры, но надетый на нее ошейник доказывает, что ее прототип — домашнее животное. Таким образом, Мадарского всадника надо относить к той эпохе, к которой его относят болгарские археологи и искусствоведы. Сопровождающая его надпись доказывает ясно, что это памятник первой половины IX в.

Утверждение Д. Крынжалова, что на Мадарском рельефе изображен обыкновенный фракийский конник римской эпохи, неверно. Крынжалов

---

1. Д. Крънжалов. Фалшивия чтения Мадарского надписа, сп. Народна просвета, 1949, 5—6, стр. 18—32; D. Krandjalov. Les faux déchifrements des inscriptions de Madara. Slavia antiqua, II, 1949, стр. 197 сл.

[2] Кр. Миятев. Мадарският конник. Известия на Болг. археол. ин-т, т. V, 1928—29.

[3] N. Mavrodinov. Le trésor protobulgare de Nagyscentmiklos. Budapest, 1943, стр. 145 сл.

развил эту старую и давно отброшенную идею в специальной большой статье [1] и, чтобы придать более вероятия своему утверждению, он отрицает существование копья, которым пронзен лев под всадником. Но это копье ясно видно и на рельефе, и на гипсовой его отливке, хранящейся в Народном музее в Софии, и на рисунках К. Шкорпила и Рафаила Попова, и на фотоснимках. Крынжалов называет льва бегущим («а под конем навстречу бежит лев») и говорит, что перед ним стоит урна. Но на рельефе лев лежит, пронзенный копьем и перед ним нет никакой урны. Вопрос о сходстве и несходстве рельефа Мадарского всадника с рельефами фракийских конников рассмотрен был крупнейшим специалистом по фракийским вопросам академиком Гаврилом Кацаровым еще в 1925 г. [2] Он указал, что на рельефах фракийского конника лев всегда является помощником всадника, тогда как в Мадарском всаднике он — его враг. Нам известно около 1200 рельефов с изображением фракийского конника, но иконография ни одного из них не отвечает особенностям Мадарского всадника. Добавим, что между культовыми рельефами, изображающими фракийского бога-ловца, и сценой, изображенной на мадарских скалах, имеется даже формальное различие. Так, три образа на рельефе Мадарского всадника расположены в восходящей перспективе, как и на византийских тканях и на ящике из Терачина, тогда как рельефы фракийских всадников следуют принципам римского реализма и образы даны на них на одном уровне.

Насколько слабы заключения Вс. Николаева и Д. Крынжалова видно из того факта, что первый считает развалины в Плиске ахеменидскими, а второй принимает их за «римский лагерь». Достаточно вспомнить, что в фундамент Большого дворца в Плиске вделаны римские стены, а в фундамент более старой постройки I в ограде Малого дворца вделан камень с гравированным византийским крестом. Осмотр рельефа, произведенный нами в 1951 г., показал, что голова всадника окружена нимбом — обстоятельство, которое не было замечено прежними исследователями. Сомнительным является также утверждение, что всадник держит в левой руке чашу над гривой коня. В этой руке он держит, вероятно, концы поводьев коня. Этот осмотр показал, кроме того, что в рисунке Шкорпила копье передано неточно. В этом рисунке оно длинно, а прямая линия, которую можно провести вверх, не выходит на то место, где Шкорпил поставил конец этого копья — позади головы всадника.

Замечено, что и надпись, и самый рельеф были покрыты багровой краской, чтобы выделить их и сделать видными издалека. Но есть на Мадарской скале, недалеко от Мадарского всадника, другое место, покрытое той же краской. Это место находится над рельефом на расстоянии приблизительно двадцати метров южнее всадника, на уступе над изгибом скал, образующим площадку около 1 м шириной. Там скала также окрашена красным цветом, и в сильный бинокль видны очертания другой изваянной фигуры, никем еще не замеченной; около нее видна небольшая пещера. Исследование этой части скалы составит задачу будущих исследователей.

На террасе под всадником находятся развалины большого дворца [3] Его главный корпус, сооруженный из таких же больших каменных блоков, как и дворцы в Плиске, и с тем же характерным opus quadratum были построены на развалинах небольшой широкой трехнефной базилики,

[1] Д. Крынжалов. Мадарский всадник, 1953 (отдельный оттиск).

[2] А. Протич, Г. Кацаров и Г. Фехер. Мадарский конник, София, 1925.

[3] Ив. Велков. Раскопки в Мадара. Сб. Мадара, I, София, 1934.

вероятно, VII в. Разница между этой базиликой и зданиями дворца очевидна. Вложенные в постройку базилики камни не шлифованы и с внешней стороны обделаны молотом, тогда как камни дворцовых зданий тщательно отшлифованы. Сделанное нами сравнение между опубликованным Ив. Велковым планом дворца и остатками здания на месте показывает, что план Ив. Велкова не точен не только в отношении деталей, но и вообще. В нем прежде всего отсутствуют около 200 м стен, которые раскопаны и ясно видны. Не обозначена на плане и оградительная стена, части которой открыты с юга и запада. Не обозначен и весь двор с прилежащими к нему помещениями.

Мы составили план дворца наново. Вход в него был с юга. Через этот вход входили во двор, имеющий форму трапеции, окруженный конюшнями и казарменными помещениями. В восточной его части находилось небольшое здание из двух помещений, в котором, вероятно, жил начальник дворцовой стражи. В здании имелись деревянные чердаки, как это видно по каменным основаниям деревянных столбов, открытым перед зданием. Особенно интересны помещения, огораживающие двор с севера. Здесь тянется длинный ряд помещений для 10 коней и для 10 всадников. Эта десятичная система напоминает славянскую военную десятичную систему. Со двора, где располагалась гвардия хана, был вход в самый дворец. Его помещения были сгруппированы около двух других дворов — одного с северной, другого с южной стороны здания.

Этот план дворца с двумя дворами, расположенными не один за другим, а в шахматном порядке, представляет старый план эллинистических дворцов. Громадные скалы, к востоку от северного двора, помешали строителям расположить и здания в строгом шахматном порядке так, как они расположены в Пергаме, в Стоби или в Сплите. Около малого южного двора находились жилища хана, а в нижних этажах находились склады, вероятно, винные погреба. Жилища свиты были расположены около более возвышенного северного двора, которого достигали по пандусу, а следовательно, здесь же помещались и лошади. Южные помещения были складами и кухнями. Из западных помещений, в которых находилась трапезная, открывался великолепный вид на коларовградское поле.

Дворец был покрыт черепицей двух видов — плоской и закругленной, как в старых римских зданиях. Большая часть употребленных кирпичей взята была из старых зданий; кирпичи квадратные, различных размеров. Только один вид кирпича в полквадрата относится ко времени постройки. Такие же яркокрасные кирпичи мы находим в Преславе. В северо-западных помещениях около кухонь я нашел много обломков керамики, украшенной прямыми и волнообразными линиями, которые ясно определяют дату постройки. Более древняя римская или византийская керамика в развалинах дворца не встречается. Водопровод направлялся от скал и входил в северную часть дворца, разделяясь в верхней части северного двора на два разветвления. На этом северном дворе находился бассейн, раковина которого сохранилась на месте; вода из нее отводилась по водопроводу за ограду. Другое ответвление водопровода проходило диагонально по двору к юго-западному его углу, где находился мраморный распределитель с четырьмя ответвлениями. Часть водопровода, направлявшегося на казарменный двор, была открыта в северо-восточном его углу, где впоследствии был сделан и второй бассейн, вероятно, для водопоя лошадей.

Отдельно сохранившиеся на месте камни в стенах около южного двора показывают, что постройки около этого двора были сооружены из таких же каменных блоков, как и здание дворца. Здания около казарменного

двора и около северного двора построены из более мелких, тщательно отполированных с лицевой стороны камней, скрепленных глиной. На северном дворе сохранились еще каменные основания деревянных столбов; следовательно, в верхних этажах и тут находились деревянные чердаки, а может быть и деревянные стены.

В алтаре небольшой, более позднего времени, церкви под скалами была обнаружена колонна с надписью времени хана Омортага (816—831). Ко времени того же хана относится вторая колонна Мадарского всадника. Поэтому мы имеем основание предполагать, что дворец построен ханом Омортагом.

В развалинах мечети в селе Мадара была открыта, однако, другая надпись на греческом языке. В ней содержится список оружия, доверенного одному из мелких бояр. Значит в Мадаре имел местопребывание боярин-военачальник. Его дворцом надо считать так называемое «капище», находящееся к северо-востоку от большого дворца и открытое во время раскопок 1923—1927 гг. Единственным соображением, позволявшем считать его культовым зданием, являлось то, что в нем находилась небольшая скала, огражденная с востока полукруглой стеной. Но из ответов папы Николая I на вопросы болгар известно, что в Болгарии находится камень «с лечебной силой». Геза Фехер считал скалу священной, а залу около нее «залой прадедов». Я произвел тщательный осмотр этих развалин. На самой скале нет никаких признаков того, что она была почитаемой или считалась камнем с лечебной силой. При раскопках не было открыто никаких предметов в подтверждение того, что мы находимся перед культовым зданием. При более внимательном исследовании мы увидим, что полукруглая стена в сущности представляла ложную входную башню, подобную той, которая находится при входе в крепость на мысу Калиакра. Производители раскопок не заметили именно находящегося на том месте входа и ограждающей его стены. На опубликованном плане они не обозначены.

Развалины представляют собой комплекс трех зданий — вход с караульным помещением с ложной башней, большую парадную «приемную» постройку (так называемое «капище») и жилое помещение. Последнее находилось на более возвышенной плоской скале к востоку от «приемной» постройки. Судя по фундаменту, видно, что оно состояло из большой средней залы, занимающей пространство от середины переднего (западного) фасада до середины его заднего фасада, и из двух рядов комнат с обеих сторон этой залы. Этот симметричный план, встречающийся в римской и византийской архитектуре, мы видим и в Плиске. Монументальная «приемная» постройка представляет уменьшенную и упрощенную копию большого дворца в Плиске. Как и в Плиске, нижний ее этаж был необитаем и служил, вероятно, конюшней. Бывшая, вероятно, деревянной, лестница в верхний этаж вела от заднего, т. е. западного фасада. Сохранилось каменное основание, на которое она опиралась. В верхнем этаже, откуда открывался великолепный вид на коларовградское поле, боярин -военачальник устраивал пиры со своей дружиной и гостями.

Ко времени постройки этого малого дворца относится еще одна почти квадратная постройка, находящаяся перед большим дворцом с юго-западной его стороны. Она была опубликована как «баня», так как к ней ведет водопровод. Однако это совсем не баня и не могла быть ею, так как никто бы не решился купаться в холодной воде, протекавшей по этому водопроводу из пещеры в скалах к юго-востоку от нее. Она представляла собой одиночную оборонительную башню — «пирг», как называют греческим именем подобного рода башни в староболгарской литературе, и

была многоэтажной. Лестница в ее верхние этажи помещалась внутри северной стены. Все другие ее стены имеют в толщину 80 см, северо-восточная же часть северной стены доходит до 1,30 м толщины. Следовательно, лестница была 50 см ширины. Ступени имели ширину в 20 и вышину в в 30—40 см. Судя по сохранившимся четырем ступеням, ведущим вниз, отсюда воины черпали воду. Эта башня и малый боярский дворец имеют одинаковое строение. Между камнями их стен вложено по два ряда кирпичей. Построены они были раньше большого дворца.

Прежде чем кончить с Плиской и Мадарой, небезинтересно вспомнить и об одном открытии в нумизматической коллекции д-ра В. Харланова в Коларовграде (б. Шумен). Я давно предполагал, что в VIII и IX вв. в болгарских центрах употреблялись арабские монеты, но их не собирали вследствие их сходства с турецкими, и производители раскопок, и собиратели редкостей на них не обращали внимания, так как в нашей стране благодаря 500-летнему рабству под турецким игом находится большое количество турецких монет, которые никого не интересуют. Узнав в Преславе в 1950 г., что д-р Харланов знает турецкий и арабский языки и занимается собиранием редких монет, я отправился в Коларовград и посетил его. В его коллекции находятся пять купленных в Коларовграде у окрестных крестьян серебряных дирхемов — два, высеченных эль Мехди Мухаммедом (780—786) в 161 и 164 гг. гиджры в Багдаде, два Гарун-ар-Рашидом (786—809) в 170 и 173 гг. гиджры,— один в Багдаде, а другой в Абасе, один эль Мутеки Лиляхом (951—955) в 330 г. гиджры в Багдаде. Эти монеты не опубликованы. Они говорят ясно о торговых связях болгарской державы с арабами в конце VIII и в IX вв.

* * *

Первые раскопки в Преславе, ставшем столицей царя Симеона в в 893 г., были произведены проф. В. Златарским в 1897 г. Он раскопал часть дворца, но не опубликовал результатов этих раскопок. В 1905 г. произвел раскопки Константинопольский Русский археологический институт под руководством Ф. Успенского и К. Шкорпила. При этих раскопках были открыты остатки нескольких церквей и одного монастыря. В 1909—1914 гг. были вскрыты местным археологом Иор. Господиновым остатки монастыря в Патлейне и трех малых церквей. Раскопки были возобновлены только в 1927 г. В этом году и в последующем были раскопаны стены круглой церкви Кр. Миятевым и Иор. Господиновым, а в 1929 и 1930 гг. были продолжены раскопки дворца. С 1930 до 1945 гг. Преслав был почти оставлен. После освобождения Болгарии от фашистского ига народная власть предоставила Народному археологическому музею в Софии достаточно средств для ежегодного проведения этих раскопок, и с 1945 г. до настоящего времени они производились каждое лето под руководством старшего научного сотрудника Веры Ивановой и ее ассистентов — младших научных сотрудников Иванки Акрабовой, Станчо Станчева, Иорданки Чанговой и др., с участием в течение некоторого времени ныне покойного Иор. Господинова и пишущего эти строки.

Результаты раскопок 1945—1948 гг. опубликованы [1]. Задача, поставленная первоначально производителями раскопок, была подобна той, которая была поставлена в Плиске. На огромной территории старого города и вне его, простирающейся на восток и юг от правого берега р. Тичи, находилось много различных развалин, которым грозило окончательное

[1] Сборник «Разкопки и проучвания», т. III. Изд. Народного археолог. музея в Софии.

исчезновение вследствие ежегодного увеличения виноградников, главного промысла теперешнего населения Преслава. Прежде всего надо было раскопать эти остатки зданий, и раскопки начались вне черты городской стены прежнего Преслава в местности к юго-востоку от реки — в Бял Бряг, Аврадака, Тузлалък и Дели Душка, где ежегодно засаживают новые виноградники и поэтому раскапывают землю до 80 см глубины. В самом отдаленном конце этого пространства, в полутора километрах к югу от реки, на холме Аврадака, были раскопаны остатки большого монастыря, двух церквей и двух гражданских зданий [1].

Особенно важны для преславской архитектуры многочисленные обломки каменных карнизов с треугольными зубцами, которые были открыты в большой церкви № 1. Для истории болгарского искусства X в. важны также находки скульптурной головы обезьяны, двух львиц и льва. Великолепная мозаика пола в церкви № 1 показывает высокое профессиональное мастерство болгарских зодчих того времени. В алтаре церкви были обнаружены колонны с надписями на праболгарском,тюркском языках греческими буквами [2]. Интересны также планы двух древних гражданских зданий около монастыря, которые, как я думаю, были предназначены для больницы и для призрения старцев. Найденная в этих зданиях керамика показывает, что люди, жившие там, стояли на самой низкой ступени и в бытовом отношении. Несомненно это были выброшенные за борт жизни старики и больные бедняки с тяжкими недугами, оставленные своими близкими.

Этот большой монастырь показывает, что в середине X в. церковный феодализм достиг высокой степени своего развития. Во внутреннем дворе этого монастыря было открыто каменное основание деревянного столба. Очевидно, что и это монументальное здание имело чердак. Я не случайно настаиваю на существовании деревянных частей или целых деревянных зданий в монументальной архитектуре первой болгарской державы. Эта ее особенность — несомненно славянская черта, но говоря это, мы не хотим воскрешать старую, давно опровергнутую теорию о том, что славянам была свойственна только деревянная архитектура. Мы хотим сказать только, что под славянским влиянием в Болгарии, как и в России, строились нередко монументальные здания из дерева [3].

Вопрос идет именно о монументальных общественных зданиях, а не об обыкновенной жилищной архитектуре. Деревянные дома были, вероятно, и во фракийской, и в римской, и в византийской архитектуре, но римляне и византийцы никогда не строили своих монументальных общественных зданий — дворцов, храмов, монастырей и церквей — из дерева. А вот болгары в Плиске и в Мадаре употребляли дерево для своих монументальных построек. Они его применили в монастыре Аврадака, соорудили в Преславе целую большую трехнефную базилику из дерева, раскопанную Успенским и Шкорпилом. Еще в X в. в Софии существовала деревянная церковь, посвященная св. Луке; в ней было положено тело Ивана Рильского при перенесении его из Рилы. Эти деревянные церкви и деревянные монументальные здания возникали у нас не из римской или византийской традиции. Они представляют что-то новое в архитектуре болгарских

[1] В. Иванова. Разкопки на Аврадака с Преслав. Сборник «Разкопки и проучвания», III. София, 1949.

[2] J. Venedikov. Trois inscriptions protobulgares. «Разкопки и проучвания», IV, София, 1950.

[3] Н. Мавродинов. Българската дървена архитектура. Сп. Родина, год III, 1941, кн. IV; Н. Мавродинов. Българската дървена архитектура. Сп. Архитектура, I, 1947, кн. 8—9.

земель, то, что создалось под влиянием народной славянской традиции. И когда мы говорим о славянском единстве в IX—XI вв., то не надо забывать и об этом факте.

На холме Тузлалык, также к югу от левого берега р. Тичи, была открыта церковь-усыпальница; в ней, а также и по соседству с ней, при раскопках было найдено много обломков художественной расписной керамики, которая была инкрустирована в каменных плитах пола или входила в облицовку стен гробниц возле церкви. Открытие этой керамики дало возможность Иванке Акрабовой пересмотреть существовавшие до последнего времени толкования относительно преславской художественной керамики вообще и добиться весьма ценных результатов [1].

На холме Дели Душка над рекой были обнаружены развалины древнехристианской базилики V в. [2] Более поздние исследования показали, что эта церковь принадлежала поселению IV—V вв., находившемуся к северу от этой базилики, в местности Аргатово, вне старого города Преслава, но близко к нему.

На южном краю котловины Бял Бряг и почти в ее середине были раскрыты остатки двух церквей, построенных одна на другой; нижняя из них чрезвычайно важна для характеристики преславской архитектуры в начале IX в., так как по отделке своих фасадов она представляет лучшую параллель Круглой церкви [3]. В восточном конце котловины Бял Бряг были раскрыты остатки двух других церквей, а около реки — третьей [4]. Младший научный сотрудник Станчо Станчев раскопал в Винице в 15 км южнее Преслава развалины другой церкви, схожей с церковью в Патлейне, с двумя башнями над притвором [5]. Как и в Патлейне, ее купол опирался на трompы. Очень важно, что она связывается с грузинскими памятниками X в., такими, как например церковь в Кумурдо.

В 1948 г. под руководством младшего научного сотрудника Любы Огненовой были начаты раскопки довольно большого монастыря выше церквей в Бял Бряге и ниже монастыря на холме Аврадака. Эти раскопки продолжались в 1949 г. с участием младшего научного сотрудника Сони Георгиевой. Были открыты нижние части стен большого монастырского здания в форме буквы Г с большим числом помещений. В 1949 г. были открыты посередине двора нижние части стен монастырской церкви, а к северо-западу от нее — фундамент третьего здания, которое состояло из двух комнат и, может быть, было помещением игумена. Монастырь в Аврадаке и находящийся под ним монастырь в котловине Бял Бряга были не единственными монастырями на правом берегу реки Тичи. Вероятно, открытое Иор. Господиновым на холме «Гайдарова могила» длинное «гражданское здание», состоящее из трех симметрично расположенных помещений, было частью монастыря, развалины которого уничтожены.

В 1948 г. в западной части Бял Бряга были раскопаны нижние части стен большого гражданского здания — дома какого-то богатого землевладельца. Раскопками руководил директор музея города Русе Никола Ангелов. Таким образом, местность, расположенная на юг от реки Тичи, оказывается большим предместьем Преслава, полным церквей и монасты-

---

[1] Ив. Акрабова. Декоративната керамика от Тузлалъка в Преслав. «Разкопки и проучвания», III, стр. 101 сл.

[2] В. Иванова. Базиликата Дели Душка в Преслав. Там же, стр. 65 сл.

[3] В. Иванова. Две църкви на Бял Бряг в Преслав. Там же, стр. 149 сл.

[4] Ст. Станчев. Три новоразкопани църкви в Преслав. Там же, стр. 79 сл.

[5] Ст. Станчев. Църквата в с. Виница. Известия на археол. ин-т, XVIII, стр. 305 сл.

рей. Это позволяет нам понять, почему развалины Преслава производили такое сильное впечатление на путешественников и на окрестное население. Турки называли Преслав «Ески Стамбул», т. е. «Маленький Царьград». Турецкий путешественник Хаджи Калфа (XVII в.) пришел даже к заключению, что Преслав был больше, чем Царьград. Разрушение развалин началось в XVIII в., когда в связи с русско-турецкой войной турки начали укрепление города Шумена (теперешний Коларовград). Для постройки его крепости и казарм они брали камни из преславских развалин. Посреди этих развалин были построены турками 24 печи для производства извести, добывавшейся из мрамора и известковых камней стен, дворцов и церквей старого Преслава. Эти печи были разрушены лишь по освобождении страны. Основания двух таких печей мы открыли во время раскопок в 1949 г.

Так как угрожаемые объекты на пространстве к югу от правого берега реки были почти раскопаны, усилия исследователей сосредоточились в следующие годы на объектах, расположенных в черте самого города. Еще в 1948 г. на директора музея в Русе Н. Ангелова было возложено поручение расчистить загроможденную прежними раскопками землю около дворца. В следующем году руководство раскопками в дворце было поручено мне. Ассистировал мне тогдашний директор музея в Коларовграде Стоян Маслев. При прежних раскопках Златарского, Успенского, Шкорпила и Миятева были открыты нижние части стен большого монументального «Приемного дворца».

Этот дворец был воздвигнут царем Симеоном (893—927) и притом в начале его царствования. Были опубликованы два плана раскопок развалин — в 1930 г. К. Шкорпилом и в 1933 г. Кр. Миятевым, которые различаются не только по подробностям, но и в существенных своих частях. В 1949 г. были поставлены две задачи — проверить план дворца и продолжить раскопки к западу от него. Проверка плана показала, что в нем содержатся 24 важные ошибки, а многие детали не отмечены. Эта проверка вызвала необходимость дополнительных раскопок внутри, в южной и юго-восточной части дворца. При этих раскопках было открыто около 40 м не обозначенных на плане стен.

Главные результаты ревизии плана и произведенных раскопок следующие: здание представляет не неправильный прямоугольник, как на плане Миятева, а правильный прямоугольник; несколько искривлена только часть его западной стены у северо-западного угла. В северной части этого прямоугольника было три помещения — одно широкое и два тесных. Вся остальная часть прямоугольника была разделена двумя продольными стенами, основания которых я раскопал, на три нефа, имевшие такую же ширину, как и три северных помещения. В плане (тоже и у Шкорпила) в боковых нефах означены небольшие продольные стены, которые разделяют эти нефы на четыре (у Шкорпила на три) меньшие помещения. Эти продольные стены существуют, но они построены во второй период строительства, вероятно, в конце XII в., когда Преслав был местом пребывания Петра, брата царя Асеня I. Это — стены позднего времени и походят по строению на стены, открытые к юго-западу от дворца, где были найдены монеты начала XIII в. Главный вход во дворец был с востока в юго-восточном углу. Найденные там две части колонн из зеленой брекчии принадлежали двум колоннам, украшавшим вход. Там находилась главная «парадная» лестница в верхний этаж. Нашлось на месте и основание одной из этих колонн и около нее ее база из белого мрамора.

Целиком линия южной стены дворца не могла быть прослежена; она была установлена только приблизительно на 7 м от юго-восточного угла.

Оказалось, что при ее постройке был употреблен вяжущий материал трех видов: 1) для скрепления камней — белый с небольшой примесью мелкого гравия и песка, 2) для изоляции — желтый, составленный из извести, кремовой глины, крупного щебня и песка, и 3) для основы тротуарных плит — совершенно белый без щебня. По очертаниям белого состава, служившего основой тротуарных плит около дворца, явилась возможность восстановить эту часть южной стены у юго-восточного угла. Здесь, как и у западного края южной стены, были обнаружены следы существовавших пилястров. Таким образом, установлено, что южная стена была украшена по меньшей мере тремя пилястрами — обстоятельство, которое не было замечено прежними исследователями. Но они также не заметили пилястры восточной стены. Половина одного из этих пилястров стоит еще на месте, второй очерчивается ясно на камнях его основания. У входа, вероятно, находился третий пилястр. Таким образом, весь нижний этаж дворца был украшен с востока, юга и запада сильно выдающимися пилястрами. Украшали ли эти пилястры и верхний его этаж? В развалинах были найдены два обломка каменных полуколонн, которые показывают, что над пилястрами нижнего этажа возвышались каменные полуколонны. Как Круглая церковь и новооткрытая церковь в Бял Бряге, дворец был украшен полуколоннами. По своему внешнему виду он отличался от дворцов в Плиске и Мадаре. Его план похож на план Большого дворца в Плиске: верхний этаж его представлял также тронную залу в форме трехнефной базилики, в северном конце которой находился посередине царский трон, а с двух сторон две комнаты; в западной комнате находилась вторая лестница, по которой царь поднимался к своему трону. В северной стене дворца, на всем ее протяжении был обнаружен водопровод, сворачивавший к северо-восточному углу и заканчивавшийся над пантусом. Этот водопровод состоял из узких глиняных труб. Обнаруженный там камень, с выдолбленными двумя желобами несколько большей ширины, чем эти трубы, показывает, что вода поднималась в верхний этаж и растекалась оттуда по различным местам. Таким образом можно, установить высокий культурный уровень построек болгарских ханов и царей в IX и X вв.

Нижний этаж дворца был необитаем. Как в западной, так и в восточной его стенах были широкие проходы, схожие с проходами Большого дворца в Плиске. Они не были, однако, на уровне тротуарных плит. Их пороги находились на высоте 70 см над уровнем этих плит, и через них не входили в этот нижний этаж. Внутренность этих помещений заполнена до этой высоты желтым составом извести, служившей для изоляции влаги, стекавшей с толстых каменных стен. В нижний этаж входили прямо только с северного высокого двора.

При прежних раскопках не все найденные материалы собирались и опубликовывались. Шкорпил обратил внимание только на обломки скульптурных плит и на каменные карнизы. Эти карнизы пяти различных видов и величины, но все они происходят от античных карнизов с торосом и все относятся к внешней отделке дворца. Между ними ясно различаются части главного, находящегося под крышей, карниза, так как у них имеется желоб для собирания дождевой воды. Второй по величине карниз тот, который разделял два этажа. Остальные три карниза служили, вероятно, украшениями входов.

Раскопки к западу от этого приемного дворца были произведены на площади шириной и длиной в 3 м. Было раскопано около 900 м². Здесь мы натолкнулись на основание турецкой печи для обжига извести из мрамора и известняка дворца, благодаря чему древние стены были почти целиком уничтожены турками и приходилось копать очень внимательно.

Уровень почвы к западу от приемного дворца слегка поднимается к западу. Пространство это было разделено на две части поперечной стеной, начинающейся от середины западной стены. С юга находилась каменная лестница с очень низкими (10 см) и широкими ступенями (по которым могли подниматься лошади). Эта лестница заворачивала на запад и поднималась до входа в жилые помещения. Самый вход, однако, разрушен и невозможно составить его план. Юго-западнее этой лестницы построены в конце XII в. помещения, которые не были раскопаны. К северу от продольной стены и до самого приемного дворца находился небольшой дворик, а около него с запада — большая зала. Ее стены исчезли, но мы открыли основу ее мраморного пола и только одну мраморную плиту in situ. Подстилка пола состоит из того же желтого известкового состава, который был употреблен внутри приемного дворца. Она была сооружена толстыми деревянными балками. В северо-западном углу здания был открыт кусок мраморной колонны. Между множеством материала, открытого в этой зале и о котором будем говорить ниже, были найдены два напрясла от веретен (одно из них сделано из слоновой кости) и часть дорогой туалетной коробки. Следовательно, здесь жили женщины, и мы находимся, действительно, в жилых помещениях дворца. На запад от этого зала почва поднимается, и пол соседних помещений был несколько выше. В северо-западном углу залы находилась, вероятно, лестница, и к западу от нее возвышалась высокая башня. От стен этой башни ничего не осталось, но весь ее нижний этаж был заполнен изоляционным желтым составом цемента, возвышающимся сейчас на высоту в 2,5 м. Еще дальше на запад находятся части стен жилых помещений, открытых Успенским и Шкорпилом в 1905 г. Их планы невозможно составить точно при теперешнем состоянии развалин. В юго-западном направлении были открыты другие части полов жилых помещений.

Очень важны найденные при раскопках материалы. Они представляют главным образом фрагменты различных видов мрамора и обломки известковых плиток, покрытых узором растительного орнамента. Мраморные фрагменты имеют толщину четырех размеров: в 7 см, 5 см, 3 см и 1,5—2 см. Плиты в 7 см, как это явствует из их профилей, происходят от мраморных седалищ и столов. Плиты толщиной в 5 см — из белого мрамора с синеватыми жилками — составляли настил пола, как это явствует по единственной уцелевшей плите в зале. Но той же толщины есть много геометрических вырезанных фигур от мозаики пола. Плиты в 3 см толщины выделаны из различных видов мрамора; они происходят от облицовки стен, те из них, что потоньше, представляют, вероятно, рамы окон. Были найдены также фрагменты круглого стекла для окон, диаметром около 15 см, отличающиеся от найденных в с. Мадаре тем, что они несколько белее, имеют выпуклые грани и посередине утолщены. Мозаика полов была двух видов — с геометрическими мотивами (opus sectile) и с мотивами из растительного и, вероятно, из животного мира (opus musivum); сделаны они из одинаковых, но разноцветных мраморных кубиков. Геометрические мотивы можно было бы реставрировать по образцу сохранившихся в Преславе (например, из церквей в Аврадаке и Тузлалыке), так как они были сложены из подобных же плиток. Но во дворце плитки имели ромбовидную, листовидную, квадратную, треугольную и длиннопрямоугольную формы. Они делались из сине-белого мелкозернистого мрамора, из белого мрамора с синими небесного цвета пятнами, из фиолетового мрамора, из зеленого мрамора со светлозелеными пятнами, из фиолетового мрамора с розовыми пятнами, из зеленого камня и из кофейно-фиолетового плиточного камня. Стены дворца были облицованы мраморными плитами раз-

личной формы и цвета и они образовывали разные панно; есть узкие и длинные плиты, которые обрамляли эти панно, более широкие плиты, которые разграничивали плоскости, и широкие плиты, которые их образовывали. В нижней части стен находился, вероятно, цоколь, а в верхней их части под сводами проходил карниз с изваянными растительными мотивами. Для этой облицовки были употреблены самые дорогие и редкие сорта мрамора: белый прозрачный мрамор со слегка синеватым оттенком, белый с кирпично-розовыми и слабосиневатыми пятнами, очень красивый темносиний мрамор с зелеными пятнами, серый с белыми вытянутыми и виннокрасными пятнами, красный с белыми жилками, кирпичнокрасный с синеватыми жилками, розовый. Тонкие мраморные оконные рамки отличаются тем, что они отшлифованы с двух сторон. И они сделаны из дорогого мрамора. Все отверстия — ворота, окна, ниши — были обведены мраморными рамками и карнизами. Мы нашли тонкие мраморные карнизики, как в Круглой церкви, с геометрическим орнаментом из ромбиков и квадратиков, из расположенных в шахматном порядке квадратиков с круглыми углублениями в середине — для инкрустации керамическими или стеклянными кружочками.

Дворцы царя Симеона (893—927) не уступали по богатству материалов, по редкому вкусу, с каким подбирались эти материалы, по блеску и богатству дворцам императора Феофила или Василия I в Константинополе. Это были самые прекрасные дворцы, которые вообще строились.

В 1948 г. руководитель раскопок в Преславе, старший научный сотрудник Болгарской академии наук Вера Иванова начала раскопки в 200 м к югу от дворца. На этом месте находились развалины большого здания. Здесь, как и во дворце, археологи обнаружили основания трех турецких печей для изготовления извести. При расширении этих раскопок к юго-западу были открыты основания южных ворот «Внутреннего города», раскопки которого продолжались и в 1950 г. От этих южных ворот шла прямая улица ко дворцу. Ворота в плане походят на открытые в 1905 г. северные ворота и раскопанные ворота «Внутреннего города» в Плиске. С двух сторон прохода, в котором находились ворота, располагались по две прямоугольных башни. В одной из этих башен было обнаружено плоское золотое блюдо (дискос, диаметром в 20,5 см) с литургической византийской надписью.

Эта находка показала, что при будущих раскопках можно ожидать другие ценные находки. Стена к западу от этих ворот уходит до склона холма, где поворачивает на север. Вдоль ее внешней стороны, от ворот до этого угла, были открыты нижние части стен семнадцати одинаковых магазинов, плотно примкнутых к ней. Из них, под руководством младшего научного сотрудника Иорданки Чанговой, летом 1951—1953 гг. были раскопаны восемь магазинов и в некоторых из них были найдены ценные керамические материалы. Совершенно ясно, что постройку такого большого количества одинаковых магазинов нельзя приписать частной инициативе. Все они созданы центральной властью и указывают на ее заботы о развитии промышленности и торговли в Преславе. Близкая связь с оборонительной стеной находит параллель в некоторых древних восточных центрах.

В 1951 г. Вера Иванова начала раскопки интересных развалин у изгиба южной стены «Внутреннего города»— там, где эта стена сохранилась до 5 м высоты, близко к новому монастырю, т. е. к теперешнему музею. Тут были открыты развалины двух церквей, построенных одна над другой. Нижняя, относящаяся, вероятно к IX в. — пятинефная, крестовидная церковь. Верхняя, схожая с большой церковью монастыря в Авра-

даке, повидимому, датируется серединой X в. Ее точный план был выяснен благодаря отпечаткам извести на цоколе, так как стены ее над полом сохранились только в немногих местах. Она относится к типу константинопольских крестовидных церквей «сложного плана». Раскрытие этих двух построек продолжалось и в 1952 г., когда археологи перенесли раскопки ниже, в равнину квартала «Селище», где Вера Иванова начала раскопки церкви большого монастыря. В этой церкви осенью того же года ее ассистенты младший научный сотрудник Станчо Станчев и Лина Георгиева сделали одно из весьма важных открытий, какие можно было ожидать в Преславе: они открыли староболгарскую надгробную надпись в двенадцать строк над могилой какого-то боярина «чергобиля» по имени Мостич, работавшего при царях Симеоне и Петре (их министр) и принявшем монашество в 80-летнем возрасте. Эта надпись, следовательно, древнее памятной надписи родителей царя Самуила (993); она ставит много важных вопросов перед славистами и будет опубликована Верой Ивановой и Станчо Станчевым.

В следующем году в одной из гробничных камер, под полом этой же церкви, Вера Иванова нашла в другой могиле восемь черепиц с короткими надписями, которые означают имена святых и являются еще более старыми, чем эта большая надпись.

В то же время младший научный сотрудник Иванка Акрабова раскопала к югу от Круглой церкви остатки развалин, оказавшиеся мастерской художественной керамики, вероятно, одной из тех, в которых приготовлялась керамика для самой Круглой церкви. Тут было найдено много кусков расписной художественной керамики, а также фрагменты керамических икон, указывающих на то, что керамический образ св. Феодора Стратилата, открытый в Патлейне в 1910 г., не был изолированным явлением. Инвентарь мастерской тоже интересен: были найдены куски олова, служившего для изготовления глазури керамических плиток и пр. По пути к монастырю в Патлейне Иванка Акрабова раскопала две печи для изготовления домашней керамики. Первая из них большая; она состоит в высоту из двух отделений: внизу — печь для разведения огня и наверху — большое куполообразное помещение для обжигания сосудов. Между ними находится решетка с круглыми отверстиями для доступа жара. Вторая печь не имеет решетки, и сосуды ставились на под, как это видно по целому сосуду, найденному в ней; огонь разводился в середине, или вернее, в передней части печи. Обе печи связаны проходом. В них обжигались два различных вида керамики. В первой печи были найдены куски толстостенных светлосерых сосудов, во второй — целый сосуд и куски славянской керамики X в.

Итак, на пути к монастырю в Патлейне, недалеко от реки, находились мастерские для производства домашней керамики. Но под самым монастырем глубоко в горе, около горного потока, Иор. Господиновым были открыты четыре печи для изготовления художественной керамики, причем одна была обращена в месило. Одна из печей круглая, две — прямоугольные. Около них было найдено много кусков художественной декоративной и столовой керамики. Приготовлением этой керамики занимались, вероятно, монахи монастыря.

Обломки домашней керамики, открытые при раскопках в Преславе до 1948 г. включительно, были исследованы Станчо Станчевым [1]. Среди них есть остатки праболгарской керамики «верхнесалтовского» типа.

---

[1] Ст. Станчев. Домашната керамика от Преслав. «Разкопки и проучвания», III.

Встречаются сосуды, продолжающие византийскую керамическую традицию V—VII вв., но их орнамент из толстых горизонтальных выпуклых полосок более плоский. «Значительное преобладание имеют сосуды, в форме, отделке и технике которых мы находим славянскую гончарную традицию»,— пишет Станчев [1]. В то же время в Преславе изготовлялись и глазуровались сосуды, указывающие на новое византийское влияние; были найдены маленькие амфоры типа X в. и обломки сосудов с синевато-зеленой глазурью с красноватым металлическим отблеском арабской глазированной керамики. Эти два последние вида сосудов говорят о широких торговых связях Преслава в ту эпоху.

Преобладание славянской художественной промышленности чувствуется в Преславе очень сильно и в ювелирном деле и в металлических украшениях. Праболгарский обычай носить пояса с металлическими ременными наконечниками и бляшками продолжал существовать во дворце. Н. Ангелов открыл целый комплект таких бронзовых наконечников и бляшек. Однако в X в. характер этого рода изделий изменяется. В моду входят бляшки и наконечники хазарского и венгерского типов. Для Преслава характерны позолоченные тонкие поясные наконечники из меди, украшенные узором в виде длинных веток с симметрично расположенными листиками, похожие на наконечники из Минусинска (Южная Сибирь). Между находками, однако, преобладают предметы со славянским характером. Этот их характер выступает тут гораздо сильнее и ярче, чем на территории СССР, где славяне жили в соседстве с другими народами, носившими подобного рода предметы. В сопоставлении же со старой византийской и праболгарской художественными традициями, славянские художественные изделия резко отличаются от них. Очевидно, что именно со славянством надо связывать обилие подвесок, которые в праболгарских находках в Паннонии и Болгарии вообще не встречаются, а в византийских находках заменены крестами и монетами. Явно, что носителями этих амулетов были славяне, а не праболгары и византийцы. Судя по находкам из Преслава, мы видим, что подвески и амулеты были сильно распространены. Находятся типичные для славян амулеты в форме птиц, как и предметы с противопоставленными конскими головами или конские изображения. Все это, как и браслеты, и гривны из переплетенной проволоки, и плоские серьги в форме полумесяца (височные кольца) с отлитой грануляцией, показывают, что славянская материальная культура в Преславе в X в. находилась в расцвете. Я уже говорил, что в Большом кургане в Плиске нашлись сосуды смешанного славяно-праболгарского типа. Все это показывает силу славянского влияния в столице праболгар в начале IX в. И вместе с тем сохраняются также праболгарские формы и образы. Так, на одной подвеске мы видим странную мужскую голову антропоида, такую же как на кувшинах № 2 и 7 из клада в Начь-Сент-Миклоше, с бородой, с усами, со звериными ушами и пальметтой, похожей на ту, которую мы видим на голове антропоида на кувшине № 7. Несомненно, что это тот же образ, который находится на надгробной каменной плите из Кудыргэ (Алтай) и встречается в аварской и праболгарской художественной индустрии [2]. Он выгравирован на подвеске, а подвесок нет ни в аварских, ни в праболгарских находках. Явно, что в Преславе славянские украшения вошли в быт и моду и отдельные праболгарские образы стали изображаться на славянских по форме

[1] Ст. Станчев. Домашната керамика от Преслав. «Разкопки и проучвания», III, стр. 129.

[2] N. Mavrodinov. Le trésor protobulgare..., стр. 108 сл.

предметах. На другой подвеске, тоже из Преслава, мы видим этого антропоида без пальметты на голове.

Открытие развалин церквей и гражданских зданий в Плиске и Преславе объясняет многое в вопросах архитектуры первой болгарской державы. Во-первых, мы получаем данные относительно хронологии уже известных памятников, находящих себе параллели в новооткрытых зданиях и не стоящих уже изолированно. Мы можем теперь поставить их в группы по характерным признакам и поставить эти группы в одну линию развития, что до сих пор не могло быть сделано. Мы можем теперь говорить определенно об архитектуре времени царя Бориса (852—889), царя Симеона (893—927), времени царя Петра (927—968) или царей западной болгарской державы (972—1018).

Во-вторых, новые памятники раскрывают роль Византии в образовании и развитии этой архитектуры. Они показывают, что эта роль не столь велика, как думали. Действительно, мы находим несколько (4) крестовидных купольных церквей «сложного» константинопольского плана, но большая часть крестовидных церквей имеет «простой» провинциальный план или особенный, также чуждый константинопольскому архитектурному плану. Распространение плана трехнефной бескупольной базилики, также чуждого Константинополю в ту эпоху, и особенно распространение малой «сокращенной» трехнефной бескупольной базилики показывают также обособление архитектурной школы в болгарских центрах. Эти центры имеют некоторые общие планы и формы с Грецией, с одной стороны; с другой стороны, они широко пользуются своим архитектурным наследством — формами эллинистической, римской и доболгарской византийской традиции болгарских земель. Но самым замечательным фактом является то, что все новооткрытые церкви и здания в Преславе сооружены из камня и что в Плиске большая их часть тоже из камня, в то время как в основу византийской архитектуры положен, прежде всего кирпич. Этот факт не так прост, как выглядит на первый взгляд, так как каменная архитектура вызывает нужду в каменных карнизах, в каменных архивольтах дверей и окон, допускает скульптурные украшения и придает зданиям особенный характер. А к тому же, если добавим деревянные церкви и деревянные монументальные постройки, которых в Преславе было, вероятно, много, то увидим, что болгарская столица по своему виду отличалась от чисто византийских центров. Это было вызвано прежде всего различием производственных отношений в двух державах. В Болгарской державе остатки общинно-родового строя и народная традиция в эту первую эпоху феодализма были еще сильны, и это обстоятельство препятствовало полному восприятию византийских планов и форм. Но не следует забывать и то, что Преслав был центром большой молодой славянской культуры, что он переживал свой «золотой век», в котором принимали участие не только писатели, философы и поэты, но и архитекторы, художники и скульпторы. Это чувствуется в памятниках архитектуры. Мы можем установить тут «ренессанс» античных форм, параллельный византийскому, развивавшийся, однако, своими путями. Этому ренессансу мы думаем посвятить особое исследование.

Раскопки в городе Тырнове, который стал столицей болгарской державы в 1186 г. и в 1393 г. подпал под турецкую власть, начались в 1946 г. Главным руководителем раскопок до 1949 г. был автор этой статьи. С 1950 г. руководство перешло к академику Кр. Миятеву. Непосредственно роскопками руководит директор Народного музея в Тырнове Теодор Николов с ассистентами. Местом раскопок я избрал холм Царевец, где были дворцы болгарских царей. К северо-востоку от

вершины холма и у подножья этой вершины стояла раскопанная в 1901 г. цистерна, и около нее в земле были видны развалины стен. Раскопки начались на этом месте и в первом же году дали неожиданные результаты. Никто не мог предполагать, что тут будут открыты остатки таких больших построек. Оказалось, что тут существовал большой дворец, выстроенный над пропастью, обращенный на восток. Вход в него был с северной стороны и охранялся большой башней. Его жилые помещения были обращены к востоку. Сохранились части погребов этих помещений. Вход вел во двор, в глубине которого находилась большая зала, предназначенная, вероятно, для пиров, так как в помещениях за нею были открыты груды костей домашних птиц. В этих помещениях находились кухни, и возле них помещалась большая печь для выпечки хлеба. В глубине был открыт портик, а в юго-западном углу основание церкви, в которой обнаружена часть каменной крышки саркофага. На поверхности крышки была изваяна фигура покойника — вероятно члена царского семейства, так как тут же выгравирован герб — двуглавый орел. Остались в целости только ноги этой фигуры. В 1953 г. в этой части дворца был открыт также и винный погреб. Найденные монеты датируются главным образом XIV в. Керамика глазурованная, византийского типа, характерная для XII—XIV вв. Сосуды украшены гравированным растительным орнаментом и изображениями птиц и различных животных. Этот вид керамики, однако, вырабатывался в Тырново. Попадаются сосуды с монограммами царей Ивана Александра (1330—1371) и Ивана Шишмана (1371—1396). Между обломками я открыл осколок китайской керамики с селадоновой глазурью. Это говорит о проникновении китайской торговли на запад в XIV в. Открытый дворец имеет вид замка. Он уже резко отличается от дворцов в Плиске, Мадаре и Преславе. Это типичный дворец-крепость эпохи полного развития феодализма.

В. ХЕНСЕЛЬ, А. ГЕЙШТОР, К. МАЕВСКИЙ

ПОЛЬСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Предлагаемый очерк об археологических исследованиях в Польше за последние годы написан тремя авторами, следующим образом поделившими между собой тематику: проф. Витольд Хенсель дал характеристику археологических исследований в Польше от палеолита до раннего средневековья, проф. Александр Гейштор сделал попытку оценки работ историков и археологов в области раннего средневековья, наконец, проф. Казимир Маевский собрал сведения о польских исследованиях в области археологии Средиземноморья (античной).

ДРЕВНЯЯ ПОЛЬША ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

При помощи Народного правительства удалось быстро восстановить [1] и развернуть [2] работы польских археологов, продолжить ранее

[1] Проявляется оно также в быстром выходе в свет крупных публикаций, изданию которых помешали гитлеровские оккупанты. Прежде всего следует упомянуть коллективную работу J. Kostrzewski, S. Krukowski, R. Jakimowicz под названием Prehistoria ziem polskich, Kraków, 1939—1948, представляющую собой, несмотря на различные недостатки, наиболее серьезное исследование по археологии Польши; другая работа L. Durczewski. Grupa górnośląsko-małopolska kultury łużyckiej w Polsce, части I—II, Kraków, 1939—1948 и S. Nosek. Kultura grobów skrzynkowych i podkloszowych w Polsce południowo-zachodniej, Kraków, 1946. Упомянем также переиздание т. XVI Wiadomości Archeologicznych и издание т. XVIII Światowit, состоящего в большей части из материалов исследований предвоенного времени.

[2] Выявилось оно и в создании новых университетских кафедр в Лодзи, Торуне и Вроцлаве, организации двух археологических музеев в Лодзи и Познани (наряду с ранее существовавшими в Варшаве и Кракове) и археологических отделов в общих музеях и особенно в создании Управления по исследованиям о возникновении Польского государства, на базе которого в 1953 г. в Польской Академии наук был создан Институт истории материальной культуры. Значительно возросли возможности публикации различных работ. Наряду с периодическими изданиями серий, относительно давно существующих, нужно упомянуть такие, как Archeologia, Sprawozdania Państwowego Muzeum Arch., Fontes Praehistorici, Acta Archeologica, Biblioteka Muzeum Archeologicz. w Łodzi. В скором времени предполагается реорганизация археологических изданий в Польше.

Сильно вырос общественный интерес к археологическим исследованиям в Польше, в связи с чем появились различные популярные работы. Из них наиболее важная J. Kostrzewski. Pradzieje Polski. Poznań, 1949. Новые условия привели к осознанию потребности написания истории первобытной Польши с позиций исторического

начатые археологические исследования и начать новые. Помощь Народного правительства и энтузиазм польских археологов дали возможность начать исследования многих стоянок в размерах, до сих пор в Польше невиданных, и увеличить самое количество мест раскопок. Нельзя отрицать, что вначале раскопки производились по старой системе, частями и бесплановo. Постепенно, однако, в связи с происходящей методологической перестройкой польской археологии, а также используя богатый опыт советских археологов, мы начали понимать необходимость исследований на основе определенного исследовательского плана. В этом деле наилучших результатов достигло Управление по исследованиям о возникновении Польского государства. Опыт и достижения этого учреждения помогли сломить сопротивление некоторых исследователей. Таким образом, в 1953 г. удалось в пределах ИИМК ПАН, впервые в истории польской археологии, создать общепольский исследовательский план, обнимающий целиком всю проблематику от палеолита до раннего средневековья.

Большим достижением является крупный сдвиг в исследовательской проблематике, что привело как к большей углубленности выводов, так и к расширению социально-экономической тематики в исследованиях. Результатом борьбы за новую сущность польской археологии был все более очевидный, особенно начиная с 1949—1950 гг., переход на позиции исторической науки, что сказалось также и в отказе от антиисторического термина prehistoria.

Широкое обсуждение методики полевых исследований привело к значительному улучшению в деле научного изучения археологических памятников и прежде всего их документации. Достигнутые в этой области успехи не снимают необходимости продолжать борьбу за улучшение этой методики, в частности, это необходимо в отношении более глубокого использования данных естественных и технических наук для лучшего и наиболее рационального изучения исторического процесса.

В исследованиях, проводившихся в Народной Польше в течение 1944—1945 и 1953 гг., наибольшее внимание было уделено раннему средневековью, изучением которого пренебрегали в капиталистической Польше. Тем не менее польские археологи не оставляли без внимания и более древние памятники, изучение которых дало существенные результаты, позволившие по-новому подойти к ряду проблем, относящихся к истории польских земель в древности. Кроме того, была начата обработка материалов из старых раскопок. В некоторых случаях оказалось, что дальнейшая задержка обработки этих материалов могла привести к полной потере их научной ценности, как это уже произошло с частью находок, особенно в результате войны.

Исследования польского палеолита в послевоенный период производились главным образом четырьмя учреждениями, а именно Государственным Археологическим музеем в Варшаве, сектором Предистории Четвертичного периода (1949—1953), Археологическим музеем в Лодзи, а в 1953 г. ИИМКом. В 1954 г. Институт Предистории Четвертичного периода был переименован в сектор Палеолита и представляет собой часть ИИМКа ПАН.

В последние годы удалось получить интересные результаты в области

материализма. Первая попытка этого рода принадлежит С. Подковиньской, написавшей работу под названием Człowiek przedhistoryczny na ziemiach polskich Новейшее обобщение дал в большой работе польский историк К. Тымieniecki Ziemie polskie w starożytności, известную часть которой подверг критике К. Majewski w Kwart. Hist., t. LX, № 1, 1953, стр. 202—210.

изучения как раннего (нижнего), так и верхнего палеолита [1]. Польша представляет собой страну, где существуют особенно благоприятные условия для исследования палеолита, поскольку в ней имеется значительное количество пещер (около 1000), лёссовых отложений и песчаных выдувов.

В 1950 г. во время археологических работ, проводившихся с целью исследования памятников раннего средневековья в Вавеле, на территории королевского замка, на возвышенности, сложенной из верхнеоксфордского скалистого известняка, доминирующего над долиной Вислы и ее притока Будавы, была обнаружена полоса карстовых воронок. Всего исследовано их 60; из них 37 содержали кремневые изделия. Изделия эти, по мнению Людвика Савицкого, исследовавшего этот памятник, должны происходить из других мест и осели в воронках, вероятно, под влиянием делювиальных процессов. В смысле техники изготовления кремневый инвентарь был разнообразным. Л. Савицкий выделил в нем предметы, техника обработки которых характерна для верхнеашельского, левалуа, мустьерского и протоориньякского производства. Исследователь утверждает, что «присутствие этих элементов не является результатом механического смешения частей различных производственных комплексов, а является доказательством сосуществования различных техник — сколотой — первобытной и сколотой — тесаной левалуа, представляющих протоверхнепалеолитический этап производства кремневого полуфабриката и кремневых орудий». Кремневый инвентарь вавельской возвышенности может быть понят, по мнению того же исследователя, «как производственная смесь верхнеашельско-левалуа с примесью микокских элементов. Из до сих пор известных стоянок нижнего палеолита в Польше этой стоянке близки пещерные стоянки «Окенник» и «Цемна». Понятно, что еще слишком рано обобщать достигнутые результаты и, особенно трудно это ввиду отсутствия специальной публикации стоянки (теперь она подготовлена к печати); однако культура этой стоянки, если отбросить мысль о возможности механического смешения, подчеркивает сосуществование разнородной техники обработки кремня. Поэтому находки в карстовых воронках представляют исключительный интерес с различных точек зрения и позволяют понять сложную проблему развития человеческих групп в нижнем палеолите. Трудно стать на точку зрения, что это наличие различных технических приемов является доказательством обмена опытом между различными нижнепалеолитическими группами.

За последнее время сделан ряд интересных открытий в области палеолита в Кракове. Исследования на Звежинце обнаружили существование отложений, содержащих ашельские и ориньякские остатки. Среди последних имеются и обсидиановые орудия. Проведенные здесь наблюдения доставили также ценные сведения относительно процессов образования лёсса. Было установлено несколько уровней деформации поверхности и оползания грунта вследствие оттаивания поверхностного слоя. Уровни эти указывают на существование перерывов и климатических колебаний в палеолите Существование их установлено со всей точностью впервые только во время работ на Звежинце.

Важные результаты были достигнуты при исследовании лёссовой среднеориньякской стоянки в местности Гура Пулавска (пов. [2] Козинец)

---

[1] Из работ по палеолиту следует упомянуть L. S a w i c k i. Rozwój badań w zakresie prehistorii czwartorzędu w Polsce (Sprawozdania PMA, т. II, стр. 13—30). E r o ж e. Stan badań nad wiekiem człowieka kopalnego w Polsce. Acta Geologica Polonica, vol. III, 1, 1953, стр. 171—189, здесь же указана важнейшая литература предмета.

[2] Повет или повят (пов.) — административная единица в Польше.

Можно предполагать, что среднеориньякская стоянка Гура Пулавска относится к интерстадиальному времени и, по Людвику Савицкому, охватывает период времени между I и II среднепольским оледенением.

Кроме того, производились исследования в различных пещерах и скальных убежищах. В убежище «Под Окнем», Стшегово пов. Олькуш, был обнаружен культурный слой, содержащий остатки ранней ориньякской культуры. Кремневые орудия были изготовлены из местного материала, тщательно отобранного с точки зрения его полезной ценности. Л. Савицкий выдвигает даже предположение, что кремень добывался горным способом. Наконец, впервые в истории польской археологии были обнаружены костные остатки человека, относящиеся к позднему палеолиту. Открытие было сделано во время земляных работ во Франках Суходольских (пов. Кутно).

Большим достижением, позволяющим вести дальнейшие систематические исследования, является описание около 1000 пещер, из которых многие содержат палеолитические остатки. Описание этих пещер опубликовано в трех томах в 1951—1954 гг. [1]

Наши знания о польском мезолите обогатились открытием до сих пор неизвестных для этого времени жилищ, на дюнной стоянке в Конине на Варте, относящейся к тарденуазской культуре. Здесь открыт ряд жилищ столбовой конструкции.

В текущем году было опубликовано первое на польской территории тарденуазское погребение, открытое в Янославицах в пов. Скирнивицком. Благодаря богатому инвентарю оно позволяет познакомиться с занятиями, верованиями и средой, в которой жил мезолитический человек в Польше [2].

Значительно пополнились наши знания о неолите — той археологической эпохе, когда в экономике первобытных народов произошли коренные изменения.

Исследованиями, производившимися на территории Куявии, а также в Велькопольше, было выявлено существование богатых поселений племен ленточной керамики. В Бискупине (пов. Жнин) были обнаружены остатки большого жилища, похожего на ранее известные в Добром в пов. Нешавском и в Вжешне Куявском. В этой же местности были обнаружены погребения с трупоположениями, в которых были найдены богато украшенные костяные наплечники и ожерелья из раковин Spondylus. Не исключено, что эту находку следует связывать с одной из так называемых придунайских культур. Большое поселение ленточной керамики было обнаружено в Стшелках (пов. Могильно). Интересные наблюдения над развитием культур ленточной керамики были сделаны на территории Малопольши. Здесь были обнаружены остатки керамики со скульптурными украшениями (Иголомия). В этой же местности было открыто коллективное погребение, содержавшее останки одного мужчины, двух женщин и двух детей. Мы не уверены, что эти погребения принадлежат к культуре ленточной керамики; сохранность погребения не позволяет также судить об обстоятельствах, при которых было совершено это коллективное захоронение. Но во всяком случае этот факт не исключает возможности отнесения возникновения патриархата по крайней мере к среднему периоду польского неолита. Были найдены также новые интересные материалы для выяснения развития племен культуры лучеобразной (promienistej)

[1]. K. Kowalski. Jaskinie Polski. Warszawa, 1951—1954.

[2]. M. Chmielewska. Gròb kultury tardenoaskiej w Janisławicach, pow. Skierniewice. Wiad. Archeol., т. XX, 1, стр. 23—48. Антропологическое описание в том же томе, стр. 49—66.

керамики. К наиболее интересным следует относить исследования, проводившиеся в связи со строительством Новой Гуты, а особенно в Выценже под Краковом.

Существенные результаты дали исследования истории развития племен воронкообразных кубков. Особенного внимания заслуживают раскопки на поселении в Цмелеве (Опатовский пов.), расположенном по соседству с известными кремневыми копями (Кшеменки, пов. Опатов). Раскопками З. Подковиньской [1] исследовано обширное поселение, на котором были как многосемейные дома с несколькими очагами, так и односемейные землянки. В этом поселении изготовлялись топорики из добывавшегося поблизости кремня. Изучение костных остатков показало, что в поселении было съедено большое количество молодого скота, который местное население, может быть, выменивало у других племен на топорики. Зоолог проф. Крысяк предполагает, что некоторые из костей могли принадлежать бычкам. Исследования в Цмелеве еще не закончены, однако уже по добытому материалу видно, что в это время возросло значение домашних животных и не исключено, что их применяли при обработке земли. Наряду с гипотетическим наличием костей быков, подтверждает это предположение изображение двух быков под ярмом, на ручке сосуда, связанного с культурой воронкообразных кубков. Находка эта была сделана С. Носеком в Кренжнице Ярой (пов. Люблин). Подтверждают это также медные фигурки волов из Битиния (пов. Познань) из старых находок.

В местности Ляс Стоцки (пов. Любель) исследован могильник культуры воронкообразных кубков, содержавший 32 погребения, главным образом одиночные трупоположения [2]. В качестве исключения, в одном из погребений были обнаружены три скелета и одно погребение содержало трупосожжение. Последние, как известно, лишь очень редко встречаются в погребальном обряде культуры воронкообразных кубков. В одном из погребений встретились с интересной особенностью, а именно, с воткнутой в яму костью левой руки, отрезанной в плечевом суставе; возможно, что была отрезана также и кисть руки, кости которой были обнаружены разбросанными под черепом.

На Куявах проводились исследования куявских могильников. Наибольшим достижением явились раскопки курганов в Сарнове (пов. Влоцлавек), где было раскопано шесть курганов из девяти известных в этой местности. Исследования в Сарнове и других местах позволили выдвинуть положение, что куявские могильники принадлежали не племенам культуры шаровидных амфор, а племенам культуры воронкообразных кубков. Племена же культуры шаровидных амфор хоронили своих покойников в уже существовавших курганах культуры воронкообразных кубков. Установление этого факта, в связи с другими наблюдениями, имеет важное значение для характеристики уровня социально-экономического развития племен культуры воронкообразных кубков, за местное происхождение которых говорят вновь открываемые материалы. Итог состояния знаний о куявских могильниках был подведен в работе В. Хмелевского «Проблема куявских могильников в свете последних исследований» (Лодзь, 1952).

Для знакомства с неолитом большое значение имели раскопки могиль-

[1] Изложению результатов, полученных там, посвящены 2—3 вып. т. XVII, Wiad. Archeol. Warszawa, 1950.

[2] Итоги исследований о племенах культуры воронкообразных кубков на Любельщине содержатся в работе L. Gajewskiego. Kultura czasz lejowatch między Wisłą a Bugiem. Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska, Sectio F., vol. IV, 1949, Lublin, 1952/53.

ников культуры шаровидных амфор на территории Любельщины. Лучше исследованы три могильника в местности Ляс Стоцки (пять погребений), Пархатке и Клементовицах. В Ляс Стоцком в одном из погребений рядом со скелетом были обнаружены кости разбитого и обожженного человеческого черепа, свидетельство каннибализма. Впервые в Польше были обнаружены в Пархатке, рядом с костями двух человек, а в Клементовицах рядом с костями одного, в одной каменной ограде скелеты двух телят. На другом могильнике в Клементовицах было раскопано коллективное погребение, содержавшее скелеты четырех человек: молодого мужчины, молодой женщины и двух стариков. Не исключено, что часть похороненных была убита в связи со смертью молодого мужчины.

Подвинулись вперед и наши знания в области различных проблем, относящихся к первому и второму периодам эпохи бронзы в Польше[1]. Особенного упоминания заслуживают продолжавшиеся исследования двух курганных могильников в Малых Ленках, пов. Косьян (Велькопольша) и Лубна (пов. Серадз). Раскопками в Малых Ленках был вскрыт унетицкий курган с четырьмя погребениями, относящимися к первому периоду эпохи бронзы. В центральном погребении, содержавшем, вероятно, захоронение мужчины и женщины, были найдены бронзовый кинжаловидный чекан, бронзовая булавка, такой же топорик и кинжал, два бронзовых наплечника, спиральная золотая подвеска и шесть глиняных сосудов. Богатый инвентарь имело и другое погребение, в котором из бронзовых вещей были найдены: кинжал, долото, пластинка, две булавки и три золотых подвески, две янтарных бусины и четыре глиняных сосуда. В поле кургана были обнаружены несколько черепов молодых лошадей и кости других животных, что свидетельствует о том, что разведение домашних животных у племен унетицкой культуры играло весьма существенную роль. Судя по наличию богатых курганных погребений, можно говорить также о дальнейшем развитии патриархата.

Ценные данные были получены при раскопках курганов тшинецкой культуры в Любне, где были обнаружены погребения с богатым инвентарем[2]. Результаты этих раскопок были использованы как для установления хронологии тшинецкой культуры (выяснено, что она относится к первому и ко второму периодам эпохи бронзы), так и для выяснения ее генезиса и роли в формировании лужицкой культуры. Особенного внимания заслуживает наблюдение, что племена тшинецкой культуры принимали в формировании лужицкой культуры по меньшей мере такое же участие, как и племена предлужицкой культуры, что́ существенно изменило прежние представления об этом периоде.

В относительно меньших масштабах велись исследования на различных стоянках лужицкой культуры[3]. В этой области наиболее интересные результаты принесли продолженные Раевским раскопки известного укрепленного поселения лужицкой культуры в Бискупине[4]. Особенно

---

[1] S. Nosek. Zagadnienia Praslowiańszczyzny w świetle prehistorii (Swiatowit, t. XIX). K. Jażdżewski. O zagadnieniu początków kultury łużyckiej (Slavia Antiqua, t. I, 1948, стр. 94—151). T. Reyman. Dokumentar. wartości odkryć w kopcu wschodnim w Rosiejowie (Slavia Antiqua, т. I, стр. 42—83).

[2] A. Gardawski. Niektóre zagadnienia kultury trzcinieckiej w świetle wykopalisk w miejscowości Łubna, pow. Sieradz (Wiadomości Archeolog., т. XVIII, стр. 1—84).

[3] Проблемой возникновения лужицкой культуры, кроме С. Носека и К. Яжджевского, занимался А. Żaki. Początki rozwoju kultury łużyckiej w dorzeczu górnej Wisły. Lublin, 1950.

[4] В 1950 г. был опубликован Sprawozdanie PMA, т. III о раскопках в Бискупине в 1938—1939 и 1946—1948 гг.

важным было установление строительных периодов, вида ворот и въезда в укрепленное селище и установление времени существования последнего. В связи с этими исследованиями были найдены ценные источники, позволявшие глубже вникнуть в экономическую и общественную структуру «лужицких» племен. Следует еще добавить, что находки в Бискупине позволяют предполагать, что в экономике племен, населявших Польшу, в это время начинался перелом, обусловленный все нарастающим переходом от подсечно-огневого мотыжного земледелия к пашенному. Удивляет, что еще относительно большую роль в качестве орудий играют каменные топорики. Но в последнее время в Бискупине был найден клад железных вещей в глиняном горшке, состоящий из различных украшений и орудий. Эта находка, наряду с другими, свидетельствует о том, что во всяком случае на рубеже гальштатского и латенского периодов «лужицкие» племена начали использовать местные руды[1]. Последние исследования выяснили, что в это время в Велькопольше (Коза Велька, пов. Кемпно) употреблялись печи для выплавки железа. Понятно, что из этого факта не следует делать далеко идущих выводов и утверждать, что местное производство железа в значительных размерах существовало у всех племен лужицкой культуры.

Предметом исследований явилось городище лужицкой культуры на Сленже (Нижняя Силезия), где была вскрыта известная часть окружающего его мощного каменного вала.

Объектами раскопок были и различные могильники так называемой поморской культуры. Наибольшие результаты дали раскопки могильника в Соколовицах, в Косьцянском повете, где были вскрыты погребения раннего и среднего периодов латена[2]. Особенно интересны относящиеся к последнему подпериоду, так как они свидетельствуют о постепенном преобразовании формы захоронений и формировании типов, которые будут характерны для культуры ямных погребений. Они показывают, что мы имеем дело с одним и тем же славянским народом и в первом, и во втором периоде, с преобразовавшимися, однако, вследствие изменений в базисе, надстроечными явлениями. Дальнейшие обоснования изложенного выше тезиса дали исследования в Збежине (пов. Срода), где было обнаружено погребение с сосудами позднелатенского времени. Раскопочные работы, ведшиеся в Подленже (пов. Бохня), также принесли новые ценные источники, показывающие процесс развития того же самого славянского народа на территории южной Польши, по крайней мере со времени среднего латена.

В процессе раскопок на ряде стоянок были обнаружены следы кельтской культуры. Типично кельтская крашеная керамика была обнаружена под Краковом в Тыньце и на территории великой социалистической стройки города Новая Гута, в Подленже (пов. Бохня) была вскрыта гончарная печь (1953 г.), наполненная фрагментами керамики, изготовленной на гончарном круге, в том числе и крашеной, что указывает на местное производство этих сосудов. На территории стройки Новая Гута открыта гончарная куполообразная печь, заполнение которой составляли между прочим обломки сосудов, сделанных на гончарном круге, чаще всего из глины, содержащей примесь графита. Кельтский характер имеет и городище в Познаховицах Гурных (пов. Мысленец), находящееся

[1] Вопросам металлургии у племен лужицкой культуры посвятил две статьи J. Kostrzewski (Przegląd. Archeol., т. IX, стр. 177—213; «Slavia Antiqua», t. IV, 1953).

[2] L. Łuka. Cmentarzysko z wczesnego i środkowego okresu lateńskiego w Sokołowicach, pow. Kościan (Fontes Praehistorici, t. III, Poznań 1953, стр. 98—149).

рядом с другими известными уже раньше в Новой Церкви (пов. Глупчиск), где ранее была открыта куполообразная гончарная печь. В Силезии была вскрыта часть могильника, содержащая погребения, имеющие кельтский характер. И, наконец, новые открытия на Куявах показали и для этого района наличие большего количества, чем до этого времени было известно, кельтских остатков.

Недостаточный объем исследований стоянок с кельтской культурой не позволяет сказать, следует ли толковать кельтские изделия в Польше как свидетельство пребывания в последних веках до н. э. здесь кельтов, или, что вероятнее, мы имеем дело с сильным кельтским влиянием на славян, живших на территории Силезии, Малопольши и Куявии.

Встает также вопрос, можно ли для этого времени говорить о каком-то установившемся кельтском проникновении или оно носило форму грабительских походов и нападений.

Вместе с тем не вызывает сомнения тот факт, что связи славян с кельтами облегчили быстрое социально-экономическое развитие славян, что проявляется особенно в области металлургии (кузнечество) и, вероятно, гончарства. Указывают на это также и проводившиеся в последнее время в Польше исследования в области так называемого римского периода.

Раскопки некоторых стоянок римского периода включены в рамки исследования по теме возникновения польского государства, с целью углубления анализа процесса распада родового общества и образования классов. В первый раз было обращено внимание на отмирание родового строя, на существование в это время еще не созревших полностью элементов рабовладельческого строя и зарождение феодальных элементов.

Исходя из этого, особенное внимание было обращено на раскопки поселений и могильников. В значительно больших размерах, чем раньше, были продолжены исследования в районе Иголомии, известного ремесленного поселения с гончарными печами.

Во время работ выяснилось, что на прикраковских территориях мы встречаем гончарные печи уже с латенского периода (см. выше), но до сих пор не установлена непрерывность этого явления, ибо в дальнейшем печи в большом количестве появляются только в III римском подпериоде. Можно надеяться, однако, что в будущем удастся обнаружить печи второго подпериода. Вместе с тем в этом районе было обнаружено девять железоплавильных печей, относящихся ко второму римскому подпериоду. Римским периодом датируются также большие комплексы печей, открытых на территории Силезии. Наличие их указывает на значительный рост местного производства железа, который был связан с общим интенсивным развитием производительных сил, с которым мы в это время имеем дело в различных местах Польши. Исследования на территории Иголомии выявили дальнейшее существование гончарных печей. Таким образом, подтвердилось старое представление о существовании в III римском подпериоде на территории Иголомии крупного гончарного производственного центра, охватывающего много десятков гончарных печей. Не удалось, однако, достаточно исследовать само поселение гончаров. Правда, было обнаружено несколько жилищ, но их интерпретация сильно затруднена из-за очень плохой сохранности. Не обнаружены предметы, которые позволили бы с уверенностью, а не гипотетично определить время существования гончарного центра в Иголомии. Типологический анализ посуды, заполнявшей гончарные печи, позволяет датировать их равным образом как IV веком, так и двумя столетиями позднее. Единственно, о чем можно говорить с уверенностью, это то, что запустение поселения и прекращение производства глиняной посуды на гончарном круге в широких размерах

наступили в результате каких-то внезапных событий. Понятно, что при таком положении вещей определение точной даты позволило бы правильно подойти к изучению развития Южной Польши. Поэтому продолжение исследований Иголомии имеет большое значение для познания различных сторон исторического процесса в древности в этой части Польши.

Ученые стремились определить местоположение упоминаемой Птоломеем Калисии. В течение ряда лет Управлением по исследованиям о возникновении Польского государства велись раскопки на территории современного города Калиша на Просне, возможной древней Калисии. До сих пор не удавалось обнаружить поселения, которое соответствовало бы упоминаемому Птоломеем. Тем не менее необычное скопление римского импорта в районе Калиша, между прочим выступающее на двух могильниках вблизи этого города (Пивонице и Задовице), все более отчетливо, наряду с другими предпосылками, указывает на то, что именно здесь следует локализовать Птоломеевскую славянскую торговую факторию Калисию. Свои функции она должна была исполнять не только во II веке, но наверное и позднее. Открытия в Калише позволяют предполагать здесь существование торжищ в III в. н. э.

Упоминая о Калисии следует обратить внимание на то, что в течение последних лет большое внимание было уделено вопросам о римском импорте. Заслуживает внимания анализ находок римских вещей в Польше и изучение роли этого привоза для ее развития. Правильное объяснение этого явления облегчает понимание развития техники, а равным образом и развитие базиса и надстройки.

Наконец, предметом исследований были объекты, относящиеся к этому же времени, прежде всего различные поселения и могильники. Наибольшие могильники за последнее время исследованы в Вымыслове (пов. Гостынь) и в Млодзикове (пов. Срода). Первый из них уже полностью опубликован [1]. Особенно много «римских» вещей было обнаружено в могильнике, исследованном в Лахмировицах на Куявах. Интересно содержимое «княжеского» погребения из Ленга Пекарского (пов. Турек), где найдено значительное количество римских вещей и между прочим стеклянный сосуд. Погребение это относится к началу римского периода и содержало трупосожжение в противоположность уже известным в этой местности погребениям (с богатым инвентарем) с трупоположением. Это обстоятельство еще более подкрепляет предположение о том, что в богатых погребениях Ленга Пекарского мы имеем дело с захоронениями славянской племенной верхушки. Существование имущественной дифференциации подтверждает принятое всеми польскими археологами предположение о том, что в римское время мы имеем дело с сильно продвинувшимся вперед общественным развитием славянских племен.

Свидетельством происходящего перелома в методологии польской археологии явились дискуссии по поводу опытов периодизации, разработанных сначала для римского и раннесредневекового периодов [2], а затем и для всей первобытной и раннефеодальной истории [3].

[1] St. J a s n o s z. Cmentarzysko z okresu późno-lateńskiego i rzymskiego w Wymysłowie, pow. Gostyń (Fontes Praehistorici, vol. II, стр. 1—284). Результаты раскопок большого могильника в Конине опубликованы Przegląd. Archeol., t. VII, стр. 192—294. В Wiadomości Archeol., t. XVIII, A. N a d o l s k i опубликовал материалы позднелатенских могильников культуры ямных погребений в Глензенувке и Бжозовке.

[2] A. G i e y s z t o r. Polskie badania wczesnodziejowe w r. 1950 (Przegląd Zachodni, r. VII, стр. 193—194).

[3] Wł. H o ł u b o w i c z. Zagadnienie periodyzacji dziejów społeczeństwa przedklasowego na terenie Polski (Sprawozdania PMA, t. IV, z. 1—2, 1951, стр. 1—16). W. H e n s e l. Próba periodyzacji najdawniejszych dziejów ziem polskich (Sprawozdania PMA, t. IV, nr. 1—2, стр. 17—36).

Среди итоговых работ польских археологов, наряду с попытками написать историю всей Польши, мы встречаемся также с работами, относящимися к отдельным районам. Имеются здесь работы типа описательных [1], а равным образом попытки взглянуть на историю отдельных районов на фоне исторических процессов, протекавших на территории всей Польши [2].

Много усилий было приложено к разработке проблемы этногенеза славян. Вышел из печати ряд как мелких, так и более крупных публикаций, подготовленных как археологами [3], так и специалистами других дисциплин, главным образом языковедами [4]. Большинство из них дали много ценного материала, подтверждающего тезис об автохтонности славян на пространстве между Одером и Днепром.

Относительно много внимания было посвящено вопросам связей славян с другими народами. Особым предметом исследования был вопрос об отношениях славян с германцами [5].

Не чужды были польским археологам проблемы, связанные с общей (первобытной) археологией. Понятно, что больше всего внимания было сосредоточено на вопросах, связанных с развитием соседних племен. Что касается этого периода, то здесь особенно следует упомянуть работы, опубликованные в журнале Archeologia.

Польские археологи имеют известные достижения и в области истории техники. Кроме упоминавшихся уже нами выше работ, относящихся к узким хронологическим отрезкам, здесь следует отметить работы Вл. Голубовича, посвященные технике производства глиняных сосудов [6].

Наконец, появились первые попытки [7] представить итоги исследований. Была проведена научная конференция, посвященная критическому обсуждению достижений польских археологов [8].

Независимо от запланированных работ, польские археологи за последнее время провели исследования на многих стоянках, подвергающихся разрушению. В ряде случаев эти работы дали очень важные материалы, позволяющие лучше понять исторический процесс. К числу наиболее крупных работ этого типа следует отнести работы, которые проводились в районе великой социалистической стройки города Новой Гуты и комбината им. Ленина. Работы эти из спорадических превратились в регулярные раскопки, производившиеся специальной постоянной исследовательской наблюдательской группой в Новой Гуте и были таким образом организованы, что участки, отведенные под застройки, предварительно в значительной мере оказываются исследованными археологами. Близкое сотрудничество со строителями Новой Гуты, забота рабочих о памятниках народного прошлого привели к тому, что наука получила с этой территории целый ряд первоклассных находок, о которых частично мы уже писали выше.

---

[1] M. Piaszykówna. Pradzieje miasta Poznania. Poznań, 1952.

[2] W. Hensel. Poznań w starożytności i we wczesnym średniowieczu (Przegląd Zachodni, r. 1953, nr 6/8, стр. 14—100). K. Jaźdźewski. Przewodnik po Muzeum Archeologicznym w Łodźi. Łódź, 1951.

[3] J. Kostrzewski. Prasłowiańszczyzna. Poznań, 1946 i K. Jażdżewski. Atlas do pradziejów Słowian. Łódź, 1948.

[4] T. Lehr-Spławiński. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946. Работы того же автора, опубликованные в разных изданиях; последняя — в ежегоднике «Slavia Antiqua», t. IV, стр. 1.

[5] W. Hensel. Ук. соч., стр. 52. Там же библиография по этому вопросу.

[6] Wł. Hołubowicz. Garnczarstwo wiejskie zachodnich terenów Białorusi. Toruń, 1950.

[7] J. Kostrzewski. Dzieje polskich badań prehistorycznych. Poznań, 1949.

[8] В 1951 и 1953 гг. с докладами Вл. Антоневича, В. Хенселя, К. Яжджевского и З. Раевского.

Быстро развивающиеся археологические исследования, с которыми мы имели дело в Народной Польше за последнее десятилетие в области изучения прошлого нашей страны в эпоху первобытного общества, не всегда могли касаться наиболее важных проблем. Неоднократно, особенно в 1945—1950 гг. (а частично даже и позднее) раскопочные работы определялись не историческими задачами, а потребностями увеличения музейных коллекций. Этот недостаток следует рассматривать как частичное сохранение не вполне изжитых вещеведческих тенденций. Известная методологическая слабость может быть отмечена для некоторых археологических работ, появившихся за последнее время в Польше. В них наблюдается недооценка разработки социально-экономических вопросов, а в полевых исследованиях — увлечение раскопками могильников за счет исследования поселений.

В области изучения палеолита излишне много места уделялось геологической проблематике и мало обращалось внимания на исследование исторического процесса. Не сумели в этой области сохранить правильную пропорцию, которая позволила бы нам творчески рассмотреть историю наиболее древних человеческих групп в Польше. Частично это было результатом частных интересов отдельных исследователей, а также того факта, что в разные периоды истории польской археологии исследования палеолита были органически связаны с геологическими учреждениями.

Несмотря на эти недостатки, с которыми все с большим успехом борются польские археологи, нужно отметить, что за время существования Народной Польши, благодаря всесторонней помощи народной власти и вследствие лучшего изучения марксистской методологии, а также благодаря творческой помощи советских археологов, археологические исследования в области первобытности приняли размеры и дали результаты, небывалые до сих пор в истории польской археологии как в полевых исследованиях, так и публикациях.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1. Проблематика исторических, а вместе с тем и археологических исследований польского раннего средневековья касалась, прежде всего, вопросов возникновения польского государства и генезиса феодализма на территории Польши. В течение нескольких лет наша наука борется за поднятие методологических основ комплексных исторических исследований, стремясь выбраться из несомненного упадка науки междувоенного времени.

Актуальность вопросов, касающихся возникновения классового общества и государства в Польше, нашла свое выражение в обширной послевоенной научной литературе, которая вначале исходила из прежних позиций. Однако по мере строительства социализма, в нашей стране изменяются взгляды и в этих вопросах. Удалось осуществить сотрудничество между историками, археологами и языковедами и добиться хороших результатов как путем совместного обсуждения плана работ, так и путем проведения самих исследований. Значительно продвинулась вперед источниковедческая работа в изучении археологических и письменных источников. Однако наиболее важным является применение марксистско-ленинской методологии в области изучения исторического процесса и периодизации. В результате этого радикально изменились цели археологических исследований.

Работы главного центра исследований в области раннего средневековья — Управления по исследованиям о возникновении Польского государства — были обусловлены развитием исследовательской тематики. Это облегчило процесс перехода лиц, работающих в этой области, на позиции исторического материализма. Этот процесс перехода продолжается и до сих пор, обнаруживая тем самым некоторое отставание нашей исторической и археологической науки, недостаточное овладение новой методологией, необходимость более тесного контакта с советской наукой для развития новых методов и приемов исторического исследования.

2. Надлежащая постановка этого дела оказалась возможной только в результате усвоения теории исторического материализма. Оно осуществляется как путем изучения произведений классиков марксизма-ленинизма, так и изучением результатов, полученных советскими исследователями, работающими над подобными проблемами. Советская историография в конкретных исследованиях продемонстрировала важность применения учения о социально-экономических формациях, о сущности государства, о нациях и народностях, о базисе и надстройке. Она показала нам, как в огне критики и дискуссий выкристаллизовываются взгляды на узловые вопросы исторического процесса, например, на вопрос о происхождении феодализма на Руси, о сущности феодального государства. Наши работы последнего пятилетия во многом обязаны работам наших советских коллег, которые также занялись вопросами периодизации истории Польши.

3. Работы в области исследований раннего средневековья сводятся главным образом к сборам новых археологических материалов. В дискуссиях, проводимых на конференциях Управления по исследованиям в Варшаве 10—13 декабря 1949 г., в Кракове 18—20 декабря 1950 г., во Вроцлаве 7—10 декабря 1951 г., в Гданске 6—9 декабря 1952 г. и др., были рассмотрены методы и результаты проведенных раскопок, а также намечены пути для дальнейших исследований. Эти собрания приобрели характер семинаров, имеющих большое значение как для развития этих исследований, так и для воспитания кадров молодых исследователей.

Раскопочные работы дали громадный археологический материал, в полной мере оценить значение которого для науки будет возможно только после публикации всего материала. Полученные сведения с мест работы и научные отчеты, опубликованные в Materiał. wczesnośredniow и в Stud. wczesnosrediow, уже позволяют представить себе, по каким проблемам нашей истории получен новый археологический материал.

Благодаря новым исследованиям археологических памятников первых веков нашей эры мы яснее представляем себе процесс распада родового общества. Помимо раскопок в Калише, о котором, как известно, сообщают уже римские источники I в., и работ на имеющем интересный инвентарь могильнике II—III вв. в Лахмировицах в Гопле, наибольшие усилия были направлены на исследование железоплавильных печей в Иголомии под Краковом и в районе Новой Гуты (см. выше).

Мы располагаем также новым археологическим материалом и по вопросу о возникновении территориальной общины, которую можно искать в опольной организации, известной по письменным источникам.

Новый материал принесли раскопки в Бискупине, где рядом с давно известным первобытно-общинным поселением был обнаружен раннефеодальный городок IX в. с окружающими его ремесленными поселениями. Равным образом и исследования городища в Старом Бродне под Варшавой,

относящегося к X—XI вв., выяснили его раннефеодальный характер, связанный с упоминавшейся опольной организацией, которая в данном случае оставила след в названии соседней местности — Ополица.

Изучение генезиса этих первых феодальных форм, появляющихся в VIII—IX вв., а возможно и раньше, как позволяют полагать результаты раскопок в Ленчице, дают основание думать, что между V и VII вв. наступили коренные изменения в производственных отношениях.

Благодаря археологическим исследованиям, главным образом работам, проведенным в течение последних четырех лет, мы можем уяснить себе этот новый этап развития. Совершенно ясно выступает характерный для этого времени подъем производительных сил. Это имеет основное значение для формирования социально-экономических отношений в начинающуюся феодальную эпоху. Подъем проявляется прежде всего в увеличении производства хлеба. Анализы, произведенные в Палеоботанической лаборатории Управления по исследованиям, показывают характерные изменения в сортах хлебных злаков, возделывавшихся в течение VIII—X вв. Исчезает, например, худшая мелкозернистая пшеница и подобные ей, возрастает производство ржи. В VIII—IX вв. в хозяйстве начинает преобладать пашенное земледелие. Естественное и быстрое развитие земледелия содействовало росту населения и одновременно ускоряло классовую дифференциацию.

Археологическими свидетельствами этой дифференциации являются: упоминавшееся уже появление городов, ранее всего в Силезии и в Велькопольше в VI и VII вв. (между прочим Боников, пов. Косьцян), и зачатки нового общественного разделения труда, приведшего к отделению города от деревни. Эти явления хорошо наблюдаются по археологическому материалу.

В 1951 г., благодаря раскопкам, были установлены две важные даты, относящиеся к этому вопросу. А именно: в конце IX в. был перестроен и усилен город в Гнезно, являвшийся центром феодальной власти. Промышленные пригороды его, бывшие сосредоточием ремесленников, появились уже с X в. Возникновение города в Гданске, точнее говоря его ремесленной части, удалось так же, как и в Ополе, довольно точно датировать первой половиной X века.

Начиная с IX в. фактором, сопутствующим созданию классового общества в Польше, стала международная торговля с широким обменом предметами роскоши и некоторым сырьем, а также рабами с черноморского и каспийского побережий. Через Краков и Прагу, вглубь Германии и северной Италии, шел торговый путь, связанный с главным торговым центром того времени — Киевом. Свидетельствуют об этом предметы русского и восточного происхождения, обнаруженные в раскопках Крушвицы и Опола. Импорт этот становится более значительным с начала XI в., как это хорошо показывает могильник XI в. в Лютомирске под Лодзью с погребениями, свидетельствующими о классовой дифференциации (исследован главным образом в 1949—1950 гг.).

Одновременно на Балтике развивается морская торговля с рынками в устьях Одера и Вислы. Работы в Щетине и Волине (в двух важных городских поселениях IX—XII вв.) дали возможность познакомиться с ранними приморскими городами, отличавшимися богатством. Мы имеем много свидетельств существования зажиточных слоев общества в IX—X вв. Так, например, клады серебра не являются исключительно купеческими кладами, как предполагали раньше. Изучение мест их находок показывает, что они вовсе не связаны с сетью дорог. Такие клады следует понимать как свидетельство накопления сокровищ в руках зажиточного слоя,

которым в тех исторических условиях мог быть только класс крупных земельных собственников.

Польское государство формировалось как один из политических союзов славянских народов в период раннего средневековья. Процесс становления этого государства показывает закономерность развития. Прекрасный сравнительный материал имеется в работах советских и чехословацких исследователей.

Исследования, произведенные на территории Червеньских городов, уже после двух лет раскопок в Грудке, прежней Волыни, около Грубешева и в Чермне-Червене, в связи с ранее сделанными наблюдениями на городище Сонсядце Сутиеска под Замостьем, а также в Липске (пов. Замостье), на курганном могильнике IX—X вв. дали возможность нашим археологам и историкам вести углубленное сравнительное изучение на пограничной территории.

На этом примере, как и на примере племенных силезских те рриторий, можно заметить создание больших общинных хозяйств и их попадание в зависимость от более могущественных феодальных соседей. Изучение силезских валов, тянущихся с запада, позволяет оценить уровень строительства раннефеодального государства X века.

Ко времени до объединения польских земель полянами следует отнести значительную часть городков, свидетельствующих об их самостоятельном политическом развитии на базе развивающегося классового строя. Так, например, Ленчица дает раннее поселение, в котором первый этап существования городка, по мнению исследователей, датируется VI в.; то же Сленжа-Соботка и Цешин.

Особенно важным и ранним политическим центром представляется Велькопольша, может быть, вместе с Куявией. Наряду с Крушвицами (VIII в.) следует указать Остров на озере Ледницы со следами города IX в., а также Гнезно и Познань. Они яснее объясняют нам имевшую прогрессивное значение экспансию полян, вероятно связанную с особенно выгодными условиями для населения в период интенсификации сельского хозяйства.

Произшедшее в течение X в. объединение территории племенных общин в польское государство было неизбежным условием развития общественных форм и полного развития производительных сил. Опираясь на благоприятную территориальную и народную базу, государство это создало предпосылки становления польского народа и сделало возможным последующую защиту от агрессии чужих феодальных организмов, создавая собственное развитие феодальных отношений в организации производства. Начиная с половины X в., все более широкой волной протекает феодальный процесс, оставляя глубокие следы в материальной культуре ранней Польши. В этот период можно повсеместно наблюдать подъем производительных сил. Об этом свидетельствуют многолюдные пригороды с ремесленными мастерскими в Гнезне, Познани, Ополе, Вроцлаве. Говорят об этом новые могущественные города, памятники фортификационного искусства.

В то время как до 1939 г. лучше была известна только Познань, сейчас мы стоим перед открытием систем оборонительных укреплений X—XI вв. во Вроцлаве, Гече, Немче и других местах. Следует упомянуть также Вавель, Тынец и Вислицу в Малопольше, становящихся в это время могущественными городами.

В некоторых из указанных центров раннефеодального государства появляются каменные здания, все в большем количестве и лучше изученные в последние годы.

В добавление к архитектурным остаткам, относящимся к рубежу X—XI вв., известным нам ранее, за последние четыре года было сделано еще несколько интересных открытий христианских храмов. Эти храмы были тесно связаны с городским строительством, а зачастую непосредственно с дворцом владетеля или его представителя. Тут можно вспомнить открытие в 1951 г. остатков костела с гробницей Мешка или Храброго в Познани, невдалеке от баптистерия X в.

На городище в Гече в 1952 г. были обнаружены фундаменты каменной ротонды X—XI вв. до н. э., примыкающей подобно тому как в Леднице, к монаршему двору. Остатки ранней светской постройки были выявлены в Цешине около ротонды XI в. К числу наиболее ранних памятников нашей архитектуры относится и открытое в недавнее время светское каменное здание в Вавеле.

В Тжемашне были обнаружены остатки стен дороманского монастырского костела и аббатства X—XI вв., открытые в 1949 г. под полом барочного и готического костела регулярных каноников. К XI в. относятся также архитектурные сооружения, открытые в Стшельне. К известным ранее двум романским костелам добавились в 1950 г. остатки романской башни. Следует вспомнить, что уже в 1945 г. в Стшельне был обнаружен великолепнейший памятник монументальной резьбы на колонне костела св. Троицы. Колонна была извлечена из барочной обмуровки. В 1953 г. там был открыт также весьма богатый барабан колонны в романском портале XII в.

Общая характеристика итогов польских исследований в области раннего средневековья за последние годы, наряду с несомненными достижениями, вскрывает и известные недостатки.

Сеть пунктов исследований не покрывает равномерно карту раннесредневековой Польши. Приходится говорить о необходимости полной публикации результатов, которые долго не выходят из печати.

Готовящийся университетский курс истории Польши мы можем обогатить новым разделом истории Польши в эпоху раннего средневековья.

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ (АНТИЧНОСТИ)

Научно-исследовательская и учебная работа в области археологии Средиземноморья (классической археологии) как перед войной, так и в послевоенные годы ведется соответствующими кафедрами в Кракове, Лодзи, Познани и Варшаве, а также в отделе древнего искусства Народного музея в Варшаве. Уже в первые годы после окончания войны ученые приступили к организации коллективных работ (Словарь искусств, Словарь Меандра, подбор источников для истории материальной культуры древней Греции). Из индивидуальных тем следует указать следующие, уже вышедшие из печати книги: о математических основах структуры древнего театра [1], о латинских надписях и римских надгробиях из коллекций Народного музея в Варшаве [2], о древнем стекле [3].

[1] Wilhelmina L e p i k. Teatr starożytny, matematyczne podstawy jego struktury u Witruwiusza i w zabytkach. Sprawozdania Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, III, 1948, стр. 83—94. z 10 tabl. E r o ж e. Mathematical Planning of Ancient Theatres. As revealed in the work of Vitruvius and detected in ancient monuments. Travaux de la Societé des sciences et des lettres de Wroclaw, Seria A, № 22, 44 стр.

[2] Anna S a d u r s k a. Inscriptions latines et monuments funéraires romains au Musée National de Varsovie (Auctarium Meandreum, v. IV). Varsovie, 1953, 139 стр.

[3] Barbara F i l a r s k a. Szkła starożytne, katal. naczyń (Museum Narodowe w Warszawie). Warszawa, 1952, VII + 254 стр.

Особого внимания заслуживает третий том публикации археологических исследований в Эдфу. Как известно, в 1937—1939 гг. в течение трех сезонов Варшавским университетом, совместно с Французским институтом Восточной археологии в Каире, производились раскопки в Телль Эдфу (древний Дбот, коптский Атбо, римский Апполинополис Магна). Результаты раскопок каждого года публиковались в специальном томе. Публикация раскопок 1939 г. из-за войны не смогла появиться из печати так же быстро, как два предыдущих тома. Однако, несмотря на большие издательские трудности, в 1950 г. вышел из печати третий том[1].

К числу проблем, вызвавших живой интерес у некоторых археологов и филологов-классиков, относится проблема связей славянского мира с Римской империей в первые века н. э. Археологи организовали учет римских вещей, обнаруженных в Польше (некоторые результаты этих работ уже опубликованы)[2], и обработку вещей, имеющихся в польских собраниях. Одновременно было обращено внимание на культуры придунайских провинций. Были организованы выезды польских археологов в Чехословакию, Болгарию с целью подготовки монографического исследования о римском влиянии на западно-славянские племена в свете археологических данных.

В течение последних лет особое внимание было уделено публикации античных вещей, хранящихся в польских собраниях и, прежде всего, в Народном музее в Варшаве. В Отделе древнего искусства этого музея, где имеется богатое собрание предметов искусства и материальной культуры египетской, греческой и римской, была устроена большая экспозиция в соответствии с новейшими научными требованиями[3]. Научные сотрудники этого отдела ведут большую культурно-просветительную работу, устраивая целый ряд выездных выставок с печатными каталогами и путеводителями и читая популярные лекции. Также и в других музеях устраиваются временные выставки античного искусства (например, выставка стекла во Вроцлаве) и обрабатываются каталоги собраний.

Все эти начинания можно было провести благодаря инициативе и активности отдельных археологов. Первые попытки координации исследований, направляемых единым для всей Польши научным планом, были сделаны в связи с подготовкой I Конгресса польской науки. В 1951 г. впервые собрались польские археологи, критически рассмотрели свою деятельность и приступили к созданию перспективного плана. Археологи, изучающие Средиземноморье, организовали свою секцию, на которой обсудили доклад о результатах и плане работ по классической археологии. Они признали необходимым создание единого органа, который должен планировать и координировать исследования в области археологии Средиземноморья. Только через два года в составе Института истории материальной культуры был создан сектор археологии Средиземноморья. В нем начаты работы для создания университетского пособия по истории материальной культуры древней Греции, а также обработка античных вещей из польских собраний. Кроме того, этот сектор ведет работу филологическую и библиографическую.

---

[1] Fouilles Franco-Polonaises. Rapports III Tell Edfou 1939 par K. Michałowski, Ch. Desroches, J. de Linage, J. Manteuffel, M. Żejmo-Żejmis. Plan et dessins de T. Górski. (Université de Varsovie, Institut Français d'archéologie orientale du Caire) Le Caire, 1950, 395 стр.

[2] Kazimierż Majewski. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich (Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego. Seria A, Nr. 13), 216 стр.

[3] Kazimierż Michałowski. Zbiory sztuki starożytnej. Przewodnik Muzeum Narodowe w Warszawie, Warszawa, 1949, 96 стр.

Исследовательские работы печатаются главным образом в ежегоднике «Археология», посвященном общей археологии (5-й том в печати); статьи научно-популярные чаще всего печатаются в ежемесячном журнале «Меандр» (это издание выходит уже 9-й год). Монографические исследования по античному искусству и культуре выходят в «Biblioteka Meandra» [1], «Bibliot. Archeologiczna» [2], в «Auctarium Meandreum», в «Acta Societatis Archaeologicae Polonorum» [3], а также в изданиях «Wiedza Powszechna» [4]. Оценивая состояние археологии Средиземноморья в Польше в послевоенное время, следует сказать, что это время было посвящено, прежде всего, организационным делам, восстановлению работ, уничтоженных войной, сборам библиотечных и музейных материалов. В этой части археология Средиземноморья имеет серьезные достижения, проявившиеся в организации исследовательской кафедры в Варшавском университете (в составе двух профессоров, доцента, адъюнктов, ассистентов, аспирантов, около 20 студентов), учебно-вспомогательных кафедр в Кракове, Познани и Вроцлаве, Отдела древнего искусства в Народном музее в Варшаве и сектора Средиземноморской археологии в ИИМК Польской Академии наук.

Кадры молодых археологов и, прежде всего, студентов, кончающих в настоящее время вузы, позволяют надеяться, что они сумеют, опираясь на научное наследство старых археологов, перестроить археологию Средиземноморья в историческую науку, науку, изучающую историю материальной культуры и искусства в связи со всей историей развития античных народов.

---

[1] Kazimierż M i c h a ł o w s k i. Delfy (Bibliot. Meandra, 9), Warszawa, 1949, 215 стр. Е г о ж е Mechanika grecka (Bibliot. Meandra, 18), Warszawa, 1952, 62 стр.

[2] Kazimierż M a j e w s k i i Halina B i t t n e r. Materiały do bibliografii archeologii śródziemnomorskiej w Polsce za lata 1800—1950 (Bibliot. Archeologiczna, 4). Warszawa, Wrocław, 1952, 91 стр.

[3] Zofia G a n s i n i e c. The Making of a Myth (Acta Societatis Archaeologicae Polonorum, 1). Wratislaviae, 1949, 37 стр.

[4] Wojsław M o l é. Sztuka starochrześcijańska (Wiedza Powszechna, Nr. 138). Warszawa, 1948, 56 стр.

П. ГРИММ

ОБЗОР РАСКОПОК, ПРОИЗВЕДЕННЫХ В ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Научные раскопки в ГДР были возобновлены только в 1948 г. Их производят Комиссии по доистории и ранней истории, Институт доистории и ранней истории Академии наук в Берлине и находящиеся в ведении Министерства высшего образования государственные музеи и исследовательские учреждения, занимающиеся доисторией и ранней историей (рис. 1). Поэтому понятно, что ни одни из крупных, начатых в эти годы раскопок еще не закончены и пока еще нет трудов, обобщающих эти работы. Однако поднятые этими работами проблемы настолько интересны и многосторонни, что стоит дать обзор этих работ на основании опубликованных к настоящему времени предварительных отчетов.

РАСКОПКИ В ЦЕНТРЕ СТАРОГО ГОРОДА В МАГДЕБУРГЕ

Работы весною 1945 г. по расчистке разрушенного воздушными налетами Старого города в Магдебурге и последующие восстановительные работы по его застройке вызвали необходимость наблюдения за встречавшимися при этом находками и остатками стен [1]. Поэтому раскопки не могли производиться на местах исторически засвидетельствованных памятников и должны были сообразоваться с ходом восстановительных работ.

Прежде всего скажем несколько слов об историческом значении Магдебурга. Уже в 805 г. в одном из указов Карла Великого, касающемся торговли с пограничными славянами и другими народами, упоминается уполномоченный, которому были поручены эти обязанности «ad Magdeburg». В следующем 806 г., после похода за Заале и Эльбу, был построен

[1] Раскопки Института доистории и ранней истории Германской Академии наук в Берлине. Научный руководитель — проф. д-р В. Унферцагт. Руководитель раскопками на месте — д-р Э. Никель. Предварительные сообщения: W. Unverzagt. Überblick über den Stand der archäologischen Stadtkernforschung in Magdeburg. Städtewesen und Bürgertum als geschichtliche Kräfte. Lübeck, 1953, стр. 461—466, рис. 1—2 и табл. I—VIII; E. Nickel. Ausgrabungen in der Altstadt von Magdeburg. Wissenschaftl. Annalen, 1952, вып. 1, стр. 57—61 и рис. I—II; его же. Aus den Arbeiten der Kommission für Vor- und Frühgeschichte in Magdeburg. Wissenschaftliche Annalen, 1952, вып. 9, стр. 558—564 и рис. 1—10; его же. Ein mittelalterlicher Brunnen in Magdeburg. Frühe Burgen und Städte. Berlin, 1954, рис. 1—2 и табл. XV—XIX.

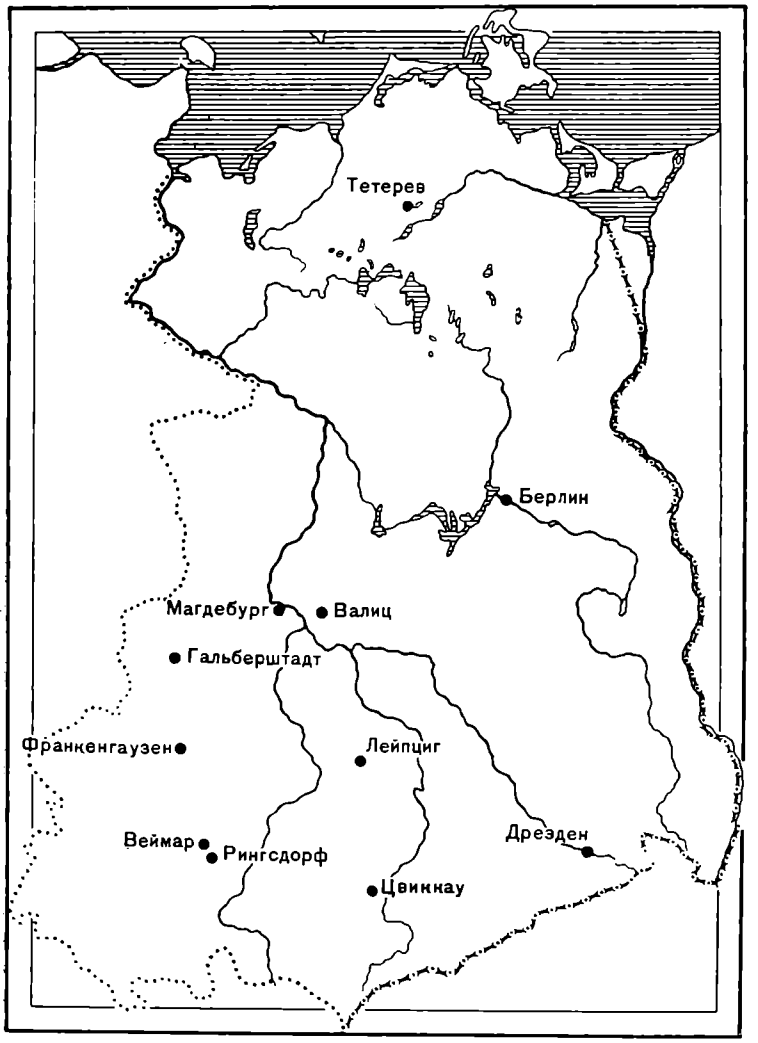

Рис. 1. Карта

еще один укрепленный замок «contra Magdeburg». Местоположение обоих этих укрепленных замков еще не установлено, но, на основании сопоставления с ходом развития других мест, можно предполагать, что первый укрепленный замок находился где-то около позднейшего собора. Точно так же не может быть установлено местонахождение известной из постановления каролингского времени торговой площади «Wikos». На основании существующих сопоставлений она находилась на берегу Эльбы у места удобной переправы.

В X в. Магдебург приобрел особое значение при Оттоне I, который долгое время проводил в излюбленном им Пфальце. Место, где находился собор оттоновского времени, было установлено еще раньше по остаткам его под фундаментом современного собора. Поэтому здания оттоновского Пфальца должны находиться где-то вблизи от него, на скалах, господствующих над Эльбой, где стоит собор. В 937 г. была основана церковь св. Морица в Магдебурге, перестроенная затем в резиденцию магдебургского епископа.

Дальнейший расцвет Магдебург пережил в конце XII в., благодаря своему положению на большом пути, служа посредником в торговле между

Западом и Востоком. Во время тридцатилетней войны, в 1631 г., город был разрушен.

Торговые ряды XIII в. Первой значительной находкой было открытие подвального зала под развалинами нескольких разрушенных домов. При удалении обломков и более поздних стен была открыта постройка в 31 м длины и 14,5 м ширины. Помещение это разделено двумя

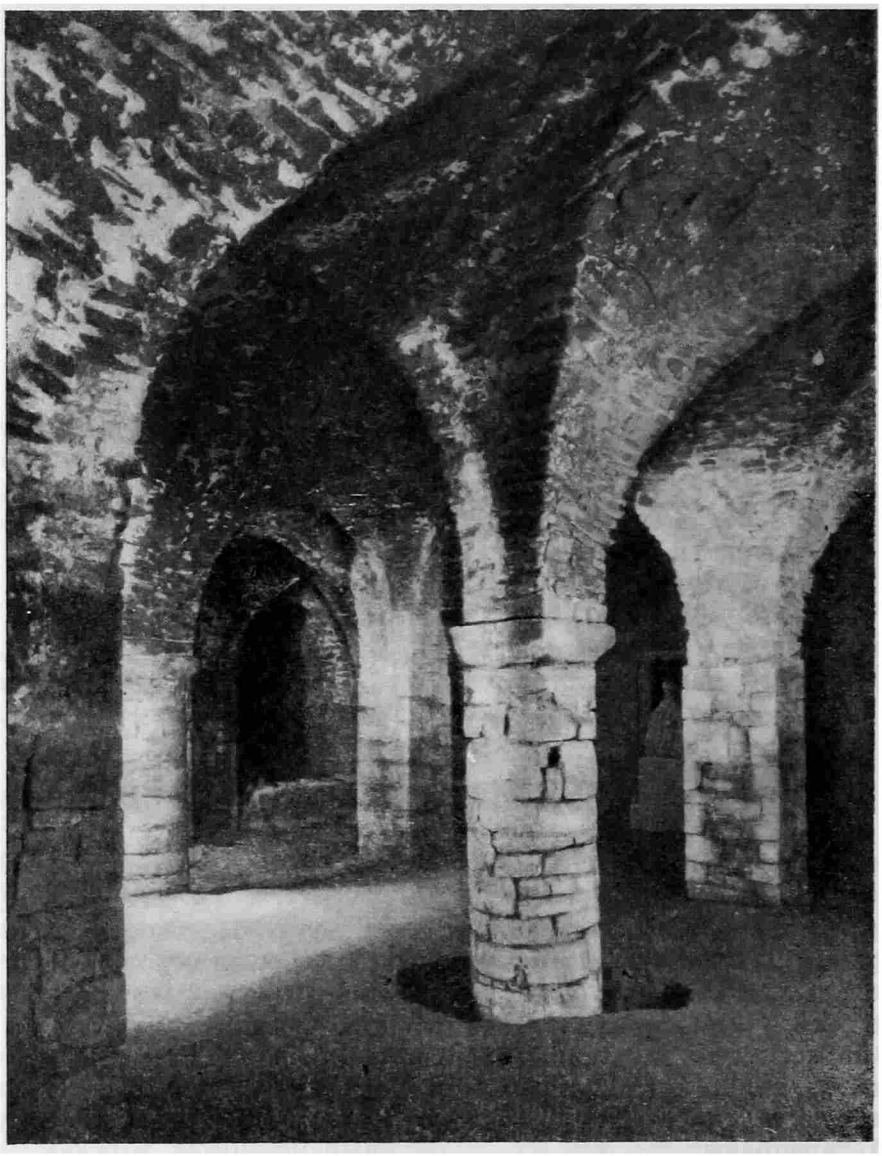

Рис. 2. Вид подвальной залы на Буттергассе в Магдебурге

рядами по шесть колонн и средним рядом из девяти колонн на четыре нефа (рис. 2). Свет поступал в это помещение через ряд больших окон в восточной стене. Полуциркульная дверь соединяла этот зал с одновременным ему большим туннелеобразным помещением. Эта постройка может быть датирована на основании найденных вещей. Было найдено значительное число серо-голубых круглодонных сосудов, которые по своему положению в слоях почвы должны быть приблизительно одновременными со време-

нем постройки здания (рис. 3). Бесспорная датировка сосудов XIII веком дает опорный пункт для определения времени постройки здания.

Здание находилось около Старого Рынка, т. е. в центре тогдашней торговли и, вероятно, было построено торговой гильдией. Подобные постройки зального типа известны также в больших западногерманских торговых городах — Майнце и Кельне.

Город XIII в. В то же время Комитетом по охране памятников и исследовательскими учреждениями, занимающимися историей города,

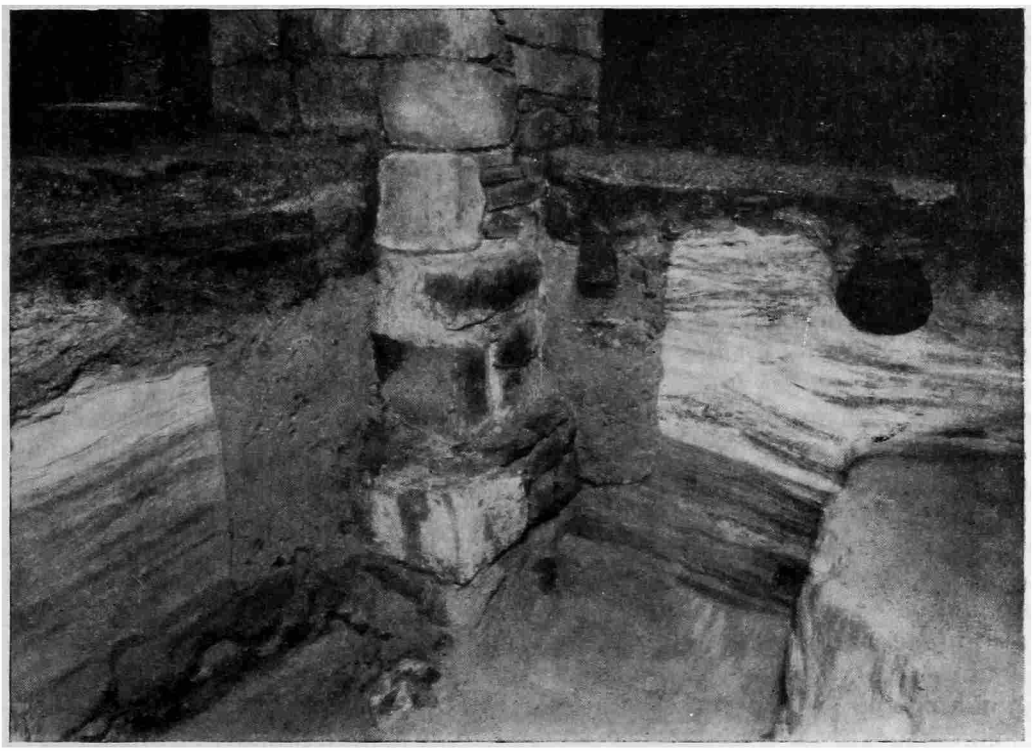

Рис. 3. Профиль с лежащим в слое круглодонным горшком около одной из колонн в подвальном зале на Буттергассе в Магдебурге

производились наблюдения и измерения частично открывавшихся подвалов, относящихся ко времени до первого разрушения Магдебурга в 1631 г. Так были обнаружены многочисленные другие небольшие подвалы, существовавшие на крытых рынках и в жилых домах, относящиеся преимущественно к XIII в. Они показывают, что в это время происходила полная перестройка в центре города вокруг Старого рынка и что город далеко расширился к северу и западу. При рытье котлованов для новых построек были дополнительно исследованы многочисленные мусорные ямы, которые содержали, наряду с небольшим числом более древних вещей, керамику и другие предметы XIII в. и последующего времени. Таким образом история культуры этого времени значительно обогатилась.

Раскопки на берегу Кнохенхауэра. Особой частью раскопок было исследование низкой местности, примыкающей с востока к Старому рынку и церкви св. Иоанна. Здесь, в низине, у подножья церкви св. Иоанна, у берега Эльбы, некоторыми исследователями предполагалось существование рынка каролингского времени. Этот участок был исследован путем проведения длинных траншей. Оказалось, что там

не было никакого древнего поселения. Первоначально место это затоплялось паводками Эльбы, и только после укрепления берега и повышения его путем насыпки место это постепенно стало жилым районом. Временем расширения города в эту сторону можно также считать XIII в. Здесь были обнаружены дубильная яма и колодец и сделаны богатые находки вещей XIII в. и последующего времени.

Раскопки на Старом рынке. В дополнение к раскопкам подвального помещения были произведены раскопки прилегающей к нему с востока улицы Буттергассе и примыкающего к ней с севера Старого рынка. На Буттергассе были открыты две древних мостовых, которые, судя по стратиграфии, должны быть древнее подвального помещения. Небольшое количество найденных черепков позволяет отнести эти мостовые приблизительно к 1100 г.

На самом Старом рынке также было обнаружено несколько слоев хорошо сохранившейся в некоторых местах каменной вымостки. Между ними лежало много расколотых костей животных, немного черепков и несколько монет. Древнейшие находки относятся, на основании еще незаконченной обработки их, к XI—XII вв. и показывают, что исследованная западная часть Старого рынка существовала уже в это время и использовалась именно в качестве рынка. Остатки обуглившихся балок указывают на существование временных рыночных ларьков. Более древних находок, которые относились бы к X в., на исследованной до сих пор части Старого рынка не было. Повидимому, место рынка оттоновского времени еще не затронуто раскопками. Возможно, что его надо искать восточнее, в районе древней ратуши и церкви св. Иоанна.

Раскопки у Мостовых ворот. Производившиеся до сих пор исследования отдельных улиц и Старого рынка обнаружили только каменные вымостки; при пробном разрезе у Мостовых ворот был открыт широкий, хорошо сохранившийся деревянный настил, ведший, судя по его направлению, к Старому рынку. Мостовые ворота расположены чрезвычайно удачно, так как около них сходятся улицы, ведущие к Эльбе от района собора и от Старого рынка. Место раскопок находится как раз у подножья холма и непосредственно около берега Эльбы, затоплявшегося паводками. Благодаря этому существовали благоприятные условия для сохранения дерева. Исследования здесь еще продолжаются. Поэтому в настоящее время нельзя еще ничего сказать ни о дате обнаруженного настила, ни о возможности находок под ним более древних предметов.

Когда условия позволят сделать это, раскопки будут продолжены на самой соборной площади с целью установления формы и расположения соборного замка.

РАСКОПКИ СЛАВЯНСКОГО ГОРОДИЩА У ТЕТЕРОВА В МЕКЛЕНБУРГЕ

Вторыми крупными раскопками Института доистории и ранней истории Германской Академии наук в Берлине было исследование славянского городища на острове на Тетеровом озере в Мекленбурге[1]. Городище

[1] Раскопки Института доистории и ранней истории Германской Академии наук в Берлине. Научный руководитель — проф. д-р В. Унферцагт. Руководитель раскопок на месте — д-р Е. Шульдт. Предварительный отчет: E. S c h u l d t. Die Burgwallinsel im Teterower See. Ein vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen 1950/51. Denkmalpflege in Mecklenbur . Jahrbuch 1951/52, стр. 198—212 и рис. 1—16.

это с 1861 г. сопоставляют с упомянутым в 1171 г. городом цирципанцев (circipanni, crespene, zerespani), завоеванным во время набега королем Вальдемаром Датским.

Городище находится в северном углу вытянутого в длину острова. Оно состоит из небольшого детинца и более обширного предместья. Уже в прошлом столетии при низком стоянии воды в озере были заметны торчащие из него деревянные колья, которые можно было считать за остатки какого-то моста.

Мост, соединявший остров с берегом. Исследование деревянных остатков, действительно, обнаружило мост длиною в 720 м, который вел от берега к южной части острова. Подход к этому мосту как на берегу, так и на острове состоял из широкой деревянной кладки через торфяные болота. Невдалеке от конца настила на берегу от него отделялся другой настил, который шел по низине на 800 м к востоку и представлял собою дорогу, связывавшую это место с другими славянскими поселениями. Немного не доходя до южного конца острова, другое ответвление от главного настила вело более коротким путем прямо к берегу. Около современного места переправы оно заканчивалось пристанью, стороны которой ограничены широким рядом столбов. Так как озеро имеет в этом месте значительную глубину, то постройка здесь моста была невозможна, и следует предполагать наличие парома.

Конструкция моста может быть подробно описана. Две вертикально вбитые дубовые сваи на расстоянии ширины моста одна от другой составляли основание постройки. Около каждой такой сваи было вбито по одной наклонной свае таким образом, чтобы эти сваи соединялись с вертикальными сваями на высоте самого моста (рис. 4). На каждую такую пару свай насаживался поперечный брус с пробитыми в нем на концах четырехугольными отверстиями, так что этот брус держался на обеих сваях. Такого рода перекладины находились на расстоянии 2—2,5 м одна от другой. Их связывали положенные горизонтально балки, образовывавшие опору для мостового настила. Мост этот с течением времени дважды перестраивался. При этом верхняя часть его удалялась, а по обеим сторонам вбивались новые сваи, которые несли на себе такого же рода конструкции. Благодаря этому первоначальная ширина моста увеличилась сначала с 3 до 3,8 м, а затем до 4,6 м (рис. 5).

Предместье. Девяностометровой длины поперечный вал ограждал доступ в предместье. Сверх того стороны предместья, обращенные к озеру, также были защищены валами. Поперечный вал имеет несколько наслоений различной структуры, скрепленных между собой посредством продольных балок и поперечных круглых бревен. Снаружи вал покрыт слоем глины. Можно различить три последовательных стадии в сооружении вала. Раскопки показали, что понижение поперечного вала в одном пункте первоначально соответствовало месту нахождения ворот и было засыпано при последней реконструкции городища.

Участок вала вдоль озера был насыпан впереди естественного берегового ската, чтобы увеличить площадь предместья. Основу вала образовывала ящикообразная конструкция из дубовых брусьев, заполненная землей и затем засыпанная сверху. Откос вала, обращенный к озеру, был выложен камнями.

Внутренняя часть предместья дала только небольшое число находок, тогда как за валом количество находок и следов от домов увеличивалось.

Таким образом кажется, что с самого начала внутренняя часть предместья служила местом убежища для людей и скота во время опасности.

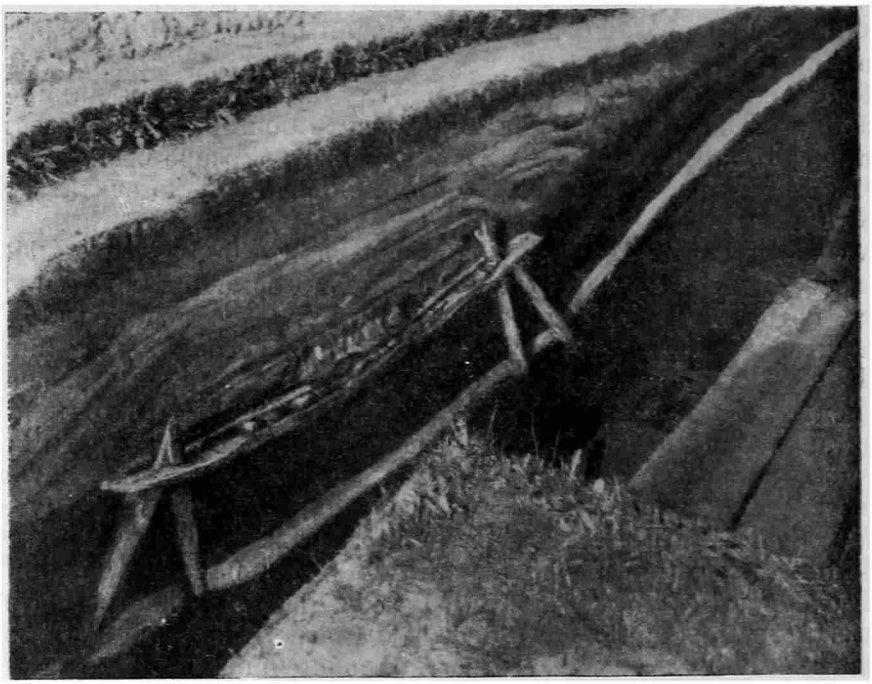

Рис. 4. Разрез поперек моста и начало настила у подхода к городищу в Тетерове

Рис. 5. Вид на часть моста у подхода к городищу в Тетерове

Детинец. В 1953 г. был исследован детинец. Большие разрезы показали строение вала. На месте одного значительного понижения вала со стороны, обращенной к озеру, было обнаружено двое расположенных рядом друг с другом ворот, из которых вторые были устроены после того, как первые были уничтожены пожаром. Место главных ворот еще не выяснено.

Характер и размеры внутренних построек, к сожалению, не могут быть еще точно установлены.

Производящаяся обработка богатых находок, особенно керамики, обещает дать важные результаты в отношении типов и эволюции славянской керамики в Мекленбурге. Только тогда можно будет ответить на вопрос, открыт ли здесь тот город, который упоминается при описании боев 1171 г.

РАСКОПКИ НА ДЮНАХ ВАЛИЦА БЛИЗ МАГДЕБУРГА

Большие раскопки производятся с 1950 г. группой лиц, работающих в области изучения ранней истории сельского хозяйства. Кроме археологов, в эту группу входят ботаники, зоологи, геологи и почвоведы. Место раскопок находится близ Валиц в округе Бург, на большой дюне в области внутренних дюн Средней Эльбы.

На дюне находятся остатки нескольких поселений и могильники, относящиеся ко времени с неолита до первых веков н. э. В северо-западной части дюны имелся почти однородный культурный слой со многими темными и светлыми прослойками, что позволило сделать хорошие стратиграфические наблюдения.

Для изучения раннеисторического сельского хозяйства большое значение имели находки необугленных семян культурных злаков неолитического времени, в том числе карликовой пшеницы (tricitum compactum). В других местах находились преимущественно семена двузернянки (tricit. dicoccum). Семена однозернянки (tricit. monococcum) встречались редко. Судя по этому раздельному сохранению семян культурных растений, можно заключить о посеве различных сортов пшеницы на разных участках.

Однако исследования в этом отношении еще не закончены.

В нижних слоях обнаружены значительные следы поселений Рессенской и Шенфельдской неолитических культур. Наряду с многочисленными следами от столбов и ямами, значение которых еще не выяснено, были обнаружены остатки трех больших домов длиною в 15 м и шириною в 7—8 м, с округленными углами. Стены их состояли из прутяных переплетений. Некоторые столбы внутри домов служили, повидимому, для поддержки кровли.

Некоторые из обнаруженных здесь захоронений принадлежат к культуре «одиночных погребений», до сих пор слабо представленной в Центральной Германии. Среди погребений унетицкой культуры раннебронзового века можно отличить более древние погребения со следами деревянных срубов от более поздних с обкладкой камнями. В верхних слоях обнаружен обширный могильник I—III вв. н. э. с более чем 200 трупосожжениями. Поселения того же времени находятся в юго-восточной части той же дюны и также в настоящее время исследуются.

Помимо всего этого, значение раскопок под Валицем заключается в результатах наблюдений за особым напластованием в северо-западной части дюны. Темные полосы в разрезе этой дюны следует считать последователь-

ными культурными горизонтами и гумифицированными древними дневными поверхностями почвы. Они указывают на геологические и климатические изменения позднего аллювия и пополняют наши сведения о развитии ландшафта[1].

ИССЛЕДОВАНИЯ В ИЗВЕСТКОВОМ ТУФЕ БЛИЗ ВЕЙМАРА

Крупные раскопки производились Государственным музеем и исследовательскими учреждениями, работающими в области первобытности и древней истории. Из большого числа произведенных исследований следует отметить некоторые, позволяющие сделать важные научные выводы.

Уже с прошлого века известны каменоломни известкового туфа близ Веймара, особенно в Таубахе и Эрингсдорфе с их палеолитическими находками, в том числе останками нескольких неандертальцев. К сожалению, все сделанные до сих пор находки состояли из предметов, найденных при взрывных работах в каменоломнях. Вследствие этого нельзя было выяснить все вопросы стратиграфии. Благодаря большой поддержке, музей получил возможность в настоящее время арендовать неразрабатываемый участок известной каменоломни Кэмпфе в Эрингсдорфе и проводить на нем планомерные исследования: кострища, кремневые орудия, кости животных и древесный уголь, которые до сих пор мы видели только в узких полосках вертикального разреза каменоломни, вскрываются теперь в горизонтальной плоскости и могут таким образом подробно изучаться.

ПОСЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЛЕНТОЧНОЙ КЕРАМИКИ БЛИЗ ЦВИККАУ

Особенно важные данные о характере поселений в домах культуры ленточной керамики обещают раскопки поселения в Харте близ Цвиккау к югу от Лейпцига. В дополнение к исследованному уже в 1936 г. небольшому участку[2], в настоящее время вскрыта большая площадь[3]. Повсюду обнаружены многочисленные ямы от столбов и вытянутые в длину углубления в таком хорошем состоянии, что легко различить следы больших длинных домов.

Как при производившихся ранее, так и при производящихся ныне раскопках поселений в Западной Германии, для культуры ленточной

[1] Раскопки производятся местным музеем доистории и Институтом доистории и ранней истории университета в Галле на Заале. Предварительные сообщения: F. Schlette. Das erste Rössener Haus Mitteldeutschlands. Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte, 34, 1950, стр. 20—26, рис. 1; P. Grimm. Die Grabungen bei Wahlitz, Kr. Burg im November 1950. Beiträge zur Frühgeschichte der Landwirtschaft, 1953, стр. 95—116 и табл. 1—12; Th. Voigt. Frühbronzezeitliche Gräber mit Holzverschalung von Wahlitz. Kr. Burg. Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte, 36, 1952, стр. 70—81 и табл. IX—XII; его же. Funde der Einzelgräberkultur auf dem Taubenberge bei Wahlitz. Kr. Burg. Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte, 37, 1953, стр. 109—153 и рис. 1—10, табл. X—XIX, W. Rothmaler und K. H. Otto. Ausgrabungen prähistorischer Siedlung im Wählitz, Kr. Burg. Urania, 1953, стр. 178—183 и рис. 1—9.

[2] Предварительное сообщение: K. Tackenberg. Eine bandkeramische Siedlung in der Harth, Gemeinde Zwenkau, «Germania», 1937, стр. 217—220, рис. 1 и табл. 45—46.

[3] Раскопки Института доистории и ранней истории университета в Лейпциге. Руководитель раскопок — проф. д-р Ф. Бэн. Предварительный отчет: H. Quitta. Ausgrabung eines bandkeramischen Grosshauses in der Harth bei Zwenkau, Kr. Leipzig, «Germania», 1953, стр. 119—120.

керамики в качестве основного типа жилых домов подтверждается наличие вытянутых в длину прямоугольных построек со входом с одной из узких сторон. Существует большое сходство между ними и так же вытянутыми в длину многокамерными домами трипольской культуры. Однако существует различие в форме самого поселения. Все известные до сих пор большие постройки культуры ленточной керамики в Средней Европе[1] помещаются параллельно одна другой, в то время как дома трипольской культуры располагаются в несколько концентрических кругов.

ПЕЩЕРНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА КРАЮ КИФФГЕЙЗЕРА

Особенно интересные проблемы возникают в связи с раскопками в пещерах около Франкенхаузена в Киффгейзере. Здесь, на ограниченном пространстве в гипсовых пещерах этой горы находятся 12 узких пещер[2], заполненных почти целиком глиной. Между наносными слоями глины было обнаружено несколько культурных слоев, лежавших один над другим.

Состояние найденных в некоторых пещерах вещей было особенно хорошим вследствие отсутствия доступа воздуха. Благодаря этому сохранились многочисленные органические остатки. Из них можно назвать почти целиком сохранившуюся хлебную лепешку, части орнаментированных берестяных и лубяных коробов, цельную берестяную коробку, различного типа факелы, деревянные орудия и обрывки тканей.

Заселение пещер началось, судя по находкам, в неолитическую эпоху, продолжалось в среднем и позднем бронзовом веке и достигло максимального развития в раннем железном веке. Особое значение имеет то, что при раскопках находят черепки разбитых сосудов не рассеянными в различных местах, как это наблюдается при раскопках открытых поселений, а на ограниченном пространстве в пещере, лежащими близко один от другого. Поэтому имеется возможность восстановить большое число сосудов. Они заполняют многие пробелы в существующих знаниях относительно развития форм сосудов и позволяют предполагать, что северная Тюрингия была заселена непрерывно с раннего бронзового до раннего железного века.

Наряду с пещерами-убежищами, на случай военной опасности существовали пещеры, являвшиеся, вероятно, местами культа. Помимо других указаний на это, в одной из пещер была обнаружена большая каменная вымостка, с особого типа очагом на ней и многочисленными человеческими костями с явными следами каннибализма вокруг него. Другие пещеры служили в качестве мастерских. В них были открыты признаки бронзолитейных мастерских и работ по солеварению с использованием соседнего соляного источника.

---

[1] A. Stieren. Bandkeramische Grossbauten bei Bochum und ihre Parallelen in Mitteleuropa. 33 Bericht der Römisch-germanischen Kommission, 1943—1950, стр. 61—88, рис. I—II; E. Sangmeister. Zum Charakter der bandkeramischen Siedlung. 33 Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, 1943—1950, стр. 89—109 и рис. 1—7.

[2] Раскопки музея доистории и ранней истории Тюрингии в Веймаре. Руководитель раскопок — проф. д-р Г. Бэм-Бланкэ. Краткое предварительное сообщение: G. Behm-Blanke. Das bronze- und früheisenzeitliche Höhlendorf Frankenhausen am Kyffhäuser. Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Berliner Blätter für Vor- und Frühgeschichte, 1952, стр. 41—44.

РАСКОПКИ В СТАРОЙ ЧАСТИ ЛЕЙПЦИГА

Особое внимание было обращено также на исследование других разрушенных городов и частей городов, чтобы получить данные относительно истории их возникновения и о материальной культуре их жителей. В Лейпциге уже одна обработка случайных находок дала интересные результаты[1]. Славянские древности, найденные здесь, находятся только в повышенном северо-западном углу старого города и в примыкающих к нему участках. Точно так же и более поздняя древнегерманская керамика была найдена лишь в этом районе. Только керамика более позднего периода (после 1250 г.) распространена по всему старому городу и за его пределами.

З а м о к Л и б ц и 1015 г. Местоположение замка «urbs Libzi», о котором нам сообщает хронист Титмар из Мерзебурга (1015), удалось установить в районе кладбища св. Матфея[2]. Местность там, у северо-западного угла старого города, представляет собой круто поднимающийся к западу и югу и полого к северу выступ, господствующий над глубоко лежащей под ним речной поймой. Кроме того, эта возвышенность занимает господствующее положение по отношению к старой дороге на Мерзебург. Помимо остатков поселения раннебронзового века там был обнаружен культурный слой с позднесредневековой славянской керамикой X—XI вв. На краю возвышения оказалась часть окружавшей замок стены, сохранившейся в длину на 28 м. Нижняя часть ее была сложена из камней и глины. В глине оказались многочисленные черепки вышеописанного типа. Следовательно, стена была построена во время существования этой керамики. Таким образом, следует допустить, что она составляла часть германского города XI в., построенного здесь при помощи славянского населения.

П о с е л е н и е XIII в. у д о р о г и Р а н д ш т е т т е р - Ш т е й н в е г. При земляных работах для новостроек на улице Третьего Всемирного фестиваля было частично перерезано предместье около церкви св. Иакова[3]. Так как старая улица ранее расширялась, то были открыты только части самих домов. Зато были обнаружены многочисленные дворовые мусорные ямы, колодцы, бочки с истлевшими листьями и выгребные ямы. Они содержали большое число находок в виде керамики XIII в. и последующих столетий, кожаную обувь, остатки пищи и мелкие сельскохозяйственные орудия.

ИССЛЕДОВАНИЯ В СТАРОЙ ЧАСТИ ВЕЙМАРА

В Веймаре к настоящему времени обнаружено восемь мест с находками вещей тюрингской культуры эпохи раннего средневековья[4]. Некоторые из этих мест оказались весьма богаты находками. Поэтому предпола-

[1] G. M i l d e n b e r g e r. Die mittelalterlichen Bodenfunde im Bereich der Leipziger Altstadt. Frühe Burgen und Städte. Berlin, 1954, стр. 1—2.

[2] Раскопки Института доистории и ранней истории университета в Лейпциге. Руководитель раскопок — проф. д-р. Ф. Бэн. Предварительные сообщения: H. Q u i t t a. Stadtkerngrabung in Leipzig. «Germania», 1953, стр. 121; е г о ж е. Vorbericht über die Stadtkernforschung in Leipzig. Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege vom 1 Mai — 31 Dezember 1951. Leipzig, 1953, стр. 142—145, табл. 33—34.

[3] H. K ü a s. Über die stadtgeschichtlichen Untersuchungen und Bodenfunde im Gelände der Neubauten an der Strasse der III Weltfestspiele. Aus Geschichte und Neuaufbau der ehemaligen Rannischer Vorstadt. Leipzigs, вып. 1. Leipzig, 1952, стр. 50—59 и рис. 10—11.

[4] A. G ö t z e. Die altthüringischen Funde in Weimar. Berlin, 1926, стр. 1—72, рис. 1—23 и табл. I—XIX.

гается, что здесь находился один из центров Тюрингского королевства, может быть, даже местопребывание исторически известных тюрингских королей Бизина и Герменфреда. До сих пор были известны лишь один могильник и одно поселение этого времени.

Новые раскопки производились в разрушенной бомбой части квартала Исакова, особой части старого города в Веймаре[1]. Кроме более древних находок доисторического времени, была исследована хижина VI в. с шестью столбами и вполне различимыми остатками стен, плетенных из прутьев. Ее считают хижиной прядильщиц; она составляла часть большой усадьбы. Находки вещей последующих столетий до сих пор совершенно отсутствовали, так что ход развития более позднего города оставался неясным. Поэтому раскопки нескольких поселений IX—X вв., остатки которых находились выше более древних домов, имели большую важность. Были обнаружены маленькие углубленные в землю хижины с очагами в одном из углов; круглый, тоже углубленный в землю амбар с остатками зерен; более крупные, также углубленные в землю хижины и дом, нижняя часть которого опиралась уже на каменный фундамент. Этот фундамент был сложен на глине из известкового ракушечника и сохранился на высоту в 40 см. Стены его были, повидимому, глинобитными. Внутри находились два очага. Это строение было жилым домом, вокруг которого располагалось несколько однородных служебных построек, а все вместе образовывало целую усадьбу.

Найденная при этом керамика позволяет заполнить пробелы, еще существующие между известной тюрингской керамикой V—VII вв. и также известной керамикой XIII—XIV вв. При этом найденная керамика указывает на культурные связи с юго-западной Германией.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ГАЛЬБЕРШТАДТЕ И ДРЕЗДЕНЕ

Надо также упомянуть о раскопках в Гальберштадте и Дрездене. В Гальберштадте, местопребывании епископа в IX в., при помощи двух разведывательных траншей удалось открыть обводный ров соборного замка. В Дрездене, на западном краю бывшего Старого рынка исследованы многочисленные колодцы, круглые шахты и ямы, давшие находки вещей XIII в.[2]

Производящиеся в настоящее время раскопки обещают таким образом дать ответ на многие вопросы нашей науки. Можно рассчитывать, что в ближайшие годы появятся подробные отчеты о них. Что же касается производящихся одновременно раскопок меньших масштабов и других исследований, то сообщения о них печатаются в изданиях Комитета по доистории и ранней истории[3] Германской Академии, в ежегодниках и трудах государственных музеев[4] и в научных журналах университетов.

---

[1] Раскопки музея доистории и ранней истории Тюрингии в Веймаре. Руководитель раскопок — проф. д-р Бэм-Бланкэ. G. B e h m-B l a n c k e. Die altthüringische und frühmittelalterliche Siedlung Weimar. Frühe Burgen und Städte. Berlin, 1954.

[2] Раскопки местного музея доистории в Дрездене. Руководитель раскопок — д-р В. Кобленц. Предварительное сообщение: A. H a h n. Zur Frühgeschichte Dresdens. Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege vom 1 Mai 31 December, 1951, Leipzig, 1953, стр. 146—160 и табл. 35—40.

[3] Schriften der Section für Vor-Frühgeschichte der Deutschen Akademia der Wissenschaften zu Berlin. Berlin,c 1953 г.

[4] Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte. Halle с 1912 г.; Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege. Leipzig (ранее Dresden) с 1951 г. Такие же сообщения готовятся на 1954 г. для Тюрингии и Мекленбурга.

Х. И. КРИС

РАЗВЕДКИ НА ПОСЕЛЕНИИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В БАЛКЕ АШЛАМА БЛИЗ БАХЧИСАРАЯ

Разведки С. И. Забнина и Г. А. Бонч-Осмоловского на поселениях кизил-кобинской культуры были первыми шагами в изучении поселений эпохи поздней бронзы и раннего железа в предгорном и горном Крыму. Эти работы были продолжены в послевоенные годы Тавро-скифской экспедицией, Музеем пещерных городов Крыма, Государственным Херсонесским музеем, исследованиями экспедиций на территории древнего Боспора и в его окрестностях, получившими новый материал по истории Восточного Крыма в эпоху, предшествующую античной колонизации. Для изучения эпохи поздней бронзы и раннего железа в Крыму огромное значение имеет накопление нового археологического материала.

В настоящем сообщении публикуются результаты разведок, производившихся на вновь открытом поселении этого периода близ Бахчисарая в балке Ашлама, расположенной в 4 км к востоку от города, по дороге, ведущей в с. Партизанское (б. Мангуш). В переводе «Ашлам-дере» означает «балка молодых яблоневых садов». Теперь она почти лишена растительности и воды и производит впечатление заброшенного и необитаемого места. Интенсивное действие талых и дождевых вод привело к образованию глубоких промоин на южном склоне плато Орта-Кая, а также в самой балке, где краеведами Н. П. Кацуром и Я. А. Дубинским в 1945 г. были обнаружены многочисленные обломки глиняной посуды кизил-кобинского типа. Промоина в балке обнажила выходы культурного слоя древнего поселения, разведочные раскопки которого производились музеем пещерных городов Крыма в 1946 г. под руководством Е. В. Веймарна и в 1950—1951 гг. под руководством автора. Во время первой разведки были зачищены обрезы культурного слоя с частично сохранившимися ямами. Последующее его обследование имело целью выяснение размеров и стратиграфии поселения и накопление нового материала. Наше исследование культурного слоя производилось вдоль северного склона промоины, которая интенсивно разрушается, обнажая выходы культурного слоя (рис. 1, *1*). Следует отметить, что культурный слой поселений кизил-кобинской культуры в большинстве случаев бывает нарушен, ибо склоны балок, на которых они располагались, или запаханы или покрыты виноградниками. В отличие от них, поселение в балке Ашлама оказалось погребенным под мощным слоем мергеля, снесенного в балку с окрестных

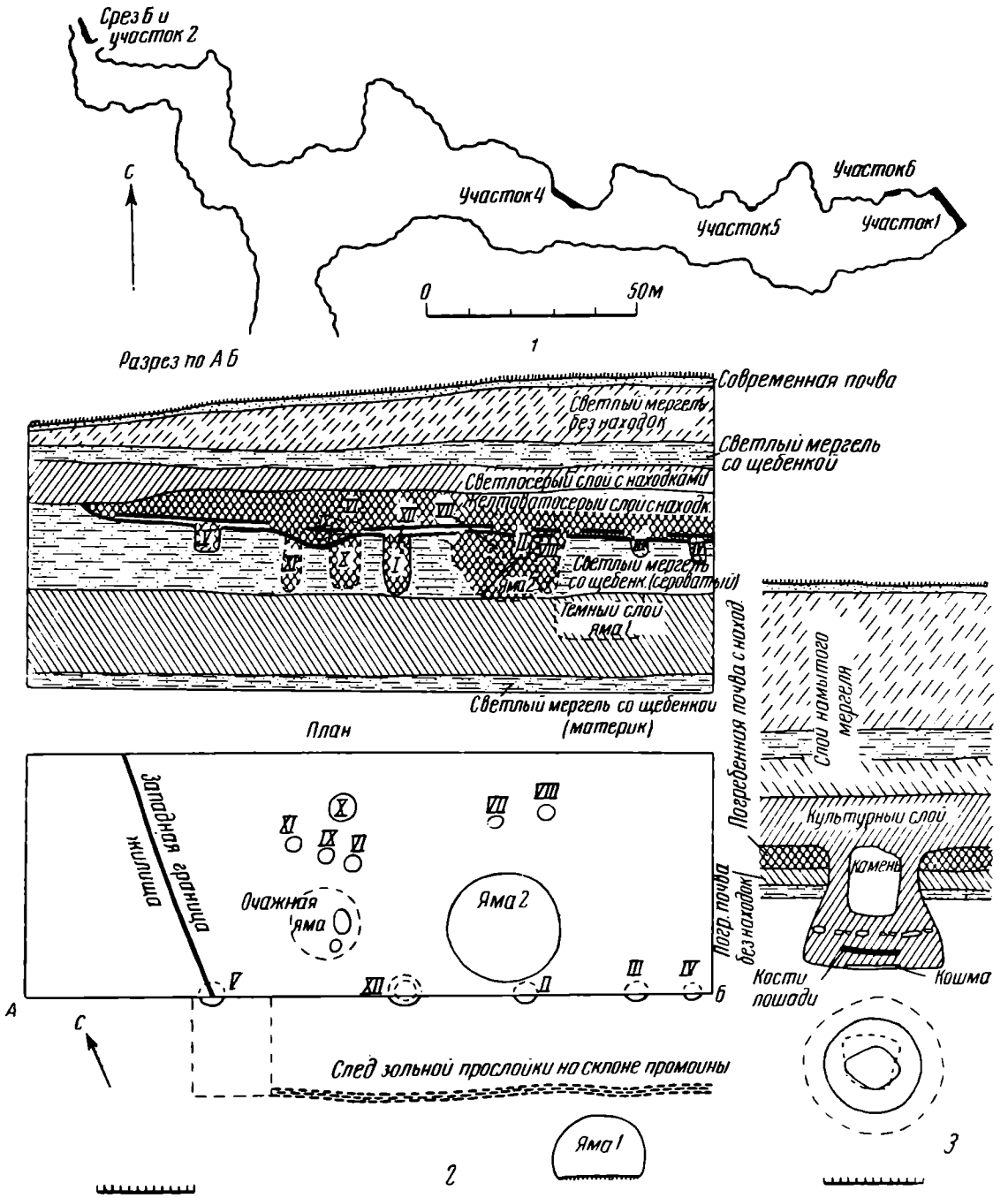

Рис. 1

1— восточная часть промоины в балке Аплама; расположение участков разведок; *2*— участок 4 разведки 1950—1951 гг.; *3*—участок 1, яма 2

возвышенностей дождевыми и талыми водами. Благодаря этому здесь относительно хорошо сохранился культурный слой и сооружения в нем.

На большинстве участков были обнаружены два культурных слоя, разделенные стерильным слоем мергеля со щебенкой (срез *Б* разведки 1946 г., участки *4* и *5* — разведки 1950—1951 гг.). Толщина слоев и прослойки мергеля между ними различны, различна и глубина их залегания от современной поверхности. На участке *1* (разведки 1950—1951 гг.), на глубине 2,5 м от современной поверхности был обнаружен один культурный слой мощностью 0,50 м, лежавший на слое древней погребенной почвы. Эти различия в стратиграфии отдельных участков поселения ставят вопрос о разновременном заселении отдельных его частей.

На исследованной площади поселения вскрыто 10 ям, заполненных остатками культурного слоя, и часть жилища. Форма ям различна; в плане они круглые. Ямы бочкообразной формы с плоским дном (глубина 0,60—1,20 м, максимальный диаметр 0,80—1,40 м) обнаружены на участке *2*. В одной из них (срез *Б*) было большое количество керамики, куски обгоревшего дерева и глиняной обмазки, что позволило предположить ее назначение для обжига сосудов[1]. Остатки дерева и угли, возможно, говорят и о процессе копчения сосудов, который связан с техникой изготовления черной лощеной керамики.

В нижнем культурном слое на участке *4* сохранившаяся часть ямы *1* была цилиндрической формы (диаметр 1, 10 м), яма *2* в верхнем культурном слое — чашеобразной формы (диаметр 1,40 м, глубина 1 м). Особый интерес приобретают ямы, обнаруженные на поселении в Ашлама на участке *1*, где в погребенной почве четко прослеживались устья двух ям, обычно не сохраняющиеся в разрушенных культурных слоях кизил-кобинских поселений.

Яма *1* чашеобразной формы (диаметр устья 1,30 м, максимальный диаметр 1,42, глубина 0,75 м) была почти целиком заполнена культурным слоем, но на дне находилась прослойка погребенной почвы толщиной в 10—15 см. Стратиграфия слоев в яме позволяет предположить, что первоначально она имела деревянную крышку и служила для хранения зерна или других продуктов; над крышкой со временем образовалась прослойка почвы, которая после того как крышка сгнила и провалилась внутрь, попала на дно ямы.

Яма *2* (рис. 1, *3*) колоколовидной формы с плоским дном (диаметр устья 1,10 м, диаметр дна 1,60 м, глубина 1,45 м) и тщательно сглаженными стенками. В темнокоричневом слое на дне ямы сохранился след четырехугольной подстилки (из кошмы?). На слое коричнево-темной земли, толщиной в 0,20 м, лежали обломки челюстей и конечностей лошади, среди которых встречались мелкие комочки охры. Над костями залегал слой серого мергеля, заполнявший яму доверху. В этом слое обнаружен большой камень, верхний край которого совпадал с устьем ямы. Едва ли можно рассматривать описываемую яму как специальное сооружение для погребения коня. Колоколовидная форма ямы, ее размеры, тщательная сглаженность стенок позволяют видеть в ней зерновую яму, вторично использованную для захоронения костей коня. Захоронение коня было обнаружено и при раскопках Алексеевского поселения. О. А. Кривцова-Гракова[2] описывает, что «На дне ямы, расположенной

[1] П. П. Бабенчиков. Отчет о разведках в Бахчисарайском районе за 1946 г. Архив ИИМК АН СССР.

[2] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 79.

у западной стены землянки № 8, стоял большой камень, а на нем лежал хорошо сохранившийся череп лошади», рассматривая это как жертвоприношение, практиковавшееся при закладке землянок. На поселении в Ашлама, видимо, для такого же жертвоприношения была использована зерновая яма.

На участке *4* были обнаружены остатки жилища, от которого исследована только часть, находившаяся на склоне промоины и подвергавшаяся разрушению (рис. 1, *2*); как уже отмечалось, на участке *4* было прослежено два культурных слоя. Остатки жилища, связанные с верхним культурным слоем, представляют собой часть полуземлянки, углубленной в слой светлого мергеля со щебенкой на 0,30 м; ее западная стена ориентирована в направлении СЮ. В основании жилища обнаружены две тонкие зольные параллельные прослойки, ямы от столбов, а у западной стены — очажная яма. Не все ямы от столбов можно связывать с остатками полуземлянки, а лишь те из них, которые имеют отношение к зольной прослойке в основании жилища или находятся на ее уровне[1]. У неглубоких ямок дно было плоское, у глубоких — коническое или округлое. Различие форм и размеров ямок не опровергает их связи с одним сооружением, а лишь может объясняться различным назначением столбов. Ямки от столбов *II*, *III* и *IV* углублены в материк наискось, в отличие от остальных, вертикальных. Подобные остатки столбов были встречены в землянках Алексеевского поселения, и О. А. Кривцова-Гракова считает, что они были подпорками, поддерживавшими столбы в зыбком песчаном грунте. Столбы полуземлянки в Ашлама вкапывались в слой сыпучего мергеля и, повидимому, тоже нуждались в подпорках, однако, предположение это можно считать лишь условным — до исследования остальной части жилища. Две зольные прослойки в основании полуземлянки были толщиной в 1—2 см и залегали одна над другой на расстоянии 10 см. Нижняя прослойка прослеживалась почти на всей вскрытой площади жилища, она связана с ямками от столбов *I*, *II*, *III*, *IV* и *V* и очажной ямой. Верхняя прослойка сохранилась лишь местами, она не связана с ямками от столбов в основании жилища и, возможно, является остатками кровли, сгоревшей и упавшей на пол после разрушения жилища. В пользу этого предположения говорит то, что между зольными прослойками находился слой тонко отмученной глины с мелкими угольками, которая проникла на пол жилища, просочившись сквозь остатки кровли.

Исследованная часть жилища не дает материалов для реконструкции его наземной части; можно лишь предположить, что стены были из плетня с глиняной обмазкой так же, как у жилища, обнаруженного на поселении Уч-Баш, близком по времени поселению в балке Ашлама[2]. Дно очажной ямы чашеобразной формы в нашей полуземлянке (диаметр 0,75 м, глубина в середине 0,20 м) было покрыто маслянисто-черным тленом, в котором были найдены миниатюрные сосудики (рис. 2, *3*) и диск из слабо обожженной глины (диаметр 0,20, толщина 0,025 м); последний служил крышкой большого сосуда или приспособлением для вышечки лепешек. В культурном слое желтовато-серого цвета, заполнявшем основание жилища и содержащем керамику кизил-кобинского типа, кремневые отщепы, пластины и орудия, кости домашних и диких животных, были обнаружены ямки от столбов *VII*, *VIII* и *IX*, устья которых находились на

---

[1] К ним относятся ямки *I*, *II*, *III*, *IV*, *V* и, возможно, *X* и *XI*. Формы и размеры ямок различны: минимальный диаметр 0,20 м, максимальный 0,42 м, глубина от 0,25 м до 0,75 м.

[2] С. Ф. Стржелецкий. Доклад на пленуме ИИМК АН СССР в 1953 г.

0,15—0,20 м выше уровня зольных прослоек. В ямке *VIII* на глубине 0,30 м от ее устья для укрепления столбов была сделана каменная обкладка в виде кольца, среди ее камней обнаружен миниатюрный сосудик грушевидной формы (рис. 3, *2*). Обычай ставить сосуды с пищей в основании жилища при закладке фундамента был распространен до недавнего прошлого. Нахождение сосуда в ямке от столба позволяет предполагать, что ямки от столбов *VII*, *VIII* и *IX* представляют собой остатки жилого сооружения, возникшего на месте разрушенной полуземлянки, в отличие от которой оно не было углублено в слой мергеля. (С этим сооружением видимо, связана яма *2*; стенки ее пересекали зольные прослойки полуземлянки.) У обнаруженной в верхней части культурного слоя ямки *VI* верхний уровень не совпадает с другими ямками от столбов,— он находился значительно выше; можно думать, что ямка *VI* относится к какому-то еще более позднему сооружению.

До последнего времени известным типом жилища на поселениях эпохи поздней бронзы и раннего железа в горном Крыму была землянка. Этот тип жилища был обнаружен на поселении у пещеры Кизил-Коба[1] и на таврском поселении в Инкермане[2]. Однако описания землянок этих поселений не опубликованы. В балке Ашлама нами обнаружен иной тип жилища—полуземлянка с наземным сооружением. Наземные жилища открыты также на поселении Уч-Баш в Инкермане. На основании этого можно предположить сосуществование разнообразных типов жилищ. Подтверждением могут служить жилища и на других поселениях эпохи поздней бронзы, например, в Алексеевском, где наряду с землянками обнаружены были и надземные сооружения[3].

На поселении в балке Ашлама было найдено большое количество обломков посуды кизил-кобинского типа, изделия из кости, кремня, зернистых пород камня, мергеля и много костей животных[4].

По составу глины посуда делится нами на две группы:

1) с примесью крупных частиц в тесте и пористой структурой черепка,

2) с примесью мелких частиц; в некоторых случаях это естественные вкрапления нумулитов, очень редко шамот. Черепок отличается большой плотностью.

Обжиг сосудов, который возможно, производился в примитивных печах-ямах, мало отличался от кострового. В большинстве случаев, в изломе черепок черный или прокален докрасна на 1—2 мм; очень редко встречались черепки, прокаленные насквозь.

Обработка поверхности сосудов была связана с их назначением: для группы кухонных сосудов характерна очень небрежная обработка наружной грубосглаженной поверхности; внутри поверхность сглажена более тщательно и, в большинстве случаев, покрыта лощением. Это свидетельствует о том, что лощение не всегда служило для украшения, а применялось и для достижения непроницаемости стенок кухонных сосудов.

Назначение сосудов лощеных снаружи, судя по разнообразию форм, вероятно, различно. В отличие от кухонных сосудов их внешняя поверхность тщательно сглажена и покрыта лощением, по блеску не уступающим лаку. Внутри лощение менее тщательное, за исключением внутрен-

[1] С. А. Бонч-Осмоловский. Доисторическое прошлое Крыма. Журн. «Крым», 2, Симферополь, 1926.

[2] С. Ф. Стржелецкий. Раскопки в Инкермане в 1940 г. СА, IX, 1947.

[3] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 76.

[4] В связи с тем, что пока нам не удалось найти различия в содержании верхнего и нижнего слоев, находки публикуем не послойно.

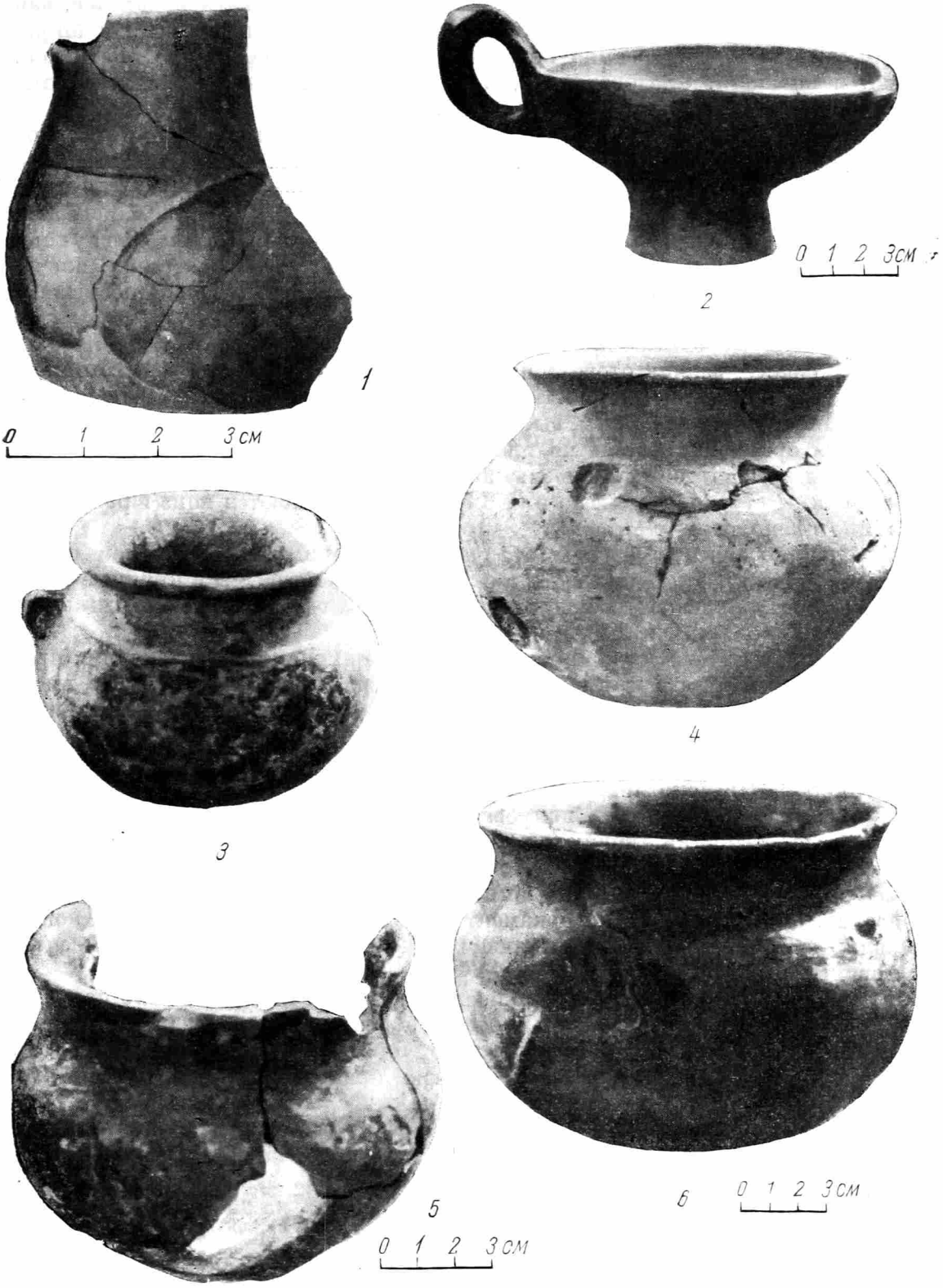

Рис. 2. Сосуды из поселения в балке Ашлама

ней поверхности венчика сосуда, которая обрабатывалась так же, как внешняя поверхность. Исключение представляют чашки-миски с широким устьем; их внутренняя поверхность отделывалась так же тщательно, как и внешняя. Следовательно, в этой группе сосудов лощение применялось для украшения видимой части.

Кухонная посуда представлена двумя основными типами сосудов с крупными примесями в тесте. Эти группы составляют: 1) котлы больших размеров, 2) горшки крупных и средних размеров.

В коллекции имеется обломок котла высотой в 0,45 м. Его максимальный диаметр 0,65 м, толщина стенок — 1 см. Венчик слегка отогнут наружу, придонная часть не сохранилась. По слабо выраженному плечу, между туловом и шейкой налеплен горизонтальный валик с несмыкающимися концами (рис. 2, *1*).

Горшки кухонные плоскодонны. Тулово округлое, плавно переходит в шейку, венчик отогнут наружу. Толщина стенок 0,8—1 см, максимальный диаметр от 0,30 до 1,16 м, диаметр устья от 0,22 до 0,14 м, диаметр дна от 0,14 до 0,085 м, высота сосуда от 0,34 до 0,25 м. Сосуды этой группы орнаментированы по плечикам горизонтальным налепным валиком или врезной линией с несмыкающимися концами. На одном из обломков концы врезной линии по плечику сосуда спускаются вниз и разведены в противоположные стороны.

Группа лощеной посуды отличается большим разнообразием форм. Характерно то, что одних и тех же форм делались сосуды и крупные и миниатюрные. Лощеные сосуды представлены следующими основными типами:

1. Чаши или миски с широким устьем. Верхние края сосудов или прямые или слегка загнутые внутрь. Край иногда скруглен или срезан, иногда несколько утолщен. Форма дна плоская или округло-уплощенная. Толщина стенок от 0,5 до 1 см. Диаметр устья мисок больших размеров 0,45 м, средних — от 0,20 до 0,30 м; диаметр устья самой маленькой чаши 0,08 м. На некоторых мисках у края находятся рельефные выступы-ручки, скругленные, полуовальные; иногда в ручках имеются сквозные отверстия, видимо служившие для подвешивания сосуда. На чашах или мисках почти отсутствует орнамент. Некоторые чаши орнаментированы рельефным коротким косым валиком, начинающимся у устья сосуда. Этот своеобразный орнамент является как бы подражанием концу рельефного валика, с несмыкающимися концами, которым орнаментированы горшки.

Миски, видимо, служили столовой посудой: к ним близки по назначению тарелки с плоским дном, косым бортиком и округленным краем.

2. Миска на массивном поддоне с одной петлеобразной ручкой (рис.2,*2*). Диаметр устья 0,12 м, высота 0,06 м, не орнаментирована. Видимо, как и чаши, относится к столовой посуде.

3. Черпаки в виде горшкообразных сосудов с вертикальной ручкой. Размеры различны: диаметр устья крупных черпаков 0,20 м, средних 0,10 м, малых 0,05—0,06 м. Высота черпака равна диаметру устья или несколько меньше его. Все черпаки круглодонны, на дне бывает вмятина, сделанная, повидимому, для устойчивости сосуда (рис. 3, *4*, *5*, *6*).

4. Горшки с приплюснуто-шаровидным туловом, уплощенно-округлым дном, четко выраженной шейкой, с уступчиком внизу и отогнутым венчиком. Сосуды этого типа имеют средние и малые размеры. Диаметр устья от 0,065 до 0,16 м, максимальный диаметр тулова от 0,07 до 0,22 м, высота от 0,05 до 0,165 м. (По пропорциям и формам этот тип сосудов близок к черпакам, но отличается от них отсутствием ручек и наличием

Рис. 3. Сосуды из поселения в балке Ашлама

четко выраженного плеча.) Орнамент на сосудах этого типа встречается редко в виде рельефных налепов-шишечек (одной или трех), расположенных по плечу сосуда. В наиболее выпуклой части тулова на некоторых сосудах имеются горизонтальные ушкообразные ручки, на одном из таких сосудов от ручки спускается косой рельефный валик (рис. 2, *3—6*).

5. Миниатюрные сосуды грушевидной формы, с округлым дном, на котором имеется вдавление в центре. Шейка не выражена, венчик резко отогнут наружу. В наиболее выпуклой части тулова — орнамент из трех косых насечек, в промежутках между ними — два конических налепа.

6. Сосуды крупных размеров с высоким горлом в виде усеченного конуса и туловом, сильно раздутым в средней части (рис. 3, *1*). Переход от горла к тулову плавный, в некоторых случаях имеется незначительный уступчик. Дно уплощенное, венчик отогнут наружу, край венчика скруглен. На изображенном сосуде венчик первоначально был отогнут наружу, но обломался. Облом венчика в дальнейшем был подправлен. Этот тип сосудов наиболее богато орнаментирован рельефными косыми валиками, тройным вертикальным валиком, спускающимся вниз по тулову сосуда, пересекающимися косыми врезными линиями и косыми врезными линиями, чередующимися с неглубокими круглыми ямками, или завершающимися пояском из круглых ямок по плечику сосуда. На обломке стенки сосуда этого типа сохранилась часть горизонтального рельефного валика по плечику сосуда со спускающимися вниз и расходящимися в разные стороны концами.

Описанные сосуды были встречены в материале из разведок на поселении в балке Ашлама и, конечно, не отражают всех типов сосудов кизил-кобинского типа.

Сосуды из поселения в Ашлама имеют много черт сходства с посудой поселений кизил-кобинской культуры как в форме сосудов, так и в орнаментике. При ограниченности материалов, характеризующих эти поселения, и почти полном отсутствии датирующих предметов для установления сравнительной хронологии уже известных нам поселений этой культуры большое значение приобретает посуда. Особенно интересны отдельные элементы орнамента рельефного и нарезного и соотношение между ними. На основании сравнения элементов орнамента посуды из поселения в Ашлама с другими поселениями кизил-кобинской культуры можно попытаться определить ее место в хронологическом ряду этих поселений.

Посуда раннетаврского поселения в Инкермане (раскопки 1948 и 1950 гг.) свидетельствует о почти полном отсутствии рельефного орнамента на поселениях позднего этапа кизил-кобанской культуры, датируемого VI в. до н. э.[1] На Симферопольском поселении, которое по обломку костяного псалия[2] датируется VII—VI вв. до н. э., наряду с широко распространенным резным орнаментом часто встречаются сосуды с рельефным орнаментом. Посуда поселения в Ашлама отличается относительной бедностью орнамента, особенно нарезного. Как показал материал Инкерманского поселения, нарезной орнамент, в отличие от рельефного, является показателем более позднего времени. Одновременно следует отметить, что отдельные элементы орнамента посуды Ашлама находят аналогии в сосудах Симферопольского поселения. Таким образом, в хронологическом ряду поселение в балке Ашлама следует за Симферопольским и может быть датировано VIII—VII вв. до н. э. Больше всего сходства по-

[1] Х. И. Крис. Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане в 1950 г. КСИИМК, вып. 58.

[2] О. Д. Дашевская. Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, стр. 110

суда из Ашлама имеет с посудой из поселения над Балаклавой. Много орнаментальных мотивов на сосудах, близких сосудам из Ашлама, мы находим и в других поселениях кизил-кобинской культуры: в стоянке у пещеры Кизил-Коба, в 1-й Альминской стоянке, на поселении Уч-Баш. Это сходство ставит вопрос о культурном и, возможно, этническом родстве племен, населявших территорию предгорного и горного Крыма в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

Обилие кремневых находок на поселении Ашлама свидетельствует о довольно широком их применении в хозяйстве и быту его обитателей.

Следует отметить, что на участке *1* (разведки 1950—1951 гг.) вблизи ямы *1*, где была открыта кремневая мастерская, найдены крупные нуклеусы с широкими сколами, ножевидные пластинки с ретушью и мелкие кремневые чешуйки. Наличие в одном комплексе нуклеусов с широкими сколами и отщепов, наряду с тонкими ножевидными пластинками, свидетельствует о том, что здесь сосуществовала техника изготовления кремневых орудий из отщепов и пластин. На участке *2* в культурном слое был обнаружен призматический нуклеус с удлиненными тонкими гранями (см. рис. 5, *7*).

Из массивных отщепов изготовлены скребковидные орудия. К ним относятся: скребок округлой формы с дуговидным лезвием (рис. 4, *1*) и скребок вытянутой формы с высоким рабочим краем, покрытым крутой ретушью (рис. 4, *2*). Кроме того, имелись орудия с притупляющей ретушью на боковых гранях, высоким рабочим краем, покрытым крутой ретушью, с легкой подтеской с брюшка; большие и малые отщепы с ретушью на одной из сторон. На отщепах с прямым рабочим краем ретушь нанесена со стороны брюшка.

Резцы изготовлены на удлиненных мелких отщепах, треугольных в сечении, с подтеской со стороны брюшка и на массивных пластинах (рис. 4, *5* и *8*).

Упомянутому призматическому нуклеусу с удлиненными гранями соответствуют удлиненные ножевидные пластины. На одной из таких пластин вдоль боковых граней имеется крутая краевая ретушь со стороны спинки (рис. 5, *8*). Ретушь на конце обломка другой ножевидной пластины позволяет рассматривать его как концевой скребок (рис. 5, *9*).

Несмотря на большое количество кремневых находок, орудия встречаются относительно редко. К ним относятся:

1) треугольный нож со слегка вогнутым серповидным лезвием (рис. 5, *1*);

2) орудие овальной формы, возможно, применявшееся в качестве вкладыша (рис. 5, *2*);

3) обломок черенковой части наконечника стрелы листовидной формы (рис. 5, *4*);

4) обломок средней части пера наконечника копья (рис. 5, *3*);

5) обломок черенковой части наконечника копья (рис. 5, *5*)[1].

Все орудия и предметы вооружения выполнены в технике двусторонней обработки всей поверхности последовательными сколами, благодаря чему все орудия имеют в сечении форму двояковыпуклой линзы. Особое

[1] Несмотря на фрагментарность двух последних орудий, представляется возможным предположить, что они являются обломками наконечников копий по аналогии с кремневым наконечником копья из раскопок грунтового могильника эпохи бронзы на территории раннетаврского поселения в Инкермане. Сходство обнаруживается не только в форме, но и в характере обработки. См. Х. И. К р и с. Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане в 1950 г. КСИИМК, вып. 58.

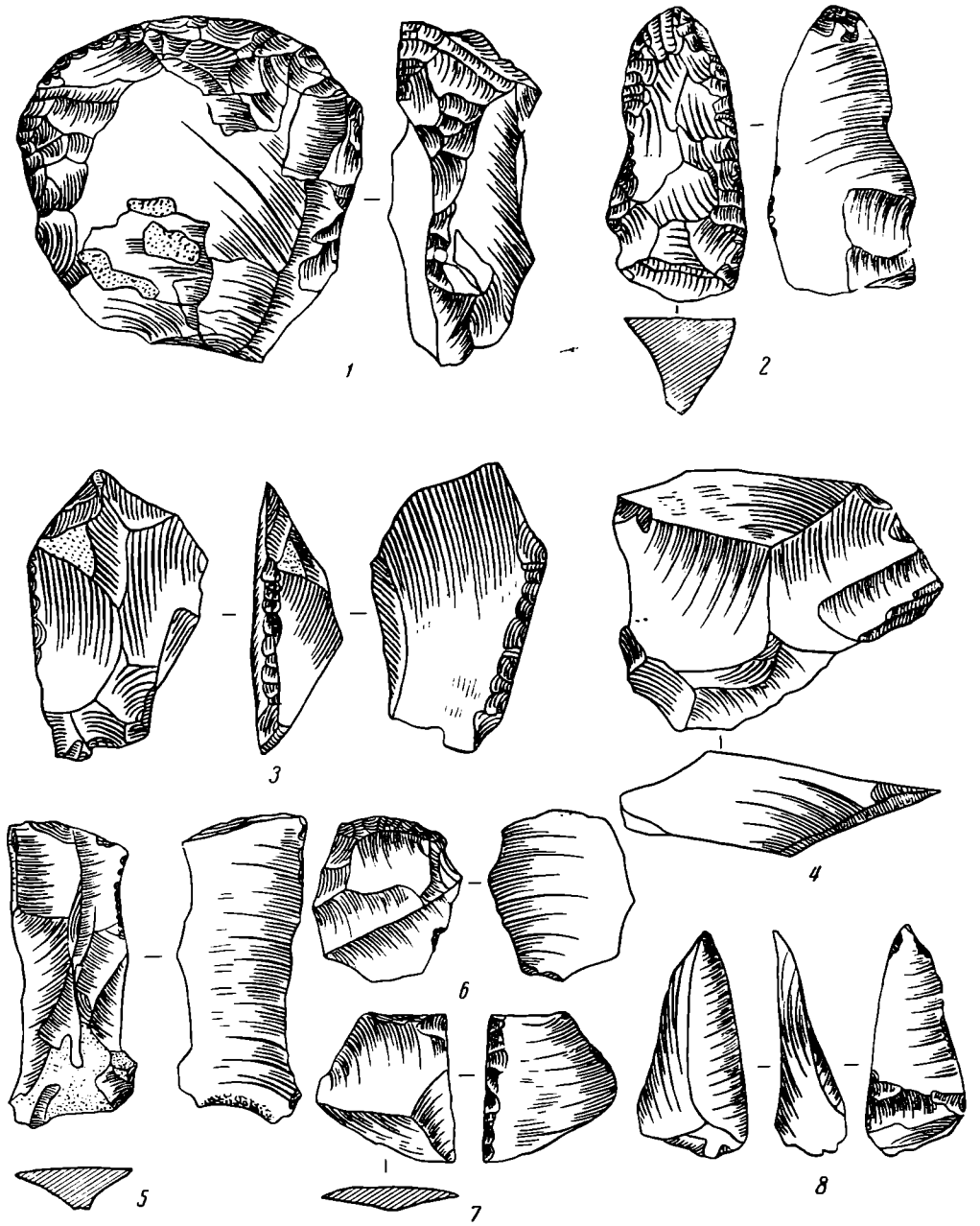

Рис. 4. Кремневые изделия из поселения в балке Ашлама

мастерство в обработке кремня проявилось в изготовлении наконечника стрелы листовидной формы (рис. 5, 4) с плоской отжимной двусторонней ретушью и мелкозубчатыми краями.

До последнего времени количество кремневых орудий из поселений эпохи бронзы и раннего железа в Крыму было весьма ограничено. Раскопки на поселении Уч-Баш дали много кремневых орудий, имеющих большое сходство с орудиями из Ашлама, в особенности с треугольными кремневыми ножами.

Разнообразие кремневого инвентаря из поселения в Ашлама и высокая техника его обработки позволяют думать, что кремень здесь еще был

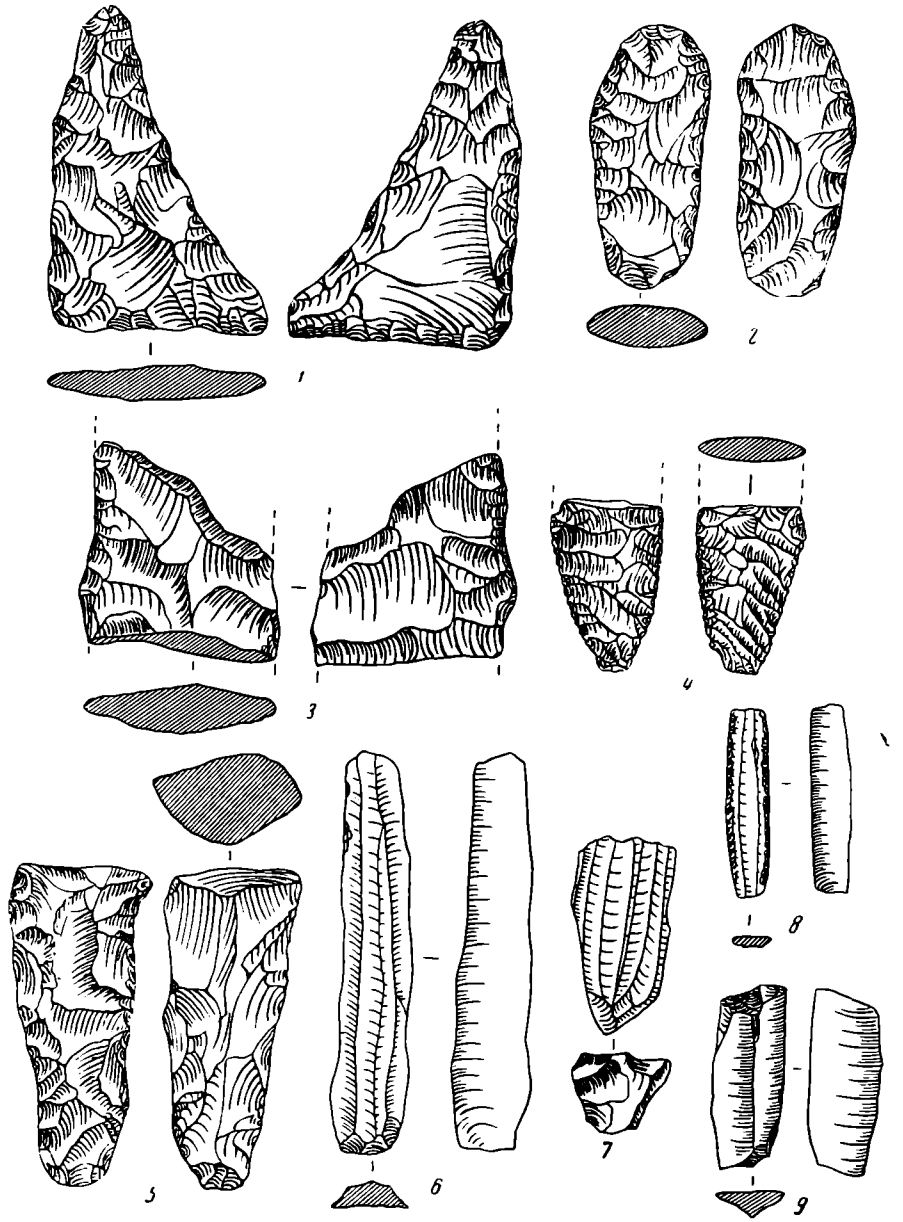

Рис. 5. Кремневые изделия из поселения в балке Ашлама

основным материалом для изготовления орудий и предметов вооружения и охоты. Найденный в культурном слое поселения железный ножик архаической формы, видимо, был одним из вестников новой поры, эпохи железа, резко изменившей производительные силы общества и его социальную структуру.

Кроме кремневых орудий, на поселении в Ашлама были найдены многочисленные орудия и поделки из камня и кости. Из зернистых пород камня изготовлялись полированные сверленые топоры, зернотерки и куранты, из мягкого мергеля — грузила. К костяным изделиям относится игла с ушком, диаметр которого не превышал 1 мм. Это свидетельствует о наличии тонкой пряжи и высоком уровне прядения и ткачества. Костя-

ные проколки, острия и орудия с дуговидным краем, изготовленные из расколотых трубчатых костей, свидетельствуют о невысоком развитии костяных изделий, что характерно для поселений эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Предварительные исследования указывают на оседлый характер поселения в балке Ашлама. Его жители занимались земледелием, скотоводством, охотой, гончарством, прядением и ткачеством, изготовляли кремневые и костяные орудия. Сравнивая глиняную посуду, кремневый инвентарь, а также зерновые ямы, характеризующие уровень развития земледелия, с раннетаврским поселением в Инкермане (VI в. до н. э.), можно думать, что поселение в балке Ашлама существовало в период, предшествующий античной колонизации, и относится к VIII—VII вв. до н. э.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

СЫРСКИЙ ЧАА-ТАС

Хакасская археологическая экспедиция 1950 г. была организована Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории, при участии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова[1].

Целью экспедиции было продолжение исследований археологических памятников Хакассии, успешно проводившихся с 1927 по 1947 г. Саяно-Алтайской археологической экспедицией ИИМК АН СССР и ГИМ под руководством С. В. Киселева[2].

Объектом работы был избран Сырский чаа-тас, находящийся в Аскызском районе Хакасской автономной области на левом берегу речки Малый Сыр[3], на землях колхоза «Хызыл Хакас». Чаа-тас расположен на возвышенном плато у невысоких гор в 1 км к северо-востоку от колхозного улуса Малые Сыры[4].

Сырский чаа-тас впервые в литературе упомянут А. Адриановым, побывавшим на нем проездом в 1881 г. и очень кратко его описавшим с приложением нарисованной от руки схемы и неточных рисунков знаков и тамг со стел чаа-таса[5]. В 1946 г. его осмотрели С. В. Киселев и Л. А. Евтюхова. Лишь в 1950 г. Хакасской экспедицией впервые здесь были предприняты раскопки курганов.

Избрать для исследования Сырский чаа-тас нас побудила важность исследования чаа-тасов для изучения вопросов этногенеза хакасов в VI—X вв. Мы преследовали цель сбора данных для выяснения областей расселения древних племен и их картографирования. Нас интересовало изучение памятников, расположенных на границе степи и тайги,

---

[1] Руководитель — аспирант кафедры археологии МГУ Л. Р. Кызласов. В экспедиции принимали участие: младший научный сотрудник Хакасского НИИЯЛИ К. М. Патачаков, а также студенты вузов Москвы, Томска и школьники. Работы в поле велись с 25.VII по 25.IX 1950 г. Информацию Л. Р. Кызласова о работах экспедиции см. «Советская Хакассия», № 200 от 10.X.1950 г., стр. 3; О результатах работ автором было доложено также на пленуме ИИМК 24.IV 1951 г. и см. КСИИМК, вып. 44, стр. 149.

[2] См. его обобщающий труд «Древняя история Южной Сибири», 2-е изд. М., 1951.

[3] По-хакасски «Кичиг Сыр», левый приток речки Большой Сыр. Ныне колхоз им. Мичурина.

[4] Старое хакасское название Пюрлер-аалы, т. е. Волчий улус. Жители этого улуса по фамилии (тёль) Анжигановы относятся к сагайскому сеоку (роду) Пюрлер (Волки), отчего улус и получил это название.

[5] А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. Зап. РГО по общей географии, т. XI, СПб., 1888, стр. 392 и 405—406; см. также табл. 2, рис. 1 и 24.

с целью выявления хозяйственного, культурного и, может быть, этнического отличия таежников от степняков.

Сырский чаа-тас расположен в пограничном районе между горно-таежной зоной (отроги Кузнецкого Ала-тау и Абаканского хребта) и последними «заливами» хакасских степей, вдающихся в горные котловины. В нескольких километрах к западу от чаа-таса начинается тайга, к востоку же открывается степь, замкнутая безлесными горами.

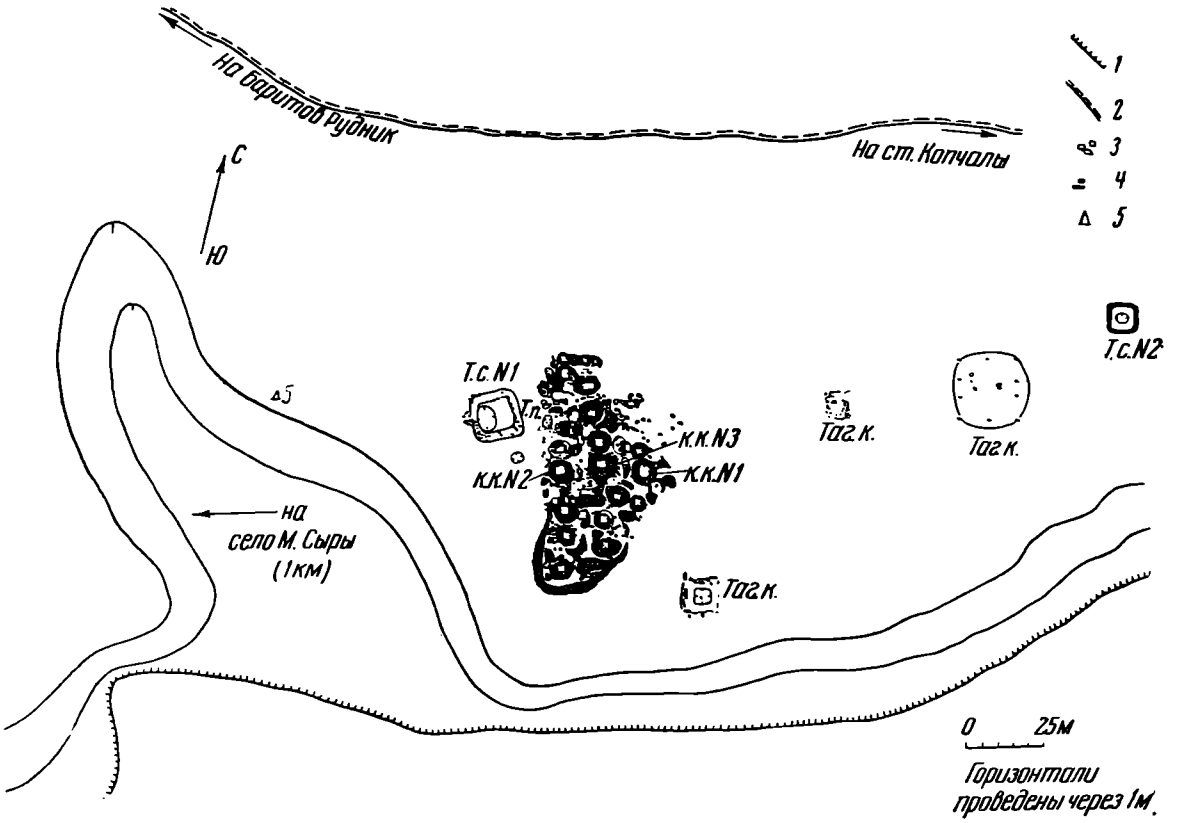

Рис. 1. План Сырского чаа-таса

1— арык; *2*— грунтовая дорога; *3*— обломки скалы и плитки; *4*— вертикально стоящие плиты; *5*— одиноко стоящая плита; *Т. с.*— таштыкский склеп; *Таг. к.*— тагарский курган; *к. к.*— каменный курган; *Т. п.*— таштыкское погребение

По этой степи протекает р. Камышта с правым притоком Большой Сыр, который в свою очередь имеет два левых притока: Средний[1] и Малый Сыр.

Собственно чаа-тас состоит из 11 каменных «кыргызских» курганов округлой формы, сложенных из обломков скал. Они имеют в диаметре 8—10 м, при высоте 0,5—1,30 м и обставлены по четырехугольнику вертикальными высокими плитами девонского песчаника. Здесь же имеется много мелких каменных курганов и насыпей без плит (рис. 1). Все каменные курганы чаа-таса имеют ямы в центральной части каменной наброски, указывающие на их давнюю ограбленность.

«Кыргызские» крупные курганы, обставленные плитами, образуют две цепочки, вытянутые с северо-запада на юго-восток. Местные жители

[1] По-хакасски «Ортын Сыр».

(хакасы) называют эту группу курганов не «чаа-тас», а говорят «көп обалар», т. е. «множество плит», причем «обалар» понимаются как вертикально установленные плиты-стелы. О названии «чаа-тас» они говорят, что чаа-тас имеется только один и ссылаются при этом на Уйбатский (Бейский) чаа-тас[1].

Сырский чаа-тас возник на площади старого кладбища таштыкской эпохи, от которого сохранились два склепа (усыпальницы), внешне обозначенные плоскими, еле заметными подквадратными насыпями, и грунтовые одиночные могилы, внешне ничем не отмеченные. До возникновения таштыкского могильника на этом плато находились три кургана тагарской эпохи (VII в. до н. э.— I в. до н. э.). В 1950 г. нами раскопано три каменных «кыргызских» кургана, большой таштыкский склеп и одно грунтовое таштыкское погребение[2].

Описание материалов из раскопок приводим в хронологической последовательности.

1. ПАМЯТНИКИ ТАШТЫКСКОЙ ЭПОХИ

(I в. до н. э.— V в. н. э.)

Раскопанный нами таштыкский склеп № 1 расположен в 6 м к юго-западу от северо-западного края чаа-таса, в направлении на одиноко стоящую плиту. Внешне он представлял собой подквадратную плоскую насыпь (14 × 14 м), обрамленную со всех сторон валом шириной около 2 м, при высоте в 10—15 см (рис. 2). Вал состоит из земли со щебнем и подостлан вымосткой из обломков плитняка. Внутри вала имелась впадина неправильной формы размером 7 × 7 м, при глубине до 0,5 м, образовавшаяся от оседания земли, после того как потолок склепа обрушился. С юго-западной стороны посредине вала стояли две вертикально вкопанные толстые (до 30 см) плиты девонского песчаника, отмечавшие «вход» в склеп шириной в 1,10 м. Эти плиты отбиты сверху и в настоящее время сохранились на высоту до 30 см. В 1,10 м к юго-западу от них была вкопана на боку третья плита, преграждавшая вход (длина ее 1,05 м, толщина до 15 см). Против входа, к ЗЮЗ 225° от его центра, на расстоянии 56 м стоит вертикальная плита высотой в 1,60 м (толщина 17 см, наибольшая ширина 98 см), вероятно, также связанная с таштыкским склепом (см. рис. 1). Эта плита на середине высоты имеет боковые выемки и, оче-

---

[1] «Чаа-тас» в переводе с хакасского означает «камень войны». Согласно легенде, это место войны двух богатырей в давние времена. Богатыри в своем поединке пользовались необычным оружием. Они с силой метали друг в друга огромные камни-плиты, которые в беспорядке врезались в землю и оставались стоять один возле другого в разнообразных положениях. Так, по преданию, возник Уйбатский чаа-тас. По другой легенде — это окаменевшие роговые луки похороненных здесь живших на реке Уйбате хакасских воинов: «ча-тас», т. е. «лук-камень» (Н. Ф. Катанов. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. IX, СПб., 1907, стр. 499).

Представление об окаменевших луках возникло, вероятно, при виде хорошо отесанных изогнутых, «саблевидных», карасукских стел, во множестве стоявших как на Уйбатском чаа-тасе, так и на других.

«Чаа-тас» как археологический термин обозначает группу каменных «кыргызских» курганов, каждый из которых обставлен вертикальными стелами по четырехугольнику — см. «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, стр. 54 и табл. II, VI. Этот термин введен в науку в конце XIX в. А. В. Адриановым и Д. А. Клеменцом (Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, стр. 13 и 26).

[2] Все коллекции из наших раскопок находятся в Хакасском областном краеведческом музее в г. Абакане. Второй таштыкский склеп раскопан нами в 1955 г.

видно, служила столбом для привязывания верховых коней всех приезжавших на похороны и поминки [1].

Раскопками была вскрыта бревенчатая погребальная камера с выходом-дромосом, которая сооружалась, повидимому, следующим образом: первоначально была вырыта четырехугольная яма 9,15 ×10,25 м (вытянутая с ССЗ на ЮЮВ) на глубину в 1,5 м, в которой по четырехугольнику вплотную один к другому были вбиты толстые березовые столбы-

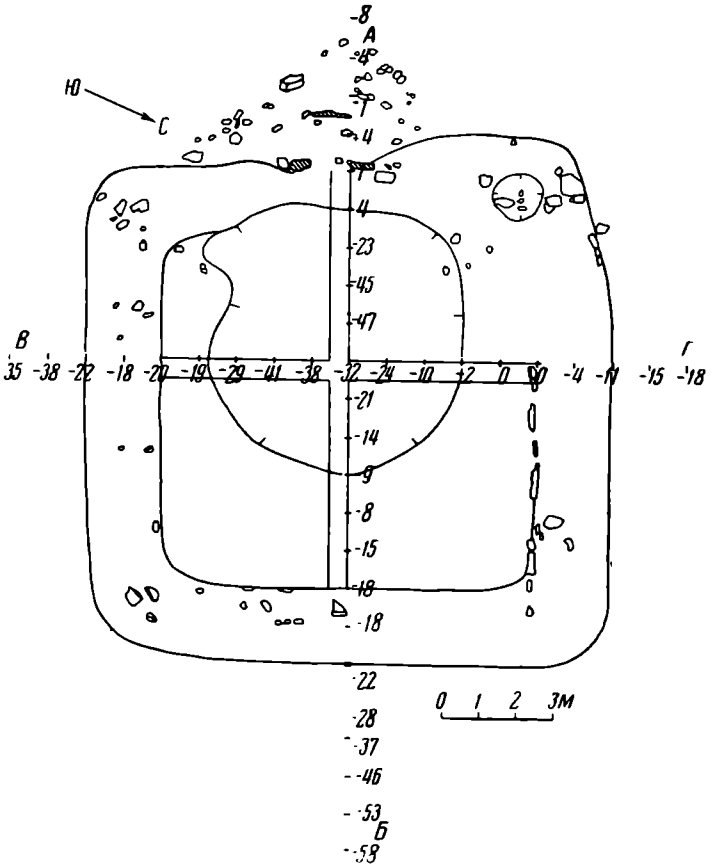

Рис. 2. Склеп № 1, нивелировочный план

колья (диаметром 10—35 см). Далее этот частокол с внешней стороны снизу доверху был плотно обложен широкими, заходящими одна за другую, толстыми пластинами вываренной бересты. После этого пространство между краем ямы и берестой было засыпано землей со щебнем. Такими же широкими толстыми, перекрывавшими одна другую, пластинами бересты был застелен и весь пол камеры. Со всех столбов кора была снята, а нижние концы затесаны. Вдоль стен были положены толстые бревна (диаметром 35—40 см), которые вплотную примыкали к стенке частокола. В месте стыков (в углах) концы их накладывались одно на другое простой клеткой

[1] В хакасском эпосе постоянно упоминаются столбовые коновязи (сарчин) у юрт богатырей. Они большей частью золотые (алтын сарчин). Современные хакасы также обычно оставляют лошадей за пределами кладбища, подходя к могилам только пешком.

без зарубок. С каждой стороны было положено по два бревна, а у юго-восточной — три. У северо-западной стенки, для того чтобы бревна клетки не провисали, между ними был вставлен чурбак-распорка.

Все это помещение было сверху перекрыто потолком из длинных бревен, концы которых укладывались на стенки камеры параллельно входу. Бревна потолка подгонялись вплотную одно к другому и крепились на поперечной матице, опиравшейся на стенки камеры и проходящей посредине несколько наискось. Кроме того, опорами матицы служили два столба, установленные на берестяном полу на торцовые срезы (один из них не сохранился). Сверху бревна потолка были покрыты слоями вываренной бересты и завалены землей (рис. 3). Таким образом была сооружена четырехугольная бревенчатая камера площадью около 62 м², почти герметически закупоренная от проникновения дождевых и грунтовых вод.

Судя по тому, что камера оказалась целиком заполненной землей и сравнялась с современной поверхностью, первоначально над склепом, из земли, вынутой при рытье ямы, была сооружена насыпь в виде усеченной четырехугольной пирамиды до 1,5 м высотой, которая после обвала потолка склепа заполнила камеру, сравняв ее с поверхностью степи. С. В. Киселеву при исследовании 12 таштыкских склепов Уйбатского чаа-таса удалось установить форму таких насыпей [1].

Четырехугольный вал насыпи, подостланный плитняком, являлся основанием земляной пирамиды.

Камера склепа № 1 имела вход-дромос, который был сооружен из вертикально вкопанных столбов, обтянутых берестой и лежащих вдоль них бревен по направлению к плитам входа. Пол входа был настлан поперечными горбылями в виде спускающегося в яму трапа. Здесь же был найден длинный каменный брус, который в свое время перекрывал сверху вертикально вкопанные плиты входа, а также остатки горбылей от потолка дромоса.

Судя по хорошо сохранившимся затесам на торцовых частях бревен клетки и концах бревен частокола, их обработка производилась топором с ударной частью длиною в 7 см, при ширине в 5 см и пальштабовидным теслом длиною в 4 см. Кроме того, в склепе были обнаружены деревянная колотушка, которой забивались в землю столбы частокола, и березовые клинья для раздирания бревен на горбыли при помощи тех же колотушек (рис. 13,*1*).

Все бревна и столбы были сильно обожжены. Особенно пострадал накат потолка камеры и дромоса, от которого сохранились лишь сильно обугленные остатки далеко не всех бревен (рис. 3) [2]. По своему устройству

---

[1] Древняя история Южной Сибири, изд. 2-е, М., 1951, стр. 418. Мною при разведке в 1950 г. открыты на оз. Балан-куль, у пионерского лагеря, два земляных кургана с насыпью в виде усеченной пирамиды с основанием 25 × 25 м и при высоте в 2 м. Весьма вероятно, что под ними скрываются непровалившиеся таштыкские склепы.

[2] Любопытно, что по конструкции таштыкским склепам совершенно аналогичны землянки хантов с усеченно-пирамидальной крышей и таким же внутренним устройством: А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский север, т. III, Тобольск, 1911, стр. 73; Г. Старцев. Остяки, Л., 1928, рис. на стр. 27, и в особенности см. U. T. Sirelius. Über die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker. Finnisch Ugrische Forschungen, Bd. VII (1907), стр. 106—107 и рис. 74. Землянки других народов Сибири такой близости к таштыкским склепам в форме и конструктивных деталях не имеют.

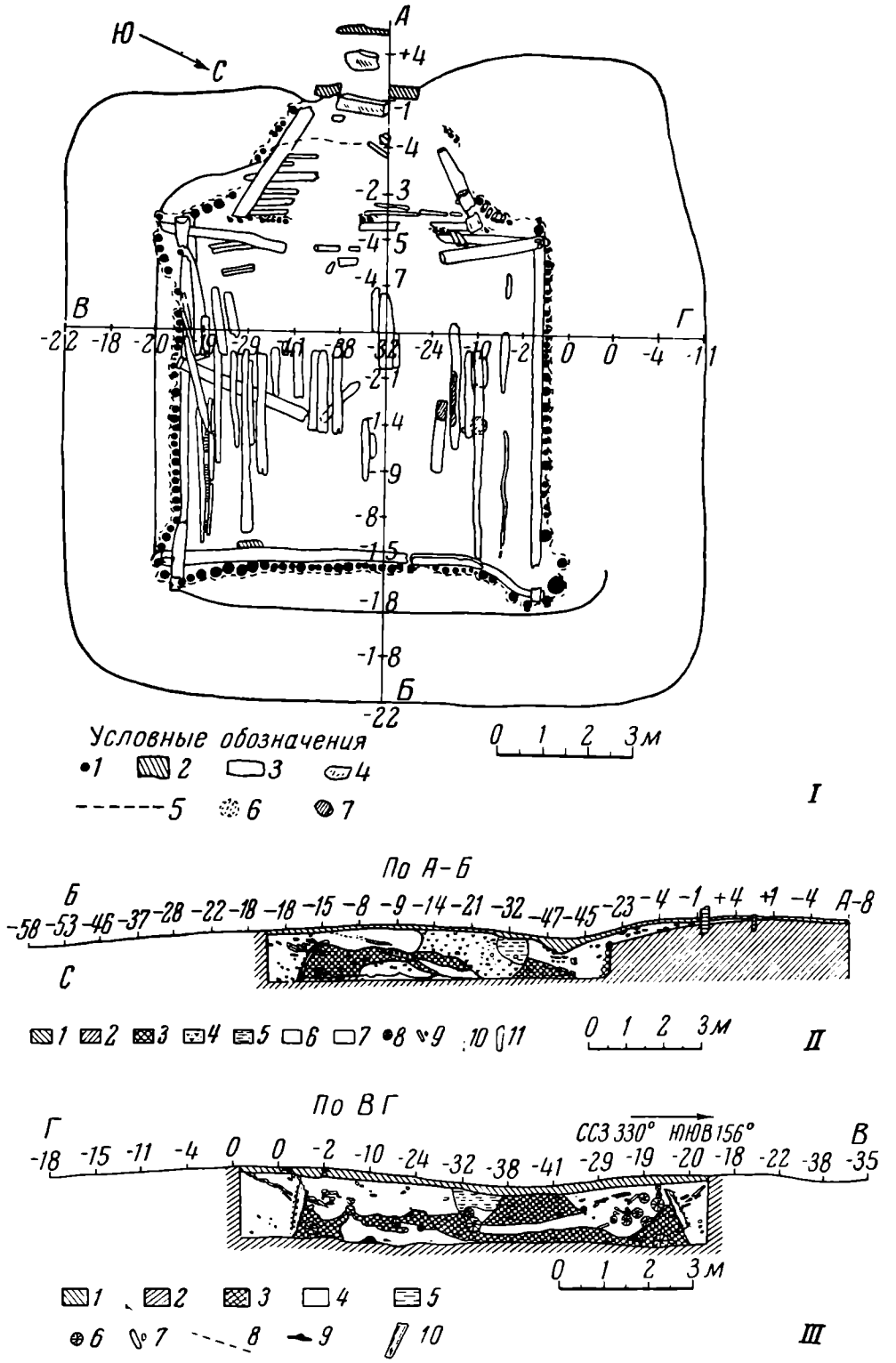

Рис. 3. План устройства камеры склепа № 1 и разрезы ее:

I. *1*— столбы частокола; *2*— вертикально врытые каменные плиты; *3*— бревна; *4* — лежащие камни; *5*— берестяная обтяжка частокола; *6*— столб-подпорка матицы потолка; *7* — береста
II. *1* — дерн; *2*— материк; *3*— угольно-зольный слой; *4*— темный суглинок с углями; *5* — светлый суглинок без примесей; *6*— суглинок со щебнем; *7*— слой обугленной травы; (под 6 ым) *8*—бревна; *9* — плитки; *10*— береста; *11*— вертикально стоящие плиты;
III. *1*—дерн; *2*—материк; *3*—угольно-зольный слой; *4* — суглинок со щебнем; *5*— светлый суглинок без примесей; *6*— бревна; *7*— плитки; *8*— береста; *9* — слой обугленной травы; *10* — столбы частокола

этот склеп относится к выделенному нами IV типу таштыкских склепов, распространенному лишь на левобережье р. Енисей [1]. Специфическое устройство пола заставляет относить склеп к позднему варианту IV типа. Во всех отношениях склеп № 1 Сырского чаа-таса совпадает с одновременным ему склепом, раскопанным С. А. Теплоуховым «на увале» у дер. Сарагаш в 1923 г. (могила № 52) [2].

После разборки просевших бревен наката потолка и засыпки опустившейся курганной насыпи, на всей площади погребальной камеры был открыт слой кострища, состоявший из обожженной травы, местами обуглившейся до состояния спекшегося травяного шлака, местами почти не обожженной и спрессовавшейся в виде бурого плотного слоя [3]. Толщина этого слоя в разных местах неравномерная (от 5 до 20 см). При послойном снятии травы в ней были обнаружены погребения, в виде отдельных кучек пережженных человеческих костей, и погребальный инвентарь, состоявший из самых разнообразных предметов. Необходимо отметить, что отмеченный другими исследователями обычай укладывания пережженных останков покойных в особые «венки» или «гнезда», свитые из травы, в этом склепе не был обнаружен. Все кучки жженых костей залегали в общем слое травы, что затрудняло выделение инвентаря по отдельным погребениям.

Ниже, под слоем травы, лежали сильно обугленные длинные бревнышки (диаметром 8—12 см), уложенные поперек камеры на некотором расстоянии одно от другого (15—50 см) по всему берестяному полу.

Вероятно, они вместе с сухой травой послужили основным материалом для окончательного сожжения склепа, так как берестяной настил был обуглен только под ними. В одном случае на полу лежала часть какого-то огромного ложа или полатей в виде длинной боковой лаги с одной ножкой, с тремя отверстиями (рис. 4) [4]. Очевидно, эту часть полатей занесли в склеп для того, чтобы использовать в качестве топлива. Костные остатки и вещи были обнаружены как на бревнышках, так и между ними в слое обугленной травы.

Количество погребенных определяется в основном по количеству лицевых масок, обнаруженных в склепе, которые как правило изготовлялись для каждого покойного, будь то мужчина, женщина или ребенок. Кучки пережженных костей не дают возможности подсчета, ибо они могли при смещении соединяться, что и наблюдалось нами, когда на одной большой кучке обнаруживались обломки двух, а иногда и более лицевых масок.

В отдельных случаях встречались маски, возле которых не оказывалось костных остатков. Например, некоторые погребения, видимо, не уместившиеся на полу, были уложены по стенам между бревен клетки, откуда

---

[1] Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха (I в. до н. э.— V в. н. э. в истории Хакасско-Минусинской котловины). Автореферат диссертации, изд. МГУ, М., 1953, стр. 3—4.

[2] С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 51 и табл. II, рис. V. 2; детальное описание содержится в полевом дневнике Теплоухова «Дневник раскопок в районе Сарагаш и Новоселово 1923 г.», хранящемся ныне в Музее этнографии народов СССР.

[3] Все травы относятся к степным злакам; главным образом это — ковыль и злак с длинными узкими листьями, напоминающий осоку, по Адрианову (XXX иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь», к № 254, 23.XI 1903 г., стр. 2).

[4] Предметы, номера которых не указаны в легенде к рис. 4, не взяты в музейную коллекцию как не имеющие значения находок.

кости затем осыпались вниз. Часть их масок свалилась за бревна клетки, где и была обнаружена нами между бревнами частокола. Всего нами зарегистрировано 108 масок, большая часть которых была сильно разрушена. Это происходило оттого, что маски укладывались на кучки костей не обожженными и, следовательно, не накладывались на лицо трупа при его сожжении. Маски изготовлялись для обрядов (культ мертвых), совершаемых после сожжения трупа и до погребения праха. Очевидно, между сожжением и погребением праха проходил какой-то промежуток времени (может быть, год, как позднее у потомков «таштыкцев»— древних хакасов, по сообщению Таншу)[1]. Для совершения таких обрядов и были нужны портретные, разрисованные яркими красками, маски, сохранявшие облик покойного. По окончании срока, нужного для обрядов, в склеп вносились остатки костей от сожжения, которые ссыпались кучкой в слой травы; рядом клались вещи, а сверху накладывалась уже не нужная маска. После того как склеп был полностью заполнен останками покойных, перед окончательным его закрытием, он поджигался. Сильный огонь охватывал внутри всю камеру, но очень скоро вход заваливался землей и то, что сразу не было уничтожено огнем, обугливалось без доступа воздуха, не теряя формы. Вскоре, за недостатком кислорода, все угасало. В таких условиях маски, изготовленные из гипсовидной массы, попав под действие сильного огня, хорошо обжигались, твердели и лучше сохранялись, правда, теряя окраску.

Не попавшие в огонь маски разрушались. Найденные при раскопках, они представляли собой лишь кучку или слой белой, жирной, легко рассыпающейся массы. У некоторых масок обожженные части сохранились, а части, не попавшие в огонь, деформировались. Все это позволило заключить, что маски обжигались только в склепе, а не на погребальных кострах.

Погребенных в склепе было больше, чем 108 человек, ибо были и костные останки людей без масок, рассыпанные на полу дромоса. Между плитами входа и даже снаружи за ними наверху под слоем дерна, также были обнаружены пережженные кости каких-то людей, не удостоенных захоронения в основной камере склепа. Часть жженых костей находилась под лежавшей у входа плитой, предохранявшей их от затаптывания при вносе в склеп останков более почитаемых покойников. Между плитами входа кости и обломки керамики оказались втоптанными в грунт (см. рис. 4).

Все это свидетельствует о ссыпании костей бесправных людей у входа еще задолго до того, как основная камера склепа была заполнена. В этом мы видим наличие далеко зашедшей дифференциации в обществе людей, оставивших после себя этот склеп. Общее число погребенных определяется нами приблизительно около 120 человек.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, связанное с погребальным обрядом. В склепе при погребениях, в четырех разных местах камеры, были обнаружены длинные кожаные мешочки, вывернутые мехом внутрь и набитые жгутами травы вроде осоки. Все четыре мешочка были сильно обуглены и сохранились плохо. Удалось выяснить, что они сужались к одному округло зашитому краю, в то время как второй расширяющийся край был оборван и имел неровные края. Эти мешочки имели размеры: один — длина 55 см (ширина оборванного края 13 см, узкого 8 см), другой 31 × 10 × 4 см. Не приходится сомневаться, что

[1] Н. Я. Бичурин (о. Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.— Л., 1950, стр. 353.

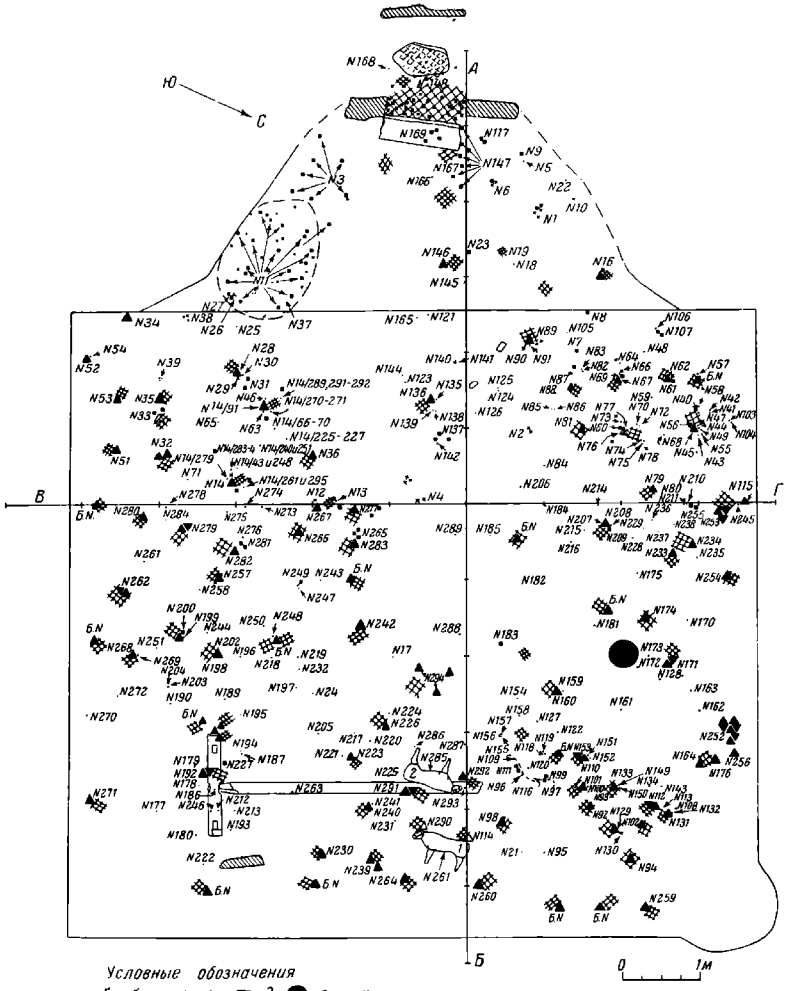

Рис. 4. План находок склепа № 1

а — обломки липеных масок; *б* — фрагменты керамики; *в* — место находки; *г* — кучки перемешанных костей человека; *д* — вертикально установленные камни; *е* — столб—подпорка матицы потолка; *ж* — кости животных; *з* — граница костра дромоса; *и* — граница внешней берестяной обтяжки частокола (на полу); *к* — участки этой границы, где частокол не сохранился; *Б*. № — разрушившиеся маски без номеров, не взятые в коллекцию; *АБ* и *ВГ* — оси склепа с отметками через 1 м.

№ 1 — обломки баночных сосудов; *№ 2* — астрагал коровы; *№ 3* — обломки сосудов (в том числе поддон кубка); *№ 4* — кости животных; *№ 5* — амулет с парными головками коней; *№ 6*—обломки сосудов; *№ 7* — баночный сосуд; *№ 8* — обломки сосудов; *№ 9* — то же (в том числе часть поддона от кубка); *№ 10* — астрагал коровы; *№ 11* — обломки сосудов (часть поддона кубковидного сосуда); *№ 12* — то же; *№ 13* — обрывки шерстяной ткани, конская фаланга, колышек; *№ 14* — обрывки шерстяной ткани; *№ 14/43* — обломки железных миниатюрных удил; *№ 14/66* — золотая обкладка от конусовидной бляшки и золотой пистон; *№ 14/67* — коническая бляшка, покрытая золотом; *№ 14/68*— то же; *№ 14/69*— то же; *№ 14/70* — то же; *№ 14/91* — обломки детской маски; *№ 14/225* — четырехгранная палочка; *№ 14/226*— деревянный предмет; *№ 14/227* — корытце с волнутым дном; *№ 14/240* — биконическая граненая ножка «столика»; *№ 14/243* — грибообразный предмет; *№ 14/261*— верхняя часть ноги статуи животного; *№ 14/261* — деревянная спиралька; *№ 14/270* — деревянные имитации набаных клинков; *№ 14/271*—два обломка древка стрелы (ударный конец для насада втульчатого наконечника и противоположный — с вырезом для тетивы); *№ 14/279*— обломки деревянной шкатулки; *№ 14/283* — пять конических бляшек, крытых золотом; *№ 14/284* — ножный узкий мешок, набитый травой (рука от погребальной куклы); *№ 14/289* — ремень, завязанный в узел; *№ 14/291*— остатки овчины; *№ 14/292*— фетровидный войлок; *№ 14/296* — обрывок носы человека; *№ 15* — обломки дна и поддона кубковидного сосуда; *№ 16* — обломки маски и керамики; *№ 17* — палочка с прорезью; *№ 18*— амулет с двумя головками коней; *№ 19* — обломки сосудов; *№ 20* — то же; *№ 21* — древко стрелы в обломках; *№ 22*— амулет с двумя головками коней; *№ 23* — обломки сосудов; *№ 24* — обломки деревянной модели лука и палочки с отверстием; *№ 25* — обломок ножа; *№ 26*— половина удил нормальных размеров; *№ 27* — обломки двух сосудов; *№ 28* — обломки маски; *№ 29* — астрагалы барашка (2) и пяточная кость коровы; *№ 30* — обломок миниатюрных удил; *№ 31* — обломки очень большого баночного сосуда; *№ 32* — обломки двух масок; *№ 33* — деформированная маска и фрагменты керамики; *№ 34*— маска; *№ 35* — то же; *№ 36*— то же; *№ 37* — нижний отдел конской ноги в естественном сочленении; *№ 38*—фаланги барана; *№ 39* — обломки деревянной модели лука; *№ 40* — втулка от зонта; *№ 41* — резная деревянная планетка (полукруг); *№ 42*— пуски «перегоревшей ножки; *№ 43* — сверток ткани; *№ 44* — конская фаланга; *№ 45* — обломки маски; *№ 46* — обрывок ремня; *№ 48*— амулет с парными головками коней; *№ 49* — деревянная планетка с резьбой; *№ 51* — обломки маски; *№ 52* — то же; *№ 53* — то же; *№ 54* — амулет в виде бегущей лошадки; *№ 55* — шелковая ткань; *№ 56* — кожаный узкий мешок, набитый травой (рука от погребальной куклы); *№ 57* — бронзовая пластинка — остатки амулета с парными головками коней; *№ 58* — конусовидная граненая деревянная бляшка; *№ 59* — грубо вырезанный деревянный блоковидный предмет; *№ 60* — венчик сосуда; *№ 61* — деформированная маска; *№ 62* — обломки сосуда; *№ 63* — железная пряжка; *№ 64* — обломок деревянного предмета; *№ 65* — фаланга животного; *№ 67* — обломки маски и керамики; *№ 68* — фетровидный войлок; *№ 69* — деревянные палочки; *№ 70* — амулет в виде фигурки коня; *№ 72* — деревянная бляшка в виде шестигранной пирамиды с обрывком золотого листка; *№ 73* — верхняя часть грибообразного деревянного предмета; *№ 74* — три тонких обрывка человеческих косичек; *№ 75*— обрывки ткани и фетра; *№ 76* — маска-бюст; *№ 77* —астрагал барана со сверлиной и деревянный клин; *№ 78* — астрагал барана; *№ 79* — обломки маски; *№ 80* — золотая обкладка шестигранной пуговицы и деревянный клин; *№ 81* — обломки маски; *№ 82* — часть миниатюрных удил; *№ 83* — бараньи фаланга; *№ 84* — конская фаланга; *№ 85* — амулет в обломках ; *№ 86* — обрывки ткани; *№ 87* — обломки маски; *№ 88* — деревянная резная планетка с шашечным полем; *№ 89* — кости животных; *№ 90* — обломки маски; *№ 91* — части обруча зонта (?); *№ 92* — обломки маски; *№ 93* — верхняя часть задней ноги статуи животного; *№ 94* — обломки маски; *№ 95* — бронзовая пряжка (в виде четырехугольной рамки); *№ 96* — обломок (пластинка) от амулета (бронза); *№ 97* — деревянная бляшка в виде шестигранной пирамидки с золотой оклейкой; *№ 98* — обломки маски; *№ 99* — обломки горшковидного сосуда; *№ 100*— обломки маски; *№ 101* — ткань шерстяная; *№ 102* — обломки маски; *№ 103* — деревянная полуспиральная колотушка; *№ 104* — задняя нога статуи лошади; *№ 105* — ткань шерстяная; *№ 106* — амулет с парными головками коней; *№ 107* — обломки сосудов; *№ 108* — квадратная деревянная бляшка с резным фестончатым орнаментом; *№ 109* — модель лука; *№ 110* — часть деревянной ручки; *№ 111* — обломки сосудов; *№ 112* — обломки двух масок; *№ 113* — шлированные кусочки шерстяной ткани; *№ 114* — обломки маски; *№ 115* — то же; *№ 116* — полусферическая деревянная бляшка с рантом, крытая золотом; *№ 117* — обломки сосудов; *№ 118* — деревянный «наконечник» стрелы; *№ 119* — часть обруча зонта; *№ 121* — бронзовая сердцевидная пряжка с подвижным язычком; *№ 122*— копыто статуи коня и верхняя часть грибообразного предмета; *№ 123* — половина миниатюрных удил; *№ 124* — восьмеркообразное звено железной цепочки; *№ 125* — бронзовая пластинка — обломок амулета; *№ 126* — амулет в виде фигурки сидящего медведя; *№ 127* — амулет в виде фигурки коня; *№ 128* — обрывок плющеного золота; *№ 129* — обломки маски; *№ 130* — астрагал коровы; *№ 131* — обломки маски; *№ 132* — ткань шерстяная; *№ 133* — две резные деревянные планетки, обтянутые золотом; *№ 134* — деревянный ладье видный предмет; *№ 135* — граненая биконическая «ножка столика»; *№ 136* — маска; *№ 137* — керамика; *№ 138* — ткань шерстяная; *№ 139* — косичка; *№ 140* — два астрагала (барана и коровы); *№ 141* — береста со следами шва; *№ 142* — золотой конус — от деревянной бляшки; *№ 143* — треугольная ручка деревянного ладьевидного предмета; *№ 144*—листок плющеного золота; *№ 145* — астрагал коровы; *№ 146* — мелкие обломки маски; *№ 147* — обломки сосудов; *№ 148* — вавал битых сосудов; *№ 149* — обломки маски; *№ 150* — ткань шерстяная; *№ 151* — амулет с двумя головками коней; *№ 152* — полусферическая деревянная бляшка с рантом, крытая золотом, *№ 153* — обломки двух масок; *№ 154* — ленточка плющеного золота; *№ 155* — береста от туеса со следами шва; *№ 156* — конская фаланга; *№ 157* — миниатюрный амулет с двумя головками коней; *№ 158* — амулет с двумя головками коней; *№ 159* — бронзовая пряжка с подвижным язычком; *№ 160* — обломки маски; *№ 161* — деревянное корытце с заостренным дном; *№ 162* — деревянный резной предмет; *№ 163* — ткань шерстяная; *№ 164* — обломки маски; *№ 165* — кольцо нормальных железных удил; *№ 166* — наменный оселок; *№ 167* — половина бронзового амулета (одна головка коня); *№ 168* — обрывок золотого листка; *№ 169* — обломки сосудов; *№ 170* — амулет с парными головками коней; *№ 171* — обломки двух масок; *№ 172* — обрывок золотого листка; *№ 173* — астрагал барана с просверленным отверстием; *№ 174* — обломки маски; *№ 175* — грибообразная деревянная ножка; *№ 176* — обломки маски; *№ 177* — бронзовая пластинка от амулета и часть трубочки из бронзы; *№ 178* — бокаловидный деревянный ритуальный сосуд; *№ 179* — грибообразная деревянная ножка; *№ 180* — ткань шерстяная; *№ 181* — обрывок листового волота; *№ 182* — обломок миниатюрных удил; *№ 183* — обломки сосудов; *№ 184* — амулет с парой головок коней; *№ 185* — нижняя часть ножки грибообразного предмета; *№ 186* — деревянная бочечковидная бусина; *№ 187* — треугольная ручка деревянного ладьевидного предмета; *№ 188* — бронзовая пряжка; *№ 189* — деревянная резная планетка; *№ 190* — верхняя часть грибообразного предмета и шерстяная ткань; *№ 192* —обломки двух масок; *№ 193* — полукруглая резная деревянная планетка; *№ 194* — деревянное острие со вставленной в боковое отверстие четырехгранной палочкой; *№ 195* — деревянная резная планетка с орнаментом «елочка»; крыта волотом; *№ 196* — деревянная миниатюрная модель двухдырчатого псалия; *№ 197* — овальная крышка коробки с зазкраидами из двух досок; *№ 198* — две бронзовые пластинки от амулетов; *№ 199* — маленький грибообразный предмет; *№ 200* — обломки сосудов; *№ 201* — обломки маски; *№ 202* — то же; *№ 203* — ткань шерстяная; *№ 204* — нижняя часть (ножка) грибообразного предмета; *№ 205* — чашевидный предмет из дерева и здесь же обломки овального дна коробки; *№ 206* — восьмеркообразное звено железной цепочки и обломок миниатюрных удил; *№ 207* — маска мужского лица с длинным горбатым носом; *№ 208* — ткань шерстяная; *№ 209* — обломки сосудов; *№ 210* — овальный деревянный «утюжок»; *№ 211* — деревянная планка с двумя отверстиями; *№ 212* — деревянная резная булава с двумя спиралями; *№ 213* — целая передняя нога статуи лошади с шипом; *№ 214* — ткань шерстяная; *№ 215* — вар; *№ 216* — два полукруглых деревянных «утюжка»; *№ 217* —обломок амулета в виде фигуры лошади; *№ 218* — бронзовая пряжка; *№ 219* — обломки двух амулетов с парными конскими головками; *№ 220* — амулет с двумя головками коней; *№ 221* — обломки бронзовой пластинки, вероятно, от амулета; *№ 222* — ткань шерстяная; *№ 223* — обломки маски; *№ 224* — обломки крышки деревянной шкатулки; *№ 225* — полукруглая деревянная планетка и целый ладьевидный предмет с треугольной ручкой и пахматным узором; *№ 226* — обломки маски; *№ 227* — обломки сосудов; *№ 228* — деревянная рукоятка нагайки (модель); *№ 229* — резной полусферический предмет с ложкатой разделкой поверхности; *№ 230* — обломки маски; *№ 231* — втулка зонта с обломками спиц; *№ 232* — нижний отдел костей ноги лошади в естественном сочленении; *№ 233* — обломки маски; *№ 234* — то же; *№ 235* — колечко от миниатюрных удил; *№ 236* — обрывки фетра; *№ 237* — обрывки волотого листка; *№ 238* — половина восьмеркообразного звена от железной цепочки; *№ 239* — обломки двух масок; *№ 240* — обломки маски; *№ 241* — треугольная ручка от деревянного ладьевидного предмета; *№ 242* — обломки маски; *№ 243* — поддон кубковидного сосуда; *№ 244* — астрагал барана со сверлиной, фаланга коня; *№ 245* — передняя нога статуи лошади; *№ 246* — обломок древка стрелы с арочным вырезом для тетивы; *№ 247* — длинная нога статуи оленя (?); *№ 248* — обломок деревянной резной планетки; *№ 249* — два обломка резных деревянных предметов; *№ 250* — кожаный узкий мешок, набитый травой (рука от погребальной куклы); *№ 251* — обрывок человеческой косы; *№ 252* — семь масок, упавших со стены камеры (одна из них детская); *№ 253* — обломки трех масок; *№ 254* — обломки маски; *№ 255* — фрагменты сосудов (в том числе две ручки глиняных котлов); *№ 256* — обломки маски; *№ 257* — то же; *№ 258* — ткань шерстяная; *№ 259* — обломки ярко раскрашенной маски; *№ 260* — обломки маски, на шее которой красной изображено ожерелье из двух рядов бус с подвесками; *№ 261* — статуя самки северного оленя с уздечкой; *№ 261а* — ткань шерстяная; *№ 262* — обломки двух масок; *№ 263* — амулет с парными головками коней; *№ 264* — обломки маски-бюста; *№ 265* — обломки сосудов; *№ 266* — обломки маски; *№267*— то же; *№ 268* — то же ; *№ 269* — волосы человека; *№ 270* — деревянная скульптурная спираль; *№ 271* — детская маска с обломанной шеей; *№ 272* — бронзовая пряжка; *№ 273* — амулет с парой конских головок; *№ 274* — железная пирловидная пряжка с подвижным язычком; *№ 275* — волотая обкладка от конической деревянной бляшки; *№ 276* — стеклянная голубая бусина; *№ 277* — обломки маски и сосудов; *№ 278* — деревянный «наконечник» стрелы; *№ 279* — обломки двух масок; *№ 280* — обломки маски; *№ 281* — фрагменты сосудов; *№ 282* — обломки маски; *№ 283* — то же; *№ 284* — бокаловидный ритуальный деревянный сосуд; *№ 285* — статуя северного олеия-быка с уздечкой; *№ 286* — бронзовая пряжка; *№ 287* — обломок миниатюрных удил; *№ 288* — кольцо от миниатюрных удил; *№ 289* — резной из дерева предмет в виде колы, покрытый волотом; *№ 290* — обломки маски; *№ 291* — обломки двух масок; *№ 292* — обломки маски; *№ 293* — амулет с двумя конскими головками.

это — руки и ноги от погребальных кукол, подобных найденным в 1903 г. А. В. Адриановым в грунтовых погребениях Оглахтинского могильника[1].

Следовательно, в некоторых склепах «погребались» с прахом покойных и погребальные куклы.

Находок в склепе было сделано много, так как склеп оказался неограбленным.

Ни одного целого глиняного сосуда в склепе не оказалось. Обломков сосудов было очень много и в основной камере и в дромосе. Огромное количество черепков найдено на накате пола в углу дромоса, где не было погребений, но где были обнаружены остатки особого костра (см. рис. 4.) Вся остальная часть входа почти не имеет следов огня, отчего деревянные части его не сохранились. Здесь несомненно можно усмотреть обряд разбивания сосудов при похоронах или поминках, или перед окончательным сожжением склепа. В поминальный костер, разожженный в углу дромоса, бросали сосуды с пищей. Затоптанные обломки сосудов были найдены и между плитами входа и даже за ними — снаружи склепа (см. рис. 4). В самой камере обломки одних и тех же сосудов оказались разбросанными на значительном расстоянии один от другого.

Сосуды из склепа имеют различные формы, величину и разнообразную орнаментацию (рис. 5, *1*).

Нам удалось установить формы 51 сосуда. Среди них оказались два котловидных сосуда на полых конических поддонах с вертикальными ручками, три кубковидных сосуда на таких же поддонах, 40 баночных сосудов обычных таштыкских форм, четыре горшковидных и два бомбовидных сосуда. Обломки баночных сосудов украшены разным орнаментом. Один из сосудов был очень большим и толстостенным (рис. 5, *1*)

Особенно любопытен был бомбовидный сосуд с редким нарезным орнаментом из полуовальных фестонов и штрихованных треугольников (рис. 5, *3*). Некоторые сосуды имели просверленные у венчика довольно большие круглые отверстия, за которые они подвешивались. Поддоны (рис. 5, *2*), боковины с налепными валиками в три ряда, концы которых иногда загнуты вниз; ручки-ушки с выступами наверху характерны для котловидных сосудов, хранящих в своей форме еще традиции тагарских бронзовых котлов. Кувшинообразных сосудов с цилиндрическим горлом, характерных для склепов Уйбатского чаа-таса[2], здесь нет. В Сырском склепе обнаружены сосуды, украшенные различными типами орнаментов. Трижды встречен гладкий защипной валик. Более всего распространены штампованные[3], затем тычковые[4] и резные[5].

Кроме керамики, найдены, полоски бересты со следами сшивки, вероятно, от берестяных туесов. К ним же, очевидно, относятся и овальные деревянные днища с отверстиями для пришивания по краю (рис. 6).

---

[1] А. В. Адрианов нашел «сшитые из кожи узкие мешки, положенные вдоль рук и ног» скелетов, а также кожаные чучела голов, набитые травой. В другой могиле он нашел куртку из замши (туловище), также набитую травой. См. Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника. ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 34—37.

[2] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, изд. 2. М., 1951, стр. 426.

[3] Семь раз встречен подковообразный, один раз — кружковый в сочетании с остроугольнотычковым, один — треугольный, два — четырехугольные, два — овально-ямочные, один — фигурный в сочетании с линейным резным.

[4] 18 раз остроугольнотычковые, три — прямоугольнотычковые, один — точечный.

[5] Один — треугольно-фестоновый, семь — линейные, причем из них один в сочетании с остроугольнотычковым и один совместно с треугольно-фестоновым и треугольным штампованным орнаментом.

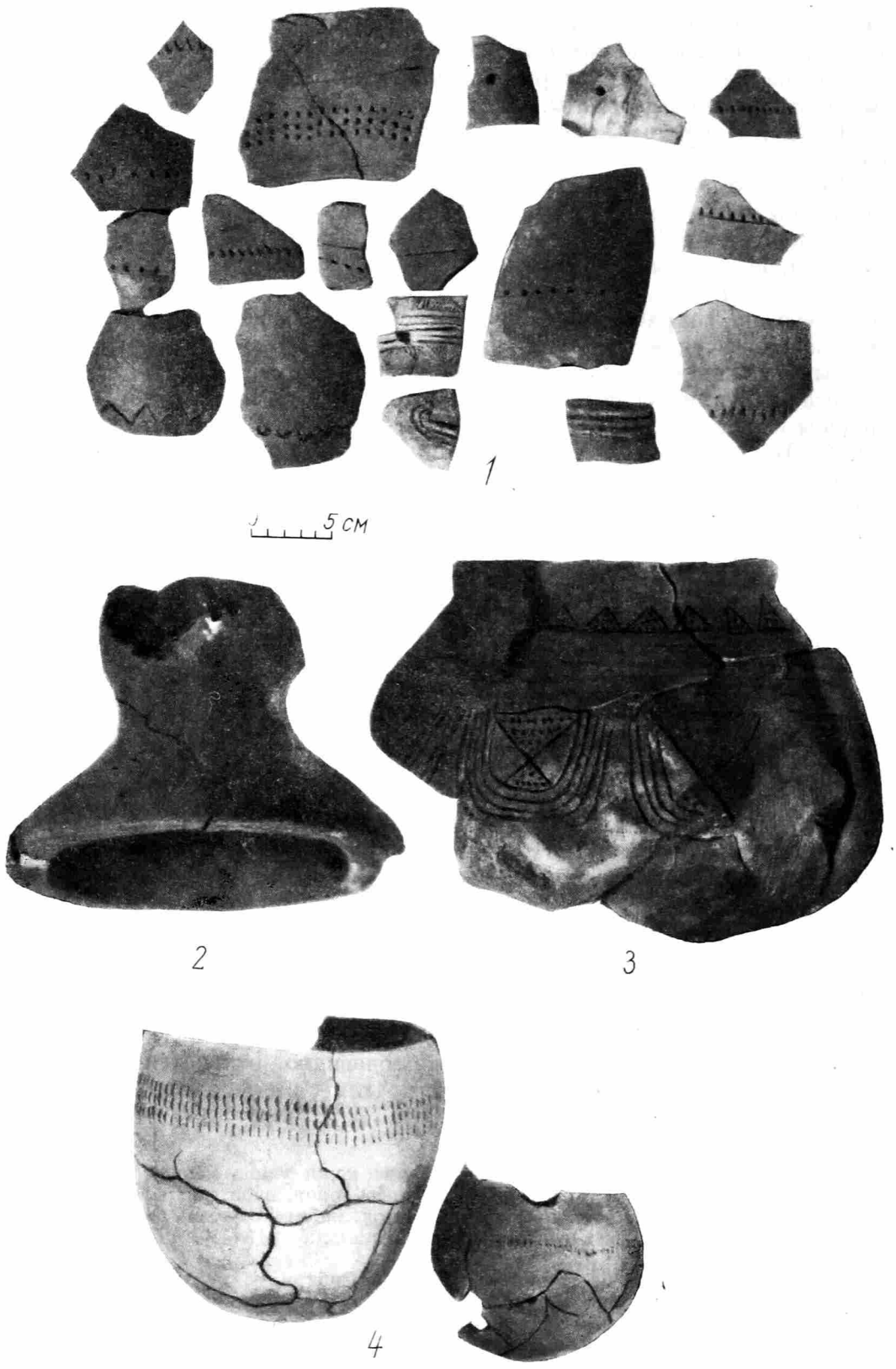

Рис. 5. Сосуды из склепа

1 — фрагменты сосудов с разнообразными орнаментами; *2*— поддон кубковидного сосуда (№ *243*); *3* — бомбовидный сосуд с редким орнаментом (№ *227*); *4* — баночный и бомбовидный сосуды (№*7* и *99*)

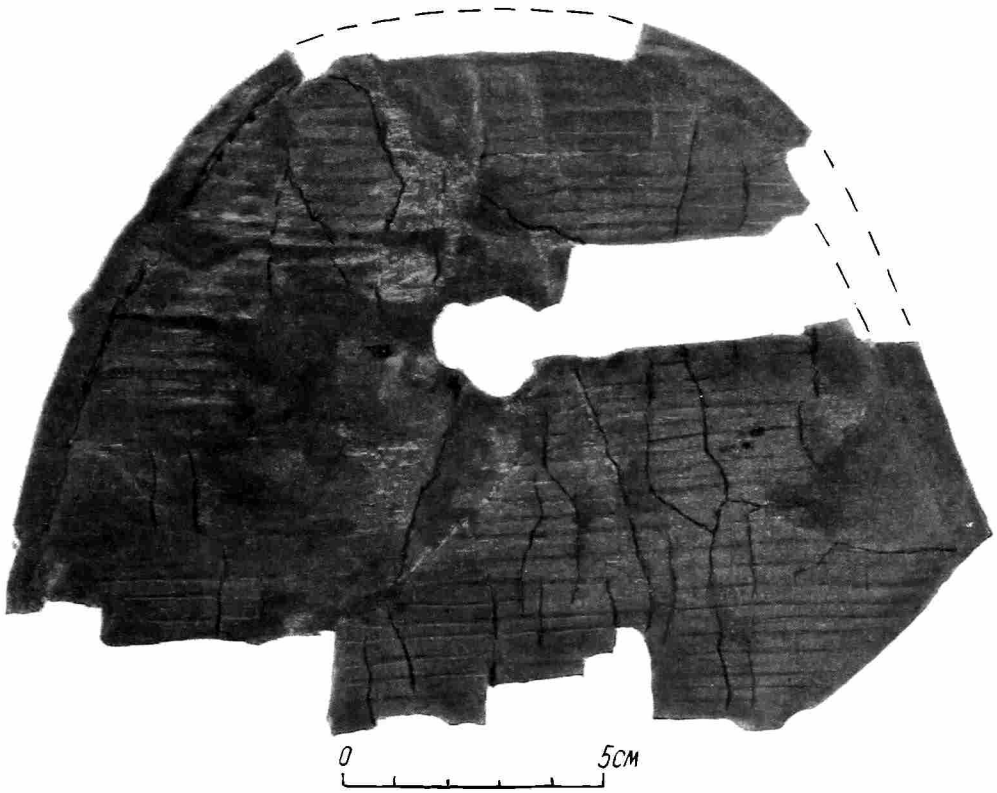

Рис. 6. Часть днища берестяной коробки (*№ 205*)

Рис. 7. Миниатюрные деревянные корытца

а — № 14/227; б — № 161

Среди погребального инвентаря преобладали деревянные предметы. Все они сильно обуглены, многие разрушились, но многие и уцелели. Сохранились два долбленых маленьких корытца (рис. 7). Одно из них, аккуратно сделанное (*№ 14/227*, рис. 7,*а*), со слегка вогнутым гладким дном, другое сделано наспех, с острым дном, видимо, предназначенным для вставки

Рис. 8. Деревянные жертвенные сосуды (*№ 178* и *284*)

Рис. 9. Чашевидный предмет (*№ 205*)

в ямку (*№ 161*, рис. 7, *б*). Назначение их чисто ритуальное. Сделаны они специально для погребального обряда, как и большинство других вещей, найденных в склепе. Такие корытца известны также по находкам в трех уйбатских склепах[1].

Интересны два одинаковых предмета с выдолбленными сверху остродонными углублениями. Они четырехгранны, с узким вытянутым в плане основанием (нах. *№ 178* и *№ 284*, рис. 8). Назначение их неясно, возможно,

[1] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 428.

Рис 10. Деревянный предмет с ложчатой поверхностью (№ 229)

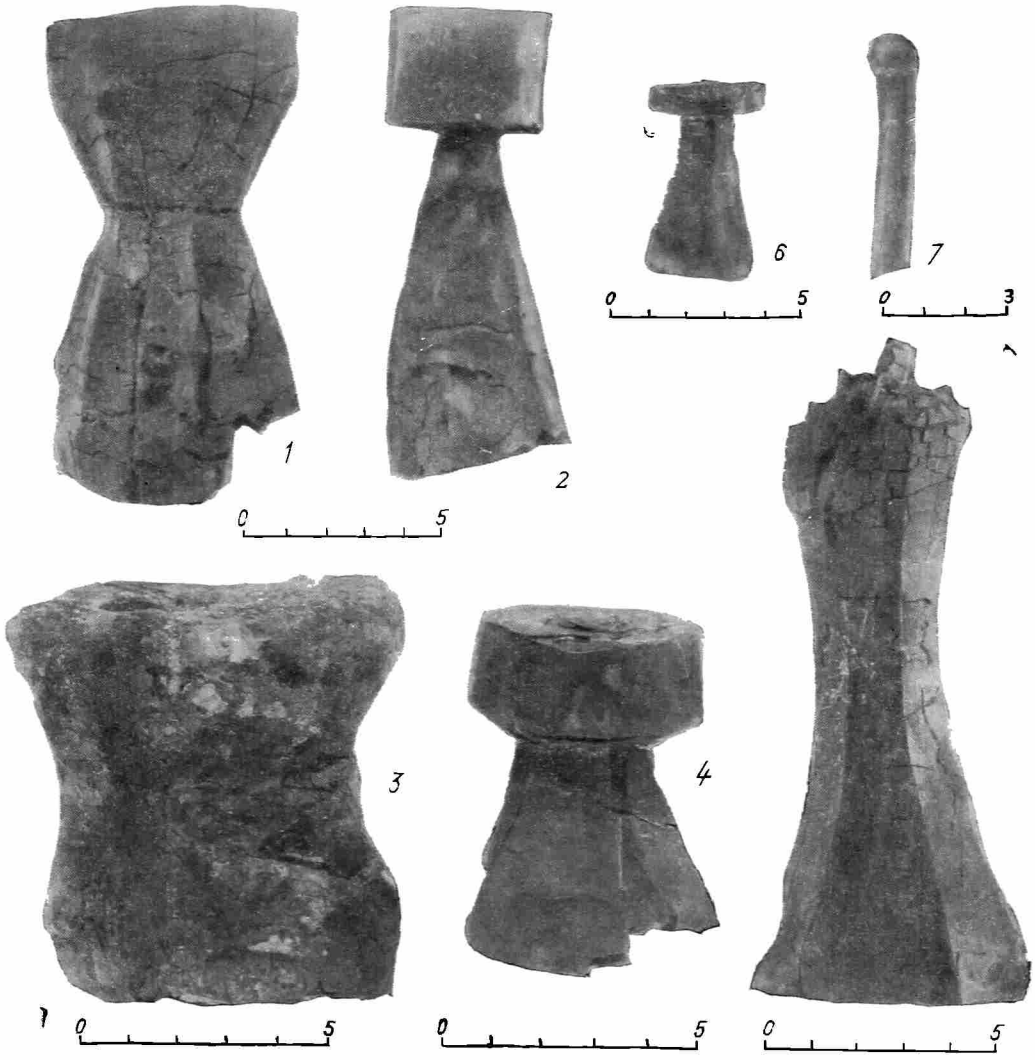

Рис. 11.

1 — 6 — деревянные ножки (?) моделей столиков *1 — № 14/240; 2 — № 175; 3 — № 59; 4 — 14/248; 5 — № 135; 6 — № 199; 7* — обломок рукоятки нагайки (*№ 228*)

это подставки или же жертвенные сосудики[1]. Оригинален чашевидный предмет овальной формы, имеющий у дна вырезы для закрепления в какую-то основу (нах. № *205*, рис. 9). Также оригинален округлый предмет с ложчатой разделкой поверхности (нах. № *229*). Одна сторона его срезана и имеет неглубокий овальный вырез, обрамленный бортиком (рис. 10). Двенадцать небольших поделок или грибовидной формы, или граненые, иногда

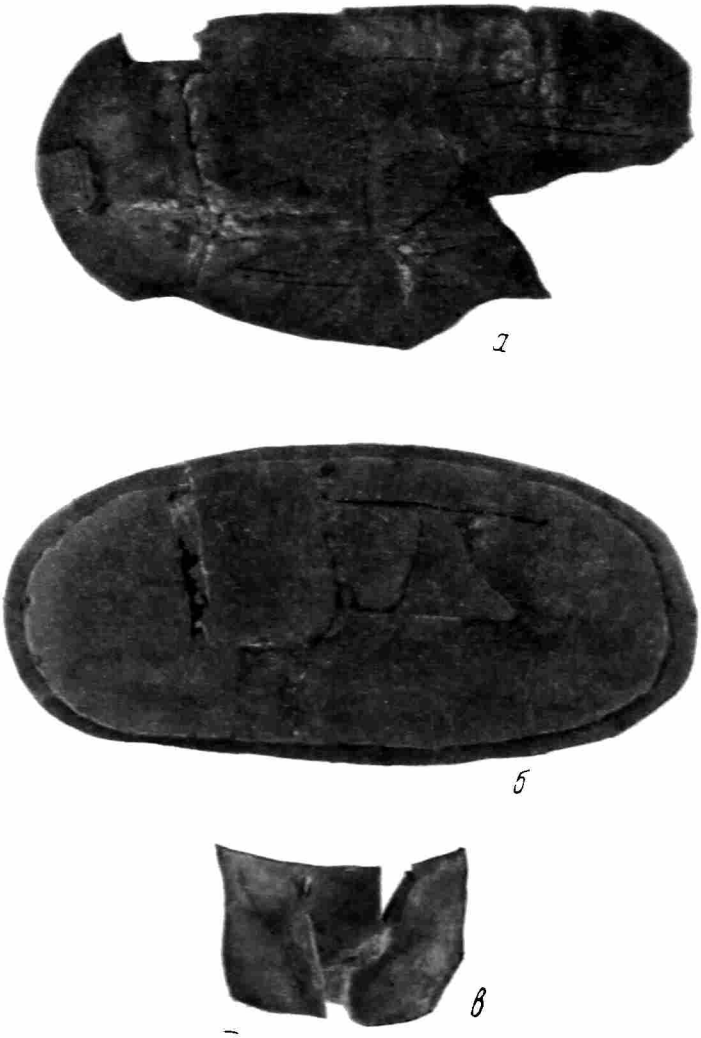

Рис. 12. Части деревянной шкатулки (№ *14/279*)
а — крышка, *б* — дно, *в* — боковина

грубо вырезанные (рис. 11, нах. № *14/248*, *59*, *73*, *135*, *185*, *190*, *179*, *175*, *199*, *204*, *14/240*), могли служить ножками плоских кочевнических столиков[2] или, вернее, являлись их моделями, изготовленными специально для погребений. Обычай установки столиков в погребениях был широко

[1] Аналогичный сосудик найден в склепе № 11 Уйбатского чаа-таса. Хранится в ГИМ.

[2] По-хакасски — «чир-стол», т. е. «земляной стол» — в смысле низкий, стоящий на земле.

распространен в гунно-сарматское время у гуннов [1], на Алтае [2] и у сарматов [3]. Есть такие же грибообразные ножки и среди находок в уйбатских таштыкских склепах [4].

У найденной в обломках деревянной овальной небольшой шкатулки с плоским дном и выпуклой крышкой тонкая гнутая стенка (нах. *№ 14/279*, рис. 12) укреплялась в закраинах дна (рис. 12, *б*) тонкими бронзовыми гвоздиками. Ее крышка также имеет выступы-закраины, вставлявшиеся внутрь коробки, благодаря чему она плотно закрывалась. Продетый сквозь

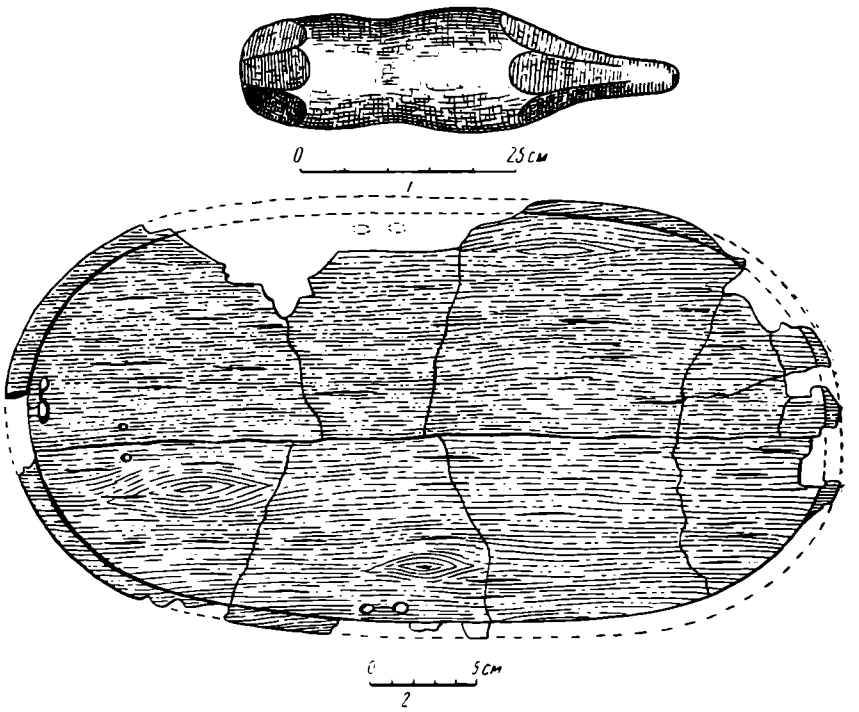

Рис. 13.

1 — деревянная колотушка (*№ 103*); *2* — крышка коробки (*№ 197*)

два отверстия крышки тонкий ремешок еще более прочно соединял ее с корпусом шкатулки.

Кроме маленьких шкатулок, по всей вероятности относящихся к женскому обиходу, в склепе устанавливались и большие овальные короба с деревянными крышками и дном и берестяными стенками. Нами найдена овальная крышка такого короба, состоявшая из двух половинок. Крышка имеет закраины и отверстия для привязывания (нах. *№ 197*, рис. 13, *2*).

---

[1] В Ноин-уле: C. Trever. Excavations in Northern Mongolia. Leningrad, 1932, табл. 27; в Кенкольском могильнике: А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа, вып. II, Л., 1940, табл. XVIII, XIX.

[2] С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган. Изд. Государственного Эрмитажа, Л., 1948, табл. VIII.

[3] B. Grakov. Monuments de la culture scythique entre la Volga et les monts d'Oural. E. S. A. III, Helsinki, 1928.

[4] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. XXXVI, рис. 6; Уйбат I № 7 (6 экз.), № 8 (1 экз.), № 11 (2 экз.)

Длина ее 40 см. Частью дна такого короба является и другая находка (нах. *№ 205*, рис. 6). По краю она имеет кромку с очень частыми круглыми маленькими отверстиями для пришивания берестяных стенок. Обнаружены также две втулки с остатками спиц и стержней от церемониальных зонтов китайского типа (рис. 14) и части обручей таких зонтов. Остатки зонтов впервые были найдены в таштыкских склепах Уйбатского чаа-таса [1].

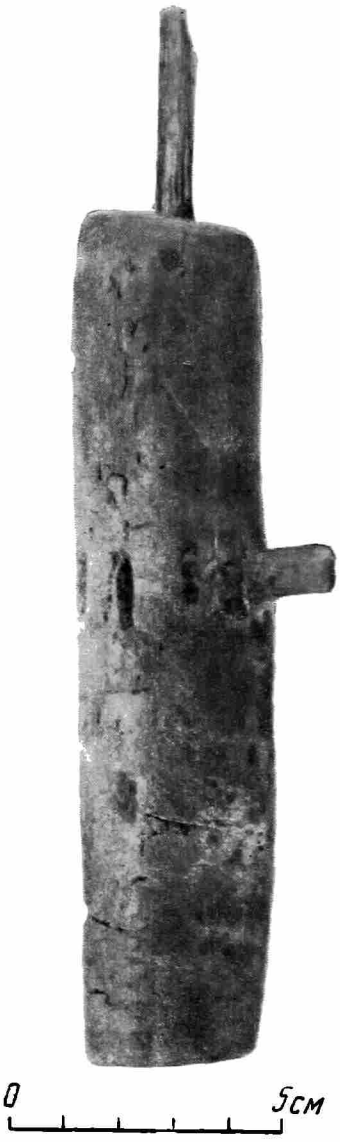

Рис. 14. Втулка церемониального зонта (*№ 40*)

Загадочными остаются несколько предметов особой формы, найденные в разных местах в склепе. С нижней стороны они имеют гладкую выпуклость, как киль у лодки, с верхней (плоской)— вырез, как у совка. Один конец их аккуратно обрезан полукругом, на другом вырезана треугольная ручка (?) в виде хвостика, на котором просверлены две дырочки. На одном из предметов, лучше сохранившемся (нах. *№ 225/258*, рис. 15,*1*, *2*, *3*), с одного бока и на плоскостях выступа имеется шахматный орнамент, вырезанный из болони дерева [2].

Подобные предметы в таштыкских склепах обнаружены впервые [3].

Из остальных деревянных предметов остается назвать: уже упоминавшуюся колотушку для забивания столбов — длина 50 см (рис. 13, *1*), клин для раздирания бревен на горбыли, заполированные «утюжки», служившие, вероятно, для разминки кож (нах. *№ 210* и *216*, рис. 16), планки с прорезями, заостренные с двух сторон палки, кусок изогнутой с заостренным концом доски и другие куски дерева со следами обработки ножом.

Образцами наступательного оружия являются найденные в склепе обломки деревянных моделей луков и стрел. Луки небольшие, сделаны из прутьев, с оригинальными приспособлениями для укрепления тетивы: на загнутых концах вырезаны желоба для прохождения тетивы и на самом конце сделан выступ для ее привязывания (3 экз., рис. 17, вверху, нах. *№ 24*) [4]. Один лук (*№ 109*, рис. 18, *1*) сохранился почти целиком, в своем

[1] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 464—465 и табл. XXXVI, рис. 11—13. Они происходят из склепов № 8 и 11 (3 экз.)

[2] Кроме того, найден еще один такой же сильно обгоревший предмет без ручки (нах. *№ 134*) и три треугольные ручки, оставшиеся от других предметов (нах. *№ 143*, *187* и *241*).

[3] Быть может, аналогичный предмет нашел А. В. Адрианов в склепе Е (№ 6) на Тагарском острове, который он отметил как «деревянный сбгоревший ковш или какую-то лодку с ручкой»— см. его «Доисторические могилы в окрестностях Минусинска». ИРГО, т. XIX, вып. 3, СПб., 1883, стр. 250.

[4] А не вырез, как на концах костяных накладок-пластин у гуннских луков (см. Ю. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади. М., 1899, табл. XIV, рис. 4).

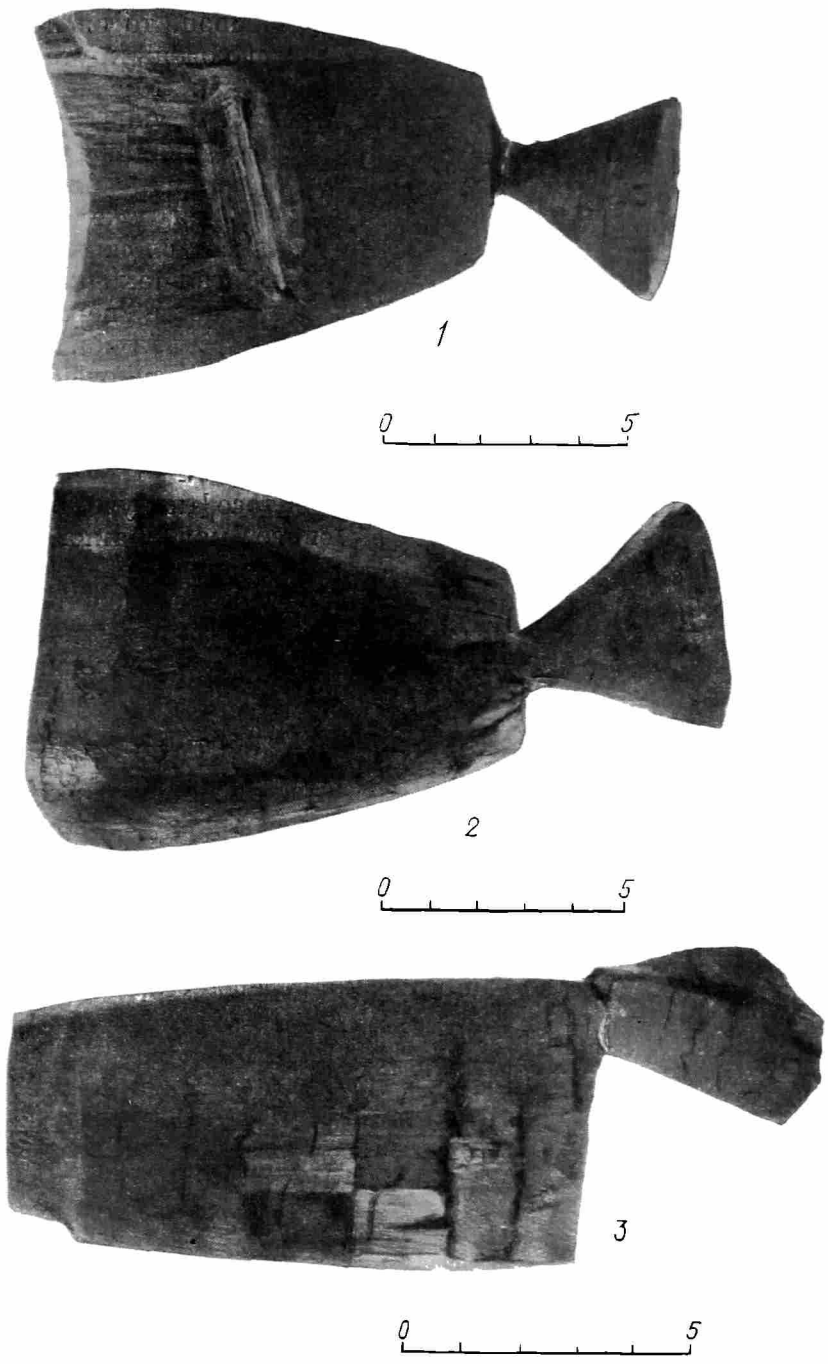

Рис. 15. Деревянный предмет (*№ 225/258*)
1 — вид сверху; *2* — вид снизу; *3* — вид сбоку

первоначальном положении. Длина его оказалась около 60 см, толщина 1—1,2 см. Он сделан из круглого прута, который имел с одной стороны (направленной к тетиве) плоский срез, а обратная сторона оставалась выпуклой. Концы его круто загнуты, середина выгнута. Форма его, как и других луков, воспроизводит форму сложных луков, широко известных позднее у енисейских кыргызов VI—X вв.[1]

[1] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. LVII.

Если представить наш лук с натянутой тетивой, то он примет форму сложных М-образных луков. Здесь важнее всего очень крутая загнутость концов, которая не бывает у простых луков. Эта находка позволяет заключить, что в таштыкское время племена Среднего Енисея уже знали и пользовались сложными луками. Это первая находка для таштыкской эпохи, передающая полную форму лука. Такие легкие модели луков очень легко сгорали. Нам известны лишь две находки остатков луков: в склепе № 1 на Уйбатском чаа-тасе[1] и лучок из Оглахтинского могильника[2], но из-за деформации обе эти находки не дают возможности восстановить форму лука.

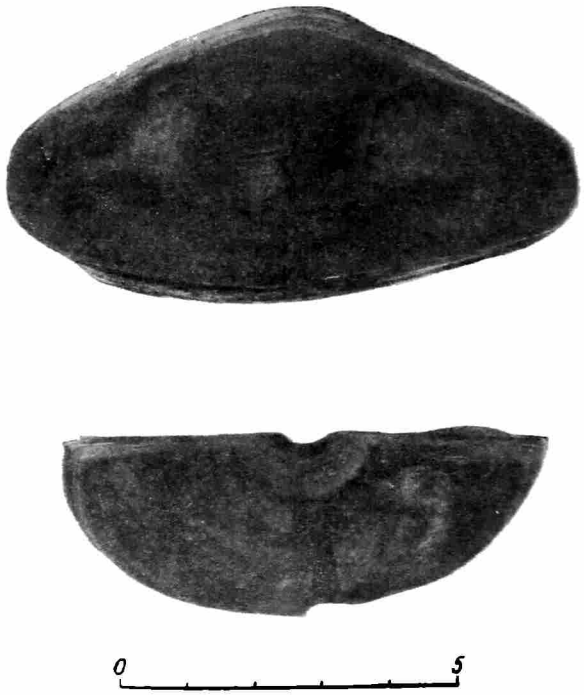

Рис. 16. Деревянные «утюжки»
Вверху — № *210*, внизу — № *216*

От стрел найдено несколько обломков древков (нах. № *14/271*, *21*, *246*, см. рис. 18, *2*; рис. 19). Три из них (нижние концы) имеют арочные вырезы для вставления тетивы при стрельбе (рис. 18, *2*; рис. 19, *2*). Такие части древков известны по находкам в Уйбатском чаа-тасе[3], а также у сармат Поволжья в Сусловском могильнике[4] (деревянные) и в курганах у с. Макаровки (костяные)[5] Одно древко стрелы с арочной выемкой на

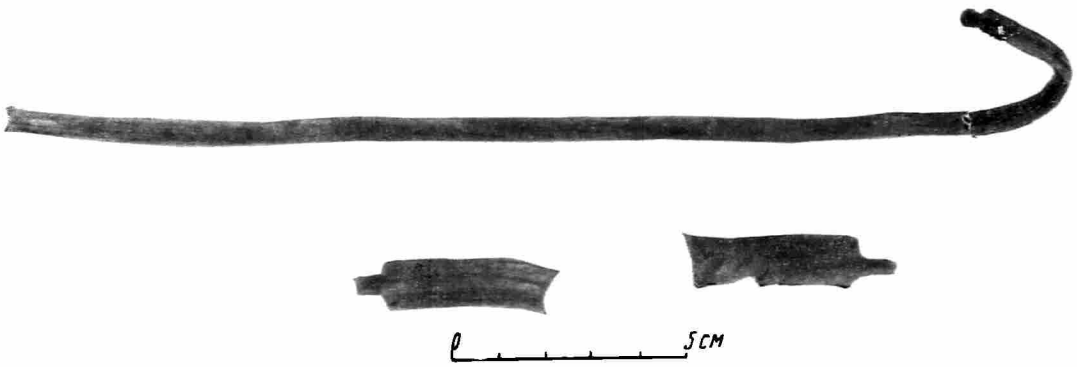

Рис. 17. Концевые части моделей трех луков
Вверху — № *24*; внизу слева — № *39*, внизу справа — № *109*

[1] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. LVII, стр. 432.
[2] A. M. Tallgren. The South Siberian Cemetery of Oglakty from the Han Period. ESA, XI, Helsinki, 1937, стр. 84, рис. 21.
[3] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. XXXVI, рис.7.
[4] П. Степанов. Изделия из дерева в курганах Сусловского курганного могильника. Уч. зап. Саратовского Государственного ун-та, т. IV, вып. 3, Саратов, 1925, стр. 79; дата I в. н. э. (см. стр. 80).
[5] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 78 и рис. 51.

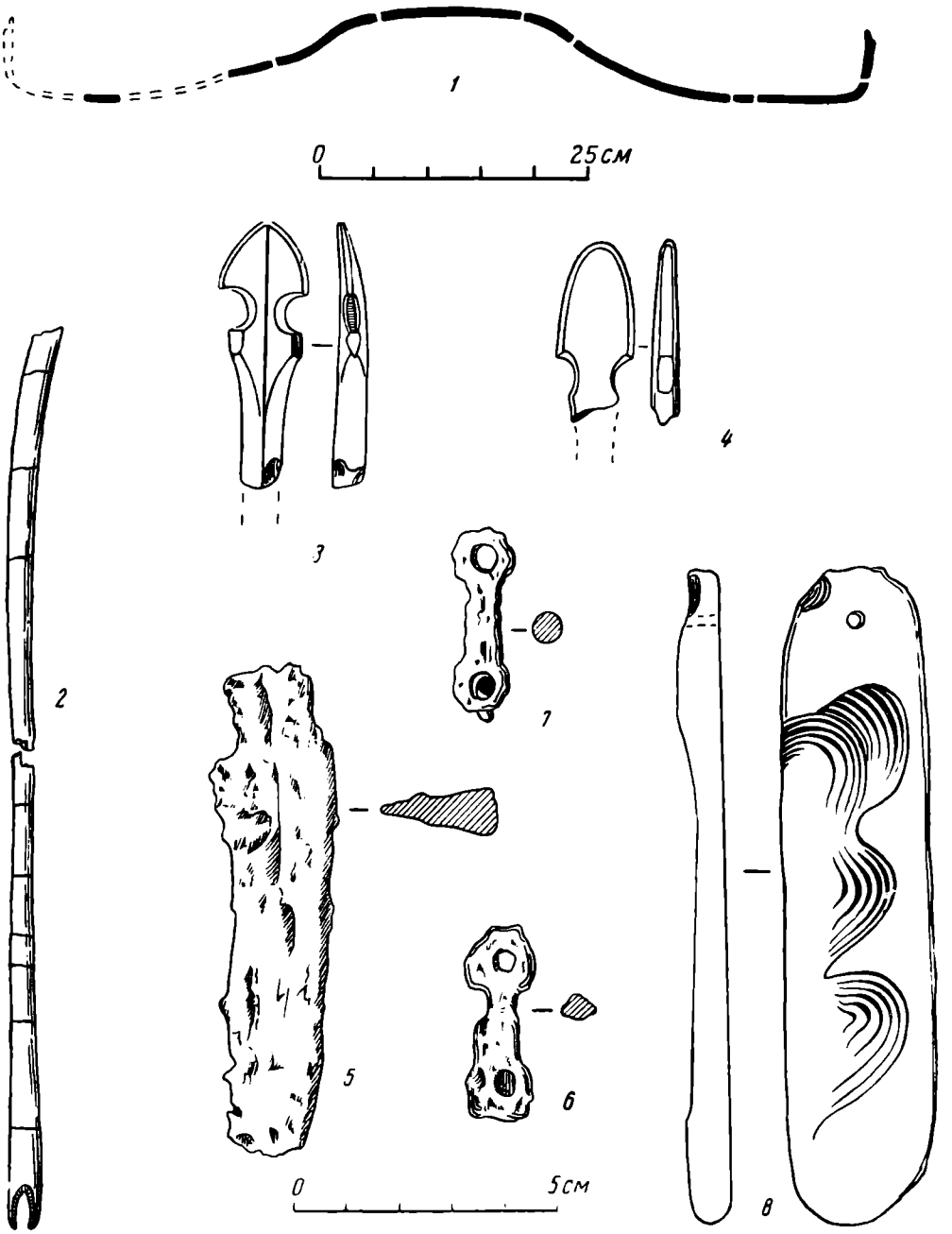

Рис. 18.

1 — модель лука (*№ 109*); *2* — древко стрелы (*№ 21*); *3*, *4* — деревянные «наконечники» стрел (*№ 278* и *118*); *5* — нож железный (*№ 25*); *6*, *7* — железные звенья цепочки (*№ 206* и *124*); *8* — оселок (*№ 166*)

конце сохранилось лучше остальных и имеет длину 17 см (нах. *№ 21*, рис. 18, *2*). Особенно важно то обстоятельство, что древко найдено переломленным, очевидно, в момент погребения до сожжения склепа и до обугливания его, так как излом рваный, а не гладкий как обычно при изломе угольных палочек. Это наблюдение лишний раз подтверждает существование обряда нарочитой поломки лука и стрел в эту эпоху, уже отмеченного С. В. Киселевым [1].

[1] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 432.

Характерно, что обряд переломления стрел при похоронах у хакасов дожил до XIX в. Его наблюдал и описал Г. Спасский: «...при мужских телах, кроме лучших одежд и сёдел, кладут лук с колчаном и переломленными стрелами»[1].

Особенно интересны для нас находки верхних концов древков стрел. Здесь были найдены заточенные на конус концы древков (нах. *№ 14/271*, рис. 19, *3*), служившие для насадки втульчатого, вероятно, костяного наконечника, и, кроме того, впервые найдены два деревянных наконечника стрел, выделанные из одного куска дерева вместе с древком. Нужно отметить, что для таштыкской эпохи Минусинской котловины и гунно-сарматского времени Алтая формы наконечников стрел нам вообще мало известны.

Рис. 19.

1 — деревянный миниатюрный псалий (*№ 196*); *2* и *3* — обломки древка стрелы (*№ 14/271*)

Эти наконечники найдены отломанными в силу вышеуказанного обычая. Один наконечник (нах. *№ 118*) плоский, с закругленным полуовалом острия и двумя полукруглыми вырезами, от которых сразу начинается древко стрелы (рис. 18, *4*). Второй наконечник более сложен по форме (нах. *№ 278*, рис. 18, *3*). Он уплощенный и имеет маленькую округленную головку с заостренным концом, два полукруглых выреза и два выступа по бокам. Далее, постепенно утончаясь, он переходит в древко стрелы. Назначение этих стрел неясно: они и не военные, и не охотничьи, ибо ими нельзя было поразить даже самую мелкую дичь. Вернее всего, это тоже модели, как и найденные нами модели луков и других вещей. Однако среди железных и костяных наконечников стрел такие формы нам неизвестны. Вероятно, они специально изготовлены для ритуальных целей и являются шаманскими стрелами[2].

В этнографии известно много примеров изготовления специальных луков и стрел для ритуальных целей[3]. В этой связи правильным будет считать две наши стрелы с необычными наконечниками — шаманскими стрелами, возможно служившими вместе с луками взамен бубнов таштыкским шаманам, которые, вероятно, были похоронены в склепе. Другие древки стрел (типа нах. *№ 14/271*) для съемных наконечников, вместе с описанными луками, могли изготовляться специально для погребального обряда, так как они точно воспроизводят реально существовавшие

---

[1] Г. Спасский. Народы, кочующие в верьху реки Енисея. «Сибирский Вестник», изд. Г. Спасским, ч. I, СПб., 1818, стр. 105. То же для XVIII в. см. в сообщении Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...», ч. I, СПб., 1776, стр. 177.

[2] Л. П. Потапов. Лук и стрела в шаманстве алтайцев. СЭ, 1934, № 3, стр. 64—76.

[3] А. А. Кузнецова и П. Е. Кулаков. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск, 1898, стр. 130; Л. А. Каруновская. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком. Сб. МАЭ, вып. VI, Л., 1927, стр. 19 и сл.; С. И. Иванов. Сибирские параллели к магическим изображениям из эпохи палеолита. СЭ, 1394, № 3—4, стр. 98.

военные стрелы (с которых снимали наконечники из боязни стрел именно как оружия) и сложные луки.

Из других предметов отметим оселок для точки ножей (нах. *№ 166*. рис. 18, *8*) из волокнистого сланца со сквозной сверлиной и сильной стертостью одного бока. Такие оселки были непременной принадлежностью каждого воина и постоянно носились подвязанными к поясу. Следует также отметить обломок железного черешкового ножа с изогнутой ручкой (нах. *№ 25*, рис. 18, *5*)[1]. Упомянем также восьмеркообразные звенья железной цепочки (2 экз.), на которой, повидимому, подвешивался к поясу нож в ножнах, судя по находкам при погребениях Одинцовского этапа на Верхней Оби (рис. 18, *6*, *7*)[2].

От конской сбруи в склепе Сырского чаа-таса найдены обломки от пяти железных миниатюрных удил. Это обычные двусоставные кольчатые удила, выкованные из четырехгранных стерженьков (рис. 20, *3*). Новое же в наших находках заключается в том, что кроме миниатюрных удил здесь найдены обломки удил нормальных размеров (нах. *№ 165* и *26*, рис. 20, *1*, *2*), причем одна из форм (рис. 20, *2*, нах. *№ 26*) является необычной, так как это не просто двусоставные кольчатые удила, но удила с добавочными подвижными кольцами на концах, которые характерны для более позднего времени (VI—X вв.).

Здесь же обнаружен и миниатюрный деревянный псалий (нах. *№ 196*, рис. 19, *1*)[3], предназначенный, как теперь становится ясным, для миниатюрных узд с миниатюрными удилами[4]. Псалий этот слегка выгнут в одну сторону, концы его утончены, в середине имеются два овальных отверстия. По существу это тот же самый псалий, что и нарядные деревянные и роговые псалии из пазырыкских курганов Алтая[5] и железные псалии из гуннских курганов Ноин-Улы[6]. Совершенно одинаковы с нашим, односторонне выгнутые, с двумя овальными отверстиями роговые псалии из гуннских могил Дэрэстуйского Култука[7]. Последнее обстоятельство важно для датировки нашего склепа, ибо хотя и позднее известны подобные двудырчатые псалии на Алтае[8] и в Хакассии[9], но они имеют уже несколько иные формы.

---

[1] До 1950 г. был известен лишь один таштыкский ножик, найденный С. В. Киселевым в склепе № 2 у заимки Усть-Тесь, 1932 (1 экз.), хранящийся в ГИМ, 46/3.

[2] Ранее одно витое звено с колечками присоединений было найдено С. В. Киселевым в том же склепе № 2 у заимки Усть-Тесь (1932), хранится в ГИМ, 46/3; ср. М. П. Грязнов. Археологическое исследование территории одного древнего поселка. КСИИМК, вып. 40, рис. 30, 113.

[3] При изучении материалов оказалось, что совершенно подобные деревянные миниатюрные псалии имеются в коллекции из склепа № 8 Уйбатского чаа-таса (3 экз.), на что исследователи его не обратили внимания.

[4] На миниатюрных удилах удалось обнаружить прикипевшие, обугленные кусочки кожи от уздечных ремешков.

[5] М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, рис. 6—9, 11—15, 20, 21 и табл. IX, XIV, XV, XVIII — XXI. См. также С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948, табл. II и в особенности роговые псалии, табл. I, рис. 4.

[6] ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 233, рис. 9.

[7] Ю. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья, Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского ОРГО, т. III, вып. 2 и 3; Иркутск, 1902; в гуннской могиле № 10, стр. 27 и № 9, стр. 26, а также табл. III, рис. «И».

[8] С. Руденко и А. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. МЭ, т. III, вып. II, Л., 1927, стр. 47, рис. 16, *9*.

[9] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, стр. 61, рис. 111.

Итак, «таштыкцы» клали в склепы миниатюрные узды-модели, сделанные точно по образцу настоящих узд: ремни, удила, псалии, а не только одни миниатюрные удила.

Интересно также, что в склепе нами обнаружен обломок миниатюрной рукоятки нагайки, в виде деревянной палочки с округлым набалдашником на конце (нах. *№ 228*, рис. 11, *7*). Кроме того, из предметов

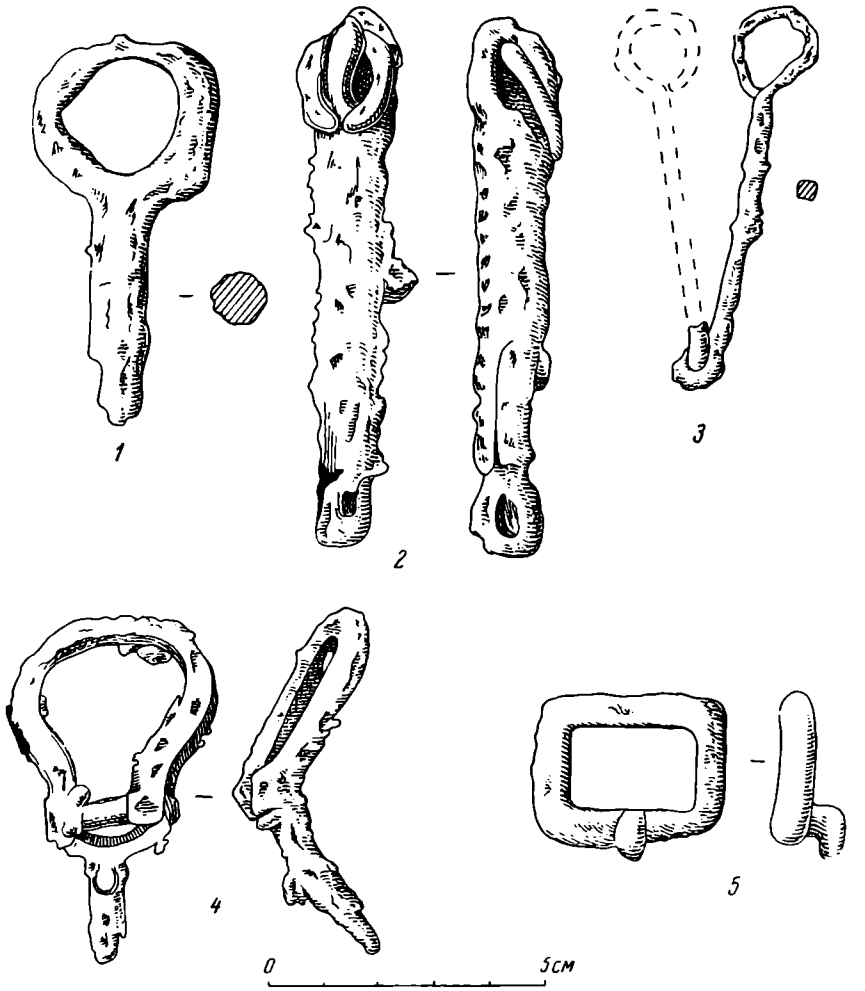

Рис. 20.

1 — кольцо от железных удил (*№ 165*); *2* — половина железных удил (*№ 26*); *3* — часть миниатюрных железных удил (*№ 123*); *4* и *5* — железные пряжки (*№ 274* и *63*)

конской сбруи найдены две железные пряжки от подпруг. Одна из них с неподвижным крючком (нах. *№ 63*, рис. 20, *5*), вторая — с округлой вытянутой рамкой и подвижным язычком на своеобразном шарнире (нах. *№ 274*, рис. 20, *4*). Последняя находка также важна для датировки, так как такие железные пряжки у сарматов Нижнего Поволжья существуют в I—II вв. н. э.[1]. Аналогичные по форме, лировидные бронзовые пряжки с подвижными язычками найдены и в гуннском кургане № 6 Ноин-Улы I в. н. э.[2]. Большое значение коня в жизни таштыкцев подчеркивается,

[1] И. В. Синицын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. СА, т. VIII, М.— Л., 1946, стр. 92, рис. 25, *2*.

[2] Хранятся в Государственном Эрмитаже (отдел Востока, МР 2380—2384; 4 экз.).

кроме вышеперечисленных предметов, бронзовыми пластинками с изображением лошадей и парных конских головок (о чем речь будет ниже), а также находками конских костей. В склепе найдены главным образом копыта и фаланги. В трех случаях кости нижних отделов конечностей лошади лежали в естественном сочленении, что говорит о существовании специального обряда возложения конских ног при погребении человека[1]. Ниже мы будем подробно говорить и о деревянных статуях лошадей, обломки которых также были обнаружены.

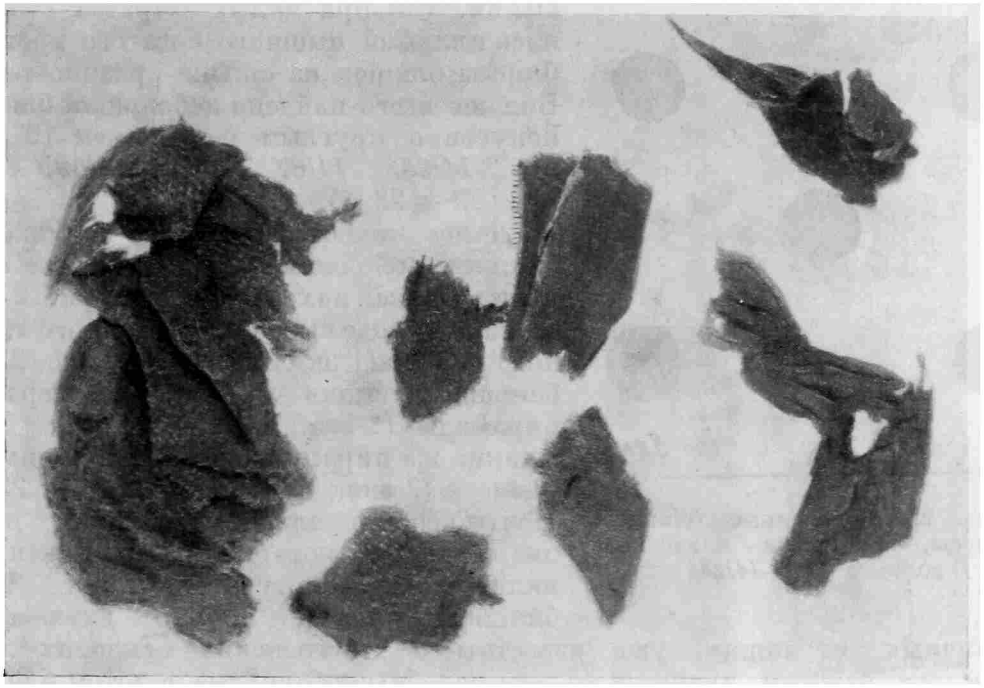

Рис. 21. Ткани

Справа внизу — шелк (*№ 55*); остальное — обрывки разносортных шерстяных тканей (*№ 203*)

В склепе найдено большое количество обугленных обрывков шерстяных тканей, в числе которых оказались слежавшиеся куски больших размеров. К сожалению, они еще не изучены и покрой одежды не выяснен. Однако можно отметить, что сорта тканей разнообразны (нах. *№ 203*, рис. 21). Есть ткани из толстых и из очень тонких нитей. Последние особенно плотны. Остатков шелковых тканей найдено очень мало, так как тонкий шелк быстрее сгорал на огне при трупосожжениях (нах. *№ 55*, рис. 21, справа). Все шелковые ткани одного типа (похожие на кисею), из них, вероятно, шились легкие нижние одежды. Кроме того, найдено большое количество полуобгорелых кусков тонкого фетрообразного войлока; вероятнее всего, это остатки чулок, таких же, как из пазырыкских курганов Алтая[2], но возможно, что из такого тонкого войлока

[1] В склепе найдены кости животных: а) лошади — копыта и фаланги трех ног, лежавшие в естественном сочленении, а всего девять фаланг, одна пяточная кость и четыре копыта; б) крупного рогатого скота — семь таранных костей (астрагалов); в) овцы — 25 лопаток; 12 астрагалов (из них три просверленных), кости конечностей: одна пяточная, 27 фаланг, пять половинок копытец. Кроме того, 17 обломков ребер и 12 трубчатых костей.

[2] С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган, Л., 1948, стр. 40.

делались и головные уборы. Помимо того, найдено большое количество полуобгорелых обрывков меховых изделий. Мех неопределим, но ясно видно, что он хорошо выделан. Вероятно, это остатки верхней одежды и шапок. В одном случае встречены кусочки, очень похожие на овчину.

Одежда погребенных украшалась нашивными бляшками. Таких бляшек, вырезанных из дерева и оклеенных тонким золотым листком, найдено особенно много (рис. 22). Встречались также одни золотые листики, сохранившие форму сгоревших бляшек. Применялись они, вероятно, специально для погребальных одежд и имели вид массивных золотых украшений. Так при малых затратах создавалась иллюзия пышного богатого костюма. Формы бляшек из склепа разнообразны. Больше всего найдено небольших бляшек-конусов с круглым основанием (9 экз.; нах. *14/283*, *14/67*, *14/70*, *14/69*, *14/68*, рис. 22 и 23, *5*).

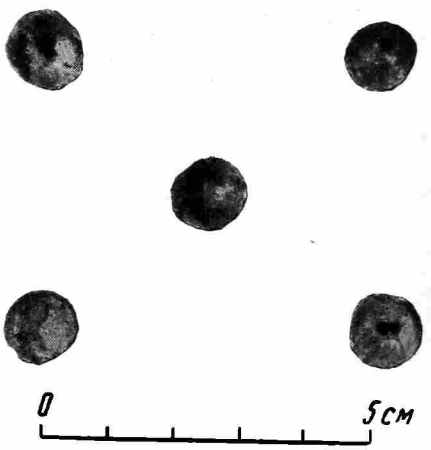

Рис. 22. Деревянные бляшки-конусы, покрытые плющеным золотом (№ *14/283*)

Далее имеются большие полушарные бляшки с ободком вокруг круглого основания (2 экз; нах. № *116*, *152*, рис. 23, *8*), бляшки в виде высокого усеченного граненого конуса (1 экз.; нах. № *58*, рис. 23, *6*), большие бляшки в форме шестигранной пирамиды (1 экз.; нах. № *72*, рис. 23, *4*) и такие же пирамидальные, но меньшего размера (2 экз.; нах. № *80*, *97*, рис. 23, *3*). Почти все они для прикрепления имеют два отверстия, которые проходят насквозь, включая и золотую оболочку. Такие бляшки, правда, только двух форм, отличных от наших, уже известны в таштыкских склепах [1]. Самым же важным является то, что подобные обернутые золотом бляшки-пуговицы характерны для одежд из алтайских курганов Шибэ и Катанды, относящихся к II в. до н. э.—I в. н. э.[2]. В склепе было найдено много обрывков тонких золотых листков, которыми оклеивались резные деревянные предметы. Это плющеное золото, кроме алтайских и таштыкских погребений, широко встречается также в гуннских погребениях Забайкалья и Монголии [3].

Особо следует отметить найденную в склепе маленькую полушарную золотую бляшку, полую внутри (нах. № *14/66*, рис. 23, *7*). Такие же были найдены в 1912 г. в так называемом «Баллодовском» гуннском кургане в Ноин-Уле. Их описание в точности соответствует нашей находке: «Пуговицы своей формой представляют из себя (величиной, объемом и формой) пистон от патрона ружейного центрального боя, с двумя отверстиями

---

[1] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 436—437, табл. XXXVII, рис. 13—31. Полушарная выпуклая бляшка с ободком в точности воспроизводит тагарские бронзовые пуговицы — ср. там же, стр. 266.

[2] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 336, 340. См. также Е. С. Видонова. Катандинский халат. Труды ГИМ, вып. VIII, М., 1939, стр. 178. Даже способ прикрепления пуговиц такой же, как у наших.

[3] Г. П. Сосновский. Дэрэстуйский могильник. ПИДО, 1935, № 1—2, стр. 171 и рис. 5 на стр. 173. Его же. Раскопки Ильмовой пади. СА, т. VIII, 1946, стр. 62; ср. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского ОРГО, т. I, вып. II, М., 1899, стр. 10, табл. XII, рис. 3а; Я. Н. Ходукин. Первые раскопки в горах Ноин-Ула. Иркутск, 1926 (отдельный оттиск), стр. 4.

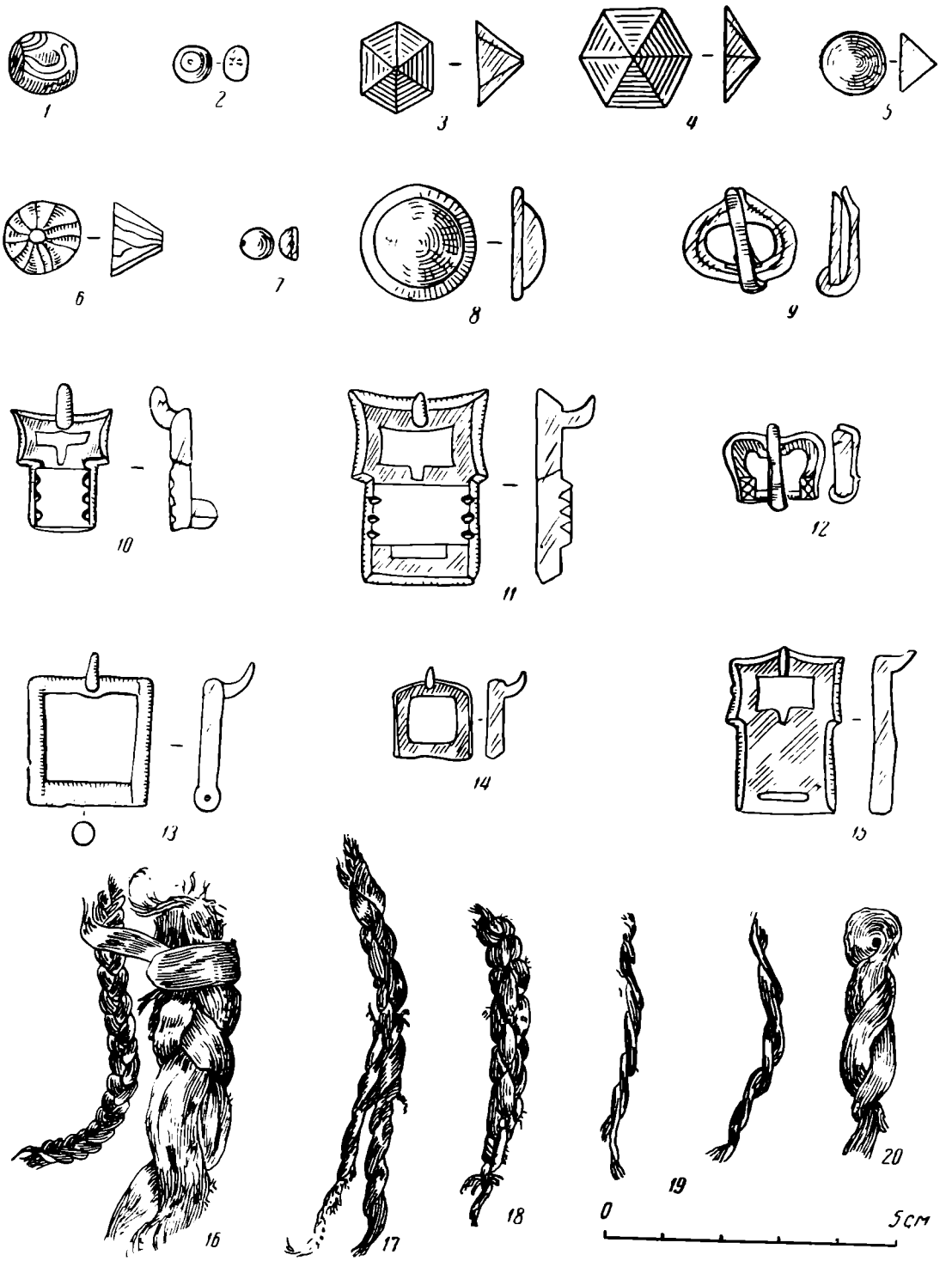

Рис. 23.

1 — деревянная бусина (*№ 186*); *2* — стеклянная голубая бусина (*№ 276*); *3* — деревянная пирамидальная бляшка (*№ 80*); *4* — деревянная пирамидальная бляшка (*№ 72*); *5* — коническая деревянная бляшка; *6* — деревянная бляшка в виде граненого конуса (*№ 58*); *7* — золотая полусферическая бляшка (*№ 14/66*); *8* — деревянная полушарная бляшка с ободком; *9* — бронзовая пряжка (*№ 121*); *10* — бронзовая пряжка (*№ 188*); *11* — бронзовая пряжка (*№ 286*); *12* — бронзовая пряжка (*№ 159*); *13—15* — бронзовые пряжки (*№ 95, 272, 218*); *16—20* — косички человеческие (*№ 251, 74, 139, 14/295*)

в нижней части по бокам»[1]. Нам кажется, что это вряд ли пуговицы, как их определял Баллод, но, весьма вероятно, что это украшение одежды. Эта находка также важна для уточнения датировки Сырского склепа. Интересно, что измерения листочков плющеного золота из склепа, произведенные в лаборатории ИИМК АН СССР Б. А. Колчиным (1951 г.), показали исключительное искусство «таштыкцев» в его выделке. Толщина листков оказалась не более 4—5 микрон.

Из личных украшений найдены две бусины: одна деревянная, боченкообразная (нах. *№ 186*, рис. 23,*1*), вероятно, прежде была оклеена золотым листком, как и найденные в алтайском кургане Шибэ (I в. н. э.)[2];

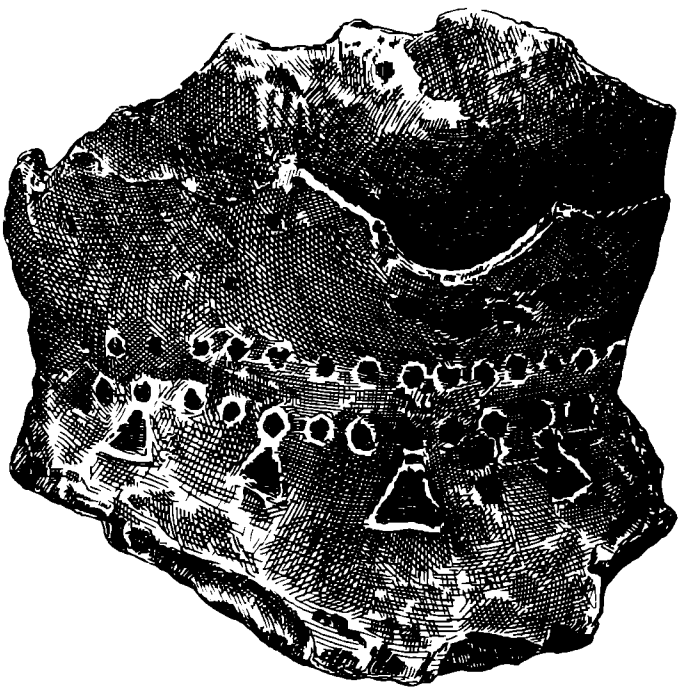

Рис. 24. Шея женской погребальной маски с изображением ожерелья (*№ 260*)

другая — уплощенная, из голубого стекла (нах. *№ 276*, рис. 23, *2*). По находке части шеи от одной из масок мы знаем, как эти бусы носились. Здесь оранжевой краской изображены два ряда круглых небольших бус. В верхнем ряду их 15 и в нижнем 12 (нах. *№ 260*, рис. 24). Самым интересным является то, что в нижнем ряду изображены еще и четыре привески (вероятно, золотые), подвешенные через каждые две бусины. Привески таких форм в виде равнобедренного треугольника никогда не встречались в таштыкских погребениях. Возможно, это пережиточная форма еще андроновско-карасукских привесок.

Необходимой принадлежностью костюма таштыкцев были пояса, обрывки ремней и пряжки от которых найдены в большом количестве в склепе. Пять пряжек имеют обычные для таштыкской эпохи формы (нах. *№ 95*, *188*, *218*, *272*, *286*, рис. 23, *10*, *11*, *13—15*). Они имеют неподвижные выступы-крючки спереди, все они бронзовые. Но кроме них, найдены

[1] Я. Н Ходукин. Ук. соч., стр. 4; в точности такая же бляшка найдена В. П. Левашевой в склепе № 6 Уйбатского чаа-таса (1936 г.); хранится в Минусинском музее.

[2] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 336.

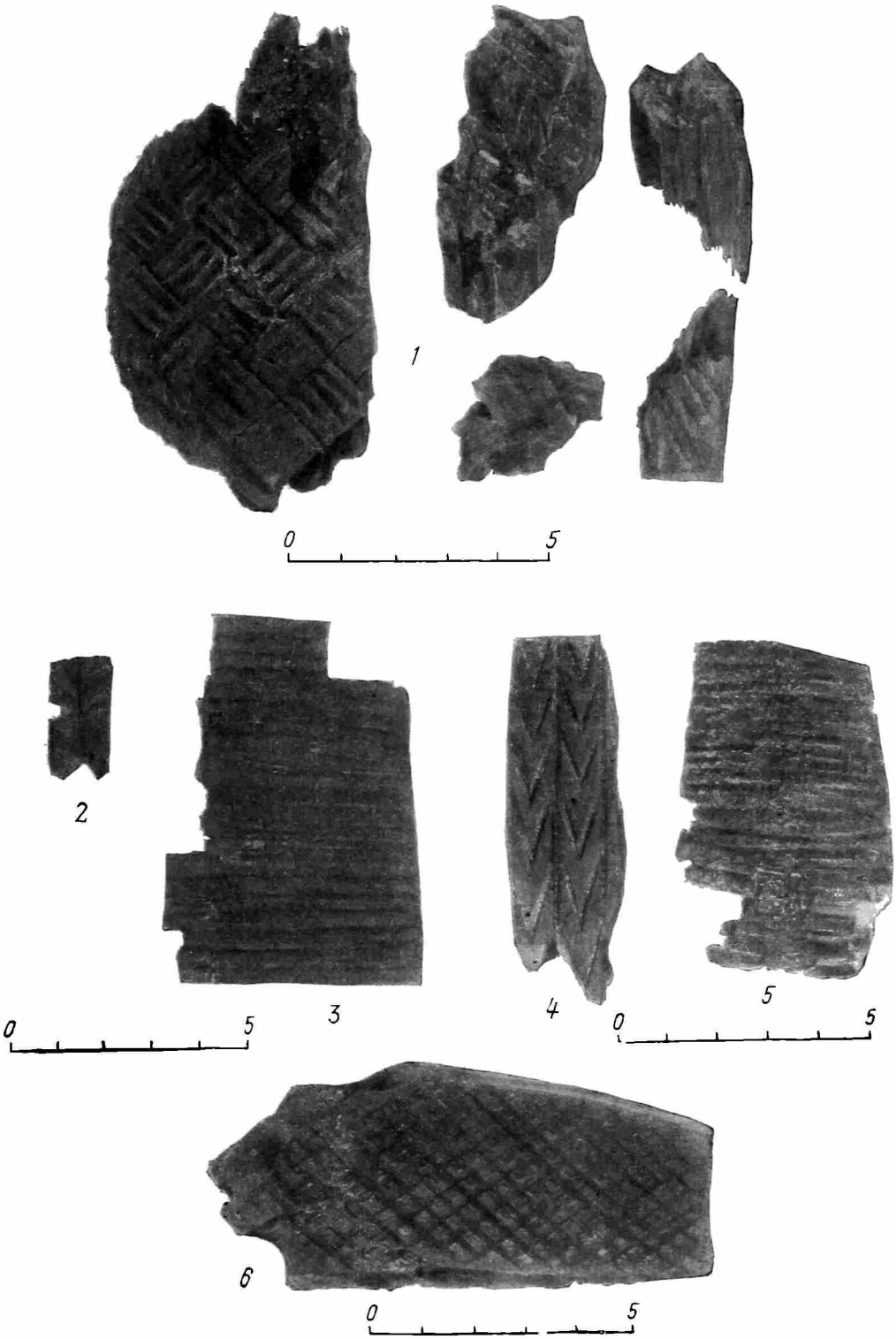

Рис. 25. Деревянные резные плакетки с разнообразными орнаментами
1 — № 88; 2 и 3 — № 133; 4 — № 248; 5 — № 49; 6 — № 189

еще две бронзовые пряжечки уже с подвижным язычком. Одна из них — фигурная с насечками на щитках рамки (нах. *№ 159*, рис. 23, *12*), другая — сердцевидная (нах. *№ 121*, рис. 23, *9*).

Эти находки лишний раз подтверждают, что пряжки с подвижным язычком появились еще в гунно-сарматское время и ни в коем случае не являются изобретением древних тюрок, как об этом бездоказательно пишет А. Н. Бернштам[1]. Можно отметить, что в Сырском склепе совсем нет раннеташтыкских пряжек.

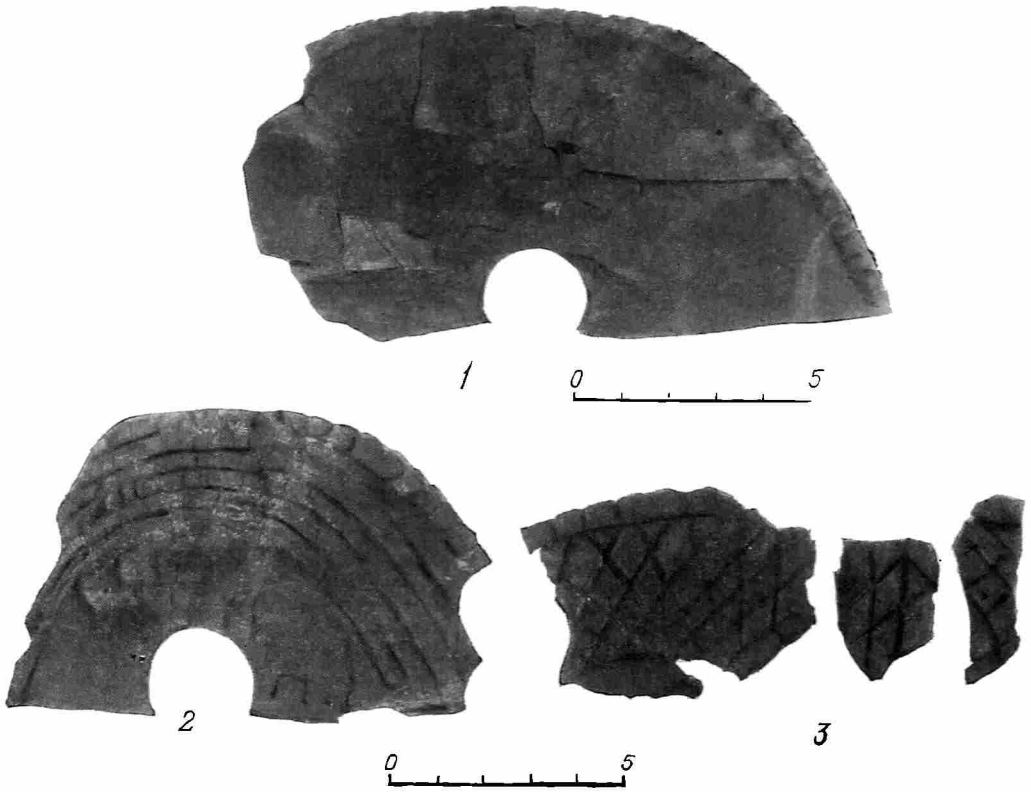

Рис. 26. Остатки деревянных полукруглых плакеток
1 — № 225/273; 2 — № 193; 3 — № 1

Упомянем найденные три просверленные астрагала баранов, очевидно, подвешивавшиеся к поясу[2] (нах. *№ 77, 173, 244*). Интересны также деревянные изогнутые подвески с боковыми срезами, вероятно, имитирующие подвески из кабаньих клыков, столь широко известные в майэмирскую и пазырыкскую эпоху на Алтае (нах. *№ 14/270*)[3], где были найдены и их деревянные имитации[4].

Среди других находок обращает на себя внимание большое количество деревянных резных плакеток, многие из которых покрыты листами плющеного золота (большинство найдено обугленными и в обломках). Это

[1] Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина», МИА, № 14, М.— Л., 1950, стр. 77.

[2] У хакасов и сейчас еще такие астрагалы употребляются в качестве своеобразных «держалок». В отверстие пропускается и завязывается ремешок, на другом конце которого висит мешочек с огнивом, трутом и кремнем. Затем кость затыкается за опояску на боку, и тогда уже мешочек не потеряется ни при каких обстоятельствах.

[3] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 295, табл. XXVIII, рис. 1 и 11.

[4] Там же, табл. XXXII, рис. 10.

плоские дощечки, украшенные нарезным орнаментом с одной стороны. Почти все они по краям имеют мелкие отверстия, расположенные попарно, очевидно, служившие для нашивки. Обкладка плющеным золотом придавала им вид массивных золотых изделий. Те из них, которые не оклеивались золотом, имеют следы окраски яркокрасной краской. Резные орнаменты различны: округлые валики (нах. *№ 133*, рис. 25,*3*), елочный узор (нах. *№ 133* и *195*, рис. 25,*2*), перекрещивающиеся нарезки (нах. *№ 49*, рис. 25,*5* и нах. *№ 189*, рис. 25,*6*), острые углы (нах. *№ 248*, рис. 25,*4*) и шашечный орнамент с нарезкой (нах. *№ 88*, рис. 25,*1*). Совершенно таким же шашечным полем украшались каменные ворота ханьских гробниц Китая [1], и вообще нужно отметить, что узоры шашечного поля были излюбленным мотивом на каменных барельефах ханьского времени [2].

Большое распространение имели деревянные плакетки оригинальной формы в виде полукруга с выемкой-отверстием на обрезанной стороне. Их края окаймлены округлыми «горошинами» (нах. *№ 225/273*, *193*, рис. 26, *1*, *2*). Поле около выемки всегда оставалось свободным от орнамента. Возле бортика из «горошин» имеются маленькие круглые отверстия, вероятно, для пришивания плакеток на мягкую основу (кожу или ткань). Наиболее интересна третья из этих плакеток, к сожалению, хуже сохранившаяся (нах. *№ 41*, рис. 26,*3*). Она также имеет бортик из «горошин», но между ними и чистым полем у выемки расположен полукруг с орнаментом из нарезных косых, перекрещивающихся линий, образующих большие ромбы. Любопытно, что точно такой резной орнамент нам известен на гуннских сосудах из Нижне-Иволгинского городища. Те же ромбы из перекрещивающихся линий и даже бортик из «горошин» там передан налепным валиком, рассеченным на участки [3].

Из других резных деревянных предметов интересна находка обломков от шара с внутренней втулкой, похожего на булаву (нах. *№ 212*, рис. 27, *3*). Ее резной узор в виде двух примыкающих одна к другой спиралей сближается с красочными спиральными узорами на таштыкских масках (на лбу и щеках) [4]. Назначение трех объемных вырезанных из дерева спиралек неясно (нах. *№ 14/261* и *270*, рис. 27, *1*, *2*).

Возможно, к украшениям одежды или же шапок следует отнести две большие деревянные бляшки. Одна, конической формы с нарезным узором (нах. *№ 289*, рис. 27, *5*), была оклеена листовым золотом, сохранившим на своей поверхности следы нарезного орнамента. Другая, слегка обломанная, квадратная выпуклая в центре (нах. *№ 108*, рис. 27, *4*) со сложным орнаментом была окрашена красной краской. Снизу она имеет квадратное углубление, вероятно, для укрепления на какую-то основу.

Здесь же упомянем находки небольших обугленных косичек из человеческих волос (нах. *№ 14/295*, *74*, *139*, *251*, рис. 23, *16*, *17*, *18*, *19*, *20*), заплетенных в две или три пряди. Цвет волос черный от обугливания. Находки кос известны как в таштыкских, так и в гуннских погребениях[5].

Среди предметов изобразительного искусства, обнаруженных в склепе, имеется большое количество изображений домашних животных. В первую очередь необходимо упомянуть серию бронзовых пластинок с парными головками коней, повернутых в разные стороны, или в виде целых

[1] E. Chavannes. Mission archéologique dans la Chine Septentrionale. Planches, deuxième partie. Paris, 1909, Pl. VII—VIII, XV, XIX, XX.

[2] Там же, табл. XXIX.

[3] Г. П. Сосновский. Нижне-Иволгинское городище. ПИДО, № 7—8, 1934, стр. 153, рис. 4, на стр. 154 (два фрагмента слева).

[4] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. I и XLIII.

[5] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 440.

фигурок коней. Среди них, наряду с совершенно реалистичными, мы видим грубые, едва намеченные в условной стилизации, головы коней. Они изготовлялись индивидуально, так как все формы их совершенно

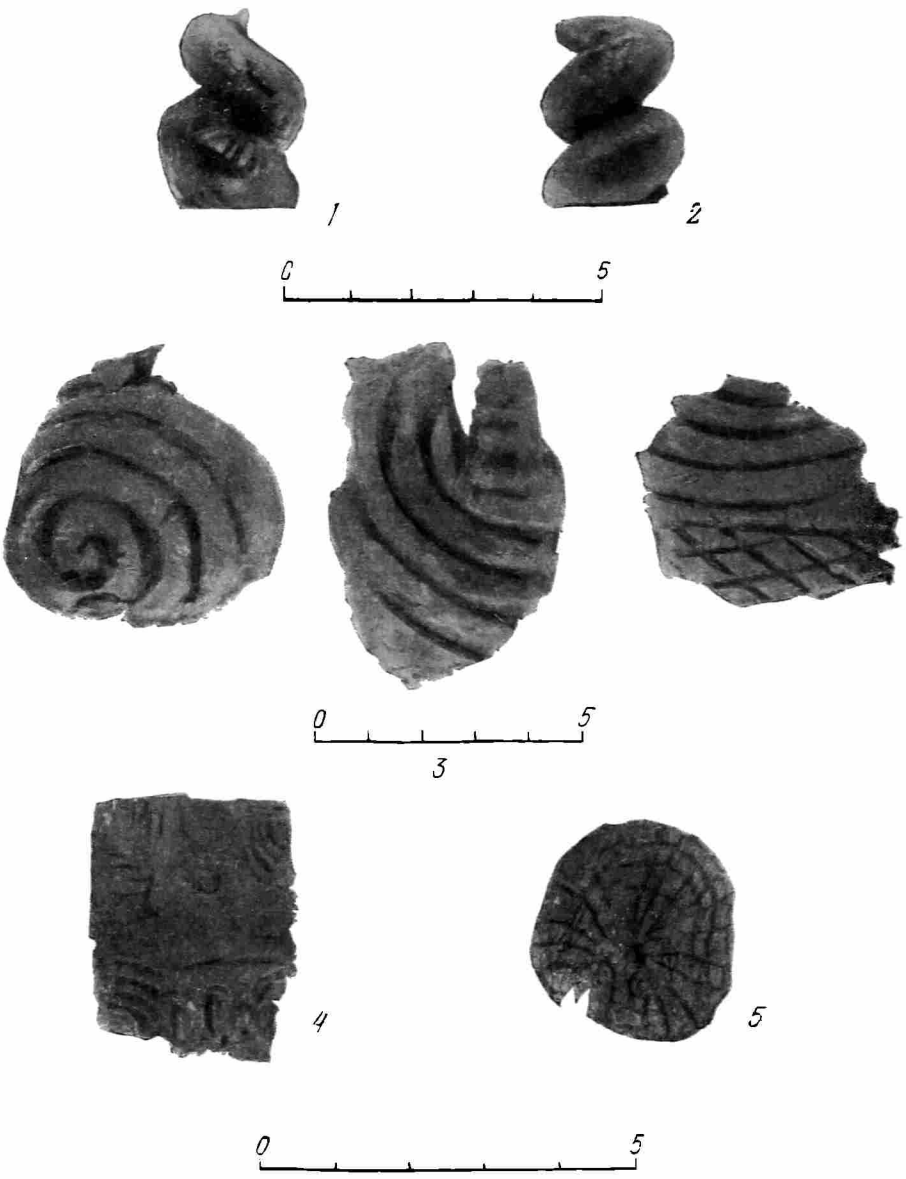

Рис. 27.

1 и *2* — деревянные спиральки (№ *14/261* и *270*); *3* — остатки круглой деревянной резной булавы (№ *212*); *4* — обломанная деревянная квадратная бляшка, украшенная резными фестонами (№ *108*); *5* — резная бляшка конической формы (№ *289*)

разные и на них ярко отразились творческие возможности каждого мастера. Эти пластинки вырубались легким зубильцем из тонких или довольно толстых (до 1 мм) листков бронзы. По следам от случайных неточных ударов видно, что зубильца эти имели рубящее острие шириною в 7 мм при миллиметровой толщине. Кроме 25 пластинок с двумя го-

ловками коней (рис. 28, *3*, *4*, *6*, *8*, *9*)[1], найдены четыре пластинки, передающие целые силуэтные фигурки коней в профиль (рис. 28, *2*, *5*, *7*)[2]. В основном эти находки самые массовые в таштыкских склепах. Новостью здесь явилась пластинка с двумя конскими головками с передними ногами под ними (нах. *№ 22*, рис. 28, *8*). Кроме того, найдена впервые пластинка с профильным изображением сидящего медведя (нах. *№ 126*, рис. 28, *1*). Самой замечательной находкой является фигурка лошади, бегущей рысью (рис. 28, *7*); ее движение передано с большим реализмом. По экстерьеру —

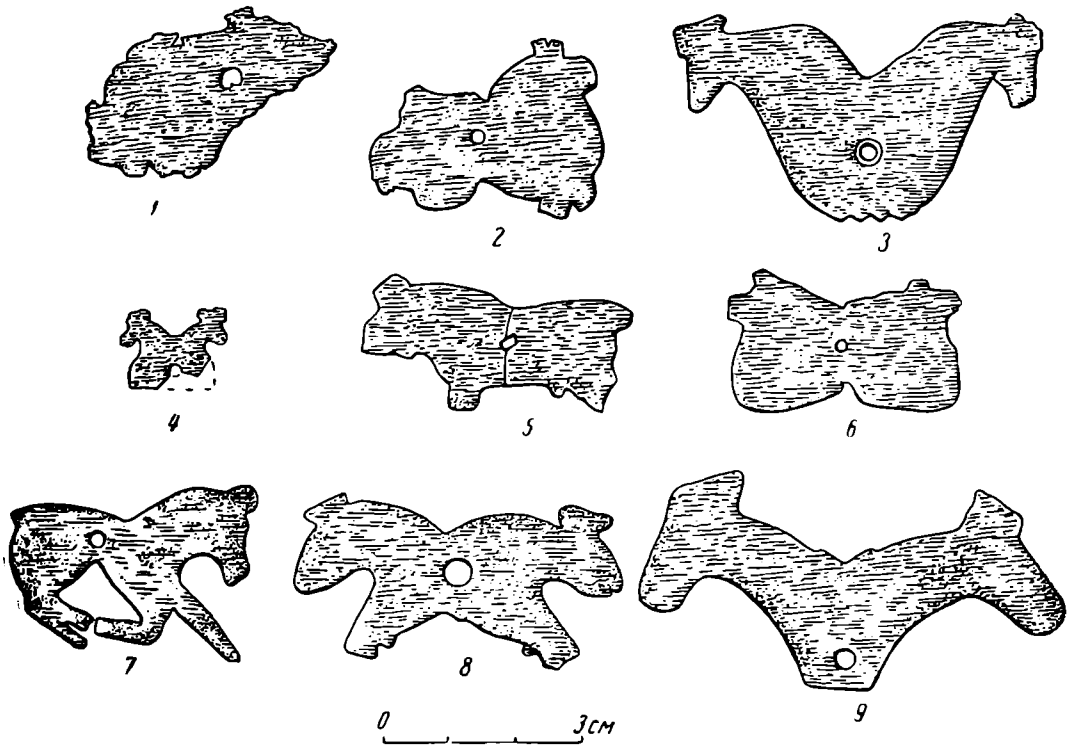

Рис. 28.

1 — амулет в виде сидящего медведя (*№ 126*); *2* — фигурка коня (*№ 127*); *3* — амулет с двумя головками коней (*№ 158*); *4* — миниатюрный амулет (*№ 157*); *5* — фигурка коня (*№ 70*); *6* — амулет (*№ 220*); *7* — амулет (*№ 54*); *8* — амулет (*№ 22*); *9* — амулет (*№ 18*)

это небольшой плотный конек несомненно местной породы. Хвост куцый, обрезанный, на голове изображен небольшой круглый султанчик (нах. *№ 54*). Замечательно здесь не только тонкое мастерство выделки, но и то обстоятельство, что почти подобные, рельефные, бронзовые фигурки лошадок найдены в большом количестве в гуннских памятниках Монголии и Забайкалья[3]. В могиле № 40 при раскопках гуннской могилы в Ильмовой пади Г. П. Сосновским была найдена бронзовая позолоченная фигурка коня. Ее экстерьер, наклон крупной головы, круглый султан и выброшенная вперед нога — в точности совпадают с нашей, правда, более реалистической. Шесть таких же бронзовых лошадок найдены в гуннском кургане Ноин-Улы[4]. Позднее, в VI—X вв., встречаются

[1] Нах. № 5, 18, 22, 48, 85, 96, 106, 151, 157, 158, 167, 170, 177, 184, 219, 220, 263, 273, 293.

[2] Нах. *№ 54*, *70*, *127*, *217*.

[3] Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади. СА, VIII, 1946, стр. 56, рис. 6, *2*.

[4] Там же, стр. 65, из раскопок 1925 г.

бронзовые фигурки таких же коньков, но уже со всадниками[1]. Это, как и многое другое, указывает на глубокие местные корни «кыргызского» искусства.

Примечательно полное совпадение пластинки с парными головками коней из наших раскопок (рис. 28, *9*) с найденной в одном из таштыкских склепов Уйбатского чаа-таса[2]. Но еще более интересно, что в точности такая же пара головок была найдена уже в «кыргызском» кургане того же могильника[3]. Разница во времени здесь составляет около 400 лет, между тем головки сделаны строго по одному образцу.

Назначение всех этих пластинок, вероятно, культовое. Скорее всего это амулеты типа оберегов. В археологии имеется много примеров находок парных головок животных, в особенности лошадей, относящихся к разному времени и найденных на широкой территории. Их изучение может явиться самостоятельной темой исследования.

Все они имеют отверстия, в большинстве своем круглые, пробитые металлическим бородком, реже овальные и четырехугольные; это говорит о том, что пластинки пришивались или подвешивались скорее всего на одежду. Громадное количество этнографических примеров, в особенности из Сибири, позволило более точно определить их назначение. Парные головки животных встречаются и ныне повсюду, в том числе и у современных хакасов (например, на деревянных солонках). Приведем здесь лишь один характерный пример: известный исследователь чукчей В. Г. Богораз отмечал, что у чукчей «часто встречаются изображения в виде маленького кусочка дерева или кости с двумя головами, по одной на каждом конце (рис. 60). Считается, что две головы защищают одновременно спереди и сзади»[4].

Если эти пластинки являются оберегами, то становится ясным наличие в Сырском склепе бронзовой пластинки в виде фигурки сидящего медведя. Напомним, что склеп расположен на границе тайги и степи. Неудивительно, что к оберегам степняков, в виде фигурок коней, здесь присоединяются и обереги таежников. На пластинке изображен самый сильный зверь сибирской тайги — медведь,— это вместе с тем и самый уважаемый зверь, «хозяин тайги», «дедушка»,— как его называют охотники всех народов Сибири. Вероятно, и у таежных охотников таштыкской эпохи существовал культ медведя.

Наряду с пластинчатыми изображениями коней и конских головок в склепе встречены и их деревянные резные фигуры. К сожалению, после поджога склепа, от них сохранились лишь отдельные части, главным образом ноги. По нашим подсчетам, они принадлежали по меньшей мере шести статуям коней.

Найденная нами целая передняя нога статуи лошади (нах. *№ 213*)[5], правда, несколько деформированная, имеет копыто (очевидно, округлое), вырез сзади, обозначающий щетку и вверху шип для укрепления ноги в туловище статуи. Очень хорошо сохранилась красная краска,

---

[1] Утинский всадник — см. A. M. Tallgren. Collection Tovostine. Helsingfors, 1917, табл. IX, рис. 10; Комаковский всадник — см. В. П. Левашева. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, табл. XVI, рис. 14.

[2] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, стр. 6, рис. 1.

[3] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. LIV, рис. 2.

[4] В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, т. II, Л., 1939, стр. 68 и рис. 60 — «Амулет в виде двухголовой собаки».

[5] Л. Р. Кызласов. Древнейшее свидетельство об оленеводстве. СЭ, 1952, № 2, стр. 40, рис. 1.

покрывавшая всю ногу (повидимому, киноварь). Длина ноги без шипа 22,5 см. Отсюда следует, что высота всей статуи коня была около 45 см, при длине в 65 см. Она значительно превышает размеры статуэток, найденных в таштыкских склепах Уйбата[1]. Другая передняя нога от фигуры лошади — меньше; ее длина 17 см (нах. *№ 245*, рис. 29, *2*), она обломана сверху. Копыто овальное. Найдена нога третьей конской статуи, на этот раз задняя, сохранившаяся почти целиком (без шипа), длиной 17,6 см

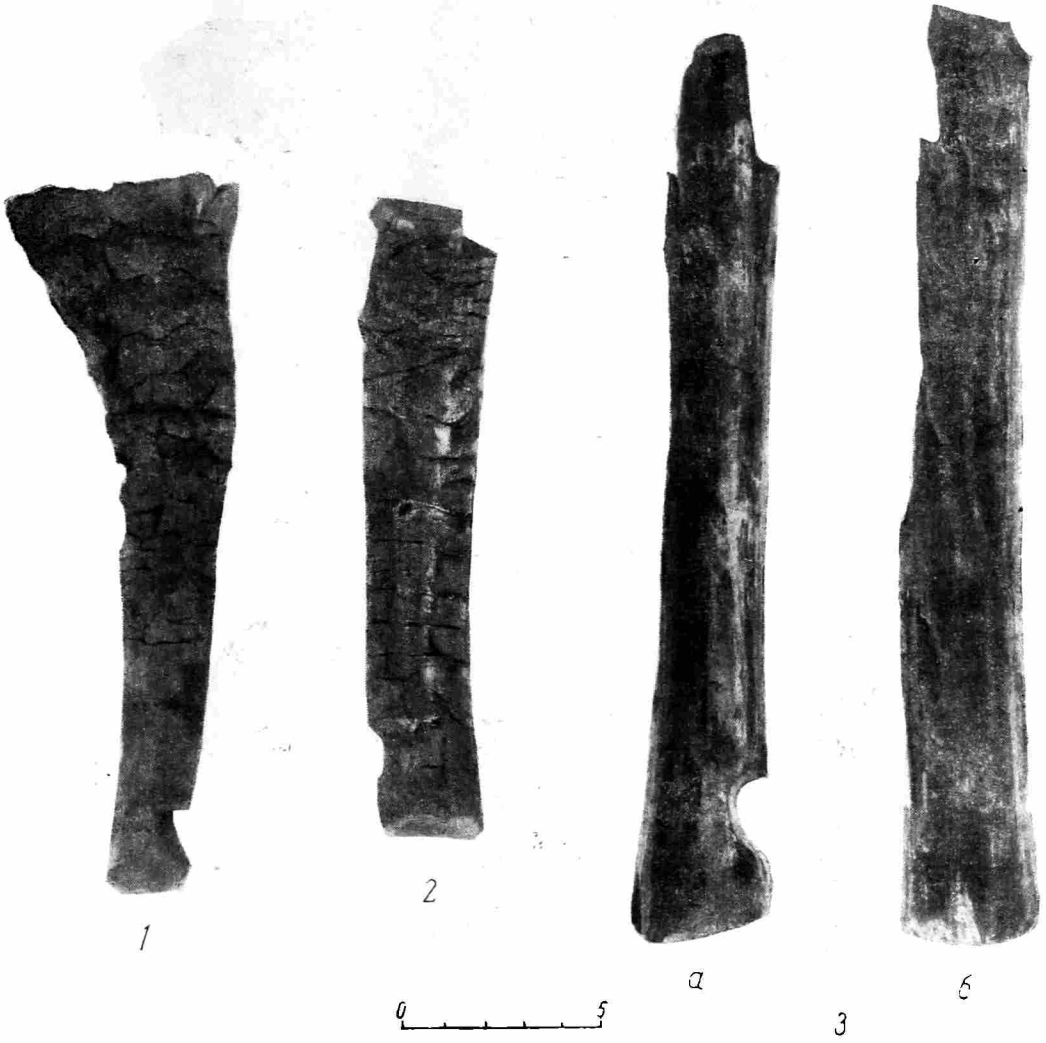

Рис. 29. Ноги от деревянных статуй животных

1—2 — от статуй коней (*1* — *№ 104*, *2* — *№ 245*); *3* — нога статуи оленя (*№ 247*, *а* — вид сбоку *б* — вид спереди)

(нах. *№ 104*, рис. 29, *1*). По их размерам можно заключить, что две последние статуи были высотой около 35 см.

Кроме того, сохранился обломок ноги от четвертой фигуры лошади — круглое копыто с вырезом щетки (нах. *№ 122*). Еще два обломка ног, передней (нах. *№ 14/251*) и задней (нах. *№ 93*), также, повидимому, принадлежали конским фигурам. Все эти части найдены в разных местах склепа. Судя по тому, что описанные ноги коней сделаны из кедра, можно думать, что и их туловища были из того же дерева.

[1] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 441—442 и табл. XXXVI на стр. 425, рис. 9.

Ценнейшей находкой в Сырском склепе являются две статуи верховых оленей — древнейшее доказательство домашнего оленеводства. Туловища оленей вырезаны из целых обрубков кедра. Приставные ноги сделаны из того же дерева и имеют вверху шипы, которые вставлялись в пазы, выдолбленные в туловищах статуй. Олени вырезаны очень

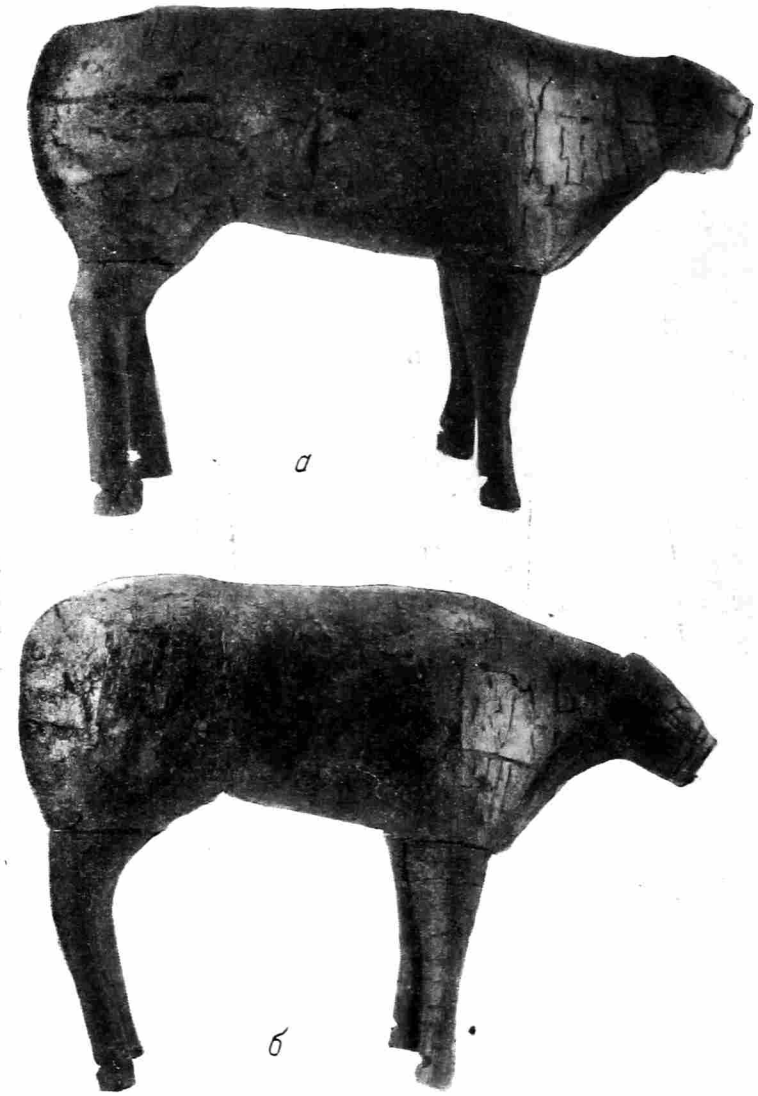

Рис. 30. Статуи домашних оленей

а — статуя оленя-быка (*№ 285*); *б* — статуя важенки (*№ 261*)

искусно с передачей всех характерных черт, присущих северному оленю (Rangifer tarandus sibiricus)[1].

Ноги животных имеют парные копытца; вырезано также по паре задних копытец (рис. 30, 32, 33). Концы морд (губы), к сожалению, не сохранились, отсутствуют также уши, рога и хвосты, так как они были вставными и отгорели, но для них имеются маленькие выдолбленные четырех-

[1] Наше определение, сделанное еще на месте, подтвердили профессор А. Н. Формозов и доктор биологических наук В. И. Цалкин, осмотревшие статуи после реставрации.

угольные отверстия[1]. У фигуры самки оленя (нах. *№ 261*, рис. 30, *б*) не было правой задней и левой передней отгоревших ног, которые были восстановлены при реставрации.

Самым значительным является то, что на мордах оленей вырезаны узды с набором круглых бляшек. Это с несомненностью доказывает их

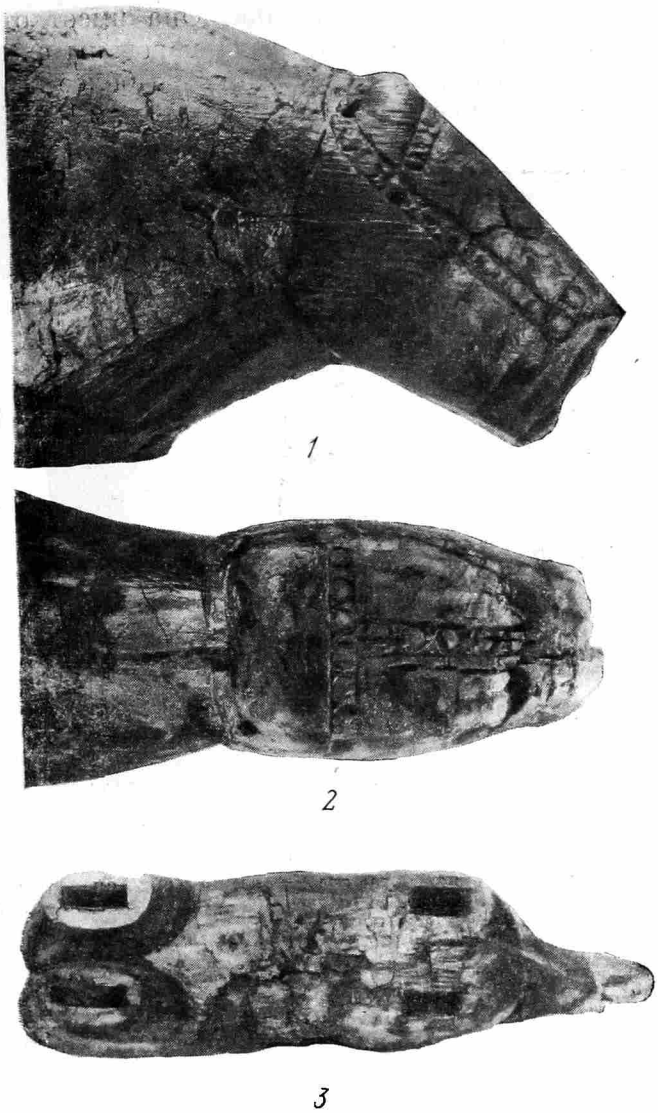

Рис. 31.
1— голова самки (профиль); *2* — голова самки (вид сверху); *3*— статуя быка (вид снизу — ноги вынуты)

одомашненность и назначение под верховую езду. Сохранность статуй настолько хороша, что сохранилась яркая красная краска, которой были окрашены обе фигуры животных (киноварь).

Удалось установить, что, помимо ножа (а первоначально, конечно, топора и тесла), при изготовлении статуй употреблялась узкая длинная стамеска, шириной 11 мм и в длину свыше 8 см. Ею выбивались прямоугольные пазы для вставки шипов ног, глубиной в 8 см (рис. 31, *3*).

[1] Рога и уши были, вероятно, кожаными, а хвост — из меха, так как в отверстиях сохранились обгоревшие частицы, напоминающие пережженную кожу.

Отверстия для ушей, рогов и хвостов выдалбливались, вероятно, концом ножа. Одна статуя имеет лишь отверстия для ушей, а для рогов отверстий нет (рис. 31, *1*, *2*). Поэтому мы считаем эту статую изображением самки северного оленя, тем более, что она меньше другой, формы ее переданы более облегченными, и, главное, морда у́же и меньше, чем у другой статуи.

Другая статуя изображает оленя-быка. Она имеет отверстия и для ушей и для рогов. Кроме отверстий, рога переданы еще особыми выступами сверху лба (рис. 30, *а*). Бык изображен более плотным и мускулистым, морда его массивнее и больше по размерам [1].

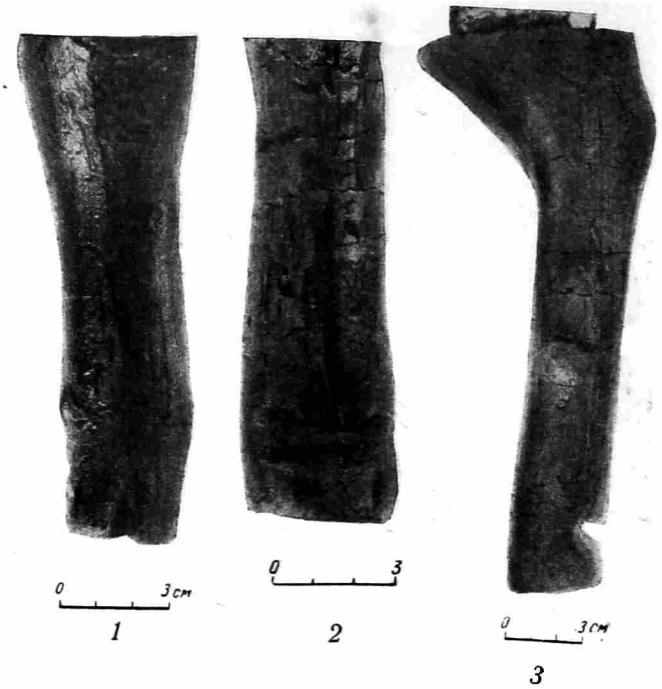

Рис. 32.

1 — правая передняя нога статуи самца (вид спереди); *2*, *3*— левая задняя нога статуи самца (*2*— вид сзади, *3*— вид сбоку)

Судя по всем деталям и технике, обе фигуры вырезаны одним мастером (найдены они рядом; см. рис. 4).

Статуи являются высоко реалистичной передачей в дереве северных оленей, особой саянской породы. Изображены рослые, крепкие, с мощным корпусом животные с некоторой понурostью морд, которая свойственна только северному оленю, так как благородной олень носит голову высоко.

Точное воспроизведение на статуях двух совершенно одинаковых узд, вернее оленьих недоуздков (так как удил у них не было — не изображены совсем ременные отводы к ним), свидетельствует о том, что таштыкские художники стремились к точной передаче натуры, а изображением уздечек подчеркивали хозяйственное назначение оленей под верховую езду.

Теперь становится ясным, что в таштыкскую эпоху племена, проникшие в горно-таежные районы Кузнецкого Ала-тау и его отрогов, имели домашних оленей, которые стали уже привычными,

[1] Длина статуй: самца (нах. *№ 285*, рис. 30, *а*) — 66 см, самки (нах. *№ 261*, рис. 30,*б*)—64 см. Высота (соответственно)—46 и 45 см. Длина ног 21,5; 22 см (без шипов).

а вместе с тем и надежными верховыми и вьючными животными. Это подтверждается и особой, именно оленьей, формой узды, выработанной с течением времени. Ни позже, ни в то время конских узд такого типа не было[1].

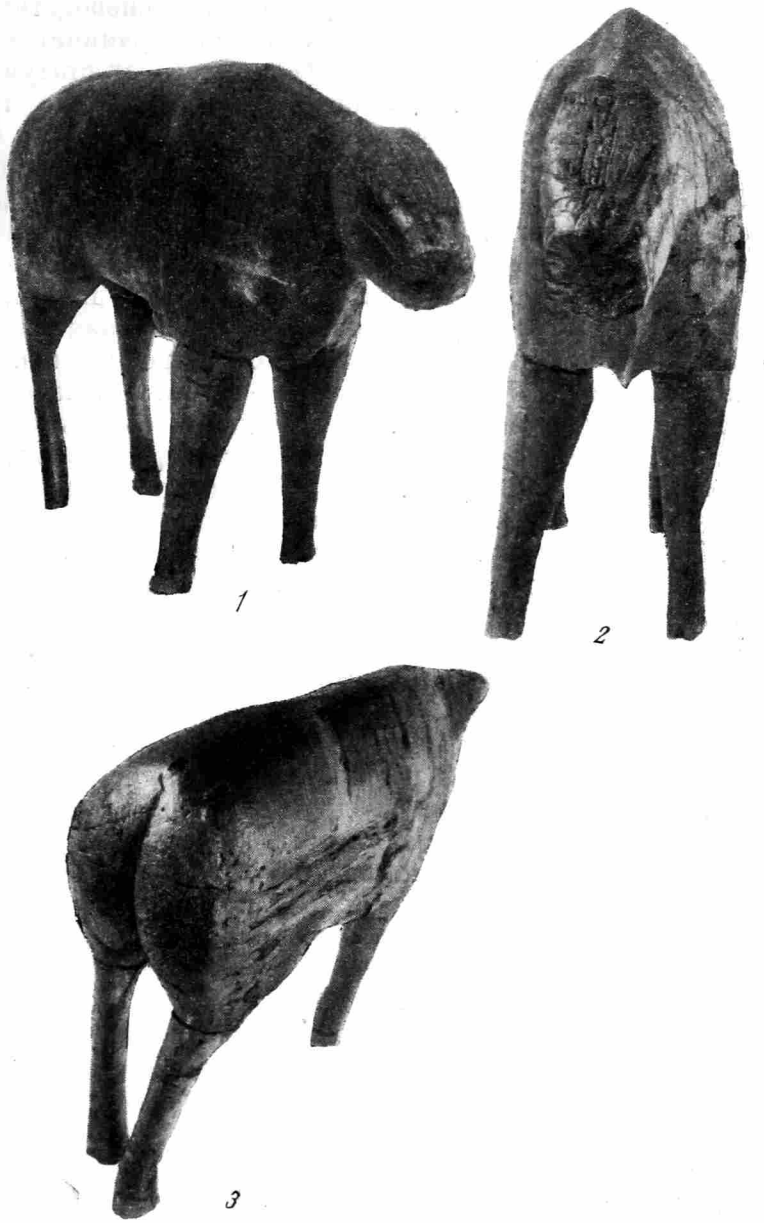

Рис. 33.

1, 2— статуя самки; *3*— статуя оленя-быка (вид сзади)

Необходимо далее отметить, что, судя по уздечкам, обильно украшенным набором круглых, вероятно, блестящих бляшек (на стыках ремней

[1] Хорошим подтверждением различия оленьих узд от конских для того времени служит тот факт, что такие узды были только у быков. Например, известны ханьские терракотовые статуэтки быков с уздами, имеющими продольный ремень, соединяющий поперечные на лбу. У этих узд также нет удил, подбородника, и на стыках ремней расположены такие же круглые бляшки (см. O. Siré n. Histoire des arts anciens de la Chine, v. II. L'époque Han et les six dynasties. Paris et Bruxelles, табл. 74, рис. C).

бляшки были более крупные), оленей любили и украшали не менее лошадей. Таежники и охотники ценили оленей так же, как степняки и скотоводы ценили лошадей.

Мною, в связи с находками оленьих статуй, опубликована специальная работа, посвященная историческому очерку оленеводства на Саяно-Алтайском нагорье, поэтому их описание здесь ограничивается [1].

В Сырском склепе была найдена еще одна нога от статуи животного с вырезанным парным копытом, принадлежавшая, вероятно, тоже оленю, еще более крупному, чем описанные выше (нах. *№ 247*, рис. 29, *3*).

Маски правильнее было бы отнести также к предметам искусства, ибо ни одной снятой непосредственно с лица покойного нами не найдено. Оборотная сторона их всегда имеет следы оттисков бараньей кожи типа шагрени, с шероховатой поверхностью, часто с отпечатками швов. Маски делались, повидимому, или на мягкой основе, или же шаром, сшитым из кусков кожи и набитым травой, вдавливалась гипсовидная масса в форму, предварительно снятую с лица умершего. Этот вопрос не может считаться решенным, хотя имеются большие сомнения в том, что маски изготовлялись механическим путем в форме. Эти сомнения основываются прежде всего на том, что часто почти все детали масок формовались отдельно: шея, грудь, подбородок, нос и уши. При этом многие из них часто сделаны очень схематично — нос без ноздрей, шаблонные уши с условными завитками (рис. 36, *3*, 34, *7*) и т. д. Кроме того, на масках из Сырского склепа мною прослежено, что их поверхность после подсыхания расчерчивалась сеткой из нарезных перекрещивающихся линий для того, чтобы держался ангоб, которым покрывалась поверхность маски [2]. И только по ангобу разрисовывались красками узоры — росписи лиц. Краски при этом пропитывали его насквозь. Обычный узор — это спирали на лбу, висках и щеках, наносимые двумя красками рядом — красной и синевато-черной. Помимо этого, при росписи щек применялась голубая и зеленая краски. Все эти спирали и другие узоры передавали собой татуировку, которая позднее применялась прямыми потомками «таштыкцев»— хакасами VI—X вв. Об этом прямо сообщает Таншу: «Храбрые из них татуируют руки себе, а женщины, по выходе замуж, татуируют себе шею». Однако, как показало исследование фрагментов масок из Сырского склепа № 1, красками воспроизводилась не только татуировка лица и шеи, но и другие детали. Так, например, краской наносились ресницы, красной краской окрашивались губы масок, ею же изображались ноздри в тех случаях, когда они не имели углублений; голубой полоской закрашивались прочерченные щели закрытых глаз. Оранжевой краской наносились на шеи женских масок изображения ожерелий из бус и подвесок (см. рис. 24). Маски склепа дополняют данные науки новыми антропологическими данными. В основу всех их, несомненно, положено портретное сходство с оригиналом и этого таштыкские скульпторы умели добиваться с поразительным искусством. Среди множества проходящих перед нами застывших лиц нет даже двух схожих. Портретность эта подчеркивается также небольшими детскими масками, впервые обнаруженными в Сырском склепе (рис. 35, *1*, *2*). После этих находок стало очевидным, что не только мужские и женские, но и детские погребения сопровождались масками. Среди масок склепа преобладающим типом является

[1] Л. Р. Кызласов. Древнейшее свидетельство об оленеводстве. СЭ, 1952, № 2, стр. 39—49.

[2] Эти насечки для ангоба С. В. Киселев ошибочно принимает за имитацию ран — см. Древняя история Южной Сибири, изд. 2, М., 1951, стр. 449.

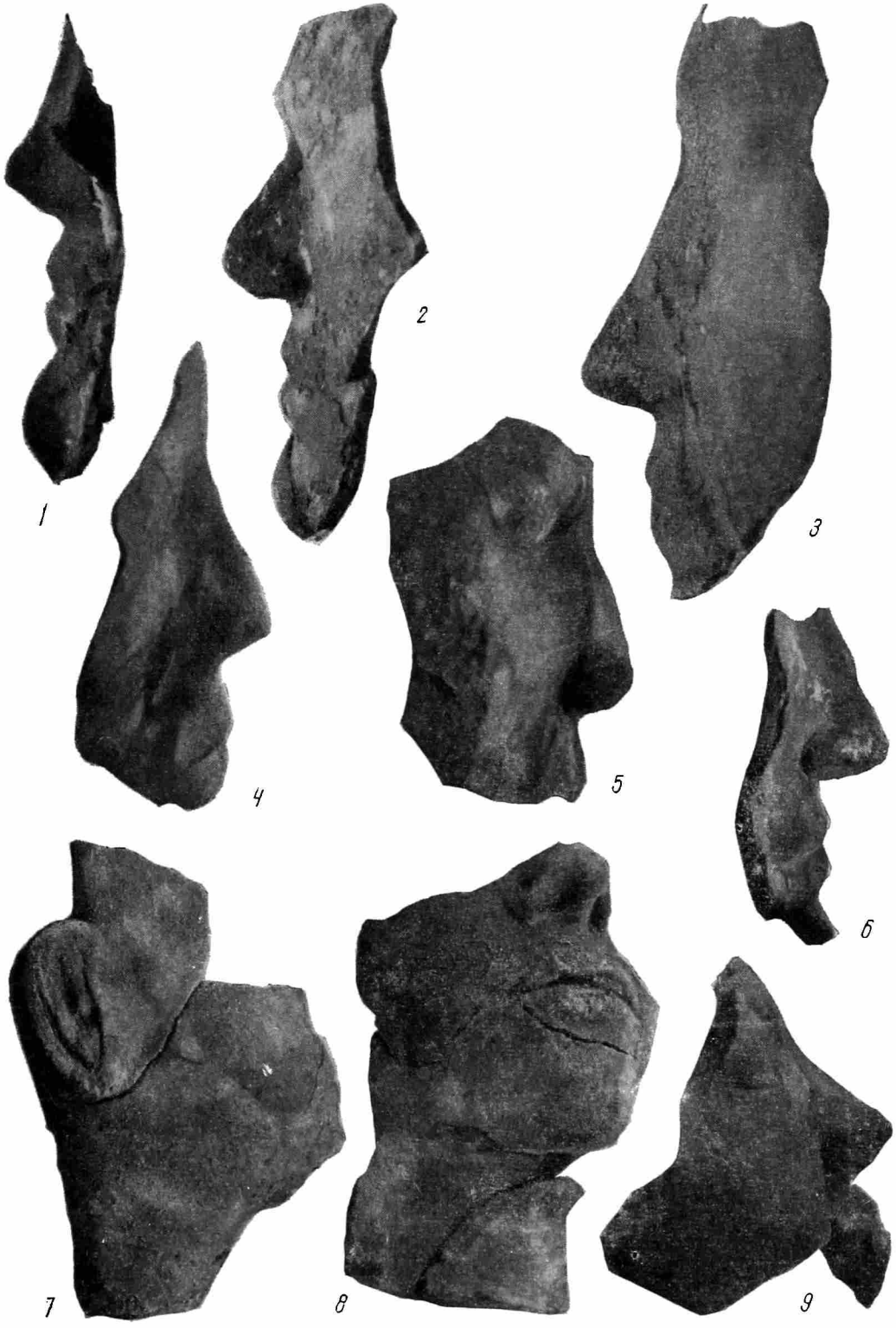

Рис. 34. Фрагменты погребальных масок

1 — № 223; 2 № 252; 3 — № 28; 4 — № 115; 5 — № 176; 6 — № 174; 7 — № 252; 8 — № 268; 9 — № 262

европеоидный, а также смешанный, монголоидного почти нет. Многие лица характеризуются сильной горбоносостью (рис. 34, *2*, *5*, *6*, и 36, *1*, *2*, *4*), особенно удивляет одно лицо с очень большим носом (рис. 37, *2*). Оно имеет почти такой же профиль, как и у бронзовых личин, служивших

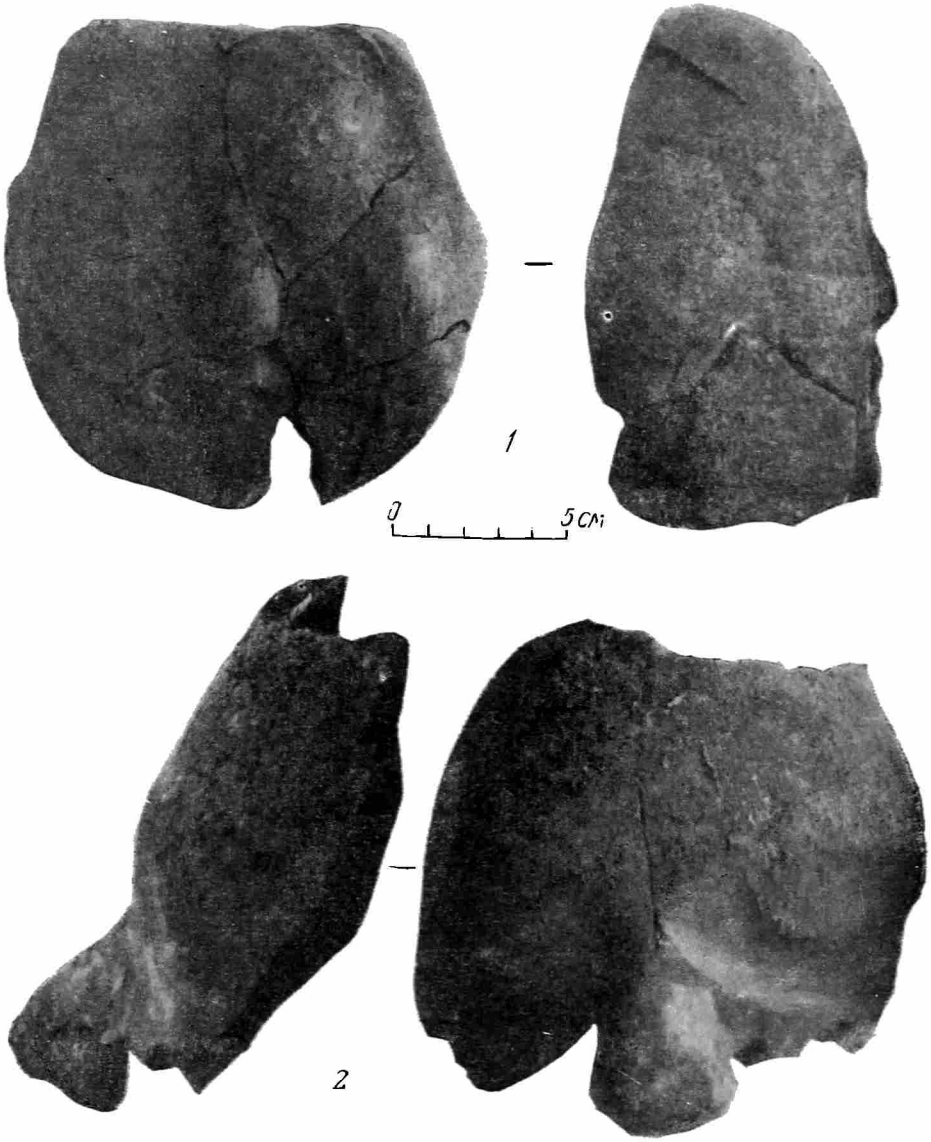

Рис. 35. Детские маски
1 — № 271; 2 — № 252

дверными ручками китайского дома Ли-Лина, раскопанного у г. Абакана[1] и относящегося к предташтыкскому этапу (первая половина I в. до н. э.).

В настоящее время, кроме масок и деревянной головки воина из склепа Уйбата[2], мы располагаем еще одним замечательным образцом человеческого лица, созданного таштыкскими скульпторами. Мы имеем в виду

[1] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. XLVI, рис. 1—2.
[2] Там же, табл. XXXVIII, рис. 2.

первое таштыкское каменное изваяние, найденное у улуса Кызласова на р. Малая Есь[1].

Анализируя материалы, открытые Хакасской экспедицией в Сырском склепе, хочется подчеркнуть следующий основной вывод — особое усиление культурных связей «таштыкцев» того времени с Китаем эпохи династии Хань (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.), отразившихся не только в творчестве и материальной культуре «таштыкцев», но и в обряде их погребений. Как известно, в Китае «в древности существовал обычай захоронения с знатным покойником его жен, рабов, жертвенных животных, но с эпохи Хань в могилы стали класть глиняные изображения предметов и лиц, его окружавших. В этой малой пластике, стремившейся к точному воспроизведению действительности, чувствуется непосредственное наблюдение природы. Часто встречаются здесь фигурки домашних животных (собак, лошадей); находили и человеческие изображения»[2]. И вот, почти тот же самый обряд мы видим в склепах при погребениях таштыкской знати, подражавшей китайской аристократии. Влияние ханьского Китая передавалось сначала через гуннов, в известные периоды владевших «землей Хакас», отсюда мы наблюдаем и некоторое сходство таштыкских памятников с гуннской материальной культурой[3]. Возникший в ханьском Китае новый обряд на Енисее попал на подготовленную почву, ибо еще во вторую стадию тагарской культуры (IV—III вв. до н. э.) появился обычай укладывать в могилы миниатюрные модели вещей. Конечно, многое здесь оставалось ярко самобытным и многое нашло местные формы, но сходство очевидно и в таштыкских склепах, так же, как в ханьских, имеются модели вещей, статуи домашних животных и, наконец, людей. В последнем случае мы имеем в виду человеческие составные статуэтки типа уйбатских деревянных фигурок с костяными руками[4].

Хорошим доказательством усиления связей с Китаем и свидетельством стремления таштыкской знати подражать знати китайской, являются найденные в склепе обрывки китайских шелковых тканей от одежд и, в особенности, зонты, сделанные по типу китайских церемониальных, подобных тем, которые императоры дарили предводителям северных кочевых племен, вступавшим в союзнические отношения с Китаем.

Итак, в ханьском Китае погребения сопровождались глиняными статуэтками домашних животных; на Енисее, как видим, они деревянные, что является местной особенностью. Но единство приемов изготовления и реализм в передаче фигур животных одинаковы и там и тут. Мы уже указывали на яркие примеры большого сходства китайских и таштыкских технических приемов в изготовлении малой скульптуры[5].

Совершенно очевидно, что фигуры животных из таштыкских склепов специально изготовлялись для погребального обряда, чтобы заменять собою в «загробном мире» живых животных[6]. Исходя из этих задач, художники-скульпторы, творцы этих произведений, стремились к жизненной правде, к реалистическому воспроизведению в дереве, привычных и хорошо

[1] Ныне хранится в Хакасском областном музее краеведения в г. Абакане.

[2] О. Глухарева, Б. Денике. Краткая история искусства Китая. М.—Л., 1948, стр. 20.

[3] Известны деревянные статуэтки животных и из могил гуннских шаньюев. С. Trever. Excavations in Northern Mongolia. Leningrad, 1932, табл. 32, рис. 1.

[4] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. XXXVIII, рис. 2 и 6.

[5] Л. Р. Кызласов. Древнейшее свидетельство об оленеводстве, стр. 48—49.

[6] Красной краской, которой окрашены все статуи, очевидно, старались подчеркнуть «жизнеспособность» вырезанных из дерева животных. Известно из многочисленных этнографических примеров, что красный цвет — цвет жизни в разные времена и у разных народов.

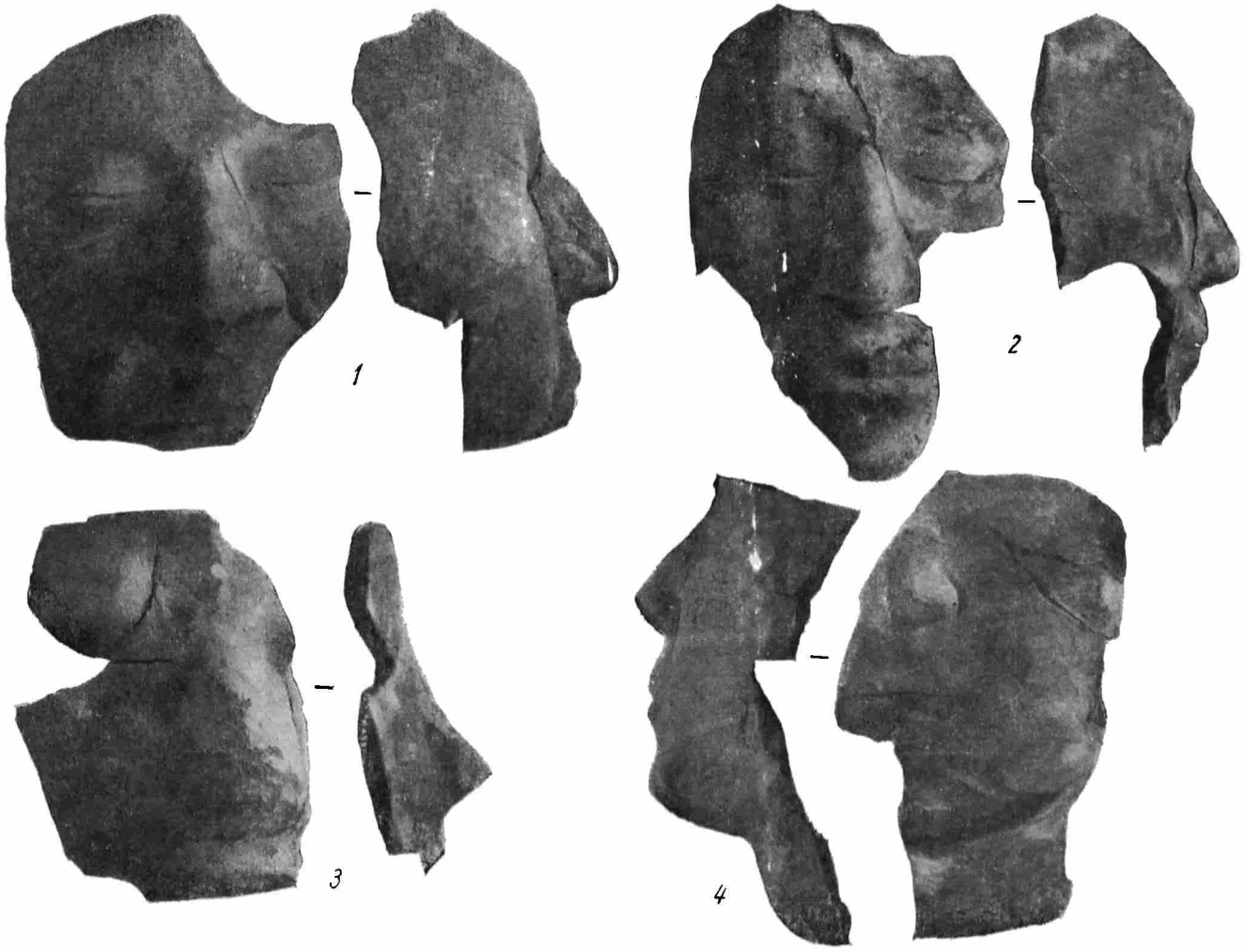
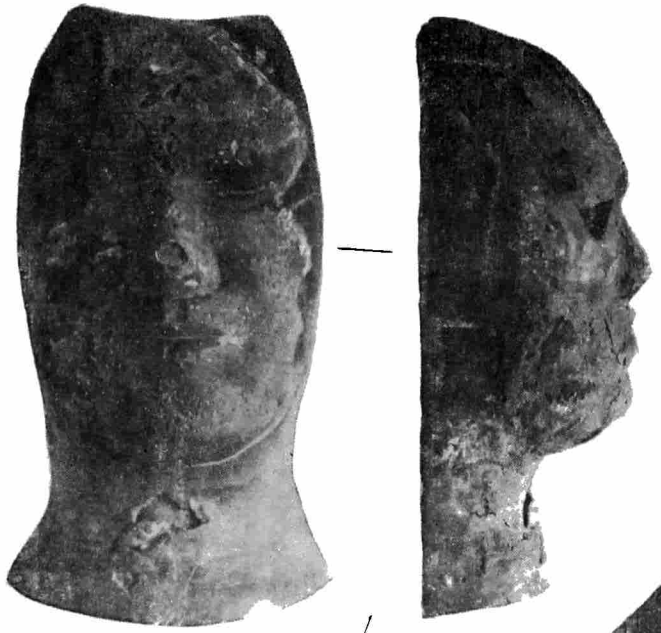

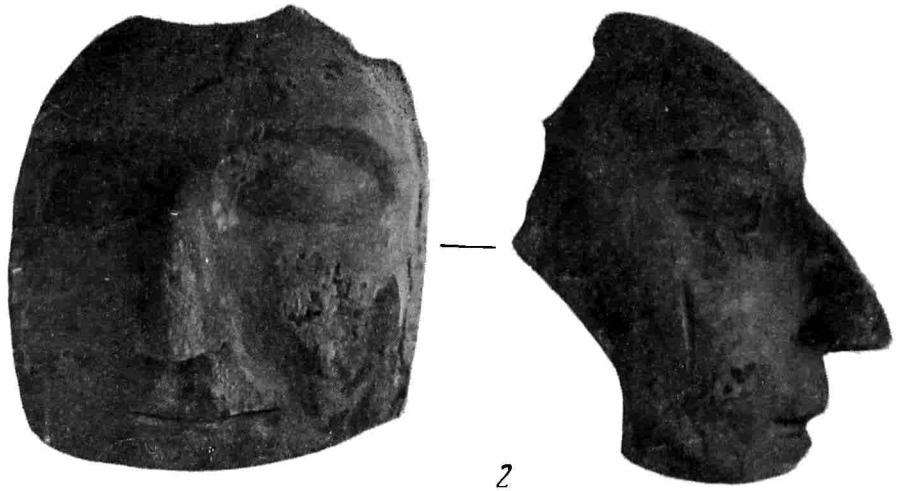
Рис. 36. Фрагменты погребальных масок (фас и профиль)

1 и 2 — № 262; 3 — № 171; 4 — № 233

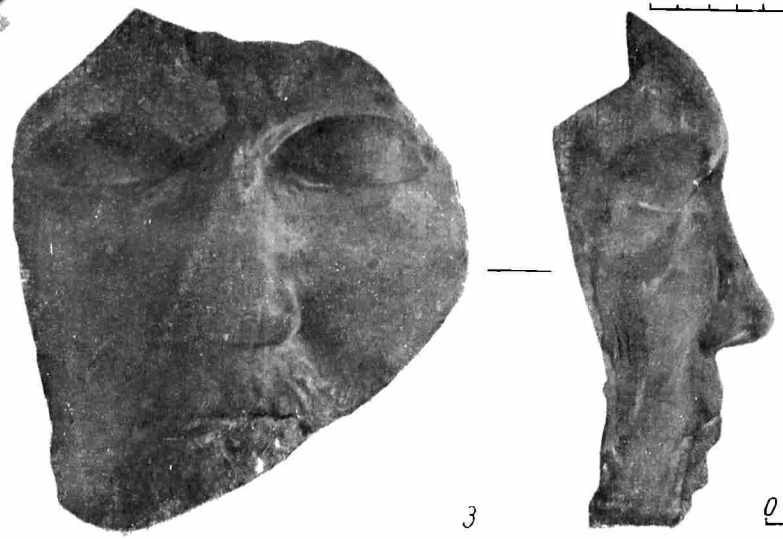
1

0 5см

2

0 5см

3

0 5см

Рис. 37. Погребальные маски (фас и профиль)

1 — № 252; 2 — № 207; 3 — № 239

знакомых для них самих объектов. Так как в склепе № 1 Сырского чаа-таса были погребены, очевидно, представители знати как степняков-скотоводов, так и таежных оленеводов, то для первых вырезались фигуры коней, для вторых — оленей. Это подтверждается также и тем, что в Сырском склепе, наряду с обычными амулетами в виде коньков или парных голов их, впервые обнаружен и амулет в виде фигурки медведя.

Здесь зафиксирован редкий в археологической практике случай нахождения совместных погребений в одной могиле (склепе) представителей двух различных типов хозяйства. Этот факт важен нам как свидетельство родоплеменного характера таштыкских склепов, как доказательство того, что в союз таштыкских племен входили не только степные племена, но и роды, населявшие горно-таежные районы, прилегающие к степной зоне котловины, группы, основывающие, очевидно, с древности, свое хозяйство на оленеводстве (возможном только в горно-таежных районах) и охоте.

Конечно, в наиболее тесных отношениях с таежниками были те степняки, которые жили в подтаежных районах. Поэтому не случайно, что в таштыкских склепах степных районов этого не наблюдается, зато так четко выявилось в пограничном таежно-степном районе.

Этнографически, для более позднего времени, хорошо известны отдельные географические группы даже одной и той же народности, имевшие сильные различия в основных направлениях их хозяйственной деятельности. Таковы, например, различия между северо-западными и восточными башкирами, из которых первые издавна являлись оседлыми земледельцами, вторые — кочевниками-скотоводами. Не меньшие различия имелись также между отдельными группами чукчей и коряков, одни из которых были морскими охотниками и рыболовами, другие — оленеводами-кочевниками.

Вместе с тем изучение коллективной усыпальницы Сырского чаатаса наглядно показывает, что оставившее ее общество уже находилось на грани крушения первобытно-общинных отношений, разложение которых зашло довольно далеко. Анализ размещения погребального инвентаря при отдельных погребениях приводит нас к выводу, что в социальном отношении общество расслаивалось на три основные группы: свободное рядовое население, которое составляло большинство населения, бесправная группа зависимых людей и все более обособляющаяся группа знати. Наряду с рядовыми погребениями, сопровождающимися в достаточной мере скромным и обычным инвентарем и погребальными масками, встречаются погребения, немногочисленные в общей массе, ритуал и инвентарь которых значительно отличаются от рядовых. Именно при этих погребениях оказывается многочисленный, очень разнообразный и богатый инвентарь[1]. Нередко вместо обычных масок подобные погребения сопровождаются масками-бюстами с особыми подставками.

Наряду с этим, в склепе оказались погребения людей, явно стоящих на самой низшей ступени социальной лестницы. Они не имеют нередко ни масок, ни вещей. Мало того, прах их не удостаивался даже положения в общей погребальной камере. Эти сожжения располагались на полу

[1] При этих погребениях находятся также и вещи, свидетельствующие о подражании ритуалу китайской знати — разнообразные статуэтки домашних животных, которые сопровождают покойных, символизируя богатство скотом. При них же встречаются особые знаки знатного положения — зонты китайского типа, остатки роскошных одежд из шелка и меха, обшитых бесчисленными, оклеенными золотом бляшками и т. д.

входа в склеп, причем наблюдения показали, что они затаптывались при внесении в погребальную камеру основных погребений. Иногда, чтобы их все же предохранить от затаптывания, их прикрывали каменными плитками. Такие пережженные кости людей оказались ссыпанными в большом количестве у самых дверей склепа и даже снаружи у входа, где часть их также была закрыта большой плитой (см. рис. 4). Это делалось в то время, когда в основной камере вполне хватило бы места для всех этих захоронений. Такого рода погребения, повидимому, являются захоронениями людей, лишенных даже самых обычных прав, находившихся почти на рабском положении. Таким образом, исследование Сырского склепа, давшего многочисленные дополнительные материалы, способствующие лучшему пониманию многих сторон идеологии, быта, общественного устройства и материальной культуры «таштыкского» общества, не позволяет считать склепы только лишь усыпальницами знати, как это представлялось до сих пор[1].

После произведенного нами анализа таштыкских памятников, мы более всего склонны отнести таштыкский склеп № 1 Сырского чаа-таса ко II веку н. э.

ТАШТЫКСКОЕ ГРУНТОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

Рядом с таштыкским склепом, на северо-западной оконечности чаа-таса нами был раскопан курган, отличавшийся от остальных невысокой (50 см) земляною насыпью с отдельными обломками скалы, уложенными сверху (рис. 1). Насыпь овальна, вытянута с севера на юг на 4 м при ширине 3 м. При раскопке вначале была снята южная половина насыпи. Здесь на глубине 60 см от ее верха, в юго-западной части южной половины кургана был обнаружен край могильной ямы, расположенной, как оказалось, в основном к юго-западу, за пределами насыпи. Под остальной частью южной половины насыпи был нетронутый материковый слой. Яма была вытянута с юго-запада на северо-восток и имела четырехугольную форму со скругленными углами. Размеры ее 1,80× ×0,85 м. В яме находилось обычное грунтовое раннеташтыкское погребение. Головой на юго-запад, на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, на дне ямы лежал скелет пожилой женщины длиной 140 см (рис. 38, *1*). Череп был повернут лицом вправо, кости рук потревожены сусличьими норами. В ногах, в северном углу ямы, стояли два сосуда (*№ 1* и *№ 3*), третий сосуд (*№ 2*) находился в западном углу ямы у головы костяка. Других находок нет.

Все сосуды типично таштыкские: боченковидной формы с плоским дном (рис. 38, *2*, *3*, *4*). Под скелетом и сверху него встречались обрывки полуистлевшей бересты, которой был обернут в свое время труп. Поверх он был, видимо, обвязан гибкими ветвями тальника, обломки прутьев которого лежали поперек скелета. Под сосудами *№ 1* и *№ 2* были сделаны подставки и обкладки вокруг дна из небольших камней. Под сосудом *№ 2* лежал обрывок бересты.

Раскопка северной половины кургана выявила под насыпью нетронутый материковый слой. В насыпи при разборке найдено несколько фрагментов керамики, в том числе черепок от «кыргызской» вазы. Так как все фрагменты относятся к сосудам VI—VIII вв., то ясно, что насыпь

[1] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 474—476.

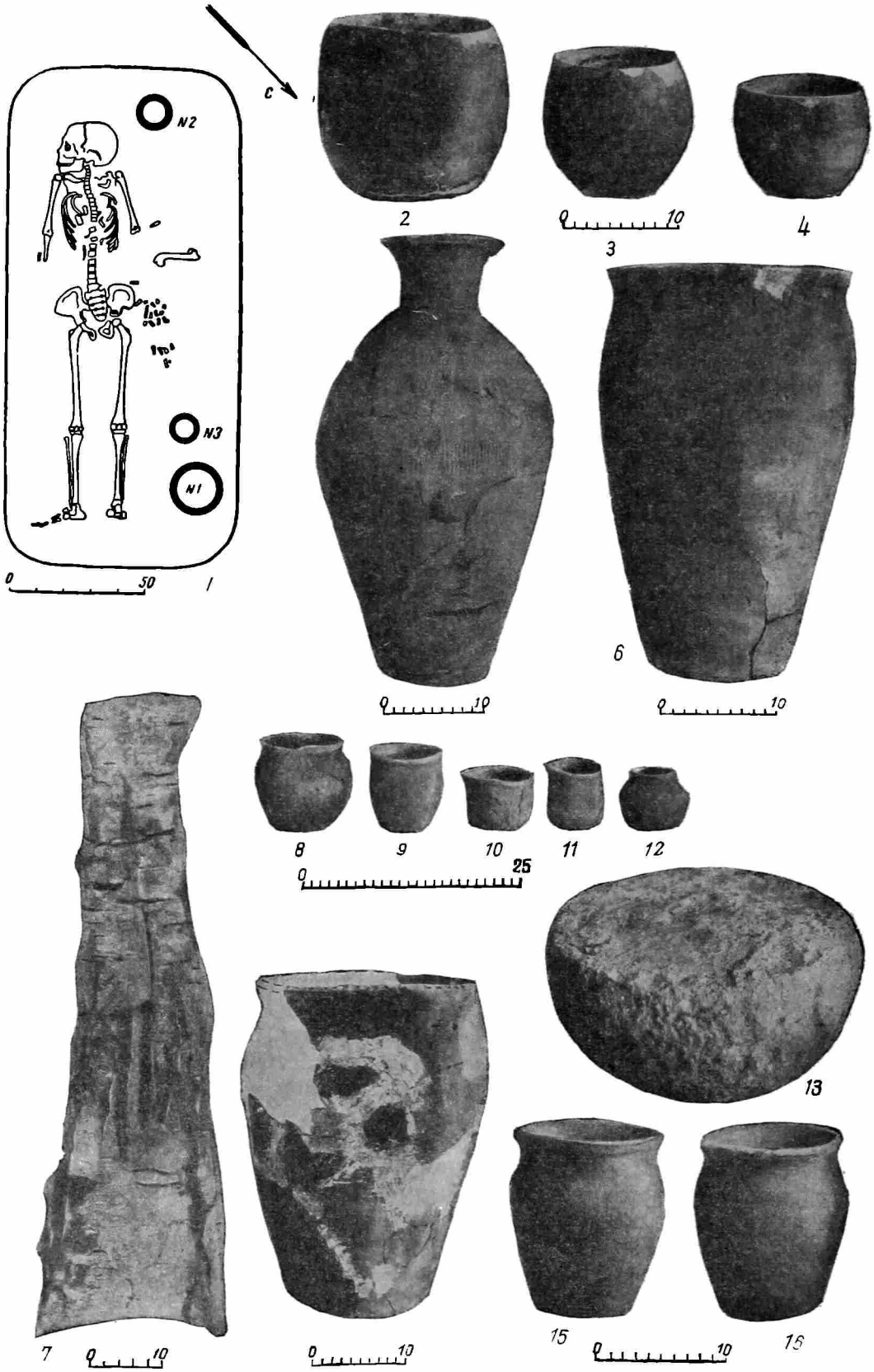

Рис. 38.

1 — таштыкское грунтовое погребение; *2, 3, 4* — сосуды из грунтового погребения (*2*— *№ 1*, *3*— *№ 2*, *4*— *№ 3*); *5*— «киргизская» ваза из ямы № 6 кургана № 3 (*№ 3*); *6*— урна из кургана № 2, погребение № 3 (*№ 2*); *7*— берестяной колчан из ямы № 6 кургана № 3 (*№ 11*); *8, 9, 10, 11*— баночные сосуды из кургана № 1 (*8*— *№ 6*; *9*— *№ 8*; *10*— *№ 2*; *11*— *№ 7*); *12*— сосуд из погребения № 2 кургана № 2 (*№ 3*); *13*— каменная заготовка жернова из кургана № 1; *14*— урна из ямы № 3 кургана № 3 (*№ 7*); *15, 16*— баночные сосуды из ямы № 6 кургана № 3 (*15*— *№ 10*; *16*— *№ 13*)

возникла гораздо позднее и лишь случайно она перекрыла таштыкскую, ничем не отмеченную на поверхности могилу. Насыпь, очевидно, является выбросом, образовавшимся некогда при разграблении каменных курганов чаа-таса. Если все таштыкские грунтовые могилы относятся нами лишь к раннеташтыкскому этапу, датирующемуся I в. до н. э.—I в. н. э., то это погребение может быть отнесено к концу I в. н. э. Оно интересно тем, что в могиле оказалось сразу три боченковидных сосуда, обычно очень редко встречающихся в грунтовых могилах[1].

2. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ДРЕВНЕХАКАССКОГО ГОСУДАРСТВА
(VI—X вв. н. э.)

Помимо вышеописанных памятников таштыкской эпохи, нами на Сырском чаа-тасе были раскопаны три каменных кургана, собственно чаа-таса относящихся к выделенному Л. А. Евтюховой[2] второму типу погребений, «типу чаа-тас». Это — каменные курганы, обнесенные по четырехугольнику вертикально установленными плитами.

К а м е н н ы й к у р г а н № 1 расположен к востоку от двух основных курганных цепочек чаа-таса (см. рис. 1), имел округлую форму и был сложен из крупных обломков скалы. Диаметр его с севера на юг 7,95 м, высота 0,8 м. В центре насыпи находилась впадина — воронка от предшествующих грабительских раскопок (с севера на юг 4,20 м и с востока на запад 4,90 м, рис. 39). Курган был обставлен шестью вертикальными плитами крупных размеров, из которых уцелела лишь одна северная плита, а остальные обиты до уровня современной почвы. Высота северной плиты 1,65 м над уровнем насыпи, но она была вкопана в землю еще на 70 см. При снятии насыпи в ее южной части найдены кости барана (челюсть, обломки черепа, лопатка и трубчатые кости), в грабительском ходе найдена конская челюсть в обломках (рис. 39). В северо-западной части кургана под камнями насыпи обнаружена полусферическая заготовка жернова из девонского песчаника (нах. *№ 3*, рис. 38, *13* — толщиной в 13,5 см при диаметре 26,5×25 см). У отметки 25, на глубине 90 см оказались два обрывка бересты, под которой лежала полуистлевшая доска длиной 40 см и шириной в 13 см[3]. У северо-восточного края кургана, на глубине 1,05 м также найден небольшой пласт бересты, под которым оказались гнилушки дерева в небольшой ямке. В юго-западной поле кургана, среди засыпки найдены обломки «кыргызских» ваз (нах. *№ 4*) и небольшой баночный сосуд в обломках (нах. *№ 2*, рис. 38, *10*).

П о г р е б е н и е № 1 обнаружено в северо-западной полé кургана в виде кучки пережженных костей человека, уложенных на плитке девонского песчаника в яму 20 см в диаметре, на глубине 1,04 м.

П о г р е б е н и е № 2 находилось в восточной полé кургана в виде кучки пережженных костей человека, уложенных на каменную плитку в круглой ямке диаметром 40 см, на глубине 1,38 см.

П о г р е б е н и е № 3 открыто рядом с № 2 в виде кучки пережженных костей человека в овальной ямке (50×40 см), на глубине 1,40 м.

П о г р е б е н и е № 5. На глубине 40 см между отметками 0 и —47, в восточной половине кургана на большой наклонной плите было

[1] Известен еще один такой сосуд, найденный в 1936 г. В. П. Левашевой в грунтовой могиле «А» на Уйбатском чаа-тасе. Хранится в Минусинском музее.

[2] Л. А. Е в т ю х о в а. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, стр. 14 сл.

[3] Глубина здесь и везде ниже дается от нулевой отметки.

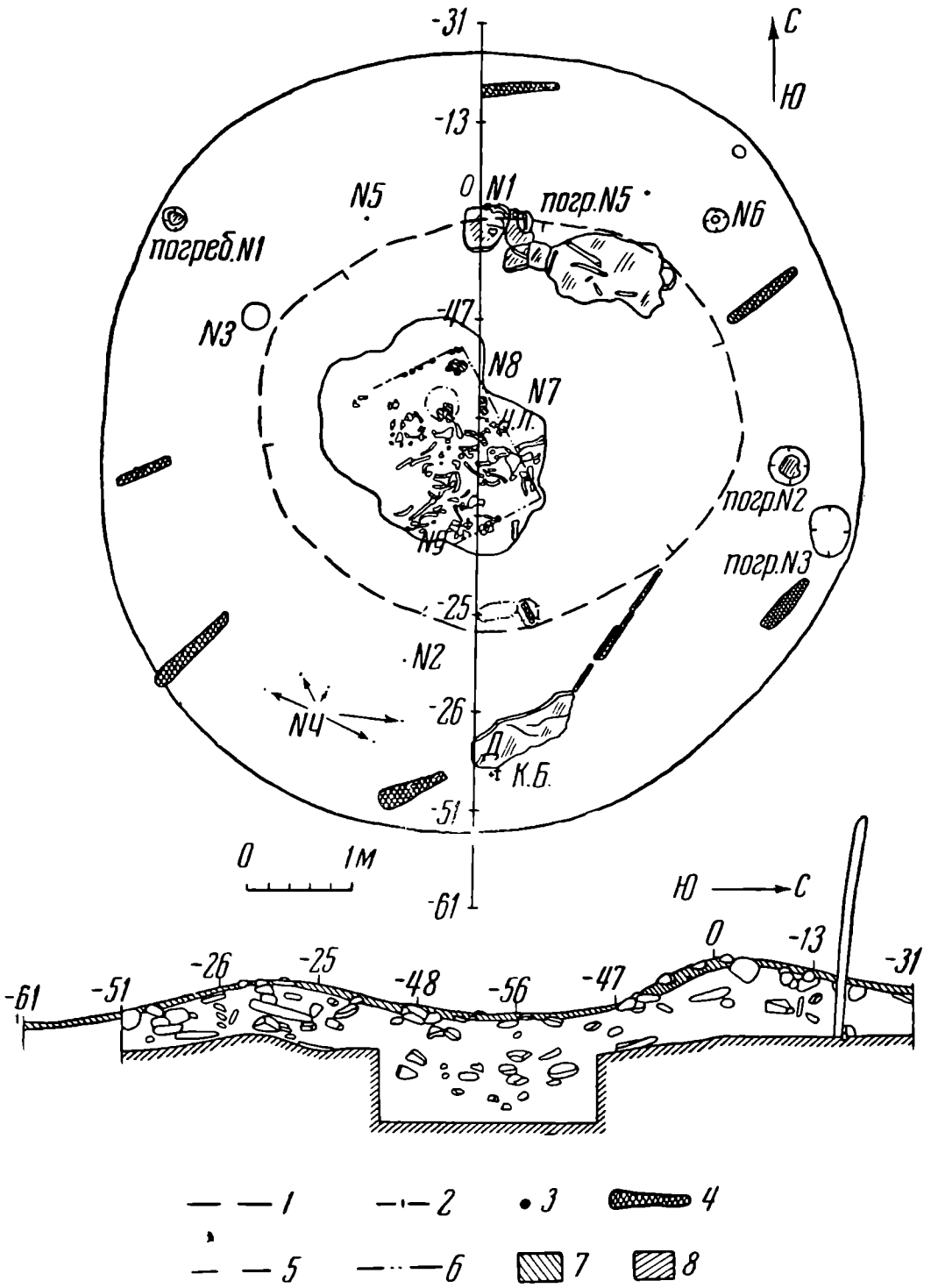

Рис. 39. План и профиль кургана № 1

1— граница грабительской воронки по верху насыпи; *2*— береста: *3*— березовые столбики; *4*— вертикально стоящие плиты; *5* — скопление пережженных костей человека; *6* — истинная граница погребальной ямы; *7* — дерн; *8* — материк; *д.*— сразу под дерном; *к.б.*— кости барана; *ч.л.*— челюсть лошади. Находки: *№ 1* — железный нож; *№ 2* — баночный сосуд; *№ 3* — заготовка жернова; *№ 4*— фрагменты «кыргызской» вазы; *№ 5* — железный крючок от колчана; *№№ 6, 7, 8* — баночные сосуды; *№ 9*— фрагмент китайской лаковой чашечки

обнаружено потревоженное впускное погребение. Рядом с черепом (к северу) найден железный черешковый нож типа «кыргызских» VI—X вв. (нах. *№ 1*, рис. 40, *5*), а в 1,15 м от отметки 0 к западу, на глубине 75 см лежал железный крюк с кольцом от берестяного колчана (нах. *№ 5*, рис. 40, *3*). Хотя кости скелета сильно истлели, видно, что он лежал головой на СЗ. В 2,30 м от отметки 0 к востоку обнаружен небольшой пустой баночный сосуд (нах. *№ 6*, рис. 38, *8*), стоявший в ямке диаметром 20 см, на глубине 1,30 м.

Основное погребение (*№ 4*) находилось в центре кургана. Погребальная яма этого захоронения имела неправильную форму из-за

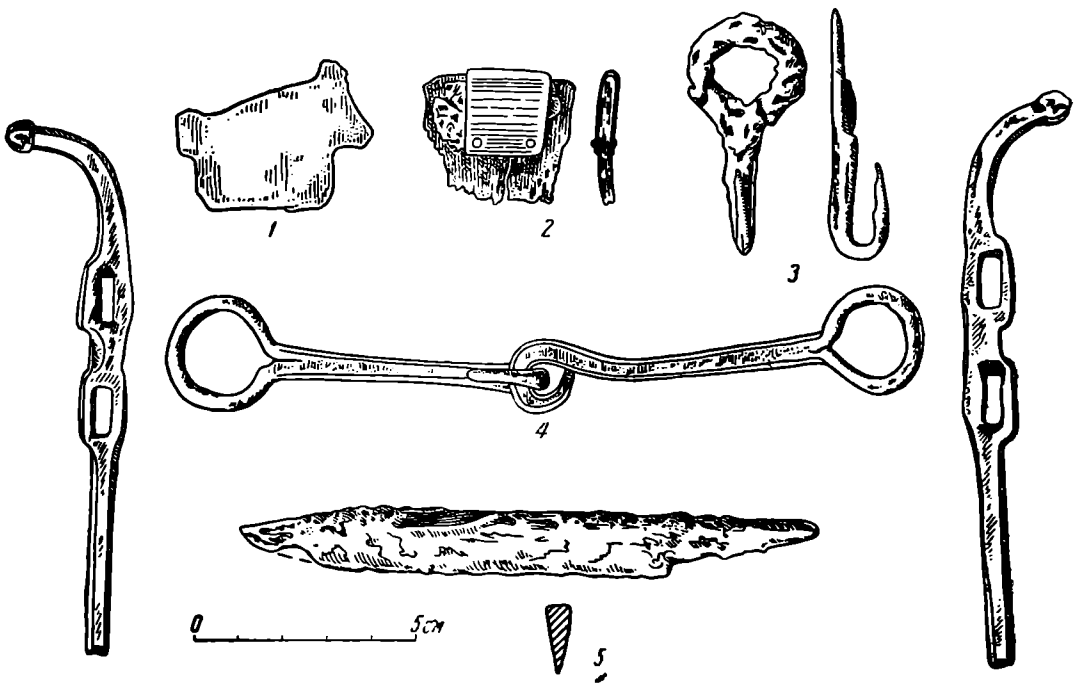

Рис. 40.

1 — бронзовая пластинка с головкой животного (курган № 2, нах. *№ 1*); *2* — венчик деревянной чашечки, покрытой красным лаком (два обломка соединены железной оковкой — курган № 1, нах. *№ 9*); *3* — железный крючок от колчана (курган № 1, нах. *№ 5*); *4* — железные удила и псалии из кургана № 3 (нах. *№ 6*); *5* — железный нож из кургана № 1 (нах. *№ 1*)

грабительского хода. На глубине 1,11 м удалось проследить прежние границы ямы и грабительских прирезок к ней. Яма первоначально имела правильную четырехугольную форму, вытянутую с северо-запада на юго-восток, размерами 1,80×1 м. На глубине 1,60 м в северо-западной части ямы обнаружено шесть полуистлевших колышков (диаметром 4—6 см), которыми обставлялись стенки ямы, и два таких же кола в юго-восточном углу ямы. В засыпке встречалось много гнилого дерева, вероятно, от перекрытия. На глубине 1,11 м и ниже в яме встречен целый завал костей животных: от одной лошади — кости таза, задней ноги, ребра и позвоночник и от четырех баранов — семь лопаток, четыре курдюка, позвонки, ребра, трубчатые кости ног. В яме, кроме того, найдены обломки двух баночных сосудов (нах. *№ 7*, рис. 38, *11* и нах. *№ 8*, рис. 38, *9*). Здесь же была обнаружена железная оковка с заклепками от ремонтированной в свое время китайской деревянной лаковой чашечки. В оковке сохранился кусок венчика, покрытого чешуйками красного лака (нах. *№ 9*, рис. 40, *2*).

Пережженные кости человека встречались разбросанными в беспорядке, так же, как и кости животных на разной глубине в засыпке ямы и на дне ее. В одном месте они залегали более компактно. Сожжение было совершено вне погребальной ямы, так как кости животных, колышки и прочее — не обожжены. Дно ямы — на глубине 1,70 м.

Каменный курган № 2 расположен в середине юго-западной цепочки курганов (см. рис. 1). Диаметр кургана с севера на юг 9 м, с запада на восток — 8,50 м при высоте в 80 см. В центре насыпи имелась грабительская воронка (с севера на юг 5,24 м и с запада на восток 3,60 м). Курган был обставлен восемью вертикальными плитами высотою до 1,95—2,05 м над уровнем современной почвы, расположенными по четырехугольнику (рис. 41). Две плиты покрыты знаками, высеченными на их широких гранях, обращенных на юго-восток, и на узких гранях — на северо-восток. На широкой грани плиты, стоявшей к западу от оси кургана, нанесены четыре знака в виде прямого креста в окружении двадцати двух округлых ямок; на узкой грани — схематическая фигура человека (высота плиты 2,08 м, рис. 42, *2*). На второй, соседней (к северо-западу) плите, на широкой грани выбиты три спирали и тамга; на узкой грани — небольшая спираль под человеческой фигуркой (высота плиты 2,05 м, рис. 42, *1*). На северной плите, на широкой грани (обращенной на юг) выбиты две тамги неясных очертаний, а вся остальная ее поверхность избита мелкими точками. Другие плиты, повидимому, не имели изображений. Все плиты внизу укреплены вертикально вбитыми обломками камней и плитняком.

В насыпи среди камней встречались отдельные кости барана и их обломки (позвонки, ребра, трубчатые кости). Сразу под дерном, у северо-восточной плиты, была обнаружена кучка разрозненных человеческих костей, очевидно, выкинутых грабителями из ямы основного погребения.

Погребение № 2. В юго-восточной полé кургана была открыта могильная яма неправильной формы (0,9×0,6 м, глубиной 0,33 м), прикрытая сверху каменной плитой (0,79×0,5 м). В ней оказалось погребение ребенка 5—6 лет (рис. 43). Сохранился лишь череп и две плечевые кости в очень плохом состоянии. Здесь же лежали в соответствующем сочленении позвонки двух овечьих хвостов (курдюков), баранья лопатка, ребра, несколько позвонков и два сосуда в обломках. Один сосудик имеет очень редкую для «кыргызских» погребений форму (нах. *№ 3*, рис. 38, *12* и 46, *3*). От второго обычного баночного сосуда сохранилась лишь половина (нах. *№ 4*).

Погребение № 3 открыто рядом с погребением № 2 у юго-восточной плиты. Здесь в круглой ямке на каменной плитке стоял широкогорлый высокий сосуд с маленьким диаметром дна (нах. *№ 2*, рис. 38, *6*), служивший урной для праха и наполовину наполненный пережженными костями человека.

За плитой, в северо-западной полé кургана, под дерном найдено большое количество очень мелких обломков сосудов (нах. *№ 5*). Вероятно, при тризне об эту плиту разбивали сосуды.

В завале грабительского хода над центральной ямой (*№ 1*) было обнаружено несколько костей домашних животных (зубы коня, кости барана) и найдены два фрагмента дна высокого сосуда с двумя просверленными отверстиями (нах. *№ 6*). Такой сосуд мог служить для изготовления сыра.

На борту ямы (под насыпью) была обнаружена бронзовая пластинка с вырезанной головкой животного (нах. *№ 1*, рис. 40, *1*).

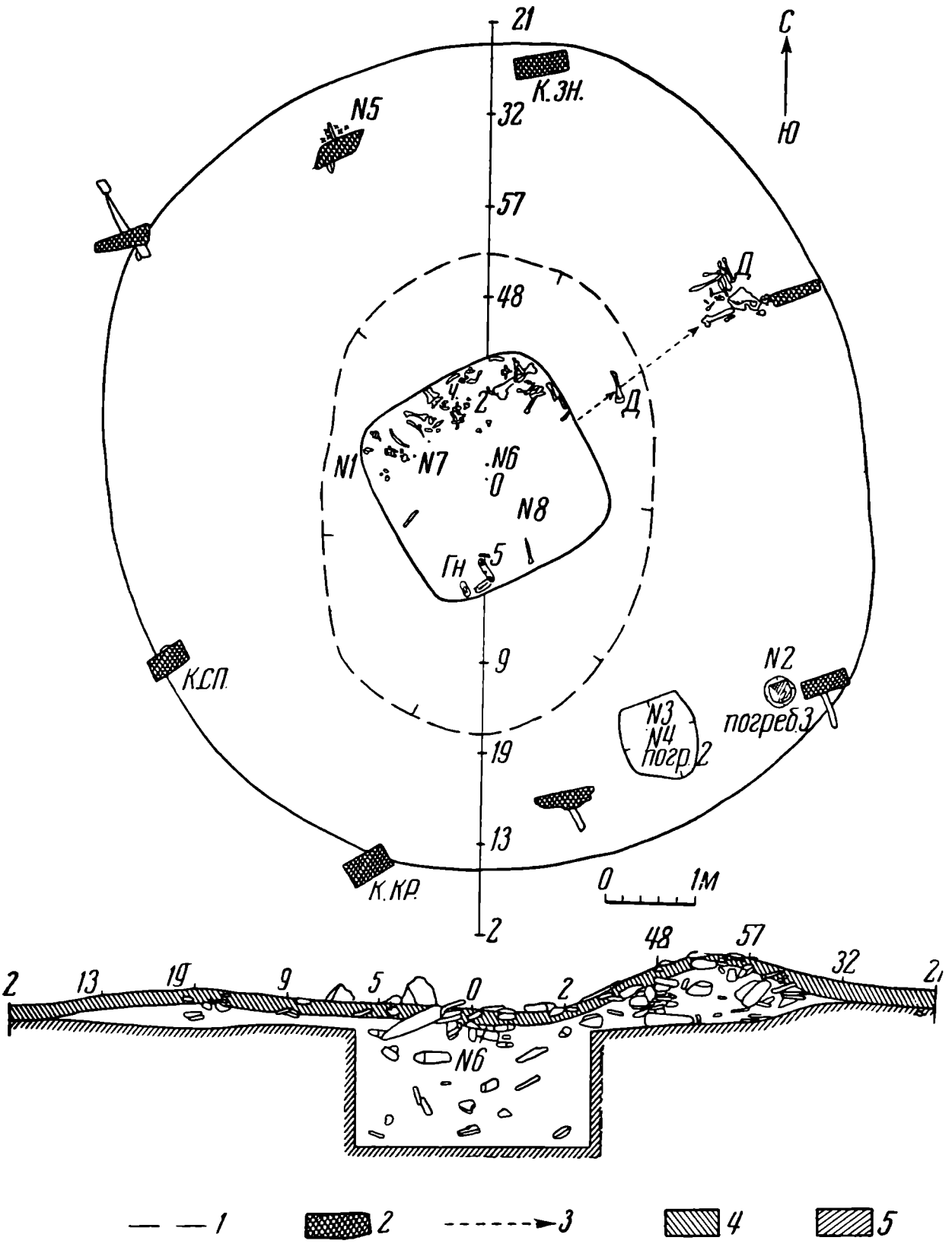

Рис. 41. План и профиль кургана № 2

1— граница грабительской воронки на верху насыпи кургана; *2*— вертикально стоящие плиты; *3*— выброс костей скелета грабителями; *4*— дерн; *5*— материк; *к.зн.*— камень со знаками; *к.сп.*— камень со спиралями, *к.кр.*— камень со знаками четырех крестов; *д.*— сразу под дерном; *ч.*— нижняя челюсть человека; *гн.*— гнилое дерево

Находки: *№ 1*— бронзовая пластинка с головкой животного; *№ 2*— урна (высокий сосуд); *№ 3* — сосудик с острым плечиком; *№ 4* — половина баночного сосуда; *№ 5*— фрагменты бомбовидных сосудов; *№ 6* — дно высокого сосуда; *№ 7*— чешуйки красного лака от китайской чашечки; *№ 8*— дно и фрагменты «кыргызской» вазы

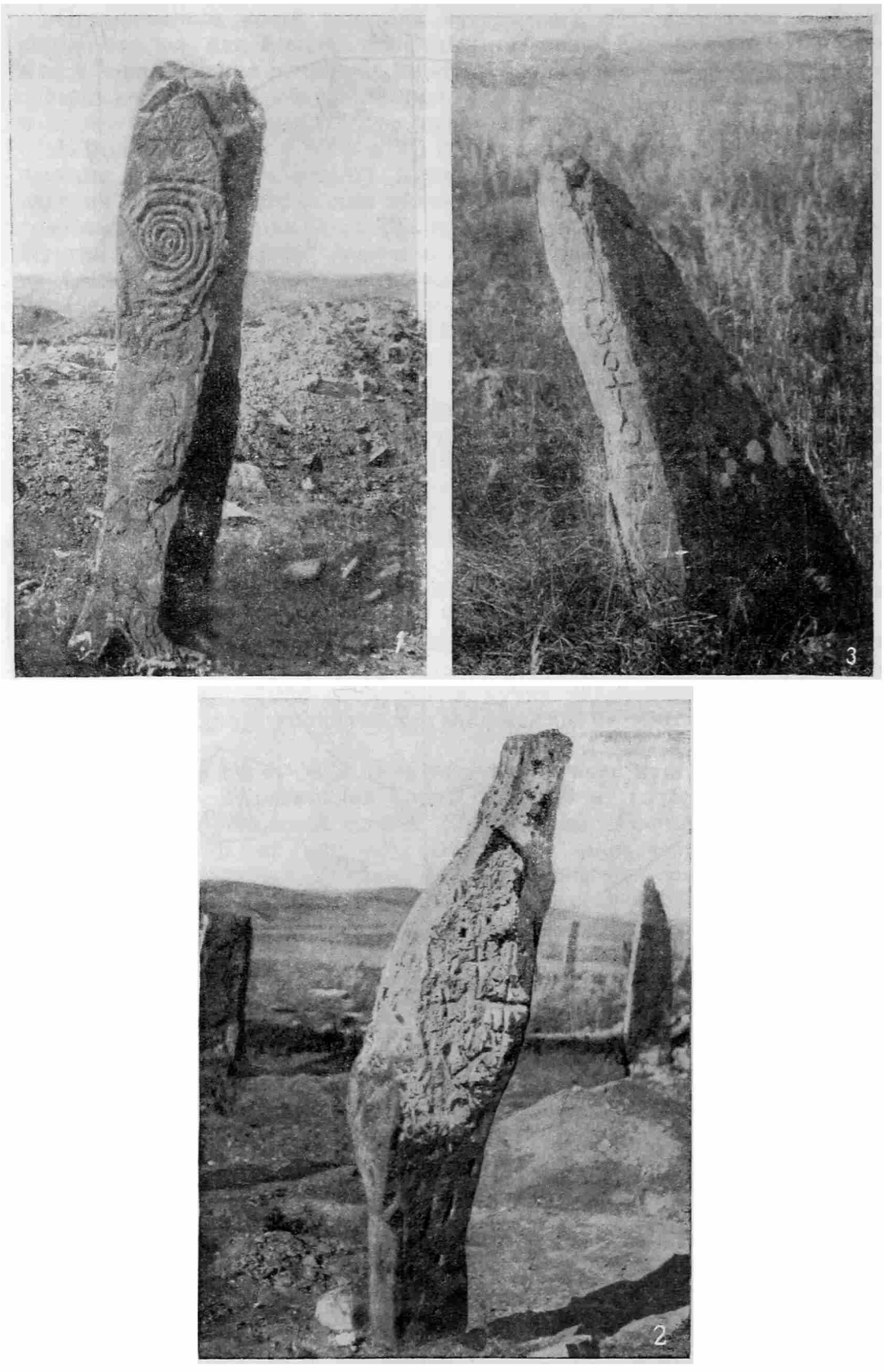

Рис. 42. Стелы со знаками с каменных курганов Сырского чаа-таса

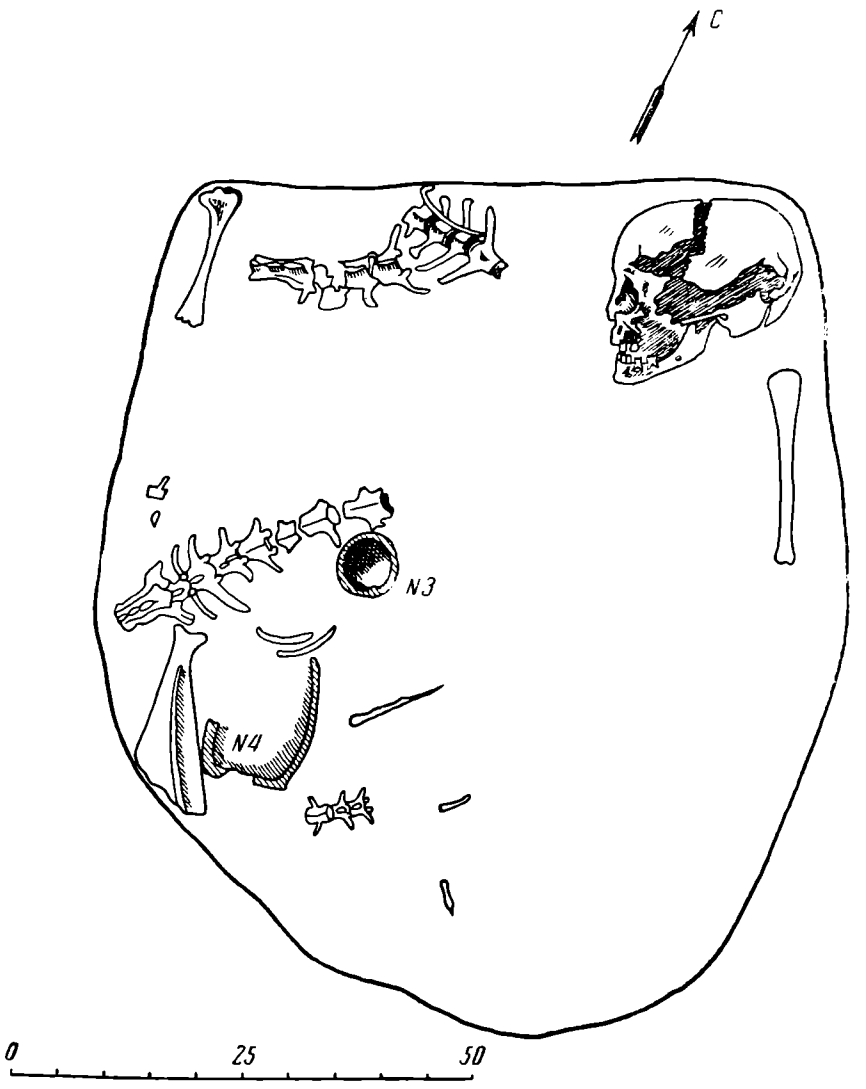

Рис. 43. Погребение № 2 кургана №

В завале грабительского хода прослеживались следы гнилушек, среди которых обнаружено много чешуек красного лака от деревянной китайской чашечки (нах. *№ 7*). Здесь же найдено дно и обломки «кыргызской» вазы (нах. *№ 8*).

Яма подквадратной формы (2,25×2,25 м) со скругленными углами глубиной 1,30 м была ориентирована сторонами ССЗ ВВС ЮЮВ ЗЗЮ. В северо-западной части ямы находились кости животных. В юго-западном углу были прослежены остатки гнилых бревнышек; в северо-западной части могильной ямы, на дне, в груде костей животных была найдена половина нижней челюсти пожилого человека. Эта находка, а также кость, обнаруженная в грабительском ходу, убедили нас в том, что находившиеся под дерном кости человека были выброшены из основного погребения. Таким образом, в этой могиле было трупоположение, а не сожжение. Слабая задернованность выброшенных костей говорит о сравнительно недавнем ограблении курганов чаа-таса, происшедшем, очевидно, в XIX в.

Среди костей животных, в яме обнаружены кости целой задней ноги лошади и кости от двух целых тушек баранов.

Каменный курган № 3 был расположен между курганами № 1 и № 2 по второй северо-восточной цепочке. Этот самый большой из курганов чаа-таса имел подчетырехугольную форму, его насыпь состояла из обломков скалы с землей и имела диаметр с севера на юг 9,70 м, с запада на восток 9,20 м, при высоте в 1,26 м. Насыпь была обставлена двенадцатью вертикальными плитами, установленными по неправильному четырехугольнику (по четыре с каждый стороны); высота плит до 2,10—3,20 м. Курган имел сверху яму грабительского хода неправильной формы, как бы с «выходом» на север (рис. 44). На крайней восточной плите имелись вырезанные, еле видные следы спирали и тамги в виде трезубцев. При раскопке плиты оказалось, что ее нижняя часть, зарытая в землю, с одной стороны вся покрыта интереснейшими знаками (рис. 45, *2*).

При разборке камней в разных местах насыпи встречались одиночные кости животных: обломки трубчатых костей, ребер, челюсть и лопатка барана, челюсть и фаланга коровы и др. Кроме того, на разных глубинах встречались кусочки древесного угля и обломки керамики (рис. 44), среди которых были черепки от грубых бомбовидных сосудов (нах. *№ 1* и *№ 2*), разбросанные у крайней западной вертикальной плиты под насыпью, черепки «кыргызских» ваз и грубых баночных сосудов (нах. *№ 3*), разбросанные возле вкопанной на боку тонкой плиты в северо-восточной полé кургана. В других местах были найдены также обломки (нах. *№ 4*) стенок и горло (нах. *№ 5*) «кыргызской» вазы.

Железные двусоставные удила с двумя прямыми псалиями с одним загнутым концом (нах. *№ 6*, рис. 40, *4*) найдены на материковом грунте, под небольшой плиткой, сбоку у вертикальной крайней юго-западной плиты на глубине 70 см от верха насыпи кургана. Здесь же лежали кусочки красной минеральной краски.

Под насыпью на месте траншеи грабительского хода находилась яма I (1,20×1,48 м, глубиной в 73 см), вытянутая с севера на юг. Кроме небольшого количества углей в ней ничего не обнаружено. Под западной полой кургана, у крайней северо-западной плиты, находилась яма II, почти овальной формы (64×60 см, глубиной 50 см), в которой также ничего не обнаружено.

Яма III,[1] диаметром в 35 см и глубиной в 50 см, была расположена между крайними двумя северными вертикальными плитами. В ней найдено немного пережженных костей человека, небольшое количество гнилушек и разбитый высокий сосуд, видимо, урна, с ямочками по венчику (нах. *№ 7*, рис. 38, *14*).

Яма IV находилась под юго-западной полой кургана между крайними западными плитами (рис. 44). Форма ее овальна (26×20 см), глубиной в 13 см; она была наполнена березовыми углями.

В центре кургана выявлены две основные погребальные ямы.

Северная яма V была начисто разграблена. Она оказалась в центре грабительской воронки и от этих «раскопок» приобрела округлую форму (2,40 м в диаметре, при глубине 1,08 см). В западном углу и у восточной стенки ямы были выявлены слегка обугленные колья, некогда укреплявшие стенки ямы. По всей площади ямы, чуть выше ее дна, были разбросаны кости животных, пережженные косточки человека и обломки керамики[1]. Здесь же найдены обломки грубого баночного сосуда (нах. *№ 9*).

[1] Среди костей животных оказались трубчатая кость ноги коня, две бараньи лопатки, астрагал и ребра барана, ребра коня и мелкие обломки костей.

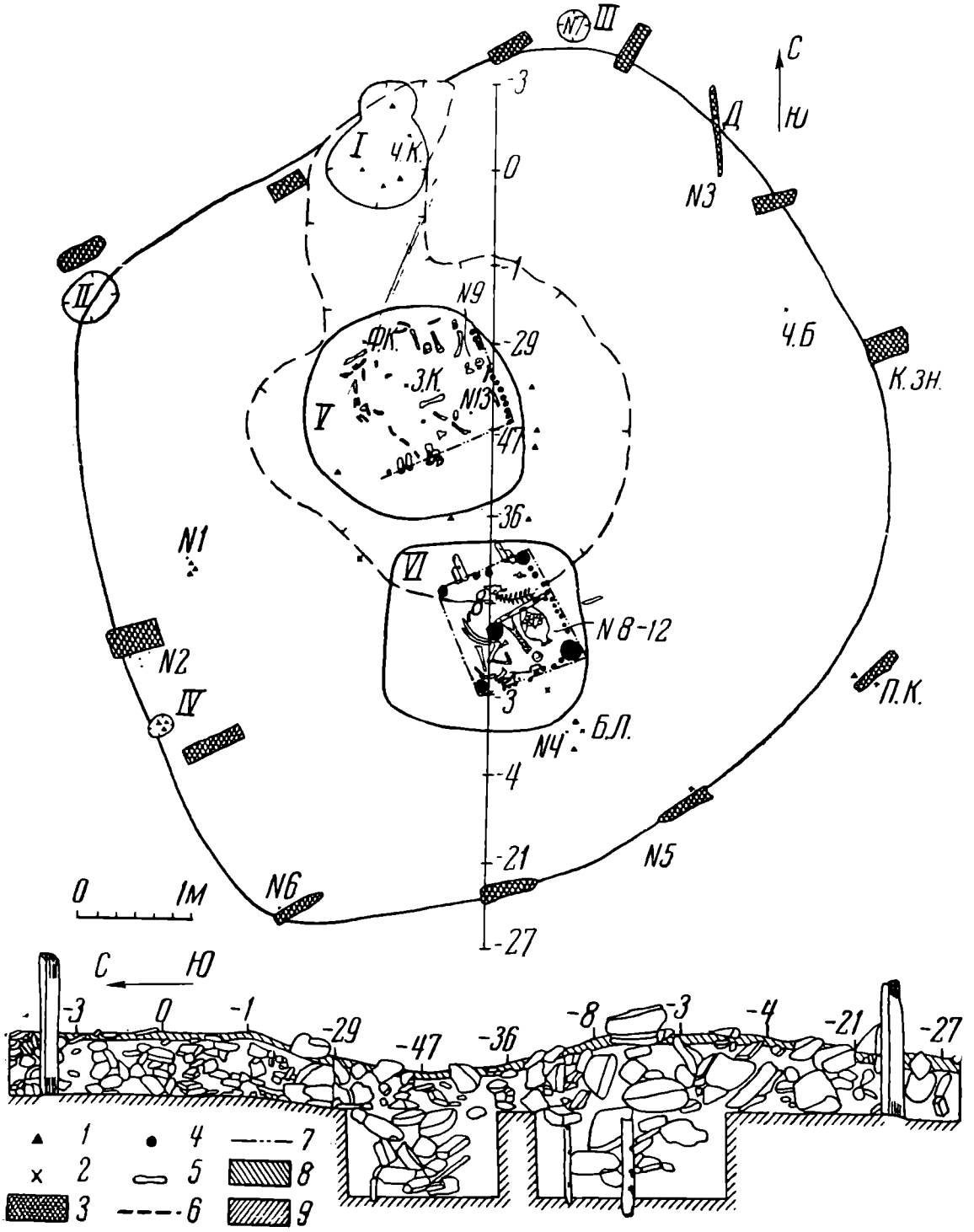

Рис. 44. План и профиль кургана № 3

1— угольки в насыпи; *2*— кости; *3*— вертикально стоящие плиты; *4*— березовые столбы; *5*— остатки досок «поголков»; *6* — границы грабительской ямы по верху насыпи; *7*— истинные границы погребальных ям; *8* — дерн; *9* — материк; *ч.б.* — челюсть барана; *ч.к.*— челюсть коровы; *з.к.*— зубы коровы; *п.к.*— позвонок коровы; *ф к.*— фаланги коровы; *б.л.*— бедро лошади; *д.*— сразу под дерном; *к.зн.*— камень со знаками

Находки: *№ 1 № 2* — фрагменты бомбовидных сосудов; *№ 3* — фрагменты «ваз» и банок; *№ 4* и *№ 5* — фрагменты «кыргызской» вазы; *№ 6*— железные удила с псалиями; *7*— высокий сосуд; *№ 8*— «кыргызская» ваза; *№ 9* и *№ 10*— баночный сосуд; *№ 11*— берестяной колпак. *№ 12*— баночный сосуд; *№ 13*— чешуйки красного лака от китайской чашечки. I—VI — ямы.

В засыпке ямы встречалось много гнилушек и мелких углей, а также чешуйки красного лака от китайских деревянных чашечек (нах. *№ 13*). Яма была завалена огромными камнями до 50—60 кг весом. Южная яма VI, очевидно, не была замечена грабителями и потому сохранилась. Засыпка ямы также состояла из обломков скалы крупных размеров, среди которых встречалась обгорелая береста и обугленные куски дерева от перекрытия. Верхний край четырехугольной ямы выявлен на глубине 0,92 м, по углам ее стояли обугленные столбы диаметром до 20 см. Между ними, с трех сторон, были вбиты тонкие (диаметром 4—6 см) колышки, окаймлявшие борта ямы. Посредине ямы стояло толстое (диаметром 18 см) бревно, являвшееся опорой перекрытия ямы, от которого на борту сохранились куски горбылей. Размеры ямы 1,40 × ×1,30 м. Она ориентирована сторонами на СВ ЮВ ЮЗ СЗ, т. е. в основном так же, как и четы-

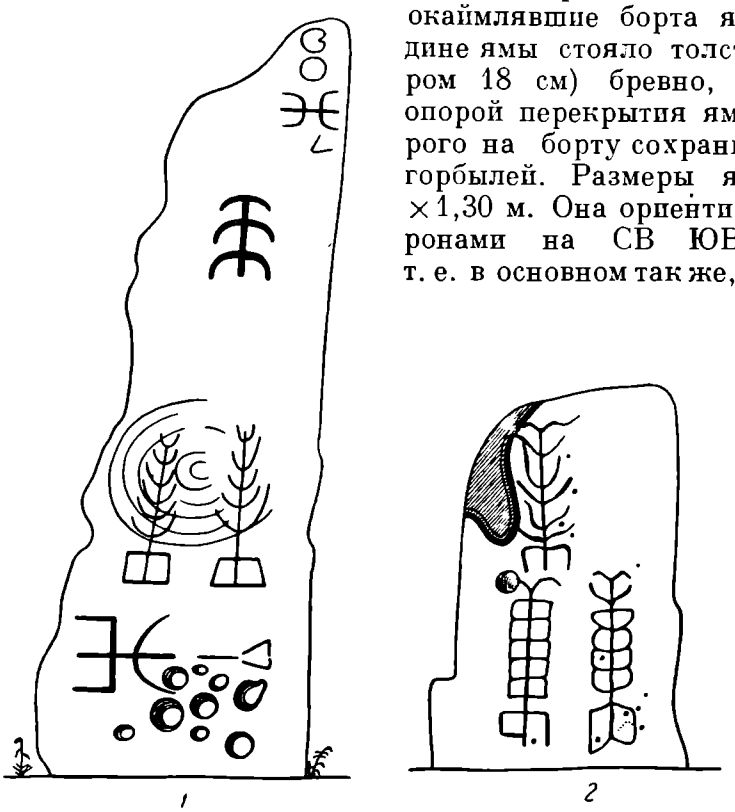

Рис. 45. Знаки на стеле с кургана № 3

1— верхняя часть стелы; *2*— нижняя, раскопанная часть ее

рехугольник вертикально установленных плит вокруг курганной насыпи. Такое соответствие ориентировки погребальных ям и четырехугольников из плит наблюдалось во всех трех раскопанных нами каменных курганах.

Подобное устройство погребальных ям свойственно всем каменным курганам чаа-таса, но здесь оно сохранилось лучше всего. Обычай укрепления стенок погребальных камер вертикальными столбиками с последующим перекрытием их берестой и горбылями очень напоминает устройство таштыкских склепов, в частности, устройство вышеописанного склепа этого же чаа-таса, в чем наглядно проявляется несомненная преемственная связь с таштыкской эпохой.

На дне могильной ямы VI (глубина которой была 1,06 м) лежала «кыргызская» ваза, треснувшая под давлением засыпки (нах. *№ 8*, рис. 38, *5*); рядом с ней стоял небольшой банкообразный сосудик (нах. *№ 10*, рис. 38, *15*). Здесь же лежал небольшой несколько обгоревший берестяной колчан (нах. *№ 11*, рис. 38, *7*) с обугленными древками стрел. Видимо,

наконечники были сняты перед погребением и в колчане оставлены лишь древки (длина колчана 48 см, ширина 9 и 14 см). Это первая находка колчана в курганах типа чаа-тас. Далее между банкой (*№ 10*) и частоколом у стенки лежал на боку второй банкообразный сосудик (нах. *№ 12*, рис. 38, *16*). Кроме того, в яме находились: ребра, позвонки и отдельно позвоночник крупного барана, лежавший в естественном сочленении (спинка и крестец), трубчатая кость ноги коровы и обломки ее ребер. Никаких следов пережженных костей человека не оказалось; возможно, был погребен только пепел.

Сравнительная бедность в инвентаре заставляет полагать, что главным было погребение в северной яме № 5, богатый инвентарь которой расхищен грабителями.

Сильная разграбленность каменных курганов Сырского чаа-таса заставила нас ограничиться тремя раскопанными, тем более, что и все остальные, судя по большим грабительским воронкам сверху, ограблены до конца. Небольшой материал дает сравнительно мало нового для изучения эпохи древнехакасского государства. Однако находка бронзовой пластинки — оберега (рис. 40, *1*) является еще одним подтверждением, что и в это время такие амулеты были распространены[1]. Наряду с конструкцией погребального сооружения в могильных ямах «кыргызских» курганов этот амулет доказывает несомненную генетическую связь древнехакасской культуры с таштыкской. Находки чешуек лака и обломков от деревянных китайских лаковых чашечек в погребениях всех трех курганов позволяют считать, что лаковые чашечки были очень широко распространены среди хакасов VI—X вв.; это указывает на прочные торговые связи с Китаем того времени. Такой вывод подтверждает ранее найденная в кургане № 2 (с «белым камнем») на р. Уйбате лаковая чашечка, сделанная из папье-маше[2], и обломки деревянного, покрытого красным лаком, предмета из кургана № 2 Копёнского чаа-таса[3]. Последними до сих пор ограничивалось число находок китайских лаковых изделий Танской эпохи в Хакасско-Минусинской котловине.

Большой интерес представляет собой и найденная в кургане № 1 Сырского чаа-таса заготовка каменного жернова для ручной мельницы (рис. 38, *13*). Жернова ни разу не были найдены в «кыргызских» погребениях. Для памятников VI—X вв. нам вообще известна лишь одна находка обломка жернова на поселении у с. Малые Копёны[4].

Что касается керамики, то помимо обычно встречаемых в чаа-тасах сделанных на кругу «кыргызских» ваз и лепных баночных сосудов, в Сырских курганах обнаружены и довольно редкие формы. Это, прежде всего, два широкогорлых высоких сосуда — урны, со слегка отогнутым венчиком, из которых одна (рис. 38, *6*) изготовлена, повидимому, на гончарном круге (найдена в погребении № 3, кургана № 2)[5]; другая урна,

---

[1] Это пятая находка такого амулета в могилах VI — X вв. I Уйбатский чаа-тас: 1) С. А. Теплоухов, 1928, курган № 24 (ср. МЭ, т. IV, вып. 2, стр. 54 и табл. II, рис. 26); 2) М. М. Герасимов, 1936, курган № 1 (хранится в Государственном Эрмитаже, колл. 1664— ср. сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М.— Л., 1941, стр. 316—317); 3) С. В. Киселев, 1938, курган № 5 (см. Древняя история Южной Сибири», табл. 54, рис. 2). II Село Тесь: С. В. Киселев, 1931, курган № 1 (Ук. соч., стр. 566 и табл. 53, рис. 16).

[2] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники..., стр. 12, рис. 4—5.

[3] Там же, стр. 34.

[4] Там же, стр. 76, рис. 156.

[5] Диаметр горла 22 см, диаметр дна 13,5 см, высота 35,5 см; лишь с одной стороны, на шейке, имеет вырезанную острой палочкой зигзагообразную «строчку» неясного назначения.

видимо, слепленная от руки, найдена в яме № 3 кургана № 3 (рис. 38, *14*)[1]. Под венчиком сосуда расположен орнаментальный поясок из неровно нанесенных палочкой ямок разных форм. Такие же вдавления идут и по краю венчика. Сосуды такого типа встречаются очень редко, мне известна лишь одна находка аналогичного по форме сосуда, отличающегося от наших огромными размерами[2]. Этот сосуд тоже был наполнен пережженными костями человека, т. е. служил урной.

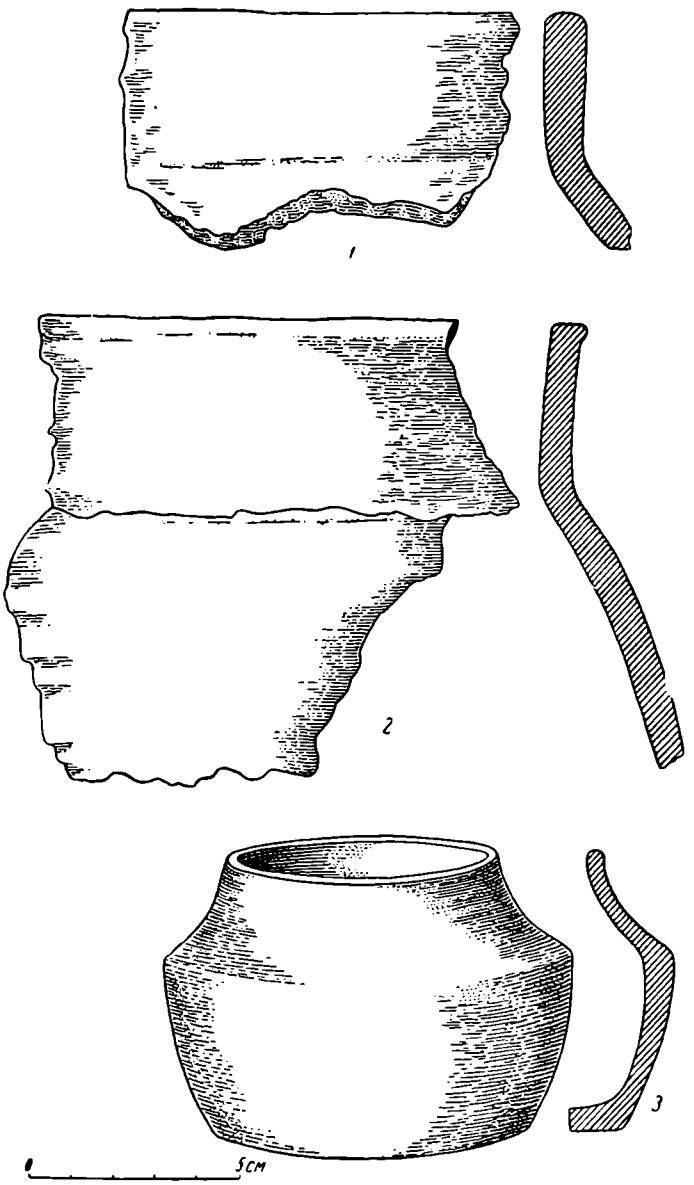

Рис. 46.

1, 2— обломки бомбовидных сосудов из насыпи кургана № 3 (нах. *№ 1* и *№ 2*); *3*— сосудик из погребения № 2 кургана № 2 (*№ 3*)

Оригинальна форма маленького лепного сосудика, найденного в детском погребении № 2 кургана № 2 (рис. 46, *3*)[3]. Подобные формы сосудов известны для предшествующего таштыкского времени. В связи с этим любопытны находки обломков сосудов также очень близких таштыкским и также впервые обнаруженным в памятниках VI—X вв. Речь идет о черепках больших широкогорлых сосудов (типа бомбовидных) с прямо стоящей шейкой и выпуклыми боками, найденных в кургане № 2 (нах. *№ 5*) и в кургане № 3 (нах. *№ 1* и *2*, рис. 46, *1*, *2*). По грубому тесту и обжигу они очень напоминают обычные баночные сосуды, постоянно встречаемые в чаа-тасах, и несомненно относятся к тому же времени. Факт находки обломков двух из них (в разных курганах) возле вертикально установленных плит и третьего — среди камней насыпи, вместе с углями, свидетель-

[1] Диаметр горла около 26 см, диаметр дна 15,5 см, высота 33,5 см.

[2] С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 54—55 и табл. II, рис. 21 (сосуд из могильника на Сарагашинском увале. Ныне хранится в Государственном Эрмитаже).

[3] Диаметр горла 6,4 см, диаметр дна 7,5 см, высота 6,4 см.

ствует, очевидно, о том, что их разбивали при совершении тризны, когда пользовались обычными бытовыми сосудами, а не теми, которые употреблялись в погребальном ритуале. Этим может быть объясняется редкость их нахождения.

Как видим, вновь обнаруженные типы сосудов также подтверждают несомненную генетическую связь культуры эпохи древнехакасского государства с предшествующей таштыкской.

Особый интерес вызывают вышеописанные плиты-стелы со знаками прямого креста, среди округлых ямок (рис. 42, *2*) и спиралей (рис. 42, *1*) с кургана № 2, и плита с древовидными знаками, на вкопанном в землю конце (рис. 45) с кургана № 3. На мой взгляд, эти стелы относятся к предшествующей таштыкской эпохе и были позднее использованы вторично при сооружении чаа-таса, что является, как известно, обычным явлением. Первоначально, как это наблюдается вообще в таштыкских могильниках[1], они стояли в едином ряду вертикальных плит на западной границе находившегося здесь грунтового могильника. От этого ряда здесь сохранилась лишь одиночная плита для привязи коней, которая стоит к западу от чаа-таса (см. рис. 1).

О таштыкском времени этих стел свидетельствуют нанесенные на них знаки. Спираль являлась излюбленной орнаментальной фигурой «таштыкцев». Ею всегда украшались находимые в могилах погребальные маски, на которых она помещалась на лбу и щеках[2], бронзовые пряжки и поясные подвески, деревянные булавы (см. рис. 27, *3*), сосуды и т. д. В VI—X вв., судя по существующим материалам, спиральный узор не имел такого широкого распространения. То же надо сказать и о знаках прямого креста, часто представленного на астрагалах из таштыкских склепов[3], на которых, кстати говоря, нередко нанесены и ямочки, являющиеся, вероятно, счетными знаками[4]. В памятниках VI—X вв. такие знаки совершенно не встречаются.

Что же касается стелы со знаками с кургана № 3, то и она первоначально была использована в таштыкское время. Об этом свидетельствуют не только полустертое изображение спирали и ямок, но и древовидные тамги (рис. 45, *1*). В особенности характерны древовидные тамги, находившиеся в перевернутом виде на вкопанном в землю конце плиты (рис. 45, *2*). Подобные изображения деревьев на подставках, аналогичные родовым знаменам хантов[5], изображались на таштыкских сосудах[6] и на астрагалах, причем на последних совместно со знаками в виде спаренных трезубцев[7], какие имеются и на рассматриваемой стеле. Для памятников же VI—X вв. подобные знаки мне не известны.

Все вышеуказанные факты заставляют нас относить к таштыкскому времени три описанные плиты с курганов чаа-таса. Это, конечно, не значит, что древние хакасы при сооружении чаа-тасов не ставили свои тамги на вертикальных плитах, окружавших каждый курган. Наоборот,

---

[1] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 400. Ср. С. А. Теплоухов. Ук. соч., стр. 50, табл. II, рис. V, 1.

[2] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 404 и 449, табл. 1 и 43.

[3] Уйбатский чаа-тас, склепы № 2 (1 экз.), 8 (1 экз.), 10 (1 экз.) — хранятся в ГИМ; ср. С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 461.

[4] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 461, и табл. 38, рис. 16—17.

[5] Н. Н. Оглоблин. «Знамена» сибирских инородцев XVII в. Зап. Уральского об-ва любителей естествознания, т. XIII, вып. 1. Екатеринбург, 1891—1892, рис. 28; ср. сб. «Советская этнография», т. VI—VII, М.— Л., 1947, стр. 164, табл. 1, рис. 13—19, а также F. R. Martin. Sibirica, Stockholm, 1897, табл. 22 и 23.

[6] Уйбатский чаа-тас, склеп № 11 — хранится в ГИМ, инв. № 79956, № 6587.

[7] Изыхский чаа-тас, склеп № 1 — хранится в музее при кафедре археологии МГУ.

есть основания считать, что на каждом кургане были «кыргызские» тамги. Это подтверждает материал не только других чаа-тасов, но и Сырского. Например, здесь на одном из курганов оказалась плита с выбитой тамгой, относящейся ко времени сооружения кургана. Тамга напоминает удила с незамкнутыми кольцами и с поперечной чертой (рис. 42, *3*). Сверху и снизу ее имеются дополнительные значки, может быть более позднего происхождения.

Точно определить, к какому времени относятся наши три кургана, затруднительно, так как до сих пор не проделана работа по хронологизации памятников эпохи древнехакасского государства. Часть материалов — «кыргызские» вазы, баночные сосуды и пр.— обычны для хорошо датированных курганов VI—VIII вв., но подобные вещи могли существовать и позже. Думается, что для более точного определения датировки, по крайней мере, кургана № 3, большое значение имеют найденные там удила с своеобразными прямыми псалиями, с одним отогнутым концом, заканчивающимся шишечкой и двумя прямоугольными отверстиями (рис. 40, *4*). Такие псалии в памятниках Саяно-Алтайского нагорья встречаются очень редко. Мне известна лишь одна находка псалий такой формы — в погребении кургана № 19 могильника Капчалы II, расположенного в 25—30 км от Сырского чаа-таса [1]. Этот курган хорошо датируется IX—X вв. китайской танской монетой середины IX в. [2] Это показывает, что псалии такой формы характерны для IX—X вв. и, вероятно, более позднего времени. Последнее подтверждается случайными находками таких же псалий, в особенности псалиями с удилами, из коллекции Згерского-Струмилло (хранятся в ГИМ), относящимися ко времени никак не ранее X—XI вв. [3]

Таким образом, курган № 3, а может быть и № 1 и 2 Сырского чаа-таса, относятся ко второй половине IX и началу X в. Эта датировка свидетельствует о том, что «кыргызские» чаа-тасы существовали не только в VI — VIII вв., как это считалось до сих пор [4], но и продолжали сооружаться в IX — X вв.

Хакасская археологическая экспедиция в 1950 г. проводила и разведочные работы в районе Сырского чаа-таса. В 3 км к северо-востоку от него был открыт другой, небольшой, чаа-тас из четырех каменных курганов, обставленных плитами, на одной из которых изображен всадник. Здесь же, по правому берегу речки Камышты, расположено большое количество тагарских курганов, на плитах которых обнаружены рисунки той же эпохи (кони, звери, тамги и т. д.). На оз. Балан-куль найдены два больших кургана усеченно-пирамидальной формы (основание 25×25 м, высотой до 2 м), под которыми, видимо, скрываются целые таштыкские склепы с необрушившимися потолками. Там же, по дороге на прииск Узунжул, обнаружен своеобразный полусферический каменный курган, сложенный из мелкого щебня, относящийся, видимо, к довольно позднему времени [5].

---

[1] В. П. Левашева. Два могильника кыргыз-хакасов. МИА, № 24, М., 1952, стр. 127, рис. 5, 42 (рисунок не точен, так как не показаны по два отверстия на каждом псалии,— хранятся в Минусинском музее).

[2] Там же, стр. 134.

[3] Отчет Исторического музея за 1915 г., М., 1916, стр. 20, рис. 64.

[4] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники..., стр. 66; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 603.

[5] Кроме того, мною вторично (через 63 года после Н. Р. Аспелина) обнаружено в ур. Хаматхан на р. База каменное изваяние с сосудом в руках (см. МИА, № 24, стр. 95, рис. 43), ныне хранящееся в Абаканском музее.

Г. Д. БЕЛОВ

ИТОГИ РАСКОПОК В ХЕРСОНЕСЕ ЗА 1949—1953 гг.

Раскопками 1953 г. закончено исследование XIX квартала на северном берегу Херсонеса, первые раскопки в котором были произведены в 1935 г. и ознаменовались открытием двух базилик V — VI вв. и мраморных рельефов конца II в н. э.[1]. В течение последующих лет (1936—1948) археологические работы велись в XIII — XVIII кварталах[2]. С 1949 г., в соответствии с планом, работы были направлены на расширение береговой полосы раскопок и производились в XIX квартале, сначала с юго-восточной стороны базилики, затем и под базиликой после перенесения мозаичных полов в музей[3].

Задача настоящей статьи — изложить главные результаты раскопок, давших материалы для изучения почти всех периодов существования города.

В соседних кварталах (XIV — XVI) раскопками было открыто значительное количество погребений, относящихся к концу V — IV вв. до н. э. В описываемом квартале нетронутых костяков не сохранилось, встречались лишь разрозненные кости и небольшие могильные вырубы в материковой скале, указывающие на продолжение некрополя классического периода к юго-западу, однако количество погребений здесь было невелико.

Вэллинистический период некрополь на северном берегу, в результате быстрого роста территории города, был застроен жилыми кварталами. Описываемый квартал XIX ограничен с юго-востока продольной улицей и поперечными улицами: X — с северо-востока и XI — с юго-запада; его размеры 25×24 м. Ширина продольной улицы около 6 м., поперечных — около 3 м (рис. 1).

Насыпь под улицами состоит из щебенки с материковой глиной, толщиной от 0,50 до 0,80 м. Вымощены улицы морской галькой и окатанными черепками, плотно утрамбованными с глиной.

В квартале находятся четыре дома, размеры которых по сохранившимся остаткам стен около 12×12 м. В плане домов имеются общие черты: узкий проход ведет во двор, вокруг которого расположены жилые и

---

[1] Г. Д. Белов. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938. ВДИ, 1940, № 3—4, Херсонесские ре ьефы.

[2] Отчеты за 1937—1948 гг. изданы в МИА, 34.

[3] ВДИ, 1951, № 2. С. Ф. Стржелецкий. Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г.

хозяйственные помещения. Во дворе находится колодец или цистерна для дождевой воды (рис. 2). Вымостки во дворах сделаны из гальки, крепко утрамбованной с глиной; около цистерн иногда бывает вымостка из плит. Со двора на улицу выходит канал водостока, выдолбленный в виде желоба в плитах или сложенный из камней. Под одним из помещений дома обычно находится подвал, вырубленный в скале, например, в доме IV

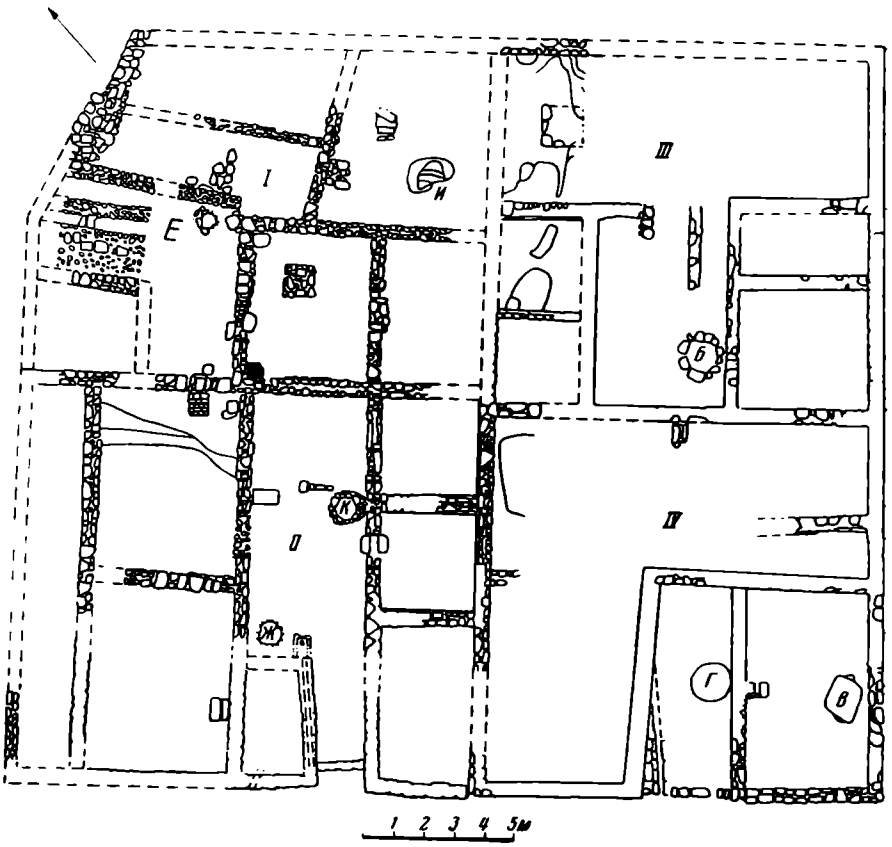

Рис. 1. План XIX эллинистического квартала

Б, Е, К — цистерны для дождевой воды; *В*, *Г*, *Ж* — колодцы; *И* — погреб;

(см. рис. 1); в доме *I* оказался погреб. В некоторых домах удается установить наличие портика, расположенного с какой-либо стороны двора: во дворе дома *II* уцелели плиты, на которых стояли колонны или столбы портика.

Стены домов основаны на материковой скале, которая при возведении зданий нивелировалась; для фундаментов часто вырубались в скале постели, в которые были впущены нижние ряды фундаментов. Кладка стен производилась на глине, весьма вязкой и пластичной, фундаменты строились из мало обработанного камня, надземные же части стен — из штучных камней и плит, приближающихся к прямоугольнику. При незначительной — 0,45—0,55 м — толщине стен достаточная их прочность достигалась хорошими вяжущими свойствами глины и тем, что стены покоились на скале. Судя по небольшим размерам домов, все они были одноэтажными.

Жилые помещения внутри были обмазаны глиной и оштукатурены, в некоторых из них штукатурка (смесь извести с песком) хорошо сохра-

нилась. В насыпи всегда встречаются куски штукатурки с росписью красного, реже желтого, голубого и черного цвета.

Кровли домов были покрыты плоскими массивными черепицами больших размеровв: 42×62 см, 42,5×72 см и др. В меньшем числе найдены полукруглые черепицы, длиной 65 см, шириной 15 см, употреблявшиеся для покрытия конька крыши.

Рис. 2. Двор дома *II* с цистерной и колодцем

В двух домах в середине помещений оказались алтари из камней в виде прямоугольной площадки, размерами около 1,0×1,0 м., высотой 0,25 м. Один из них хорошо сохранился (рис. 3). Аналогичный алтарь был открыт в 1936 г. в доме, находящемся в XIV квартале. На поверхности алтаря дома *I* лежал слой чистой золы.

Об архитектурном убранстве домов позволяют судить некоторые найденные детали: например, капитель дорического ордера, размерами 30××30 см, высотой 13 см, диаметром 23 см; ее эхин отделен от нижней части двумя рельефными поясками. Вторая капитель, сильно обломанная, высотой 14 см, диаметром 25 см, украшена чередующимися валиками и желобками. База, высотой 13 см, диаметром 25 см, имеет вверху валик, посредине — желобок. Материал — местный мшанковый известняк.

По размерам капителей возможно установить диаметр и примерную высоту колонн: они были небольшими и, в соответствии со скромными домами, стояли только с одной стороны двора, в количестве не более двух-трех колонн, поддерживая портик простады.

Очаги, обнаруженные в нескольких помещениях, устроены: в доме *II* в виде вымостки из больших черепиц, положенных на уровне пола возле стены, в доме *I* в виде вымостки из мелких обломков черепиц,

Рис. 3. Помещение с алтарем в доме *I*

положенных в два ряда, в углу на высоте 0,20 м от пола. На вымостках сохранились сажа, угольки и зола.

Полы в жилых помещениях расположены на одну-две ступеньки ниже, чем во дворе. Иногда в помещениях наблюдаются два-три пола, образовавшиеся в течение длительного существования дома. Во дворах домов *II* и *III* (см. рис. 1) оказались две вымостки, одна выше другой на 0,20 м: в доме *III* нижняя выполнена из аккуратно обработанных плиток, верхняя же — из гальки; во дворе дома *II* обе вымостки из гальки, отделенные друг от друга насыпью, они свидетельствуют о перестройке домов, что подтверждается обнаруженными в ряде мест остатками более ранних стен, лежащих ниже пола.

Хорошая сохранность стен позволяет определить не только размеры и границы домов, но и восстановить, за небольшими исключениями, план помещений в каждом доме. Сравнительно хорошая сохранность стен объясняется тем, что в римский период в большей части квартала каких-либо строительных работ не производилось. Лишь в юго-восточной его стороне были возведены небольшое круглое сооружение и какое-то здание, но фундаменты их покоились на толстой насыпи и не затрагивали стен эллинистических домов. Точно так же при постройке первой и второй базилик фундаменты их не были опущены до скалы и потому не разрушили остатков эллинистических стен.

Над остатками домов довольно хорошо сохранились сопутствующие им насыпи, уцелевшие до высоты стен. В отдельных случаях в насыпях наблюдаются ямы, возникновение которых можно объяснить поисками камня, так как после гибели домов штучные облицовочные камни и плиты выбирались как строительный материал. Поэтому от облицовочной кладки наземной части стен обычно сохраняются один-два нижних ряда.

Сохранность и количество предметов в помещениях находятся в прямой зависимости от целости насыпи. В соседних кварталах, например, в XVI и XVII, при строительных работах в первых веках н. э. эллинистический слой был большей частью уничтожен; вещи там сохранились главным образом в подвалах, цистернах и колодцах, засыпанных одновременно с разрушением зданий. В кварталах же XIV и XV лучше сохранившиеся строительные остатки позволили установить план домов, а уцелевшая насыпь дала большое количество находок.

В XIX квартале, дома которого являются предметом нашей статьи, наилучшей сохранностью стен и наибольшим количеством вещей отличается дом *I*. В доме *III* массу керамики содержала засыпь цистерны *Б* (см. рис. 1); одних амфор в ней оказалось до 30 экземпляров (из них около 12 могут быть собраны и реставрированы),— среди них были херсонесские, родосские, синопские и др. Там же были найдены: лутерии и блюда херсонесской и синопской работы, кувшины местного производства, группа кухонной посуды, из которой некоторые были лепными. Чернолаковой посуды было немного. Помещения того же дома дали мало керамики, так как частично оказались застроенными средневековыми стенами и потому не могли быть раскопанными полностью. В них встречались кувшины, украшенные поясками красного цвета, с плоским дном; миски местной работы; блюда и лутерии в обломках, амфоры различных центров производства, обломки чернолаковой керамики с плохим тусклым лаком, с накладным и гравированным орнаментом.

В доме *IV* керамика оказалась тех же типов. Среди херсонесских черепиц на одной имеется клеймо астинома Притания сына Аристона. Херсонесские амфорные ручки с клеймами по количеству занимают первое место, за ними следуют синопские и родосские. Донышек кувшинов только в одном колодце *В* (см. рис. 1) найдено 44, большинство — плоские, все они местной работы. Среди кухонной посуды имеются лепные сосуды.

Интересной находкой является глиняная форма для отливки терракотовой женской фигурки; сохранился торс, задрапированный в хитон и гиматий. По законченности формы в верхней ее части можно судить, что для головы употреблялась другая форма, данная же служила для изготовления передней части фигуры (рис. 4). Следует добавить, что при раскопках 1935 г. в этом же доме были найдены две формы для изготовления терракот: бородатой маски силена[1] и женского торса. Факт находки

[1] Отчет за 1935—1936 гг., рис. 9 на стр. 16.

трех форм может указывать на наличие небольшой мастерской по производству художественных терракот.

В доме *II* керамика была аналогична описанной, но в меньшем количестве. Заслуживает внимания находка верхней части косской амфоры с двухствольными ручками и такой же ручки с клеймом ΣΩΚΡΑΤΟΥ; обломки сосуда с вертикальными дуговидными ручками на овально вытянутом корпусе, с очень широким венчиком и плоским дном, подобной формы сосуды прежде не встречались. В помещении с оштукатуренными стенами найдена каменная (известняковая) матрица для отливки медальона с изображением мужской головы, обращенной влево (на отливке —

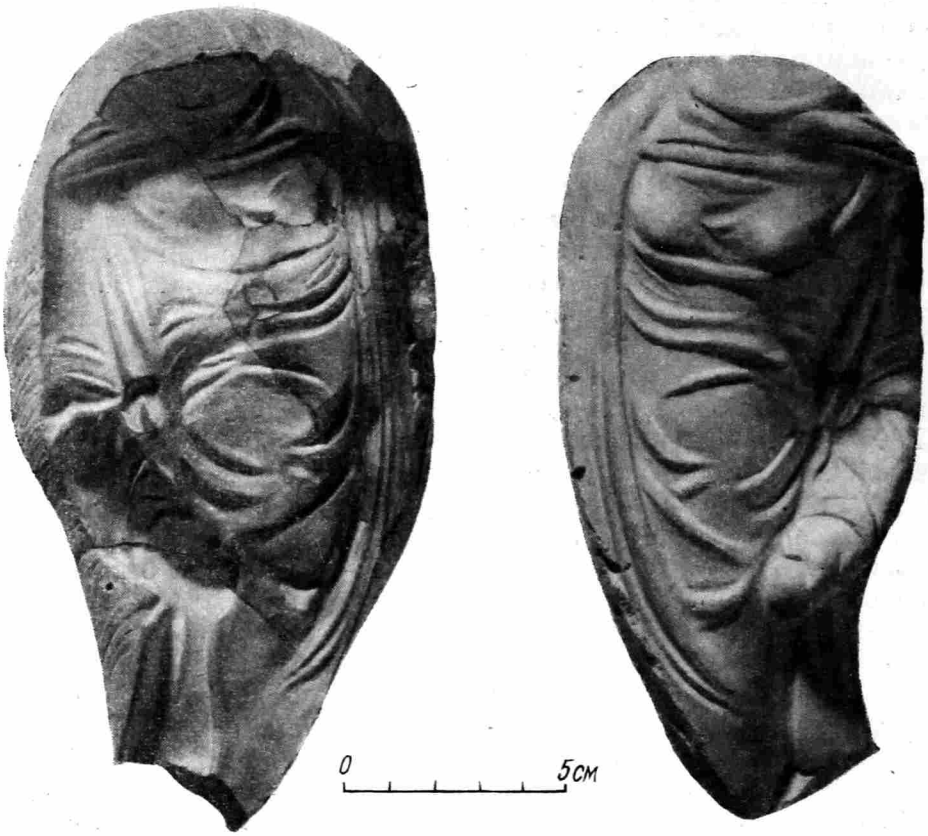

Рис. 4. Форма и отливка женской статуэтки из дома *IV*

вправо). Изображение отличалось своеобразным профилем: наклонным вперед лбом, крупным носом и массивным подбородком. Несомненно, что медальон после отливки подвергался последующей обработке — чеканке и шлифовке.

Находка матриц для отливки серьги с подвеской в цистерне *Б* и для медальона свидетельствует о существовании мастерских, изготовлявших предметы художественного ремесла, и о том, что в Херсонесе на месте производилась обработка металлов.

Наибольшее количество разнообразных по назначению предметов оказалось в доме *I*, раскопанном в 1953 г. В помещениях дома найдено свыше десяти амфор — херсонесских, синопских и родосских; среди амфорных же ручек с клеймами встретилась одна паросская. Кувшины представлены самыми различными размерами, от крупных до миниатюр-

ных, как ничем не украшенных, так и с поясками красного или черного цвета. Кувшин с орнаментом в виде узких и широких поясков черного цвета отличается своей оригинальной формой (рис. 5): большим корпусом и коротким узким горлом с широким венчиком и сильно загнутым внутрь краем.

Некоторые, одинаковые по величине и форме, сосуды оказались в количестве двух-трех экземпляров, например, два больших кувшина

Рис. 5. Кувшин из дома *I*, выс. 37, 5 см

Рис. 6. Кувшин из дома *I*, выс. 29 см

(рис. 6) и три средней величины; две фляги круглые, сплющенные, с коротким горлом и ручками, совершенно одинаковыми по технике изготовления, лежали рядом в одном помещении. Кстати сказать, фляги в эллинистических домах найдены впервые. В помещении с алтарем лежали разбитыми два лагиноса, отличающиеся один от другого размерами и формой, на плечиках одного из них четко вырезана надпись ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΥ, повидимому, имя хозяина дома — Аполлония. Широкий низкий лутерий стоял на полу в том же помещении, у края его просверлено отверстие, служившее для подвешивания на стене (рис. 7). Кухонная посуда, сосредоточенная там же возле одной стены, состояла из большого количества горшков, кувшинов, мисок и сковородок. Среди них имеется несколько лепных горшков; на одном вырезано возле ручки граффито *B* (рис. 8).

По сравнению с соседними домами в доме *I* оказалось много чернолаковой керамики: рыбные блюда, тарелки, миски, чашки, блюдца и пр. Лак на них тусклый, иногда серый, формы сосудов поздние. Канфары, с каннелюрами на нижней части корпуса, украшены накладным и гравированным орнаментом. На одном из них вырезано граффито ΔΙΟC —

божественный. На полу помещения стояла чернолаковая миска с семью медными монетами херсонесской чеканки II в. до н. э. Миска была разбита еще в древности на две половины, для скрепления которых просверлены четыре пары отверстий; поверхность ее, вследствие длительного пользования, очень сильно потерта и выщерблена (рис. 9).

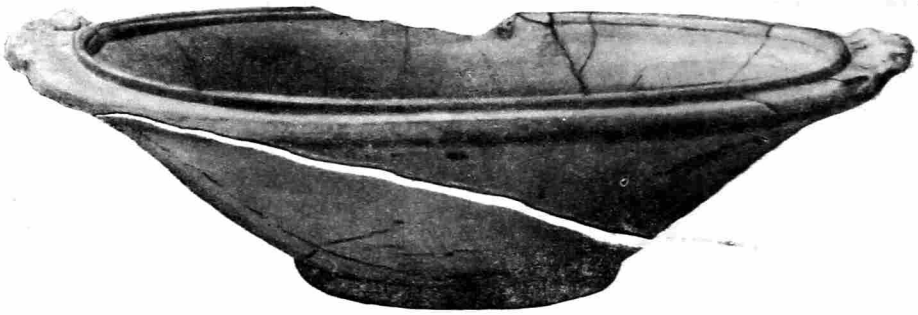

Рис. 7. Лутерий из дома *I*, диам. 33 см, выс. 9 см

Из мелкой керамики в доме найдены: три амфориска довольно грубой работы; плоская чашечка с горизонтальной ручкой в виде петли; веретенообразный сероглиняный флакон с узким горлом и дном; два флакона

Рис. 8. Кухонные лепные сосуды из дома *I*

с цилиндрическим корпусом, с черным лаком на плечиках одного и красным — у другого; светильник — один открытый, два — с длинным носиком, четвертый — на высокой подставке-столбике, покрытый красным лаком. Из небольшого числа обломков мегарских чашек заслуживает внимания часть одной из них с чешуйчатым орнаментом, с обмазкой желтого цвета на внутренней и наружной поверхности и красными поясками вверху.

Помимо посуды хозяйственного назначения в помещениях дома найдены четыре жертвенника. Три из них имеют вид чашечки с вогнутыми внутрь стенками, на высокой подставке, бесспорно, местной работы (рис. 10).

Рис. 9. Чашечка, миска и лагинос из дома *I*

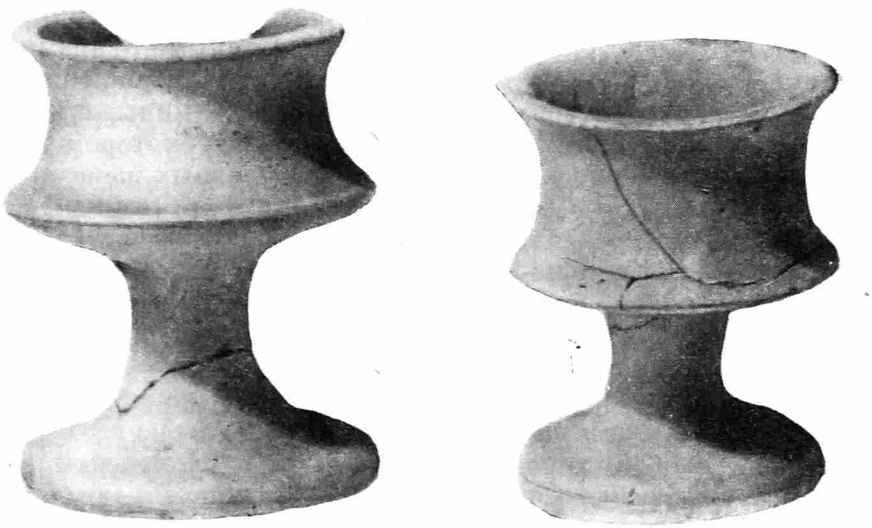

Рис. 10. Жертвенники из дома *I*

Аналогичный по форме жертвенник с надписью НРАКΛΗΣ найден в 1947 г.[1] Четвертый жертвенник прямоугольного вида, с плинтусом, карнизом и акротериями, с орнаментом — овами, сухариками, завитками и звездочками. На стенках помещены рельефные изображения: на одной стороне группа из трех фигур, состоящая из Диониса в центре, менады и юноши по сторонам; на другой — группа из сидящего полуобнаженного Аполлона с кифарой и стоящей Артемиды с факелом; на третьей стороне подобного жертвенника изображена Ника, увенчивающая трофей.

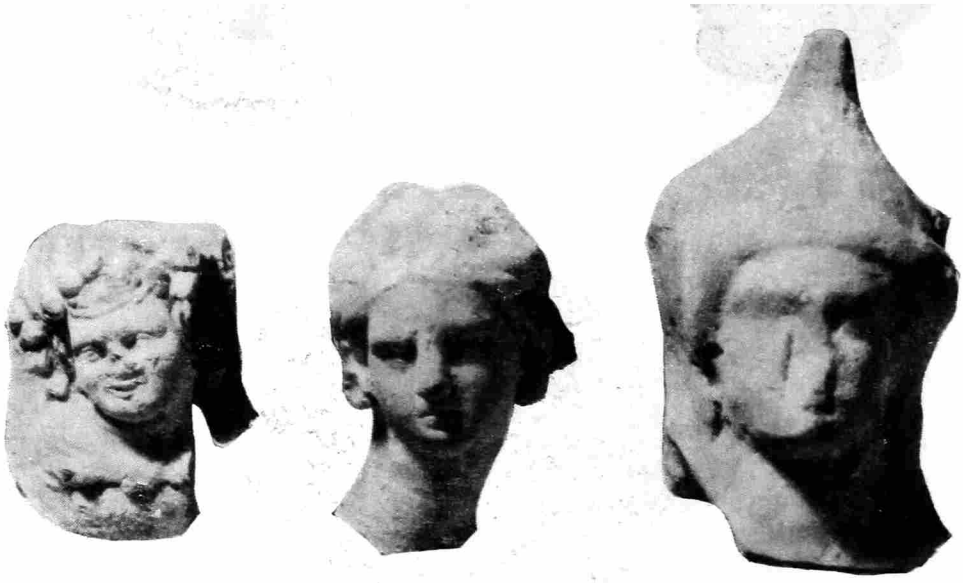

Рис. 11. Терракотовые головки из дома *I*

Подобные жертвенники были находимы уже в Херсонесе, а также в Ольвии и других местах[2]. В углублении жертвенника сохранились остатки золы от сжигавшихся в нем приношений.

В доме оказался комплект точильных камней — от крупных до мелких оселков, набор разновесок в виде галек различной величины и одной большой гири из серого гранита с крупно вырезанными буквами Δ||||—, означающими число 14. Гиря весит 6,380 кг, при делении на 14 получается 455 г, т. е. приблизительный вес греческой мины; следовательно, вся гиря равнялась 14 минам. Найдено несколько зернотерок прямоугольной формы из камня черного цвета, обломки массивных железных орудий, гвозди железные и медные, пряжки, пластинки и пр. В помещениях дома оказалось 89 грузил, различных по форме, большая часть в виде усеченной пирамидки, несколько штук конусовидных и группа чечевицевидных. Многие грузила снабжены клеймами — изображениями человеческих фигур, женской головки, оленя, совы, пчелы и др. Насыпь в помещениях содержала в себе кости домашних животных — крупного и мелкого рогатого скота (коров, овец, коз), а также свиней, челюсти дельфинов, раковины устриц и мидий. Терракоты найдены во всех помещениях дома: женская головка хорошей сохранности с раскраской в волосах, головка юного улыбающегося сатира (рис. 11), протома крылатого гения

[1] МИА, № 34, рис. 2а на стр. 162.

[2] ИАК, вып. 2, рис. 22 на стр. 22. Аналогичные изображения украшают вазу, найденную в Ольвии; истолкование их дано Э. Штерном в статье «Рельефная ваза из Ольвии», ИАК, вып. 3, табл. XIV—XV, стр. 93 сл.

смерти — характерного для Херсонеса и найденного уже во многих экземплярах, обломки драпированных и обнаженных женских фигур и др. Особенно ценной является находка глиняной формы для отливки лицевой стороны женской головки. Глина формы — херсонесская, светлозеленого цвета. Головка тщательно исполнена и по стилю относится к IV в. до н. э.

На полу помещения с алтарем оказались рассыпанными бусы из синего стекла, украшенные глазками из пасты белого и желтого цвета (20 шт.), и три подвески — одна в виде птички, другая в виде двусторонней маски с бородатым лицом и третья в виде головы с синей бородой. Последняя хорошо сохранилась и выполнена из стекла и пасты ярких цветов: волосы, брови, усы и борода темносинего цвета, лицо бледножелтого, серьги в ушах и шарик на лбу — желтого цвета. Стилистические особенности — подчеркнуты крупные черты лица и трактовка бороды—указывают на восточное происхождение подвески.

Монеты, найденные во всех домах квартала, относятся частью к III в. до н. э., но большинство принадлежит II в. до н. э. Из иногородних найдены по одному-два экземпляра монет городов Керкинитиды, Пантикапея и Ольвии, керкинитские монеты принадлежат первой половине III в., херсонесские — II в. до н. э. Более поздних монет не найдено. Керамика, насколько она нам известна, относится к эллинистическому времени, не позднее II в. до н. э. Таким образом, время существования жилых домов приходится на III — II вв. до н. э.

По найденным предметам можно сделать заключение о том, что в эллинистический период получили широкое развитие такие ремесла как гончарное, обработка металлов, строительное дело, изготовление художественных терракотовых статуэток, а также занятия рыбной ловлей, скотоводством и земледелием. О торговых связях Херсонеса с другими городами свидетельствуют керамические находки — амфоры, в частности, амфорные ручки с клеймами, происходящие из Синопы, Родоса, Гераклеи (клейма на горлах), Фасоса, Книда, Коса, Пароса, иногородние монеты городов Северного Причерноморья, прежде всего, ближайшего из них — Керкинитиды, затем Ольвии и Пантикапея. Многосторонние торговые связи Херсонеса подтверждаются находками херсонесских амфор и их ручек с клеймами во многих других центрах Причерноморья и даже за его пределами. Так, например, раскопками 1952 г. в Керкинитиде в одном только доме найдена большая группа херсонесских амфор.

О развитии внутреннего обмена говорят херсонесские монеты, интенсивный выпуск которых начался с IV в. до н. э. и продолжался в течение всей античной эпохи, и многочисленные ремесленные изделия, наличие которых неразрывно связано с существованием торговли.

Дома в XIX квартале можно охарактеризовать как рядовые, принадлежавшие средним слоям населения города.

Какова причина разрушения жилых домов в конце II в. до н. э.? Поскольку предметы находились отчасти на полу, отчасти в насыпи выше пола и лежали в беспорядке — то на боку, то вверх дном и т. д. (рис. 12), можно полагать, что гибель домов была или стихийной, вызванной землетрясением, или она произошла вследствие нападения неприятеля. В двух помещениях дома *I* видны следы пожарища: сажа и уголь на полу, следы огня на камнях; возможно, что гибель дома сопровождалась пожаром.

В первых веках н. э. в XIX квартале было построено небольшое, круглое в плане, сооружение, диаметром 4,15 м. Кроме того, рядом находилось здание, от которого уцелели фундаменты двух стен, длина одной 13 м, другой —

5,70 м (конец ее разрушен). Эти строительные остатки восходят ко II в. н. э. В круглом сооружении можно предполагать основание какого-либо памятника или алтаря (рис. 13). Наружный край плит хранит следы сильной истертости, на внутреннем же крае сохранился раствор красного цвета (смесь извести с цемянкой), поверхность камней не изношена и сохранила следы от инструмента, что указывает на то, что выше лежал второй ряд кладки. Как круглое сооружение, так и соседние с ним стены сложены на одинаковом растворе — смеси извести с цемянкой. Эти строительные остатки расположены в юго-восточной части квартала, причем круглое сооружение

Рис. 12. Кувшин в насыпи дома *1*

наполовину находилось над эллинистической улицей; следовательно, планировка кварталов несколько изменилась. Северо-западная часть XIX квартала не была застроена вплоть до V в. н. э. Над разрушенными эллинистическими домами здесь накопилась насыпь, толщиной 0,80—1,25 м, образовавшаяся в результате намывания земли и песка дождевыми водами и вывоза сюда мусора из соседних кварталов при их застройке. Двойственный характер слоя наблюдался отчетливо при раскопках 1951—1953 гг.: местами он состоял из чистой земли черного цвета, пластичной и вязкой, аналогичной натеку земли в водостоках, в других местах насыпь была очень мусорной — явный вывоз, связанный со строительными работами. Материал в мусорной насыпи был смешанного состава и заключал в себе предметы не только I—III вв. н. э., но и эллинистического периода. Последние можно объяснить тем, что при земляных работах по рытью траншей для фундаментов зданий выбирали одновременно и римский и эллинистический слои.

Вследствие сказанного, в этом слое, наряду с краснолаковой керамикой и амфорами I — III вв., в большом количестве встречались обломки амфор, в том числе амфорные ручки с клеймами, происходящие из Херсонеса, Синопы, Родоса, Фасоса и др., донышки массивных лутериев, блюд, кувшинов и др. Попадались также херсонесские и боспорские монеты III — II вв. до н. э.

В южном углу квартала открыта маленькая цистерна *Д*, размерами 1,05×1,0 м при глубине 1,15 м (рис. 14). Стены ее, толщиной 0,20 м, внутри тщательно и прочно оштукатурены раствором красного цвета (известь

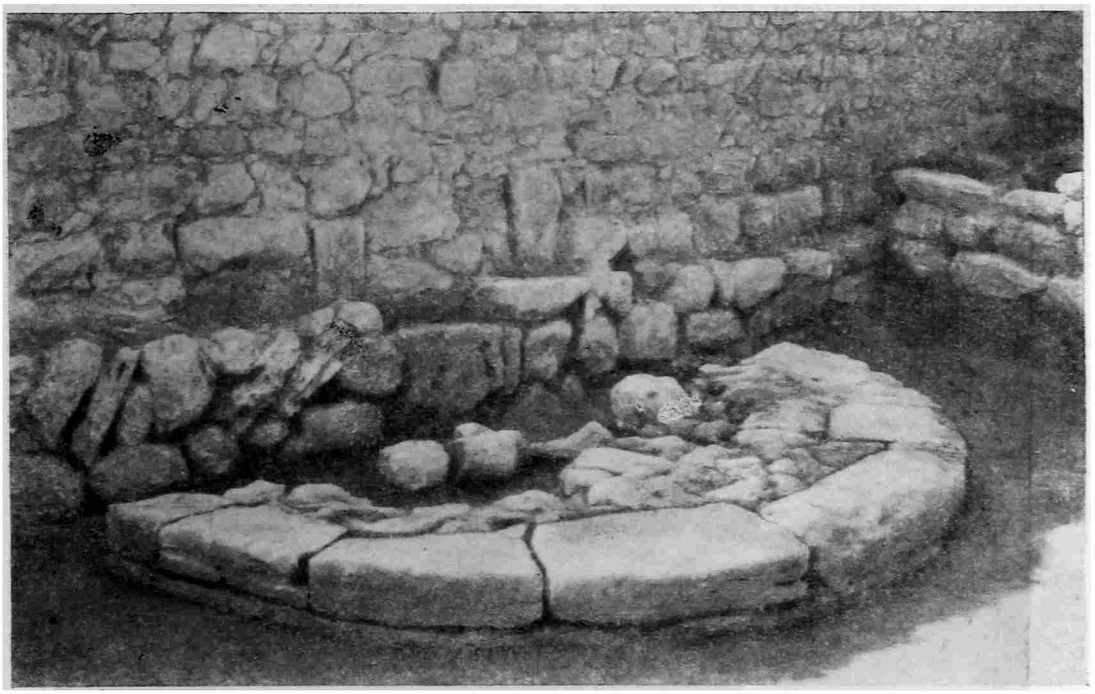

Рис. 13. Круглое сооружение II—IV вв. н. э.

с цемянкой), дно залито тем же раствором. Ко времени постройки цистерны образовалась уже толстая насыпь, в которую были опущены ее стены,— поэтому наружная их сторона неровная. По той же причине остатки эллинистических помещений не были видны на поверхности, в частности, колодец *Г*, над которым была сооружена цистерна *Д*.

В насыпи возле цистерны встречались кучки спрессовавшейся соленой рыбы, выброшенной, вероятно, из цистерны, рядом с нею стояла нижняя часть пифоса с остатками рыбы на дне, таким образом несомненно, что цистерна *Д* была рыбозасолочной; сочетание цистерн и пифосов — обычное явление в домах римского периода: рыба, по истечении времени, потребного для ее просола, из цистерн перекладывалась в пифосы. При раскопках на северном берегу уже многократно были открыты цистерны и составляющие с ними один комплекс кладовые с пифосами.

В V — VI вв., при постройке базилик, цистерна была использована для раствора извести, лежавшей в нижней ее части несколькими слоями, с пустотами между ними.

В насыпи описываемого слоя находились амфоры с узким длинным горлом, с коническим дном и корпусом, амфоры с узким, но коротким

горлом и амфоры с коротким широким горлом. Ручки амфор в сечении реберчатые, желобчатые, двуствольные, овальные и круглые. Особую группу, резко отличную от других, составляют амфоры из яркокрасной глины, больших размеров, с массивными, округлыми в сечении ручками, с коротким широким горлом, с конической ножкой.

Лутерии почти все плоскодонные, часть из них, как и амфоры, относится к эллинистическому времени. Весьма характерны по форме и технике блюда большого диаметра, без подставки, с вертикальными стенками, с краем весьма разнообразного профиля, внутренняя же их поверхность тщательно выглажена и покрыта красной обмазкой.

Рис. 14. Цистерна Д, II—IV вв. н. э.

Краснолаковая посуда представлена чашами, мисками, тарелками, блюдами; на их донышках очень часто нацарапаны граффити — начальные буквы имен. Светильники, найденные как целыми, так и фрагментированными, украшены рельефными изображениями Эрота, Силена с мехом на спине, маски Силена, орла, цирковой сцены — мужской фигуры с бичем и вздыбившейся лошади, быка, барана, собаки и др., а также орнаментом в виде розетки, виноградной лозы и др. (рис. 15).

Следует отметить, что обломки керамики в насыпи этого слоя были разрозненными; лишь в редких случаях удавалось из них собрать части сосудов, целыми же встречались только мелкие предметы, например, светильники. Это обстоятельство объясняется характером слоя и условиями его происхождения, тем, что насыпь была привозной, перемешанной. Совсем другую картину мы наблюдаем в помещениях, в которых насыпь одновременна им и образовалась в результате их гибели. Там из обломков разбитых сосудов, лежавших на полу, обычно удается собрать сосуды целиком или почти целиком.

Редкой и ценной находкой является краснолаковая ваза с растительным орнаментом. Корпус ее открытый и в верхней части цилиндрический, а в нижней — сферический, заканчивался он, наверно, короткой профилированной ножкой, форма которой восстановлена по вазам одного типа с нашей (ваза собрана и реставрирована из сорока обломков, на дне ее имеется утолщение, переходившее несомненно в ножку). Верхний фриз

Рис. 15. Краснолаковые светильники I—II вв. н. э.

вазы, высокий и гладкий, отделен от нижнего рельефным пояском. Нижняя половина украшена растительным орнаментом, состоящим из вырезанных по краям листьев, обращенных поочередно то вверх, то вниз, с прикрепленными на волнистых черенках между ними к одному и тому же стеблю кистями из трех ягод. Второй пояс орнамента образован треугольными листьями, обращенными кверху, с цветочками между ними из четырех-пяти лепестков, по другую сторону стебля листья обращены слегка наискось. По тщательно выполненному тонкому рельефу, по качеству лака и высокохудожественной работе вазу следует датировать началом I в. н. э.

Монет в насыпи найдено сравнительно мало, что объясняется особенностями ее происхождения (намывной и привозной грунт, отсутствие полов, на которых монеты римского времени обычно встречаются десятками). Помимо нескольких монет эллинистического периода, найдены

херсонесские монеты I в. н. э. и периода элевтерии (середина II — конец III в.), боспорские — Тиберия Клавдия (41—54 гг.) и деградированный статер (конца III — начала IV в.), монеты римских императоров I, III — IV вв., среди них Макрина, Галлиена, Констанция II.

Для описываемой насыпи первых веков н. э. характерно большое количество обломков стеклянной посуды: бальзамарии, флаконы сферической формы с вогнутым снизу дном, круглые плоские подставки от стаканов и бокалов, квадратные донышки и массивные широкие короткие ручки призматической формы сосудов, стенки сосудов с выпуклыми овальными украшениями или такими же углублениями и др. Встречались также куски плоского оконного стекла.

Предметы из металла найдены следующие: медные ключи в виде ажурной пластинки, короткие гвозди с широкой шляпкой и длинные с небольшой конической шляпкой, перстни и кольца из проволоки, трехгранные наконечники стрел, железные гвозди длиной 6—8 см, обломки массивных орудий и др.

На глиняных грузилах пирамидальной формы оттиснуты клейма, иногда вырезаны надписи, например ICI, A, O. Из отдельных предметов следует упомянуть: глиняный жертвенник на цилиндрической ножке с подставкой, обломок терракоты — подставка с частью ног фигуры и часть статуэтки обнаженного юноши (Геракла?).

Под мраморными плитами вымостки пола базилики, в качестве подкладок под их углами, были употреблены обломки рельефов, среди которых оказались: один — с головой Эрота, один от женского бюста с шеей и от гирлянд, пьедесталов и др. Происходят эти обломки от той же группы рельефов — стенок саркофагов, которые были открыты при раскопках базилики в 1935 г.

Интересной находкой является мраморная статуэтка пантеры, опирающейся передними лапами на столбик; голова и задние ноги ее отбиты, длина статуэтки 16,5 см. На одном из мраморных обломков с греческой надписью упоминается должность агронома. По качеству мрамора и форме букв надпись одновременна мраморным плитам с надписями, открытыми в 1935 г., то есть, относится к концу II — началу III в. н. э.[1].

В пятом веке в XIX квартале была сооружена христианская базилика, выбор места для которой был, повидимому, обусловлен тем, что северо-западная территория квартала после гибели эллинистических домов оставалась незастроенной. Раскопками 1952—1953 гг. полностью выяснен план базилики (рис. 16), открыты все сохранившиеся ее стены, фундамент которых основан в насыпи римского слоя и состоит всего лишь из двух-трех рядов кладки на грязи. Подтверждено наблюдение, сделанное в 1935 г., что цементный пол частично покрывал собою западную стену базилики и подходил вплотную к южной. Таким образом, можно было бы признать, что цементный пол относится к базилике, однако, остается непонятным, почему пол не доходил до северной ее стены. Не указывает ли последнее обстоятельство на принадлежность цементного пола не базилике, а какому-то другому, более раннему зданию.

С южной стороны к базилике примыкало большое здание, разделенное внутри продольной стеной на две части, с помещением, отделенным поперечной стеной, в восточном конце, с вымосткой из крупных плит. Фундамент здания, как и базилика, сложен на грязи, надземная же часть стен была выстроена из крупных тесаных плит на растворе — смеси извести с песком. Непосредственно к базилике было пристроено, кроме того, не-

[1] Отчет за 1935—1936 гг., рис. 23—24 на стр. 39—43.

большое помещение, размерами около 5 2 м, с мозаичным полом, открытым в 1950 г. Композиционно мозаика разделена на четыре части: первая состоит из пересекающихся кругов — обычного мотива херсонесских мозаик; вторая представляет чередование зигзагов различного цвета; в квадратном поле третьей изображена ваза на подставке с двумя ручками;

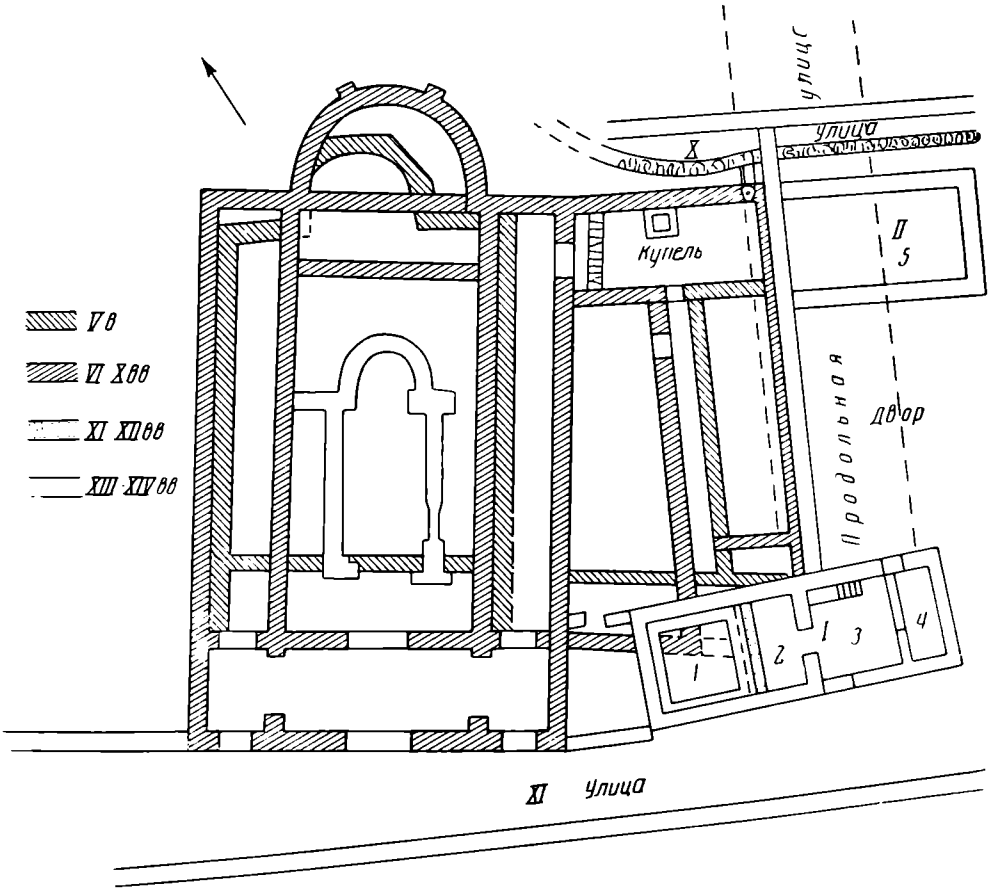

Рис. 16. План средневековых зданий в XIX квартале

небольшой вытянутый прямоугольник последней части заполняет чаша с виноградными гроздьями[1].

Хорошая сохранность мозаики указывает на кратковременное существование помещения, а вместе с ним и всего комплекса базилики. Южное здание по своему назначению было связано с базиликой. Следует отметить неправильный план как самой базилики (углы, образованные длинными стенами и плечами базилики, не прямые), так и пристроенного к ней здания (восточная стена короче западной). Другой особенностью базилики является отсутствие каких-либо признаков внутренних стен — стилобатов, которые должны были бы идти от внутренних углов апсиды к западной стене, цементный пол доходил до южной стены, но ни на полу, ни под ним остатков стен нет. При раскопке южного здания, найдены монеты V—VI вв.: Льва I (457—474), Зенона (474—491), Анастасия (491—518), Юстиниана I (527—565).

[1] ВДИ, 1951, № 2, рис. 1, стр. 137.

Первая базилика существовала не более ста лет: будучи построенной во второй половине V в., в середине VI в. она уже была разрушена. На ее месте в VI в. была сооружена вторая базилика, которая в дальнейшем, как выяснено раскопками 1950—1953 гг., подвергалась неоднократным перестройкам. На это указывают разница в кладке стен и фундаментов и наличие нескольких полов, из которых мозаичный пол был самым последним. Вторая базилика существовала около 400 лет — до конца X в.; в течение столь длительного периода необходимость перестроек или значительных ремонтных работ являлась вполне закономерной, особенно в отношении полов, подвергавшихся наибольшей изношенности.

С южной стороны базилики раскопками 1949—1951 гг. открыто большое здание, связанное с нею по назначению и одновременное по возникновению. В плане оно частично совпадает с предыдущим зданием: восточная и южная наружные стены и внутренняя поперечная повторяют соответствующие стены здания V в. Не совпали внутренняя продольная стена и наружная западная, здание стало длиннее предыдущего на 3,5 м. Подобные пристройки к базиликам в Херсонесе уже известны по прежним раскопкам, например, они имеются возле уваровской и западной базилик[1]. При возведении базилик и южных их пристроек планировка квартала несколько изменилась: западным своим концом первая базилика заняла часть XI поперечной улицы, вторая же захватила часть Продольной улицы (см. план на рис. 16); кроме того, обе базилики расположены не по оси квартала, за исключением южной стены пристроенных зданий, согласованной с направлением продольной улицы. План зданий неправильный, в западном конце они шире, чем в восточном.

Второе здание, по сравнению с предыдущим, отличается большей монументальностью; особенной толщины (1,0 м) достигает его средняя продольная стена, которая несла на себе нагрузку перекрытий. В восточном малом помещении находилась купель, тщательно сложенная из больших плоских кирпичей на известковом растворе с цемянкой, ее внутренние размеры 0,85×0,85 м, глубина 0,60 м (рис. 17). Купель стояла на вымостке V в., которая оказалась засыпанной землей, толщиной около 0,80 м. Помещение с купелью сообщалось с южным нефом базилики и с другими помещениями здания: сохранились дверные проемы в коротких поперечных стенах и во внутренней продольной. В наполовину сохранившейся западной наружной стене дверного проема не обнаружено.

В здании оказалось несколько полов, постепенно нараставших один над другим; некоторые из них вымощены галькой, гравием и черепками. Тонкие слои насыпи между полами содержали монеты и другие предметы различного времени. На нижних полах найдены монеты IV — VI вв., на верхних — монеты IX — X вв. Вместе с последними находились обломки белоглиняной поливной посуды.

На стенах внутри помещений местами уцелела штукатурка. В насыпи же найдено большое количество кусков штукатурки с фресковой росписью — геометрическим и растительным орнаментом, аналогичным росписи в базилике. Так как куски фресок были мелкими, то, возможно, что они были выброшены из базилики при одной из ее перестроек. На верхнем полу здания лежали многочисленные архитектурные детали и их обломки: мраморные базы и части колонн, алтарные столбики и части преград, обломки капителей с аканфовыми листьями, импостная капитель, части колонн малого диаметра, обломки мраморных порогов и косяков, а также тонких плит, большого блюда и столбик-колонна из местного ро-

[1] ИАК, вып. 4, рис. 1, стр. 52 и рис. 23, стр. 74.

зового мрамора, высотой 51 см, диаметром 30 см, служивший подставкой для алтаря. Здесь же лежал большой кусок арочного перекрытия — кладка из прямоугольных плоских кирпичей на толстом растворе извести с песком. Аналогичные блоки арок встречались при раскопках базилик в 1932 и 1935 гг. Кроме того, на полу находилась масса строительного мусора: обломки кирпичей и черепиц, куски раствора, штучные, хорошо обработанные камни из кладки стен и др.

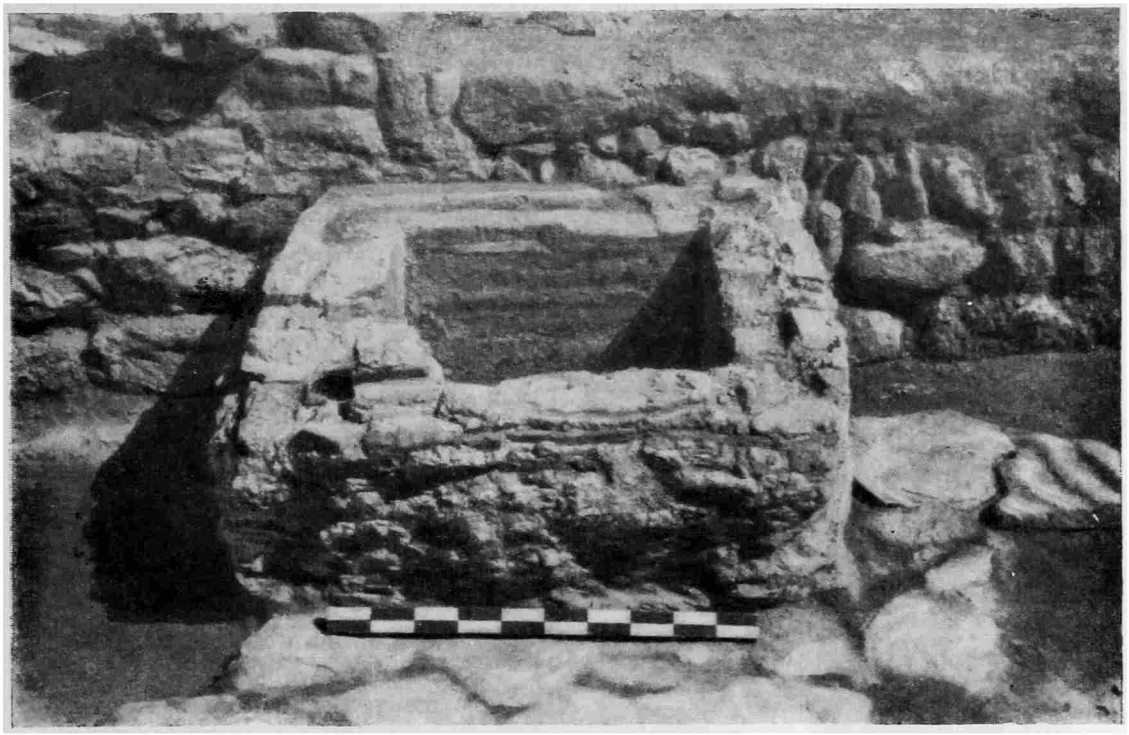

Рис. 17. Купель в южной пристройке базилики

При раскопках в южном нефе базилики, после удаления мозаичного пола в 1950 г., и в среднем нефе под вымосткой из мраморных плит в 1953 г. найдено большое количество кусков штукатурки с фресковой живописью и лепных орнаментов[1].

Лепные орнаменты, выполненные из гипса и представляющие фриз стены, состоят из полочек, сухариков, ов, жемчужника и др. Ниже лепного фриза шел меандр, исполненный краской черного цвета. Под ним — фриз с «окнами» — прямоугольниками черного цвета внутри цветной рамки. Следующий мотив росписи — гирлянды зеленого цвета с красными лентами и оранжевыми плодами и фруктами. Над гирляндами встречаются изображения птиц, повидимому, павлинов. Более полное представление о росписи возможно получить после окончания работы по их реставрации и реконструкции. На многих кусках фресок вырезаны греческие надписи, иногда до десяти строк. Однако содержание их еще не раскрыто.

[1] В процессе раскопок куски фресок, тщательно расчищенные, наклеивались сначала на бумагу, потом на марлю и в таком виде переносились в музей, где подвергались дальнейшей обработке: подбору, реставрации и монтировке на щиты. Работа выполнялась по указаниям и под общим руководством О. И. Домбровского.

В результате этих работ получены большие куски штукатурки, позволяющие в значительной мере восстановить характер росписи стен южного и среднего нефа.

На большинстве фресок видна побелка или вторичная роспись, закрывшая первоначальную живопись. Одновременно были побелены и лепные орнаменты, вследствие этого утратившие первоначальные четкие формы. В толще гипсовых орнаментов имеются костыльки (расколотые кости бараньих ног), при помощи которых фриз прикреплялся к глиняной обмазке стен (или к сырцовой ее кладке).

В толще насыпи, между мраморным полом, вверху, и цементным полом, внизу, замечены прослойки глины желтоватого цвета: одинаковые размеры и многократное повторение позволили определить их как сырцовые кирпичи, величиной 50×30 см при толщине 8—10 см. Возникает вопрос, где и с какой целью применяли эту кладку в базилике? Повидимому, только для верхней части стен, но остается непонятным предпочтение сырцовой кладке при наличии камня — дешевого и прочного материала.

Рис. 18. Мраморная ступка

Фрески и лепные орнаменты находились в насыпи, залегавшей между цементным полом в среднем нефе и мозаичным в южном, снизу, и мраморным и мозаичным полом, сверху. Относятся они к одному из ранних периодов существования второй базилики; однако более точная их дата может быть установлена лишь после надлежащего изучения фресок с их технической и художественно-стилистической стороны, а также после прочтения на них надписей.

Насыпь, покрывавшая остатки здания с южной стороны базилики, содержала в себе обломки характерной для IX—X вв. керамики: амфор с широким желобчатым корпусом и коротким горлом, с нацарапанными граффити на плечиках, узких высоких кувшинов с плоскими ручками, поливной белоглиняной посуды с рельефным штампованным орнаментом или изображениями, а также мраморную ступку хорошей сохранности, высотой 11 см (рис. 18), и мраморный пестик, железные массивные гвозди и другие предметы из железа; из бронзы найдены были миски с ситечком, ключ, щипчики, браслет, пряжка, рыболовные крючки. Обнаружены костяные предметы — стили, наперсток, иглы, пластины, украшенные резьбой, игральный кубик с «очками», а также много монет херсонесского выпуска середины IX— конца X вв. Найден клад из 68 бронзовых монет, относящихся к тому же времени.

В помещении с купелью найден складной бронзовый крест — энколпион, без изображений и надписей.

С юго-восточной стороны здания, под помещением № 5, на полу лежала железная кольчуга, превратившаяся вследствие коррозии в нерасчленимую сплошную массу.

В юго-западной части раскопа найден бронзовый наконечник ножен меча, длиной 12 см, шириной 4,8 см (рис. 19). Верхняя часть наконечника с обеих сторон заканчивается выступами в виде стилизованной головки птицы. Основной мотив орнамента наконечника — завиток и спираль.

По форме и орнаменту херсонесский наконечник близок серебряным наконечникам, найденным в Киеве и в Венгрии[1]. Однако наконечник из Херсонеса отличается от них более художественным, тонко исполненным орнаментом; композиция и размеры накладки с орнаментом хорошо согласованы с общей величиной наконечника. Дата его определяется всеми другими материалами — керамикой и монетами — концом X в.

Над южным углом здания после его разрушения возникло помещение, от которого сохранились лишь две стены. Оно существовало в период между X в. и XIII в.; эта дата определяется тем, что под ним находилась яма с насыпью и вещами X в., над ним же был расположен дом XIII—XIV вв. Эти остатки стен представляют интерес как промежуточный строительный период.

Рис. 19. Бронзовый наконечник ножен меча X в.

Здание с южной стороны базилики прекратило свое существование одновременно с нею, судя по находкам керамики и монет, в конце X в. Разрушение его сопровождалось (или было вызвано) пожаром, следы которого видны на поверхности пола: сажа, куски угля, обгоревшая штукатурка и пр. После гибели здания его остатки и соседний участок с юго-восточной стороны служили местом свалки мелкого мусора: в разрезе хорошо видны различные слои насыпи, имеющие наклонное направление. В насыпи нет ни крупных камней, ни целых вещей, она была насыщена мелкими обломками керамики и других предметов, среди которых поражало огромное количество обломков стеклянных браслетов различного цвета и сечения. На всем участке обнаружены заполненные тем же мусором глубокие и широкие ямы, иногда доходившие до эллинистического слоя и до скалы, образовавшиеся, повидимому, в результате поисков камня и других предметов в следующий строительный период.

После гибели базилики, как установлено раскопками 1935 г., на ее руинах возникло кладбище — 34 могилы и небольшой храмик-часовня.

С южной стороны базилики были расположены дом I, состоявший из четырех помещений, дом II в восточной части участка и обширный двор между ними (см. план на рис. 16).

В последний строительный период планировка квартала опять претерпела сильные изменения. Дом I расположен под острым углом к базилике, вследствие этого направление улицы изменилось, оно приблизилось к направлению эллинистической улицы, но не совпало с ним, так как западный угол дома занял часть улицы. X поперечная улица, перегороженная длинной стеной, превратилась в тупик. Продольная же улица,

[1] Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI в., СА, XIII, 1950, рис. 1, стр. 73 и табл. I, *44*.

будучи застроенной домами I и II, совсем исчезла из планировки этого района города: над нею находился обширный двор, ограниченный двумя домами и длинной стеной. Последняя, отделяя двор и дом II от часовни и кладбища, одновременно служила оградой для кладбища и часовни: между двором и остатками базилики оставалась значительная пустая площадь. В результате всех этих перестроек размеры квартала увеличились — юго-восточная его граница, находящаяся под нераскопанной территорией, еще не определена.

Несовпадение планировки объясняется тем, что толща мусорной насыпи скрывала под собою нижние строительные остатки; это сказалось также на изменении направлений улиц, например, на XI поперечную улицу выдвинулись дома с обеих ее сторон, а продольная была совершенно застроена и оказалась под двором и домами.

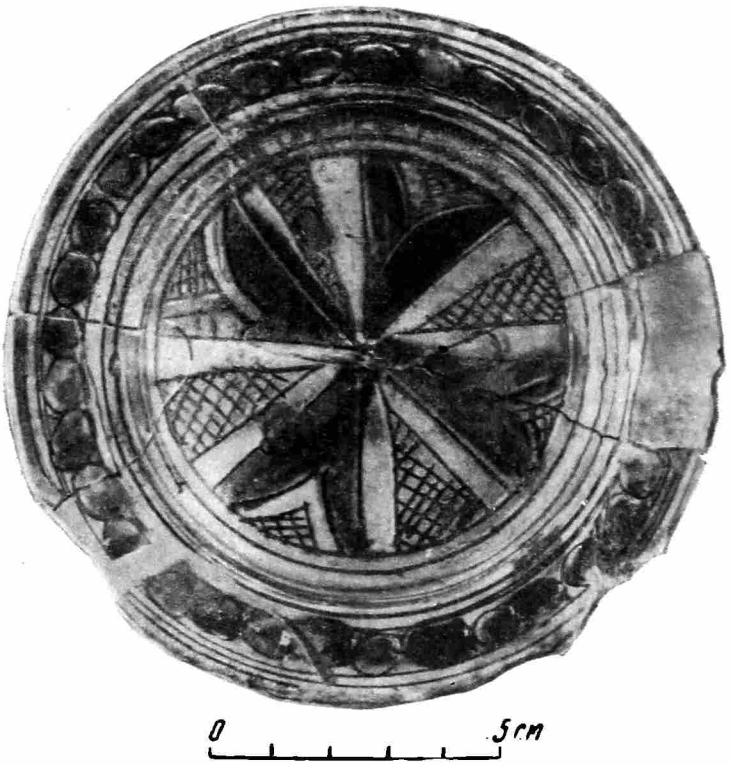

Рис. 20. Поливная тарелка XIV в.

Дом I состоит из четырех помещений, из них помещение *1* (см. рис. 16) являлось глубокой подвальной кладовой, в которой стояло несколько пифосов, раздавленных при разрушении дома; там же находились амфоры и другие сосуды. Кладовая имеет внутренние стены, на которых покоилось ее перекрытие. Помещение *2* было проходным и ничего в себе не содержало. В помещении *3*, в насыпи выше пола, оказалась поливная посуда с гравированным орнаментом: тарелка, украшенная по краям кружочками, в середине внутренней стороны — радиальным узором из восьми секторов, окрашенных поочередно поливой темнозеленого и коричневого цвета, со штриховкой внутри сектора (рис. 20); кувшин одноручный белоглиняный с поливой светлозеленого цвета. Поливная красноглиняная посуда изготовлялась на месте в Херсонесе; на это указывает качество глины, нахождение подставок, употреблявшихся при обжиге

посуды, обжиг этой керамики и специфика некоторых ее групп, характерных только для Херсонеса. Найденный здесь же горшок с отверстиями на стенках и дне, употреблявшийся для процеживания,— обычная принадлежность каждого позднесредневекового дома.

В узком помещении *4* (см. рис. 16) на полу лежали амфоры с округлым дном, мелким рифлением на корпусе, с ручками, согнутыми под острым углом. Из других предметов в доме найдены: две пары жерновов, плоские и бочковидные глиняные грузила, пряслица с вдавленным орнаментом, обломок железной пилы, железные замки — один внутренний, плоский, другой висячий, цилиндрический, большой (длиной 28 см) железный крест с расширяющимися концами, бронзовая сельджукская монета (малоазийская) 1213—1214 гг.

В северном углу помещения находилась лестница, с пятью ступенями и с длинной площадкой. Наличие лестниц в позднесредневековых домах указывает на то, что над нижними помещениями находился второй этаж с жилыми комнатами. Нижние помещения использовались одни как кладовые, а в других производились работы, связанные с домашним хозяйством, например, размол зерна, обработка шерсти и пр.

Существование второго этажа подтверждается многократными наблюдениями: в процессе раскопок встречаются многочисленные предметы быта и хозяйства, лежащие в насыпи, значительно выше пола: посуда столовая, поливная, костяные шильца, проколки, пластинки, пряслица, иконки, кресты, лампадки и т. п. Расположение этих предметов в насыпи может быть объяснено только тем, что они находились в верхних помещениях и упали вниз во время гибели дома вместе с полом и камнями кладки стен.

Все помещения дома расположены вдоль улицы в одну линию, имеют смежные внутренние и общие наружные стены и соединены между собою дверными проемами. Из третьего помещения дверь вела в обширный двор, бывший в середине квартала.

Стены дома возведены на толстой мусорной насыпи X в., фундамент их состоит из двух рядов кладки, опущенных в землю. В стенах имеются горизонтальные пазы, образовавшиеся от сгоревших деревянных балок, служивших связями для придания стенам большей прочности. Подобные пазы встречаются во всех позднесредневековых постройках и были вызваны необходимостью связать стены, сложенные на непрочном растворе — на грязи.

Нахождение большого железного креста можно сопоставить с расположенной рядом часовней: дом мог принадлежать священнослужителю храмика, исполнявшему требы для населения этого квартала.

Восточный дом, возникший в IX—X вв., продолжал существовать и в позднесредневековый период. Однако верхний слой в нем почти не сохранился — он был перекопан в XIX в. при устройстве широкой вымостки и холма для беседки (участок от монастырской усадьбы до берега моря был отведен под сад, огорожен забором и внутри распланирован: в центре насыпи — высокий холм для беседки, от холма шли четыре дороги, шириной 5 м, вымощенные бутовым камнем, концы их соединялись дорожками меньшей ширины).

Монеты в позднесредневековых помещениях почти не встречаются. Выпуск монет в Херсонесе прекратился, как известно, в конце X в. и с тех пор не возобновлялся. При раскопках изредка находят монеты византийские и несколько чаще — восточные. Упомянутая выше сельджукская монета начала XIII в. хронологически вполне согласуется с инвентарем дома.

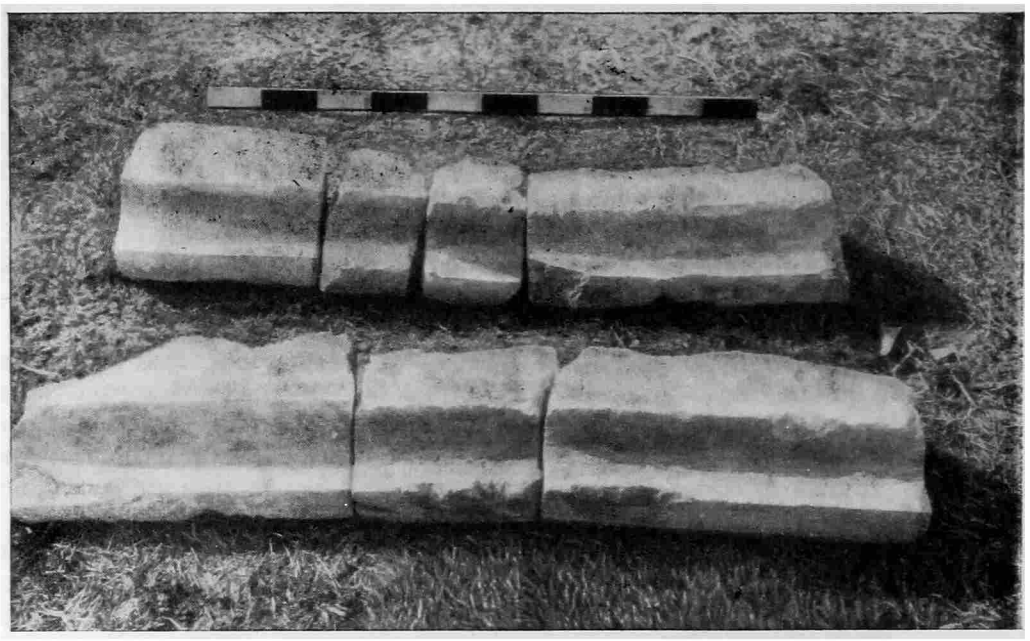

Рис 21. Плиты от карнизов из домов XIII—XIV вв.

Рис. 22. Арочные клинья из домов XIII—XIV вв.

В связи с раскопками жилых домов были подвергнуты раскопкам X и XI поперечные улицы. Под подошвой X улицы вскрыт канал водостока, сложенный из плит и перекрытый также плитами, среди которых оказалось несколько жерновов. Возле дома II и X улицы вплотную к стене стояла мраморная колонна, взятая из развалин базилики, около нее лежало большое корыто с отверстием на дне, служившее, повидимому, раковиной: она расположена над каналом, соединенным с уличной магистралью водостока. На поверхности XI улицы виден желоб, обозначающий линию водостока.

Возле стен дома и на улице найдены плиты, позволяющие судить об его архитектурном оформлении: плиты с желобком по краю, служившие карнизом, среди них имеются угловые плиты (рис. 21), арочные или сводчатые клинья, перекрывавшие дверные и оконные проемы (рис. 22), материал плит — мшанковый инкерманский известняк. Подобные плиты встречаются в верхнем слое на территории всего Херсонеса и свидетельствуют о том, что жилые дома города повсюду были отделаны довольно однообразно и притом весьма скромно.

Позднесредневековые дома погибли в огне: на полу всех помещений лежат куски угля, обуглившиеся балки, сажа, обгоревшие предметы, следы огня хранят на себе камни дверных проемов, побагровевшие и потрескавшиеся. Вследствие пожара рухнули перекрытия полов, потолков и крыши; обвалились верхние части стен: раздавленные под их тяжестью, лежат на полу или в земле посуда и утварь жилых помещений, пифосы и амфоры в кладовых. Катастрофа, постигшая жилые дома и другие здания, была единовременной, быстрой и общей для всего города. Произошла она в конце XIV в., после чего Херсонес прекратил свое существование.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

ПАМЯТНИКИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТЕПНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

До недавнего времени исследователи, касавшиеся вопросов, связанных с изучением исторических судеб степной поднепровской Украины первых веков н. э., обычно упоминали памятники черняховской культуры в районе днепровских порогов (Федоровка, Никольское, Привольное и др.). Южнее этой группы памятников был известен только могильник у б. Бизюкова монастыря и могильник у городка Николаевки [1]. Принадлежность первого могильника черняховской культуре остается недоказанной из-за качества раскопок [2]. Особенности погребального обряда отличают и второй могильник от типичных черняховских памятников [3]. Таким образом, в археологической литературе установилось мнение, что памятники черняховской культуры присущи лесостепной полосе Украины «от устья Десны на севере и до порожистой части Днепра на юге» [4].

Черняховская культура на Нижнем Днепре достоверно, при помощи раскопок, зафиксирована только новостроечными экспедициями 1951—1953 гг. В 1951 г. производились раскопки на поселениях в селах Грушевка и Кут, Апостоловского района, Днепропетровской области. В 1952—1953 гг. раскопками исследовались могильники в пос. Каменке, Каменского района, Запорожской области, и в районе с. Гавриловки у овчарни совхоза Приднепровского, Нововоронцовского района, Херсонской области. Возле последнего пункта были обнаружены два поселения первых веков н. э. Одно из них было подвергнуто пробным раскопкам [5].

Таким образом, в настоящее время мы располагаем материалами трех поселений и двух могильников.

Много внимания было уделено упомянутым выше могильникам в пос. Каменка и у овчарни совхоза Приднепровского, где обнаружены погре-

[1] Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 3—17. См. также диссертационную работу Ю. В. Кухаренко. Юго-восточная граница расселения раннеславянских племен (архив ИИМК АН СССР).

[2] В. И. Гошкевич. Древние городища Низового Днепра. Известия археологической комиссии, 47, 1913, стр. 135.

[3] M. Ebert. Ausgrabungen bei dem Gorodok Nikolajewka am Dnjepr Gouv. Cherson Praehistorische Zeitschrift, т. V, 1913, стр. 80—114.

[4] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, Москва, 1953, стр. 158.

[5] В 951 г. работы проводил автор, возглавлявший отряд Никопольской экспедиции Института археологии АН УССР (начальник экспедиции Е. В. Махно). В 1952—1953 гг. работы были продолжены мною в Скифской степной экспедиции (начальник экспедиции Б. Н. Граков).

бения с трупосожжениями и трупоположениями. Устойчивые особенности погребального обряда и инвентарь хорошей сохранности убедительно решают вопросы датировки и культурной принадлежности обнаруженных памятников.

1

Могильник в пос. Каменка расположен над плавнями, на разрушающемся обрывистом берегу пересохшего русла р. Конка (рис. 1). На территории могильника обнаружены отдельные находки эпохи бронзы, скифского времени и средневековые захоронения X—XII вв.

Протяженность могильника вдоль обрыва берега примерно 50 м, ширина 40—50 м. Погребения располагались на расстоянии от 2 до 10 м одно от другого. Непотревоженных погребений с трупосожжениями найдено восемь и только одно с трупоположением. Глубина погребений с трупосожжениями — от 0,45 до 0,90 м от современной дневной поверхности. При этом кальцинированные кости либо сложены в ямку и накрыты сосудом или обломками сосудов (погр. № *21*, *81*, *89*), либо помещены в одну или две урны и накрыты обломками сосудов или целой миской (погр. № *39*, *40*, *38*, *49*, *66*).

В обоих случаях в могильную яму бросали иногда обломки разбитых сосудов и другие вещи, побывавшие в огне.

ПОГРЕБЕНИЯ С ТРУПОСОЖЖЕНИЯМИ

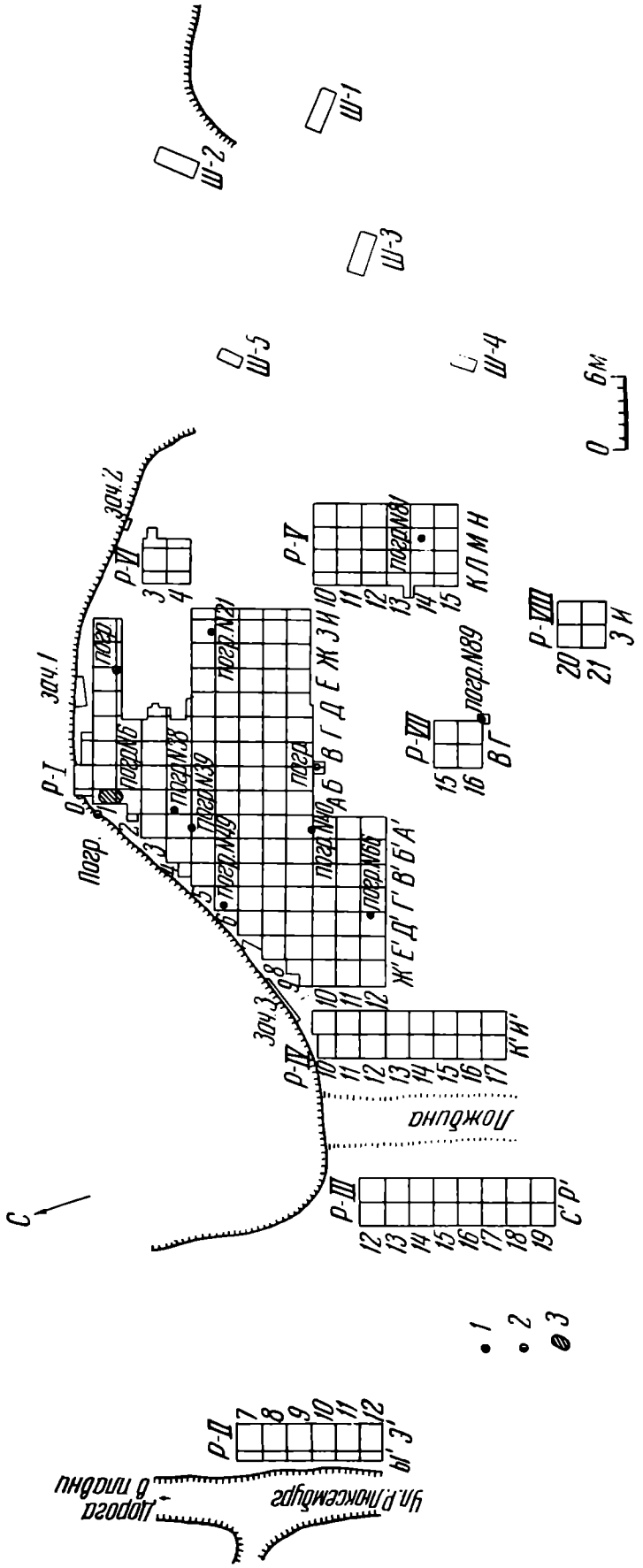
П о г р е б е н и е № 21 (рис. 2, *5*). Кальцинированные кости взрослого человека, сложенные на дне округлой неглубокой ямки, были накрыты лепной миской (рис. 2, *1*). Миску закидали обломками сосудов, (рис. 2, *6—9*), среди которых найдены две сердоликовые бусины (рис. 2, *3*, *4*), обломок железного ножа и бронзовая игла от фибулы (рис. 2, *2*).

П о г р е б е н и е № 81 (рис. 3, *2*). В округлой ямке лежала кучка пережженных костей взрослого человека, накрытых перевернутым кверху дном гончарным горшком (рис. 3, *1*). Среди костей найдены железный ножик (рис. 3, *4*), обкладка какого-то деревянного предмета (рис. 3, *3*) и сердоликовая бусина, поврежденная огнем (рис. 3, *6*).

П о г р е б е н и е № 89 (рис. 3, *9*). Кучка пережженных костей была накрыта обломками изготовленных на круге сосудов (рис. 3, *7*, *10*, *11*), в том числе обломками краснолакового кувшина (рис. 3, *8*). Кроме того, в погребении найдено два обломка стекла от тонкостенного сосуда, обломки тонкой костяной пластинки от гребня (?) (рис. 3, *5*) и кусок смолистого вещества, возможно, остатки ароматического курения, как и в погребении № 39.

П о г р е б е н и е № 39 (рис. 4, *2*). Кальцинированные кости взрослого человека сложены в большую гончарную биконическую черную лощеную миску с Х-образными ручками (рис. 4, *1*). Урну накрывал обломок сероглиняной, гончарной, лощеной миски (рис. 4, *3*). Могильную яму наполняли обломки посуды, побывавшей в огне (рис. 4, *5—9*). Среди них донная часть амфоры (рис. 4, *4*). В урне найдены куски смолистого, горючего, повидимому, ароматического вещества.

П о г р е б е н и е № 40 (рис. 5, *4*). Гончарная, сероглиняная урна, содержащая кальцинированные кости взрослого человека, была поставлена на дно округлой ямки (рис. 5, *1*). В ямку были брошены обломки

Ш-2
Ш-1
Ш-3
Ш-5
Ш-4
0 6м
Р-I
Р-II
Р-III
Р-IV
Р-V
Р-VI
Р-VII
Р-VIII
Р-IX
Зач.1
Зач.2
Зач.3
Погр.
погр.№6
погр.№38
погр.№39
погр.№40
погр.№41
погр.№89
погр.№8
погр.№9
погр.№7
погр.№10
погр.№11
погр.№12
погр.№13
погр.№14
погр.№15
погр.№16
погр.№17
погр.№18
погр.№19
погр.№20
погр.№21
погр.№22
погр.№23
погр.№24
погр.№25
погр.№26
погр.№27
погр.№28
погр.№29
погр.№30
погр.№31
погр.№32
погр.№33
погр.№34
погр.№35
погр.№36
погр.№37
погр.№42
погр.№43
погр.№44
погр.№45
погр.№46
погр.№47
погр.№48
погр.№49
погр.№50
погр.№51
погр.№52
погр.№53
погр.№54
погр.№55
погр.№56
погр.№57
погр.№58
погр.№59
погр.№60
погр.№61
погр.№62
погр.№63
погр.№64
погр.№65
погр.№66
погр.№67
погр.№68
погр.№69
погр.№70
погр.№71
погр.№72
погр.№73
погр.№74
погр.№75
погр.№76
погр.№77
погр.№78
погр.№79
погр.№80
погр.№81
погр.№82
погр.№83
погр.№84
погр.№85
погр.№86
погр.№87
погр.№88
погр.№90
погр.№91
погр.№92
погр.№93
погр.№94
погр.№95
погр.№96
погр.№97
погр.№98
погр.№99
погр.№100
погр.№101
погр.№102
погр.№103
погр.№104
погр.№105
погр.№106
погр.№107
погр.№108
погр.№109
погр.№110
погр.№111
погр.№112
погр.№113
погр.№114
погр.№115
погр.№116
погр.№117
погр.№118
погр.№119
погр.№120
погр.№121
погр.№122
погр.№123
погр.№124
погр.№125
погр.№126
погр.№127
погр.№128
погр.№129
погр.№130
погр.№131
погр.№132
погр.№133
погр.№134
погр.№135
погр.№136
погр.№137
погр.№138
погр.№139
погр.№140
погр.№141
погр.№142
погр.№143
погр.№144
погр.№145
погр.№146
погр.№147
погр.№148
погр.№149
погр.№150
погр.№151
погр.№152
погр.№153
погр.№154
погр.№155
погр.№156
погр.№157
погр.№158
погр.№159
погр.№160
погр.№161
погр.№162
погр.№163
погр.№164
погр.№165
погр.№166
погр.№167
погр.№168
погр.№169
погр.№170
погр.№171
погр.№172
погр.№173
погр.№174
погр.№175
погр.№176
погр.№177
погр.№178
погр.№179
погр.№180
погр.№181
погр.№182
погр.№183
погр.№184
погр.№185
погр.№186
погр.№187
погр.№188
погр.№189
погр.№190
погр.№191
погр.№192
погр.№193
погр.№194
погр.№195
погр.№196
погр.№197
погр.№198
погр.№199
погр.№200
погр.№201
погр.№202
погр.№203
погр.№204
погр.№205
погр.№206
погр.№207
погр.№208
погр.№209
погр.№210
погр.№211
погр.№212
погр.№213
погр.№214
погр.№215
погр.№216
погр.№217
погр.№218
погр.№219
погр.№220
погр.№221
погр.№222
погр.№223
погр.№224
погр.№225
погр.№226
погр.№227
погр.№228
погр.№229
погр.№230
погр.№231
погр.№232
погр.№233
погр.№234
погр.№235
погр.№236
погр.№237
погр.№238
погр.№239
погр.№240
погр.№241
погр.№242
погр.№243
погр.№244
погр.№245
погр.№246
погр.№247
погр.№248
погр.№249
погр.№250
погр.№251
погр.№252
погр.№253
погр.№254
погр.№255
погр.№256
погр.№257
погр.№258
погр.№259
погр.№260
погр.№261
погр.№262
погр.№263
погр.№264
погр.№265
погр.№266
погр.№267
погр.№268
погр.№269
погр.№270
погр.№271
погр.№272
погр.№273
погр.№274
погр.№275
погр.№276
погр.№277
погр.№278
погр.№279
погр.№280
погр.№281
погр.№282
погр.№283
погр.№284
погр.№285
погр.№286
погр.№287
погр.№288
погр.№289
погр.№290
погр.№291
погр.№292
погр.№293
погр.№294
погр.№295
погр.№296
погр.№297
погр.№298
погр.№299
погр.№300
погр.№301
погр.№302
погр.№303
погр.№304
погр.№305
погр.№306
погр.№307
погр.№308
погр.№309
погр.№310
погр.№311
погр.№312
погр.№313
погр.№314
погр.№315
погр.№316
погр.№317
погр.№318
погр.№319
погр.№320
погр.№321
погр.№322
погр.№323
погр.№324
погр.№325
погр.№326
погр.№327
погр.№328
погр.№329
погр.№330
погр.№331
погр.№332
погр.№333
погр.№334
погр.№335
погр.№336
погр.№337
погр.№338
погр.№339
погр.№340
погр.№341
погр.№342
погр.№343
погр.№344
погр.№345
погр.№346
погр.№347
погр.№348
погр.№349
погр.№350
погр.№351
погр.№352
погр.№353
погр.№354
погр.№355
погр.№356
погр.№357
погр.№358
погр.№359
погр.№360
погр.№361
погр.№362
погр.№363
погр.№364
погр.№365
погр.№366
погр.№367
погр.№368
погр.№369
погр.№370
погр.№371
погр.№372
погр.№373
погр.№374
погр.№375
погр.№376
погр.№377
погр.№378
погр.№379
погр.№380
погр.№381
погр.№382
погр.№383
погр.№384
погр.№385
погр.№386
погр.№387
погр.№388
погр.№389
погр.№390
погр.№391
погр.№392
погр.№393
погр.№394
погр.№395
погр.№396
погр.№397
погр.№398
погр.№399
погр.№400
погр.№401
погр.№402
погр.№403
погр.№404
погр.№405
погр.№406
погр.№407
погр.№408
погр.№409
погр.№410
погр.№411
погр.№412
погр.№413
погр.№414
погр.№415
погр.№416
погр.№417
погр.№418
погр.№419
погр.№420
погр.№421
погр.№422
погр.№423
погр.№424
погр.№425
погр.№426
погр.№427
погр.№428
погр.№429
погр.№430
погр.№431
погр.№432
погр.№433
погр.№434
погр.№435
погр.№436
погр.№437
погр.№438
погр.№439
погр.№440
погр.№441
погр.№442
погр.№443
погр.№444
погр.№445
погр.№446
погр.№447
погр.№448
погр.№449
погр.№450
погр.№451
погр.№452
погр.№453
погр.№454
погр.№455
погр.№456
погр.№457
погр.№458
погр.№459
погр.№460
погр.№461
погр.№462
погр.№463
погр.№464
погр.№465
погр.№466
погр.№467
погр.№468
погр.№469
погр.№470
погр.№471
погр.№472
погр.№473
погр.№474
погр.№475
погр.№476
погр.№477
погр.№478
погр.№479
погр.№480
погр.№481
погр.№482
погр.№483
погр.№484
погр.№485
погр.№486
погр.№487
погр.№488
погр.№489
погр.№490
погр.№491
погр.№492
погр.№493
погр.№494
погр.№495
погр.№496
погр.№497
погр.№498
погр.№499
погр.№500
погр.№501
погр.№502
погр.№503
погр.№504
погр.№505
погр.№506
погр.№507
погр.№508
погр.№509
погр.№510
погр.№511
погр.№512
погр.№513
погр.№514
погр.№515
погр.№516
погр.№517
погр.№518
погр.№519
погр.№520
погр.№521
погр.№522
погр.№523
погр.№524
погр.№525
погр.№526
погр.№527
погр.№528
погр.№529
погр.№530
погр.№531
погр.№532
погр.№533
погр.№534
погр.№535
погр.№536
погр.№537
погр.№538
погр.№539
погр.№540
погр.№541
погр.№542
погр.№543
погр.№544
погр.№545
погр.№546
погр.№547
погр.№548
погр.№549
погр.№550
погр.№551
погр.№552
погр.№553
погр.№554
погр.№555
погр.№556
погр.№557
погр.№558
погр.№559
погр.№560
погр.№561
погр.№562
погр.№563
погр.№564
погр.№565
погр.№566
погр.№567
погр.№568
погр.№569
погр.№570
погр.№571
погр.№572
погр.№573
погр.№574
погр.№575
погр.№576
погр.№577
погр.№578
погр.№579
погр.№580
погр.№581
погр.№582
погр.№583
погр.№584
погр.№585
погр.№586
погр.№587
погр.№588
погр.№589
погр.№590
погр.№591
погр.№592
погр.№593
погр.№594
погр.№595
погр.№596
погр.№597
погр.№598
погр.№599
погр.№600
погр.№601
погр.№602
погр.№603
погр.№604
погр.№605
погр.№606
погр.№607
погр.№608
погр.№609
погр.№610
погр.№611
погр.№612
погр.№613
погр.№614
погр.№615
погр.№616
погр.№617
погр.№618
погр.№619
погр.№620
погр.№621
погр.№622
погр.№623
погр.№624
погр.№625
погр.№626
погр.№627
погр.№628
погр.№629
погр.№630
погр.№631
погр.№632
погр.№633
погр.№634
погр.№635
погр.№636
погр.№637
погр.№638
погр.№639
погр.№640
погр.№641
погр.№642
погр.№643
погр.№644
погр.№645
погр.№646
погр.№647
погр.№648
погр.№649
погр.№650
погр.№651
погр.№652
погр.№653
погр.№654
погр.№655
погр.№656
погр.№657
погр.№658
погр.№659
погр.№660
погр.№661
погр.№662
погр.№663
погр.№664
погр.№665
погр.№666
погр.№667
погр.№668
погр.№669
погр.№670
погр.№671
погр.№672
погр.№673
погр.№674
погр.№675
погр.№676
погр.№677
погр.№678
погр.№679
погр.№680
погр.№681
погр.№682
погр.№683
погр.№684
погр.№685
погр.№686
погр.№687
погр.№688
погр.№689
погр.№690
погр.№691
погр.№692
погр.№693
погр.№694
погр.№695
погр.№696
погр.№697
погр.№698
погр.№699
погр.№700
погр.№701
погр.№702
погр.№703
погр.№704
погр.№705
погр.№706
погр.№707
погр.№708
погр.№709
погр.№710
погр.№711
погр.№712
погр.№713
погр.№714
погр.№715
погр.№716
погр.№717
погр.№718
погр.№719
погр.№720
погр.№721
погр.№722
погр.№723
погр.№724
погр.№725
погр.№726
погр.№727
погр.№728
погр.№729
погр.№730
погр.№731
погр.№732
погр.№733
погр.№734
погр.№735
погр.№736
погр.№737
погр.№738
погр.№739
погр.№740
погр.№741
погр.№742
погр.№743
погр.№744
погр.№745
погр.№746
погр.№747
погр.№748
погр.№749
погр.№750
погр.№751
погр.№752
погр.№753
погр.№754
погр.№755
погр.№756
погр.№757
погр.№758
погр.№759
погр.№760
погр.№761
погр.№762
погр.№763
погр.№764
погр.№765
погр.№766
погр.№767
погр.№768
погр.№769
погр.№770
погр.№771
погр.№772
погр.№773
погр.№774
погр.№775
погр.№776
погр.№777
погр.№778
погр.№779
погр.№780
погр.№781
погр.№782
погр.№783
погр.№784
погр.№785
погр.№786
погр.№787
погр.№788
погр.№789
погр.№790
погр.№791
погр.№792
погр.№793
погр.№794
погр.№795
погр.№796
погр.№797
погр.№798
погр.№799
погр.№800
погр.№801
погр.№802
погр.№803
погр.№804
погр.№805
погр.№806
погр.№807
погр.№808
погр.№809
погр.№810
погр.№811
погр.№812
погр.№813
погр.№814
погр.№815
погр.№816
погр.№817
погр.№818
погр.№819
погр.№820
погр.№821
погр.№822
погр.№823
погр.№824
погр.№825
погр.№826
погр.№827
погр.№828
погр.№829
погр.№830
погр.№831
погр.№832
погр.№833
погр.№834
погр.№835
погр.№836
погр.№837
погр.№838
погр.№839
погр.№840
погр.№841
погр.№842
погр.№843
погр.№844
погр.№845
погр.№846
погр.№847
погр.№848
погр.№849
погр.№850
погр.№851
погр.№852
погр.№853
погр.№854
погр.№855
погр.№856
погр.№857
погр.№858
погр.№859
погр.№860
погр.№861
погр.№862
погр.№863
погр.№864
погр.№865
погр.№866
погр.№867
погр.№868
погр.№869
погр.№870
погр.№871
погр.№872
погр.№873
погр.№874
погр.№875
погр.№876
погр.№877
погр.№878
погр.№879
погр.№880
погр.№881
погр.№882
погр.№883
погр.№884
погр.№885
погр.№886
погр.№887
погр.№888
погр.№889
погр.№890
погр.№891
погр.№892
погр.№893
погр.№894
погр.№895
погр.№896
погр.№897
погр.№898
погр.№899
погр.№900
погр.№901
погр.№902
погр.№903
погр.№904
погр.№905
погр.№906
погр.№907
погр.№908
погр.№909
погр.№910
погр.№911
погр.№912
погр.№913
погр.№914
погр.№915
погр.№916
погр.№917
погр.№918
погр.№919
погр.№920
погр.№921
погр.№922
погр.№923
погр.№924
погр.№925
погр.№926
погр.№927
погр.№928
погр.№929
погр.№930
погр.№931
погр.№932
погр.№933
погр.№934
погр.№935
погр.№936
погр.№937
погр.№938
погр.№939
погр.№940
погр.№941
погр.№942
погр.№943
погр.№944
погр.№945
погр.№946
погр.№947
погр.№948
погр.№949
погр.№950
погр.№951
погр.№952
погр.№953
погр.№954
погр.№955
погр.№956
погр.№957
погр.№958
погр.№959
погр.№960
погр.№961
погр.№962
погр.№963
погр.№964
погр.№965
погр.№966
погр.№967
погр.№968
погр.№969
погр.№970
погр.№971
погр.№972
погр.№973
погр.№974
погр.№975
погр.№976
погр.№977
погр.№978
погр.№979
погр.№980
погр.№981
погр.№982
погр.№983
погр.№984
погр.№985
погр.№986
погр.№987
погр.№988
погр.№989
погр.№990
погр.№991
погр.№992
погр.№993
погр.№994
погр.№995
погр.№996
погр.№997
погр.№998
погр.№999
погр.№1000
погр.№1001
погр.№1002
погр.№1003
погр.№1004
погр.№1005
погр.№1006
погр.№1007
погр.№1008
погр.№1009
погр.№1010
погр.№1011
погр.№1012
погр.№1013
погр.№1014
погр.№1015
погр.№1016
погр.№1017
погр.№1018
погр.№1019
погр.№1020
погр.№1021
погр.№1022
погр.№1023
погр.№1024
погр.№1025
погр.№1026
погр.№1027
погр.№1028
погр.№1029
погр.№1030
погр.№1031
погр.№1032
погр.№1033
погр.№1034
погр.№1035
погр.№1036
погр.№1037
погр.№1038
погр.№1039
погр.№1040
погр.№1041
погр.№1042
погр.№1043
погр.№1044
погр.№1045
погр.№1046
погр.№1047
погр.№1048
погр.№1049
погр.№1050
погр.№1051
погр.№1052
погр.№1053
погр.№1054
погр.№1055
погр.№1056
погр.№1057
погр.№1058
погр.№1059
погр.№1060
погр.№1061
погр.№1062
погр.№1063
погр.№1064
погр.№1065
погр.№1066
погр.№1067
погр.№1068
погр.№1069
погр.№1070
погр.№1071
погр.№1072
погр.№1073
погр.№1074
погр.№1075
погр.№1076
погр.№1077
погр.№1078
погр.№1079
погр.№1080
погр.№1081
погр.№1082
погр.№1083
погр.№1084
погр.№1085
погр.№1086
погр.№1087
погр.№1088
погр.№1089
погр.№1090
погр.№1091
погр.№1092
погр.№1093
погр.№1094
погр.№1095
погр.№1096
погр.№1097
погр.№1098
погр.№1099
погр.№1100
погр.№1101
погр.№1102
погр.№1103
погр.№1104
погр.№1105
погр.№1106
погр.№1107
погр.№1108
погр.№1109
погр.№1110
погр.№1111
погр.№1112
погр.№1113
погр.№1114
погр.№1115
погр.№1116
погр.№1117
погр.№1118
погр.№1119
погр.№1120
погр.№1121
погр.№1122
погр.№1123
погр.№1124
погр.№1125
погр.№1126
погр.№1127
погр.№1128
погр.№1129
погр.№1130
погр.№1131
погр.№1132
погр.№1133
погр.№1134
погр.№1135
погр.№1136
погр.№1137
погр.№1138
погр.№1139
погр.№1140
погр.№1141
погр.№1142
погр.№1143
погр.№1144
погр.№1145
погр.№1146
погр.№1147
погр.№1148
погр.№1149
погр.№1150
погр.№1151
погр.№1152
погр.№1153
погр.№1154
погр.№1155
погр.№1156
погр.№1157
погр.№1158
погр.№1159
погр.№1160
погр.№1161
погр.№1162
погр.№1163
погр.№1164
погр.№1165
погр.№1166
погр.№1167
погр.№1168
погр.№1169
погр.№1170
погр.№1171
погр.№1172
погр.№1173
погр.№1174
погр.№1175
погр.№1176
погр.№1177
погр.№1178
погр.№1179
погр.№1180
погр.№1181
погр.№1182
погр.№1183
погр.№1184
погр.№1185
погр.№1186
погр.№1187
погр.№1188
погр.№1189
погр.№1190
погр.№1191
погр.№1192
погр.№1193
погр.№1194
погр.№1195
погр.№1196
погр.№1197
погр.№1198
погр.№1199
погр.№1200
погр.№1201
погр.№1202
погр.№1203
погр.№1204
погр.№1205
погр.№1206
погр.№1207
погр.№1208
погр.№1209
погр.№1210
погр.№1211
погр.№1212
погр.№1213
погр.№1214
погр.№1215
погр.№1216
погр.№1217
погр.№1218
погр.№1219
погр.№1220
погр.№1221
погр.№1222
погр.№1223
погр.№1224
погр.№1225
погр.№1226
погр.№1227
погр.№1228
погр.№1229
погр.№1230
погр.№1231
погр.№1232
погр.№1233
погр.№1234
погр.№1235
погр.№1236
погр.№1237
погр.№1238
погр.№1239
погр.№1240
погр.№1241
погр.№1242
погр.№1243
погр.№1244
погр.№1245
погр.№1246
погр.№1247
погр.№1248
погр.№1249
погр.№1250
погр.№1251
погр.№1252
погр.№1253
погр.№1254
погр.№1255
погр.№1256
погр.№1257
погр.№1258
погр.№1259
погр.№1260
погр.№1261
погр.№1262
погр.№1263
погр.№1264
погр.№1265
погр.№1266
погр.№1267
погр.№1268
погр.№1269
погр.№1270
погр.№1271
погр.№1272
погр.№1273
погр.№1274
погр.№1275
погр.№1276
погр.№1277
погр.№1278
погр.№1279
погр.№1280
погр.№1281
погр.№1282
погр.№1283
погр.№1284
погр.№1285
погр.№1286
погр.№1287
погр.№1288
погр.№1289
погр.№1290
погр.№1291
погр.№1292
погр.№1293
погр.№1294
погр.№1295
погр.№1296
погр.№1297
погр.№1298
погр.№1299
погр.№1300
погр.№1301
погр.№1302
погр.№1303
погр.№1304
погр.№1305
погр.№1306
погр.№1307
погр.№1308
погр.№1309
погр.№1310
погр.№1311
погр.№1312
погр.№1313
погр.№1314
погр.№1315
погр.№1316
погр.№1317
погр.№1318
погр.№1319
погр.№1320
погр.№1321
погр.№1322
погр.№1323
погр.№1324
погр.№1325
погр.№1326
погр.№1327
погр.№1328
погр.№1329
погр.№1330
погр.№1331
погр.№1332
погр.№1333
погр.№1334
погр.№1335
погр.№1336
погр.№1337
погр.№1338
погр.№1339
погр.№1340
погр.№1341
погр.№1342
погр.№1343
погр.№1344
погр.№1345
погр.№1346
погр.№1347
погр.№1348
погр.№1349
погр.№1350
погр.№1351
погр.№1352
погр.№1353
погр.№1354
погр.№1355
погр.№1356
погр.№1357
погр.№1358
погр.№1359
погр.№1360
погр.№1361
погр.№1362
погр.№1363
погр.№1364
погр.№1365
погр.№1366
погр.№1367
погр.№1368
погр.№1369
погр.№1370
погр.№1371
погр.№1372
погр.№1373
погр.№1374
погр.№1375
погр.№1376
погр.№1377
погр.№1378
погр.№1379
погр.№1380
погр.№1381
погр.№1382
погр.№1383
погр.№1384
погр.№1385
погр.№1386
погр.№1387
погр.№1388
погр.№1389
погр.№1390
погр.№1391
погр.№1392
погр.№1393
погр.№1394
погр.№1395
погр.№1396
погр.№1397
погр.№1398
погр.№1399
погр.№1400
погр.№1401
погр.№1402
погр.№1403
погр.№1404
погр.№1405
погр.№1406
погр.№1407
погр.№1408
погр.№1409
погр.№1410
погр.№1411
погр.№1412
погр.№1413
погр.№1414
погр.№1415
погр.№1416
погр.№1417
погр.№1418
погр.№1419
погр.№1420
погр.№1421
погр.№1422
погр.№1423
погр.№1424
погр.№1425
погр.№1426
погр.№1427
погр.№1428
погр.№1429
погр.№1430
погр.№1431
погр.№1432
погр.№1433
погр.№1434
погр.№1435
погр.№1436
погр.№1437
погр.№1438
погр.№1439
погр.№1440
погр.№1441
погр.№1442
погр.№1443
погр.№1444
погр.№1445
погр.№1446
погр.№1447
погр.№1448
погр.№1449
погр.№1450
погр.№1451
погр.№1452
погр.№1453
погр.№1454
погр.№1455
погр.№1456
погр.№1457
погр.№1458
погр.№1459
погр.№1460
погр.№1461
погр.№1462
погр.№1463
погр.№1464
погр.№1465
погр.№1466
погр.№1467
погр.№1468
погр.№1469
погр.№1470
погр.№1471
погр.№1472
погр.№1473
погр.№1474
погр.№1475
погр.№1476
погр.№1477
погр.№1478
погр.№1479
погр.№1480
погр.№1481
погр.№1482
погр.№1483
погр.№1484
погр.№1485
погр.№1486
погр.№1487
погр.№1488
погр.№1489
погр.№1490
погр.№1491
погр.№1492
погр.№1493
погр.№1494
погр.№1495
погр.№1496
погр.№1497
погр.№1498
погр.№1499
погр.№1500
погр.№1501
погр.№1502
погр.№1503
погр.№1504
погр.№1505
погр.№1506
погр.№1507
погр.№1508
погр.№1509
погр.№1510
погр.№1511
погр.№1512
погр.№1513
погр.№1514
погр.№1515
погр.№1516
погр.№1517
погр.№1518
погр.№1519
погр.№1520
погр.№1521
погр.№1522
погр.№1523
погр.№1524
погр.№1525
погр.№1526
погр.№1527
погр.№1528
погр.№1529
погр.№1530
погр.№1531
погр.№1532
погр.№1533
погр.№1534
погр.№1535
погр.№1536
погр.№1537
погр.№1538
погр.№1539
погр.№1540
погр.№1541
погр.№1542
погр.№1543
погр.№1544
погр.№1545
погр.№1546
погр.№1547
погр.№1548
погр.№1549
погр.№1550
погр.№1551
погр.№1552
погр.№1553
погр.№1554
погр.№1555
погр.№1556
погр.№1557
погр.№1558
погр.№1559
погр.№1560
погр.№1561
погр.№1562
погр.№1563
погр.№1564
погр.№1565
погр.№1566
погр.№1567
погр.№1568
погр.№1569
погр.№1570
погр.№1571
погр.№1572
погр.№1573
погр.№1574
погр.№1575
погр.№1576
погр.№1577
погр.№1578
погр.№1579
погр.№1580
погр.№1581
погр.№1582
погр.№1583
погр.№1584
погр.№1585
погр.№1586
погр.№1587
погр.№1588
погр.№1589
погр.№1590
погр.№1591
погр.№1592
погр.№1593
погр.№1594
погр.№1595
погр.№1596
погр.№1597
погр.№1598
погр.№1599
погр.№1600
погр.№1601
погр.№1602
погр.№1603
погр.№1604
погр.№1605
погр.№1606
погр.№1607
погр.№1608
погр.№1609
погр.№1610
погр.№1611
погр.№1612
погр.№1613
погр.№1614
погр.№1615
погр.№1616
погр.№1617
погр.№1618
погр.№1619
погр.№1620
погр.№1621
погр.№1622
погр.№1623
погр.№1624
погр.№1625
погр.№1626
погр.№1627
погр.№1628
погр.№1629
погр.№1630
погр.№1631
погр.№1632
погр.№1633
погр.№1634
погр.№1635
погр.№1636
погр.№1637
погр.№1638
погр.№1639
погр.№1640
погр.№1641
погр.№1642
погр.№1643
погр.№1644
погр.№1645
погр.№1646
погр.№1647
погр.№1648
погр.№1649
погр.№1650
погр.№1651
погр.№1652
погр.№1653
погр.№1654
погр.№1655
погр.№1656
погр.№1657
погр.№1658
погр.№1659
погр.№1660
погр.№1661
погр.№1662
погр.№1663
погр.№1664
погр.№1665
погр.№1666
погр.№1667
погр.№1668
погр.№1669
погр.№1670
погр.№1671
погр.№1672
погр.№1673
погр.№1674
погр.№1675
погр.№1676
погр.№1677
погр.№1678
погр.№1679
погр.№1680
погр.№1681
погр.№1682
погр.№1683
погр.№1684
погр.№1685
погр.№1686
погр.№1687
погр.№1688
погр.№1689
погр.№1690
погр.№1691
погр.№1692
погр.№1693
погр.№1694
погр.№1695
погр.№1696
погр.№1697
погр.№1698
погр.№1699
погр.№1700
погр.№1701
погр.№1702
погр.№1703
погр.№1704
погр.№1705
погр.№1706
погр.№1707
погр.№1708
погр.№1709
погр.№1710
погр.№1711
погр.№1712
погр.№1713
погр.№1714
погр.№1715
погр.№1716
погр.№1717
погр.№1718
погр.№1719
погр.№1720
погр.№1721
погр.№1722
погр.№1723
погр.№1724
погр.№1725
погр.№1726
погр.№1727
погр.№1728
погр.№1729
погр.№1730
погр.№1731
погр.№1732
погр.№1733
погр.№1734
погр.№1735
погр.№1736
погр.№1737
погр.№1738
погр.№1739
погр.№1740
погр.№1741
погр.№1742
погр.№1743
погр.№1744
погр.№1745
погр.№1746
погр.№1747
погр.№1748
погр.№1749
погр.№1750
погр.№1751
погр.№1752
погр.№1753
погр.№1754
погр.№1755
погр.№1756
погр.№1757
погр.№1758
погр.№1759
погр.№1760
погр.№1761
погр.№1762
погр.№1763
погр.№1764
погр.№1765
погр.№1766
погр.№1767
погр.№1768
погр.№1769
погр.№1770
погр.№1771
погр.№1772
погр.№1773
погр.№1774
погр.№1775
погр.№1776
погр.№1777
погр.№1778
погр.№1779
погр.№1780
погр.№1781
погр.№1782
погр.№1783
погр.№1784
погр.№1785
погр.№1786
погр.№1787
погр.№1788
погр.№1789
погр.№1790
погр.№1791
погр.№1792
погр.№1793
погр.№1794
погр.№1795
погр.№1796
погр.№1797
погр.№1798
погр.№1799
погр.№1800
погр.№1801
погр.№1802
погр.№1803
погр.№1804
погр.№1805
погр.№1806
погр.№1807
погр.№1808
погр.№1809
погр.№1810
погр.№1811
погр.№1812
погр.№1813
погр.№1814
погр.№1815
погр.№1816
погр.№1817
погр.№1818
погр.№1819
погр.№1820
погр.№1821
погр.№1822
погр.№1823
погр.№1824
погр.№1825
погр.№1826
погр.№1827
погр.№1828
погр.№1829
погр.№1830
погр.№1831
погр.№1832
погр.№1833
погр.№1834
погр.№1835
погр.№1836
погр.№1837
погр.№1838
погр.№1839
погр.№1840
погр.№1841
погр.№1842
погр.№1843
погр.№1844
погр.№1845
погр.№1846
погр.№1847
погр.№1848
погр.№1849
погр.№1850
погр.№1851
погр.№1852
погр.№1853
погр.№1854
погр.№1855
погр.№1856
погр.№1857
погр.№1858
погр.№1859
погр.№1860
погр.№1861
погр.№1862
погр.№1863
погр.№1864
погр.№1865
погр.№1866
погр.№1867
погр.№1868
погр.№1869
погр.№1870
погр.№1871
погр.№1872
погр.№1873
погр.№1874
погр.№1875
погр.№1876
погр.№1877
погр.№1878
погр.№1879
погр.№1880
погр.№1881
погр.№1882
погр.№1883
погр.№1884
погр.№1885
погр.№1886
погр.№1887
погр.№1888
погр.№1889
погр.№1890
погр.№1891
погр.№1892
погр.№1893
погр.№1894
погр.№1895
погр.№1896
погр.№1897
погр.№1898
погр.№1899
погр.№1900
погр.№1901
погр.№1902
погр.№1903
погр.№1904
погр.№1905
погр.№1906
погр.№1907
погр.№1908
погр.№1909
погр.№1910
погр.№1911
погр.№1912
погр.№1913
погр.№1914
погр.№1915
погр.№1916
погр.№1917
погр.№1918
погр.№1919
погр.№1920
погр.№1921
погр.№1922
погр.№1923
погр.№1924
погр.№1925
погр.№1926
погр.№1927
погр.№1928
погр.№1929
погр.№1930
погр.№1931
погр.№1932
погр.№1933
погр.№1934
погр.№1935
погр.№1936
погр.№1937
погр.№1938
погр.№1939
погр.№1940
погр.№1941
погр.№1942
погр.№1943
погр.№1944
погр.№1945
погр.№1946
погр.№1947
погр.№1948
погр.№1949
погр.№1950
погр.№1951
погр.№1952
погр.№1953
погр.№1954
погр.№1955
погр.№1956
погр.№1957
погр.№1958
погр.№1959
погр.№1960
погр.№1961
погр.№1962
погр.№1963
погр.№1964
погр.№1965
погр.№1966
погр.№1967
погр.№1968
погр.№1969
погр.№1970
погр.№1971
погр.№1972
погр.№1973
погр.№1974
погр.№1975
погр.№1976
погр.№1977
погр.№1978
погр.№1979
погр.№1980
погр.№1981
погр.№1982
погр.№1983
погр.№1984
погр.№1985
погр.№1986
погр.№1987
погр.№1988
погр.№1989
погр.№1990
погр.№1991
погр.№1992
погр.№1993
погр.№1994
погр.№1995
погр.№1996
погр.№1997
погр.№1998
погр.№1999
погр.№2000
погр.№2001
погр.№2002
погр.№2003
погр.№2004
погр.№2005
погр.№2006
погр.№2007
погр.№2008
погр.№2009
погр.№2010
погр.№2011
погр.№2012
погр.№2013
погр.№2014
погр.№2015
погр.№2016
погр.№2017
погр.№2018
погр.№2019
погр.№2020
погр.№2021
погр.№2022
погр.№2023
погр.№2024
погр.№2025
погр.№2026
погр.№2027
погр.№2028
погр.№2029
погр.№2030
погр.№2031
погр.№2032
погр.№2033
погр.№2034
погр.№2035
погр.№2036
погр.№2037
погр.№2038
погр.№2039
погр.№2040
погр.№2041
погр.№2042
погр.№2043
погр.№2044
погр.№2045
погр.№2046
погр.№2047
погр.№2048
погр.№2049
погр.№2050
погр.№2051
погр.№2052
погр.№2053
погр.№2054
погр.№2055
погр.№2056
погр.№2057
погр.№2058
погр.№2059
погр.№2060
погр.№2061
погр.№2062
погр.№2063
погр.№2064
погр.№2065
погр.№2066
погр.№2067
погр.№2068
погр.№2069
погр.№2070
погр.№2071
погр.№2072
погр.№2073
погр.№2074
погр.№2075
погр.№2076
погр.№2077
погр.№2078
погр.№2079
погр.№2080
погр.№2081
погр.№2082
погр.№2083
погр.№2084
погр.№2085
погр.№2086
погр.№2087
погр.№2088
погр.№2089
погр.№2090
погр.№2091
погр.№2092
погр.№2093
погр.№2094
погр.№2095
погр.№2096
погр.№2097
погр.№2098
погр.№2099
погр.№2100
погр.№2101
погр.№2102
погр.№2103
погр.№2104
погр.№2105
погр.№2106
погр.№2107
погр.№2108
погр.№2109
погр.№2110
погр.№2111
погр.№2112
погр.№2113
погр.№2114
погр.№2115
погр.№2116
погр.№2117
погр.№2118
погр.№2119
погр.№2120
погр.№2121
погр.№2122
погр.№2123
погр.№2124
погр.№2125
погр.№2126
погр.№2127
погр.№2128
погр.№2129
погр.№2130
погр.№2131
погр.№2132
погр.№2133
погр.№2134
погр.№2135
погр.№2136
погр.№2137
погр.№2138
погр.№2139
погр.№2140
погр.№2141
погр.№2142
погр.№2143
погр.№2144
погр.№2145
погр.№2146
погр.№2147
погр.№2148
погр.№2149
погр.№2150
погр.№2151
погр.№2152
погр.№2153
погр.№2154
погр.№2155
погр.№2156
погр.№2157
погр.№2158
погр.№2159
погр.№2160
погр.№2161
погр.№2162
погр.№2163
погр.№2164
погр.№2165
погр.№2166
погр.№2167
погр.№2168
погр.№2169
погр.№2170
погр.№2171
погр.№2172
погр.№2173
погр.№2174
погр.№2175
погр.№2176
погр.№2177
погр.№2178
погр.№2179
погр.№2180
погр.№2181
погр.№2182
погр.№2183
погр.№2184
погр.№2185
погр.№2186
погр.№2187
погр.№2188
погр.№2189
погр.№2190
погр.№2191
погр.№2192
погр.№2193
погр.№2194
погр.№2195
погр.№2196
погр.№2197
погр.№2198
погр.№2199
погр.№2200
погр.№2201
погр.№2202
погр.№2203
погр.№2204
погр.№2205
погр.№2206
погр.№2207
погр.№2208
погр.№2209
погр.№2210
погр.№2211
погр.№2212
погр.№2213
погр.№2214
погр.№2215
погр.№2216
погр.№2217
погр.№2218
погр.№2219
погр.№2220
погр.№2221
погр.№2222
погр.№2223
погр.№2224
погр.№2225
погр.№2226
погр.№2227
погр.№2228
погр.№2229
погр.№2230
погр.№2231
погр.№2232
погр.№2233
погр.№2234
погр.№2235
погр.№2236
погр.№2237
погр.№2238
погр.№2239
погр.№2240
погр.№2241
погр.№2242
погр.№2243
погр.№2244
погр.№2245
погр.№2246
погр.№2247
погр.№2248
погр.№2249
погр.№2250
погр.№2251
погр.№2252
погр.№2253
погр.№2254
погр.№2255
погр.№2256
погр.№2257
погр.№2258
погр.№2259
погр.№2260
погр.№2261
погр.№2262
погр.№2263
погр.№2264
погр.№2265
погр.№2266
погр.№2267
погр.№2268
погр.№2269
погр.№2270
погр.№2271
погр.№2272
погр.№2273
погр.№2274
погр.№2275
погр.№2276
погр.№2277
погр.№2278
погр.№2279
погр.№2280
погр.№2281
погр.№2282
погр.№2283
погр.№2284
погр.№2285
погр.№2286
погр.№2287
погр.№2288
погр.№2289
погр.№2290
погр.№2291
погр.№2292
погр.№2293
погр.№2294
погр.№2295
погр.№2296
погр.№2297
погр.№2298
погр.№2299
погр.№2300
погр.№2301
погр.№2302
погр.№2303
погр.№2304
погр.№2305
погр.№2306
погр.№2307
погр.№2308
погр.№2309
погр.№2310
погр.№2311
погр.№2312
погр.№2313
погр.№2314
погр.№2315
погр.№2316
погр.№2317
погр.№2318
погр.№2319
погр.№2320
погр.№2321
погр.№2322
погр.№2323
погр.№2324
погр.№2325
погр.№2326
погр.№2327
погр.№2328
погр.№2329
погр.№2330
погр.№2331
погр.№2332
погр.№2333
погр.№2334
погр.№2335
погр.№2336
погр.№2337
погр.№2338
погр.№2339
погр.№2340
погр.№2341
погр.№2342
погр.№2343
погр.№2344
погр.№2345
погр.№2346
погр.№2347
погр.№2348
погр.№2349
погр.№2350
погр.№2351
погр.№2352
погр.№2353
погр.№2354
погр.№2355
погр.№2356
погр.№2357
погр.№2358
погр.№2359
погр.№2360
погр.№2361
погр.№2362
погр.№2363
погр.№2364
погр.№2365
погр.№2366
погр.№2367
погр.№2368
погр.№2369
погр.№2370
погр.№2371
погр.№2372
погр.№2373
погр.№2374
погр.№2375
погр.№2376
погр.№2377
погр.№2378
погр.№2379
погр.№2380
погр.№2381
погр.№2382
погр.№2383
погр.№2384
погр.№2385
погр.№2386
погр.№2387
погр.№2388
погр.№2389
погр.№2390
погр.№2391
погр.№2392
погр.№2393
погр.№2394
погр.№2395
погр.№2396
погр.№2397
погр.№2398
погр.№2399
погр.№2400
погр.№2401
погр.№2402
погр.№2403
погр.№2404
пог

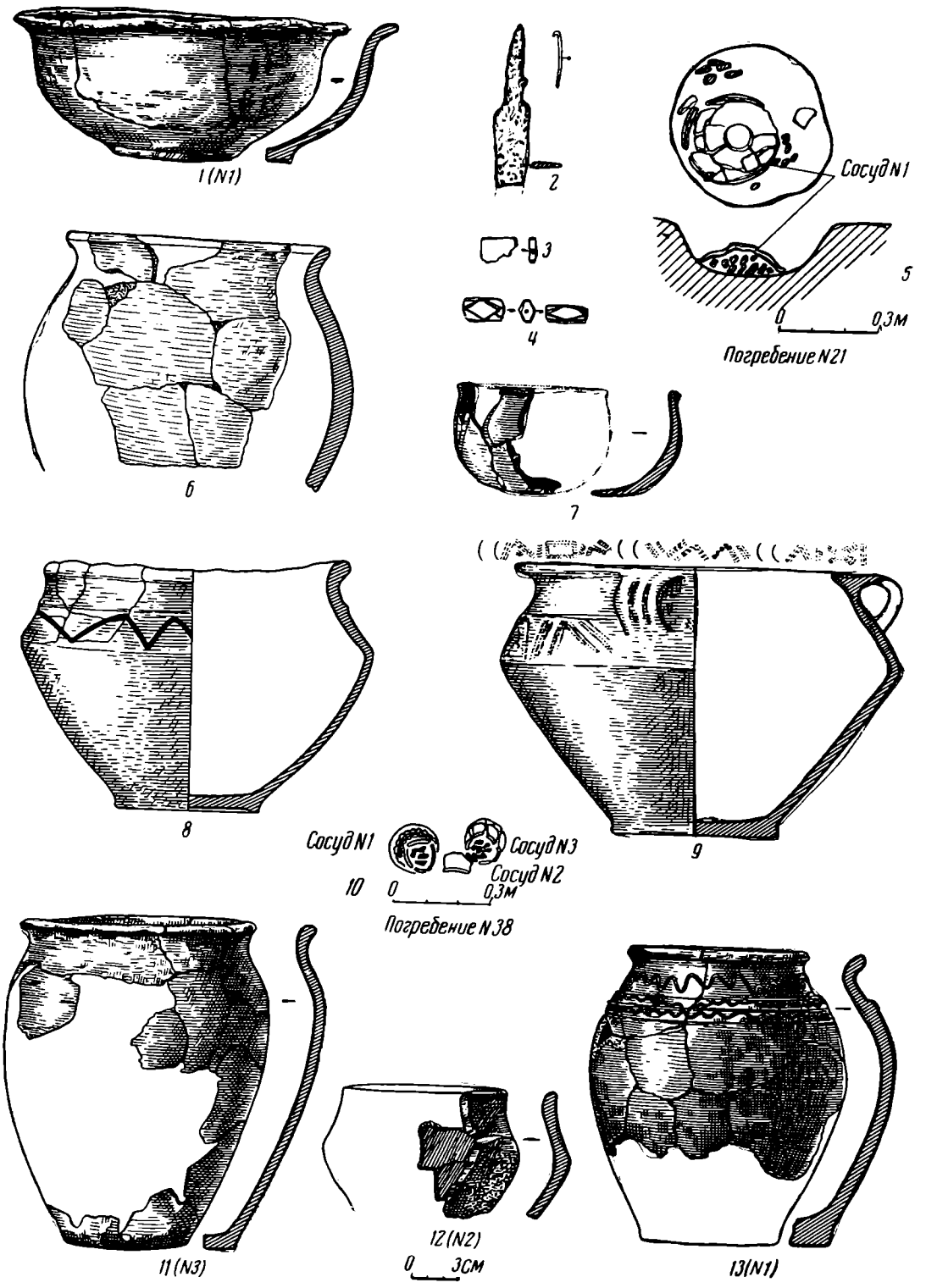

Рис. 2. Комплексы вещей из погр. № 21, 38 из Каменского могильника

В скобках даны номера сосудов, показанные на планах погребений

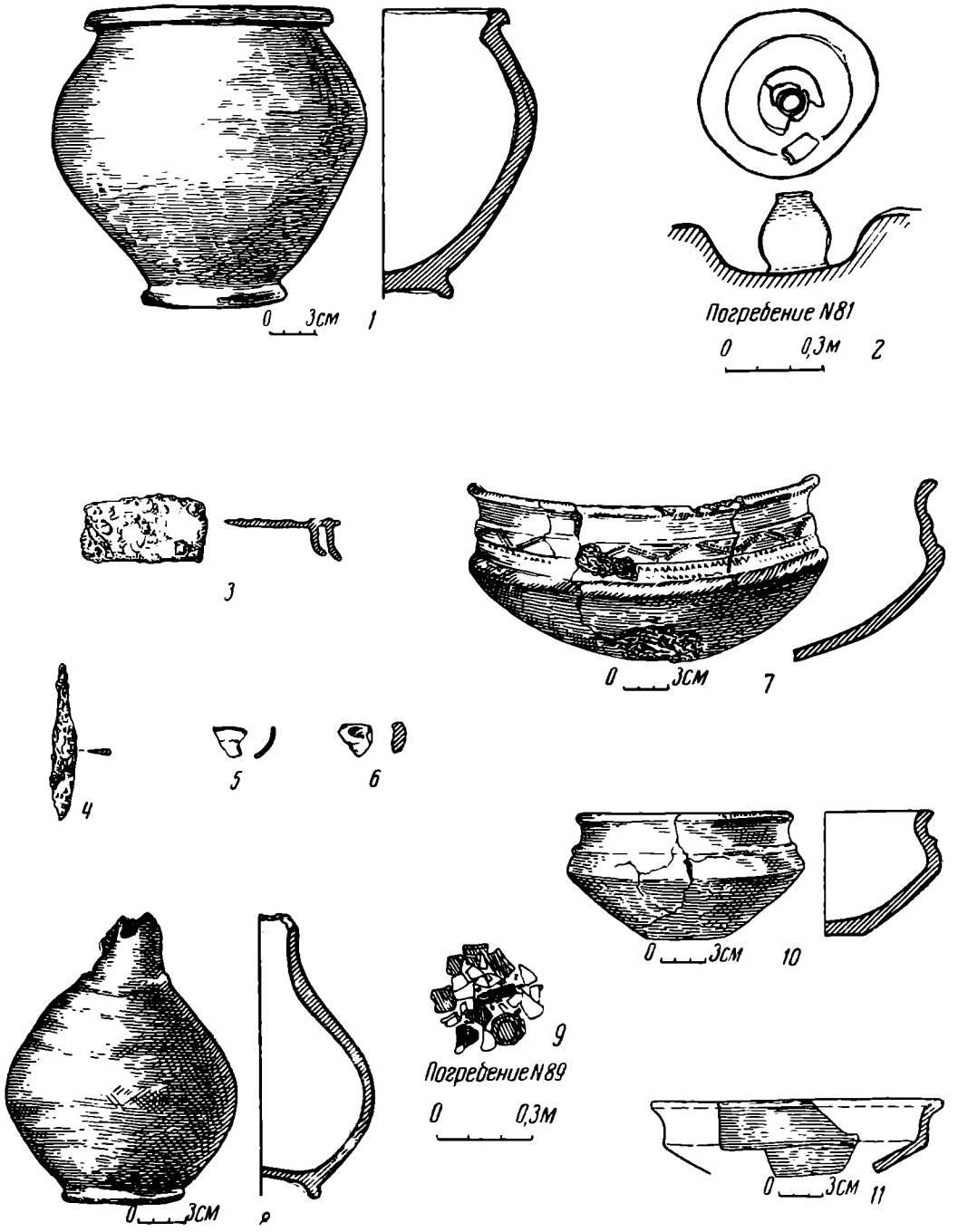

Рис. 3. Комплексы вещей из погр. № 81 и 89 Каменского могильника

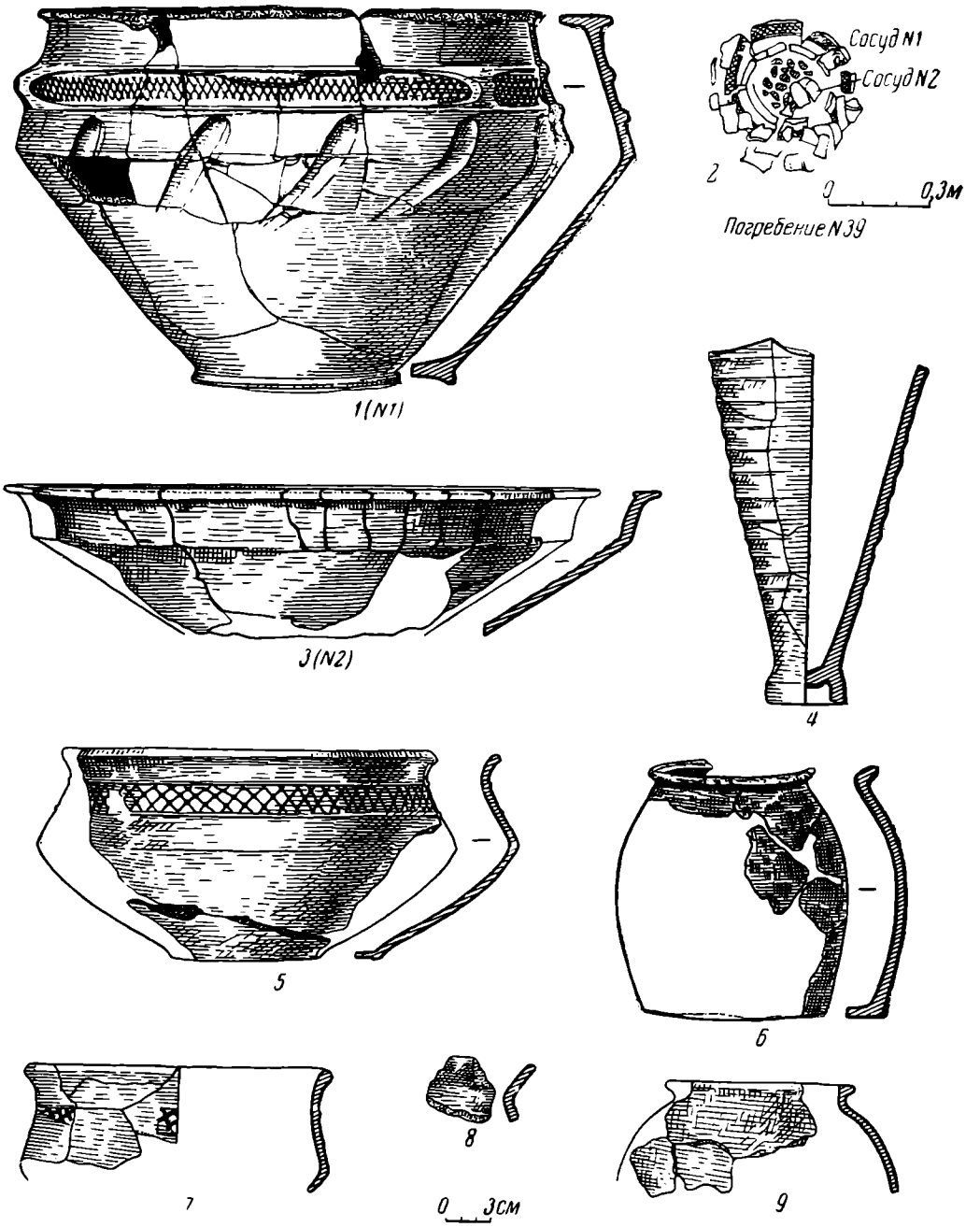

Рис. 4. Комплекс вещей из погр. № 39 Каменского могильника

В скобках даны номера сосудов, показанные на плане погребения

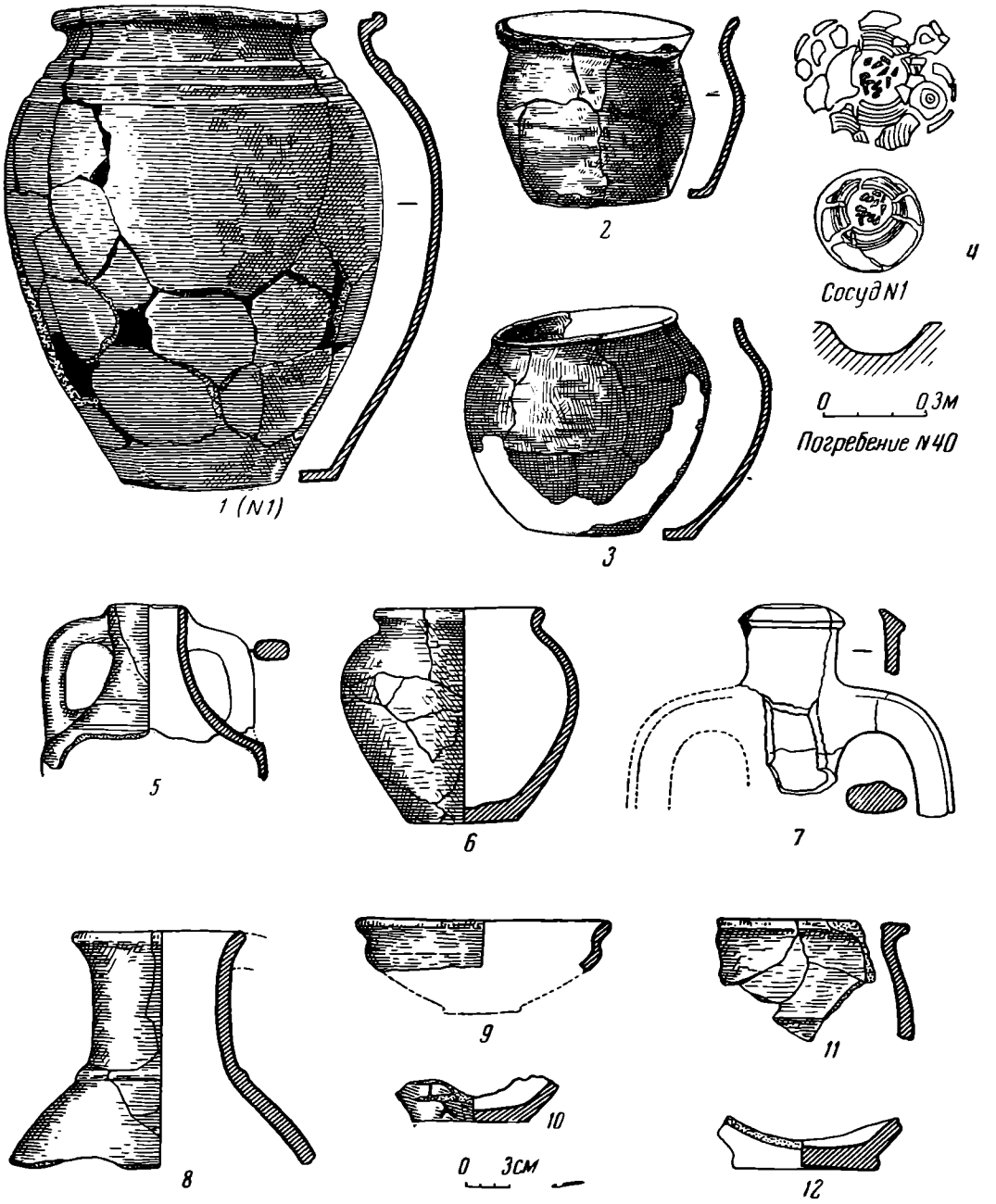

Рис. 5. Комплекс вещей из погр. № 40 Каменского могильника

В скобках дан номер сосуда, показанный на плане погребения

керамики (рис. 5, *2*, *5*, *6*, *8—12*), в том числе верхняя часть узкогорлой амфоры (рис. 5, *7*).

Погребение № 38 (рис. 2, *10*). Кальцинированные кости сложены в два рядом поставленных горшка. Один лепной (рис. 2, *11*), другой, украшенный по плечикам врезанными волнистыми линиями, изготовлен на круге (рис. 2, *13*). Обломок биконического горшочка, лежавший возле них, служил, вероятно, крышкой (рис. 2, *12*).

Погребение № 49 (рис. 6, *2*). Кости, повидимому, принадлежавшие ребенку, сложены в два рядом стоящих грубых горшка, изготовленных на круге (рис. 6, *1*, *3*). Их накрывали: тонкостенная гончарная желтоглиняная миска (рис. 6, *6*) и обломок нижней части гончарной сероглиняной миски (рис 6, *7*). В первом горшке находилась сердоликовая бусина (рис. 6, *12*).

Погребение № 66 (рис. 6, *14*). Пережженные кости взрослого человека были сложены в тонкостенный сероглиняный гончарный горшок (рис. 6, *4*). Сбоку в горшке пробито отверстие. Горшок накрывал большой обломок трехручной сероглиняной гончарной миски (рис. 6, *13*). В урне найдены бусы из сердолика (рис. 6, *8—11*) и обломки бронзовой арбалетной фибулы подвязного типа с многовитковой пружиной на железной оси (рис. 6, *5*).

Кроме того, остатки разрушенных погребений с трупосожжениями найдены в могильной яме средневекового погребения № 9 в квадрате 10 БВ (рис. 1, рис. 7,*1—5а—б*, *9*) и в квадрате *2Е* (рис. 1, рис. 7, *5*, *8*, *15*).

ПОГРЕБЕНИЕ С ТРУПОПОЛОЖЕНИЕМ

Погребение № 6 (рис. 8, *10*). Погребение с трупоположением обнаружено на глубине 1,75 м. Скелет годовалого младенца лежал в обширной овальной яме, ближе к ее западной стене. Он ориентирован головой на север. Поза вытянутая. На плечах младенца найдены две бронзовые арбалетные фибулы подвязного типа с железной осью пружины (рис. 8, *2*, *3*) и синяя стеклянная бусина округлой формы. Прочий сопровождающий инвентарь составляли лепные (рис. 8, *1*, *4*) и гончарные сосуды (рис. 8, *5—7*, *9*) и несколько костей овцы. Над грудью погребенного после присыпки его землей поставили гончарную миску с Х-образными ручками, положили в нее сероглиняный кубок (рис. 8, *11*, *8 а*, *б*) и бросили в яму горсть углей. Отдельные находки из культурного слоя дополняют в какой-то мере материалы комплексов (рис. 7, *6*, *7*, *10—14*, *16—20*).

2

Открытый в 1952 г. могильник у овчарни совхоза Приднепровского занимает площадку на первой надпойменной террасе в 80—100 м от речки Пидпильной. Площадка переходит в глинистый каменистый склон. Глина, смываемая с этого склона, откладывается на площади, занятой могильником. В культурном слое, главным образом, в южной части раскопанной площади, помимо находок начала нашей эры, имеются отдельные вещи эпохи бронзы и скифского времени. К этим эпохам можно отнести некоторые ямы, обнаруженные на территории могильника.

Погребения первых веков н. э. располагаются бессистемно, но довольно кучно, на расстоянии примерно от 1 до 3 м одно от другого (рис. 9). Из 26 вскрытых погребений 16 трупосожжений и 10 трупоположений.

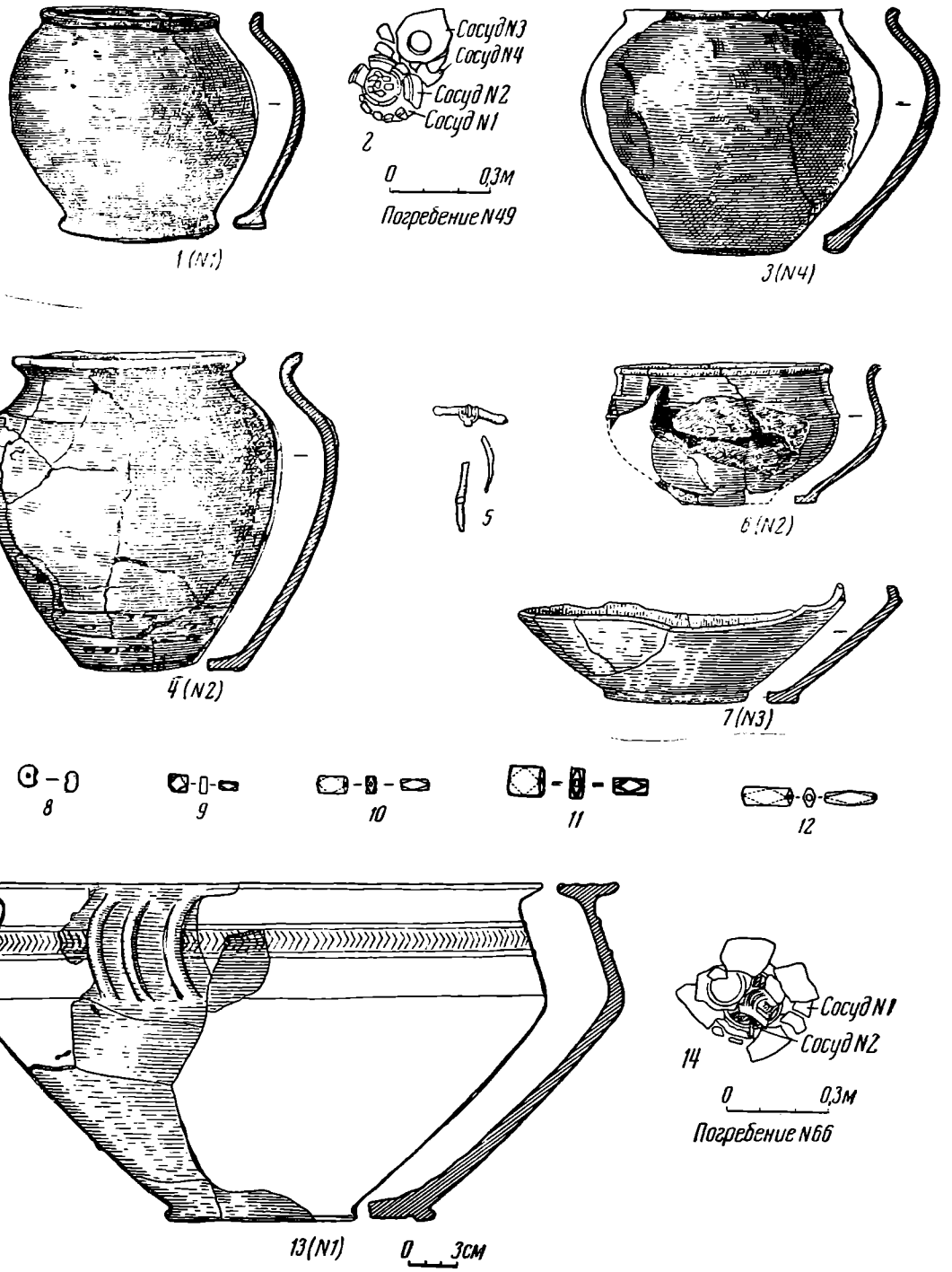

Рис. 6. Комплекс вещей из погр. № 49 и 66 Каменского могильника

В скобках даны номера сосудов, показанные на планах погребений

Рис. 7. Вещи из культурного слоя и потревоженных погребений с трупосожжениями Каменского могильника

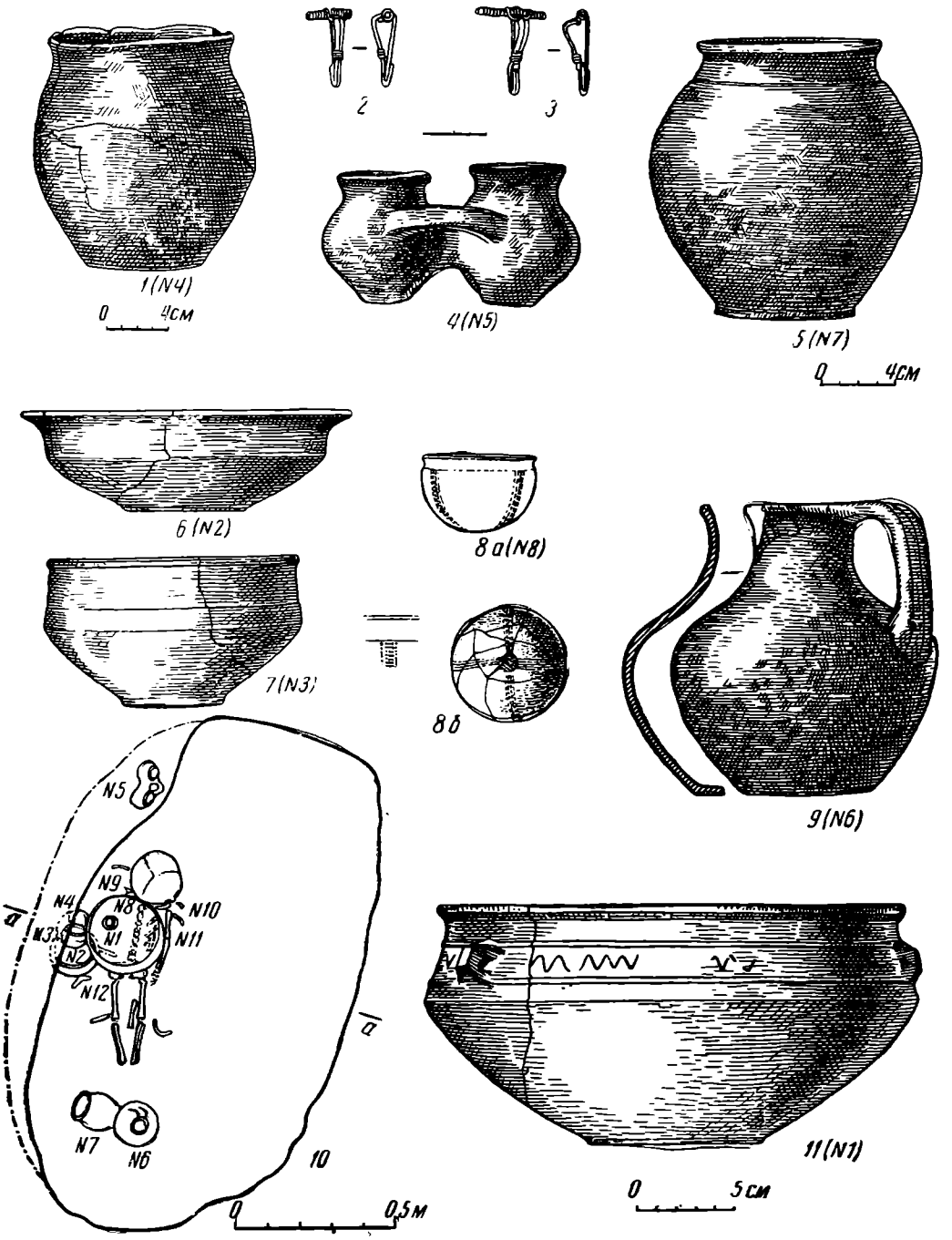

Рис. 8. Комплекс вещей из погр. № 6 Каменского могильника

В скобках даны номера сосудов, показанные на плане погребения
№ 1— № 8— глиняные сосуды; № 9 и № 10 — бронзовые фибулы с железной осью пружины; № 11 — стеклянная бусина; № 12— кости барана

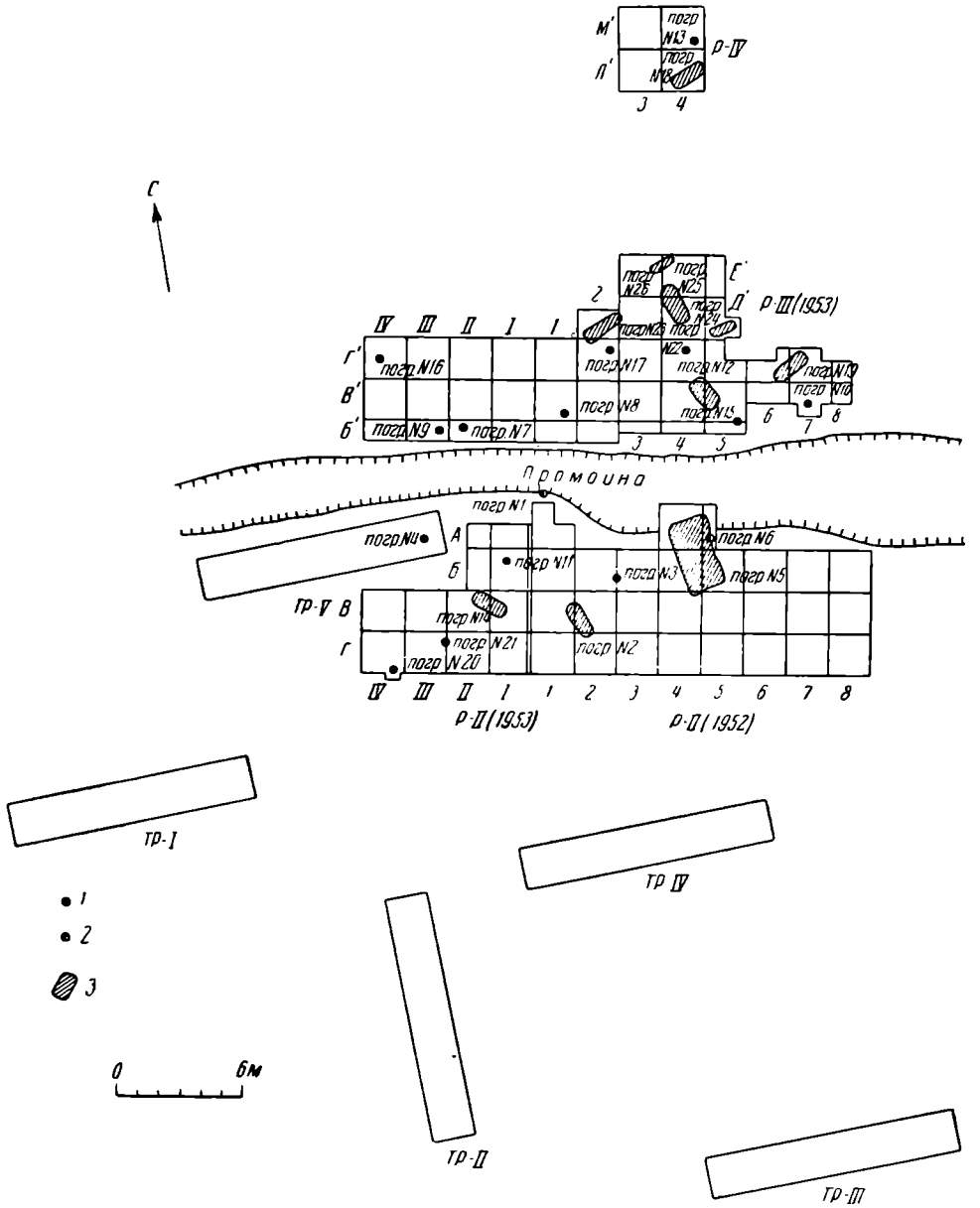

Рис. 9. План могильника черняховской культуры у овчарни совхоза Приднепровского (в районе с. Гавриловки)

1— трупосожжение; *2*— потревоженное трупосожжение; *3* — трупоположение

Глубина погребений с трупосожжениями от 0,40 до 1,10 м. Трупосожжения имеют следующие разновидности обряда:

а) кальцинированные кости в ямке, накрытые сосудом или обломками сосудов (погр. *№ 8, 22*);

б) погребения костей в урне или в сосуде, поставленном в другой сосуд, причем в ямку иногда брошены обломки керамики (погр. *№ 1, 3, 4, 7, 13, 15, 17, 21*);

в) кости ссыпаны в ямку с отдельными поврежденными огнем вещами и обломками посуды (погр. *№ 6, 9, 10, 11, 16, 20*).

Трупоположения, как правило, захоронены глубже и могут быть разбиты на две подгруппы:

а) погребения с северной ориентировкой (погр. *№ 2, 12, 14, 26, 5*);

б) погребения с западной ориентировкой (погр. *№ 23, 19, 18, 25, 24*).

ПОГРЕБЕНИЯ С ТРУПОСОЖЖЕНИЯМИ ПОДГРУППЫ «А»

Погребение № 8. Кальцинированные кости накрывали обломки лепного горшка (рис. 10, *2*) и гончарной миски. Среди костей найдены обломок стенки стеклянного сосуда, оплавленные стеклянные чечевицеобразные жетоны (рис. 13, *а, 11*) и железный нож (рис. 13, *14*).

Погребение № 22. Кучку костей накрывал обломок лепной миски (табл. 10, *8*).

ПОГРЕБЕНИЯ С ТРУПОСОЖЖЕНИЯМИ ПОДГРУППЫ «Б»

Погребение № 1. Потревоженное погребение обнаружено в обрыве правого берега современной промоины. В земле сохранилась нижняя часть гончарного сосуда, содержащего кальцинированные кости (рис. 11, *16*).

Погребение № 3. В лепном горшке (рис. 11, *12*) найдена миниатюрная желтоглиняная гончарная мисочка, наполненная пережженными костями младенца (рис. 11, *13*). Среди костей найдена сердоликовая бусина (рис. 14, *12*). Кроме того, в лепном горшке находились обломки гончарного кубка (рис. 11, *14*) и биконической лощеной миски (рис. 11, *15*).

Погребение № 4. В округлой ямке обнаружен гончарный лощеный кувшин с обломанной ручкой (рис. 11, *18*), наполненный костями. Среди костей найдены обломки тонкостенного гончарного кубка (рис. 11, *17*) и фрагмент костяного гребня из пластинок, скрепленных железными гвоздиками (рис. 14, *11*).

Погребение № 7. В большом гончарном сероглиняном лощеном сосуде с широкой каннелированной ручкой находились кости взрослого человека (рис. 12, *11*). На них была поставлена лепная миска (рис. 12, *15*) и брошены обломки лепного горшка (рис. 10, *1*). Обломки стенок, повидимому, от этого горшка покрыты неровными округлыми вдавлениями, сделанными палочкой (рис. 10, *15*). Среди костей найдено железное колечко (?) и обломок костяного гребня.

Погребение № 13. Кости ребенка в обломке тонкостенного гончарного горшка (рис. 10, *11*). В ямку с погребением были брошены мелкие обломки сосудов, изготовленных на круге.

Погребение № 15. Кости взрослого человека сложены в тонкостенный гончарный кубок, украшенный штампованным орнаментом (рис. 10, *9*), и рассыпаны вокруг сосуда. Погребение накрыто днищем красноглиняного лощеного сосуда (рис. 10, *13*) и обломками сероглиняной биконической миски (рис. 10, *12*). В погребении также найдены и другие обломки гончарной посуды.

Погребение № 17. Кости в сероглиняном гончарном горшке (рис. 10, *14*), накрытом обломком гончарной миски (рис. 10, *10*). Кроме того, в могильной яме было еще несколько обломков сосудов, изготовленных на круге.

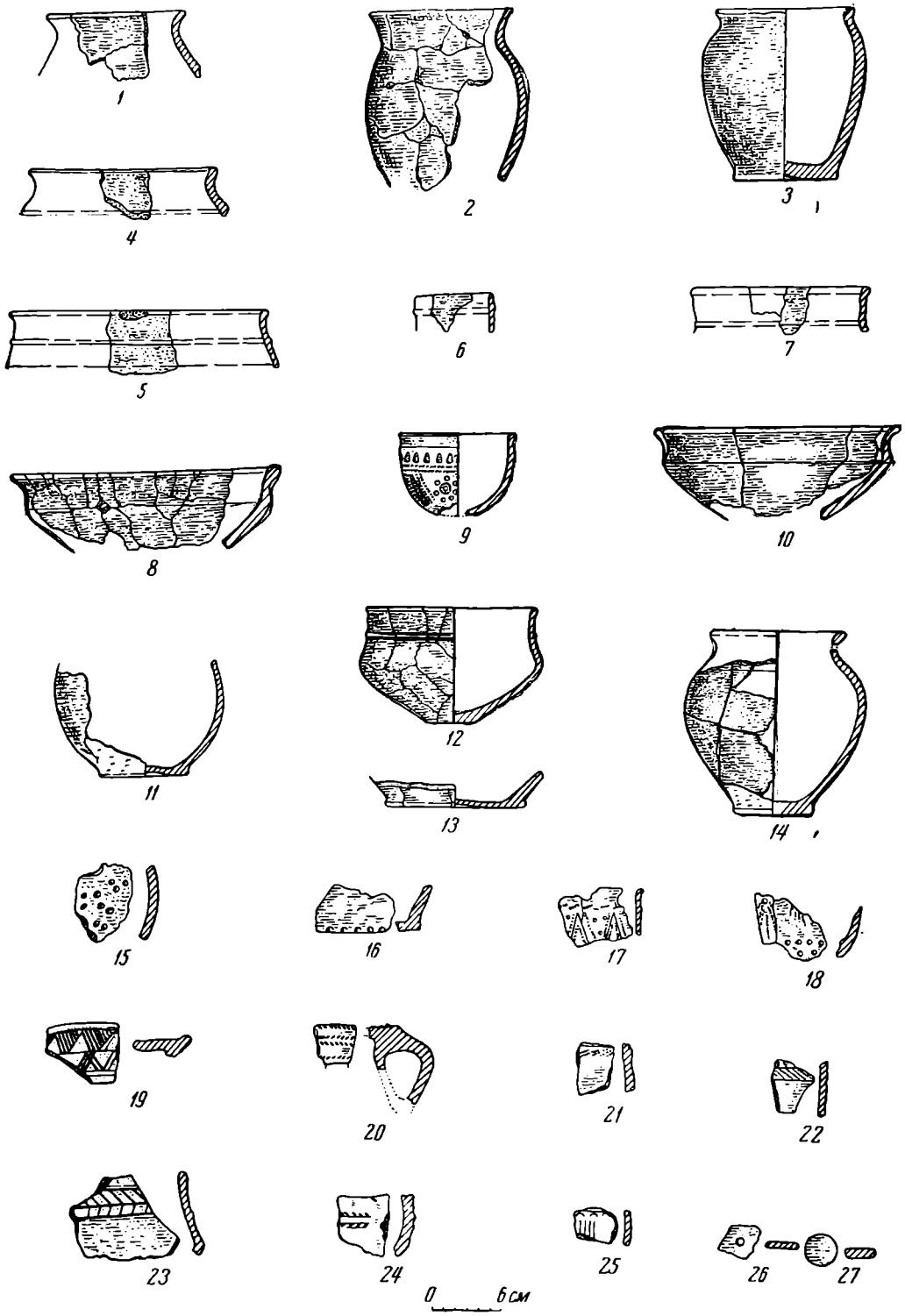

Рис. 10. Глиняная посуда из погребений и из культурного слоя могильника у овчарни совхоза Приднепровского

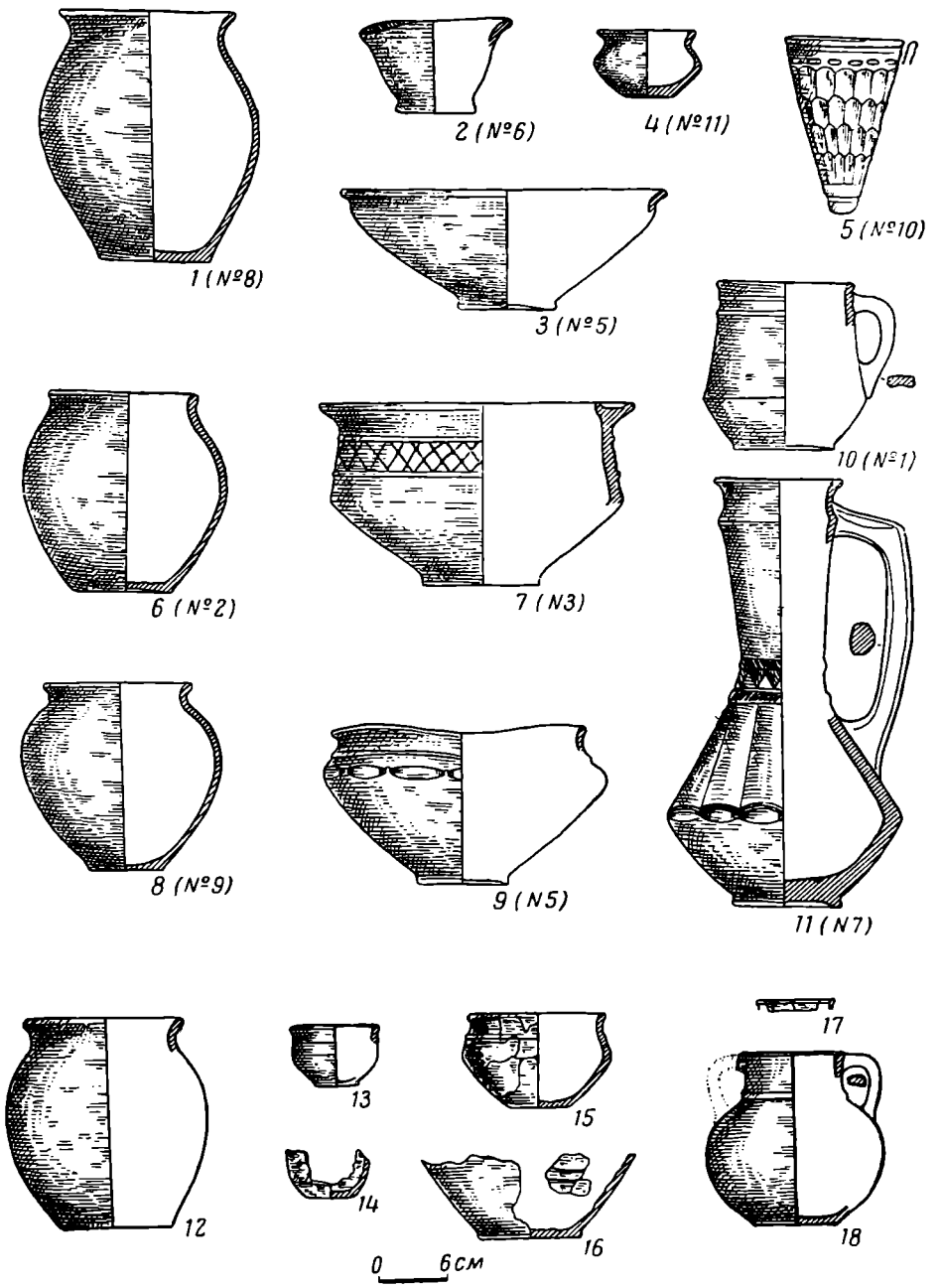

Рис. 11. Глиняная посуда и стеклянный кубок из погребений могильника у овчарни совхоза Приднепровского (погр. № 5—*1—11*; погр. № 1—*16*; погр. № 3—*12—15*; погр. № 4—*17*, *18*)

В скобках на рисунке даны номера сосудов, показанные на планах погребения (см. рис. 15)

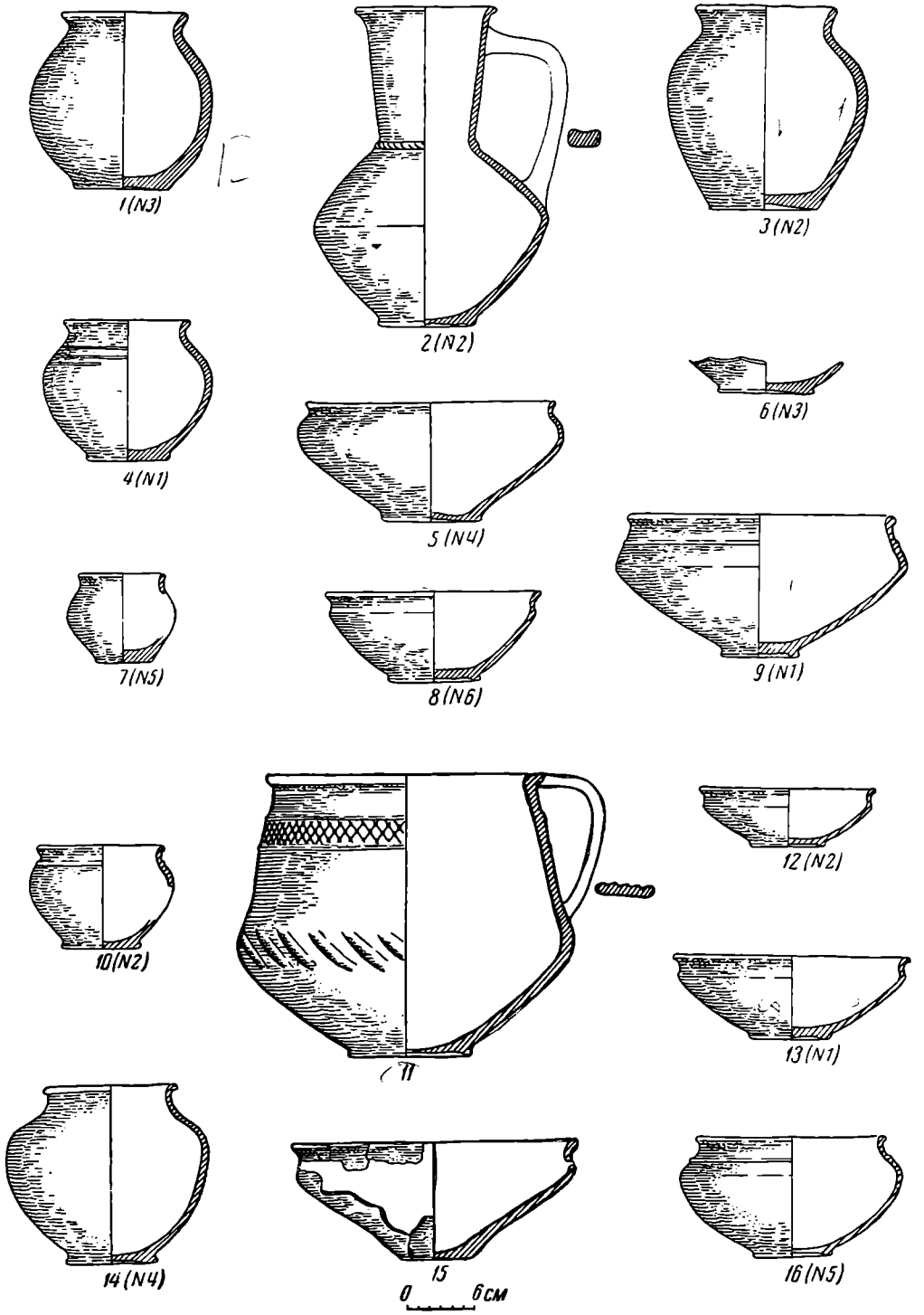

Рис. 12. Глиняная посуда из погребений могильника у овчарни совхоза Приднепровского (погр. № 7—*11*, *15*, погр. № 12—*1*, *2*, *4*, *5*, *7*, *8*; погр. № 14—*3*, *6*, *9*; погр. № 26—*10*, *12*, *13*, *14*, *16*)

В скобках на рисунке даны номера сосудов, показанные на планах погребения (см. рис. 15)

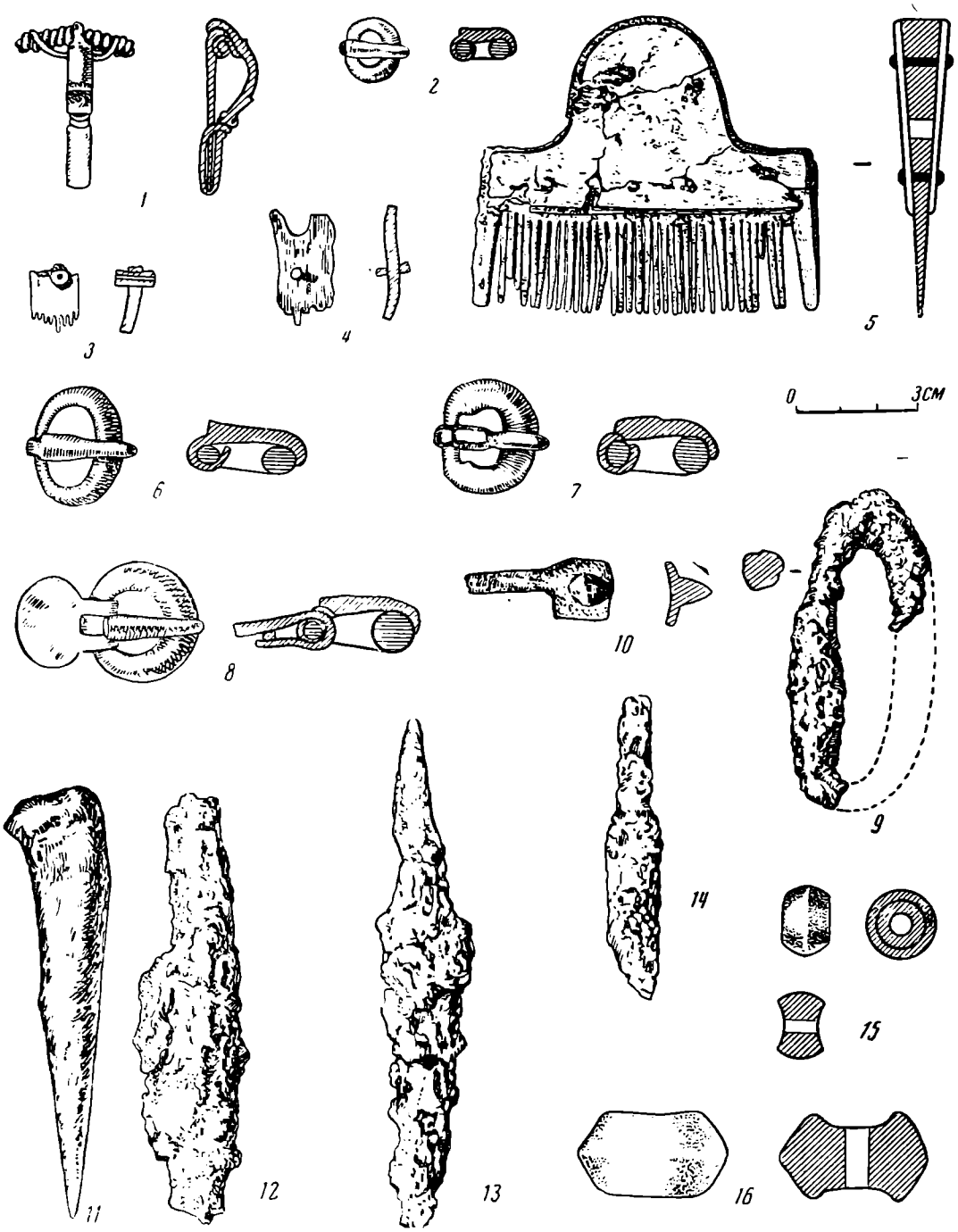

Рис. 13. Вещи из погребений и культурного слоя могильника у овчарни совхоза Приднепровского

Погребение № 21. В лепной горшок сложены кости (рис. 10, *3*). Среди костей найдены обломки костяного многочастного гребня, скрепленного железными гвоздиками (рис. 13, *4*), и стеклянная оплавленная

Рис. 13*а*. Вещи из погребений и культурного слоя могильника у овчарни совхоза Приднепровского

округлая бусина (рис. 13, *а*, *1*). В яме с погребением было 5 лепных и 36 гончарных обломков керамики. Погребение, повидимому, детское.

ПОГРЕБЕНИЯ С ТРУПОСОЖЖЕНИЯМИ ПОДГРУППЫ «В»

Погребение № 6. Погребение с трупосожжением, повидимому, потревожено при рытье могильной ямы для трупоположения. Среди скопления небольшого количества пережженных костей находились обломки лепного горшка (рис. 10, *4*), гончарной биконической миски (рис. 10, *5*) и кувшина (?) (рис. 10, *6*).

Здесь же найдена бронзовая арбалетная фибула подвязного типа с железной осью пружины (рис. 14, *10*).

Погребение № 9. Кучка костей, среди которых находился один обломок стенки лепного сосуда.

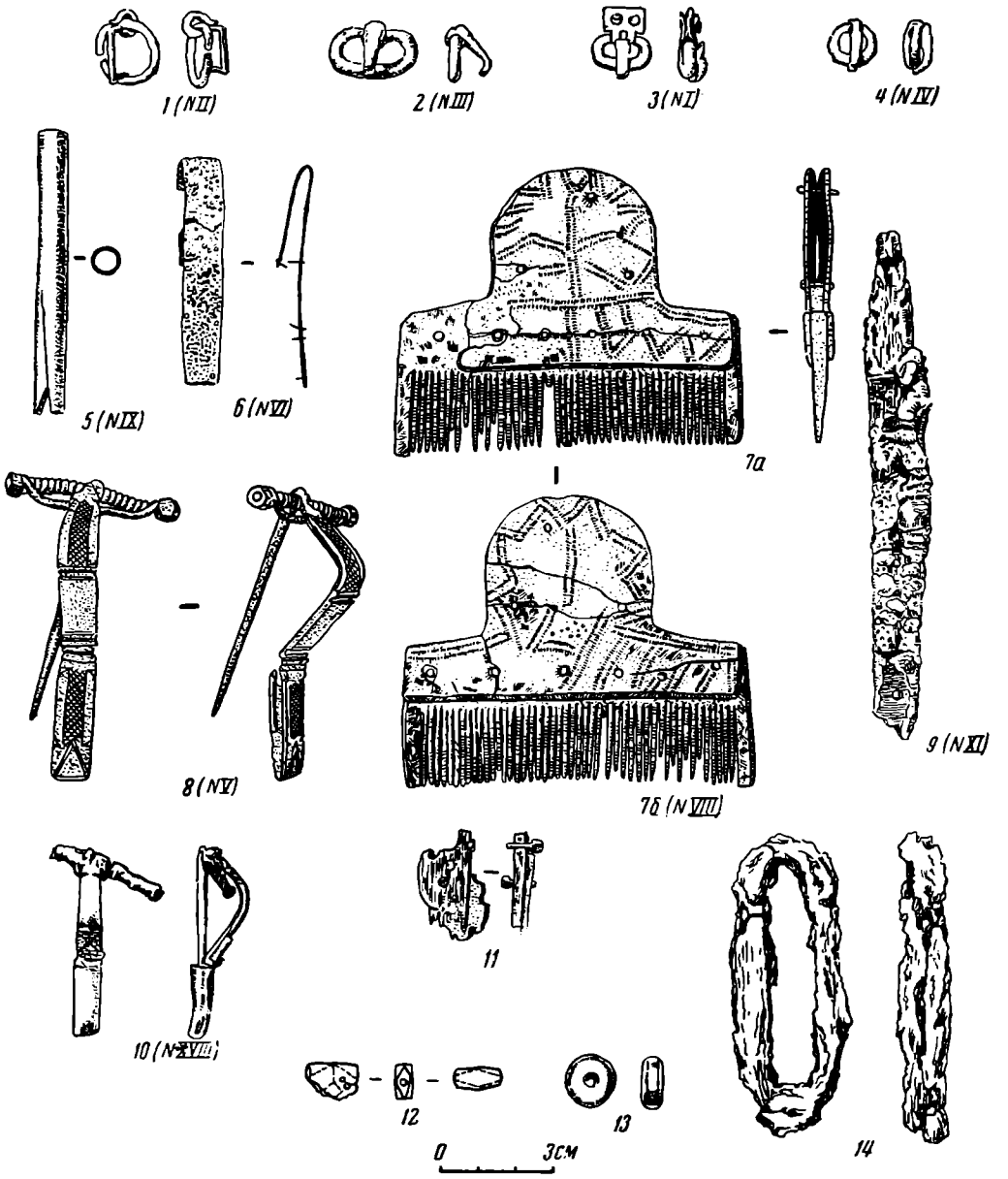

Рис. 14. Вещи из погребений могильника у овчарни совхоза Приднепровского (погр. № 2—*13* и *14*; погр. № 3—*12*; погр. № 4—*11*; погр. № 5—*1*—*9*; погр. № 6—*10*)

В скобках на рисунке даны номера вещей, показанные в плане погребения (см. рис. 16)

Погребение № 10. Скопление костей взрослого человека, среди которых найдены три обломка гончарной посуды. Один обломок принадлежал кубку, орнаментированному пунктирными линиями и округлыми ямками (рис. 10, *18*). Также обнаружены обломки костяного многочастного гребня, скрепленного цилиндрическими бронзовыми трубочками (рис. 13, *3*), и поврежденный железный нож (рис. 13, *12*).

Погребение № 11. Кальцинированные кости взрослого человека перемешаны с обломками керамики. Три обломка от лепных сосудов и 17 от гончарных, из них восемь амфорных.

Погребение № 16. В ямку ссыпаны пережженные кости взрослого человека и 18 мелких обломков стенок гончарных сосудов.

Погребение № 20. Кальцинированные кости взрослого человека без вещей.

ПОГРЕБЕНИЯ С ТРУПОПОЛОЖЕНИЯМИ ПОДГРУППЫ «А»

Погребение № 2 (рис. 15, *1*). В овальной узкой яме найден скелет женщины (?), закиданный камнями. Он ориентирован головой на север, лицо повернуто в западную сторону, лежал на спине, в вытянутой позе. Возле правого колена обнаружены обломки железного ножа, у локтя левой руки находилось овальное железное кресало (рис. 14, *14*), у другого локтя найдена янтарная бусина (рис. 14, *13*).

Погребение № 12 (рис. 15, *2*). Костяк подростка лежал возле западной стенки прямоугольной могильной ямы. Он ориентирован головой на северо-запад, лицо обращено в западную сторону, лежал на спине, с вытянутыми ногами. Левая рука согнута в локте, и кисть ее лежала на тазовых костях. Правая вытянута вдоль туловища.

Возле теменных костей найдена бронзовая арбалетная фибула подвязного типа с железной осью пружины (рис. 13, *1*), на тазовых костях бронзовая поясная пряжка (рис. 13, *2*), у конца ребер справа многочастный костяной гребень, скрепленный железными гвоздиками (рис. 13, *5*). Здесь же собраны отдельные угольки. Между бедрами лежали кости молодой овцы. Сосуды, сопровождавшие погребение, располагались слева (5 шт.) и один был поставлен в ногах. За исключением одного лепного горшка (рис. 12, *1*), остальные сосуды изготовлены на круге (рис. 12, *2*, *4*, *5*, *7*, *8*), причем только лепной горшок и сероглиняный гончарный, украшенный по плечикам врезанными линиями, не покрыты лощением.

Погребение № 14 (рис. 15, *3*). Скелет мужчины 35—45 лет лежал в овальной яме с камнями над верхней частью туловища; ориентирован головой на северо-запад, с лицом, повернутым на запад; лежал на спине, в вытянутой позе. Справа у лица и на плече найдены кости курицы. У левого плеча найден железный нож (рис. 13, *13*), у локтя железное кресало (рис. 13, *9*). У шеи найдены два округлых обломка железных предметов, со следами бронзы на одном из них. Справа, у головы и у локтя, были расставлены: лепной горшок (рис. 12, *3*), обломок дна гончарной миски (?), служивший чем-то вроде тарелки (рис. 12, *6*), и большая биконическая гончарная миска (рис. 12, *9*).

Погребение № 25 (рис. 15, *4*). Скелет мужчины 35—40 лет лежал вдоль восточной стенки ямы неправильно овальных очертаний. Ориентирован головой на северо-запад, лицо обращено на запад, лежал на спине, в вытянутой позе. Правое бедро деформировано болезнью у верхнего эпифиза, где образовалось утолщение. На тазовых костях лежала бронзовая пряжка (рис. 13, *7*). Справа у предплечья найдены обломки железного предмета, возможно, остатки ножа, воткнутого в кусок мяса коровы.

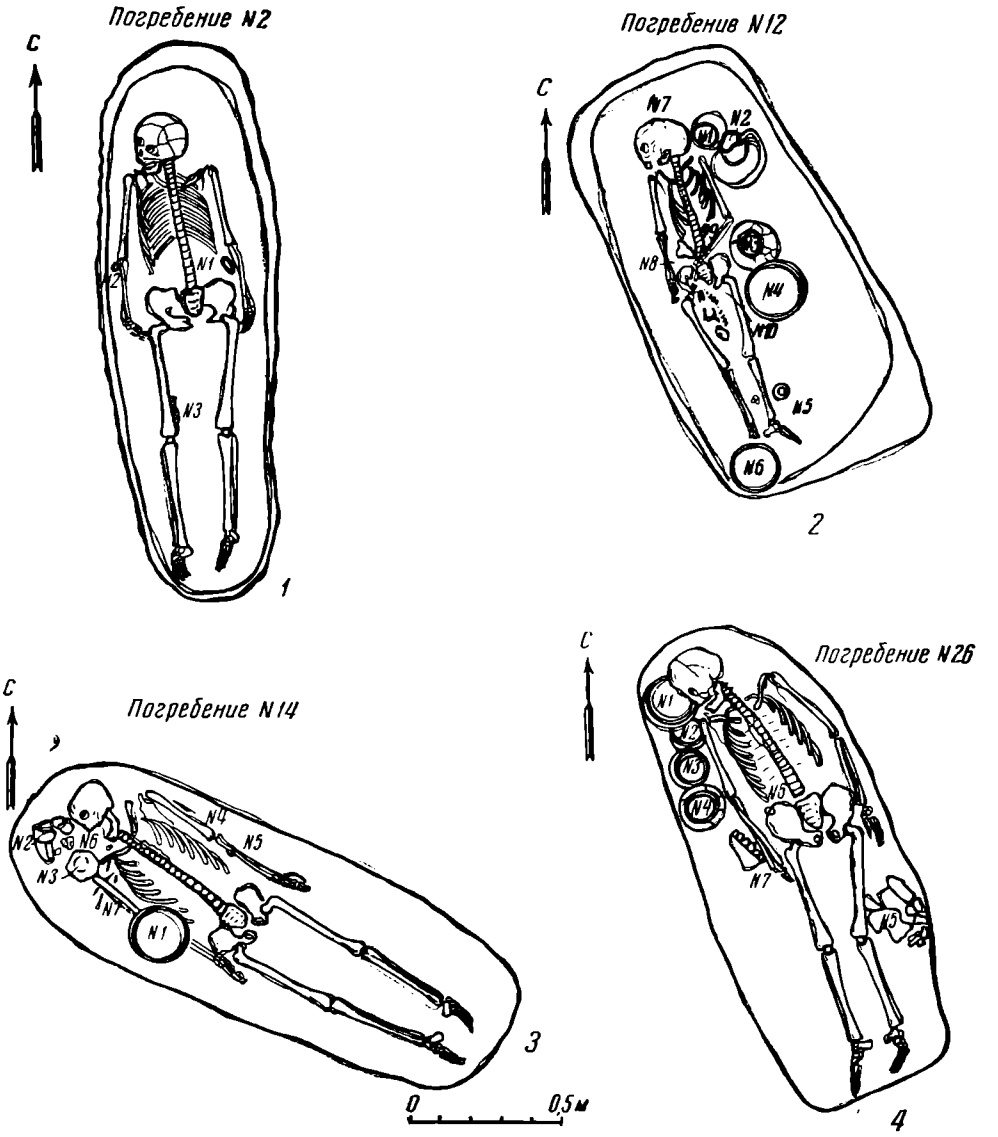

Рис. 15. Планы погребений № 2, 12, 14, 26 могильника у овчарни совхоза Приднепровского

Погр. № 2: *№ 1*— железное кресало, *№ 2* — янтарная бусина, *№ 3*— железный нож (?); погр. № 12: *№ 1—6*— глиняные сосуды, *№ 7*— бронзовая фибула, *№ 8*— костяной гребень, *№ 9* — бронзовая пряжка, *№ 10*— кости животного; погр. № 14: *№ 1—3* — глиняные сосуды, *№ 4* — железный нож, *№ 5*— железное кресало, *№ 6*— обломок железной поделки, *№ 7* — птичьи кости. погр. № 26: *№ 1—5*— глиняные сосуды, *№ 6*— бронзовая пряжка, *№ 7*— челюсть животного

Сопровождающие сосуды стояли справа в ряд от головы до локтя (4 шт.), и один находился слева у колена. Все сосуды изготовлены на круге. Справа два горшка и две миски (рис. 12, *10*, *12*, *13*, *14*), слева миска (рис. 12, *16*). За исключением сероглиняного горшка, в стенке которого пробито было в древности отверстие (рис. 12, *14*), все сосуды покрыты лощением.

Погребение № 5 (рис. 16). В яме с заплечиками была устроена камера, облицованная и перекрытая деревянными плахами. На земляном полу камеры по длинной ее оси с севера на юг было расставлено 11 сосудов. На них лежал скелет, оказавшийся от давления земли как бы нанизанным на некоторые из сосудов. Череп откатился и лежал на полу камеры отдельно от нижней челюсти. Погребен был молодой мужчина 20—25 лет. Ориентирован костяк головой на север, лежал на спине, в вытянутой позе. На груди лежала горсть углей, костяная трубочка, игольник (рис. 14, *5*) и остатки шила (?). Справа на груди найдена большая и своеобразная бронзовая арбалетная фибула подвязного типа с железной осью многовитковой пружины. Она украшена поперечными выступами и врезанной сеткой (рис. 14, *8*). Слева у плеча, на тазовых костях и на ступнях ног найдены четыре бронзовые пряжки (рис. 14, *1—4*). Слева, возле сосуда, в изголовье, были остатки деревянного предмета, от которого уцелели две обоймы из белого металла (рис. 14, *6*). Справа у плеча, на полу лежал гребень из костяных пластинок, скрепленных бронзовыми гвоздиками. Он украшен узором, выполненным зубчатым колесиком, который образует в центре многолучевую звезду. Вкладыш между полукруглыми выступами, повидимому, был изготовлен из дерева и не уцелел (рис. 14, *7 а*, *б*). С этой же стороны, возле таза, лежали кости и череп молодой овцы, среди которых найден железный нож (рис. 14, *9*). По другую сторону таза и возле стенки камеры найдены кости рыб, петуха и курицы, а также в большом количестве яичная скорлупа.

В числе сосудов были вылепленные от руки горшок (рис. 11, *1*) и миска (рис. 11, *2*) и восемь сосудов, изготовленных на круге; из них шесть покрыты лощением (рис. 11, *3*, *4*, *7*, *9—11*) и два нелощеных сероглиняных горшка (рис. *11*, *6*, *8*). Лощеные сосуды орнаментированы валиками, лощеными линиями, овалами и штампованными кружками по грани перегиба тулова, а на дне большой миски (рис. 11, *3*) были пролощены четыре полосы крест-накрест. В биконической миске (рис. 11, *7*) лежал стеклянный кубок из зеленоватого прозрачного стекла, орнаментированный желобками, овалами и четырьмя рядами угловатых шлифованных плоскостей (рис. 11, *5*). Время этого сосуда, по аналогичной находке из погребального комплекса в Лугах в Силезии, — IV в., а может быть, даже начало V в. н. э.[1].

ПОГРЕБЕНИЯ С ТРУПОПОЛОЖЕНИЯМИ ПОДГРУППЫ «Б»

Погребение № 23 (рис. 17, *1а*, *1б*). На дне обширной ямы выкопана узкая, овальной формы канавка, в которой обнаружен скелет женщины в возрасте около 25 лет, лежавшей на спине, в вытянутом положении. Углубление, повидимому, перекрыли деревом, от которого

[1] K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich.— Wrocław, 1949, табл. XI, 10. E. Petersen. Schlesien von der Eisenzeit bis ins Mittelalter. Berlin—Leipzig, 1935, стр. 194, рис. 321, *16*. Кубки из шлифованного стекла, найденные в Николаевке и Черняхове, имеют другую форму. Дно у них плавно закругляется. См. Praehistorische Zeitschrift, V, 1913, стр. 87, рис. 96 H; Записки Русского археологического общества, XII, 1912, табл. XXII, 3—4.

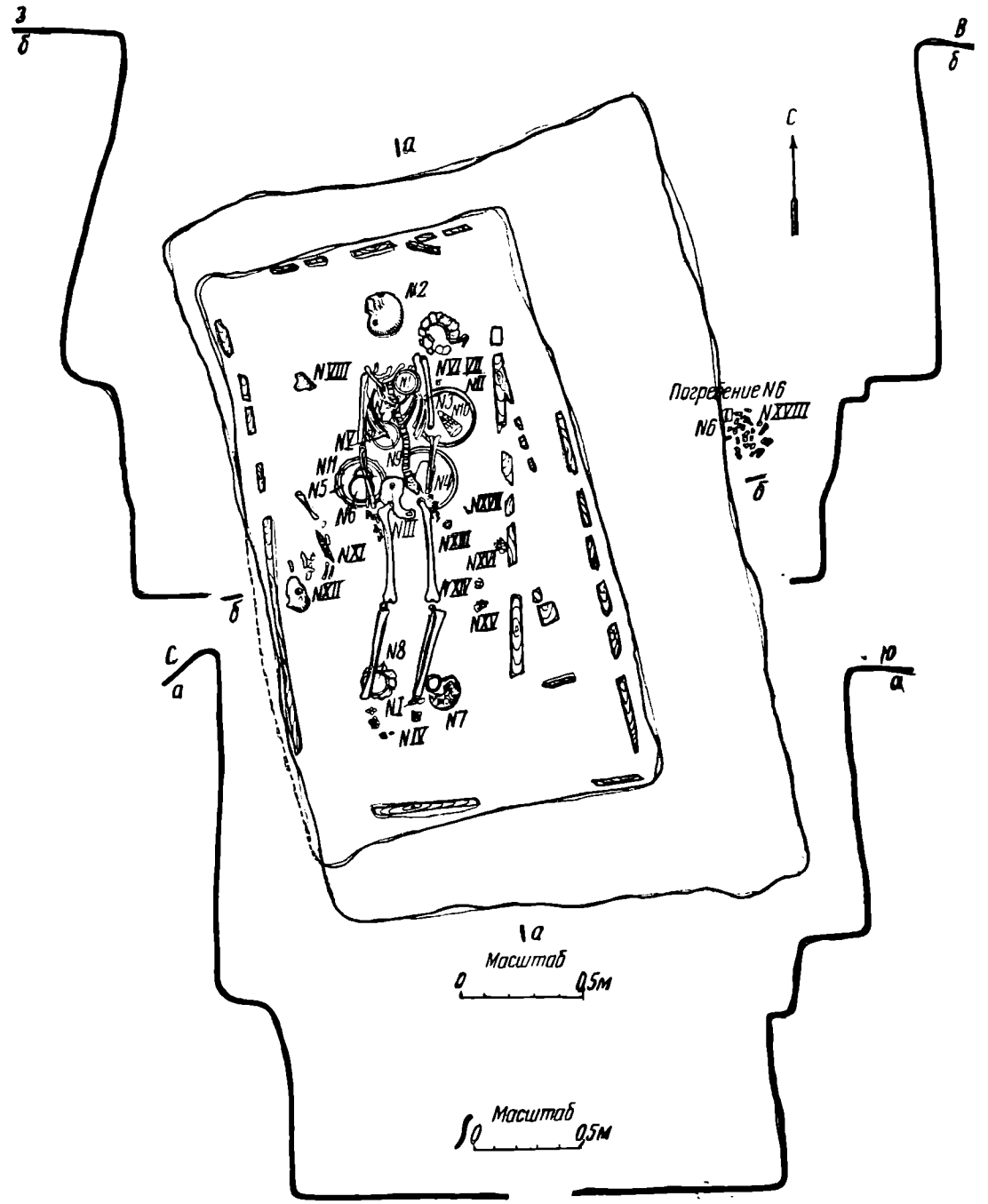

Рис. 16. План погребения № 5 у овчарни совхоза Приднепровского, разрез могильной ямы и погребение № 6 с трупосожжением

№ I— *№ 9*— глиняные сосуды; *№ 10*—стеклянный кубок; *№ 11*— глиняный сосуд; *№ I* — *№ IV*— бронзовые пряжки; *№ V* — бронзовая фибула с железной осью пружины; *№ VI*— *№ VII* — серебряные (?) обкладки с остатками дерева; *№ VIII* — костяной гребень; *№ IX* — трубчатый костяной игольник; *№ X* — железное шило и остатки угольков; *№ XI*— железный нож; *№ XII* — кости барана; *№ XIII* и *№ XIV*— скопления яичной скорлупы; *№ XV* и *№ XVI* — кости петуха и курицы; *№ XVII* — кости рыб; *№ XVIII* — бронзовая фибула из погребения № 6 с трупосожжением

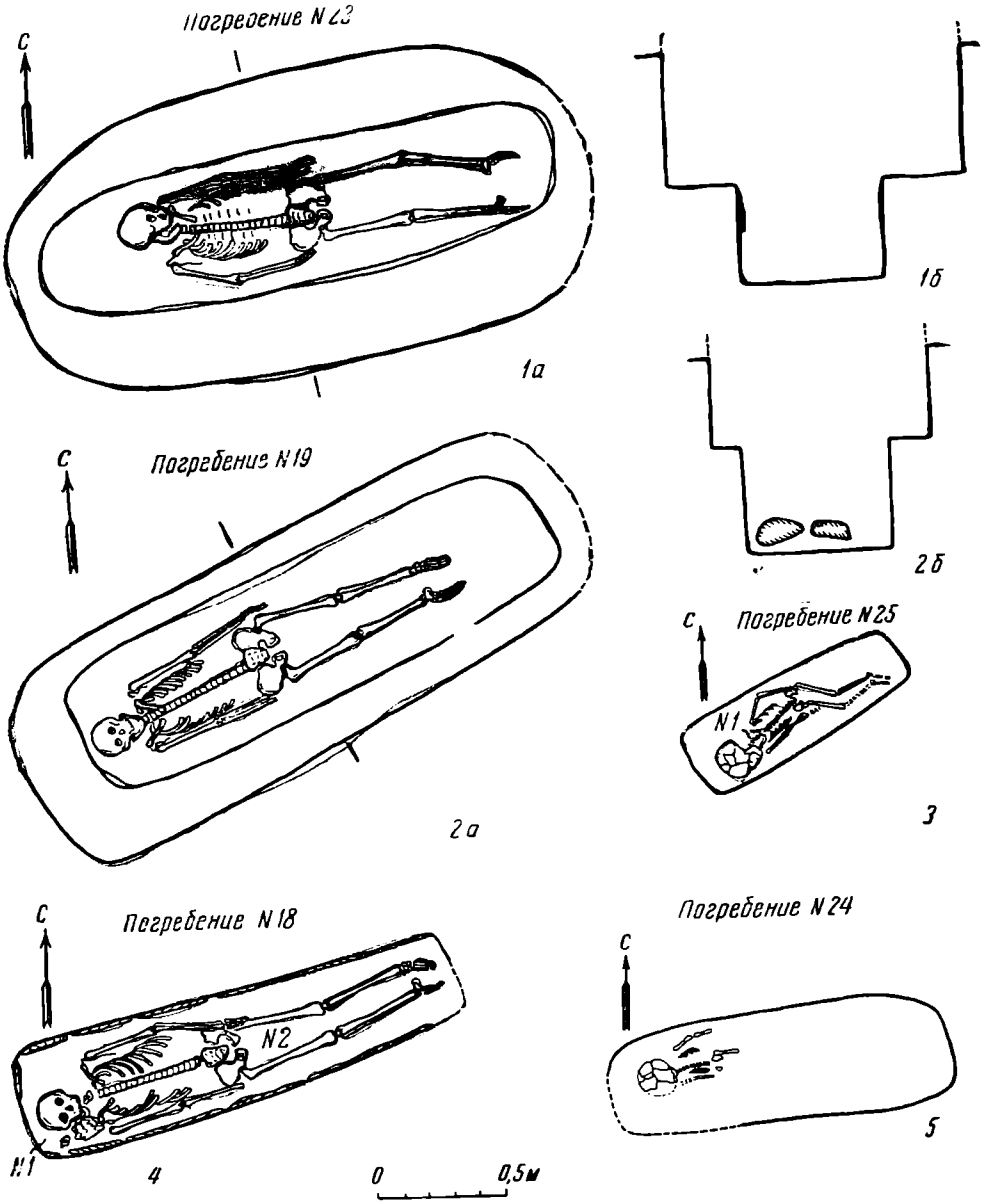

Рис. 17. Планы погребений № 18, 19, 23, 24, 25 у овчарни совхоза Приднепровского и разрезы могильных ям

Погр. № 18: *№ 1* — остатки дерева, *№ 2* — бронзовая пряжка; погр. № 25: *№ 1* — низка бус

сохранились обломки, лежавшие на скелете. Ориентировка головой на запад с отклонением к югу. В могильной яме найдены угольки.

Погребение № 19 (рис. 17, *2а, 2б*). Могильная яма прямоугольной формы, более обширная в верхней части. На дне ее узкое углубление, в котором лежал скелет женщины 35—40 лет, заваленный несколькими камнями. Костяк ориентирован головой на запад с отклонением к югу, лежал он на спине в вытянутой позе.

Погребение № 18 (рис. 17, *4*). Скелет мужчины в возрасте около 40 лет найден в узком прямоугольном углублении, повидимому, вырытом на дне ямы больших размеров. Верхняя часть ямы не прослежена. Следы

досок сохранились на стенках углубления и над скелетом. Ориентирован костяк головой на запад с отклонением к югу, лежал он на спине, в вытянутой позе, левая рука положена на бедро. На тазовых костях лежала поясная пряжка из светлой бронзы (рис. 13, *6*).

Погребение № 25 (рис. 17, *3*). В узкой могильной яме прямоугольной формы скелет ребенка. Он ориентирован головой на запад с отклонением к югу, лежал на правом боку, правая рука его вытянута, левая согнута в локте. Ноги слегка подогнуты. У шеи находилась рассыпавшаяся нитка бус из стекла и между ними бронзовое колечко — подвеска (рис. 13,*а*, *3—10*). В яме следы угольков.

Погребение № 24 (рис. 17, *5*). В прямоугольной ямке с закругленными углами скелет младенца. В верхней части ямы и над скелетом лежали камни, обломки керамики и встречались угольки. Скелет сохранился частично. Он был ориентирован головой на запад и, видимо, положен на спину с вытянутыми руками. Положение ног неясное.

Находки в культурном слое на могильнике довольно многочисленны, в особенности на глубине от 0,30—0,35 м до 0,75—0,90 м в разных частях могильника. Интересны находки бронзовых вещей: пряжка с округлым основанием (рис. 13, *8*) и уникальная находка обломка шпоры (рис. 13, *10*). В слое найдена костяная проколка (рис. 13, *11*). Повидимому, из кости также изготовляли наконечники дротиков, о чем говорит найденная полуобработанная заготовка (длина 11,5 см.). Кроме того, вне комплексов найдены стеклянные, сердоликовые (рис. 13, *а,2*) и глиняные (рис. 13, *15*) бусины, глиняные пряслица (рис. 13, *16*), поделки из известняка округлой формы (рис. 10, *26*, *27*) и обломки керамики, которые иногда оригинально орнаментированы (рис. 10, *16*, *17*, *19—25*).

* * *

Могильники в пос. Каменка и у овчарни совхоза Приднепровского относятся к двум хронологическим периодам.

Большинство погребений каменского могильника относится ко II—III вв. н. э. Время определяется прежде всего находками обломков узкогорлых амфор в погребениях № 39 и № 40, фрагментированным краснолаковым кувшином из погребения № 89, сравнительным изобилием в погребениях лепной посуды, отдельными типами посуды, изготовленной на круге, характерными для этого времени, например, миски с Х-образными ручками в погребениях № 6 и № 39.

Могильник у овчарни совхоза Приднепровского, хотя и близок каменскому в культурном отношении, но датируется более поздним временем III—IV вв. н. э.

Большее количество трупоположений, наблюдаемое на могильнике у овчарни совхоза Приднепровского, типично для позднего времени. Процентное соотношение числа трупосожжений и трупоположений таково: в Каменке — 11 трупосожжений, учитывая три поврежденных при земляных работах погребения (92%) и одно трупоположение (8%); у овчарни совхоза Приднепровского — 16 трупосожжений (61,5%) и 10 трупоположений (38,5%). Во втором могильнике трупосожжения имеют большее число разновидностей обряда захоронения, чем в Каменском некрополе. При этом у овчарни совхоза Приднепровского второе место по численности занимают сожжения, не содержащие вещей или почти лишенные вещей (шесть погребений из шестнадцати), что может являться свидетельством вырождения обряда трупосожжения.

Среди обнаруженной в могилах посуды хорошо датируется IV, началом V века привозной стеклянный конический кубок, украшенный желобками и шлифованными плоскостями, найденный в погребении № 5.

Характерными для III—IV вв. н. э. являются: гончарные кувшины с биконическим туловом (один из кувшинов орнаментирован вертикальными плоскостями по верхней части тулова); сосуды, украшенные овальными плоскостями и косыми каннелюрами по грани тулова и большее, по сравнению с Каменкой, разнообразие типов гончарной посуды.

3

Связь с черняховской культурой описываемых памятников степного Поднепровья убедительно подтверждают материалы могильников в пос. Каменка и у овчарни совхоза Приднепровского.

Типичный инвентарь захоронений и, в особенности, устойчивые черты обрядности являются яркими показателями этой принадлежности. Оба обряда погребения с преобладанием кремации, отмеченные ниже разновидности трупосожжений, сравнительно бо́льшая глубина захоронений с трупоположениями в вытянутой позе на спине, состав и типы сопровождающего инвентаря известны по ряду памятников, раскопанных в лесостепной зоне Украины и в районе днепровских порогов. Например, могильники черняховской культуры в селах Маслове и Привольном.

Оба могильника в пос. Каменка и у овчарни совхоза Приднепровского имеют свои особенности. Отличия объясняются прежде всего разницей во времени и территориальной разобщенностью.

Например, среди трупосожжений в Каменке преобладают погребения в сосуде или двух рядом поставленных сосудах (пять погребений) и на втором месте стоят погребения с костями, сложенными в ямку и накрытыми сосудом или обломками сосудов (три погребения).

В могильнике у овчарни совхоза Приднепровского, кроме обеих разновидностей, имеется еще подгруппа погребений с сожженными костями, ссыпанными в неглубокую ямку, иногда с отдельными обломками вещей и посуды.

В первой по численности подгруппе с трупосожжениями в сосудах, в противоположность Каменке, неизвестно ни одного погребения, содержащего пережженные кости в двух рядом поставленных сосудах, но зато встречаются погребения в сосуде, который поставлен в другой сосуд.

В погребениях с трупосожжениями, как правило, встречаются близкие по типу сосуды и остатки таких же вещей, какие составляют инвентарь трупоположений. В сожжениях встречаются обломки фибул, гребней, ножички, бусины, пряслица и прочий инвентарь, известный по находкам при погребениях с трупоположениями.

В некоторых богатых погребениях с трупосожжениями в Каменке (№ 21, 39, 40) имеется такой же набор сосудов, как в погребениях с трупоположением. В них есть горшок, вылепленный от руки и изготовленный на гончарном круге, большая биконическая миска, миски меньших размеров, кувшин или амфора для жидкостей и иногда обломки кубков. Эти особенности как бы сближают оба обряда погребения, тем более, что в могилах с трупоположениями часто встречаются угольки, указывающие на какую-то роль огня в погребальном обряде. Только меньшая часть сосудов из богатых погребений с трупосожжениями служила урнами для костей или крышками, которые их накрывали, и не хранит на себе следов дополнительного обжига в погребальном костре. Обломки этих сосудов,

ссыпанные в могильную яму, расслаиваются, часто очень хрупки или деформированы огнем. Также повреждены огнем и другие вещи из погребений с трупосожжениями. Нет сомнения, что в костер укладывали покойника не только не снимая одежды и вещей, которые были на нем, но, кроме того, возле него специально ставили сосуды, наверно, наполненные пищей, и сжигали с ним вещи, повидимому, особенно любимые умершим. В одном погребении № 8 у овчарни совхоза Приднепровского сохранились оплавленные стеклянные чечевицеобразные жетоны для игры (см. раскопки В. К. Гончарова у Переяслава-Хмельницкого), а в другом каменском захоронении № 89 — прямоугольная железная пластинка, служившая обкладкой какого-то деревянного предмета.

Интересной особенностью, не имеющей аналогий, является находка в двух погребениях с сожжением каменского могильника остатков смолистого горючего вещества, возможно, использовавшегося как благовонное курение (погребения № 39, 89).

4

Трупоположения могут быть охарактеризованы главным образом благодаря раскопкам у овчарни совхоза Приднепровского. Там, как упоминалось, обнаружены трупоположения с инвентарем, ориентированные головой на север, и почти безинвентарные, глубже зарытые, погребения с преобладающей западной ориентировкой.

Средняя глубина могильной ямы захоронений первой подгруппы 1,40 м[1]. Скелет иногда заваливали камнями (погребения № 2, 14). Трупы клали, в зависимости от количества инвентаря, в более или менее обширную яму посередине или ближе к одной из стенок. Покойника ориентировали головой на север, а лицо его часто обращено на запад. Все костяки на спине с вытянутыми ногами. Руки обычно вытянуты. Только в одном случае левая рука согнута в локте, и кисть ее положена на таз (погребение подростка № 12). Отличие инвентаря мужских погребений от женских пока трудно устанавливается. Нет обязательного комплекса вещей для всех погребений, но выделяются группы вещей, наиболее часто встречающихся в могилах — фибулы, пряжки, гребни, бусы, ножички, кресала и сосуды разнообразных форм и назначения. К этому присоединим кости домашних животных, птиц, рыб и скорлупу от яиц, которые довольно часто находятся в погребениях с трупоположениями.

Одинаковое расположение вещей в могилах не являлось обязательным. Сосуды ставили группами у головы, сбоку и в ногах. Число их колеблется от трех до одиннадцати (в одном погребении № 2, принадлежащем к этой подгруппе, не было ни одного сосуда). Наибольшее количество их находилось в погребениях детей, подростков и представителей знати (судя по погребению № 5).

Фибулы найдены на груди, на ключицах (погребение № 6 в Каменке) и возле темени.

Один гребень лежал справа у головы погребенного, в другой могиле — справа на ребрах скелета.

Также в разных местах могильной ямы, прямо на земле, лежали кости от мяса жертвенных животных, рыб, птиц и яичная скорлупа.

[1] При описании данной подгруппы не учтено исключительное погребение № 5, принадлежавшее представителю знати. Оно имеет ряд особенностей: например, хотя скелет и ориентирован головой на север, но погребение находилось в яме с заплечиками на глубине около 3 м в деревянной камере и пр.

Нож иногда был воткнут в мясо животного, а в других случаях был найден у колена или у плеча погребенного.

По костным остаткам из могил можно установить, что население у овчарни совхоза Приднепровского разводило крупный рогатый скот, овец и кур, а также занималось рыболовством.

В сосудах, сопровождавших погребенных, зафиксированы следы органических веществ, являющихся остатками содержавшейся некогда в них растительной пищи.

Погребения второй подгруппы захоронены глубже, чем первые. Взрослые погребения — на глубине 2,0—2,65 м, детские — на глубине 1,55—1,70 м.

Скелеты уложены в узкую канавку, вырытую на дне обширной могильной ямы. Довольно часто, повидимому, это углубление обставляли и перекрывали досками. Ориентировка костяков западная, а поза вытянутая. Только один детский скелет был уложен на правый бок со слегка согнутыми ногами.

Сочетание таких подгрупп погребений на одном могильнике повторяет картину, отмеченную для лесостепи раскопками в с. Данилова Балка на Южном Буге[1]. Не исключено, что и в Поднепровье погребения второго типа, как и у с. Данилова Балка, относятся к несколько более позднему времени. Пока об этом судить можно только предположительно из-за малого числа находок в этих погребениях у овчарни совхоза Приднепровского. При одном из костяков, ориентированных в западном направлении, найдена бронзовая овальная пряжка (в погребении № 18) и бусы в детском погребении (№ 24).

Во всяком случае, хронологический разрыв между обоими типами захоронений не может быть большим. Об этом говорит сходство некоторых элементов обеих подгрупп трупоположений. Тут и там встречаются погребения, заваленные камнями, имеются совпадения в позе погребенных, в могильные ямы обеих подгрупп бросали угли. Не вызывает сомнений также типологическое сходство пряжки из погребения № 18 с пряжками из погребений первой подгруппы № 12, 26. И те, и другие погребения сближают антропологические данные. Насколько можно судить по имеющимся черепам и другим костям, обе подгруппы принадлежат рослым, узколицым европеоидам с близкими черепными показателями (по определениям Т. С. Кондукторовой).

Возникает вопрос, нельзя ли объяснить появление безинвентарных или почти безинвентарных погребений с западной ориентировкой принятием христианства? Утверждать это пока невозможно, но постановка вопроса закономерна.

В областях Северного Причерноморья уже в IV в. н. э. распространяется христианское вероучение. Сведения письменных источников говорят о существовании епископии на Боспоре и в Херсонесе и о готском епископе Феофиле, который проповедовал, повидимому, среди западных готов. Его последователь, переводчик Библии на готский язык Ульфила (311—383), примерно с 348 г. распространял христианство в Мёзии.

Подтверждают распространение христианства в Причерноморье, в частности в Крыму, и археологические памятники. Например, А. А. Васильев опубликовал боспорское христианское надгробье, относящееся к 304 г. н. э.[2]

---

[1] Э. А. Сымонович. Погребения V—VI вв. н. э. в с. Данилова Балка. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 62—70.

[2] А. А. Васильев. Готы в Крыму. Известия Российской Академии материальной культуры, I, 1921, стр. 274.

В то же время археологически засвидетельствовано взаимообщение черняховского населения с причерноморскими городскими центрами, что видно и по вышеприведенным материалам поселений и могильников. Вероятнее всего, что не только проникновение импортных вещей в степь и лесостепь явилось отражением этих связей. Взаимообщение могло сказаться также в области идеологии. Возможно, что отдельные группы черняховского населения, восприняв новое вероучение, стали хоронить покойников без инвентаря, класть их головой на запад, сооружать что-то вроде гробов, обставляя и перекрывая яму досками.

5

Могильники в пос. Каменка и у овчарни совхоза Приднепровского помогают дать социальную характеристику населению степного Поднепровья черняховской культуры. Среди погребений имеются богатые и бедные погребения, причем богатые погребения от бедных отличаются весьма значительно. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить обилие и качество погребального инвентаря в трупосожжениях пос. Каменки № 21, 39, 40 с погребениями № 38, 49, 66, 81, 89 и у овчарни совхоза Приднепровского погребения первой подгруппы № 3, 4, 7, 13, 15, 17, 21 с № 9, 10, 11, 16, 20, относящимися к третьей подгруппе. Имущественные различия в них видны отчетливо.

Во втором могильнике социально-имущественное неравенство еще ярче выступает на материалах могил с трупоположениями. Разительный контраст с погребениями рядового населения представляет собой могила № 5, принадлежавшая, как упоминалось, представителю знати. Не только размеры ямы, устройство могилы, обложенной по стенам и перекрытой деревом, обилие и качество инвентаря, но даже исключительное своеобразие обряда захоронения говорят об обособленном социальном положении погребенного. Тело умершего не должно было даже касаться земли и оно было положено на подставленные под него сосуды[1].

Другой социальной группе принадлежали прочие погребения, ориентированные головой на север, но и среди них особенной бедностью выделяется погребение № 2, неглубоко зарытое и закиданное камнями. Его погребальный инвентарь составляли нож, кресало и одна округло-уплощенная бусина из янтаря.

Социально-имущественное расслоение в среде черняховского населения III—IV вв. н. э. было глубоким. При этом характерно, что единственно явно импортная вещь могильника — граненый стеклянный кубок — принадлежала представителю знати. Для привилегированных лиц общества особенно важно было заимствование и освоение культурных благ и предметов роскоши из культурных центров римских провинций.

6

На описываемых могильниках при захоронении или же периодически справляли тризны.

Остатками тризны следует считать множество обломков сосудов и костей животных из культурного слоя могильников, который, в общем,

[1] Следует при этом обратить внимание, что находка погребения в деревянной камере решает вопрос о двух ограбленных в древности склепах, обнаруженных В. В. Хвойко в Черняхове (ЗРАО, XII, 1901, стр. 181). А. А. Спицын считал их принадлежащими другому населению (СА, X, 1948, стр. 63).

не залегает глубже горизонта с трупосожжениями. Насыщенность слоя обломками у овчарни совхоза Приднепровского в раскопе *III* (площадь 127 м²) и раскопе *IV* (площадь 16 м²) такова: в раскопе *III*, на глубине от 0,50 до 0,90 м найдено было 1095 обломков сосудов; в раскопе *IV*, на глубине от 0,70 до 1,10 м — 195 обломков, не считая других находок.

Культурные остатки в слое на могильнике у овчарни совхоза Приднепровского и в Каменке встречаются только поблизости погребений первых веков н. э. Это доказывается отсутствием культурных остатков в поисковых траншеях, заложенных на могильнике у овчарни совхоза Приднепровского, южнее основных раскопов *II* и *III*. В Каменке находки первых веков н. э. в раскопах *II*, *III*, *VIII* и в шурфах с восточной стороны могильника почти совершенно отсутствуют.

Что культурные остатки из слоя, в первую очередь на могильнике у овчарни совхоза Приднепровского, действительно связаны с обрядом погребальной тризны, а не с разрушением неглубоких захоронений с трупосожжениями[1], также доказывается стратиграфией напластований. Культурные остатки залегают в слое, прикрытом стерильным, лишенным вещей, намытым с холмов, слоем глины, достигающим в северной части могильника толщины в 0,60 м. Таким образом, присутствие в культурном слое на территории могильника отдельных вещей, обломков керамики и костей животных, никак не может быть объяснено разрушением неглубоко зарытых погребений с трупосожжениями, что несомненно имело место в отдельных случаях, например в каменском могильнике[2].

7

Керамика, найденная на поселениях и могильниках, разделяется на гончарную и вылепленную от руки. Прежде всего характерно соотношение лощеной и нелощеной посуды на поселениях и могильниках. В землянке в с. Грушевка обломки лощеной посуды составили 18% всей керамики, в с. Кут от 11 до 17%. В некоторых могилах у Каменки и у овчарни совхоза Приднепровского подавляющая часть сосудов покрыта лощением (в первом могильнике, например, в погребениях № 39,6; во втором — в погребениях № 5, 12, 26).

Горшки для варки пищи, как правило, лощением не покрывали. Столовая посуда для еды и питья — миски, кувшины и кубки — обычно покрыта лощением. Эти сосуды по их формам и типам орнаментации валиками и желобками, лощеными и пунктирными линиями, штампом и округлыми ямками, а также косыми каннелюрами и овальными плоскостями на грани тулова, хорошо известны по находкам в лесостепи. Находки этой керамики на Нижнем Днепре являются ярким показателем принадлежности обнаруженных памятников к черняховской культуре.

Отдельные сосуды на том и другом могильнике, изготовленные на круге, по соразмерности форм, тщательности отделки и качеству орнаментации могут быть отнесены к предметам художественного ремесла, например:

---

[1] Находки обломков керамики в культурном слое Черняховского могильника В. В. Хвойко объяснял только уничтожением погребений с трупосожжениями при вспашке (ЗРАО, XII, 1901, стр. 174).

[2] При изучении обряда тризны следует обратить внимание на то, что в Каменке над трупоположением младенца, после присыпки трупа слоем земли, была поставлена большая миска с полусферическим глиняным кубком в ней.

кувшин из погребения № 5 у овчарни совхоза Приднепровского (рис. 11, *11*), кубки простой полусферической формы, но покрытые тщательно выполненным штампованным и пунктирным орнаментом (рис. 8, *8 а*, *6*; рис. 10, *9* и др.). Много внимания уделяли также отделке больших трехручных мисок (рис. 2, *9*; 4, *1*; 6, *13*; 7, *1*). Среди этого типа посуды выделяется большая своеобразная сероглиняная миска с косыми каннелюрами по грани перегиба тулова, снабженная широкой каннелированной ручкой (рис. 12, *11*). Изготовление подобных сосудов требует профессиональных навыков и говорит о существовании специалистов-ремесленников.

Некоторые из этих сосудов, встречающиеся на более ранних памятниках и отсутствующие на более поздних, помогли установить время существования обоих могильников. Особенно большую услугу при датировке оказали образцы причерноморского импорта, как, например, обломки узкогорлых амфор II—III вв. (рис. 5, *7*; 7, *5 а*), краснолакового кувшина (рис. 3, *8*) и стеклянного кубка из погребения № 5 у овчарни совхоза Приднепровского IV — начала V вв. (рис. 11, *5*).

Некоторые сосуды говорят о скифо-сарматских культурных влияниях, как, например, сероглиняный кувшин из погребения № 6 в Каменке (рис. 8, *9*) и кружкообразный сосуд из погребения № 5 у овчарни совхоза Приднепровского (рис. 11,*10*). В западно-черняховских комплексах такие сосуды неизвестны. Они близки по типу сарматским сосудам (только ручки у них изогнуты не под углом, а более плавно). У Е. И. Крупнова упоминается сосуд с Кавказа (погребения II—III вв. н. э. Таркинского могильника) пропорциями и членением тулова валиками аналогичный сосуду из погребения № 5 у овчарни совхоза Приднепровского[1]. Сосуды близкого типа, но с отличиями в деталях, найдены в Фанагории[2]. Появление подобных сосудов на Нижнем Днепре, повидимому, объясняется взаимообщением местного населения со скифосарматскими племенами и причерноморским населением.

Также заимствованные элементы можно выделить и в группе лепной керамики.

Находки лепной посуды из погребений обоих могильников вызывают большой интерес. Керамика эта почти не изучена и еще совсем недавно были попытки взять под сомнение даже факт существования лепной керамики на памятниках черняховской культуры[3].

Между тем в группе лепной керамики можно выделить типы посуды, характерные для многих памятников черняховской культуры от Днепра до Днестра[4], как, например, горшки со слегка отогнутым венчиком и округлым туловом с максимальным расширением по середине высоты (рис. 2,*6*; 7, *2*; 8, *1*; 12, *1*, *3*; 11, *1*) или типы открытых мисок (рис. 2,*1*; 12, *15*), перекликающихся, с одной стороны, с зарубинецкими, с другой — близкие по форме поздним тарелкообразным мискам, изготовленным на круге.

Имеются отдельные лепные сосуды, свидетельствующие о культурных взаимосвязях и восприятии скифо-сарматских элементов. Например, найден сосуд из соединенных перемычкой и горизонтальной ручкой двух горшочков, напоминающий скифские сдвоенные чарки (рис. 8, *4*), или

---

[1] Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 19, рис. 8, *6*.

[2] С находками меня любезно познакомила И. Д. Марченко (фонды ГМИИ).

[3] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. днепровского лесостепного левобережья. СА, XIII, 1950, стр. 11.

[4] Э. А. Сымонович. Про культуру полів поховань на Поділлі. Археологія, V, 1951, стр. 109, табл. 1, 6, 7, 9.

горшок с цилиндрической высокой шейкой (рис. 7, *8*), близкий по типу сарматским сосудам, и др.

Очень интересны сосуды, напоминающие керамику Сосницкого и Волынцевского могильников (рис. 2, *11*; рис. 5, *3*).

Лепную керамику черняховских памятников необходимо подвергнуть самому тщательному, специальному изучению.

8

Кратко остановимся на характеристике нижнеднепровских поселений первых веков н. э. и на вопросе, откуда пришло население, оставившее здесь черняховские памятники.

Переплетение различных культурных напластований в районах Поднепровской степи на рубеже и в первые века н. э. было довольно сложным.

У с. Усть-Каменка (раскопки Никопольской экспедиции ИА АН УССР) и у с. Ново-Филипповка (раскопки Молочанской экспедиции ИА АН УССР) обнаружены следы кочевнического населения, которому принадлежат могильники, датируемые рубежом и началом нашей эры[1].

В то же время в этих районах обитало оседлое население, жившее, как правило, в укрепленных городищах, строившее дома из камня и хоронившее своих покойников в грунтовых катакомбных могилах (судя, например, по находкам в Золотой Балке, раскопки А. В. Добровольского)[2].

И вот, во II—III вв. н. э. в приднепровской степи появляется население с другой культурой, которое выбирает для поселений прибрежные пологие склоны и основывает селища открытого типа.

Возле с. Грушевка, на поселении открытого типа, расположенном на пологом склоне правого берега р. Базавлук, была вскрыта землянка с двумя уровнями пола, со стенками из какого-то легкого материала, укрепленными на столбах, с очагом на возвышении (рис. 18, *1*). В с. Кут, на прибрежном поселении у р. Пидпильной, против днепровских плавней, были обнаружены два наземных жилища столбовой конструкции с округлым очагом, обмазанным глиной (рис. 18, *3*, *4*). Подобная же постройка была прослежена на поселении у овчарни совхоза Приднепровского (рис. 18, *2*)[3].

Размещая памятники в хронологическом порядке, получаем следующую картину: наиболее раннее поселение возле с. Грушевка, где вскрыта землянка, датируется II—III вв. н. э. на основании находок узкогорлых импортных амфор. Расположенное в двух километрах от него поселение с наземными жилищами в с. Кут относится к III—IV вв. н. э., так же, как и поселение № 2 у овчарни совхоза Приднепровского.

На этих поселениях встречены обломки широкогорлых амфор с угловатым в сечении венчиком, типичные для III—IV вв. н. э., но отсутствующие в Грушевке. Некоторые формы местной посуды, как, например, корчаги для хранения запасов, с широким горизонтальным краем или

---

[1] А. В. Добровольский. Археологические исследования на территории строительства Каховской ГЭС в 1951 г. КСИА АН УССР, I, 1952, стр. 13. М. І. Вязьмитина. Вивчення сарматів на території Української РСР. Археологія, VIII, 1953, стр. 63—64.

[2] А. В. Добровольский. Ук. соч., стр. 11—12.

[3] Э. А. Сымонович. Раннеславянские поселения у сел Грушевка и Кут. Апостоловского района, Днепропетровской области. КСИА АН УССР, 2, 1953, стр. 20 (тезисы доклада).

миски с косыми каннелюрами по грани перегиба тулова, и, в общем, более развитая система орнаментации сосудов на этих поселениях также подтверждают позднюю датировку.

Кроме того, лепная посуда на поселениях с наземным домостроительством составляет значительно меньший процент, чем в Грушевке. Эта особенность также типичная для более поздних памятников первой половины I тысячелетия н. э. Поднепровья.

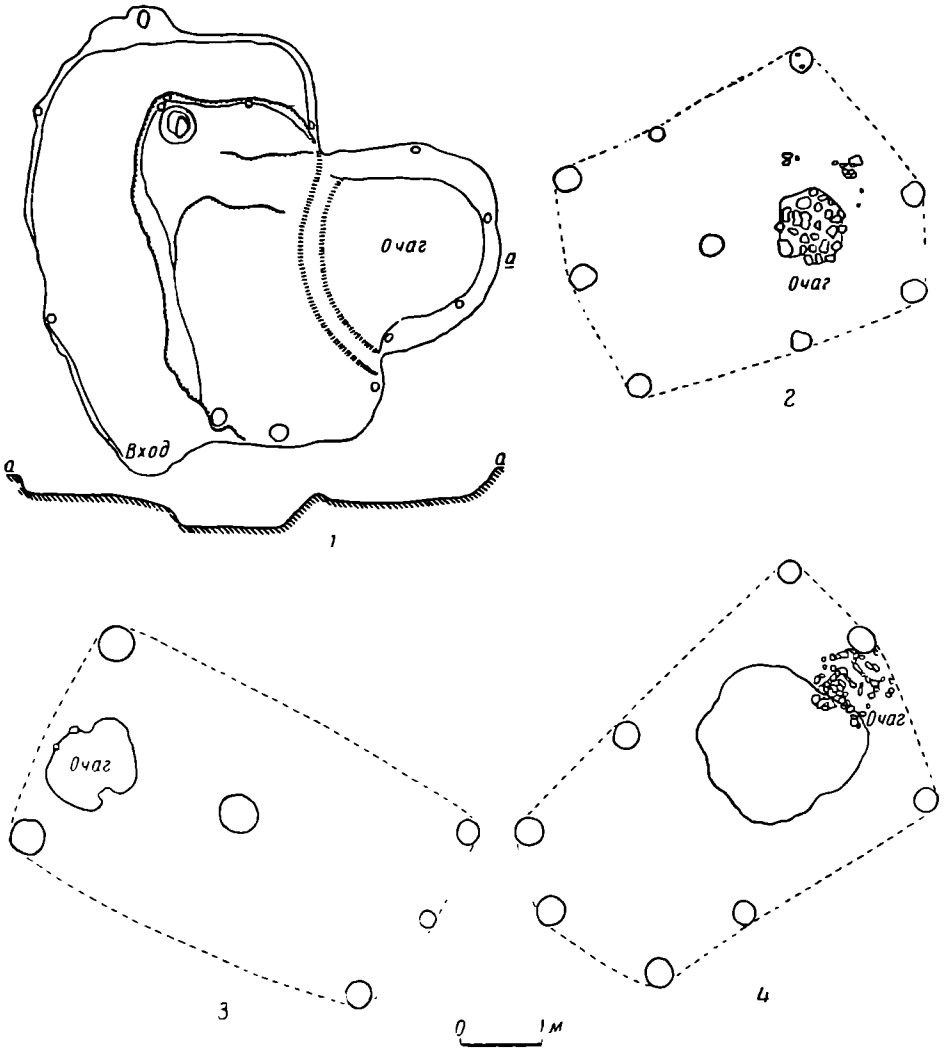

Рис. 18. Планы жилищ, открытых на поселениях черняховской культуры:
1 — у с. Грушевка; *2*— у овчарни совхоза Приднепровского; *3* и *4* — в с. Кут

Не допуская разновременного существования территориально близких поселений в селах Грушевка и Кут, трудно объяснить их резкие отличия в домостроительстве при большой общности материальной культуры памятников в целом.

Несмотря на то, что население городищ Нижнего Днепра хронологически и территориально близко появившейся другой группе оседлого населения, тем не менее в культурном отношении сходства между ними нет почти никакого. Отличия наблюдаются и в выборе мест для поселения, и в домостроительстве, и в планировке жилищ, и в вещевом материале.

Могилы пришлого населения, судя по раскопкам в с. Каменка и у овчарни совхоза Приднепровского, имеют мало сходных черт с близкими по времени подкурганными захоронениями кочевников и с погребениями населения городищ Низового Днепра.

Пожалуй, единственно сближающим эти группы памятников является явно ощутимое воздействие культуры городских центров Северного Причерноморья «римского времени».

Раскопки поселений и могильников культуры «полей погребений» черняховского типа в лесостепной полосе Украины и в районе Днепрогэса помогают разобраться в материалах новых степных памятников.

Значительные по масштабу раскопки у сел Привольного и Никольского, неподалеку от города Запорожья, позволяют установить, что собой представляли ближайшие исследованные жилища черняховского населения I —III вв. н. э.[1]

На обоих селищах найдены углубленные в землю жилища, состоящие из двух сообщающихся камер с не вполне совпадающими уровнями пола. Их особенности во многом напоминают землянку у с. Грушевка. Последняя, хотя и не состояла, как жилища в Привольном и Никольском, из двух отдельных камер, но была, тем не менее, двучастным жилищем, с двумя уровнями пола. Центральный столб, очажное возвышение, обилие обожженных камней и лепной посуды, которая составляла в Грушевке немногим более половины всей керамики, все это сближает землянки в селах Привольном и Никольском с грушевским жилищем. Вполне вероятно, что землянку на берегу р. Базавлук выкопали люди, переселившиеся из районов днепровских порогов во II—III вв. н. э.

Переход в III—IV вв. н. э. к наземному домостроительству (поселения в с. Кут и у овчарни совхоза Приднепровского), повидимому, был обусловлен энергичным ростом производительных сил в среде пришлого населения и ростом культурных и торговых связей с местным населением городищ Низового Днепра, и главным образом с причерноморскими городами. На развитие производительных сил у Нижнеднепровского населения в первые века н. э. указывает употребление ручных мельниц. Там больше также, по сравнению с Грушевкой, изделий из железа, бронзы и стекла. Ремесленники-гончары III—IV вв. н. э. осваивают изготовление больших пифосообразных корчаг, сложных форм мисок и кувшинов, которые художественно орнаментируются. Гончарная посуда в с. Кут и у овчарни совхоза Приднепровского постепенно заменяет лепную (в с. Кут она составляет 9% всей керамики).

О торговых связях говорят находки импортных вещей на поселениях III—IV вв. н. э. и больший, сравнительно с Грушевкой, процент амфорной тары (в с. Кут около 27%).

Развитию торговли и культурных связей способствовало переселение по другую сторону порогов и близость к причерноморским центрам. Однако тесное общение с причерноморским населением не привело к заимствованию у него каменного домостроительства. Оно было достаточно чуждо всему населению лесостепи этого времени даже в тех районах, где была возможность добывать камень.

---

[1] Е. Махно. Вівчення культури «полів поховань». Археологія, I, 1947, стр. 195. В Козловська. Археологічні досліді на території Днепрельстану. Хроніка археології та мистецтва, ч. I, Київ, 1930, стр. 17. История СССР, часть II (макет), стр. 17. Ю. В. Кухаренко считает возможным продолжить датировку Привольного и на IV в. н. э. (см. диссертацию). Большая часть данных о поселении в Привольном и Никольском взята из упомянутой диссертации и в работе И. М. Фещенко о Привольном, которая хранится в архиве ИА АН УССР.

9

Итак, в результате работ последних лет установлено существование в степных районах Нижнего Поднепровья памятников черняховской культуры. Перечисленные поселения и могильники связываются с культурой «полей погребений» лесостепных районов Поднепровской Украины II—IV вв. н. э., причем, особенное значение имеет сходство устойчивых черт в устройстве могил обеих областей.

Работы 1951—1953 гг. открывают новые стороны жизни, быта и погребального обряда населения, переселившегося из лесостепи. Интересно, в частности, установление обычая погребальной тризны на могильниках черняховской культуры и факта существования погребений знати в деревянных камерах. Находки у овчарни совхоза Приднепровского безинвентарных погребений, ориентированных головой на запад, позволяют поставить вопрос о распространении христианства среди черняховского населения уже в IV в. н. э.

Остатки материальной культуры, среди которых важное место занимает лепная посуда, позволяют наметить древние культурные традиции. Разнообразные гончарные сосуды, изделия из бронзы, железа и кости говорят о высоком уровне развития ремесла.

Импортные вещи хорошо датируют памятники и доказывают существование военных или торговых сношений с Причерноморьем.

РЕЦЕНЗИИ

М. М. КОБЫЛИНА. АТТИЧЕСКАЯ СКУЛЬПТУРА VII — V вв. ДО Н. Э. Изд. МГУ, 1953.

Появление обобщающей монографии, посвященной античному искусству, является значительным событием в нашей науке, и это одна из причин, в силу которых рецензируемая книга должна привлечь к себе внимание нашей общественности.

Книга разделена на главы, соответствующие этапам развития аттической скульптуры. Согласно основным положениям марксистско-ленинского искусствознания, развитие искусства ставится в тесную связь с социально-экономическим развитием создавшего его общества и в начале каждой главы даются элементарные сведения по истории Аттики и ее материальной и духовной культуре. Автору удается отрешиться от формального подхода к изучению истории скульптуры как истории развития художественных приемов и средств выражения и, наряду с формой, он уделяет много внимания общественному содержанию памятников. При этом, правильно рассматривая греческое искусство как искусство реалистическое, он в самом начале книги (см. стр. 6) дает четкое определение термина реализм в его применении к искусству древней Греции и тем самым сразу вносит ясность по этому кардинальному вопросу в свое дальнейшее изложение.

Работа М. М. Кобылиной является плодом длительных и углубленных занятий греческим искусством. Благодаря отмеченным положительным ее качествам она вполне доступна широкому кругу читателей и студентам, приступающим к изучению предмета. В то же время она снабжена солидным научным аппаратом, куда полезно заглянуть и специалистам. Внимание последних привлечет также и общая предлагаемая автором концепция развития аттической скульптуры, которая значительно отличается от общепринятой. Нашу рецензию мы хотели бы посвятить главным образом обсуждению этих новых, выдвигаемых автором, точек зрения, поскольку, как нам кажется, в них заключается много спорных положений, принять которые вряд ли возможно.

В кратком введении (см. стр. 5 и 6) находим следующую характеристику аттической скульптуры: «Аттическая скульптура имела общегреческое содержание и проходила те же этапы развития геометрики, архаики и классики, как и другие школы. Но она имела свои особенности: в трактовке общегреческих типов, в создании чисто аттических образов божеств и героев, в технических приемах и стилистических чертах». Против такого определения возразить нечего. Скажем сразу, что и в дальнейшем изложении автору в целом ряде случаев удается подчеркнуть отдельные черты, свойственные именно аттической, а не какой-либо другой школе ваяния. Однако на той же стр. 6 введения сформулирована несколько иная точка зрения на аттическую скульптуру. «Аттическая монументальная скульптура эпохи Перикла,— говорится здесь,—... уходит своими корнями в глубокую древность микенской культуры и архаику и более всего базируется на предшествующей эпохе героического подъема во время борьбы с персами и роста афинской рабовладельческой демократии». Во всем своем изложении автор следует именно этой второй точке зрения, и это приводит к

искусственному обособлению аттической школы от других эллинских художественных центров, к чрезмерному подчеркиванию микенского влияния а в конечном результате к одностороннему и, на наш взгляд, неправильному пониманию аттической классики эпохи расцвета афинской демократии.

Остановимся сперва на микенских влияниях. При описании куроса из Суниона (стр. 24) автор замечает: «В очертаниях торса с очень широкими плечами и тонкой талией есть некоторая грация, восходящая к типу мужской фигуры в произведениях искусства критомикенского периода». На стр. 25 обсуждение прото-аттической гидрии с изображением хоровода и геральдической группы двух львов среди растительного и геометрического орнамента заканчивается словами: «Это мотивы перешедшие от микенского периода». Отклики микенского искусства автор находит даже в статуе Мосхефора (стр. 30), а характеристика декоративных скульптур из пороса заканчивается следующим обобщением (стр. 32): «в их красочности, в свежести изображения, в сложности построения есть известное сходство с древним искусством микенского периода. Его традиции, задавленные в период господства геометрического стиля, оживают в это время». Тут уже, очевидно, имеется в виду некий микенский Ренессанс в Афинах VI в.; сходные высказывания находятся и далее на стр. 34, 35, 38 и т. д.

Не подлежит сомнению, что культура микенской эпохи оказала значительное влияние на культуру древней Греции и каждый год приносит тому новые доказательства. История этой эпохи продолжала жить в греческих героических легендах, уцелели многие культы, однако в совершенно преображенном виде, не порвались и многие ремесленные традиции, что можно видеть на примере лаковой краски для росписи керамики и на обычае украшать стволы колонн каннелюрами. Но со всем тем вряд ли можно сомневаться в том, что греки архаики и более поздних веков утеряли конкретное представление о микенцах и их культуре. Памятники того времени находились под землей, а немногие уцелевшие на ее поверхности. вроде стен Микен, наводили греков не на антикварные исследования, а на догадки мифологического характера. Короче говоря, микенцы и их культура были тогда столь же прочно забыты, как и в новое время до открытий Шлимана. С этой точки зрения очень поучительны собранные Эвансом (Scripta Minoa, Oxford, 1909, стр. 107 сл.) примеры случайного открытия греками памятников Эгейской эпохи. Согласно рассказу Плутарха, когда в IV в. до н. э. в Беотии вскрыта была древняя могила, то в ней нашли два сосуда, бронзовый браслет и бронзовую табличку с непонятными письменами, которые более всего походили на египетское письмо. Копию с письмен отправили в Египет, с просьбой прочесть и объяснить их содержание. Ученый египетский жрец потратил на эти изыскания три дня и затем сообщил, что надпись относится ко времени царя Протея и содержит в себе воззвание к грекам об учреждении игр в честь муз. Забыв распри, им надлежит соревноваться друг с другом в литературе и философии. Другими словами, египетская наука в лице жреца Хонурриса тоже оказалась в данном случае бессильной прочесть древнюю надпись. И кроме того, когда речь идет об искусстве, не следует упускать из виду полную по существу противоположность характера искусства крито-микенского и греческого. Первое передает явления окружающего мира во всем их многообразии, но схватывает их, так сказать, на лету и не интересуется углубленным их изучением. Греки ограничивают свою тематику почти исключительно изображением человека, но зато они настоятельно и последовательно подвергают его всестороннему изучению и в конце концов полностью овладевают поставленной задачей. Мы полагаем поэтому, что черты сходства между греческими и крито-микенскими произведениями искусства — явления случайные и отнюдь не свидетельствующие о живых художественных традициях, а тем более о их ренессансе после промежутка в полтысячелетия.

Совсем иначе обстояло дело с современным аттическому искусством других художественных центров Греции и стран древнего Востока. М. М. Кобылина в своем изложении сводит до минимума заимствования аттической школы из Ионии и Пелопоннеса и совсем исключает из поля зрения искусство Востока, как возможный источник ху-

дожественных влияний. Против такой точки зрения следует, как нам кажется, энергично возражать. Древние греки эпохи ранней архаики многому учились у своих соседей, обладавших более зрелой культурой, ввозили к себе их изделия и подражали произведениям их искусства. И это не мешало, а, наоборот, помогало им осознать самих себя, свои потребности и возможности, постепенно создать собственное искусство и поднять его на такую высоту, что оно в свою очередь стало во многих отношениях образцом для соседних народов.

Что же до общения друг с другом отдельных эллинских художественных центров, то оно искони было оживленным. Лучше всего это можно проследить на примере расписных ваз, где смена стилей охватывала очень быстро разные области Греции, и это не исключало сохранения отдельными центрами своих особенностей в художественных приемах и тематике изображений. Но эти особенности были, так сказать, видовые, а не родовые, в целом же развитие вазовой живописи представляет собой единый общеэллинский процесс, в котором на первое, ведущее место выдвигается то один, то другой центр производства. Примерно так же обстояло дело и со скульптурой. Уже в эпоху архаики выдающиеся мастера исполняли заказы в отдаленных от местонахождения их школ районах, как это видно на примере хотя бы Батикла из Магнезии, работавшего над так называемым «Троном Аполлона» в Амиклах, близ Спарты. Позднее подобные приглашения мастеров стали часты и, кроме того, в общеэллинских святилищах Олимпии, Дельфах и других, где возвышался целый лес статуй, исполненных мастерами разных школ, посетители, стекавшиеся туда из всех концов Эллады, на периодически справляемые празднества, имели полную возможность обозревать все достижения любой школы ваяния. Это были своего рода постоянные выставки искусства, где мастера обменивались опытом и учились друг у друга.

Что касается Аттики, то, как известно, эта область до середины VI в. оставалась аграрной и отсталой страной, и ее художники, участвуя в общеэллинской художественной жизни, не занимали в ней ведущего положения. Соотношение сил изменилось, когда Афины стали крупным ремесленным и торговым центром, постепенно завоевывавшим все новые и новые рынки в Италии и во всем восточном Средиземноморье, включая и припонтийские страны. Одновременно Афинское государство слагалось в передовую демократию, возглавившую победоносную борьбу греков против Персии и объединившую затем под своей экономической и политической гегемонией большую часть Греции. В это время и культурная жизнь Эллады сосредоточилась в Афинах, и аттическая скульптура достигла своего высшего расцвета. Можно ли объяснить этот высокий подъем только внутренним развитием Аттики и аттической школы ваяния, к чему, повидимому, склоняется автор разбираемой книги (см. стр. 6), или перед нами более сложное явление слияния разнородных элементов под главенством наиболее прогрессивного из греческих полисов — Афин? Нам кажется, что предпочтение должно быть безусловно отдано старой точке зрения, за которую говорит совокупность всех имеющихся в нашем распоряжении данных. Остановимся только на некоторых наиболее из них ярких.

Прежде всего, развитие искусства в Афинах V в. было делом далеко не одних лишь афинских мастеров. Великий живописец Полигнот был родом с острова Тазоса; с островов происходил, вероятно, как показывает его имя, и Несиот, один из создателей группы тираноубийц. Но и великие аттические мастера Мирон и Фидий учились у аргосского мастера Агелада и, следовательно, впитали в себя традиции этой школы, где, по всей вероятности, совершен был решающий шаг в развитии круглой скульптуры — преодоление закона фронтальности,— открывший перед ваянием новые горизонты и поднявший этот вид искусства на новую высшую ступень.

Живым и наглядным показателем того, где следует искать истоки высокого расцвета искусства Афин во второй половине V в., может служить архитектурный комплекс Акрополя. Весь комплекс в целом и его отдельные здания служат прославлению Афин и он неотделим от многовековой истории этого города. Однако мог ли этот комплекс возникнуть, если бы афинские архитекторы и скульпторы остались верны только

местным художественным традициям? Присмотримся к отдельным его зданиям. Вот храмик Бескрылой Ники, воздвигнутый, как это недавно установлено, на том месте, где в микенскую эпоху справлялся культ какого-то божества. Но сохранились ли в его архитектурном и скульптурном оформлении какие-нибудь пережитки тех отдаленных времен? Это ионийский храмик с отдельными аттическими архитектурными вариантами. Эрехтейон объединил в себе древнейшие афинские культы, возможно возникшие еще в микенскую эпоху. Однако и его архитектура и скульптура совершенно свободны от микенских реминисценций, и, с другой стороны, они немыслимы без предшествующего развития искусства в ионийских и дорических областях. И, наконец, самый Парфенон — храм покровительницы Афинского государства, богини Афины. Афина царит в нем безраздельно, но по своим архитектурным формам это гениальное слияние в единое целое дорического и ионийского ордеров, а в его скульптурном убранстве, наряду с чисто аттическими мифами, видное место занимают и мифы общеэллинские, чем как бы символизируется участие Афин в общеэллинской жизни.

И если мы обратимся к другим отраслям духовной культуры Афин эпохи расцвета афинской демократии, то и там мы встретимся с тем же явлением стремительного роста, питаемого всем предшествующим развитием культуры различных областей Греции. Афинская философия и историография немыслимы без достижений ионийских натур-философов и их последователей, без ионийских логографов и Геродота, а великие афинские трагики, по собственному признанию одного из них, питались крохами со стола Гомера. И аттическая скульптура той же эпохи не составляет исключения. Она тоже является синтезом длинного и последовательного процесса развития различных эллинских школ, в том числе и аттической, синтезом творческим, не только впитавшим в себя различные элементы, но и сумевшим их объединить и преобразить, согласно требованиям нового времени.

В нашей рецензии мы не будем останавливаться на отдельных частных вопросах, поднятых М. М. Кобылиной, в ходе изложения основной темы, вопросах интересных, но в ряде случаев возбуждающих сомнение и во всяком случае требующих дальнейшей разработки. Мы имеем в виду руководящую роль, отводимую аттической школе в создании скульптурных групп, и тенденцию той же школы к драматизации действия.

По первому вопросу позволительно усомниться в правильности причисления Мосхофора к скульптурным группам. А когда речь идет о драматизации действия, то прежде всего вспоминается знаменитый коринфский кратер с изображением выезда Амфиарая, сюжет, который также представлен был на стоявшем в Олимпии и подробно описанном Павсанием ларце Кипсела.

Однако необходимо хотя бы в нескольких словах коснуться некоторых промахов и недостатков, наблюдаемых в разбираемой книге, и подчас весьма досадных. Отмечая высокое качество иллюстраций, относительно цветных таблиц следует, однако, высказать одно замечание. Их сдержанные тона приятны для глаза, но цвета́ не соответствуют подлинной раскраске памятников, несравненно более яркой и рассчитанной на южное солнце. Так, знаменитое трехголовое чудовище (рис. 19), один представитель которого давно приобрел кличку «Синей Бороды», почему-то изображен с бородой черной. Кстати о красках. На стр. 46, при обсуждении акропольских кор говорится, что в момент их открытия на статуях еще сохранились краски. Это недоразумение. Краски были во-время закреплены и спасены от разрушения. Пишущая эти строки имела возможность рассматривать их, спустя, примерно 30 лет, после находки статуй.

В конце книги имеется небольшой, занимающий немногим более одной страницы, словарик, озаглавленный «Объяснение специальных слов». К сожалению, составитель его видимо больше заботился о краткости объяснений, чем об их ясности и точности. Имеются здесь и несомненные ошибки. Приведем несколько примеров. Слово «гоплитодром» объясняется как «бегущий воин в тяжелом вооружении». Но не всякий бегущий гоплит является гоплитодромом, а только участник особого вида состязаний. «Клерухи» определяются одним словом «колонизаторы», что совершенно недостаточно для объяснения этого термина. Пеплос и хитон различаются между собой по роду ткани, тогда

как главное их различие состоит в покрое. Против слова «стадий» помещается объяснение, из которого читатель узнает, что это «мера длины около километра», тогда как аттический стадий равняется примерно 0,177 километра. В книге, которой несомненно широко будут пользоваться студенты, такие неполадки очень нежелательны.

На стр. 94, рис. 62 представлена статуя Эринии и подпись указывает на Эрмитаж, как на место ее хранения. На самом деле в Эрмитаже действительно имеется статуя Эринии, но не та, которая изображена на рис. 62.

Имеются досадные промахи и в основном тексте книги. Так, на стр. 105, под № 72 помещено воспроизведение геммы, на которой вырезано погрудное изображение Афины Парфенос Фидия. В пояснительном тексте к рисунку (и это же объяснение повторяется и в примечании № 255 на стр. 140) гемма названа «геммой Аспазии» и отнесена к третьей четверти V в. до н. э. Под Аспазией, очевидно, понимается знаменитая подруга Перикла. На самом деле это гемма не Аспазии, а Аспазия — резчика по камню, жившего в I в. н. э.

В печатном тексте есть и мелкие недоделки, выпавшие буквы, например на стр. 12, и разнобой в транскрипции имен. Так,на стр. 16 афинский герой называется то Тезеем, то Фесеем, что может привести в недоумение мало подготовленного читателя.

Подводя итоги нашему разбору труда М. М. Кобылиной, мы приходим к следующему общему выводу. Хотя мы и отказываемся принять основную концепцию автора, согласно которой развитие аттической скульптуры вплоть до эпохи ее высшего расцвета может быть выведено из местных корней, и считаем, что автор недостаточно учитывает фактор воздействия на Аттику других эллинских художественных школ, мы тем не менее признаем книгу М. М. Кобылиной серьезной научной работой, которая должна занять заметное место в советской литературе по вопросам истории греческого искусства.

М. И. Максимова

К. ГОРЕДТ. СЛАВЯНСКАЯ КЕРАМИКА ТРАНСИЛЬВАНИИ

Статья румынского археолога К. Горедта «Славянская керамика Трансильвании», опубликованная в 1951 г.[1], представляет большой интерес для советских историков и археологов, занимающихся историей славян на Балканском полуострове, в частности, проблемой славянской колонизации. Русская историческая наука уделяла большое внимание этим вопросам, о чем могут свидетельствовать работы В. И. Ламанского, М. С. Дрикова, А. Л. Погодина, Н. С. Державина и многих других. Классическая работа М. С. Дрикова «Заселение Балканского полуострова славянами», опубликованная в Москве в 1873 г., представляла для своего времени исчерпывающую сводку всех письменных источников о славянской колонизации Балканского полуострова. Археологические материалы о славянах в Трансильвании до последнего времени были изучены очень плохо, так как археологи буржуазно-помещичьей Румынии занимались, главным образом, изучением памятников античной Дакии, раскопками римских городов и крепостей. Только теперь, в народно-демократической Румынии, археологи уделяют большое внимание изучению материальной культуры славянских племен, пребывание которых на территории Румынии относится ко второй половине I тысячелетия и началу II тысячелетия н. э. Полевые исследования славянских памятников ведутся в долине реки Муреш, у селения Морешты и селения Гарвен, Галацкой области. Осмысливается материал, собранный в результате случайных находок или найденный при раскопках памятников ранних культур.

Работа К. Горедта посвящена первоначальному изучению славянской керамики Трансильвании, обнаруженной на поселениях и в погребениях. Эта керамика получена в значительной части не путем раскопок, а при сборах подъемного материала.

Автор делит свою работу (помимо введения) на три части: 1) каталог находок, 2) раздел, где разобран фактический материал, и 3) заключение, с приложением карты размещения находок славянской керамики в Трансильвании, таблиц орнаментальных мотивов, клейм, типов сосудов, развития венчиков и форм сосудов.

Каталог находок содержит описание славянского керамического материала из 50 с лишним пунктов, довольно подробные характеристики сосудов и керамических фрагментов. Автор делает также попытку датировки тех или иных комплексов материала и отдельных находок. Большая часть керамики, приведенной в каталоге рецензируемой статьи, по технике изготовления, форме, орнаментации является славянской (например, табл. IX, *4*, *5*). Подобные сосуды (рис. 1)[2] полностью аналогичны тем, которые находят при раскопках древнерусских, чешских и прочих славянских погребений

[1] К. Горедт. Славянская керамика Трансильвании (Studii si cercetări de istorie veche, Academiei Republicii Populare Române, an. II). Bucureşti, 1951, pp. 189—218 + 14 tabl.

[2] Рис. 1—3 и 5 взяты из статьи К. Горедта.

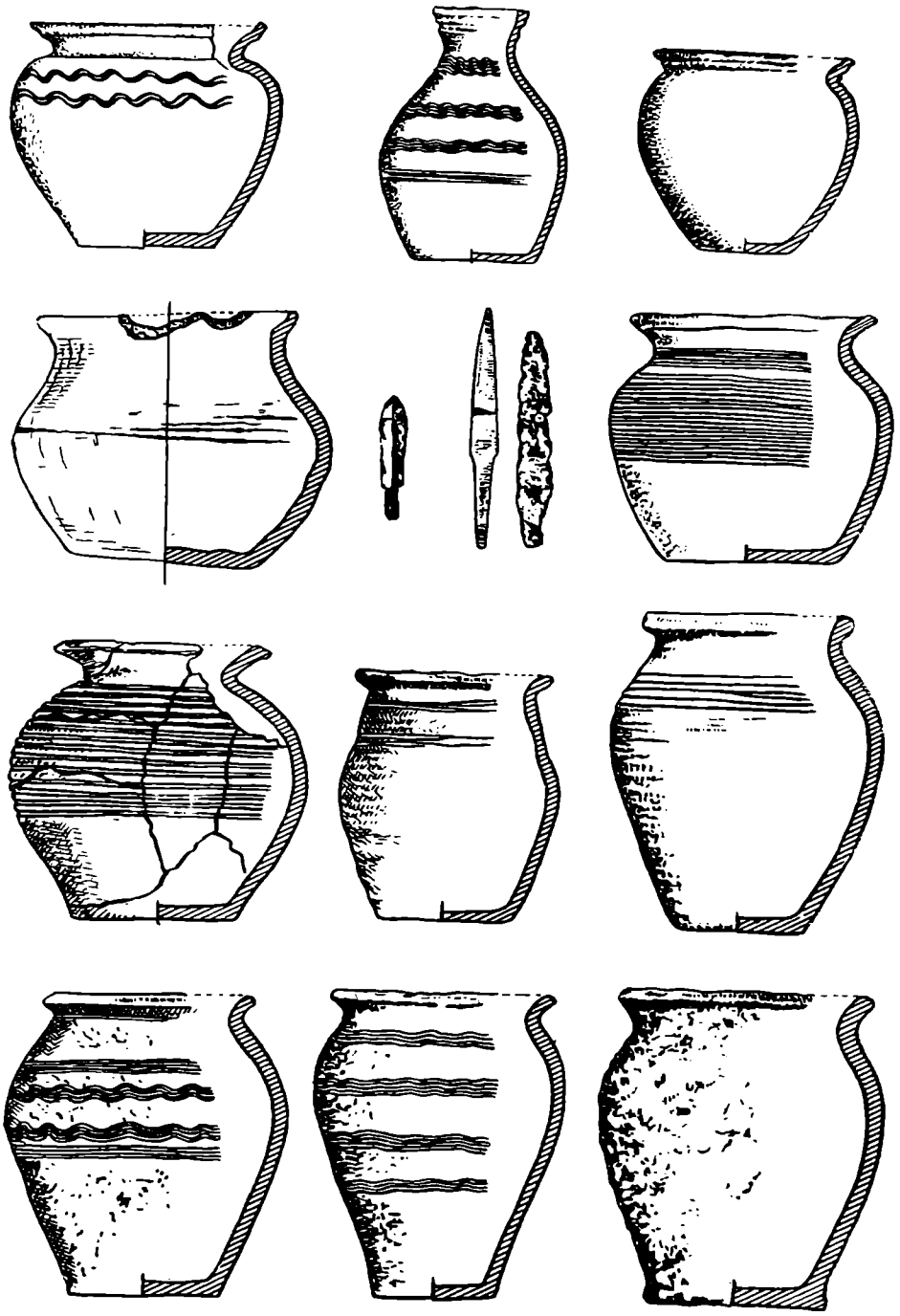

Рис. 1. Славянские трансильванские горшки

и поселений. Весьма показательно для выявления культурных связей между Трансильванией и Поднестровьем, что некоторые сосуды (табл. IX, *3*, *6*; табл. X, *3*, *11*) аналогичны горшкам IX—XI вв., найденным при раскопках городищ Екимауцкого, Алчедарского, Царевки, правобережья Днестра в районе г. Резины (Молдавской ССР). В трансильванской керамике, как и на территории МССР, найдены, наряду с классическими славянскими[1], сосуды иного профиля — с расширением не в верхней, а в средней части[2]

Археологи славянских стран, работая над вопросами о специфических чертах славянской культуры, установили замечательное единообразие керамики IX—XI вв. в пределах славянского мира. Приведенные К. Горедтом факты свидетельствуют о том, что Трансильвания, которая во второй половине I тысячелетия н. э. и в начале II тысячелетия н. э. была заселена, в частности, славянами, не является исключением.

Вместе с тем из каталога находок следует, что рассматриваемая керамика далеко не всегда связана с бесспорно славянскими поселениями или могильниками. Иногда керамика, именуемая К. Горедтом славянской, происходит из аварских и мадьярских погребений. В этих случаях необходимо особо тщательно обосновать славянскую принадлежность сосудов. Надо учитывать возможность заимствования соседями славян, аварами и мадьярами, форм орнаментации и техники изготовления посуды. Может случиться, что сосуд, на первый взгляд славянский, изготовлен мастером соседнего народа, позаимствовавшим приемы керамического производства. При решении подобных вопросов полезно параллельное исследование керамики, с одной стороны славянской и с другой — аварской, мадьярской. Хотелось бы, чтобы автор наглядно продемонстрировал отличительные особенности славянской трансильванской керамики от посуды соседних народов, иначе его выводы могут вызвать сомнения. Особенно тщательно надо доказать принадлежность к славянской керамике бутылкообразных (табл. XI, *3*, *7*) и сферических сосудов с цилиндрическим горлом (табл. IX, *2*, *11*), в общем, для славянской посуды не типичных.

К. Горедт понимает, что отнесение ряда сосудов к славянской керамике не бесспорно. Понятие «славянская керамика», по его мнению, прежде всего хронологическое, обнимающее посуду VII—XII вв. Но это формалистическое определение не дает четкого представления о славянской керамике, а вопрос о славянах в Трансильвании требует ясного и конкретного решения.

Рассматривая способы формовки сосудов, автор приходит к важному выводу, что гончарный круг не исчез из керамического производства Трансильвании в середине I тысячелетия н. э. Сосуды из Тейуша, Гымбаша, Бландины и Клужа, формованные на круге и находимые в комплексе с лепными сосудами, подтверждают мнение о непрерывном существовании гончарного круга в V—X вв. в областях вдоль Дуная. В подкрепление приводится сообщение Костшевского (Przeglad Archeogiczny, VII, 1946—1947, rezumat, p. 7), что в Силезии гончарный круг был известен в VII в.

Вопросы техники производства керамики освещены не в полной мере. Из статьи можно почерпнуть только самые незначительные сведения о глиняном тесте сосудов и его примесях, обжиге, говоря о котором, автор постоянно рассматривает поверхности, но не излом черепков. О формовке сосудов (ленточной или вытягиванием), эволюции гончарных кругов, обработке поверхности сосудов (ангоб, лощение), автор по сути дела ничего не сообщает, в то время как по некоторым процессам, например лощению, К. Горедт явно располагал материалом. Это явствует из каталога находок. Думается, что даже при наличии тех материалов, которыми исследователь располагал, процесс производства посуды можно было осветить полнее.

Наибольшее внимание и место в статье уделено систематизации и датировке орнаментов, подразделяющихся на следующие основные мотивы:

---

[1] А. В. Арциховский. Культурное единство славян в средние века. СЭ, 1946, № 1, стр. 86—87.

[2] Г. Б. Федоров. Работа славяно-днестровской экспедиции. КСИИМК АН СССР, вып. 44.

1. Лента из волнистых линий, представленная на сосудах VII в. из Банда, Тейуша и Гымбаша. Грубо исполненная зубчатым инструментом, она в IX—X вв. становится более широкой и покрывает иногда верхнюю половину, а часто почти всю поверхность сосудов. В XI в. лента из волнистых линий начинает отходить на второй план, в связи с появлением ячеек, в XII в. встречается изредка, состоя лишь из нескольких линий.

2. Волнистые линии, сочетаясь с горизонтальными, к XII в. занимают доминирующее место.

3. Наиболее часто в VII—XII вв. встречается лента, состоящая из горизонтальных линий и комбинирующаяся иногда с другими орнаментальными формами. В XII в. ленты распадаются на отдельные горизонтальные линии, выполненные острием.

4. Для более позднего времени специфичны ячейки и надрезы, сделанные при помощи зубчатого инструмента или острия. Этот орнамент обычно располагается вокруг горла и комбинируется с другими видами. В северной части ареала славянской керамики элементы этого орнаментального мотива датируются монетами около 1000 г., а у селения Фрумушень, Арадской области, Румынской Народной Республики, керамика с этим орнаментом была найдена в комплексе с византийскими монетами первой половины XII в.

5. Точечные линии крайне редки. Выполненные иногда при помощи зубчатого колесика, они распространены в XI—XII вв.

6. На сосудах серого цвета, встреченных в Бландине, орнамент пролощен в виде зигзагообразных линий, беспорядочно скрещивающихся одна с другой, иногда с слабо закругленными углами (IX—X вв.).

Особый орнаментальный мотив,— пишет автор,— представляют клейма на днищах. Наиболее ранние экземпляры клейм датируются IX—X вв. Автор делает важный вывод, что клейма валашских сосудов XIII в. и более поздних веков являются непосредственным продолжением клейм славянских сосудов предшествующего периода.

Как мы видим, вопрос о гончарных клеймах трансильванских сосудов рассмотрен автором в разделе, посвященном орнаментации. Клейма он понимает как явление чисто орнаментальное— «особый орнаментальный мотив»[1].

Выпуклые клейма на днищах трансильванских сосудов представляют собой оттиснутые гончарным кругом окружности (иногда со «спицами», в некоторых случаях выходящими за их границы), кресты, прямоугольники, перечеркнутые прямыми и диагональными линиями, звезды и розетки. К. Горедт исследует происхождение и развитие сложных форм клейм, выводя возникновение форм одних клейм от других. Так, например, происхождение клейма в виде окружности с крестом, два конца которого переходят за окружность (табл. VI, *4*, Южная Трансильвания), связывается с формой клейма в виде окружности с примыкающими к ней с четырех диаметральных сторон лучами (табл. V, *3*, Клуж).

Автор, повидимому, не согласен с мнением, согласно которому клейма на днищах древнерусских горшков являются знаками мастеров-ремесленников. В действительности, близкие по рисунку клейма связываются не только формальным родством. Усложнение гончарных клейм отражает наследование гончарного ремесла, возникновение новых мастерских, когда ремесленник-сын слегка усложняет клеймо мастера-отца[2]. Не исключена возможность, что те же процессы отражают родство двух пар клейм из города Сфынтул Георге (табл. VI, *6* и *7*, *5* и *10*).

Для рассматриваемой статьи, где орнаментации вообще уделено наибольшее место, характерно то, что ее описание предшествует разбору типов сосудов (рис. 2, 3). Последних выделено шесть.

1—2. Сосуды с конической нижней частью тулова, более или менее выпуклыми плечиками и коротким венчиком почему-то называются автором банкообразными (малые сосуды этого типа выделяются в особую группу). У горшков VII в. венчик

[1] К. Горедт. Ук. соч., стр. 210.
[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 175—182.

слабо отогнут, затем в IX—X вв., по мере увеличения выпуклости плечиков сосудов, венчик становится больше и сильнее отгибается. У позднейших горшков XII в. венчики сильно профилированы. Соотношение между высотой и шириной сосудов также изменяется в пользу последней, увеличивается вместимость.

3. Довольно редки — низкие горшки («миски»), которые, вследствие малой изменчивости форм, плохо датируются.

4. Единичны сферические сосуды, что заставляет автора сомневаться в их славянской принадлежности. Датируются они VII в.

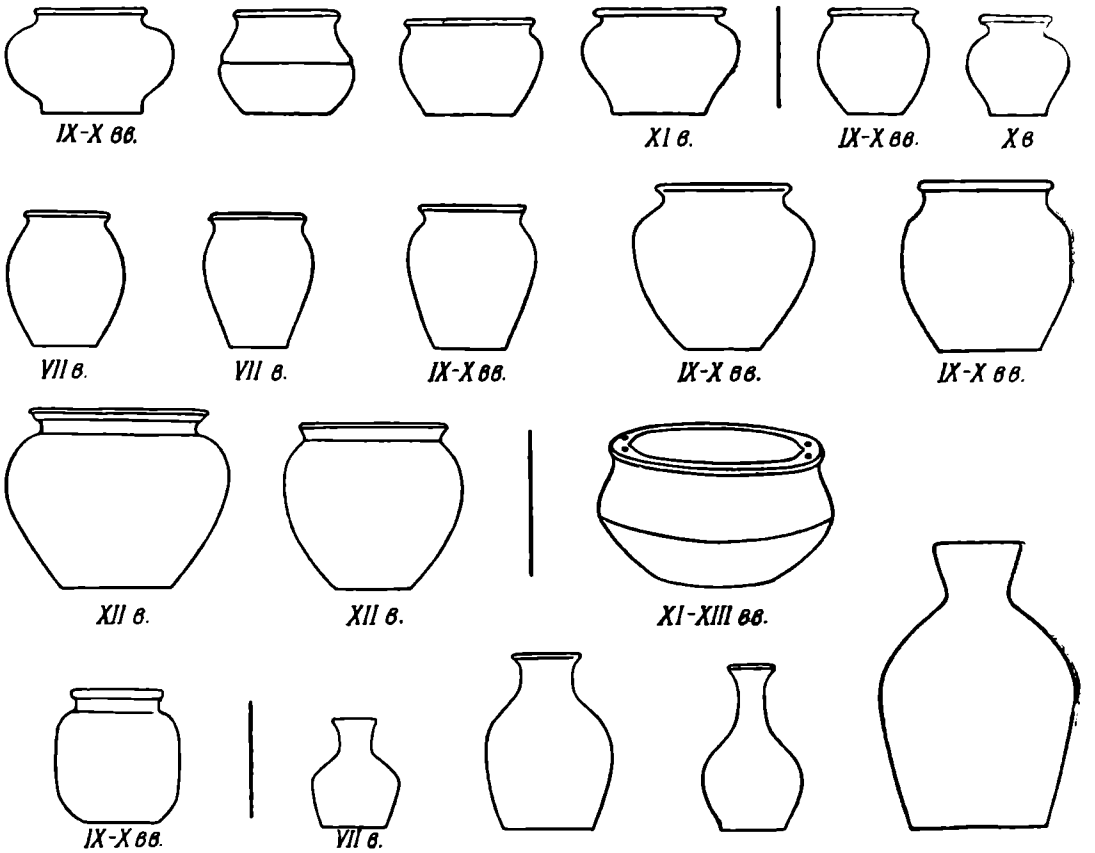

Рис. 2. Типы славянской посуды из Трансильвании

5. Бутылки — сосуды со сферическим туловом, заканчивающимся узким, вытянутым горлом, без ручки. Проводя аналогии с подобными же сосудами из аварских погребений, К. Горедт датирует наиболее ранние формы VII в., а наиболее поздние XIV—XV вв.

6. Котлы имеют тулово биконической формы с закругленным сферическим дном. Венчик утолщен, с отверстиями в двух противоположных концах для подвешивания котла. Целые сосуды не найдены, но лишь их фрагменты. Появление этой посуды датируется XI в. и связывается с производством металлических котлов, имитацией которых являлись глиняные. Исчезновение их относится к XIV в., когда металлические котлы начинают производиться в значительном количестве.

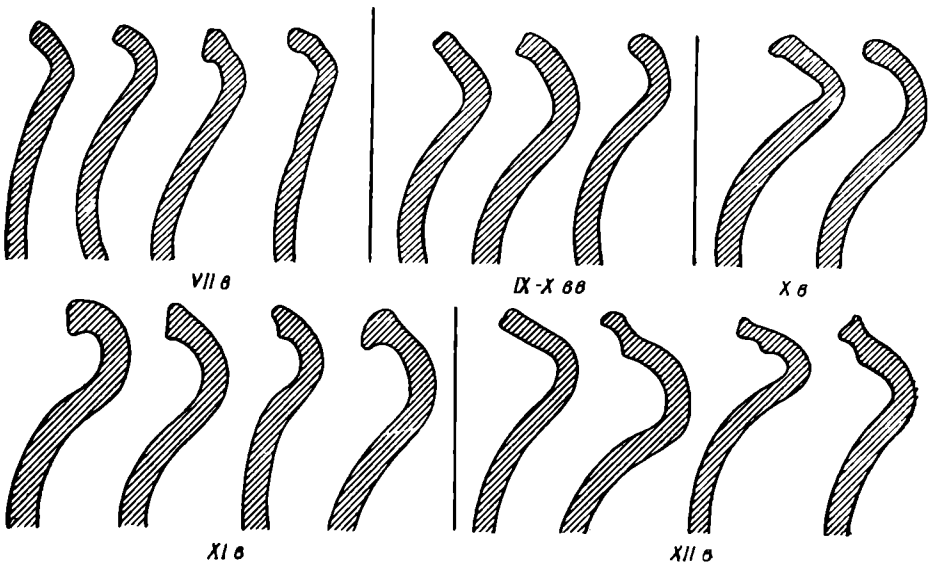
В результате своего исследования К. Горедт разделяет славянскую керамику Трансильвании на четыре хронологические группы.

I. (600—700 гг.). Сосуды, как и позже, формованы на круге, из теста красного и серого цвета. Они украшены орнаментом, нанесенным лощением. В орнаменте преобладает волнообразная лента, часто в сочетании с горизонтальными полосами

из линий. Основная форма — «банкообразный» сосуд. Кроме этого, существуют сферические и бутылкообразные сосуды.

II. (800—1000 гг.). Сосуды серого цвета постепенно исчезают. Главные орнаментальные мотивы предыдущей фазы развиваются, покрывая большую часть поверхности сосудов. На днищах появляются клейма. Растут размеры, увеличивается диаметр горла «банкообразных» сосудов.

III. (1000—1100 гг.). Появляются и преобладают в орнаменте ячейки, нанесенные зубчатым инструментом вокруг горла сосуда и комбинирующиеся с зоной горизонтальных полос. Венчики «банкообразных» сосудов ярче профилированы. Появляется глиняный котел.

H_2O^+

Рис. 3. Типы венчиков славянских сосудов из Трансильвании

IV. (1100—1200 гг.). «Банкообразные» сосуды отличаются хорошо выраженными плечиками и более резкими профилями венчиков. В орнаментации преобладают горизонтальные и волнистые линии, покрывающие незначительную часть поверхности сосуда.

В общих чертах это ориентировочное разделение керамики представляется полезным, а в пределах IX—XII вв. в отношении эволюции венчиков сосудов подкрепляется восточно-славянскими аналогиями.

Раскопки 1951 г. в Трансильвании во многом подтверждают схему К. Горедта[1]. В Молдовенешти, Лекинца де Муреш и Морештах найдена керамика, частично распределяющаяся по намеченным К. Горедтом группам IX—XII вв. Однако выявлен ряд не учтенных работой «Славянская керамика Трансильвании» орнаментальных мотивов, например, ряды четырехугольных углублений, нанесенных штампом (XI в.), иногда в сочетании с волнистыми и прямыми линиями.

Работы 1951 г. позволили внести дополнение и в схему развития серой керамики. Благодаря находкам в Кэпушул Маре серой керамики VIII в. был ликвидирован пробел, приходящийся на это столетие в схеме, предложенной К. Горедтом. Эволюция посуды серого («пепельного») цвета представляет большой интерес. Поражает полная аналогия серых сферических горшков VII и IX—X вв., описанных Горедтом,

[1] Studii si cercetari de istorie veche. Academiei Republicii Populare Române, an III, 1952, стр. 320, 327, 336—340.

с соответствующими сосудами из Черняховского могильника III—V вв. «полей погребений»[1] (рис. 4); в связи с этим встает вопрос, правильно ли избрана начальная хронологическая грань работы VII в., не относятся ли некоторые типы посуды к более раннему времени? Очень интересно и то, что серая керамика доживает до IX—X вв. Это явление в памятниках, расположенных к востоку от Трансильвании, не наблюдается.

При раскопках в Морештах найдена лепная керамика с характерными надрезами и вмятинами на обрезе венчика. Не представленная в схеме К. Горедта, эта керамика составит в ней новую, важную группу, повидимому, широко распространенную, представленную в селищах Скок, Тарасова и др. на территории Молдавской ССР.

Рис. 4. Горшок из Черняховского могильника, аналогичный серым сферическим сосудам из Трансильвании

Общий характер эволюции славянской керамики Трансильвании — смена вытянутых сосудов приземистыми, распространение развитых венчиков, смена в орнаменте лент линиями — находит аналогию в эволюции керамики X—XIII вв. соседней Венгрии[2].

Анализируя карту местоположений находок славянского керамического материала (рис. 5), автор указывает, что расположенные вне лесной зоны находки отмечают территорию больших постоянных поселений и особенно их скопление в долине Муреша. Это,— отмечает К. Горедт,— подтверждается данными топонимики (Телиград возле Бландины, Белград у Алба-Юлии).

В рецензируемой работе не высказано мнение автора по вопросу о том, откуда шло заселение Трансильвании. К. Горедт сразу переходит к попытке обрисовать конкретное территориальное сосуществование в Трансильвании славянских и соседних с ними племен, которых автор четко не называет. Исходя из карты распространения находок керамического материала и вывода о расположении славянских поселений, К. Горедт делает заключение об отливе соседних племен (волохов?) в горы. Этот тезис нуждается в более серьезном разъяснении: ведь лингвистическими и историческими исследованиями убедительно доказывается длительное и мирное сосуществование славян и волохов[3]. Касаясь вопроса о дальнейшей судьбе славянских племен, автор правильно заявляет, что, вопреки распространенному в румынской буржуазной литературе мнению, славяне не исчезли из Трансильвании в XII в. бесследно. Они несомненно внесли значительный вклад в формирование материальной культуры румынского народа.

Переходя к рассмотрению некоторых вопросов методики работы К. Горедта, следует констатировать, что периодизация, примененная в статье, связана с завоеваниями и этническими перемещениями. Картину социального исторического развития определило вначале «проникновение и распространение славян»[4]. Формирование феода-

[1] На эту аналогию указал В. П. Петров, любезно передавший нам приводимую здесь фотографию.

[2] H ō l l r i g e J ö r s e f. «Arpádkopi keramikánk» Archaeologiai értesitö, Budapest, 1930, резюме, стр. 289.

[3] Р. П и о т р о в с к и й. Молдавский язык и вопросы славяно-молдавских отношений в эпоху раннего средневековья. «Октябрь», Кишинев, 1951, № 6, стр. 80.

[4] К. Г о р е д т. Ук. соч., стр. 189.

лизма автор увязывает с приходом в Трансильванию венгров. Полагаем, что автор должен был бы дать более глубокий очерк периодизации, исходя из учения марксизма-ленинизма о смене общественно-экономических формаций.

Приходится пожалеть о том, что в заключении автор не привлек данных письменных источников: русских летописей, венгерских и польских хроник. Лишь при изучении их автор добьется интерпретации славянского археологического материала Трансильвании.

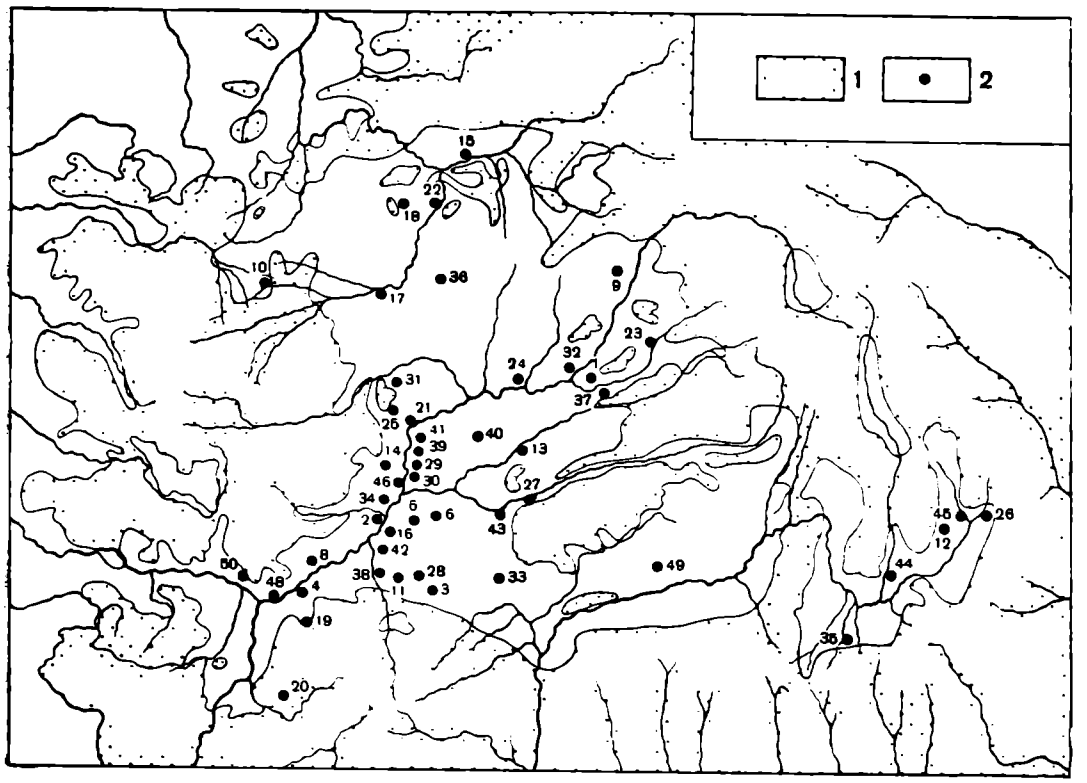

Рис. 5. Карта размещения находок славянской керамики в Трансильвании
1 — лесная область; *2* — пункты находок славянской керамики

Исследователь «отказался от введения трансильванского материала в связь с окружающей территорией» [1], боясь «перегрузки» работы гипотезами. Думается, что подобное самоограничение не оправдано, в особенности, по отношению к славянской керамике, единство которой на огромных территориях, заселенных славянами, хорошо известно. Привлечение данных по материальной культуре славян соседних территорий, напротив, превратило бы ряд гипотез автора в положения доказанные. Укажем лишь, что датировка ранних трансильванских клейм IX—X вв. получает подкрепление в восточно-славянских аналогиях. Автор понимает, что для подкрепления выводов надо обратиться к памятникам соседних земель и оперирует материалом Силезии, Болгарии, Польши. Можно пожалеть, что исследователь не привлекает обширные материалы по керамике восточных славян, основательно изученной советскими учеными.

Знакомство с работами советских археологов помогло бы автору преодолеть тот не вполне изжитый формализм, которым страдает его статья. Этот формализм проявляется в подчас случайном сближении форм, орнаментации сосудов и подмене этими сближениями рассмотрения подлинного исторического генезиса форм, шедшего на

[1] Там же, стр. 190.

основе развития техники керамического дела и отражающего прогресс ремесла вообще. Доказательством нашего утверждения служит слабость раздела статьи, посвященного технике производства сосудов, отсутствие при характеристике фаз развития керамики указаний на главное — этапы совершенствования ее производства. Центр тяжести автор перенес на изучение и датировку орнаментации сосудов, которая исследуется формалистически. Убедительность выводов автора относительно датировки и развития орнаментов и форм страдает от того, что он не имеет возможности пользоваться статистическим методом. Применение последнего возможно лишь при изучении большого керамического материала, которым К. Горедт, к сожалению, не располагал.

Недостаточно раскрыты основания датировки. Первостепенное значение хронологизации керамики ясно. В период времени с VII по XII вв., по справедливому замечанию автора, происходит становление некоторых народов юго-восточной Европы. Археологический материал этих столетий, в особенности с VII по IX вв., представляет особый интерес. Тем с большей строгостью надо обратиться к тем основаниям, которыми К. Горедт пользуется для датировки комплексов и периодов.

Исследователь группирует в хронологическом порядке керамику, сопоставляя ее с сосудами, встреченными на памятниках, датированных, по мнению автора, погребальным инвентарем или монетами. Для VII в. опорными считаются сосуды из раннеаварских погребений Гымбаша и Тейуша, могильника Банда. Но читателю не ясно, на каком основании датируются эти памятники. Немногие ссылки на литературу не удовлетворяют. Для VIII в. в керамике существует пробел. Отсутствуют развернутые датировочные основания и в разделе, посвященном «опорной» керамике Бладины, Клужа, относимой исследователем к IX—X вв., исходному материалу XI в. из Чугуда. Немногим яснее основание для датировки наиболее важного для XII в. материала из Клужа.

Автор иногда датирует керамические изделия не по сумме их особенностей, но по отдельно взятому случайному признаку — орнаменту. Так, например, относительно находки из Акыцаря, он пишет: «Орнамент датирует фрагмент приблизительно XI в.» [1] Недопустимо привлекать для датировки предметы, найденные не в одном комплексе. Никак нельзя согласиться с автором в том, что бронзовый браслет XI в., найденный где-то в Кыльнике, может датировать древний сосуд с этого поселения [2].

Стройная хронологическая схема развития трансильванской керамики должна быть подтверждена развернутыми датировочными основаниями, иначе она недостаточно убедительна.

Укажем на вычурность и запутанность языка рецензируемой статьи. Нельзя согласиться с некоторыми терминами. Так, например, классические славянские сосуды, напоминающие перевернутый усеченный конус, автор почему-то называет «банкообразными», а невысокие горшки — «мисками».

Несмотря на ряд недостатков, работа К. Горедта представляет несомненный интерес. Ведь в славяноведческой археологической литературе не было до сих пор углубленного исследования о керамике целой области. Надо приветствовать эту попытку археолога народно-демократической Румынии осветить одну из важнейших сторон материальной культуры трансильванских славян — керамическое производство. Остается пожелать автору продолжить и углубить свою работу на основе глубокого овладения и изучения опыта советской археологической науки, с привлечением нового материала.

Э. А. Рикман, Л. Л. Полевой

[1] Ук. соч., каталог находок, № 1.
[2] Каталог находок, № 11.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
ВДИ	— Вестник древней истории
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств
ДБК	— Древности Босфора Киммерийского
Зап. РГО	— Записки Русского географического общества
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИА	— Институт археологии
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИИМК	— Институт истории материальной культуры АН СССР
ИРГО	— Известия Русского географического общества
КСИИМК	— Краткие сообщения ИИМК АН СССР
КСИА	— Краткие сообщения института археологии
ЛОИИМК	— Ленинградское отделение ИИМК
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МАР	— Материалы по археологии России
ИГПИ	— Московский государственный педагогический институт
МГУ	— Московский государственный университет
МЭ	— Материалы по этнографии
НИЯЛИ	— Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
ОРГО	— Отдел русского географического общества
ПИМК	— Проблема истории материальной культуры
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистического общества
РГО	— Русское географическое общество
СА	— Советская археология
Сб. МАЭ	— Сборник музея антропологии и этнографии
СЭ	— Советская этнография
ТГУ	— Томский государственный университет
BCH	— Bulletin Correspondance Héllinique
BMFEA	— Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities in Stockholm
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua
JHS	— Journal of Hellenic Studies
JCSIU	— Journal of the college, of Science Imper. University of Tokio
RE	— Paul — Wissowa — Kroll: Real-Encyclopädie der klassischen A'tertumswissenschaft
ZfN	— Zeitschrift fur Numismatick

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и доклады

От редакции . . 5

А. И. Тереножкин (Киев). К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен северного Причерноморья в скифское время 7

В. Д. Блаватский (Москва). О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями . 29

А. А. Передольская (Ленинград). К вопросу о терракотах из кургана Большая Близница . 54

И. Т. Кругликова (Москва). Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в восточном Крыму . . 7

В. Е. Вихров и Б. А. Колчин (Москва). Из истории торговли древнего Новгорода 93

Р. Ф. Итс (Ленинград). Культуры Яншао и Лушань и их соотношение 98

Материалы и публикации

Н. Д. Мавродинов (Болгария). Раскопки и исследования в Болгарии в последние годы 121

В. Хенсель, А. Гейштор, К. Маевский (Польша). Польские археологические исследования последних лет . . . 155

П. Гримм (ГДР). Обзор раскопок, произведенных в Германской Демократической Республике за последние годы . 172

Х. И. Крис (Москва). Разведки на поселении эпохи поздней бронзы и раннего железа в балке Ашлама близ Бахчисарая . 184

Л. Р. Кызласов (Москва). Сырский Чаа-Тас . . 197

Г. Д. Белов (Ленинград). Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг. 257

Э. А. Сымонович (Москва). Памятники черняховской культуры степного Поднепровья 282

Рецензии

М. И. Максимова (Ленинград). М. М. Кобылина. Аттическая скульптура VII—V вв. до н. э. М., 1953 319

Э. А. Рикман и Л. Л. Полевой (Кишинев). К. Горедт. Славянская керамика Трансильвании 324

Список сокращений 333

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР

Редактор издательства *Н. Я. Мерперт*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*

РИСО АН СССР № 10-138В. Сдано в набор 30/VI 1955 г.
Подп. к печ. 19/XI 1955 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆
Печ. л. 21=28,77 +2 вкл. Уч.-изд. лист. 27,1+2 вкл.
(0,3). Тираж 1800. Т-09141. Изд. № 853. Тип. зак. 1570

Цена 17 р. 85 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
47	9 св.	4,	4,5 (опечатка в части тиража)
58	17 св.	ὰφ ἑστίας	ἀφ'ἑστίας
60	25 св.	(κατὰ τὶ πάτρια)	(κατὰ τὰ πάτρια)
62	7 св.	Κράτϛεα	Κράτεια
	8 св.	Πρατόλαος	Πρατόλαος
79	14 сн.	(рис. 3, *4*)	(рис. 2, *9*)
80	27 сн.	(рис. 2, *4*)	(рис. 3, *4*)
104	2 сн.	JCSYU	JCSIU
122—154, 335	в колонтитуле, в содержании	И. Д. Мавродинов	И. П. Мавродинов
126	15—16 св.	найден	найдены
180	28 сн.	поселений в	поселений и
249	Подпись под рис. 43	кургана №	кургана № 2
324	7 и 8 св.	М. С. Дрикова	М. С. Дринова